

Ассоциация военно-исторической антропологии и психологии
«Человек и война»

Всероссийская общественная организация ветеранов
«Боевое братство»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2005/2006

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ

Москва
РОССПЭН
2007

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Всероссийской общественной организации ветеранов
«Боевое братство»

Главный редактор и составитель:
доктор исторических наук Е.С.Семянская

Редакционная коллегия третьего выпуска:
доктор исторических наук А.С.Семянский,
кандидат исторических наук Л.В.Жукова,
кандидат исторических наук К.В.Миньяр-Белоручев

В 63 **Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006.
Актуальные проблемы изучения.** — М.: «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 416 с.

Книга является продолжением комплексного исследования проблемы «человек и война» в рамках новой отрасли исторической науки — военно-исторической антропологии. В третьем выпуске Ежегодника значительно расширены ее предметно-тематические границы, рассматриваются новые аспекты.

На материалах российской и зарубежной истории от древности до современности освещаются психология подготовки к войне, представление о войне и ее восприятие современниками, отражение войны в ощущениях, образах и психических состояниях, психологические и ценностные аспекты отношения к войне, психология внутриармейских отношений и военного быта, психология военно-политического руководства, военного искусства и командования, гендерные проблемы военной антропологии.

В книге собран уникальный исторический материал, который будет интересен как специалистам — историкам, психологам, социологам, профессиональным военным, так и самому широкому кругу читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является продолжением публикаций исследований в области военно-исторической антропологии – новой отрасли исторической науки. Первые два выпуска¹ вызвали значительный интерес научной общественности и получили весьма высокую оценку в научной печати². Во многом благодаря Ежегоднику, военно-историческая антропология фактически уже конституирована как новая междисциплинарная научная отрасль и имеет широкое признание среди ученых-обществоведов и гуманитариев. Это подтверждается целым рядом новых процессов как в научной среде, так и в системе гуманитарного и собственно исторического образования.

Во-первых, произошел всплеск исследований в русле новых направлений, заявленных как военно-антропологические. Здесь следует отметить быстрый рост числа статей и монографий в контексте данной проблематики, опирающихся на теоретико-методологические подходы и активно использующих инструментарий новой научной отрасли. Это относится и к защите диссертаций, как кандидатских, так и докторских, причем не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во многих регионах России. Само понятие «военно-историческая антропология» уже вошло в широкий историографический обиход, что проявилось и в бурном росте коэффициента цитирования работ соответствующей тематики, и в самом упоминании новой отрасли знания, и в самопозиционировании многих сотен исследователей как ведущих работу в ее русле. Кроме того, уже появились первые историографические работы, посвященные анализу развития новой отрасли³.

Во-вторых, свидетельством перехода военно-исторической антропологии от этапа становления в зрелую стадию является признание ее в рамках образовательного процесса в системе высшей школы, причем как в контексте общегуманитарного, так и собственно исторического знания (включение наиболее важных трудов в списки обязательной и рекомендованной литературы, чтение спецкурсов, написание дипломных проектов в русле новой проблематики, и т.д.)⁴.

В-третьих, уже реализуется на практике прикладной потенциал военно-исторической антропологии для решения задач реформирования современной Российской армии, повышения ее мобилизационной готовности и боеспособности, укрепления морально-психологического состояния, для формирования психологической устойчивости общества в экстремальных ситуациях военных конфликтов, и др. Так, например, активное развитие военной психологии в России происходит сегодня во многом под влиянием военно-исторической антропологии в ее широком смысле, включая ее составную часть – военно-историческую психологию. Военные психологи весьма интенсивно используют разработанные историками научный аппарат и инструментарий, конкретно-истори-

ческие наблюдения и выводы в решении прикладных задач, адаптируя их для своих нужд. Воздействие историков проявилось и в том, что военные психологи стали разрабатывать целый ряд новых для себя областей, такие как психология военного быта, гендерная проблематика в армии, влияние религиозного фактора на психологию личного состава, и др.⁵ Установилось тесное сотрудничество военных и гражданских специалистов, которые приглашают друг друга на свои научные конференции, участвуют в совместных коллективных трудах, готовят учебные пособия для военных учебных заведений.

Таким образом, можно констатировать, что становление военно-исторической антропологии уже состоялось. При этом она имеет не только большой потенциал дальнейшего развития, но и немалые перспективы применения в социальной практике, в том числе в учебно-образовательном процессе, а также для решения задач укрепления обороноспособности России.

Сегодня уже очевидно, что Ежегодник «Военно-историческая антропология» явился важнейшим инструментом «кристаллизации» профессионалов и «издательской площадкой», обеспечивающей продвижение инновационных идей в научное сообщество и в широкую читательскую аудиторию. На его страницах проходят апробацию новые направления, темы, методология, исследовательская методика, происходит сопоставление позиций и подходов, уточнение предметной области и шлифовка научного инструментария. Чрезвычайно важно, что Ежегодник дает слово представителям не только академических, но и многих других научных и учебных учреждений нашей страны, а также «ближнего зарубежья», способствует координации нашей работы в масштабах всей России. Так, в текущем, третьем выпуске со своими статьями выступают авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Тамбова, Екатеринбурга, Омска, Магнитогорска, Сыктывкара, Краснодара, Белгорода, а также из Республики Казахстан.

Ежегодник 2005/2006 продолжает реализацию программы по разработке ключевых областей и направлений военно-исторической антропологии, которая была заявлена в первом выпуске⁶. Выбор статей, как и ранее, определялся, прежде всего, их соответствием основным направлениям данной программы, охватывающей базовую тематику и основные методы новой научной отрасли. Вместе с тем, статьи подбирались под новые «тематические блоки», составившие структуру сборника, которая приближает его к жанру коллективной монографии. Он включает разделы, рассматривающие психологию подготовки к войне, представление о войне и ее восприятие современниками, отражение войны в ощущениях, образах и психических состояниях, психологические и ценностные аспекты отношения к войне, психологию внутриармейских отношений и военного быта, психологию военно-политического руководства, военного искусства и командования, гендерные проблемы военной антропологии. По сравнению с первыми двумя, в третьем выпуске сознательно поднимаются новые пласты военно-антропологической тематики, что показывает ее широту, в определенном смысле неисчерпаемость и перспективность дальнейших исследований. Из всех тематических разделов, пожалуй, только последний является уже традицион-

ным для Ежегодника, поскольку гендерные исследования в целом находятся на пике историографического интереса, а их военно-антропологический ракурс весьма актуален для современной Российской армии. Весьма широк диапазон представленных материалов: как хронологический (от древности до современности), так и историко-географический (от Востока до Запада, с акцентом на Россию), с существенным компаративным элементом.

Как и предыдущие, третий выпуск Ежегодника решает задачу целенаправленного и системного изучения военно-антропологической проблематики коллективными усилиями представителей разных социальных и гуманитарных наук, прежде всего историков. В сборнике отражены разные точки зрения на конкретные проблемы, которые не всегда совпадают с мнением редколлегии. Вместе с тем, авторский коллектив объединяет единомышленников в отношении к военно-исторической антропологии как к одному из важнейших и актуальных направлений современных исторических исследований.

Считаю своим долгом от лица всех исследователей, работающих в русле военно-исторической антропологии, выразить глубокую признательность руководству издательства «Российская политическая энциклопедия» и Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» за поддержку новой научной отрасли.

Главный редактор

¹ Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005.

² См.: Вопросы истории. 2004. № 10. С 166-169.

³ Кринко Е.Ф. Человек и война: историко-психологические исследования Е.С.Сенявской // Информационно-аналитический вестник Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований, отдел истории. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 217-221; Кожевин В.Л. К вопросу о предмете военно-исторической антропологии // Катанаевские чтения. Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17-18 апреля 2003 г.). Омск, 2003. С. 3-5; и др.

⁴ Так, в Российском государственном гуманитарном университете, Петрозаводском государственном университете и Карельском государственном педагогическом университете на протяжении ряда лет читается авторский спецкурс Е.С.Сенявской «Человек на войне: военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века)».

⁵ См.: Психология и война. Учебное пособие. Под общей ред. А.Г.Караяни, Э.П.Утлика. М.: Военный университет, 2003; Психологическая реабилитация военнослужащих. М.: Военный университет, 2003; Проблемы военной психологии. Хрестоматия. Мн., 2003; и др.

⁶ См.: Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5-22.

ПСИХОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

А. С. Сенявский

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЯПОНСКИХ ВОИНОВ-САМУРАЕВ

«Великими практиками военного искусства давно установлен закон главенствующего значения духовного элемента в бою», — отмечал Н.Н.Головин. Даже в современных войнах, в которых значение материально-технического фактора возросло несоизмеримо по сравнению с прошлыми эпохами, роль морально-психологического фактора остается решающей. «Моральное состояние, — писал, анализируя опыт Второй мировой войны, английский военный психолог Н.Коупленд, — это самое могущественное оружие, известное человеку; более могущественное, чем самый тяжелый танк, чем самое мощное артиллерийское орудие, чем самая разрушительная бомба»¹. «Моральный дух войск является наиболее важным фактором в войне», — констатируется в Наставлении вооруженных сил НАТО². «Самурайский дух» — явление в истории уникальное, а потому особый интерес представляют механизмы его формирования и эволюции.

Морально-психологическая подготовка всегда была важнейшей частью подготовки воинов. Естественно, данное понятие является продуктом современной военной теории, а в древности и средневековье оно не употреблялось. Однако можно с уверенностью говорить, что, несмотря на глубокие отличия войн новейшего времени от войн предшествующих эпох, аналоги такой подготовки присутствовали в разных воинских культурах, у которых есть чему поучиться и современным теоретикам и практикам войны.

Итак, что же понимается под «морально-психологической подготовкой» и для чего она нужна? Морально-психологическая подготовка является средством формирования высокого морального духа как каждого отдельного из воинов, так и целых воинских коллективов, их морально-боевых качеств (стойкости, самообладания, самоотверженности, воинской доблести и др.), обеспечивающих психологическую устойчивость и готовность выполнять воинский долг. Осуществляется она как в процессе повседневной учебы и жизни воина, так и целенаправленно, путем специальных мероприятий. В современных армиях эти задачи возложены на специализированные органы воспитательной работы³.

В воинских культурах, к каковым относится и высокоспециализированная самурайская культура, военное дело становилось предметом специальных занятий особых социальных групп людей, — сословий или даже замкнутых каст, — и, соответственно, порождало определенные

модели подготовки воинов. Естественно, такая подготовка всегда происходила в рамках (и, как правило, на основе) более общей модели социализации личности в контексте национальной, и, конкретнее, — сословной культуры. Поэтому, изучая становление личности воина в конкретно-исторических условиях, нужно всегда видеть многочисленные «пласты», восходящие своими корнями как к социокультурным условиям страны соответствующего времени, так и к конкретным инструментам социальной и профессиональной специализации.

Социализация личности представляет собой освоение — с момента рождения ребенка и до превращения человека в полноправного члена общества — языка, ценностей, норм и моделей поведения, этических и религиозных установок, и т.п. общества (страны, народа) в целом через жизнь в микро-социуме (семье, узком социальном окружении и т.д.) Сформированная личность подобно голограмме отражает состояние общества и основную совокупность общественных отношений страны и эпохи, — конечно, с поправкой на место в них сформировавшего эту личность микро-социума. Специализированная профессиональная (в частности, военная) подготовка может быть органичной социокультурной среде, если она адекватна боевым задачам исторической эпохи, и тогда воинское сословие оказывается в основном «гомогенным» и органичным существующей социальной структуре, способным вполне успешно выполнять, помимо профессиональных, и более широкие социальные функции. Существенными плюсами такой модели были «естественность» военной подготовки, ее «синкретичность», неразрывность с повседневной жизнью человека, опора на «укорененные» психологические качества, которые утилизировались в военно-профессиональной деятельности, и др. Но подобные модели имели и немало минусов, особенно в периоды «скачков» в развитии военного дела, военно-технических революций, требовавших принципиально новых качеств от воинов, новых стратегии и тактики. Такими минусами оказывались, прежде всего, консерватизм, отторжение инноваций, аморфность, отсутствие системности, «технологичности», унифицированности как формируемых качеств и навыков воинов, так и методов их массовой подготовки.

В истории имели место и иные модели существования, и, соответственно, профессиональной подготовки воинских сословий. Одна из них связана с «иноплеменным» составом правящего класса, и, в частности, военной касты, возникавшей в результате завоеваний страны, что приносило иные социокультурные модели подготовки воинов (Спарта, эпоха норманнских завоеваний в Европе, Юаньская и Цинская династии в Китае, и др.).

Другая модель подготовки связана со стремлением власти заимствовать иностранный опыт и внедрить иностранные инновации, в основном — в новое и новейшее время, что обусловлено происходило в эпоху модернизации во многих странах. Как правило, переход к новой форме подготовки для того, чтобы стать более или менее «органичным», требовал значительного переходного периода, нередко — многих десятилетий, хотя бы потому, что нужен был новый «социальный материал» — люди, способные воспринять инновации. Поспешный, скачкообразный переход не давал немедленных искомым результатов. Например, в России переходный период занял не менее полувека — от формирования первых

регулярных полков до создания при Петре I победоносных армии и флота по «западному образцу».

Япония прошла обе стадии в развитии модели воинской подготовки: одну — от эпохи формирования самурайского сословия (IX—XII вв.) до второй половины XIX вв., вторую — начиная с реставрации Мейдзи до окончания второй мировой войны (и послевоенного восстановления вооруженных сил).

Естественно, нельзя говорить о неизменности и однородности существовавшей на протяжении многих веков подготовки воинов. И сама страна — со времени формирования самурайского сословия — претерпела огромные изменения, и самураи не раз меняли свой статус и фактическое положение в обществе, и сословие было крайне неоднородным по составу — от блестящих аристократических фамилий до выходцев из крестьянства, и — что не менее важно — отдельные самурайские кланы имели свои воинские традиции и «секреты», включая владение отдельными видами боевых искусств, а историческая судьба кланов также была различной (иные из них возвышались, а иные гибли, уходя навсегда и унося с собой свои профессиональные тайны). Все это, безусловно, нужно принимать во внимание. Но речь не о многочисленных, пусть и важных, деталях, а о том, что объединяло методы отдельных кланов в разные эпохи и позволяет говорить о модели самурайской воинской подготовки как специфической, во многом уникальной в мировой истории, и особенно о психологической ее составляющей.

Каковым был социокультурный контекст, который составлял базу японской культуры в целом и самурайской культуры в частности? Ведь специализированная самурайская подготовка происходила именно на этой основе. Здесь нужно выделить 3 основных пласта: собственно социальный, этический и ценностно-мировоззренческий, которые в действительности были неразрывно слиты, несмотря на то, что некоторые конкретные составляющие являлись «переменными» для разных эпох и конкретных кланов.

Социальный контекст означал, прежде всего, место самурайского сословия, а значит, и его конкретных членов в обществе, определявшееся совокупностью общественных отношений конкретной эпохи и государственным устройством. Можно говорить (условно) о 5 этапах существования «самурайства»: 1) формирование как социального явления (с конца IX — начала X вв. до конца XII в.); 2) установление самурайского правления и эпохи межклановой борьбы, смены власти нескольких сегунатов — родовых правлений (с конца XII в. по начало XVII в.; в 1588 г. был принят и проведен в жизнь указ о разоружении простолюдинов и духовенства, — поскольку обладание ими орудиями войны затрудняло сбор налогов и приводило к вспышкам восстаний, — установив, таким образом, право ношения оружия как привилегию самураев; 3) Эпоха господства клана Токугава (1600—1867 гг.): период мирного существования, единства страны, ее самоизоляции от внешних контактов и европейской экспансии и одновременно период жестко стратифицированного общества, в котором самураи — члены господствующего клана — де-юре и де-факто заняли место выше всех остальных социальных категорий; длилась до реставрации Мейдзи, падения самурайской власти и ликвидации сословного общества; 4) существование самураев в бессловном обществе (но остающихся костяком японской армии и оказы-

вающих решающее воздействие на духовное состояние армии и общества) — до окончания II мировой войны; 5) послевоенное развитие Японии, ее частичная демилитаризация, и в то же время — распространение «самурайского духа» на многие стороны жизни страны, включая экономическое развитие.

Нас интересует, прежде всего, период расцвета самурайской воинской культуры, который приходится на длительную эпоху правления сегуната, причем не только периодов междоусобиц и активных боевых действий, но и мирный период правления Токугава, когда парадоксальным образом воинские искусства расцвели и еще более приобрели духовное содержание, буд-дзюцу (воинские искусства) перерастали в будо (воинский путь, путь духовного совершенствования)⁴. Причина процесса — в стремлении сохранить «боевой тонус» самурайского сословия, не утратить смысл его существования в мирный период, когда воинские искусства долго не находили практического применения.

Клановая форма существования самурайского сословия определяла целый ряд социальных факторов, которые решающим образом влияли на жизнь самурая, формировали его систему ценностей, поведенческие установки, образ жизни. Только принадлежность к конкретному клану предоставляла самураю собственно сословный — достаточно привилегированный — статус, обеспечивала ему и его семье гарантированные средства к существованию соответственно его месту в клане, социальную, — прежде всего, физическую — защиту, уважение в обществе и чувство самоуважения, будущее его детей. Ронин — самурай вне клана, «без господина», хотя и был выше представителей других сословий, — оказывался фактическим пария в обществе, где каждому было определено свое место.

Отсюда многие аспекты «самурайской этики». Так, в кодексе «бусидо» преданность своему господину оказывалась высшей ценностью и добродетелью, непременной составляющей понятия «самурайской чести». Не менее значимой ценностью и нормой поведения были преданность клану и семье, почитание предков и родителей (что освещалось — по своему — не только автохтонной религией синто, но и заимствованной из Китая конфуцианской доктриной, привнесшей в Японию большинство моральных категорий).

В ценностно-мировоззренческом пласте социокультурных условий, в которых формировались и жили самураи, религиозно-этические системы играли огромную роль.

Автохтонной религией японцев и основой их национальной психологии с древности был синтоизм — своеобразные языческие верования, основанные на поклонении *ками* — бесчисленным духам и божествам, «разлитым» в природе, к которым японец присоединяется после смерти. Согласно синтоизму, и Япония как страна, и японский народ (и только он один из народов) имеют божественное происхождение, а *микадо* — японский император является потомком духов неба и представителем неба на земле. Отсюда такая преданность японцев своему микадо. Вместе с тем, в контексте синтоизма существовал культ предков, их почитание. Потомки связаны со своими предками: первые должны поклоняться вторым, а те незримо присутствуют, следят и покровительствуют миру людей. Архаическая религия, синтоизм оказался поразительно живучим, тем более, что после реставрации в 1867 г. власти микадо государство превратило его в основу государственной идеологии.

Особо следует отметить влияние буддизма, который начал распространяться в Японии с VI в. Т.А.Богданович считает, что его распространение в раннюю эпоху было большим шагом вперед: «Человеческая личность вдруг приобрела значение, перед человеком ставился известный нравственный идеал, от него требовалось соблюдение известных заповедей, на него самого возлагалась ответственность за его поступки. И, наконец, перед ним открывалась перспектива будущих существований, т.е. перспектива будущих жизней. Религия Шинто совсем не говорила о посмертном существовании для всех членов рода. На бессмертие могли рассчитывать только микадо, родоначальники и особенно выдающиеся люди, вроде военачальников, обожеествлявшиеся в момент смерти»⁵. Позднее буддизм надолго становится главной религией страны, причем сосуществова с синтоизмом в повседневной жизни японских родов. Безусловно, заимствована была не только философия дзэн: непрочность, мимолетность жизни (что особенно очевидно воину, способному принять смерть в любое мгновение), тонкая грань между жизнью и смертью интерпретировались в контексте «пустотности», не-различия (жизнь и смерть — категории рассудка, самурай должен «убить жизнь и смерть» в своем сознании, достичь состояния му-син — отсутствия мыслей). Но это заимствование дополнялось и специфической дзэнской эстетикой: в период расцвета сословия, когда боевые искусства стали дополняться более широкой подготовкой высших и средних слоев самураев, ключевые элементы их мировоззрения становились предметом поэтических опытов. Так, зыбкость грани жизни и смерти, мимолетность жизни нередко сопоставлялась с явлениями природы (отблеском луны в воде, росой под лучами солнца). Именно буддизм (в специфической форме дзэн-буддизма) на протяжении веков оказывал решающее влияние на «психотехническую» составляющую морально-психологической подготовки самураев, хотя по сути и идеологии их нельзя считать дзэн-буддистами: они, главным образом, переняли порожденные им культурные формы⁶, использовали прикладные стороны, способствовавшие выработке «пустотности» сознания, а значит, — психологической невозмутимости и спонтанности реакций, интуитивности действий, что так важно было в боевых искусствах.

Конфуцианство, получившее широкое распространение в поздний период Токугава, также достаточно органично вписалось в японскую социокультурную почву и оказало влияние на воспитательную практику сословия. Прежде всего, приняты были принципы «сыновней почтительности» по отношению к родителям и «старшим» в сословной иерархии, принцип покорности и абсолютного подчинения авторитету, безукоризненного выполнения долга.

Здесь только «пунктиром» обозначен тот социокультурный контекст, который составлял «естественную среду» существования самурайского сословия, а значит, и воспитания самураев⁷.

Теперь рассмотрим собственно подготовку самураев, в которую составной частью входила и психологическая подготовка. Самурайская подготовка была органичной и во многом «синкретической», нерасчлененной. Это означает, что воинов готовили на основе существующих в обществе и конкретной социальной среде ценностей, всей совокупности условий повседневной жизни сословия, клана, семьи с раннего возраста, постепенно наращивая степень трудности осваиваемых искусств и

приемов, прививая ценности и установки, которыми должны были руководствоваться самураи в течение всей своей жизни.

Способы ведения войны определялись, прежде всего, материальным фактором, а именно, наличием (и доминированием) определенных видов вооружений и техники. От них во многом зависели стратегия и тактика. Вместе с тем, именно нематериальные, «внутренние» факторы — «психический контроль и энергия» — «определяют эффективность использования как оружия, так и технических приемов»⁸. Если оружие и технические приемы конкретных боевых искусств весьма сильно различались «по своей структуре и функциональному применению, то психический настрой и энергия, необходимые для контроля изнутри, судя по всему, являются идентичными, ... по своей сути остаются неизменными во всех специализациях будзюцу»⁹.

Необходимо подчеркнуть, что самураев готовили к специфическим феодальным войнам, в которых доминировали индивидуальные поединки и играла особую роль (и ценилась) личная доблесть. Даже если велись массовые сражения, до превалирования огнестрельного оружия они «распадались» на множество поединков, а здесь решающее значение имело мастерство владения оружием (традиционными боевыми искусствами), психологическая устойчивость, спонтанность и скорость реакции.

Придя к власти, самурайское сословие во многом отвергло культурные достижения блестящей аристократической эпохи Хэйан. Сословие воинов презрительно относилось ко всему, что «расслабляло» суровых воинов. Искусства и науки долго были не нужны большинству самураев, фактически единственным занятием которых была война, к тому же в основном происходивших из темных крестьян. В течение ряда веков значительная часть самураев оставалась неграмотной. Даже высшие самурайские слои стали ограничиваться прагматичными дисциплинами, помогавшими овладеть военными искусствами и управлением. Лишь в более поздние периоды изящные искусства вновь становятся достоянием относительно широких — высших и средних слоев — самураев.

Подготовка воинов осуществлялась внутри кланов, в которых действовали свои порядки. Но общей тенденцией было стремление вождей кланов ограничить знания и умения своих «вассалов» границами необходимого для выполнения их обязанностей, то есть узкой специализацией. Выстраивалась своеобразная иерархия в подготовке, в которой все самураи получали обязательные знания и навыки в боевых искусствах, использовании вооружения, а в остальном — в пределах обязанностей члена клана соответственно его месту и рангу. Центрами «независимого образования» оставались храмы и монастыри.

В семье мальчики проходили предварительную подготовку, а в возрасте пяти лет уже получали свои первые мечи. До периода правления клана Токугава существовали в Киото центры, дававшие широкое, развивающее интеллект образование. В XVII веке военная специализация образования была усилена. Вместе с тем, наиболее «продвинутые» центры обязательно обучали детей самураев этикете, стрельбе из лука, владению мечом и копьем, специальным отраслям военного искусства (в зависимости от специализации — искусству безоружного боя, артиллерийскому и стрелковому делу, искусству фортификации, верховой езды, плавания в доспехах), а также китайской литературе. Дополнительными предметами могли быть чайная церемония, поэзия и др. Высшие слои

самураев имели свободное время и могли заниматься самообразованием: читать конфуцианскую литературу, книги по истории, изучать военную стратегию, заниматься искусством. В провинциях центральная власть поощряла открытие школ, субсидируемых кланами, для самураев низших рангов под строгим контролем, где, помимо боевых искусств, получали навыки в письме и арифметике. К концу этого века разрыв в качестве образования для высших и низших слоев самураев стал огромным, воздвигнув дополнительные внутрисословные барьеры.

В мирное время правления Токугава военное искусство стало приходить в упадок из-за, во-первых, отсутствия боевой практики, а значит, и необходимости для лидеров клана обеспечивать отличную боевую подготовку основной массе низших членов клана, от чего зависело его выживание; во-вторых, из-за жесткого расслоения самурайства и материального упадка основной массы его низшего слоя, не имевшего средств и времени для практикования боевых искусств. Вместе с тем, сделаны были попытки своеобразной «кодификации» бусидо, обобщения и систематизации принципов самурайской этики как отклик на изменение общественных обстоятельств «искусственного мира», не способствовавшему поддержанию сословия в «боевом тоне». Происходит своеобразная «эстетизация» самурайских ценностей, нравов, поведения в высших слоях сословия. От жестких прагматических установок «героического» периода своей истории самураи приходят к рассмотрению «пути воина» как средства самосовершенствования, все более приобращая к духовной составляющей. Но сердцевинной остаются преданность господину и безразличное отношение к смерти.

Иногда, ища аналогии на Западе, сравнивают самураев с европейскими средневековыми рыцарями. Некоторые параллели, вытекающие из статуса воинского сословия, действительно есть. Но в целом это очень разные явления, что связано не только с тем, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток», но и уникальностью (во многом) японской культуры и социальной жизни. Если рыцарские войны в Европе, как правило, не были ожесточенными, во многом напоминали турниры, а сражения иногда и вовсе не было убитых, но немало пленных (попасть в плен не считалось позорным, а статус рыцаря-пленника нередко приближался к статусу гостя), то самурайские сражения велись обычно не на жизнь, а на смерть. Это была жестокая резня даже в ранние периоды, когда сражения фактически сводились к многочисленным поединкам. Вызовом наиболее сильного противника самурай демонстрировал перед господином и членами клана свою храбрость, сражением и победой над ним — свое мастерство, от чего зависели и уважение, и место в клане. Выбор мог быть только один: победа или смерть. Плен для самурая означал бесчестье и был страшнее смерти, потому что самурайская этика не допускала унижения. Попавшие в плен нередко подвергались пыткам и, как правило, позорной казни. Даже если победивший противник сочувствовал поверженному, но еще живому врагу, он понимал невозможность сохранения ему жизни, поскольку плен означал позор и для воина, и для его семьи, и все равно неизбежный, но позорный конец.

Смерть — в эпохи бесконечных войн и смут в Японии, тем более для воинского сословия, — была обыденным делом. Именно поэтому она занимает такое значимое место во всей мировоззренческой системе самурайского сословия. Во многом это — уникальное явление в мировой

культуре. Смерть превращается в «сверх-ценность», к ней стремятся, ее «классифицируют», ее обставляют ритуалами и т.д. Смерть достойная — погибнуть в бою за своего господина; правильно (строго согласно ритуалу) совершить сэппуку — ритуальное самоубийство — значит спасти свою честь в случае оплошности, нарушения норм самурайской этики или в знак несогласия с господином.

Подготовка самурая к смерти, воспитание презрения к ней — одна из важнейших задач самурайского воспитания. Поскольку инстинкт самосохранения у человека — как биосоциального существа — один из сильнейших, а война — это стихия опасности «на грани смерти», ее приходилось решать во все времена во всех воинских культурах. Преодоление, «укрошение» природных инстинктов требует очень мощных социальных инструментов. Как уже писал автор, эти методы можно свести к нескольким основным: ценностно-нормативным, социокультурным, психотехническим, ситуационно-управленческим, и др.¹⁰. Чем пользовались самураи для воспитания бесстрашия, невозмутимости перед лицом смерти? По сути, они использовали весь арсенал методов, с учетом специфики своей культуры.

К первой группе методов регулирования психо-эмоциональной сферы человека относятся ценностно-нормативные. Действительно, самурайская модель социального устройства представляла собой классический вариант, в котором ценность индивидуальной жизни для самой личности — меньше ключевых ценностей своего социума, а сама жизнь самурая имела смысл, а чаще всего была в принципе возможна только как члена самурайского клана. Жизненная практика ежедневно подтверждала это, что с самых ранних лет видели самурайские дети.

Поэтому смерть — анти-ценность в большинстве культур, в том числе и восточных (включая китайскую, которой японская обязана большинством своих фундаментальных основ) — в Японии превратилась в сверх-ценность. Точнее, ценность — правильная смерть, согласно нормам и ритуалам. Самурай — в отличие от индивидуалистического Запада — не вправе распоряжаться своей жизнью, которая всецело принадлежит господину. Умереть за господина — не только высшая доблесть, но и долг, это и есть самая «правильная смерть». За это — посмертная почетная память, уважение и забота клана о семье. Личная честь и честь рода значила больше брэнного существования. Незапятнанное имя самурая стремился передать детям, потомкам. Иная участь — у запятнавших позором свое имя — трусостью, предательством своего господина, интересов клана, нарушением приказа, нарушением важных ритуалов. И даже — ненадлежащим исполнением сэппуку (то есть ритуального ухода из жизни не вполне «четко», достойно).

Смерть не только занимала строго определенное место в системе ценностей самурайского социума, но регулировалась системой норм и ритуалов. Особое явление японской культуры — сэппуку (более известное европейцам как «харакити», что не вполне верно). Это не просто аналог обычного самоубийства, которое в ряде культур осуществляется от слабости духа, с тем, чтобы избежать безнадежности жизненных ситуаций, боли, страданий и т.д. Христианство рассматривает самоубийство как смертный грех. Хотя и в европейской, в том числе в христианской культуре в разные эпохи было немало прецедентов сознательного выбора между жизнью и смертью, в которых выбор смерти можно рас-

смагивать как аналог «самоубийства»: отказ выбрать жизнь ценой предательства своих убеждений (Сократ, Джордано Бруно), соратников по революционной борьбе, борьбе против оккупантов.

Сэппуку — это «правильный» уход из жизни, по приказу господина или добровольно. Смысл этого ритуала заключался в символической победе самурайского духа над бранным существованием и самой смертью. Самурай сам распоряжается тем, когда и как ему умереть. Мучительная техника сэппуку и детализация ритуала еще более подчеркивала степень самообладания, силы духа воина. Ритуал означал, что воин мужественно встретил решающее испытание в своей жизни, как и подобает представителю сословия и члену клана. Если во многих культурах люди стремятся избежать мыслей о смерти, то самураи с детских лет держали ее в центре своего внимания. Способность самурая в любой момент добровольно уйти из жизни, убить себя гарантировала, что он сохранит самообладание в любой ситуации, достойно встретит любую опасность, решительно встретит смерть на полях сражений, выполнит любой приказ военачальника.

И мысль о «правильной смерти» — на поле брани за господина или сэппуку — превращалась не просто в привычку, но в острое желание, в заветный идеал. Так вырабатывалось — взамен природных инстинктов — стремление к *достойной* смерти.

Однако признание и культивирование в душе абстрактной ценности не гарантивало еще ее реализации на практике в нужный момент — в конкретных действиях. Выстраивалась целая система воспитательных мер, с тем, чтобы «слово» (ценности) и «дело» (поведение) не расходились друг с другом.

Храбрость, верность клану и господину, долг и честь являлись высшими ценностями. Но ценности нужно было превратить в убеждения, убеждения — в технологию поведения, поведение — в привычку. Здесь и помогал «синкретизм» воспитательной практики, который дополнялся и специализированными воздействиями (обычно для более высоких слоев самурайского сословия). Ценности впитывались в контексте поведения родителей и ближайшего окружения в клане, воспитывались на примерах старших. Они преподносились в дидактической литературе, воинских сказаниях¹¹. Ценностям наставляли с малолетства.

Еще важнее была практика поведения и действий. Например, мальчиков учили не только боевым искусствам, но и тому, как совершать сэппуку¹². Возможно, это было ключевым элементом всего воспитания самурая. Существовали как особая этика самурайской смерти, так и этикет смерти (си-но сахо). Мальчиков учили всем тонкостям обряда: как начать и довести до конца сэппуку, сохраняя полное самообладание и достоинство. Умереть совершающий обряд должен был «красиво» — не потеряв контроль от мучительной боли, упасть вперед лицом. Особым достоинством считалось написать — после вспарывания своего живота — своей кровью иероглиф или стихиотворение. Со временем возник институт кайсяку — самурая-помощника совершающему сэппуку, для подстраховки, чтобы тот не опозорил свое имя, умерев «неправильно». Кайсяку в нужный момент довершали дело, отрубая голову уже вспоровшему живот самураю. Но если кайсяку совершали оплошность во время церемонии и чувствовали свою вину, они также должны были совершить сэппуку. «Правильному» уходу из жизни учили и женщин из саму-

райского сословия. Иногда даже дети — в чрезвычайных обстоятельствах — совершали сэппуку. Молодых самураев приучали к картинам смерти, в частности, с определенного возраста они присутствовали при сэппуку. Таким образом, вид смерти становился привычным, а готовность к смерти превращали в обычное состояние.

Выработка безразличного отношения к смерти, и даже желания ее подкреплялось социокультурными и психотехническими методами. Несмотря на то, что бусидо («путь самурая», воинский кодекс — как собирательное понятие самурайской этики) было, в общем, индифферентно религиозным системам (самураи могли быть синтоистами, буддистами, позднее — христианами или безразличными к религиозным вопросам), дзен-буддизм играл особую роль и как «теоретическое обоснование» безразличия к жизни и смерти, и как медитативная психотехника, позволявшая контролировать сознание и действовать четко и спонтанно в бою, рационально в ситуациях острейшей опасности. Знаменитый сегун Токугава Иеясу писал об этом: «В течение моей долгой жизни я сражался в 90 битвах, и восемнадцать раз мое положение было таково, что смерть казалась неизбежной. И если я при этом все же избег опасности, то только благодаря учению буддийских проповедников, что жизнь ничего особенного из себя не представляет, что нужно желать смерти, которая избавит нас от страданий земных и введет в небесную радость и блаженство. Тот, кто твердо усвоил это основное положение о ничтожестве жизни, всегда выйдет победителем из всяких опасностей, в жертву которым падут другие»¹³.

Сэппуку добровольно могли совершать по ряду причин: в бою, чтобы избежать позора поражения и плена, в знак скорби по своему ушедшему господину, вследствие чувства вины за «ненадлежащее» исполнение долга или невозможности его исполнить. Сэппуку было последним средством искупить позор и преступление самурая: представителей других сословий могли или казнить, или вообще не наказывать за проступок, который для самурая карался смертью. И это была их привилегия и достойный выход из любой ситуации. Сэппуку как сознательный добровольный выбор являлось свидетельством героизма и высшей самурайской чести.

Смерть, принятая самураем от самого себя, явилась квинтэссенцией самурайского духа. Она со временем стала считаться едва ли не более достойной, нежели смерть в бою. Но если участие в сражениях, которое было реализацией и закреплением всей морально-психологической подготовки самурая, зависело не от него, а от обстоятельств, — ведь эпохи войн и смут сменялись весьма продолжительным миром, — то сэппуку — как возможность достойного ухода, проявив надлежащую доблесть, самообладание, доказательство высоких моральных устоев, следования *гири*, — сопровождало самурая всю жизнь, даже если ему и не доводилось самому закончить жизнь таким образом.

Самурайское сословие со всеми его ценностями, установками, образом жизни, местом в обществе ждало суровое историческое испытание, связанное не столько с внутренними японскими процессами (хотя они тоже имели место, прежде всего, глубокое расхождение между высшими и низшими, самыми массовыми слоями самурайства, а также размывание грани между последними и слоями нарождающейся буржуазии), сколько с победным шествием мирового капитализма с его экспансионистскими тенденциями.

Становление индустриальной эпохи резко изменило соотношение

сил между странами в международных отношениях, сделав невозможной продолжение политики самоизоляции, закрытия страны для иностранцев, которой долго приживалась Япония. Индустриальная модернизация перевернула и военное дело, радикально изменив материальную базу вооруженных сил и флота, превратив в решающий фактор военных действий «убойную силу» артиллерии и отодвинув личные качества воина (в старом их понимании) на второй план. Теперь не искусство владения личным оружием (прежде всего, мечом) и не индивидуальная храбрость бойца в прямом столкновении — лицом к лицу с противником — определяла исход боя и тем более войны в целом, а совокупная поражающая мощь орудий, действующих дистанционно. Американская эскадра под командованием коммодора Перри, прибывшая в Японию в 1853 г. с требованиями открытия портов и подвержшая бомбардировке прибрежные японские поселения, со всей очевидностью показала, что старая, феодальная Япония должна уступить дорогу новой — или погибнуть как независимое государство. Интересно, что антисегунский переворот 1867 г. в пользу императорской власти готовился под консервативным лозунгом «долгой иностранцев» (правительство бакуфу заключило ряд вынужденных соглашений с США, Англией, Россией, Голландией, Францией об открытии ряда портов для внешней торговли, начав политику открытия Японии. Однако сразу после свержения сегуната Токугава лозунг был сменен на противоположный: «К европейской науке и культуре!»¹⁴. Начались реформы, направленные на освоение передовых достижений мировой культуры, в том числе (и прежде всего) в военной области, с тем, чтобы получить возможность противостоять внешней агрессии великих держав.

При этом, пожалуй, главное «духовное» наследство эпохи господства самураев (в конце концов навязавших всей нации свои ключевые ценности) после восстановления императорской власти состояло в том, что некоторые установки были распространены на все население Японии. Так, кодекс поведения, требующий подчинения господину, трансформировался в беспрекословное повиновение приказам непосредственного начальника, а все общество оказалось пропитанным духом преданности божественному Микадо (императору). «В классных комнатах и армейских бараках молодых японцев учили почитать древние военные традиции. У них вырабатывалась твердая убежденность, что смерть на поле боя за императора — это самая славная участь для мужчины, и они начинали верить в уникальную ценность туманно определяемой «национальной структуры» и еще более расплывчатого «национального духа»¹⁵. Всего лишь за несколько десятилетий власти удалось воспитать в рядовом японце фанатичный национализм, веру в расовое превосходство нации, имеющей «божественное происхождение», — фанатизм, который ранее был свойственен лишь высшим классам. Еще более фанатичную преданность удалось воспитать по отношению к императору. Особую роль в подобном воспитании сыграла армия и созданная заново, первоначально — по европейским образцам, система военного образования.

Военные реформы в целях создания первоклассных армии и флота требовали, прежде всего, профессиональной подготовки личного состава, особенно — командного состава, офицерских кадров. Несмотря на подрыв, а затем и слом сословной системы, основой военной элиты по-прежнему оставались выходцы из самурайского сословия, сохранявшие психологические особенности и ценностные установки, менталитет дан-

ной социальной категории. Традиционная подготовка, осуществлявшаяся мастерами традиционных боевых искусств, не соответствовала задачам современной войны. Поэтому власть начала заимствовать зарубежный опыт: еще на исходе правления сегуната, в 1854 г. была открыта Школа военной науки в Эдо (Токио). Сначала введение иноземных инноваций пытались осуществлять путем включения в штат, состоящий в основном из традиционных мастеров, также и иностранных преподавателей — голландцев, а затем французов. Но важнее было изменить сами подходы к военному обучению, поскольку практикуемый самураями «рыцарский» стиль единоборства не соответствовал групповому бою, давно утвердившемуся в армиях европейского типа. Аналогичные попытки предпринимались в области подготовки военно-морских специалистов: в 1855 г. Япония получила первое европейское судно, которое стало использоваться в качестве учебного; тогда же был произведен первый набор в созданную Военно-морскую школу. Хотя она просуществовала очень недолго, в 1860 г. впервые Тихий океан пересекло судно, большая часть команды которого целиком состояла из ее выпускников. Правительство бакуфу осознало необходимость профессиональной подготовки армейских и морских кадров на основе европейских знаний, а также предприняло ряд шагов в этом направлении, однако реализовать замыслы в необходимом объеме ему не удалось из-за глубокого внутреннего — экономического и политического — кризиса. Однако для решения этих задач была заложена прочная основа¹⁶.

Пришедшее в результате революции на смену сегунату правительство Мэйдзи озаботилось подготовкой своей опоры — преданных профессиональных офицеров. Была создана современная система подготовки военнослужащих, подразделенная на общее (или низшее) образование, проходившее в воинских частях и предназначенное для подготовки солдат, и специальное образование в военных школах, направленное на подготовку кадрового состава армии и флота в принципиально новых условиях подготовки, а затем и перехода (с 1872 г.) ко всеобщей воинской повинности. Несмотря на стремление привлечь к обучению в Военной школе представителей всех сословий, основным контингентом учащихся оставались потомки самураев. Именно военные училища и армия явились главными каналами проникновения европейской культуры и образа жизни в японское общество. Успехи на этом пути, так же как и в развитии экономики, заимствовании научно-технических и культурных достижений европейских народов, — все это подкрепляло тенденции милитаризации японского общества и роста экспансионистских установок во внешней политике. Дух милитаризма во многом утвердился именно из-за того, что самураи, формально уйдя в прошлое как особе сословие, остались основой новой элиты императорской Японии.

Заимствование европейских знаний и опыта в военном деле (как и в других областях) не было гладким, происходило в борьбе старого и нового. Были как перегибы в слепом копировании зарубежного опыта, беспредельном доверии иностранным инструкторам, так и яростное сопротивление реакционных самураев, не готовых смириться с безвозвратным уходом прошлого, отторжение всего иноземного. Крайне трудно было ломать традиционный уклад жизни самураев, составлявших подавляющую часть учеников военных учебных заведений. В этой, подчас кровавой — в прямом смысле — борьбе выработывался определенный баланс между японскими

традициями и иностранными инновациями, в котором, в конечном счете, найдено было соответствующее место тому и другому. Прошло всего полтора-два десятилетия, и иностранных учителей стали заменять подготовленные ими собственно японские кадры преподавателей, возвращались некоторые традиционные «самурайские» дисциплины.

Обучение офицеров на ранних этапах формирования системы подготовки военных кадров в первые годы Мэйдзи на основе преподавательской деятельности иностранных инструкторов строилось по французской (весьма демократичной) модели, которая с 1879 г. стала заменяться прусской системой, немецким стилем, пресекавшим проявление индивидуальности, что было ближе традиционной ментальности японцев и больше соответствовало выбранному правительством курсу на милитаризацию страны. Занятия, которые сначала проводились на иностранном языке, вскоре (с 1875 г.) были переведены на японский, в преподавание вводились мораль, история Японии, каллиграфия. То есть от определенных крайностей — насильственного насаждения европейской культуры и порядков — вскоре перешли к более сбалансированным подходам в преподавании, опирающимся на традиционную культуру, но с использованием важных передовых иностранных достижений. Система военной подготовки дополнялась низшим звеном подготовки командного состава — военными гимназиями, которые открылись сначала в 1872 г. в столице, а затем, с 1896 г. еще в ряде других провинциальных городов. Военная подготовка в них включала, в частности, овладение традиционными боевыми искусствами.

Особое значение придавалось формированию мировоззрения солдата. В этой связи в руководстве по подготовке солдат императорской армии (накануне японо-китайской войны) подчеркивалось: «Солдату необходимо указать наилучшую дорогу к славе, поднять в нем те нравственные качества, которые необходимы для военной службы, постараться привязать ее к последней, дабы он мог отдаться ей всей душой, всеми помыслами»¹⁷. Как видим, в императорскую эпоху стремились элементы самурайской этики «всцелой преданности» и чести распространить на всю армию, включая рядовой состав. Тем большие требования предъявлялись к офицерскому составу, который закономерно рассматривался как костяк новой армии. Начальник учебной части при морском министерстве так определял одну из задач учеников военно-морского училища: «Необходимо идти только по пути духовного совершенствования, избегая всех житейских дел»¹⁸. Здесь прослеживается сочетание традиционного японского подхода к воспитанию с европейской рациональностью — специализированностью профессиональных занятий привилегированного военного слоя.

Военно-учебные заведения были призваны сформировать не только квалифицированных военных в части профессиональной подготовки, но и беззаветно преданных подданных императора, обладающих высоким воинским и корпоративным духом, представлениями о долге и чести. Но и здесь не обходилось без серьезных «самурайских» противоречий: наряду с презрением к трусости выходцы из этого сословия привносили самурайскую спесь, эпатаж, что мешало росту профессионализма командного состава.

Военная служба вновь приобретала элитарный характер, стала рассматриваться как особая привилегия, дающая почет и уважение, стала средством социального продвижения для многих выходцев из отнюдь не высших слоев

общества. Соответственно обставлялось и военное образование. Например, традиционным стало участие императора в выпускной церемонии окончания высших военных и морских учебных заведений. Таким образом, в весьма сжатые сроки Японии удалось создать исключительную систему военного и военно-морского обучения, что позволило стать ей уже к концу XIX в. великой военно-морской державой, выиграть не только японо-китайскую войну 1894 г., но и русско-японскую войну 1904–1905 гг., почти на равных противостоять США во Второй мировой войне.

Японский подход в контексте военного образования позволил осуществлять отличную профессиональную подготовку в сочетании с высоким моральным духом японского офицера, создать хорошо обученную, храбрую и фанатичную армию. Несмотря на то, что кодекс бусидо не был принят в армии официально, основные самурайские ценности и установки были сохранены, прежде всего, благодаря тому, что именно выходцы из этого сословия составляли подавляющее большинство офицерских кадров императорской Японии. Культ императора, внедрение синтоизма как официальной идеологии, «самурайский дух», который был распространен на все общество, — все это произвело мощный мобилизующий эффект, оказавшийся способным поднять японскую нацию на невиданную ранее для этой страны экспансию и противостояние целому ряду европейских держав и США. Первым силу новой восточной военно-морской державы пришлось испытать Китаю, а затем и Российской Империи, и поражение в той войне сыграло не последнюю роль во внутренних потрясениях России, да и в дальнейшей ее судьбе.

Система военной подготовки Японии совершенствовалась и далее, вплоть до окончания Второй мировой войны.

Феодалный дух Японии сохраняла, по меньшей мере, всю первую половину XX века. Его негативные стороны особенно проявились в экспансионистских акциях, особенно в Китае. Вторжение в Китай в 1930-е годы сопровождалось дикими зверствами японской военщины — массовыми убийствами, изнасилованиями, мародерством, грабежами, уничтожением целых городов и деревень. Японцы — согласно традиции и милитаристскому воспитанию — не знали жалости и пощады ни к себе, ни к врагу. Японская средневековая традиция не брать пленных, уничтожать всех побежденных, оставшихся в живых, включая женщин и детей, была распространена на азиатских противников. В Китае в 1937 г. самым изуверским образом было уничтожено около 350 тыс. жителей Нанкина: их расстреливали из пулеметов, рубили головы, обливали бензином, сжигая живьем, вспарывали животы, в том числе беременным женщинам и т.д. Десятки тысяч женщин были изнасилованы. В Северном Китае был осуществлен прямой геноцид китайского народа: всего за время японской агрессии и оккупации — «пятнадцатилетней войны» — было уничтожено не менее 19 млн. чел.¹⁹ В этих преступлениях японские войска участвовали поголовно — от рядового до генералитета. Это означает, что не только малоразвитые крестьянские массы, призванные в японскую армию, но и европейски образованные офицерские кадры сохранили средневековую ментальность, помноженную на националистический угар и расистские установки. Таковы противоречия «самурайского духа».

Япония могла выбирать между войной против США и миром. Знаменитый адмирал Ямамото энергично возражал против развязывания войны. Однако милитаристские настроения в высшем руководстве во-

зобладали, и в ряду аргументов за развязывание войны свою роль сыграл сугубо «самурайский» подход. Так, адмирал Нагано от имени Верховного командования заявил, что если Япония не начнет войну, то нация погибнет; она может погибнуть и в ходе боевых действий. Однако «...гибель страны без сопротивления была бы бесчестьем. В безнадежной ситуации можно выжить, лишь сражаясь до последнего человека. Тогда даже в случае поражения наш боевой дух будет воодушевлять потомство в деле обороны страны»²⁰.

Атака на Перл-Харбор была в духе японской стратегии: без объявления войны, внезапно уничтожить военно-морской флот в крупнейшей военно-морской базе имело целью деморализовать противника и вынудить его запросить мира. Однако установка на то, что превосходство «духа Бусидо» может компенсировать огромный материальный перевес развитой промышленной державы, оказалась ложной. Война для Японии, ни разу не участвовавшей в современной полномасштабной и длительной войне, оказалась авантюрой. Попытка опереться на самурайский дух не сработала в условиях, когда исход войны решается, прежде всего, соотношением ресурсов и военно-технической мощи держав.

И в этом контексте нас интересует феномен «камикадзе», который можно считать апогеем самурайского духа. Возникнув на исходе Второй мировой войны, когда изменилось соотношение сил и стало очевидным нарастающее превосходство материальной мощи противника в лице американских флота и армии, японские стратеги попытались переломить ситуацию с помощью духовного фактора, превратив в живые торпеды управляемые морские аппараты и самолеты с летчиками. Отсутствие в тот момент технологий, обеспечивавших точность наведения и надежный прорыв через заградительный огонь, навело японских стратегов на мысль об использовании человека как живого поражающего средства. Имея вполне прагматичную цель, использование камикадзе одновременно должно было укрепить дух армии и нации, вселить надежду: «...К концу 1944 г. камикадзе стали объединяющей идеей... Под постоянной бомбардировкой японской пропаганды общий оптимизм быстро укреплялся. Только меньшинство, единицы разумных людей позволяли себе размышлять и удивляться. Разве использование камикадзе не свидетельствовало об отчаянном положении Японии в этой войне?»²¹

Атаки камикадзе командование японским флотом рассматривало как последний шанс, направленный, прежде всего, на уничтожение наиболее уязвимо и в то же время главного ударного звена — авианосцев противника. Данный вид борьбы продемонстрировал значительную эффективность: между первой атакой 25 октября 1944 г. и последней — 25 января 1945 г. — летчики-самоубийцы нанесли повреждения разной степени тяжести более чем 50 американским кораблям всех типов, включая шесть больших авианосцев и несколько малых. Вела ли такая экстраординарная тактика к успеху? В момент, когда она была избрана, уже нет, только к оттягиванию поражения, поскольку в соотношении сил Японии и США у последних уже был подавляющий перевес.

Однако явление «камикадзе» интересно именно как психологический феномен, как естественная модель для понимания психологических механизмов преодоления страха смерти, поскольку сделанный камикадзе выбор не оставляет ему ни малейшей надежды на физическое выживание, тогда как у воина в бою такая надежда, пусть ничтожная, даже в самой сложней-

шей ситуации почти всегда "субъективно" остается.

Принципиальные различия в понимании героизма между западным и японским менталитетом, — патриотично заметив, что, «разумеется, противник был отнюдь не храбрее нас», — рассмотрел вице-адмирал ВМС США К.Р.Браун: «Но героизм бойцов противоборствующих сторон проявлялся по-разному. Японцы решительно отрезали себе путь к спасению, американцы никогда не пренебрегали им. В представлении солдата западной страны последний, самый ничтожный шанс на выживание всегда сохраняется. В нем живет ощущение, что, несмотря на гибель многих его соратников, сам он каким-то образом может избежать смерти»²². Взгляд японцев — честнее... Но это не фатализм в смысле «покорности судьбе», а установка на поиск смерти, когда теряется смысл жизни, определяемый системой ценностей японского социума. Для индивидуалистического сознания западного человека жизнь человека — самоценна. А потому он борется за нее до последнего, а в случае невозможности продолжения вооруженной борьбы — готов сдаться в плен, что для японцев было абсолютно неприемлемо. Не случайно было обычным делом, когда японские моряки с потопленных кораблей, оказавшись в воде, пытались убить себя, ныряя, чтобы утопиться, или подрывали себя и врагов гранатой, когда их пытались спасти, вытащив из воды, американцы.

Идея камикадзе как массового явления могла возникнуть только в контексте японского менталитета. «Конечно, сыграл большую роль человеческий фактор, — пишут японские участники и очевидцы событий. — Освященные временем обычаи и менталитет японского народа не признавали существования военнопленных. Захват врагом был более страшен, чем сама смерть, ибо такое пленение всегда сопровождалось позором для семьи и отечества. Чтобы не попасть в плен и не провести жизнь в позоре, наши воины, столкнувшись с непрекращающимися и хаотическими поражениями, естественно [подчеркнуто нами — А.С.], искали средства достижения почетной и славной смерти»²³.

Не случайно особенностью войны на Тихом океане был полный отказ японцев сдаваться в плен, что было бесчестьем для солдата и его семьи. Плененным оказывался лишь 1% японских солдат. Японцы брали в плен солдат союзников в соотношении 1:3 (1 пленный к 3 убитым), а сами сдавались в соотношении 1:120 погибшим в бою. Различие — в 40 раз!²⁴ Причем, из попавших в плен в первые годы мировой войны, почти все были тяжело ранеными или находились в бессознательном состоянии, хотя, даже в этом состоянии попав в плен, они были навсегда опозорены²⁵. В западных армиях смерть в бою имела смысл, только если способствовала победе над врагом. О самоубийстве не было и речи. Не был позорным и плен, если сопротивление оказывалось бессмысленным. Таковы были правила современной войны. По западным понятиям, японцы вели войну без правил и пощады, сражались с полным безразличием к смерти. Попытки их пленения представляли смертельную опасность для противников. Притворяясь, что хотят сдаться в плен, японцы подрывали себя и врага, устанавливали мины-ловушки под трупами вражеских солдат, и т.п. Поэтому на «войну без правил» американцы стали отвечать тем же. Была выработана тактика, соответствовавшая японскому менталитету, готовности японцев умереть, но не сдаться в плен: японские войска уничтожали шквальным огнем. Японские гарнизоны на многих островах были полностью уничтожены.

Отказ сдаваться был следствием не страха плена как такового (хотя пропагандой внушалось, что враг будет пытаться и затем расстреляет японских пленников), а на традиционной самурайской этике, верности долгу и идеалу гибели за императора на поле боя.

Как видим, это — типично самурайская средневековая позиция, сохранившаяся в современную, индустриальную эпоху. Если есть выбор между жизнью и смертью, самурай выбирает смерть, — так гласил кодекс Бусидо. Тем более однозначным был выбор между позорной жизнью — в результате поражения — и смертью в бою или посредством харакири. Таким образом, во Второй мировой войне на Тихом океане столкнулись принципиально разные армии по мировоззрению и психологии: союзников с западным менталитетом и восточной нации со средневековым, феодальным мышлением. Ни одна из армий мира не могла сравниться с японской по степени самопожертвования, а слабость материальной базы для ведения войны пытались компенсировать тактикой использования смертников в разных видах вооруженных сил. Особенно известными стали именно камикадзе, нанесшие ощутимый урон американскому флоту.

Для участия в атаках камикадзе хлынул поток из тысяч японских добровольцев — людей, отдающих себе отчет в том, что у них не будет никакого шанса выжить. «Стать летчиком-смертником — вот была высшая честь»²⁶. Так не только утверждала японская пропаганда, но и думали очень многие.

«Атаки камикадзе шокировали мир в первую очередь в аспекте «неизбежной смерти»²⁷. История знает множество примеров, когда отдельные воины сражались в ситуации неизбежной смерти, но никогда прежде не вырабатывалась такая долговременная и систематическая тактика, задействовавшая тысячи людей, готовых и стремящихся неизбежно умереть. В мотивах добровольцев-смертников не было минутного порыва, мимолетного воодушевления: принятые в ряды камикадзе нередко в течение многих месяцев продолжали исполнять свои обычные боевые функции, не зная дня, когда наступит их очередь. «Мы умираем за великое дело нашей страны», — таков был главный мотив, такова была вера пилотов-камикадзе в свою страну и в императора. Вслед за контр-адмиралом Арима Масафуми, который считается первым «официальным» камикадзе, все они могли бы повторить: «Прямой атакой я потоплю неприятельский авианосец. Меня ведет путь самурая и правила боевой этики, и потому я спокоен. Да здравствует его величество император и Япония»²⁸. Была и вера в жизнь после смерти — для героев, погибших за свою страну. Вера и долг — вот были главные мотивы, а как гласит японская пословица: «В сравнении с долгом жизнь легче пера». «...Специальный Ударный корпус камикадзе формировался не за одну ночь... Рождение корпуса стало кульминацией в подъеме боевого духа воинов, столкнувшихся с подавляющим превосходством противника»²⁹. Но и до этого японские армия, авиация и флот не раз проявляли индивидуальные и массовые акты самопожертвования. До 21 октября 1944 г. (когда были совершены первые атаки специальных подразделений камикадзе), по крайней мере, 18 японских летчиков направили самолеты на наземные военные цели, совершив так называемый огненный таран³⁰. (В СССР в годы Великой Отечественной войны аналогичные подвиги совершили более 600 гастрелловцев, совершив свыше 350 огненных таранов по врагу). Совершали отдельные японские летчики и тараны кораблей, но это были спон-

танные действия, по стечению обстоятельств и выбору самих воинов. Камикадзе — принципиально иное явление. Им приказывали умереть, специально готовили к смерти, и они сознательно шли на смерть.

Нельзя камикадзе считать некими сверх-людьми. Их состав был очень разношерстным, и, наряду с закаленными воинами, среди них было немало романтических юношей, вчерашних школьников. Разным было социальное происхождение, уровень образования и т.д. Мотивы выбора были весьма сложны и неоднозначны, у всех — различны. «Никто никогда не поймет чувства этих людей, игравших со смертью... Конечно, в каждом народе есть герои, жертвующие жизнью. Но где еще в мире встречалось такое продуманное самоуничтожение? Где еще тысячи людей сознательно шли на гибель, тщательно продумав все за несколько недель, а то и месяцев? Концепция синтоизма, связанная с жизнью после смерти в качестве воина-защитника в царстве духа, или буддийская философия нирваны отнюдь не всегда приносили утешение... Некоторые хотели лишь одного — умереть героически, отомстить врагу», — свидетельствует участник событий³¹.

«Самоубийственные атаки камикадзе, — пишут японские авторы, — отняли жизнь примерно у 2530 морских летчиков и членов экипажей, и, как минимум, столько же армейских летчиков погибли в аналогичных условиях. 15 августа 1945 г., в день нашей капитуляции, вице-адмирал Матомэ Угаки, командовавший камикадзе с острова Кюсю, отправил в последний полет камикадзе этой войны и последовал за своими летчиками, спикировав во вражеский корабль возле Окинавы. Также в последние часы войны вице-адмирал Такидзиро Ониси, заместитель начальника морского Генерального штаба и родоначальник операций камикадзе, предпочел капитуляции смерть через харакири. Так закончилась история камикадзе»³². Но даже отчаянные акты самопожертвования не могли предотвратить поражения японской армии, которой противостояла колоссальная военная машина США с их военно-промышленным потенциалом.

Акты камикадзе были тем более удивительными для американцев, что никто уже не сомневался в исходе войны. Неминуемой смерти искали не отдельные люди, а тысячи человек. «Как это стало возможным? Что движет этими людьми?» — задавал себе вопросы противник, испытывая «смесь уважения и горечи», как отмечает К.Р.Браун (написавший предисловие к воспоминаниям двух случайно оставшихся в живых камикадзе под характерным названием «Камикадзе — загадка для противника»): «Уважения к человеку, жертвующему ради своего дела самым дорогим. Горечи — в связи с крайней степенью отчаяния, которую олицетворял акт самоубийства... Это специальное подразделение ВВС — «Камикадзе» («Божественный ветер») — было лишь еще одной формой отчаянной атаки с криками «Банзай!», совершаемой людьми, которые пережили горечь поражения и не желают принять реальность такой, как она есть»³³. Что касается последней фразы, американский адмирал не вполне прав: реальность поражения была осознана и принята, но это не изменило тактики камикадзе.

Нужно отметить, что внешняя ситуация — радикальное изменение хода войны, когда японские города стали бомбить огромные формирования американской авиации, поражения на море и суше подрывали боевой дух армии. Ранее американцам не удавалось взять много плен-

ных. С конца 1944 г. японские солдаты стали сдаваться сотнями.

Близость поражения стала очевидной. Она повлияла и на психологию камикадзе. «...Всего несколько месяцев назад люди с готовностью становились добровольцами. Теперь же многих заставляли насильно или обманом становиться смертниками — неумолимое доказательство того, что многие уже считали гибель камикадзе бессмысленной», — вспоминал один из добровольцев-камикадзе, случайно оставшийся в живых. — Почти целый год нас заботливо готовили к смерти. Для тысячелетней славы. Это была часть нашей философии. Но сейчас... После отъезда каждого летчика ощущение, что мы попали в тупик, усиливалось»³⁴. Возникали размышления, сомнения: «Ведь нет ничего почетного в том, чтобы умереть за проигранное дело»...

«Ко времени вражеского вторжения на Окинаву настроения пилотов-камикадзе заметно поменялись. [Ранее] ... энтузиазм бил через край. Кроме того, вначале существовала ясная цель — и даже некоторая надежда, — что такое крайнее средство может изменить ход войны в пользу Японии... Изменение обстоятельств влияло на изменение настроений людей»³⁵. Участники событий отмечают, что прежняя система добровольцев уже не давала нужного количества пилотов, а новички отличались не только отсутствием энтузиазма, но и беспокойством. И тем не менее, в этой новой ситуации камикадзе справлялись с эмоциями: через несколько часов или дней «...беспокойство пропадало, как у возмужавшего человека, и появлялось присутствие духа, когда жизнь смиряется с неизбежностью смерти, смертность с бессмертием»³⁶. Каков был психологический механизм добровольного решения умереть «живой бомбой», когда было уже очевидно, что войну этот акт самопожертвования не изменит, и с прагматической точки зрения это бессмысленно? Оставались другие побуждающие «смыслы», которые не постичь либеральному западному сознанию. Долг, честь, память и уважение потомков, посмертная жизнь, согласно синтоистским верованиям... «Самурай выбирает смерть»...

Далеко не все даже из добровольцев-камикадзе относились к категории «китигаи» (сумасшедшие), которые «отличались свирепостью в своей ненависти, искали славы и бессмертия, живя только с одной целью — умереть. Многие из них пришли из морской авиации, которая воспитала большую часть камикадзе»³⁷. Другие (сукэбэи — вольнодумцы, как правило, высокообразованные летчики), также готовые погибнуть за свою страну в любой момент, тем не менее, ценили жизнь и не видели смысла в гибели ради гибели. И они жаждали мести, и они мечтали уничтожить какой-нибудь крупный вражеский корабль, пожертвовав жизнью. Но это была несколько иная, отнюдь не фанатичная психология. Им приходилось воспитывать в себе презрение к смерти: «Как часто я боролся за непоколебимое отношение к смерти — за это особое, неопишное чувство. Что делало людей бесстрашным? Отвага? Но что такое отвага? «Мы жертвуем собой!» Вот каков был девиз. «Будь уверен, что есть тяжелые горы, а смерть легче перышка», — бесчисленное количество раз я повторял про себя эти слова. У некоторых это чувство было постоянным. У меня же мимолетным. Я всегда боролся, чтобы заставить это пламя разгореться вновь», — вспоминал Ясуо Кувахара³⁸.

Тактика использования японских смертников особенно широкое применение — интенсивное, целенаправленное и скоординированное — нашла на завершающем этапе войны при обороне Окинавы. Впервые

стали формироваться отряды смертников из японского гражданского населения, в том числе женщин, причем такие отряды предпочитали смерть в бою. «Готовность солдата умереть была положена в основу создания многочисленных отрядов смертников во всех видах вооруженных сил... Американцев страшила решимость японского населения защищать свою страну до последнего человека. Японцев же перспектива национального самоубийства не пугала: для них это была обычная норма поведения»³⁹. Борьба за остров Окинава — ключ ко всей Японии — оказалась для американцев самой кровавой кампанией на Тихом океане (потери — более 12 тыс. убитыми и более 50 тыс. ранеными).

В конце войны японцы предпринимали «банзай-атаки», тактически бессмысленные, свидетельствовавшие об отчаянии, но соответствовавшие самурайскому идеалу гибели на поле боя.

С действиями японских смертников столкнулись и советские войска во время Маньчжурской операции. Квантунская армия задолго до столкновения с СССР подготовила специальную бригаду самоубийц — истребителей танков, состоявшую из 4 тыс. чел. Такие отряды формировались во всех дивизиях и полках, группы смертников — в батальонах и ротах. В плен смертники практически не попадали, немедленно подрывая себя двухпудовым зарядом, предназначенным для танков. Использовались засады и «живые подвижные минные поля». Использовался и воздушный таран против советских танков. Ликвидация отрядов смертников в Китае и Корее, на освобожденных Советской армией территориях, продолжалась даже в сентябре 1945 г., т.е. через несколько недель после официального подписания Японией акта о капитуляции⁴⁰. Японские смертники уничтожали собственные семьи в Маньчжурии, своих женщин и детей, других колонистов.

Фанатизм японских смертников в действиях против советских войск не принес ожидаемых результатов, как по причине подавляющего превосходства в вооружении, так и из-за колоссального опыта советского солдата, дошедшего до Берлина. Нередко действия смертников были абсолютно безрассудными: запрограммированные на единственную цель — погибнуть на поле боя, они тупо лезли под огонь подавляющих сил. Однако быстрый разгром Квантунской армии отнюдь не свидетельствовал о ее слабости: ей не доставало соответствующего вооружения, тогда как боевой дух солдат был очень высок, выполнение приказов было беспрекословным, сопротивление — упорным и фанатичным.

Огромное влияние средневековой самурайской этики на менталитет командного состава армии и флота Японии прозвучало в последних словах адмирала Угаки в день капитуляции Японии 15 августа 1945 г. во время сеанса радиосвязи его самолета с базой: «За неудачу в защите родной страны и разгроме высокомерного неприятеля я несу личную ответственность... Намерен провести боевую операцию на Окинаве, где мои подчиненные пали в бою, как облетает вишневый цвет. Там я пойду на таран и сокрошу самонадеянного врага в духе подлинного «Бусидо» с твердым убеждением и верой в незыблемость императорской Японии... Да здравствует Его Величество Император!»⁴¹. Миссия камикадзе, как объяснил адмирал своему другу в момент вылета самолета, — «Это мой шанс умереть воином. Я не должен его упустить»⁴².

Массовый героизм на заключительных этапах Второй мировой войны, в том числе и в уникальной форме «камикадзе», продемонстрировал силу

японского духа, которая опиралась на средневековые традиции, социокультурные ценности нации. Нужно отдать должное японскому народу, способному сплотиться в монолитное целое для защиты своей страны. Свою роль в возбуждении патриотических чувств, перераставших в угар шовинизма, сыграла милитаристская пропаганда, мощная система социальной организации, поддерживавшая «героев войны» и их семьи, превозносившая подвиги на поле брани и делявшая память о погибших.

В японских вооруженных силах и флоте было немало людей, не желавших пережить поражение своей страны и унижение капитуляции. После опубликования акта о капитуляции 15 августа адмирал Ониси совершил харакири, оставив предсмертную записку: «Хотел выразить свою глубокую признательность храбрым камикадзе... Своей смертью я хотел бы искупить свою вину за провал усилий добиться победы и извиниться перед скорбящими семьями погибших пилотов. Желаю японским юношам на примере моей смерти укрепить свой дух...»⁴³ Его примеру последовало огромное число японских военных, преимущественно офицеров, в индустриальную эпоху воплотивших «дух самурая».

Казалось бы, на этом можно ставить точку: капитуляция Японии и политика демилитаризации, вроде бы, привели к окончательному исчезновению самурайства в послевоенной истории. Но не все так просто. И дело не только в том, что этика «Бусидо» сыграла свою роль в послевоенном восстановлении страны и «японском экономическом чуде». Завет адмирала Ониси не пропал даром: японцам удалось укрепить свой дух, и обеспечить своей стране достойное место в мире, добившись уважения других наций. Но важно и другое: милитаристские установки сохраняются в японской культуре, в менталитете. А силы самообороны таковыми являются лишь по названию, на деле – высокопрофессиональной армией, готовой выполнить любой приказ. В основе ее подготовки – все тот же самурайский дух. Поэтому изучение исторического опыта развития самурайского сословия и его духовной основы представляет далеко не только академический интерес: он помогает понять и современную Японию, и может быть полезен для других наций, потерпевших поражение и желающих подняться...

¹ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1958. С. 21.

² Основы боевого применения соединений и частей сухопутных войск стран НАТО. Наставление объединенных вооруженных сил НАТО АТР-35/А/. Пер. с англ. М., 1986. С. 5.

³ См.: Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 807; Калинин Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. П. Технологии морально-психологического обеспечения: актуальные проблемы теории и практики. М., 1997. С. 3.

⁴ См.: Маслов А. А. Воины и мудрецы Страны восходящего солнца. М., 2000. С. 42.

⁵ Боданович Т. А. Очерки из прошлого и настоящего Японии. // История Японии. М., 2003. С. 88.

⁶ См.: Маслов А. А. Указ. соч. С. 37.

⁷ Подробнее см.: Сеняский А. С. «Кодекс самурая»: ценности и психология японского военного сословия // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 73-90.

⁸ Ратти О., Уэстбрук А. Самурай. М., 2004. С. 18.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ См.: Сеняский А. С. Духовно-психологические механизмы преодоления страха смерти у воинов: исторический опыт. М.: ВУ. 2003. С. 85-86.

- ¹¹ См.: Японские самурайские сказания. СПб., 2002.
- ¹² См.: *Спеваковский А.Б.* Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.
- ¹³ Цит. по: *Басов А.Р.* Самурай. Ч. I. Восхождение. Ульяновск, 2004. С. 125.
- ¹⁴ *Конрад Н.И.* Япония. Народ и государство // История Японии. М., 2003. С. 331-332.
- ¹⁵ *Reischauer E.* Japan: Past and Present. New York, 1964. P. 129-130.
- ¹⁶ *Османов Е.М.* Подготовка командного состава японской императорской армии и флота (1868–1894) // Страницы военной истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 2004. С. 21-24.
- ¹⁷ Цит. по: *Тулзаков С.* Душа японской армии. СПб., 1913. С. 133.
- ¹⁸ Цит. по: *Османов Е.М.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁹ *Иванов Ю.* Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. Смоленск, 2001. С. 33, 35.
- ²⁰ Цит. по: *Иногути Р., Накадзима Т.* Божественный ветер. Жизнь и смерть японских камикадзе. 1944–1945. М., 2004. С. 13.
- ²¹ *Кувахара Я., Олред Г.* Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников. М., 2004. С. 145-146.
- ²² Цит. по: *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 6.
- ²³ *Окумия М., Хорикоси Д.* Зеро! История боев военно-воздушных сил Японии на Тихом океане. 1941–1945. М., 2003. С. 295-296.
- ²⁴ *Иванов Ю.* Указ. соч. С. 215.
- ²⁵ *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2004. С. 30-31.
- ²⁶ *Кувахара Я., Олред Г.* Указ. соч. С. 162.
- ²⁷ *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 14.
- ²⁸ *Иванов Ю.* Указ. соч. С. 241.
- ²⁹ *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 50.
- ³⁰ *Иванов Ю.* Указ. соч. С. 230.
- ³¹ *Кувахара Я., Олред Г.* Указ. соч. С. 165-166.
- ³² *Окумия М., Хорикоси Д.* Указ. соч. С. 313.
- ³³ Цит. по: *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁴ *Кувахара Я., Олред Г.* Указ. соч. С. 162.
- ³⁵ *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 204.
- ³⁶ Там же. С. 206.
- ³⁷ *Кувахара Я., Олред Г.* Указ. соч. С. 166.
- ³⁸ Там же. С. 166-167.
- ³⁹ *Иванов Ю.* Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁰ Там же. С. 207-209.
- ⁴¹ *Иногути Р., Накадзима Т.* Указ. соч. С. 218-219.
- ⁴² Там же. С. 214.
- ⁴³ Там же. С. 226.

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНОГО ДУХА В КОРЕЙСКОЙ ВОИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В рамках воинской традиции как комплексного понятия, объединяющего в себе вооружение, военную организацию, боевой дух и собственно военное искусство, третий компонент важен не менее, чем остальные. Из двух одинаково вооруженных, обученных и умеющих воевать армий победит та, у которой моральный дух более высок, а солдаты лучше психологически подготовлены к бою.

Путь корейской воинской традиции отмечен целым рядом моментов, когда корейский воин достойно противостоял более сильному, опытному и искушенному врагу. В VI–VII вв. именно попытки покорить корейское государство Когурё послужили одной из основных причин падения китайской династии Суй, а сменившая ее династия Тан задействовала для борьбы с Когурё в VII в. все свои силы и резервы, но захватить его территории сумела лишь благодаря союзу с другим корейским государством Силла и изменившейся политической ситуации внутри Когурё. Монголы в XIII в. потратили на захват страны более тридцати лет и все-таки были вынуждены установить в Корее косвенную систему управления, сохранившую правящую династию. А во время Имджинской войны (1592–1598) Кореи с Японией армия, противостоящая корейцам, по уровню общей подготовки, а особенно — подготовки индивидуального бойца, считалась многими историками одной из лучших не только в регионе, но и во всем мире в то время.

Тем не менее, для корейской армии, особенно армии позднего средневековья, характерен интересный дуализм. С одной стороны, история борьбы Кореи с китайцами, японцами или монголами пестрит примерами высокого морального духа, героизма отдельных солдат и военачальников и «необыкновенного жара», с которым корейцы шли в атаку. С другой, — этот жар появлялся только в критических ситуациях, а общий уровень морального духа корейских войск был достаточно невысок. В корейских летописях мы часто встречаем информацию о том, что после смерти командира или разгрома части армии остальные войска разбежались, что в ополчение шли крайне неохотно, и хотя солдатских бунтов как таковых не было, эффективность армии на поле боя была не слишком высокой¹.

В данной работе мы проанализируем причины этого явления, заострив внимание на тех методах, которые использовались полководцами для поднятия морального духа войск. Основной упор в нашем исследовании мы сделаем на период династии Ли (1492–1910), когда в стране уже существовала очень четкая модель военной организации, испытывающая значительное влияние конфуцианской идеологии. К этому времени корейская воинская традиция, имевшая в период Трех Государств достаточно много самобытных элементов, постепенно китаизировалась под влиянием вхождения страны в китайский культурный регион. При этом далеко не

все механически перенесенные на корейскую почву элементы китайской воинской традиции оказали на корейскую позитивное влияние.

Невысокий моральный дух корейских войск являлся следствием целого ряда факторов. Героические страницы корейской истории, о которых мы знаем, были отдельными явлениями. Корейская история была достаточно стабильна, и в ней встречались продолжительные периоды, когда страна не имела серьезных внутренних или внешних врагов. Так, если не учитывать сложную геополитическую обстановку, в которой формировалась династия Ли, и потрясения, связанные с открытием страны в конце XIX — начале XX вв., то 518 лет правления этой династии прошли относительно спокойно, и единственными серьезными потрясениями были Импджинская война 1592—1598 гг. и вторжения манчжуров в 1627 и 1636 годах. Так как страна не испытывала постоянной военной угрозы, не было необходимости постоянно поддерживать высокий уровень ее боеготовности. Более того, отсутствие всякой серьезной военной активности порождает иллюзию ненужности активной и боеготовой армии, а воинская традиция останавливается в своем развитии.

Престиж армии прямо пропорционален ее востребованности. В Корее таковой не было, ибо возможности территориального расширения страны были ограничены ее вассальным статусом и исчерпаны к середине XV в. Кроме того, этот статус Кореи, который позволял в случае внешней угрозы обращаться за помощью к Китаю (что произошло, например, во время Импджинской войны), также снижал значение национальной армии, роль которой, таким образом, сводилась к урегулированию проблем внутренних. В результате армия использовалась как во внутренних конфликтах, так и по «невоенному назначению». Всё это способствовало восприятию воинской службы как тяжелой и неприятной повинности.

Потому военачальник, который вдруг начинал заниматься повышением боеготовности войска, воспринимался как человек, замышляющий мятеж и пытающийся таким образом снискать симпатии солдат. В условиях такого продолжительного мира политическая стабильность считалась более важным элементом системы, чем обороноспособность. Добавим к этому борьбу придворных фракций, логика которой извращала смысл многих начинаний. Они трактовались не как мероприятия, направленные на благо страны, а как очередной ловкий ход в «игре престолов».

Затем очень важную роль сыграла государственная идеология, в данном случае — неоконфуцианство, которое значительно отличается от авраамических религий отношением к войне, военному сословию и военному делу. Ни одно из характерных для Дальнего Востока религиозно-этических учений не несет в себе концепции «святой войны» или «справедливой войны», освящавшей этот процесс религиозной доктриной, но, говоря о влиянии конфуцианской идеологии, стоит отметить несколько факторов.

Во-первых, силовое решение проблемы не является приоритетным, и гражданское начало явно доминирует над военным. Конечно, идеи патриотизма, основанные на любви государя к подданным, на четком исполнении всеми своего морального долга, частью которого является преданность государю и защита страны от внешней агрессии, могут

обеспечить подъем морального духа, но это с лихвой перекрывается негативным отношением конфуцианской доктрины к военному началу. Военное разрешение конфликта есть признак слабости, армия рассматривается как неизбежное зло, и статус ее потому низок. Конфуцианство лишено идеи политического компромисса и потому сужает стратегический арсенал приемов, так как некоторые формы уловок или притворных уступок могут расцениваться им как предательство. Идея заманивания врага на свою территорию с последующим контрнаступлением неприемлема с конфуцианской точки зрения, а применение тактики выжженной земли могло быть расценено как «отсутствие заботы о процветании народа».

Во-вторых, отчасти благодаря этому в Корее не сложилось сословие профессиональных воинов, условно занимающее место рыцарского или самурайского. Военная организация конфуцианского культурного региона пошла по другому пути. Солдатская масса состояла из призванных на службу крестьян (будь то рекрутский набор, ополчение или реестровые списки), а командовали ею военные чиновники, сдавшие экзамены на чин.

Опасаясь региональных мятежей, правительство часто отправляло полководца в армию непосредственно перед началом кампании, и ему приходилось за очень короткий срок налаживать взаимопонимание и с солдатами, и с офицерами. Добавим к этому то, что гражданский чиновник также мог быть назначен на военную должность. Таким образом, в системе как бы изначально закладывалось некоторое отчуждение между командиром и его подчиненными. При этом речь шла не о дистанции, а о своего рода взаимном неприятии, которое помешало бы командиру опереться на подчиненные ему войска в случае, если он замыслит мятеж.

Иной была и роль буддизма. Если в Японии дзэн-буддизм послужил одной из основ самурайской идеологии, а монахи-воины (фактически храмовая стража) являлись духовными феодалами и представляли собой значительную воинскую силу, то в Корее в период Корё буддизм считался государственной религией, оберегающей страну, но оберегать ее нужно было на мистическом уровне: посредством проведения особых обрядов; размещения храмов в местах, важных с точки зрения геомантии; использования в топонимике храмов, имен правителей или названий местности определенных мистических символов и т.п.² Информация о буддийских монахах, которые защищают страну при помощи сложных эзотерических ритуалов, встречается и в «Самгук Юса»³.

В период правления династии Ли буддизм утратил господствующее значение и имел очень низкий социальный статус: монахам было запрещено входить в столичные города, и формально они находились на социальной лестнице на одном уровне с мясниками и проститутками. Тенденция, однако, осталась неизменной. Более того, деятельность ряда буддийских наставников, сформировавших во время Имджинской войны отряды монахов-воинов, не поощрялась остальными иерархами, которые усматривали в этом отход от буддийской морали⁴.

Можно сказать, что ни буддизм, ни конфуцианство не занимались в Корее позднего средневековья выработкой специальной воинской идеологии, хотя в более раннее время в государстве Силла, объединившем

полуостров по окончании периода Трех Государств, такая попытка была сделана. Речь идет о военно-религиозном институте хваранов, и хотя в нашей работе мы заостряем внимание на более позднем периоде корейской истории, не упомянуть о них нельзя.

Корпус хваранов играл важную роль в формировании морального духа и военной организации государства Силла, хотя сразу надо отметить крайнюю скудность посвященных им источников, что оставляет достаточно большой простор для умозаключений и спекуляций. Многие историки, в том числе Ли Гидон и Ли Гибэк, трактуют их как молодежное сообщество, подобное тайным подростковым союзам. Его организация строилась на ритуале клятвы и в значительной мере содержала элементы игры. С другой стороны, хваранский корпус можно воспринимать как аналог монгольского кэшика — группы преданных друзей разного происхождения, сохранявших между собой большую дружбу и становившихся затем полководцами и администраторами. Можно считать хваранов творцами и хранителями национальной поэтической традиции, причем слагаемые ими стихи считались наделенными магической силой. Тренинг был посвящен различным формам самосовершенствования и самовыражения, как через музыку и танцы, так и через боевые искусства. В «Самгук саги» упоминается множество великих государственных деятелей и полководцев из числа хваранов, и в первую очередь Ким Юсин.

Принцип сообщества по клятве отличался от принципа сообщества по крови. Хвараном мог стать и простолюдин, и аристократ. В это сообщество можно было легко вступить и из него можно было легко выйти⁵. Пять заповедей хваранов формулировались так: государю будь предан (верен); со старшими будь почитителен; с друзьями будь искренен; в бою будь храбр (буквально «неотступчив»); убивая живое, будь разборчив (первоначально серия запретов формального характера постепенно трансформировалась в идею не убивать в том случае, если это не необходимо). Как видно, они были связаны с буддизмом, но представляли собой как бы облегченный вариант требований, позволявших совместить буддийскую мораль с обязательствами образцового подданного. Из буддизма были заимствованы методы духовного тренинга, из конфуцианства — идеи сыновней почитительности и преданности государю, причем, в отличие от ранних конфуцианцев, преданность государю ставилась выше почитительности по отношению к старшим. Буддийские монахи часто путешествовали вместе с хваранами, но не играли в группе доминирующую роль, а название их учения «пхунню» (кит. «фэнлю») означает «ветер и волна», явно коррелируя с китайским «фэншуй» («ветер и поток»). Это наводит на мысль о том, что в их учении присутствовал местный шаманский/даосский элемент.

Хварандо сравнивают с бусидо, но «Путь хварана» развивался из отношений между друзьями, а не между землевладельцем и его вооруженными слугами, как в Японии. И хварандо, и бусидо превратились в кодекс поведения воинов, но поскольку военное сословие в Корее так и не сложилось, эта идеология не была полностью востребована и превратилась вскоре в

культурно-исторический кодекс поведения, являющийся, как и европейское рыцарство, брендом определенного этапа корейской истории.

Таким образом, постоянные источники поддержания высокого морального духа войск (востребованность армии, этнический патриотизм, лидерство военачальника) отсутствовали. Поэтому в корейской армии получила большое развитие практика мероприятий, направленных на обеспечение высокого морального состояния войск не за счет объективных причин, а с помощью таких субъективных факторов, как административные меры и пропагандистская работа. Естественно, большая часть этих методик почерпнута из китайских трактатов по военному делу, где этим вопросам всегда уделялось существенное внимание, но мы будем анализировать не столько китайские рекомендации, сколько примеры поведения того или иного корейского военачальника, дававшие положительный эффект.

В ходе кампании многое зависело от того, насколько удачно сумеет командир установить взаимопонимание со своими подчиненными и свой авторитет. Целью действий командующего было достижение состояния, которое корейские историки и Севера, и Юга называют «кунмин ильчхе» («единство армии и народа»), считая его одним из важнейших факторов обеспечения победы в войне, ибо тогда война превращается в войну всего народа, а армия представляет собой сплоченное и единое целое.

Хорошим примером того, как обретается такой авторитет в сочетании с укреплением дисциплины и поддержанием высокого морального духа, может служить деятельность национального героя Кореи адмирала Ли Сунсина, успешно преодолевшего панику первых дней Имджинской войны.

Китайские трактаты постоянно рекомендуют полководцу демонстрировать свою близость к солдатам, понимание их нужд и желаний. Адмирал Ли поддерживал семьи погибших и устраивал раздачу подарков, присланных из столиц⁶, торжественные пиры или зачитывание специальных указов, направленных на поддержание боевого духа воинов⁷. На празднествах он лично поднимал тосты за воинов-ветеранов, выказывая почтение к старшим вне зависимости от ранга⁸. Такие пиры не только укрепляли связь между командиром и его свитой, но и служили способом психологической проверки: рекомендации напоить человека, чтобы выявить его истинную натуру и истинное отношение, встречаются в целом ряде китайских трактатов по «кадровой политике в армии», в том числе и у Чжугэ Ляна⁹.

Его действия формируют образ жесткого, бескомпромиссного, но справедливого руководителя. Хотя чиновник, сегодня подвергнувшийся порке за служебную провинность, завтра мог быть участником дружеской пирушки с обсуждением стратегии, трусость каралась беспощадно, и общеизвестна история о том, как Ли Сунсин повесил на мачте собственного корабля офицера, который отказался вести в бой передовой отряд¹⁰. Стремясь воспитывать людей личным примером, адмирал старался быть эталоном скромности и простоты, спал с мечом в изголовье, подложив под голову военный барабан¹¹. Аналогии с некоторыми российскими полководцами, любившими поспать в солдатской палатке и поесть из солдатского котла, от Суворова до Жукова, напрашиваются сами.

Умение ладить с людьми сделало его открытым для диалога, на его военных советах царил дух демократии, и любой носитель какой-то ценной идеи мог прийти с ней в его ставку. Многочисленные северокорейские легенды о мудрых крестьянах, дающих полководцу правильные советы, имеют своим источником данную ситуацию. Даже то, что, похоронив во время войны мать, он сразу вернулся к своим обязанностям, а не удалился для соблюдения обязательного трехлетнего траура, сыграло положительную роль в формировании его имиджа (в иной ситуации человек, проявивший такую сыновнюю непочтительность, рисковал бы и репутацией, и карьерой).

Другим вариантом поддержки морального духа являются частые демонстративные акты, публичные жесты, призванные настроить солдат на соответствующий лад, вселить в них уверенность в победе, повысить престиж командира. Подобными фактами пестрит биография Ли Сонге, выдающегося полководца периода Корё и впоследствии основателя династии Ли¹². Это выставленные напоказ тела убитых врагов, особенно — их командиров; публичные казни тех беженцев, которые своим поведением распространяли пораженческие настроения; поединок с вражеским командиром перед строем войск или хотя бы сбивание метким выстрелом наверх шлямы вражеского шлема. Некоторые жесты имели более глубокое символическое значение. Так, перед тем как выступить против династии Корё и начать свою игру в качестве основателя новой династии, Ли Сонге на глазах у всего войска демонстративно пустил стрелу в сосну, которая была неофициальным символом династии Корё. Это явно давало всем понять, что «жребий брошен».

Надо отметить, что поединок двух командиров перед строем описывается в китайских военных повестях достаточно часто. Более того, нередко именно он решает исход сражения, так как после убийства вражеского командира, который обычно выступает в качестве поединщика, вражеские солдаты обращаются в бегство. Иногда перед войсками разворачивается серия таких поединков, в которых участвуют представители среднего и высшего командного состава сторон, являющиеся хорошими бойцами-индивидуалами. Таким, например, был сам Ли Сонге. Интересно, что конфуцианская идеология не имеет ничего против такого решения сражения, которое выглядит более гуманным и бережет людей. Впрочем, доблесть полководца отделяют от доблести бойца, стратег имеет больший престиж, чем рыцарь. И тот же Ли Сунсин, хотя и был неплохим стрелком, в поединках не участвовал, а когда во время морского сражения японский военачальник пытался прорваться к нему, расстрелял его из лука, не дав вступить в поединок на мечах.

К публичным актам относится и манипулирование разного рода знаменами и гаданиями, предсказывающими победу и поднимающими моральный дух войск, а также вопрос «правильного употребления» суеверий. В биографии Ли Сунсина рассказывается о его общении с духами убитых воинов, которые в награду за то, что их похоронили должным образом, обеспечивали благоприятную погоду во время сражений или указывали местонахождение врага¹³. А партизанский полководец времен

Имджинской войны Квак Чеу, прозванный «полководцем в красном одеянии», имел такое прозвище потому, что носил одежду, выкрашенную первой менструальной кровью девушек, ибо считалось, что ткань, пропитанная таким количеством «концентрированного начала Инь», может остановить пулю, являющуюся воплощением начала Ян¹⁴.

Понятно, что оба раза речь идет о суевериях, однако мы не будем анализировать вопрос веры, отметив, что следование этим правилам прибавляло морального духа и обеспечивало веру в победу.

Впрочем, в корейской воинской традиции мы сталкиваемся и с ситуацией формально неблагоприятного знамения, которое полководец как бы разворачивает в свою пользу или нейтрализует. В «Тонгук пёнгам»¹⁵ описана такая история. При переправе через реку армии Ли Сонге случилась гроза. Это не только затрудняло переправу, но и являлось крайне неблагоприятным знамением. В такой ситуации один из военачальников обратился к войскам со словами: «Когда из воды выходит дракон, всегда идет дождь и гремит гром. Ныне наш полководец Ли Сонге ничуть не хуже дракона. Так чего же вы боитесь?». Переправа была преодолена. Другой пример связан с героем времен конца Трех Государств Ким Юсином, который, согласно «Самгук юса», просто разрубил надвое птицу, которая кружилась над головами военачальников. Это тоже считалось очень неблагоприятным знамением, однако Ким просто убил ее со словами: «Да как может какая-то птица помешать великому делу!»¹⁶.

С другой стороны, мы сталкиваемся с практикой фальсификации таких знамений, которые применялись как на войне, так и в ходе фракционной борьбы. Наиболее красивым эпизодом такого рода была история, когда члены одной из придворных фракций обмазывали медом листья растений таким образом, что когда насекомые обгладывали обмазанные участки, возникали очертания нужных иероглифов.

Программирующее воздействие оказывалось и аудиовизуальными способами. Очень часто для этого служил программирующий ритм барабанного боя, причем бил в барабан лично военачальник, как бы задавая темп, вызывая чувство упоения боем и дополнительно подчеркивая этим то, что он здесь и принимает участие в бою¹⁷. В связи с этим можно вспомнить, что конфуцианская философия вообще очень сильно выделяет музыку как средство воздействия на сознание, и что музыкальное сопровождение сражения встречается в самых разных регионах и культурах. Интересно, что если в Европе звук служил в основном для передачи информации, а роль центра морального духа играло знамя, на Дальнем Востоке личные штандарты у полководцев, конечно, были, но военная сигнализация осуществлялась не только с помощью звука, но и с помощью знамен и флажков.

Методом мобилизации внутренних резервов войска была его постановка в «положение смерти». В такой ситуации полководец, «разбив котлы и разрушив корабли»¹⁸, как бы сам загоняет войско в такой угол, из которого нет иного выхода, кроме сражения, и воины сражаются уже не только для того, чтобы победить или умереть, а только для того, чтобы победить. Как говорил У-цзы, «когда считают смерть в бою неизбеж-

ной, остаются в живых; когда считают за счастье жизнь, умирают»¹⁹. Интересно, что, возможно, именно это повлияло на то, что боевые качества корейцев значительно лучше проявлялись не в полевых сражениях, а в военных действиях на море или при обороне крепостей. В обоих случаях крепость или корабль представляют собой «ограниченное пространство, окруженное врагом», что мобилизует и сплачивает солдат и офицеров, повышая смычку командующего и солдатской массы. Как говорили в более позднее время на российском флоте, «генерал командует, адмирал ведет».

К деятельности, направленной на повышение морального духа армии, относится и пропаганда, будь то разжигание ненависти к врагу или снижение страха перед его превосходством. Оба эти направления присутствуют в деятельности Ли Сунсина, который как активно распространял рассказы беженцев с захваченных японцами территорий²⁰, так и стремился снизить страх перед высокой численностью противника и его превосходством, внушая солдатам, что «чем ближе противник, тем легче будет нам его разгромить»²¹.

Подводя итоги, можно сказать, что общий уровень морального духа корейского солдата был низок, причиной чего были в первую очередь неостребованность армии и приниженное положение военных, вызванное конфуцианским взглядом на армию и ее роль. Отметим также, что, по сравнению с другими странами, значительно меньшую роль в формировании боевого духа играл религиозный фактор. Единственная попытка выработать «Путь война» на основе синкретической идеологии хваранского корпуса была слишком эндемична и не получила развития с исчезновением государства Силла, где она была предпринята.

Вследствие этого в корейской армии большую роль играла практика мероприятий, дававших кратковременный эффект на период одного сражения или одной кампании. К ним относятся использование традиций морально-психологической подготовки, умелое ведение пропаганды, манипулирование патриотическими лозунгами и личный пример. Идеи верности, преданности, патриотизма воспринимались солдатами скорее через «правильное поведение» их командира, чей личный пример мог поднять моральный дух в конкретной ситуации.

¹ Тонгук пенгам. (Военное обозрение Кореи) /Оригинальный текст на ханмуне. Копия с ксилографа. Гл. 24; *Ли Джэ, и др. авторы*. Хан минджок чонджэнса чхоннон (Очерк военной истории корейской нации). Сеул, 1988. С. 133; *Hulbert, Homer B.* The History of Korea. 2 vols. NY, 1962. Т. 2. С. 38; *Park Yune-hee.* Admiral Yi Sun-Shin and his Turtleboat Armada. Seoul, 1978. С. 144.

² *Grayson, James Huntley.* Korea. A religious history. Clarendon Press, Oxford, 1989. С. 84, 93, 104.

³ *Samguk Yusa.* Legends and History of the Three Kingdoms of Ancient Korea. Seoul, 1972. С. 98, 335, 338.

⁴ *Henthorn, William E.* A history of Korea. NY, 1971. С. 154-155. Впрочем, тема монахов-воинов всегда была источником определенных мифов, и я отсылаю читателей к работам А.А.Маслова, в которых он, например, дал объективную оценку Шаолинскому монастырю и широко распространенной легенде о борьбе его

- монахов с японскими пиратами. См.: *Маслов А.А.* Социально-исторические и теоретические аспекты ушу и его роль в культурной традиции Китая. Автореф. дисс. на соиск. ученой степ. доктора историч. наук. М., 1995; и др.
- ⁵ *Rutt, Richard.* Flower boys of Silla. – ТКВ RAS. Vol. XXXVIII. Seoul, 1961. С. 64.
- ⁶ *Nanjung Igi.* War diary of Admiral Yi Sun-sin. Translated by Ha Tae-hung. Yonsei University Press, Seoul, Korea, 1977. (*Нанджун Ильги.* Личные дневники адмирала Ли Сунсина «Записки среди смуты»). Запись от 10.01.1596 г.
- ⁷ *Нанджун Ильги.* Записи от 19.12.1595 г., 5.05.1596 г. и 30.10.1596 г.
- ⁸ *Park.* С. 209.
- ⁹ Китайская наука стратегии. Составитель В.В.Малявин. М., 1999.
- ¹⁰ *Park.* С. 209.
- ¹¹ *Park.* С. 179.
- ¹² *Hulbert.* Т. 1. С. 253, 254, 285.
- ¹³ Biography of admiral Yi Sun-sin. Imjin Changch'o. Admiral Yi Sun-sin's Memorial to Court / Translated by Ha Tae-hung. Seoul, 1981. С. 219.
- ¹⁴ *Henthorn.* С. 171-173.
- ¹⁵ Тонгук пёнгам. Гл. 36.
- ¹⁶ *Samguk Yusa.* Раздел 34. С. 85 английского текста.
- ¹⁷ *Hulbert.* Т. 1. С. 350; *Park.* С. 245.
- ¹⁸ *Конрад Н.И.* Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М.-Л., 1950. С. 52.
- ¹⁹ *Конрад Н.И.* У-цзы: Трактат о военном искусстве. Перевод и комментарии. М., 1958. С. 35.
- ²⁰ *Imjin Changch'o.* Admiral Yi Sun-sin's memorials to Court. Translated by Ha Tae-hung. Yonsei University Press, Seoul, Korea, 1981. (*Имджин Чанчхо.* Докладные записки адмирала Ли Сунсина). Док. № 7.
- ²¹ *Имджин Чанчхо.* Док. № 60.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА СТЕПНОГО ВОИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

«Номадизм» и «война» - эти понятия были тесно взаимосвязаны, зачастую одно граничило с другим, так как кочевники многие кризисные явления разрешали средствами военной экспансии. Особенности кочевого образа жизни определили физические и моральные качества степного воина, специфику его боевой подготовки.

Воинское искусство кочевников Казахстана органично включало в себя единоборство. Степные воины смело вступали в рукопашный бой. Поединки богатырей перед началом сражения и в ходе его являлись общим правилом, став своего рода традицией. Они демонстрировали уровень боевой подготовки как войска в целом, так и отдельных воинов.

Что представляло из себя единоборство конных воинов? Каковы были средства и методы подготовки воинов к рукопашному бою? В чем особенности системы боевой подготовки степного воина?

Кочевники, в отличие от оседлых народов, имевших начатки военной теории и подробно разработанную систему военного права, не создали военной теории. Вместо этого они выработали богатую военную традицию, которую вожди и воины хорошо знали, бережно хранили и пополняли новым боевым опытом. В опосредованной форме эти традиции нашли свое отражение в жырах — казахском героическом эпосе о богатырях: «Алпамыс», «Кобланды», «Ер Таргын» и др. Именно в них сконцентрирован многовековой опыт военного дела кочевников Казахстана, а в обобщенных образах батыров воплотились воинские подвиги, совершенные в различные времена другими героями.

Казахский героический эпос — поистине неисчерпаемый клад знаний о системе боевой подготовки степного воина, практике единоборств, повсеместно принятых среди воинов, принципах и правилах их проведения¹. Для более глубокого и полного отражения различных аспектов боевой подготовки степного воина в данной статье использованы также сведения из героического эпоса сопредельных народов, исторических трактатов, специальных и научных исследований.

Степная система боевой подготовки к рукопашному бою была многоплановой по характеру и комплексной по содержанию. Начинаясь с раннего детства, она составляла важнейшую часть жизни мужчины. В наиболее обобщенной форме жизненный путь степного воина показан в поэме «Ер Таргын» на примере батыра Карткожака. Вот они, основные его вехи:

- в пять лет он начинает мастерить лук и стрелять боевыми стрелами;
- в десять подвешивает меч на поясе и участвует в состязаниях по борьбе;
- к пятнадцати годам обучается искусству верховой езды, владению мечом и копьем;
- в двадцать лет активно участвует в различных конно-спортивных играх и состязаниях, совершенствует свое мастерство;

— в двадцать пять заковывает себя в доспехи и участвует в боевом походе. Одержав победу в поединке с врагом, становится настоящим воином — умелым, бесстрашным, грозным;

— в тридцать пять, благодаря своим способностям, степной воин получает копьё с бубенцами и возглавляет войско;

— в сорок пять становится надёжной опорой и защитником своего народа;

— в пятьдесят пять, умудренный жизненным опытом, он решает на сборах великих многотрудные споры².

Фундаментальной основой системы боевой подготовки степного воина было искусство верховой езды, корнями уходящее в повседневную практику кочевой жизни. Эта жизнь и определила формы подготовки наездников. Эпос содержит красочные описания конных скачек и бега на длинные дистанции (байга), различных конно-спортивных игр и состязаний (кокпар, тенге-алмак и др.). Степные воины, будучи кочевниками-коневодами, были выносливы и неутомимы в езде. «В день он скакал по сорок раз», — этой своеобразной формулой передаётся в эпосе богатырская выносливость³. «Киргизы, — писал С.М.Абрамзон, — неутомимые всадники, способные в течение долгого времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжёлые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки и т.п.»⁴. Высоко ценились и составляли гордость конного воина легкая посадка на коня, безукоризненное умение держаться в седле. В этом проявлялись ловкость и смелость джигита⁵. Поэтично и образно это показано в калмыцком эпосе «Джангар»:

*Стремени коснулся едва
Пунцового сапога носок, —
Джангар сел уже на коня,
Словно красный уголек,
Отскочивший от огня!*⁶

Герой монголо-ойратского эпоса Бум-Ерден вскакивает в седло, «не касаясь носком своего сафьянового сапога... до подножия стремени»⁷. В «Манасе» воины, демонстрируя выучку, «ног не вставляя в стремени, вскакивают на своих коней»⁸. Следует отметить и особенность посадки степного воина. В казахском эпосе воин, «пригнувшись, ударив, едет крупной рысью»⁹. «Туркменский всадник, — как писал Александр Борнс, — пуская лошадь во весь опор, обыкновенно склоняется на седле вперед, что придает ему вид неукротимости, в высшей степени увлекательный»¹⁰. Характерная особенность посадки степного воина — посадка «в три перегиба». Именно так садятся и скачут батыры в алтайском эпосе: «В три перегиба перегнув тело, уселся и поехал»; «Вступил ногой в стремя, в трех местах перегнулся». Известный исследователь фольклора Г.Н.Потанин дает следующее объяснение этой посадке: «Тело сидящего на коне богатыря представляет три зигзага, которые образуются: торсом, наклоненным над передней лукой; бедром, образующим угол с торсом, и, наконец, голенью, направленной параллельно торсу»¹¹. Такая посадка с наклоном вперед и несколько в сторону, с согнутыми коленями, резко отличалась от традиционной посадки западноевропейских рыцарей — с

прямой спиной, поскольку всадник сидел в «кресле-седле», удерживавшем его тело в стабильном положении. Такое седло хоть и препятствовало попыткам выбить всадника из седла, но оно же и затрудняло для него маневрирование, столь необходимое в бою¹². Одно из качеств степного воина — умение прочно держаться в седле, чтобы в единоборстве противник не мог сдвинуть его на круп коня или сбросить на землю. Последнее неминуемо вело к поражению. И это хорошо показано в эпосе:

*В тот же миг
Благородный Кобланды
Взмахнул копьем, во врага вонзил.
Казана сдвинул с седла
Прямо на круп коня...
Ударил еще — и отлетела его душа¹³.*

Герой каракалпакского эпоса «Кырк кыз» Отбаскан выбивает вражеских конников из седла так, что они разлетаются в разные стороны, как камни из пращи¹⁴.

Ключевая роль отводилась джигитовке (от тюркского «джигит» — искусный и отважный всадник) — скачке на лошади резвым галопом, во время которой всадник на полном ходу соскакивает с лошади и снова вскакивает на нее, поднимает предметы с земли, висит на боку или под брюхом лошади, стреляет в цель. Искусство джигитовки демонстрирует сын Кобланды-батыра Букенбай: как только «сел на Бурьла верхом»,

*Он помчался рысью по камням —
Сначала рысью, а потом и вскачь,
Через рвы мчится стрелой...
Сидя на коне, нагнулся он
И поднял камень с земли —
Ловкость свою показал¹⁵.*

Мастерство наездника демонстрирует герой калмыцкого эпоса Хонгор:

*Хонгор встал на седло ногой,
Встал на гриву коня — другой,
Сразу поднял Али-Монхля
Вместе с могучим его конем
На желто-пестром дроте своем,
Бросил его к ногам Богдо¹⁶.*

Джигитовка развивала у всадников силу воли, смелость, ловкость, физическую силу и служила отличным средством боевого воспитания коня.

Искусство верховой езды требовало специального обучения боевых коней, в ходе которого достигалось единство и согласованность действий коня и воина. Конь становился верным другом и помощником в походе и в бою. В практику обучения боевых коней входило многое: при падении всадника конь останавливался около него или продолжал нести его на себе, когда тот имитировал свое ранение или смерть; ложился около раненого, чтобы тому было легче вновь сесть в седло; выносил всадника из боя, знал всевозможные маневры: ложное отступление, прорыв из окружения врагов и прочее. Лошадь бывала «приучена к разным неожиданным движениям»¹⁷.

В казахском героическом эпосе конь воспевается наравне с богатырем. Он его товарищ и верный в опасности друг. За яркими, поэтичными характеристиками Тайбурыла — легендарного коня Кобланды-батыра, детальными описаниями его появления на свет, процесса выхаживания и выучки легко просматриваются представления кочевников о роли и значении боевого коня. Боевой конь требовал специального ухода и тренировки. От этого зависела его готовность к военным походам. К скачкам или перед дальней дорогой коней готовили задолго путем сложной системы регулирования пищевого режима, сначала наращивая, а потом сбавляя его вес и одновременно укрепляя мускулатуру, чему способствовали выработанные веками приемы тренажа¹⁸. Коней, образно говоря, выстаивали. Именно таков Тарлан, конь Кобыкты:

*Словно птица, распустил свой хвост,
Вздернув голову, посмотрел
Выстоявший ся скакун¹⁹ [выделено мной — Т.А.].*

На казахском языке это звучит более выразительно и конкретно. Буквально «Его пупок прилип к хребту», означавшее, что конь специально выдержан перед скачкой. Герои казахского эпоса, чтобы их кони вошли в силу,

*... месяц коней выстаивают,
Чтобы кони жир согнали²⁰.*

В процессе тренировки боевого коня содержали в темной конюшне. Так поступает Кортка:

*Шесть лет растила она коня,
Солнечный луч впускала лишь
через тундук...*

Результаты такого содержания красочно и своеобразно описаны в эпосе:

*От рожденья не видевший солнца,
Когда вышел из темноты Тайбурыл,
Когда вышел на волю он,
Разгорелись у него, как у лисы, глаза,
Кипит, как котел на огне,
Синий камень, что поперек дороги лежит,
Жует он, словно узду.
Двенадцатисажженным арканом
Играет, встает на дыбы Бурыл²¹.*

Сведения, которые находим в эпосе, подтверждают и специалисты-знатоки конских пород Средней Азии. Именно такими приемами выдерживали для коппара коней карабаирской породы²².

Значимость специальной и полноценной подготовки боевого коня подчеркивается в казахском героическом эпосе тем, что, при всех достоинствах Тайбурыла, Кобланды в походе преследуют всяческие неудачи. И прежде всего потому, что Тайбурыл еще недостаточно окреп и тренирован. До срока зрелости коня оставалось 43 дня. Кортка знала точно, когда Тайбурыл станет вполне пригоден как боевой конь. Она сама испытывала его, поднимаясь на нем к поднебесью:

*Бурыл дважды взлетел до небес,
Но под тяжестью Кыз Кортки
Опустился на землю он.*

И когда Кобланды пришел за конем, то опечаленная Кортка сказала Тайбурылу:

*Трижды ты мог взлететь до небес,
Одного взлета недоставало тебе.
Как мне быть, Тайбурыл?
Тебе еще недостает сорока трех дней²³.*

Совершенное владение навыками верховой езды, техникой управления конем, а также подготовленность и выносливость коня были вопросом жизни и смерти в бою, играли решающую роль в единоборстве с противником.

Важнейшей составной частью системы боевой подготовки воина-кочевника являлась стрельба из лука. Причем воинов обучали метко стрелять не просто сидя в седле, а на полном скаку и во все стороны. Это достигалось ежедневными многочасовыми тренировками с раннего детства, участием в охоте, состязаниями в меткой стрельбе — жамбы-ату. Процесс овладения искусством меткой стрельбы из лука включал в себя овладение определенными знаниями в области баллистики, учет скорости и направления ветра, погодных условий, времени суток и года, тактико-технических данных используемых лука и стрел. Параллельно этому степного воина обучали навыкам быстрого, зачастую автоматического применения этих знаний при определении цели и стрельбы по ней. Успешное овладение этим видом боевого искусства, помимо знаний, навыков, многолетней практики, гарантировалось также и психофизической подготовкой степного воина.

Искусство стрельбы из лука наглядно демонстрируют герои казахского эпоса. В борьбе за невесту Кобланды выстрелом сбивает со столба золотую монету²⁴. В единоборстве с Кобикты насмерть поражает врага точным попаданием стрелы в небольшой просвет в кольчуге в области живота²⁵. Меткость в стрельбе из лука на состязаниях жамбы-ату показывает Алпамыс²⁶. Им не уступает старый воин Карткожак. Догал-стрелой с тупым утолщением на конце он разносит золоченый колчан, на который опирается Таргын²⁷. В состязаниях по стрельбе, устроенных в честь перемирия, воин Будалая меткий Биток сумел поразить в заднюю ногу самку марала, что всего лишь на миг показалась в просвете деревьев. В свою очередь, Таргын, выцелив самого вожака маральего стада, навyleт прошил ему две лопатки²⁸.

Целям боевой подготовки степного воина служили упражнения в борьбе, формировавшие ловкость, быстроту, силу, столь необходимые в непосредственной рукопашной схватке с врагом. Этими качествами в полной мере обладает Таргын. Когда к стенам крепостей Тана и Азов съехался шумный сбор, народ захотел посмотреть богатырские игры. «На ристалище том Аксыбана-батыра, чьи руки из стали булатной, от седла оторвал он и бросил на землю»²⁹. Не уступает Таргину соратник Кобланды-батыра батыр Орак. В тот момент, когда

*На сивом коне с белой отметиной на лбу
Выехал на бой, улучив момент, Актайлак,
Орак, выехав со своей стороны,
Актайлака в тот же миг
Схватил и, как камень, швырнул³⁰.*

В состязаниях по борьбе, весьма популярных в кочевой среде, проверялась готовность молодых воинов к боевым походам, выявлялись сильнейшие, из числа которых, в перспективе, вырастали командиры воинских подразделений.

Искусство верховой езды, стрельба из лука и владение приемами борьбы — эти три основы системы боевой подготовки степного воина, их совокупность являются отличительной особенностью этой системы от систем юго-восточных (Китай, Япония, Корея, Индия) или западных (Рим, Греция, Византия, Русь).

Система боевой подготовки степных воинов включала в себя владение всеми традиционными видами оружия: копьем, мечом, саблей, булавой, дротиком, секирой, кинжалом, причем на высоком уровне. Мастерское владение копьем — основным оружием кочевого воина в ближнем бою — демонстрируют герои казахского эпоса. Так, Таргын расчищает себе путь через вражеское войско копьем длиной в шесть кулашей³¹ (кулаш — мера длины приблизительно в сажень). Перед грозной силой Карткожака не устоял коварный враг. Когда они сошлись на пиках, через миг опустело седло скакуна³². Кобланды, взметнув копье, насмерть поражает Алшагыра, а других калмыцких богатырей, умело зацепив копьем, сбрасывает на землю³³. Алпамыс в поединке с сыном Таймаса поднял своего противника на пику и, прокрутив его несколько раз над собой, грохнул оземь³⁴. Не уступает им Биршимбай, проявляя свое виртуозное владение копьем в схватке одновременно с четырьмя противниками — соратниками Кобланды-батыра:

*Подскакал Биршимбай
И без лишних слов
Кольнул один раз Кобланды,
Кольнул один раз Карлыгу,
Карамана один раз колынул,
Кольнул один раз Орака-богатыря...
Снова взял копье наперевес,
Кольнул один раз Орака-богатыря,
Карамана один раз колынул,
Кольнул один раз Карлыгу,
Кольнул один раз Кобланды...
Вот так Биршимбай
Каждого по три раза копьем колынул...
Четверо сивогривых лишились сил³⁵.*

Умелое владение тяжелым мечом-алдаспаном длиной в семь карысов (карыс — расстояние между большим и указательным пальцами) демонстрирует Таргын³⁶. На полном скаку Алпамыс молниеносным ударом меча сносит голову Таймасу³⁷. Грозным оружием в руках степных воинов были

сабля и шокпар (булава на длинной рукояти). В рубке клинками воины, демонстрируя мастерство фехтования, ударом отводят удар³⁸.

Высоко ценилось искусство владения булавой (палицей). В огузском эпосе сказано, что «для джигита, умеющего бить, лучше меча со стрелой палица». Блестяще владеет палицей Кан-Турали, который «заставил бегать своего быстрого коня, бросал к небу свою палицу, не давал ей упасть на землю, гнался за ней, схватывал ее»³⁹. Как для защиты, так и для нападения широко использовался щит.

Степные воины прекрасно владели арканом и камчой, умело использовали их в боевых условиях, когда необходимо было нейтрализовать и вывести противника из строя. Так, Таргын, когда Шортан-бий поднял на него саблю, ударил его тяжелой плетью-доиром, плетенной в двадцать жил и со стальным грузом на конце. И обвила плетью голову бия в собольей шапке, и упал бий с коня с разможенным черепом⁴⁰. Герой тувинского эпоса Хан-Буудай ударами плети с золотой рукояткой поочередно расправляется с обоими противниками, говоря при этом: «...я не буду ради тебя задерживаться в пути, мне некогда вытаскивать оружие, чтобы дать тебе достойный ответ»⁴¹.

Эпизоды боевого столкновения Алпамыса с батырами хана Тайшика наглядно демонстрируют многоборческую подготовку степного воина. С батыром Таймасом Алпамыс сражается с помощью булавы, затем использует меч. С другим джунгарским батыром расправляется ударом кулака по голове противника. Сына Таймаса Алпамыс поднимает на пику. Но вот навстречу ему вышел прославленный силач-палуан, мастер борьбы. Алпамыс решает сразиться с ним, не применяя оружия. «Когда их кони сошлись, Алпамыс схватил соперника за ворот халата, Байшубар рванул вперед, и Алпамыс увлек палуана за собой. Он распростился с жизнью на коне, так и не освободившись от железных рук Алпамыса»⁴².

Не уступает Алпамысу и Таргын. В битве с врагами он с успехом применяет копьё, от которого те разлетаются в разные стороны, захлебываясь в собственной крови. Тяжелым шокпаром громит он пришельцев, закованных в стальные доспехи. Топором-айбалтой (секирой) рубит надвое вражеских батыров. Схватив за ворот, стаскивает противника с коня и, зацепив его крюком на конце копья, волочит за собой. В ближнем бою пускает в ход кинжал, в дистанционном — поражает врага стрелами⁴³.

Мастерство многоборца показывает и Кобланды в поединке против Алшагыра. Всадники вначале сражаются копьями, затем дерутся кинжалами и рубятся мечами. Жесткость и напряжение боевого столкновения эпос рисует такими деталями, как судороги в ногах, онемение пальцев, пламенное дыхание. В ярости бойцы глотают кровь вперемешку со слюной. О силе и мощи ударов свидетельствуют сломанные кинжалы и погнутые мечи⁴⁴.

Степные воины могли сражаться по несколько часов, выдерживая десятки схваток. Так, Алпамыс, не зная усталости, сражается с джунгарами в течение дня⁴⁵. Кобланды, «врагу показав свою мощь, сражался шесть дней подряд»⁴⁶. Таргын борется с целым войском торгоутов в течение двенадцати дней⁴⁷. Здесь, конечно же, налицо мифологизация героя и художественное преувеличение. Однако профессионализация военного дела у кочевников обуславливала необходимость подготовки

степного воина к схватке с несколькими противниками. Для этого их обучали умению вести бой с оружием в обеих руках. Кроме того, у воинов вырабатывали специальную выносливость, позволяющую вести длительный по времени и напряженный по темпу рукопашный бой. Именно традиция серьезной профессиональной подготовки позволяет Алпамысу вступить в единоборство с Тайшиком после продолжительной битвы с его войском. И здесь батыры демонстрируют свое искусство владения поочередно палицей, копьем, мечом⁴⁸.

Степные воины могли ловко уклоняться от стрел, парировать щитом или оружием брошенные в них копыя. Так, Кобикты булавой отбивает копые Карамана⁴⁹. Герои якутского эпоса искусно избегают стрел, то привставая на стременах, то притворно падая навзничь. Более того, физическая ловкость Ельбет-Бергена позволяет ему руками ловить выпущенные в него стрелы и этими же стрелами разить врагов⁵⁰.

Представленные в казахском героическом эпосе яркие картины единоборства батыров с противниками характеризуют не только уровень индивидуальной подготовки степного воина, его физические способности и моральные качества. Эти картины дают представления о принципах и правилах, по которым проводились поединки.

Поединок начинался с того, что соперники определяли, кому и каким видом оружия открывать бой. Если выбиралась стрельба из лука, то обозначали расстояние. Старший по возрасту начинал первым. Так, батыр Таргын уступает право первой стрелы своему сопернику зайсану Домбаулу. И лишь девятислойная кольчуга спасает Таргына от неминуемой смерти. Он же, в свою очередь, поражает врага стрелой в самое сердце. В противоборстве с Карткожаком тот же Таргын не оспаривает право старшего на первую стрелу⁵¹. Право первым нанести удар по обычаю давалось и в случае, когда батыр в одиночку противостоял войску. Так, хан Тайшик дает такое право Алпамысу. При этом были положены три попытки, чем с успехом и воспользовался Алпамыс⁵².

Степные воины имели свой кодекс чести, по которому упавшего с коня на землю противника не добивали, а предоставляли ему возможность продолжать поединок с оружием в руках. Так поступил Карткожак, вызвав боевым кличем на поединок «коварного врага, убийцу своего брата», и одолев его в честном бою⁵³. Этот кодекс чести формировался под влиянием взглядов о месте и роли батыра в жизни степного кочевого общества. Постоянные войны оказывали свое влияние на образ жизни и массовое сознание. Чтобы выжить в условиях непрерывной смены мира и войны, побед и поражений, кочевники (у которых все мужчины, а в ряде случаев и часть женщин являлись воинами) были поставлены перед необходимостью создания особой прослойки — профессиональных воинов. И такая прослойка в лице батыров была создана. Именно батыры были главными, основными носителями традиций военного искусства, его генераторами. Воплощая в себе этические нормы и принципы, которыми, по их мнению, должен руководствоваться настоящий воин, и осознавая свое предназначение, батыры, вступая в единоборство, и поступали соответственно этим принципам.

Кодекс чести степного воина-батыра, безусловно, стоит в одном ря-

ду с кодексами чести западноевропейского рыцаря и японского самурая.

В системе боевой подготовки степного воина важнейшая роль отводилась психофизической подготовке. Профессионализация военного дела требует от воина особой психологической подготовленности. Воинов обучали способности хранить самообладание и выдержку в критических ситуациях, в них развивали волю к победе, готовность пойти на смерть.

Казахский героический эпос и в этом плане содержит весьма ценную информацию. После того, как Алпамыс одержал три победы подряд в единоборстве с воинами хана Тайшика, он в очередной раз бросил вызов врагу. «Ждать ему пришлось недолго. Из рядов войска выделился еще один батыр. Он вышел неторопливой спокойной походкой и вовсе не напоминал тех батыров, которые выходили на поединок с Алпамысом до него. Его вооружение было небогатым. Оно бросалось в глаза своей простотой, граничащей с бедностью. *В движениях батыра не чувствовалось ни возбуждения, ни скрытой тревоги, похоже, воин знал себе цену*»⁵⁴ [курсив мой. — Т. А.]

Уже эти характеристики походки и движений воина показывают, что перед нами профессионал, хорошо обученный и подготовленный как в физическом, так и в психологическом плане.

«Алпамыс, конечно, не знал, что на поединок с ним вышел прославленный силач-палуан, *мастер борьбы*, лопатки которого ни разу не коснулись земли. *Медленно ступая*, палуан подошел к своему коню, вскочил в седло и, разминаясь, проскакал несколько кругов по площадке»⁵⁵ [курсив мой. — Т. А.]

Указание на то, что это не просто воин, а мастер борьбы, есть, на наш взгляд, свидетельство значимости борьбы как одной из трех фундаментальных основ (наряду с искусством верховой езды и стрельбы из лука) в системе боевой подготовки степного воина. Акцентируя же внимание на характеристике движений (общеизвестно, что основополагающим моментом в борцовской подготовке являются движения борца, по которым можно определить уровень его физической, технической, а главное, психологической подготовленности), эпос тем самым подчеркивает роль психологической подготовки в военной профессии. Именно эта подготовка способствовала преодолению страха смерти и позволяла степному воину действовать с максимальной эффективностью.

Диапазон психорегулятивных установок в сознании степного воина, его арсенал психотехнических приемов, методов и средств, направленных на преодоление страха смерти, и создание во время битвы соответствующего настроения и состояния психики достаточно широки и разнообразны.

Степные воины страх смерти вытесняли с помощью моральных, нравственных установок. Здесь, прежде всего, чувство долга перед своими сородичами, родными и близкими. Именно так настраивается Алпамыс на битву с джунгарами, прочтя письмо Гульбаршин. «Письмо взволновало Алпамыса, сердце его наполнилось болью за Гульбаршин, которая зывала о помощи и ждала его, как единственного своего спасителя... — Да будет мне удача! — проговорил Алпамыс, садясь на чубарого. Он простер руки к синему небу и принес Создателю молитву. — О, Творец, не оставь без милостей своего преданного раба! Ниспошли мне

удачу! Сделай так, всемогущий Создатель, чтобы я живым и здоровым встретился с моими благословенными родителями и единственной моей сестрой: Ты ведь видишь, что я выступаю за справедливое дело!»⁵⁶.

Так же готовится к бою Таргын. Оказавшись в кольце врагов, он огляделся кругом и сказал: «— Вражье войско, густое, как лес, окружило меня. Если смогут меня одолеть, значит, взят будет весь мой народ. Что же будет тогда? Как мне пережить этот позор?»⁵⁷. Так же, как и Алпамыс, Таргын просит помощи у Всевышнего: «— О, повелитель мой! Во многих кровавых сраженьях я побывал, но только теперь вижу — доведется испытать не на шутку мне силы свои! Не меньше шести тысяч врагов предо мною. Нет, Тенгри, если мне не поможешь Ты сам, мне не выбраться живым с поля этого. Аруах! Дай коню моему нескончаемых сил! Дай мне мощь неотвратимую!»⁵⁸.

Обращение стелных винов к Богу, к духам предков не только отражает их религиозные чувства, но и является своеобразным приемом психологического настроя перед битвой. Казахский героический эпос содержит в себе описание и такого психотехнического приема настроя степного воина, когда в преддверии боя он обращается к своему боевому оружию и коню с призывом продемонстрировать врагу их ратные свойства и качества.

«Настал день выпустить все мои стрелы, оперенные орлиными перьями, что ребра пробивают врагам. Значит, день наступил, чтобы меч обнажить в шесть карысов, что скалы рубит, как камыш, что врагов разрубает надвое. День настал, чтобы пику с древком сосновым, с острием в четыре сверкающие грани, пику с пестрым значком, что острее драконова жала, мне направить на врага! День настал для тебя, конь Тарлан, неустанно скакать против тысяч врагов. Мой тулпар — коротки и мощны твои бабки, подтянут твой пах, конь Тарлан, с головой точеной, как у лани!»

Так сказал Таргын и «собрал всю свою мощь...» Не в первый раз стоял батыр перед вражеским войском. И потому «спокойно и мерно билось в груди его большое сердце»⁵⁹ [курсив мой — Т.А.]

Выделенные отрывки наглядно показывают цель, достигаемую степным воином с помощью методов психорегуляции и психотехнических приемов. Описанным выше психотехническим приемом пользуется и Кобланды-батыр:

*На врагов я напал.
Пусть сегодня же окрасится кровью
Железная кольчуга кованная
И крепко сбитая тобой, храбрец Даут!
Увидел врага — разгневался я,
Мне ли бежать от врага?
То, что сегодня увидеть суждено,
Сбудется, если веры держусь.
Копью моему с зарубиной на древке
Сегодня вонзиться день настал.
Из лука болгарского бухарской стрелой
Настал сегодня день стрелять...»⁶⁰.*

Обращаясь к оружию, Кобланды не только характеризует его, но и заклинает и клянется сам:

*Копьем с зарубиной на древке
Проколю врага. Клянусь!
Что кровью напьешься, копье, и ты клянись!
Из лука болгарского бухарскую стрелу
Выпущу. Клянусь!
Если лук не натяну — клятвы не сдержу.
Выдержат силу мою,
Не сломаться от силы моей, лук, клянись!..
...Бесчисленных вражеских войск
С копьями, украшенными бунчуком,
И этих воинов самих,
И острия их мечей
Не утрашусь. Я клянусь!⁶¹.*

Описав подготовку Кобланды к бою, эпос дает наглядную характеристику психофизического состояния батыра и в своеобразной форме выражает степень богатырского гнева:

*Батыром рожденный Кобланды
Не успокоится, пока голову не снесет
Недругу, что потягался с ним.
Батыр, решив напасть на врага,
Весь подобрался, распрямил свой стан...
С его век осыпается снег,
Ресницы покрылись льдом,
Он разъярился, рассвирепел,
Ожесточился, рассвирепел,
Будто холодным железом опоясан он⁶² [выделено мной — Т.А.]*

Обращение к боевому оружию вытекало прежде всего из представлений древних кочевников о его магической силе и роли. Оружию приписывалось сверхъестественное свойство вбирать в себя лучшие качества поверженных с его помощью врагов, оно отождествлялось со злым демоном, его считали слугой ангела смерти. Оружию поклонялись и его обожествляли. Представления об одушевленности оружия и диктовали обращение к нему степного воина. Воин перед боем настраивал не только себя, но и, как он считал, свое оружие.

Чувством чести и долга вдохновлен и старый воин Карткожак, посланный в погоню за Таргыном и Акжунус. «Старость моя — это все, что в укор мне поставить ты сможешь... Лук неспроста на плече у меня, не для забавы кинжал на ремне... Без сожаленья смерть свою встречу, если ж она вдалеке от меня — я Акжунус у тебя отобью» [курсив мой — Т.А.]⁶³.

Казахский героический эпос воскрешает и другие способы преодоления страха смерти, которое является результатом либо осознанных усилий воли, либо низменных, корыстных инстинктов. Так, пастух Кейкуат преодолевает свой страх благодаря известному изречению: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать»⁶⁴. У Таймаса страх смерти заглушается жаждой наживы: в случае победы над Алпамысом ему обещан в качестве вознаграждения чубарый тулпар Байшубар⁶⁵. Чувством мести за поверженного отца пылает перед боем сын Таймаса, напористый, словно

орел, и гибкий, как леопард⁶⁶. Одержимый желанием отстоять посрамленную честь страны, бросает боевой клич один из батыров хана Тайшика⁶⁷.

Степные воины в своем стремлении к личной славе и испытывая жажду подвига, не только могли оттеснить страх смерти на задний план сознания, но и преодолевали его презрением к смерти. Именно так поступает Таргын: «А ведь был я тулпаром *бесстрашным и гордым, я и смерть презирал*, и бросался с обрывов высоких, лишь бы только врагам пресечь к отступлению путь» [*курсив мой — А.Т.*]⁶⁸. В обстановке реального поединка в каждом конкретном случае на первый план выдвигаются те или иные средства и методы психорегуляции и психотехники, вводятся различные пружины, заводящие механизм психофизического настроя на бой и подавление страха смерти. Зачастую идет их совмещение.

Степному воину необходимо было уметь мгновенно реагировать на любую внезапную перемену ситуации в процессе боя. Это могло быть достигнуто лишь на уровне подсознания. С помощью определенных психотехнических приемов воин сосредоточивался и входил в состояние транса. В этом состоянии хорошо обученный и подготовленный физически воин, в совершенстве владеющий своим телом, был практически неуязвим для противника, поскольку благодаря профессиональному наитию и годами отработанному автоматизму заранее предугадывал тот или иной шаг в его действиях. В свою очередь сам он превращался в грозную и очень эффективную смертоносную машину, свободную в этот момент от каких-либо эмоций, чувств и переживаний. Подобное психофизическое состояние воина было надежной гарантией успеха в рукопашном бою с одним или несколькими противниками.

Следовательно, психофизическая подготовка, будучи определяющим моментом в системе боевой подготовки степного воина, дает нам ключ к пониманию природы легендарных подвигов героев казахского эпоса, сконцентрировавших в себе реальные победы реальных воинов-кочевников в многочисленных битвах на всем протяжении многовековой военной истории Казахстана.

Важным элементом системы боевой подготовки воина было и умение трезво и хладнокровно оценивать быстро меняющуюся ситуацию в ходе поединка, видеть и понимать состояние и возможности того или иного противника и, в соответствии с этим, определять вид оружия и способ его применения. Именно так поступает Алпамыс в битве с воинами хана Тайшика. От первого пробного удара Алпамыса палицей душу Таймаса охватила тревога и он засомневался в успехе. Больше того, Таймас не был уверен, что устоит под вторым ударом Алпамыса. Но опытный воин — волк травленный, и потому Таймас постарался не выдавать своих чувств. Он угрожающе размахивал палицей и походил на того же самого волка, который дыбом поднимает шерсть, чтобы скрыть свою слабость. Поняв состояние противника, Алпамыс оставил палицу и, вытащив из ножен меч, на полном скаку снес ему голову. В это время из рядов ханского войска, одержимо крича, выскочил еще один батыр. Подчеркивая состояние воина, направлявшего коня к Алпамысу, эпос еще раз указывает, как он вел себя: «На поединок! — бешено орал он... — На поединок!»

«Алпамыс, — продолжает эпос, — увидев противника, потерявшего

над собой власть, решил расправиться с ним необычным способом. Он бросил меч в ножны, пристегнул палицу к седлу, прижал коленом копые. С одним только щитом в руке Алпамыс двинулся на врага.

Джунгарский батыр, пытаясь воспользоваться удобным моментом, нанес Алпамысу сокрушительный удар мечом. Но меч с лязгом ударился о щит, не причинив Алпамысу вреда, а Алпамыс тут же обрушил *свой кулак* на голову противника, да с такой силой, что она покатилась по земле...»⁶⁹ [*курсив мой* —Т.А.].

Особая, определяющая роль в системе боевой подготовки принадлежит воину-наставнику, воину-учителю, мастеру военного дела. Его предназначение выходит далеко за рамки непосредственного обучения ученика военному искусству. Его задача намного шире — открыть своему подопечному ПУТЬ ВОИНА. Только учитель в состоянии передать ученику воинскую традицию напрямую, без посредников и в полной форме. Только учитель из уст в уста, из рук в руки, от сердца к сердцу может передать ученику все свои знания и умения, обучить всем хитростям и премудростям военного искусства, помочь понять смысл жизни воина и его предназначение.

В казахском героическом эпосе таким учителем и наставником предстает доблестный Естемес — герой из народа, ханский слуга и воспитатель малолетнего богатыря, на время заменивший ему отца. Кобланды в шестилетнем возрасте отправляется к бесчисленным табунам отца, где главный табунщик Естемес воспитывает его в духе военнокочевой жизни, обучает охоте, верховой езде, тренирует в ловкости:

*С Естемесом вдвоем
Направляя борзых, пуская ловчих птиц,
богатырь Кобланды
Пусть проводит время там*⁷⁰.

Естемес долгие годы обучает Кобланды, дает совет, как победить в состязаниях за невесту, в дальнейшем воспитывает и его сына в воинском духе. Он отыскивает раненного богатыря и играет немаловажную роль в его спасении и последующем исцелении. Внешний облик Естемеса под стать богатырю. На битву он выезжает

*На гнедом гривастом коне,
С куруком в руке,
В доспехах с ног до головы.*

В бою он бесстрашен и косит врагов налево-направо:

*Рыча, словно лев,
Пробивается в самую гущу войск.
Он засучил оба рукава,
Обе полы подобрал —
И этот был прославленным храбрецом.
Как волк, нападающий на овец,
Кызылбашей сокрушает он*⁷¹.

Эти характеристики Естемеса и являются подтверждением значимости той роли, которая принадлежит мастеру-учителю, мастеру-наставнику в воспитании степного воина. ВОИНА ОБУЧИТЬ МОГ ТОЛЬКО ВОИН.

Важнейшим фактором боевой подготовки воина у кочевников был *природный* фактор. Жизненный уклад, весь процесс воспитания кочевника, вся система его боевой подготовки неразрывно связана с миром Природы. «В ряде стран Дальнего Востока, — отмечают исследователи истории и практики дальневосточных боевых искусств, — существовала древняя традиция *периодического* удаления в горы и леса, где нужно было тренироваться в жару и холод, переходить, по существу, на «подножный корм», подражать жизни животных, *пробуждая в себе уснувшие инстинкты*, до небывалой степени обостряя восприятие. Общение и эмоциональное отождествление человека с природой позволяло как бы «заимствовать» и накапливать природную энергию (солнца и ветра, деревьев и скал...). Культурная традиция, обращаясь к природным истокам, преображала и самого человека, возвышая его среди других существ и одновременно возвращая его в материнское лоно Природы» [*курсив мой* — Т.А.]⁷².

В отличие от дальневосточных систем, степная система боевой подготовки не нуждалась в *периодическом* удалении воинов в лоно Природы. Она сама была порождением Природы, ее составной и естественной частью. Природные качества и способности кочевника-скотовода делали его хозяином пустынь и степей. Здесь он чувствовал себя в родной стихии. Ему незачем было пробуждать в себе уснувшие инстинкты, обострять чувства и восприятие, заряжаться природной энергией. Все это естественно и органично было заложено в нем и развивалось повседневной жизненной практикой, обусловленной кочевым бытом и характером производственной деятельности скотовода. Природный фактор и создал реальные условия, в которых возникла и успешно функционировала степная система боевой подготовки конных воинов.

Рассмотренные нами основные элементы системы подготовки воинов-кочевников с ее характерными особенностями, принципами и правилами единоборства всадников, средствами и методами обучения рукопашному бою, — есть свидетельство ее уникальности. Ее жизнеспособность и значимость была подтверждена на деле: кочевая военная система, *составным элементом* которой была система боевой подготовки степного воина, являлась «одной из самых совершенных систем средневековья»⁷³ и обусловила высокий уровень военного дела и победоносные войны кочевников Центральной Азии, во многом определившие направленность и ход исторических процессов в регионе.

¹ См.: Алпамыс-батыр. Алма-Ата, 1981. С. 39.

² Ер Таргын. Алма-Ата, 1981. С.35-36.

³ Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М., 1975. С. 275.

⁴ Абрамзон С.М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. М., 1971. С. 153; Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 156.

⁵ Липец Р.С. Указ. соч. С. 226.

⁶ Джангар: Калмыцкий народный эпос. М., 1958. С. 47-48; Липец Р.С. Указ. соч. С. 226.

⁷ Монголо-ойратский героический эпос. /Пер., вступ. ст. и примеч. Б.Я.Владимирцова. Петроград, 1923. С. 65; Липец Р.С. Указ. соч. С. 226.

- 8 Манас: Эпизоды из киргизского народного эпоса. М., 1960. С. 71-76; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 87.
- 9 Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.-Л., 1945. С. 114; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 227.
- 10 Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора... и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом... в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Александром Борнсом... М., 1849. Ч. 3. С. 154; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 226.
- 11 Аносский сборник. *Никифоров Н.Я.* Собрание сказок алтайцев с примеч. Г.Н.Потанина. Зап. ВСОРО. Омск, 1915. Т. XXXVII. С. 20; Там же. С. 6; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 227.
- 12 *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973. С. 40-41; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 226-227.
- 13 Кобланды-батыр. С. 279.
- 14 Кырк кыз: Каракалпакский эпос / Записано со слов народного певца Каракалпакки Курбанбая Бахши. Ташкент, 1949. С. 265; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 228.
- 15 Кобланды-батыр. С. 370.
- 16 Джангар. С. 128-129; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 227-228.
- 17 *Голубооский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884. С. 215-216; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 215.
- 18 *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 182.
- 19 Кобланды-батыр. С. 300.
- 20 Казахский фольклор в собрании Г.Н.Потанина (Архивные материалы и публикации) / Сост. и коммент. Каскабаева С.А. и др. Алма-Ата, 1972. С.266; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 182-183.
- 21 Кобланды-батыр. С. 246.
- 22 *Рогалевич М.И.* Карабайрская лошадь // Конские породы Средней Азии. М., 1937. С. 183; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 183.
- 23 Кобланды-батыр. С. 246-247; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 182.
- 24 Там же. С. 227-228.
- 25 Там же. С. 303.
- 26 Алпамыс-батыр. С. 106.
- 27 Ер Таргын. С. 30.
- 28 Там же. С. 43.
- 29 Там же. С. 42-43.
- 30 Кобланды-батыр. С. 344.
- 31 Ер Таргын. С. 61.
- 32 Там же. С. 35.
- 33 Кобланды-батыр. С. 342, 344.
- 34 Алпамыс-батыр. С. 75.
- 35 Кобланды-батыр. С. 345-346.
- 36 Ер Таргын. С. 15.
- 37 Алпамыс-батыр. С. 74.
- 38 Манас. С. 77-78; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 87.
- 39 «Книга моего деда Коркута»: Огузский героический эпос / Пер. Бартольда В.В. Изд. подгот. В.М.Жирмунский, А.Н.Кононов. М.-Л., 1962. С. 12, 65; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 80.
- 40 Ер Таргын. С. 10-11.
- 41 Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос. / Предисл. пер. и коммент. Гребнева Л.В. Кызыл, 1960. С. 38-39; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 82.
- 42 Алпамыс-батыр. С. 74-75.
- 43 Ер Таргын. С. 61-62.
- 44 Кобланды-батыр. С. 342.
- 45 Алпамыс-батыр. С. 73-76.

- 46 Кобланды-батыр. С. 284.
47 Ер Таргын. С. 62.
48 Алпамыс-батыр. С. 79.
49 Кобланды-батыр. С. 289.
50 *Ястремский С.В.* Образцы народной литературы якутов // Труды Комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. VII. С. 24, 117; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 76, 85.
51 Ер Таргын. С. 58-59.
52 Алпамыс-батыр. С. 72.
53 Ер Таргын. С. 35.
54 Алпамыс-батыр. С. 75.
55 Там же.
56 Там же. С. 33.
57 Ер Таргын. С. 59-60.
58 Там же. С. 59.
59 Там же. С. 60.
60 Кобланды-батыр. С. 281.
61 Там же. С. 282.
62 Там же. С. 283.
63 Ер Таргын. С. 27.
64 Алпамыс-батыр. С. 64.
65 Там же. С. 73.
66 Там же. С. 74.
67 Там же.
68 Ер Таргын. С. 42.
69 Алпамыс-батыр. С. 74.
70 Кобланды-батыр. С. 236.
71 Там же. С. 362, 365.
72 *Фомин В.П., Линдер И.Б.* Диалог о боевых искусствах Востока. 2-е изд. М., 1991. С. 245.
73 *Росляков А.А.* Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркм. фил. АН СССР. Ашхабад, 1951. № 2. С. 15.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОКАМИ

Д. В. Саблин

В ПЛЕНУ ИЛЛЮЗИЙ: ОБРАЗЫ КАВКАЗА И ГОРЦЕВ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XIX В.

Кавказская война XIX века в российском общественном сознании являла собой весьма сложный, противоречивый и достаточно туманный образ на протяжении весьма длительного исторического периода. Более того, и периодизация ее начала¹, и причины сопротивления горцев, и отношения русских с коренным населением Кавказа до сих пор вызывают споры у исследователей. Особенно активно эти вопросы обсуждались в 90-е годы XX века, привлекая внимание не только отечественных, но и иностранных специалистов. Так, интересную трактовку событий Кавказской войны дает немецкий историк А. Каппеллер. По его мнению, «в войне на уничтожение, которая становилась все более жестокой, со временем на первый план все более очевидно выступала цель «истребления», и горцы попадали в «образ врага», связанный с представлением о коварных разбойниках и фанатиках-мусульманах»².

Само по себе высказывание А. Каппеллера — отражение стереотипа представления о русской политике на Кавказе, сформированное у Западной Европы именно в 90-е годы XX века, и стереотип этот, скорее всего, еще не скоро изживет себя, а до тех пор «чеченский вопрос» будет оставаться предметом шантажа России на внешнеполитической арене.

Но была ли Кавказская война «войной на уничтожение» и попадали ли все горцы в «образ врага»?

Формирование «образа врага» — процесс длительный, а в случае Кавказской войны — особенно сложный.

Прежде всего, необходимо было осознание Кавказа как некой территории (государства) — противника России.

Можно выделить несколько моделей формирования стереотипов образа государства-врага. В тех случаях, когда с государством существовали длительные дипломатические и культурные связи, «образ врага» складывался довольно легко. Негативный образ государства «очеловечивался», к нему применялись определения «коварный», «алчный», «подлый». Если дипломатические контакты носили спорадический характер, а культурные связи не отличались прочностью и длительностью, создание образа врага несколько затруднялось и занимало больше времени. В этом случае четко доминирует позиция патернализма по отношению к гипотетическому противнику, и нередко определение государства через образы животных и через уничижительные определения («жалкий», «слабый» и т.д.).

В случае с Кавказом складывание образа территории (государства) —

врага развивалось иначе. Правовой статус территории должен был породить восприятие Кавказа как «русской земли».

Граница русского государства вошла в соприкосновение с территориями Северного Кавказа в середине XVI века после присоединения Астраханского ханства. С этого же времени происходит колонизация земель по Тереку и Сунже казаками, принявшими на себя функцию охраны российской границы на этом направлении. В XVI—XVII вв. Россию достаточно активно использовали в своих политических интересах правители кавказских государств: надеясь на помощь в борьбе с Османской империей и Персией, несколько раз присягали русским царям правители грузинских областей Имеретии, Картли, Кахетии, а также Кабарды и Дагестана.

Петр I после успехов, достигнутых на западном направлении российской политики, начал проводить активную политику в отношении Персии и Османской империи. В результате Персидского похода 1722 г. 12(23) сентября 1723 г. между Россией и Персией был заключен Петербургский трактат, по которому к России отошли города Дербент, Баку, провинции Гилян, Мазондран и Астрабат, т.е. все западное и южное побережье Каспия. По русско-турецкому Константинопольскому трактату 12(23) июня 1724 г. Османская империя признала территориальные приобретения России. Однако в последующем Россия не смогла удержать завоеванные земли (по Рештскому трактату 13(24) февраля 1729 г. провинции Мазандеран и Астрабат отошли Персии; по Рештскому трактату 21 января (1 февраля) 1732 г. Россия возвращала Персии территорию вплоть до реки Куры; по Гянджинскому договору 10(21) марта 1735 г. была восстановлена русско-иранская граница, существовавшая до 1723 г.).

Активная внешняя политика Екатерины I привела к тому, что к середине 80-х гг. XVIII в. большая часть Северного Кавказа оказалась внутри российских границ.

Борьба за уничтожение автономии Северного Кавказа начинается в последней трети XVIII века: усиливается военное присутствие России на Кавказе, активизируется колонизация пограничных земель казаками (помимо Терского, создается Кубанское казачье войско), в 1785 г. учреждается Кавказское наместничество (наместнику передавалась верховная гражданская и военная власть на Кавказе).

Активизация внешней политики России на «кавказском» направлении способствовала возрастанию заинтересованности местных правителей в союзнических отношениях с Россией (как противовес турецкому и персидскому влиянию, а также — в не меньшей степени — как влиятельная сила в феодальной борьбе местных владетелей).

24 июля (4 августа) 1783 г. между Россией и царем Картли-Кахетии Ираклием II был заключен Георгиевский трактат об установлении протектората России над Восточной Грузией. Манифестом 18(30) января 1801 г. Павел I объявлял о «присоединении царства Грузинского» к России, а 6(18) марта 1801 г. указом о преобразовании Восточной Грузии в Грузинскую губернию Российской империи во главе с генерал-губернатором грузинская автономия de jure была уничтожена. Александр I Манифестом 12(24) сентября 1801 г. подтвердил присоединение Восточной Грузии к России. Вмешательство России в менгрело-имеретинский конфликт (Менгрельский князь был вассалом Имеретинского царя) привело к переходу в российское подданство сначала князя Менгрелии Григория Дадиани (1803), а затем и царя Имеретии Соломона II (1804). Этот шаг неиз-

бежно повлек за собой вступление в российское подданство зависимых от Имеретии и Мингрелии областей: Гурии и части Сванетии. Независимость Имеретии окончательно была уничтожена в 1810 г., после восстания, поднятого Соломоном II против России.

В результате русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 гг. Турция признала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии и других областей Закавказья, а также Эриванского и Нахичеванского ханств, переданных России Ираном по Туркманчайскому миру 1828 г. (Адрианопольский договор 2(14) сентября 1829 г.), а после войн с Ираном 1804—1813 и 1826—1828 гг. к России отошли Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Кубинское, Бакинское, Дербентское, Талышское ханства, Дагестан; кроме того, Иран признавал присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии и других областей Закавказья (Гюлистанский мирный трактат 12(24) октября 1813 г.; Туркманчайский мирный трактат 10(22) февраля 1828 г.)³.

Таким образом, к концу 20-х годов XIX века Кавказ в большей своей части, юридически, оказался российской территорией.

Восприятие Кавказа и Закавказья как совокупности государственных образований в общественном сознании, практически, не закрепилось.

Очень характерно в этом отношении описание Кавказа у А.П.Ермолова. Грузия воспринимается А.П.Ермоловым как определенное государство, состоящее из Карталинии, Кахетии, «части осетин, живущих в горах»⁴, Сомхетии, Бамбаки и Шурагеля, «дистанций татарских» (Барчалинская, Казахская и Шамшадильская)⁵, и Елисаветпольского округа (бывшее Гянджинское ханство). «...и сим ограничивается пространство, которое мы под общим именем Грузии именуем»⁶. Как видим, границы очень расплывчаты. Что касается государственности, то, по мнению А.П.Ермолова «...можно сказать о князьях грузинских, что при ограниченных большей части их способностях, нет людей большего о себе внимания, более жадных к наградам без всяких заслуг, более *неблагодарных*... В Грузии почти нет княжеской фамилии, особенно знатной, из которой не было несколько изменников в бегах в Персии или Турции»⁷. Имеретия, «независимо от Грузии ... бывшая до 1810 года особенным царством, заключает в себе пять округов»⁸.

Довольно подробно описывает А.П.Ермолов Карабахское, Ширванское, Шекинское ханства, однако больше всего его занимает возможность изменения правителей этих ханств. Собственно, главная ремарка А.П.Ермолова заключается в том, что «народ [население Шекинского ханства — Д.С.] чрезвычайно доволен был избавиться от ханов»⁹. Талышское, Куринское, Казыкумыцкое ханства существуют для Ермолова вообще без географии. Географии Аварского ханства, лежащего «в середине гор Кавказских»¹⁰, таким образом определена, однако, как выясняется, «русские в нем не бывали». Также без «истории с географией» упомянуты «Каракайдацкая провинция», Кызыкумыцкое ханство, «Табассарань», Кубинская провинция, земли лезгин, владения Елисеуйского султана, Чарское и Белаганское вольные общества, «лежащие на полуденной стороне Кавказа»¹¹. «Против Кавказской линии» живут кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы, кумыки, тагаурцы и «дагестанские народы». Из них более или менее четко идентифицируются как государственные образования земли шамхала Тарковского и Чечня. «Управление оной разделено из рода в род между несколькими фамилиями, кои почитаются страшинами»¹².

Несмотря на крайнюю скудость сведений, записка А.П.Ермолова долгое время была едва ли не самым полным собранием сведений о Кавказе, о чем свидетельствует, в частности, письмо М.С.Воронцова. Назначенный наместником на Кавказ в 1845 году, Воронцов обращается к Ермолову с просьбой прислать ему записки о Кавказе¹³. Впоследствии М.С.Воронцов, не довольствуясь заметно устаревшими сведениями, полученными от Ермолова, начинает обследовать местность самостоятельно, потому что оказалось, что «нельзя иметь понятие о крае, особливо о Дагестане, не видав оного на досуге, едучи шагом верхом»¹⁴.

«Я теперь совершенно познакомился не описаниями и рассказами, но собственными глазами с единственною частью Дагестана, которую я прежде лично не знал. В 1845 году я видел почти все от Андийского Койсу до Ичкерийских лесов и Чечню; в прошлом году я объехал всю покорный нам Дагестан от Казикумыхского Койсу до Самура и Ширвани. Теперь здесь, с Турчидага, я вижу как на ладони весь средний Дагестан до самых Андийских высот. У нас под ногами Сутратль, Каракские горы, Чемодан-гора, Ругджа, Гуниб, Кегер и вся Авария. Теперь по крайней мере я могу судить, сколько во мне есть уразумения, что нам нужно иметь и защищать и какие места могут быть более или менее под нашим влиянием, но никогда нами занимаемы не должны»¹⁵, — с гордостью писал он А.П.Ермолову.

Сведения о политическом устройстве и непростых взаимоотношениях кавказских народов не только были мало известны в Петербурге, но и устаревали очень быстро. Нужда же в более или менее полном описании местности, не только в географическом (карты были не слишком точны и нередко подводили), но и в политическом, ощущалась все более явственно.

Начиная с 1839 года, пытается составить описание Кавказа Д.А.Милютин¹⁶. Его «политика с географией» значительно проще — в основе географии лежат оборонительные линии, а в основе политики — отношения с Россией. В результате выделяются Северный Кавказ, Черноморская береговая линия, Дагестан и Закавказье.

Область Северного Кавказа включала четыре уезда: Ставропольский, Пятигорский, Моздокский и Кизлярский. В уездах «введено было гражданское управление...Значительная часть области была занята магометанским полукочевым населением ногайцев, караногайцев, туркмен и калмыков. Население это оставалось в своем первобытном состоянии, управлялось по своим народным обычаям, под надзором русских приставов»¹⁷.

Комментируя карту Северного Кавказа, Д.А.Милютин отмечает: «...на северной стороне Кавказского хребта, при шаткости горского населения, положение русской власти подвергалось частым изменениям. Через это карта Кавказа того времени представляла собой такую пестроту, о которой невозможно составить себе понятие по новейшим картам»¹⁸.

Что касается Черноморской кордонной линии, то в этом районе проживают шапсуги, абадзехи, нагайцы, «население абадзинское, подразделенное на разные мелкие общества или роды»¹⁹, кабардинцы.

Наибольшее внимание уделяет Д.А.Милютин как раз кабардинцам: «Было время, когда кабардинский народ господствовал на обширном пространстве по обеим сторонам Кубани, Малки и Терека, от хребта Кавказского до Егорлыка и Маныча, а к востоку граничил с кумыками... Как известно, народ этот исповедовал христианскую веру и с давних времен был в сношениях с Москвою... Но появление турок на Кавказе нанесло удар господству кабардинцев, совратило их в мусульманство»²⁰. Внимание к кабардинцам объясняется тем, что они, по мнению Милютина, «наиболее цивили-

лизованные и развитые из всего туземного населения Кавказа»²¹ и склонны к союзу с Россией. Также и население Владикавказского округа (алагирцы, куртатинцы, татаурцы, назрановцы, карабулаки, галашевцы, галгаи, джераховцы, кисты), и население Малой Кабарды.

Между низовьями Терека и Сулака проживают кумыки — наиболее «культурное туземное население», признававшее «себя подвластными Московскому Царству еще в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова»²². Дальше следовала Чечня, о которой Милютин пишет по понятным причинам довольно много. Черноморская береговая линия населена шапсутами, убыхами, джигетами и «прочими мелкими нагорными обществами».

Дагестан «не составлял цельной административной единицы и состоял из многих мелких ханств или вольных обществ, из которых некоторые считались покорными русской власти, а другие непокорными и фанатически преданными мюридизму»²³. В Северном Дагестане Д.А.Милютин выделяет шамхальство Тарковского, ханства Мехтулинское и Аварское, земли сала-тавцев и койсубулинцев. В Среднем Дагестане — туземные общества Башлы, Гамри-Озень, Терекеме, Нижний Табасарань, ханства Казы-Кумыкское и Кюрипское, вольные общества Верхний Табасарань, Сюрги, Цудахара, Акуша, Андаляль. «Затем все остальные, не поименованные общества внутреннего или нагорного Дагестана»²⁴.

Закавказье «представляло в описываемую эпоху нестройное соединение поступивших добровольно в подданство России двух царств: Грузинского и Имеретинского, с разноплеменными и разнородными владениями и областями, отторгнутыми от Персии и Турции»²⁵, Гурия, Мингрелия и Абхазия. «Шебельда, так же как и Сванетия, отнесены... к одной категории — непокорных частей края, собственно в том соображении, что в описываемое время в обе эти нагорные страны не ступала еще нога русского солдата»²⁶. Упоминает Д.А.Милютин также Карабахское, Шекинское, Ширванское, Бакинское, Кубинское и Талышское ханства. «Все эти ханства переименованы у нас почему-то в «провинции» и до сего были известны под общим названием «Мусульманских провинций»»²⁷.

Столь подробные перечисления названий племен и государственных образований свидетельствуют об отсутствии четкого представления о государствах, существовавших на Кавказе в момент его вхождения в состав Российской империи. Как часто бывает на начальных этапах изучения любого вопроса, авторы уделяют пристальное внимание мелочам, пытаются тщательно фиксировать названия даже самых мелких «вольных обществ», приводя сведения об их численности, собираемые зачастую из недостоверных источников.

Отстраненное, обывательское представление о государственности у народов Кавказа оказывается еще более поверхностно — известно, что «начальник или князь» называется уздень²⁸, что местные князья бывают «мирные» и «немирные», хотя разницы между ними — никакой²⁹.

Вместе с тем отрицание сформировавшейся государственности у народов Кавказа приобретает сложную идеологическую нагрузку. Так, в 1825 году в «Северной пчеле» были помещены «Отрывки о Кавказе» некоего А.Я., вызвавшие восторженные отзывы у А.С.Пушкина («...вот поэзия!») — писал он к А.А.Бестужеву 30 ноября 1825 г.): ««Абазех свободен, не терпит другой власти, кроме обычаев и страстей; беден, но храбр. Нищета, оружие, любовь к буйной свободе и известности — вот наследие отца, к сыну переходящее...»; «Самая природа своими красотами и ужасами возвышает дух горцев, внушает любовь к славе, презрение

к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями». Из этих фактов видно, что традиция изображения кавказской вольницы была совсем не идеализирующей, значительно более трезвой, чем — в те же годы — вольницы новгородской, понимаемой, как правило, в одном, определенном смысле. В «Отрывках о Кавказе» есть любопытное описание политического управления горцев, в частности «джамагата», то есть, по объяснению автора, «народного собрания»: «Большинство известных храбростию в роду дает некоторое право на уважение иным семействам из страха канлы [кровного мщения — Д.С.], но положительного влияния на дела политические или частные, исключая джамагата, никто не имеет. Мир с сим народом так же неверен, как и их частная дружба...». Это совсем не новгородское народовластие и новгородское вече (как они представлялись, скажем, декабристам) с волеизъявлением большинства и с моральным авторитетом достойнейших. Но благодаря такому подходу к кавказской вольнице, более автономной от субъективного идеала писателя, она оказалась в русле важнейшего направления романтической мысли. Двусмысленность горской свободы отвечала глубоким устремлениям романтического мышления к диалектике»³⁰.

Аналогичные трактовки государственного устройства Аварии можно было бы почерпнуть из «кавказской были» А.А.Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек»³¹, однако все его наблюдения не выходят из руслу уже сложившейся концепции об отсутствии прочной государственности на Кавказе: «Аварцы народ свободный. Они не знают и не терпят над собой никакой власти. Каждый аварец называет себя узденем, и если имеет есыря (пленного), то считает себя важным баринном»³².

Основной политической союзник России на Кавказе — Грузия, являющаяся к тому же православной страной. Государственность Грузии не отрицается, даже встречается некоторое сочувствие³³, правда не у всех.

Самый непокорный регион — Чечня, однако, хотя название используется четко и постоянно, даже в момент разгара борьбы с Шамилем, Чечня как единое государство практически не воспринимается.

Вообще, в российской историографии первой половины XIX в. и этнологии сложилась концепция «извечного родового строя» у горцев Кавказа. Представлялось, что определяющими в их социальном развитии являются родовые отношения, консервирующие отсталость и слабость в культурном отношении. На этих выводах основывалась оценка прогрессивной, цивилизаторской миссии России в регионе, высказывавшаяся, впрочем, не очень уверенно.

О развитии у горцев феодальных отношений упоминал в своих описаниях Кавказа, пожалуй, только С.М.Броневский³⁴, однако его работа не получила широкого распространения.

Как сетовал офицер Генерального Штаба, полковник Д.Романовский в 1860 г., «по настоящее же время для ознакомления с Кавказом ... и с Кавказской войной лучшие источники составляют:

Во-первых, записки генерала Милютина, составленные им во время профессорства в Военной академии. Но этот превосходный труд не был напечатан, а потому доступен не для всех. Притом время сделало многое и в этих записках несоответственным современному положению края.

Во-вторых, военно-статистические описания губерний Эриванской и Ставропольской, Кутаисского генерал-губернаторства и восточного берега Черного моря. Эти описания, составленные офицерами Генерального шта-

ба, по материалам, собранным на месте, заключают в себе много любопытных и полезных сведений. Но все эти сочинения описывают только названные части края исключительно в военно-статистическом отношении.

Затем, в газетах и журналах помещено много отдельных описаний местности, эпизодов кавказского быта, описаний военных действий и т.п. Некоторые из этих статей составлены с редкой отчетливостью и знанием дел, как, например описание Ахульгинской экспедиции генерала Милютина, о мюридизме на Кавказе генерала Неверовского, статьи, помещенные в «Военном сборнике» и других журналах...

При таком недостатке сведений о Кавказе, имеющем свой особый резко отличительный характер как относительно местности, народонаселения, так и по своей исторической судьбе, тем, кто не имел случая лично ознакомиться с Кавказом, нет никакой возможности не только отдать отчета во всех событиях, происходивших на Кавказе в продолжение 60-летней Кавказской войны, но весьма трудно оценить и совершающееся на Кавказе в настоящее время»³⁵.

Более или менее серьезные исследования истории государств Кавказа начинаются с конца 60-х годов XIX века. Предпринимается составление и публикация «Сборника сведений о кавказских горцах»³⁶, появляются этнографические и филологические исследования. Однако история государственности народов Кавказа становится предметом исследования еще позже — в конце 70-х — 80-е годы XIX в.

Таким образом, ни накануне войны, ни сразу после ее окончания в общественном сознании Кавказ как совокупность государств не закреплялся и негативный образ территории (государства) не сложился. Вместо этого в общественном сознании закрепляется собирательный и предельно обобщенный образ Кавказа как «дикого» Востока. Образ государства (территории) замещается образом первобытной, не тронутой цивилизацией природы. Таков Кавказ в изображении Г.Р.Державина («Ужасы, красы природы... /Великолепный кажут вид»³⁷), В.А.Жуковского («Ужасною и величавой /Там все блистает красотой»³⁸), А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова. «Ужасная» красота природы, столь не похожей на русскую, подчеркивается авторами и становится доминантой в изображении Кавказа отнюдь не случайно. Это — чужая земля и чужая территория. Именно так она пока еще воспринимается обществом.

Диссонируют с картинами дикой природы Кавказа замечания о возможности практического использования этой территории. «...Округ чрезвычайно хлебородный, ... изобилует прекрасными виноградниками, ... богатое весьма скотоводство»³⁹, — так описывает Грузию А.П.Ермолов. Имеретия, напротив, кажется ему бедной. В Карабахе «...повсюду видны развалины городов и больших деревень, остатки обширных шелковичных садов и земледелия»⁴⁰ и т.д.

Замечания А.П.Ермолова — явная попытка воспринять Кавказ как часть «русской земли». Она, однако, не получает пока в общественном сознании подкрепления. Напротив, путешествуя по Кавказу в 1820 г. вместе с семьей Н.Н.Раевского, А.С.Пушкин обращает внимание, в первую очередь, на романтические пейзажи, о чем и пишет своему брату Льву Сергеевичу. Впоследствии «ужасная» красота природы Кавказа будет растиражирована до невозможности.

Наконец, «господа другие поэты сделали из этого великана в ледяном венце и в ризе бурь — какой-то миндальный пирог, по которому текут лимонадные ручьи!»⁴¹. Кавказ превращается в некое условное ме-

сто, не конкретное и не реальное, «суровый край свободы»⁴², в путешествии по которому отправляется романтический, разочарованный в жизни и скучающий герой.

Между прочим, это отношение к Кавказу — не только литературная традиция. «...Мечтал я о такой командировке; мне начинали уже надоедать бесцветная петербургская жизнь и формализм гвардейской службы; чувствовалась потребность подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме петербургских, местности, и в особенности ознакомиться с настоящей военной службой»⁴³, — писал Д.А.Милютин.

Оказавшись на Кавказе, путешественник невольно ищет ожидаемых картин. «Дико прекрасен гремучий Терек в Дарьяльском ущелье»⁴⁴; «Разнообразие, богатство растений и величавое безмолвие сенистых дубов вселяло... невольное благоговение к дикой силе природы»⁴⁵, — описывает свои впечатления А.А.Бестужев-Марлинский.

Также не может удержаться от восхищения природой и Д.А.Милютин: «Блестящее, серебристое очертание гор, казавшееся полосой светлых облаков»⁴⁶, были для меня картиною совершенно новой и восхитительной»⁴⁷. «Укрепленица, весьма жалкого вида»⁴⁸, нищее население «все в лохмотьях»⁴⁹ на некоторое время замешаются в сознании видами «таинственных ущелий» и гор, уходящих в облака.

Таким образом, реальные впечатления от Кавказа вновь накладываются на бытующий в общественном сознании романтический образ, при этом главный акцент делается на природе.

Лишь по прошествии времени путешественники с удивлением обнаруживали, что «миндального пирога» нет и в помине. И.Орбелиани отмечал: «В некоторых местах, на более отлогих покостях, встречаются пастбища, сенокосы или засеянные ячменем, полбою, кукурузою и просом поля; но и те без напускной воды не принесли бы земледельцу никаких плодов. Пропорция урожайной земли к бесплодной весьма незначительная... Каких долголетних трудов стоит обрабатывание куска скалы или полумертвой почвы, чтобы обеспечить себя только от голода! И самый богатый горец не в состоянии прокормить всем запасом своим одного русского человека»⁵⁰. «До занятия Гагр и Геленджика мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которыми приходилось бороться нашим войскам на черкесском берегу»⁵¹, — вспоминал Ф.Ф.Торнау.

Конфликт между ожиданием и действительностью — явление обычное в случае, когда стереотип представления о государстве (территории) складывается как позитивно окрашенный и находится в начальной стадии формирования. Преувеличенная позитивизация ожиданий, накладываясь на жизненные реалии, порождает личное разочарование. Однако впоследствии, при вербализации личных впечатлений, путешественник так или иначе стремится следовать уже имеющемуся стереотипу, не фиксируя свое внимание на негативных воспоминаниях.

В случае с Кавказом выходом из внутреннего конфликта становится жесткая избирательность фиксируемых впечатлений. Сосредоточение на природе до определенного времени позволяет избежать конкретизации (и возможной негативизации) образа Кавказа в общественном сознании.

«Природа» позволяет воспринимать Кавказ условно, не идентифицируя его как «русскую землю», и оставляя в виде образа мифологизированного Востока, при этом образ природы получает массу дополнительных идеологических нагрузок.

Поскольку Кавказ становится местом ссылки, то определения «дикий» и «свободный» воспринимаются в контексте оппозиционности существующему в России режиму. Кроме того, романтизированный образ кавказской природы используется вне исторического и политического контекста, как некое «иное» пространство — «Восток», противопоставляемый России, в целом идентифицирующей себя как «Запад». При этом необходимо отметить, что из всех образов «Востока» в русском общественном сознании Кавказ имеет определенную особенность. В отличие от других (образы стран Ближнего и Дальнего Востока, Индии и т.д.) он довольно длительное время воспринимается не как образец иной культуры, а именно как образец другой реальности, проникновение в которую может дать «европейцу» (русскому) важный духовный опыт. «...Чувство детское, не спору, — писал М.Ю.Лермонтов, — но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда»⁵².

Все попытки найти какой-либо практический интерес на Кавказе в общественном сознании вытесняются.

Такое романтизированное и обобщенное представление о Кавказе, с одной стороны, создает очень прочную мотивацию желания «попасть на Кавказ», а с другой стороны приводит к тому, что войну на Кавказе русское общество воспринимает одновременно и легкомысленно, и романтично, как некое приключение, непрменный атрибут «ужасной» природы. Как отмечает, например, А.А.Бестужев-Марлинский, Кавказ стал темой для бесед с дамами, бесед «довольно любопытных, даже занимательных», но незначительных и не серьезных. Складывается впечатление, что в наличие реального Кавказа русское общество не верит.

Однако, оказавшись на Кавказе, первым делом путешественник сталкивается именно с тем, чего ждал — с природой. Как выяснилось, она не так романтична, как ожидалось: «Весной и осенью ... разливалось море грязи; зимой она покрывалась снежной оболочкой в полсажени глубиной. Бывало, поднимется вьюга, и несколько суток нельзя показать глаз за двери дома»⁵³; «невыносимо дурная погода... Мелкий, холодный дождик моросил с раннего утра; горы были засланы густым серым туманом, сквозь который вяло тянулись уморенные солдаты, осторожно шагавшие по скользкой дороге»⁵⁴; «сильный ветер срывал палатки»⁵⁵. «На небольшом переходе мы испытали резкую перемену и в характере местности, и в климатических условиях: после постоянных ветров, холода, сырости, мы вдруг попали в зной»⁵⁶, в горах «снег и совершенное отсутствие как воды, так и топлива»⁵⁷. Наконец, «с 6 по 13 июня [1845 г. — Д.С.] явился к нам неприятель, гораздо опаснее всех Шамилей: ужасная стужа, мороз и снег имели сильное влияние на часть отряда, расположенную в горах с генералом Пассеком, и несколько сот человек оказались с отмороженными ногами, и более половины черводарских лошадей, которые нам возили сухари, пропали»⁵⁸.

Горные дороги оказались ужасны: «Тропинки, взвиваясь на крутые гребни или пролегая карнизом вдоль отвесных скал над пропастями страшной глубины, едва имели ширину, потребную для людской ноги и для конского копыта... В местах, размытых дождевыми потоками, часто случалось, тропинка совершенно прерывалась, и тогда приходилось терять немало времени, отыскивая обход по скалам или по грудам скользких камней»⁵⁹, — сокрушается Ф.Ф.Торнау. «Разумеется, подниматься в

гору было во сто раз тяжелее, чем спускаться»⁶⁰, — вспоминает Д.А.Милютин. И люди и лошади выбились из сил, во многих местах приходилось идти пешком, и даже с опасностью для жизни. Орудия приходилось тащить на руках, а нередко и оставлять по дороге, потому что пронести не было возможности: «...Дорога здесь мерзкая: узенькая и частые овраги, так что горный единорожек спускали и вытаскивали почти на руках. С легкой артиллерией и со вьюком невозможно идти, мы ходили не далее двух верст, ибо тут дорога совершенно пропадает», — записывает в своем дневнике Н.В.Симановский⁶¹.

Усугубляло ситуацию незнание местности и ненадежность проводников, не то по незнанию, не то специально заволивших солдат то в засады, то в тупики. «... Мы в первое время имели весьма неясные сведения о местности, на которой нам предстояло действовать. Она до такой степени исковеркана, что нужно немало времени, чтобы ознакомиться в подробности со всеми ее причудливыми скалами, ущельями, трещинами, балками, обрывами» — вспоминает Д.А.Милютин⁶².

Наконец, и горы, казавшиеся прежде столь романтическими и прекрасными, начали раздражать. «...Та же дурная погода, налево, направо, впереди те же пасмурные скалы, все выше и выше воздымавшиеся к облакам, суживая дорогу и становясь поперек извилистого ущелья. Иногда, казалось, мы приближались к высокой зубчатой стене, далее которой нет пути; неожиданный поворот, и впереди мелькнувший уголок серого неба снова указывал направление, в котором дорога извивалась над Терекком, кипевшим глубоко под ногами непрерывным, бешеным, оглушающим водопадом... Отвесные гранитные скалы, громоздящиеся одна над другою, вышиной в несколько тысяч футов, висели огромными выступами у нас над головами. Среди лета подножие их освещается солнцем не более трех или четырех часов; все остальное время оно покоится в тени... На этом пространстве горы будто сложились в час гнева Божия, человеку на страх, рисуя каменными горами безотрадную картину предвечного хаоса. Дыхание природы остановилось, жизнь исчезла: нигде ни зелени, ни дерева, ни куста, ни живой твари; везде, куда ни обратишь глаза, один камень, одни остроконечные скалы безжизненного, темно-бурого цвета. Нигде после того я не встречал в Кавказских горах места, наводившего такую глубокую тоску, как окрестности Коби»⁶³, — вспоминает Ф.Ф.Торнау. И даже если горы не в тягость, то мысль, «что должен остаться здесь еще почти целый год»⁶⁴, вызывает тоску. «Горки», может быть, и прелестны для глаз, но «не для того, чтобы на них ползать»⁶⁵.

Наконец, поход заканчивается, и можно спуститься с гор. «Трудно выразить то ощущение, которое испытываешь, когда после нескольких месяцев пребывания в тесных горных ущельях, среди голых скал, в спертой душной атмосфере, вдруг очутишься на открытой, зеленой равнине, на свежем воздухе»⁶⁶, — пишет Д.А.Милютин.

Таким образом, «ужасная» красота Кавказа и столь часто воспевавшаяся прелесть его природы на практике оказалась не столь романтической и даже неприятной.

Непродолжительность вылазок в горы и быстрая смена обстоятельств и событий не приводят ни к физическому недомоганию в горах, ни к осязательной трансформации восприятия пространства, однако монотонность горного пейзажа утомляет и даже угнетает. Но как только обстоятельства меняются, пережитые тяготы похода и унылое впечатление незамедлительно вытесняются «заданными» картинками. Те, кто еще не-

давно сетовал на плохую погоду, неудобство дорог и унылость горного пейзажа, спешат напомнить себе, что стали свидетелями «тех живописных зрелищ, для которых туристы в жажде новых впечатлений переплывают моря, чтобы раз взглянуть и пометить в путевых записках, что они собственными глазами убедились в неподражаемой красоте поразительно величавого вида»⁶⁷, и, вырвавшись из горного плена, вновь восхищаются «новыми видами южной природы»⁶⁸.

Как часто бывает, второй проблемой для русских на Кавказе становится непривычная еда. Во время походов из-за сложностей коммуникации люди томилась от зноя и жажды⁶⁹, по нескольку дней «не видали мясной пищи и питались сухарями и водкой»⁷⁰, «ибо ни говядины, ни баранины, ни даже бульону нет ни у одного маркитанта»⁷¹, поэтому, приходя в местные селения, первым делом отнимали скот и любое продовольствие. Однако и в остальное время проблемы с продовольствием ощущались. Во-первых, «существовала бедность во всем и преимущественно в дровах; гудашаурцы издалека приносили на плечах вязанки тощего хвороста, который им приходилось набирать по расселинам смежных, совершенно безлесных гор. Бога следовало благодарить, когда... нам удалось добыть пару кур, десятка три яиц и несколько фунтов пшеничной муки, причем нас предупредили бережливо расходовать припасы, потому что жители не приходят на базар из-за глубокого снега, и мы ничего не получим, сколько бы денег ни сулили»⁷². Во-вторых, сама кавказская кухня оказалась не очень привычной. Торнау, например, вспоминает, что принужден был отказаться от добытого в духане продовольствия, питая к нему сильное отвращение. Милютин, находившийся, безусловно в более благоприятном положении, не без ехидства отмечает, что у горцев есть традиция начинать обед с фруктов и заканчивать бараньим отваром, «то есть в обратном порядке против европейской кухни»⁷³, однако и он предпочитает менее экзотическую пищу.

Любопытно, что при изменении ситуации (т.е. вернувшись из похода и перейдя к «мирным» делам), тот же Торнау не без удовольствия описывает кавказскую (грузинскую) кухню, в особенности вино.

Вообще, в восприятии Кавказа постоянно ощущается двойственность. Пока участники войны находятся в роли путешественников, они воспринимают окружающую обстановку довольно позитивно, и даже неприятности, случающиеся с ними, не кажутся трагичными. Более того, в «мирное» время на театре войны удается создать именно мирную обстановку — с картами, балами, ухаживанием за женщинами. В этот момент и отношение к местному населению — отнюдь не озлобленное.

Образ «горца» начинает складываться уже давно и, конечно, не исчерпывается определениями «коварных разбойников и фанатиков-мусульман».

*«Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь — соратник быстроногий
Их и сокровища и боги;
Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
...Скалы свободы их приют;
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени;
Там жизнь их — сон;
стесняясь в кружок
И в братский с табаком горшок*

*Вонзивиши чубуки, как тени,
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы...»⁷⁴ —*

так описал невиданные им народы Кавказа В.А.Жуковский.

Использованная автором лексика заставляет трактовать текст неоднозначно — образ явно романтический, рыцарский и «удалой». Однако свобода горцев не имеет смысла абсолютного достоинства. «Свобода» горцев (борьба с завоевателями, стремление к справедливости) и хищничество объединены также и в стихотворении А.И.Грибоедова «Хищники на Чегеме» (1825).

Продолжателем литературной традиции изображения горцев становится А.С.Пушкин. Он подчеркивает, что опирается на трактовки В.А.Жуковского, однако имеет и личные впечатления⁷⁵. Образ горца усложняется и развивается. «Причем это развитие осуществлялось в свойственном романтизму аспекте необычного, яркого: вольность (свобода) сопрягалась не с морально низким и мелочным (скажем, с пошлостью), но с жестокостью. Выдерживался масштаб экстраординарности — как добра, так и зла»⁷⁶.

Пушкинские горцы — разбойники. Однако, по литературной традиции романтизма, это не совершенно отрицательное качество. Вслед за Шиллером, а затем и Байроном, русская литература создает образ «благородного разбойника». Доминанта изображения — свободолюбие и вольность — идентифицировались как противостояние и обществу, и самодержавию. Вместе с тем, именно с А.С.Пушкина фактически начинается традиция изображения «кавказского пленника», но не в смысле описания страданий попавшего в плен человека, а в смысле соприкосновения «цивилизованного человека», связанного условностями воспитания и образования, с раскрепощенностью и естественностью «дикого» горца⁷⁷. Однако, позиция А.С.Пушкина по отношению к горцам не лишена определенного патернализма и европоцентризма:

*«Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани»⁷⁸.*

Продолжателей традиции «Кавказского пленника» оказалось много. Наиболее удачный опыт представляет собой кавказская быль «Амалатбек» (1832) А.А.Бестужева-Марлинского.

А.А.Бестужев-Марлинский рисует Кавказ в духе, безусловно, романтическом. Интересно, что, описывая быт и характер народов Кавказа, писатель делает это с позиции «стороннего русского», — Кавказ у него еще не есть в полном смысле территория России, ее органическая часть, это даже и не завоеванная территория, хотя русская армия номинально и подчинила себе весь этот регион. Речь здесь идет о народах покоренных, но не покорившихся: «Прибытие русского отряда не могло быть новостью для дагестанцев в 1819 году; но оно и до сих пор не делает им удовольствия... смотреть на русских, как на вечных врагов — но врагов

сильных, умных, — и потому вредить им решаются они не иначе, как тайне, скрывая неприязнь под личиной доброты»⁷⁹; «узкие тропинки» вели к многочисленным селениям «немирных» горцев — «этой крепости, созданной природою и выисканной горскими хищниками для обороны воли своей, для охраны добычи»⁸⁰.

Вообще романтический акцент на вольнолюбии, «первобытной дикости» как жителей, так и самой природы этого края весьма характерен для произведений А.А. Бестужева. Изображенные писателем горцы, при всех их положительных и отрицательных чертах, явно не способны стать народом покоренным. Культура, обычаи их столь не похожи на обычаи русские, что, читая Бестужева, трудно себе представить Кавказ органической частью России. И недаром в уста одного из персонажей своей повести «Аммалат-бек», Джембулата, писатель вкладывает следующие слова: «Лучше умереть о пули, чем от позорной веревки... Русские могут полонить мое тело, но душу — никогда, никак»⁸¹. «Аварцы народ свободный. Они не знают и не терпят над собой никакой власти... Бедны... и храбры до чрезвычайности... Верность аварского слова в горах обратилась в пословицу. Дома тихи, гостеприимны, радушны... — за гостя готовы умереть и мстить до конца поколений. Мсть для них — святыня; разбой — слава»⁸².

Весьма характерны эпитеты, которыми описывает Бестужев характер горцев — «дикий», «вольный», «хищник», «азиат», «дикий зверь», «разбойник». Как и у предшественников, у Марлинского эпитеты эти не носят однозначно негативной окраски. Романтик Бестужев не может не восхищаться отвагой, свободолюбием горцев. Мужчины здесь стройны, сильны и отважны; «женщины красивые, тем более, что между ними множество грузинок, захваченных в плен»⁸³. Он с несомненным уважением отзывается о кавказском гостеприимстве, пылкости и искренности страстей (именно этой пылкостью объясняет он многие с европейской точки зрения «зверские» поступки горцев). До известной степени Бестужев видит в горах определенные черты ушедшего навсегда в прошлое европейского рыцарства, — с изрядной, правда, долей примеси «азиатчины»: «Я, как умел вернее, старался изобразить... ужасающие красоты кавказской природы и дикие обычаи горцев — этот доселе живой обломок рыцарства, погасшего в целом мире»⁸⁴.

Целью русских на Кавказе, с позиции Бестужева, являются «не пустые завоевания, но победа над варварством, на благо человечества...»⁸⁵. Однако эта трактовка кавказских событий не однозначна. Описывая Кавказ как своего рода инокультурное явление, экзотику, Бестужев словно не видит возможности покорения, в том числе культурного, цивилизаторского, этого края. Недаром один из главных персонажей его «Аммалат-бека» Верховский, собираясь вернуться обратно в Россию, прощается с иллюзиями, которые питали его службу ранее: «Я очень рад, что покидаю Азию, эту колыбель рода человеческого, в которой ум доселе остался в пеленках. Изумительна неподвижность азиатского быта в течение стольких веков. Об Азию расширились все попытки улучшения и образования; она решительно принадлежит не времени, а месту»⁸⁶. И не случайна гибель Верховского от руки спасенного и любимого им дагестанского юноши — Аммалат-бека. Это своего рода апогей конфликта, выросшего из, казалось бы, мирной попытки достойного, честного русского офицера выступить в роли спасителя, а затем и миссионера в отношении одного из достойнейших сынов Кавказа.

Что же мешает миссионерству России? Помимо упомянутых уже воль-

нолюбия, дикости кавказских народов, нежелания, да, пожалуй, и невозможности понять и принять со стороны русских отдельные обычаи и традиции горцев, следует упомянуть и о факторе инакомыслия. Весьма любопытно отношение Бестужева к мусульманству. На Кавказе, с его точки зрения, оно выступает одним из сильнейших дестабилизирующих факторов. Антагонизм мусульманства и христианства питает вольность и разбой кавказских народов. Мулла здесь — ставленник антироссийских сил: «Мулла... набожный турок, один из ежегодно насылаемых в горы стамбульским диваном для распространения и укрепления православия, а с тем вместе и ненависти к русским»⁸⁷. И недаром хан Султан-Ахмет выговаривает Аммалат-беку за дружбу с русскими: «Может ли существовать какая-нибудь священная связь с гяурами! Вредить им, истреблять их, когда можно, обманывать, когда нельзя, — суть заповеди Корана и долг всякого правоверного!»⁸⁸. Характерны и эпитеты, применяемые Бестужевым по отношению к мусульманству: например, «изуверское магометанство»⁸⁹ и т.п.

Любопытно, что христианские народы Кавказа выпадают за рамки повествования. Практически нет упоминаний о грузинах, армянах. Видимо, с романтической точки зрения, эти народы представляли меньше интереса для писателя. Кроме того, в тридцатые годы русское общество уже не понаслышке было знакомо со многими представителями этих народов, многие из которых состояли на царской службе (Багратион), вступали в брак с виднейшими представителями российского дворянства (Н.А.Чавчавадзе-Грибоедова), жили в столице.

«Бестужев владел не только штыком и шашкой. На Кавказе его писательское мастерство расцвело и созрело. «Теперь кочевой солдат, я не знаю, когда удасться мне найти стол (на Кавказе это эпоха) и за столом вдохновение». Все отыскалось, и ... Бестужев стал певцом романтического Кавказа, рассказал русским читателям о его первозданной красоте: «Я по целым часам прислушиваюсь к ропоту горных речек и люблюсь игрой света на свежей зелени и яркой белизне снегов». Он описал гордых, велеречивых черкесов, прелестных черкешенок и, как сам признавался, сильно их приукрасил в духе Байрона и молодого Пушкина. Читатели ему верили, рвались на этот поэтический Кавказ. Юный гвардейский офицер фон дер Ховен как-то встретил Бестужева в боевой цепи. Декабрист, снявши холщовый китель и повесив на сучок шашку, остался в белой батистовой рубашке и сел завтракать, беззаботно пил красное вино под пулями, совсем как мушкетеры Дюма при осаде Ларошели. Приезжий ему сказал: «Благодаря вашим чудным описаниям природы Кавказа я и попал сюда». Какая отрада для авторского самолюбия! Но тут же Ховен признался в полном своем разочаровании: «Не хочу ни крестов, ни чинов — а только бы отпустили душу мою на покаяние, — предвидя такие труды, я никогда бы сюда не заглянул»⁹⁰.

Своего рода апофеозом литературной традиции изображения Кавказа и кавказцев становится творчество М.Ю.Лермонтова. Бесконечно более зрелый духовно, нежели А.А.Бестужев-Марлинский, имеющий значительно более длительный опыт пребывания на Кавказе, нежели А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, как и его предшественники, отдает дань романтическому образу Кавказа и горца: «Кавказ! Далекая страна! / Жилище вольности простой!»⁹¹; «Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит...»⁹²; «Как я любил, Кавказ мой величавый, / Твоих сынов воинственные нравы, / Твоих небес прозрачную лазурь /

И чудный вой мгновенных, громких бурь...»⁹³; «Бесплодного Кавказа племена / Питаются разбоем и обманом; / И в знойный день, и под ночным туманом / Отважность их для русского страшна»⁹⁴; и т.д. Более того, у Лермонтова этот образ оказывается еще ярче, чем у его предшественников (горец уже не «удалой» — «буйный»), еще контрастнее, идеологическая нагрузка возрастает⁹⁵.

*«И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь»*⁹⁶, —

писал он в 1832 г. в поэме «Исмаил-Бей». А в 1840 г. рождаются знаменитые строки «Казачьей колыбельной песни»:

*«По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал...»*⁹⁷.

Однако наибольший интерес представляет иной Кавказ. В повести «Бэла» наряду с романтическим и чистым воплощением горца находим массу любопытных замечок, возглашаемых устами Максима Максимовича (персонаж — «обыватель»): «Ужасные бестии эти азиаты!»⁹⁸... Любят деньги драть с проезжающих... Ведь этакой народ!.. и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!»⁹⁹... Преглупый народ!.. Поверите ли? Ничего не умеют, не способны ни к какому образованию!¹⁰⁰... Да вот хоть черкесы... как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка!»¹⁰¹.

Думается, эти замечания были гораздо ближе к личным впечатлениям самого М.Ю.Лермонтова, хотя к этому времени его кавказский опыт был еще не столь продолжителен. В очерке «Кавказец», написанном предположительно в 1841 г., он не без иронии, но совершенно в духе Максима Максимовича отмечает: «О горцах он [русский, находящийся на военной службе на Кавказе — Д.С.] вот как отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, зато уж кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только все с кабардинцами им не равняться... хотя и чисто живут, очень чисто!». Надо иметь предубеждение кавказца, чтобы отыскать что-нибудь чистое в черкесской сакле»¹⁰².

Ирония автора «Кавказца» вполне оправдана. «...Потихоньку в классах читал «Кавказского пленника» и воспламенился страстью к Кавказу... Еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетть на ямщика... Явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице... Думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты»¹⁰³, — таков «Кавказец».

И правда, многие молодые офицеры рвались на Кавказ и просили о переводе или командировке туда под влиянием самых романтических порывов. Что же встретили они? Все, что ожидали. Горы. Горцев. Войну.

Однако горы оказались «горками»¹⁰⁴, а горцы — пьяницами¹⁰⁵ и лентяями. Но раздражения, и, уж тем более, ненависти они не вызвали. Напротив, их мужество и бесстрашие вызывает уважение и восхищение. «...В некоторых трудных местах смельчаки из неприятелей врывались в колонну в шапки, но всегда были отбиты штыками»¹⁰⁶. Горцы бросаются «в шапки даже на орудия, под картечным огнем», защищаются «с отчаянною отвагою»¹⁰⁷, предпочитают «лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы!»¹⁰⁸. «Были случаи, что в крайности ... бросались из окон с кинжалом в руке на обступившие их кучки солдат»¹⁰⁹.

Стрельба прекращалась и «свирепые защитники Ахульго сходились мирно с нашими добродушными солдатами на месте только что прекратившейся кровопролитной схватки»¹¹⁰. В мирное время горцы — «народ добрый, откровенный, общежительный, храбрый и крайне беззаботный; любят они разгул и военные похождения. Расчетливая жизнь, хозяйственные заботы, промысел и торговля не их дело... Азиятцу нужны для веселия скачка, гик и пороховой дым»¹¹¹. Замирение, впрочем, почти везде было временным, «провожавшие нас косые и злобные взгляды гимранцев не внушали большого доверия к их вынужденной покорности»¹¹², иногда бросались «в глаза зверские лица попадавшихся людей»¹¹³, и даже в беседе горцы «... кичились ... злодейским вероломством»¹¹⁴.

Однако ненависти к горцам «кавказцы» не испытывали.

Что касается образа «благородного разбойника», то разбойники — точно, были. Вот только складывается впечатление, что своими глазами их никто не видел. Это и понятно, ведь шайки «хищников»¹¹⁵ «редко позволяли себе «шалить», то есть убивать и грабить, в утреннее время, когда рабочий народ толпами выходил в поле, и когда по берегам пограничных рек и по всем дорогам казачьи разъезды»¹¹⁶. Они «пробирались незаметно через несколько кордонных линий, нападали на проезжих, на безоружных жителей, убивали или уводили в плен, угоняли скот или забирали другую добычу»¹¹⁷, «в числе нескольких сот человек они нападали на крестьянские селения или пытались врываться иногда в казачьи станицы»¹¹⁸, однако на военных не нападали. Поэтому и рассказы о «набегах хищников» кажутся неким продолжением мифотворчества о народах Кавказа.

Вполне в этом духе и объяснение причин набегов: «Набеги хищнические в собственном смысле слова привычны преимущественно туземным племенам закубанским, известным у нас под общим наименованием «черкесов», и затеречным, то есть чеченским. В этих племенах хищнические набеги составляют любимое занятие, род спорта молодежи, князей и беков (там, где существует аристократический склад), узденей и вообще людей вольных, то есть того класса населения, который проводит всю жизнь в праздности, предоставляя домашние заботы женщинам, а тяжелые работы земледельческие низшему классу «ясырей» и рабам, т.е. пленным. Праздные молодцы скучают дома, чувствуют потребность деятельности, любят рыскать, ищут сильных ощущений, а вместе с тем, не прочь и поживиться добычею на счет гяуров. Только удалством, рискованными боевыми подвигами приобретаются у горцев почет и уважение»¹¹⁹.

Итак, горы были, горцы — тоже. Имелась и война.

Только выглядела она не так, как во сне «Кавказца». Медленно пробирались полки через горы по узким дорогам, иногда обстреливаемые горцами, подходили к аулу, сжигали его и шли дальше. Именно так зафиксировалась война в дневнике Н.В.Симановского. Никакой романтики, никаких рыцарских подвигов — «такая смертельная скука»¹²⁰.

Сжигая поселения, понимали, что вызывают озлобление местного населения: «они должны же, наконец, остервениться и стараться как можно больше нанести нам вреда, ибо что им больше осталось? Жилища их заняты, хлеб истребляем на фуражировках»¹²¹. Иногда проявляли умеренное милосердие: «Солдаты, озлобленные упорством горцев, выказывали часто большую жестокость, тогда как офицеры употребляли все усилия, чтобы отвратить напрасное кровопролитие, и нередко брали на свое попечение осиротевших детей»¹²².

Все — очень буднично, без рефлексии: «Человек в военное время теряет все почти нежные чувства, делается равнодушным ко всему и, видевши на каждом шагу смерть перед глазами, делается равнодушным и к смерти: он спокойно смотрит на убитых, иногда лишь только тяжелораненые возбуждают в нем минутную жалость»¹²³.

Но это столкновение изначальных представлений, романтических ожиданий и грубой реальности, несоответствие иллюзорного образа и повседневно-обыденного Кавказа, оказалось заметно лишь непосредственным участникам событий. Для остальной части русского общества Кавказ по-прежнему оставался «мифической страной».

* * *

В заключение можно отметить следующее.

В самом начале Кавказской войны¹²⁴ в России не было четкого представления о целях и задачах русской политики на Кавказе. Юридически Кавказ считался, по большей части, русской территорией, и присоединение его в высших кругах мотивировалось в первую очередь не практическими, а геополитическими интересами, хотя, как отмечают некоторые исследователи, понимание этих интересов и было довольно расплывчатым. Поскольку юридическое закрепление Кавказа произошло относительно легко, то возможность сопротивления местного населения в расчет не принималась. Поэтому никаких определенных и единых взглядов на отношения с этим населением не существовало.

Вмешательство иностранных держав, сопротивление коренного населения, а также неудачи русской администрации, не знакомой с местными традициями, привели к росту напряженности в регионе и, в конечном итоге, к войне. Однако и в этих условиях выработка единого мнения по «кавказскому вопросу» затягивалась. Это привело к тому, что государство фактически устранилось от формирования общественного мнения, однозначно негативного по отношению к Кавказу.

В обществе сформировалось несколько устойчивых представлений о Кавказе.

Во-первых, господствовало мнение, что государственность у народов Кавказа отсутствует, и преобладает родовой строй. Поэтому образа «государства-врага» в общественном сознании не сложилось.

Во-вторых, сложная этническая ситуация на Кавказе, с одной стороны, и идентификация Кавказа как территории, принадлежащей России, — с другой, способствовали замещению образа государства на образ «природы», обобщенный и мифологизированный в романтическом ключе. Дальнейшая мифологизация образа происходит именно в этом направлении.

В-третьих, этнический стереотип «горца», сложившийся в общественном сознании, также романтизируется и, хотя оказывается дуальным, все же не является «образом врага». Кроме того, на складывание мифа о горах большое влияние оказывают традиции романтизма. В ходе войны этот об-

раз не теряет черт дуальности. Ни расовые, на этнические, ни религиозные идеи не могут способствовать завершению формирования «образа врага» — настолько сложившийся стереотип оказался концептуален и устойчив.

В целом можно сделать вывод, что не только образованное русское общество, знавшее о Кавказе и населявших его народах, о ведущей там войне по опосредованным (в том числе поэтически отраженным в литературных произведениях) впечатлениям тех, кто имел личный опыт проникновения в эту чуждую инокультурную среду, но и сами свидетели и участники кавказских событий оказались в плену романтических иллюзий, всерьез и надолго закрепившихся в русском общественном сознании и по сей день вызывающих стойкий ассоциативно-образный ряд при упоминании о Кавказской войне XIX века.

¹ Одни авторы называют 1714 г., другие — 1763 г. или 1769 г., третьи — 1817 г., четвертые — 1829 г. и даже 1591 г. Некоторые историки считают началом Кавказской войны восстание шейха Мансура (80-е гг. XVIII в.) и т.д. Такой разброс мнений объясняется отсутствием на сегодняшний день четких критериев, которые бы позволили однозначно определить начало событий. Называется также 1818 г., когда начались прямые военные столкновения дагестанских и чеченских отрядов с русскими войсками.

² Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 136-137.

³ Об этом см. подробнее, напр.: Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII—XX веках. М., 1995.

⁴ Записки А.П.Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 272.

⁵ «Татарские дистанции» — так назывались округа на территории Азербайджана, вошедшие после 1813 г. в состав России.

⁶ Записки А.П.Ермолова. С. 273.

⁷ Там же. С. 298.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Там же. С. 278.

¹¹ Там же. С. 282.

¹² Там же. С. 285.

¹³ Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. С. 293

¹⁴ Там же. С. 319.

¹⁵ Там же. С. 330-331.

¹⁶ Еще летом 1838 г. Д.А.Милютин задумал составить «Историю русского владения на Кавказе», однако полностью замысел осуществлен не был.

¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 292-293.

¹⁸ Там же. С. 292.

¹⁹ Там же. С. 296.

²⁰ Там же. С. 297.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 298.

²³ Там же. С. 302.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 303.

²⁶ Там же. С. 305.

²⁷ Там же.

²⁸ См., напр.: Пушкин А.С. «Кавказский пленник».

²⁹ См., напр.: Лермонтов М.Ю. «Герой нашего времени».

³⁰ Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 46.

³¹ Впервые опубликовано в «Московском телеграфе», 1832, № 1.

³² Бестужев (Марлинский) А.А. Амалат-бек // Испытание. Повести и рассказы. М., 1991. С. 275.

³³ См., например, письма М.С.Воронцова А.П.Ермолову, опубликованные в приложении к книге: Удовик В.А. Воронцов. М., 2004.

³⁴ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. М., 1823.

³⁵ Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит, в зале Пас-

- сажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье / Дмитрий Романовский; Семен Эсадзе; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2004. С. 4.
- 36 Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1-10. Тифлис, 1868-1881.
- 37 Державин Г.Р. Сочинения. М., 1987. С. 256. Впервые напечатано в журнале «Друг просвещения», 1804, № 9, С. 187, под заглавием «На возвращение из Персии чрез Кавказские горы графа В.А.Зубова, 1797 года».
- 38 Жуковский В.А. Стихотворения, баллады. Л., 1983. С. 85. Интересно, что В.А.Жуковский описывает Кавказ со слов вернувшегося оттуда А.Ф.Восейкова.
- 39 Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. М., 1991. С. 272-273.
- 40 Там же. С. 274.
- 41 Бестужев (Марлинский) А.А. Указ. соч. С. 233.
- 42 Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988. С. 323.
- 43 Милютин Д.А. Воспоминания. 1816-1843. М., 1997. С. 191. Речь идет о событиях 1837-1838 гг.
- 44 Бестужев (Марлинский) А.А. Указ. соч. С. 283.
- 45 Там же. С. 269.
- 46 Мотив горы-облака возникает у Милютина отнюдь не случайно. Вслед за А.С.Пушкиным, который в письме к брату именно так изобразил горы Кавказа, а затем неоднократно использовал этот образ в своих стихах, горы-облака становятся еще одним символом романтического изображения природы Кавказа.
- 47 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 200.
- 48 Там же. С. 201.
- 49 Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988. С. 459.
- 50 Цит. по: Казиев Ш.М., Карнеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 179-180.
- 51 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С.36-37.
- 52 Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1988. С. 475.
- 53 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 156.
- 54 Там же. С. 233.
- 55 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 224.
- 56 Там же. С. 227.
- 57 Там же. С. 219.
- 58 Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. С. 296.
- 59 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. С. 217.
- 60 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 242.
- 61 Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля - 3 октября 1837 г., Кавказ // Звезда. 1999. № 9. СПб., 1999. С. 198.
- 62 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 230.
- 63 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. С. 170-171.
- 64 Симановский Н.В. Указ. соч. С. 191.
- 65 Там же. С. 202.
- 66 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 265.
- 67 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. С. 214.
- 68 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 274.
- 69 Там же. С. 243.
- 70 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. С. 221.
- 71 Симановский Н.В. Указ. соч. С. 206.
- 72 Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. С. 172.
- 73 Милютин Д.А. Указ. соч. С. 242.
- 74 Жуковский В.А. Стихотворения, баллады. Л., 1983. С. 85.
- 75 Личные впечатления поэта отражены, в частности, в его путевых заметках «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». И там образ горцев лишен какой бы то ни было романтики: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного... Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине

- господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом?». — См.: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.* в 10 тт. Т. VI. М., 1978. С. 438-439.
- 76 *Мани Ю.В.* Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 46.
- 77 Об это конфликте в интерпретации А.С.Пушкина см., напр.: *Сандомирская В.Б.* «Естественный человек» и общество // *Звезда*. 1969. № 6.
- 78 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. IV. М., 1977. С. 88.
- 79 *Бестужев (Марлинский) А.А.* Амалат-бек // *Испытание. Повести и рассказы.* М., 1991. С. 255.
- 80 Там же. С. 263.
- 81 Там же. С. 292.
- 82 Там же. С. 275.
- 83 Там же. С. 276.
- 84 Там же. С. 233.
- 85 Там же. С. 318.
- 86 Там же. С. 346.
- 87 Там же. С. 263.
- 88 Там же. С. 331.
- 89 Там же. С. 316.
- 90 *Сахаров В.* Гвардейский Прометей или Кавказ А.А.Бестужева-Марлинского // *Родина*. 1994. № 3-4. С. 104-107.
- 91 *Лермонтов М.Ю.* Избранные произведения. М., 1957. С. 14.
- 92 *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1988. С. 128.
- 93 Там же. С. 323.
- 94 Там же. С. 380-381.
- 95 Особенно восхищался образами Кавказа у М.Ю.Лермонтова В.Г.Белинский. См.: *Белинский В.Г.* Собр. соч. в IX тт. Т. III. М., 1978.
- 96 *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Т. I. С. 323-324.
- 97 Там же. С. 171.
- 98 *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 457.
- 99 Там же. С. 458.
- 100 Там же. С. 460.
- 101 Там же. С. 461.
- 102 Там же. С. 591-592.
- 103 Там же. С. 590.
- 104 *Симановский Н.В.* Указ. соч. С. 202.
- 105 *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. С. 196.
- 106 *Удовик В.А.* Указ. соч. С. 299.
- 107 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 214, 243.
- 108 *Симановский Н.В.* Указ. соч. С. 199.
- 109 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 223.
- 110 Там же. С. 261.
- 111 *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. С. 196, 212.
- 112 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 242.
- 113 Там же. С. 247.
- 114 Там же. С. 248.
- 115 «Хищники» — официальный термин для обозначения горцев, прорывавшихся в наши пределы. — *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. С. 153.
- 116 *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. С. 153.
- 117 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 200.
- 118 *Торнау Ф.Ф.* Указ. соч. С. 153.
- 119 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 309.
- 120 *Симановский Н.Д.* Указ. соч. С. 189, 190, 193. А также: *Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. С. 591.
- 121 *Симановский Н.Д.* Указ. соч. С. 196.
- 122 *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 262.
- 123 *Симановский Н.Д.* Указ. соч. С. 205.
- 124 Если считать, что это все же начало XIX века.

ИТАЛО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА 1895—1896 ГГ. ГЛАЗАМИ РУССКОГО ОФИЦЕРА ПОДПОРУЧИКА Н.С.ЛЕОНТЬЕВА И ИТАЛЬЯНСКОГО МАЙОРА ДЖИОВАННИ ГАМЕРРА

Итало-эфиопская война 1895—1896 гг. стала крупнейшим событием колониальной эпохи, связавшим историю Европы и Северо-Восточной Африки. Трагически соединив уходящий XIX и нарождающийся XX в., абиссинская война, как впоследствии и англо-бурская, означала для великих держав Западной Европы и России вступление их в новую фазу конкурентной борьбы за передел мира, стала фактором обострения колониальных противоречий европейских держав.

За военными действиями в Восточной Африке следил весь цивилизованный мир. Европейская пресса отводила теме итало-эфиопского конфликта первые полосы газет; дипломаты, журналисты и военные старались предугадать ход стремительно развивающихся событий.

Российская общественность также откликнулась на эту войну искренне и бурно. Буквально все слои русского общества прониклись симпатией к единой «африканской Швейцарии», как именовала Эфиопию русская либеральная пресса. И либеральные и монархические издания жестоко осуждали «итальянскую колониальную авантюру», сочувствуя справедливой борьбе эфиопского народа за свою независимость. Изображения абиссинских солдат и командиров, императора Менелика и его военачальников появились во многих российских журналах.

Значение борьбы африканских народов против колониального угнетения осознавали многие современники и очевидцы тех событий. Так, известный путешественник, русский офицер А.К.Булатович впоследствии отмечал в своих мемуарах: «...Менелик вступает с Италией в отчаянную борьбу за существование своего государства, его свободу и самостоятельность, одерживает над врагом ряд блестящих побед и этим ... доказывает неопровержимым образом, что в Африке есть черная раса, могущая постоять за себя и имеющая все данные на независимое существование»¹.

Сочувствие российской общественности выражалось не только на страницах печати, но и в практических действиях. В России был организован сбор средств для оказания помощи больным и раненым эфиопским солдатам; в Эфиопию отправился состоявший из добровольцев отряд Российского Общества Красного Креста, оказавший значительную помощь абиссинцам, что явилось первым серьезным шагом к развитию русско-эфиопских отношений.

Военные и политические события в Эфиопии 1895—1896 гг. пробудили огромный интерес русских к Африке в целом. По окончании конфликта в России вышло множество книг и статей, посвященных абиссинской истории, быту, нравам и обычаям ее жителей; издавались пользовавшиеся большой популярностью воспоминания и записки многих отечественных и зарубежных путешественников, побывавших в этой стране незадолго до начала конфликта.

События итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. получили отражение и в трудах многих видных отечественных² и зарубежных³ историков, изучавших ход, причины и дипломатическую предысторию конфликта.

И все же обширная зарубежная историография итало-абиссинской войны 1895-1896 гг. и имеющиеся в распоряжении исследователей вос-

помянутых участников и очевидцев тех событий по-прежнему не раскрывают многие аспекты вооруженного противостояния в Эфиопии.

Большинство зарубежных исследований и мемуаров участников конфликта отражают точку зрения лишь одного из участников противостояния — Италии — и потому страдают известной односторонностью и тенденциозностью, краткие же эфиопские хроники практически не дают информации по исследуемому вопросу.

Особый интерес в последнее время представляет собой и оценка политического и военного положения Эфиопии глазами как зарубежных, так и российских очевидцев и участников описываемых событий.

Конечно, оценки европейцев, не знакомых с африканской действительностью, были сформированы под воздействием иной культуры, и потому во многом носят субъективный характер⁴. Восприятие иностранцами чужой культуры и чужой реальности не всегда адекватно этой самой реальности, однако отражает внимательный и пристальный взгляд со стороны, столь необходимый для познания иной культуры.

И здесь получает особую значимость изучение психологии солдат враждующих сторон, их отношения к крупнейшей колониальной войне уходящего XIX столетия, к противнику, восприятия участниками конфликта «друзей» и «врагов», оказавшихся по обе линии фронта.

В связи с этим особую ценность для современных отечественных исследователей представляют в первую очередь воспоминания русского подпоручика Н.С.Леонтьева — единственного российского офицера-очевидца военных действий с эфиопской стороны.

«Будучи в течение почти 4 лет близким человеком к негусу Менелику и его советником по делам внешней политики и военным вопросам, Н.С.Леонтьев естественно явился первоисточником сведений по Абиссинско-итальянской войне с абиссинской стороны, что и придает интерес книге, освещающей со всех сторон многие вопросы, оставшиеся до сих пор только под лучами итальянской точки зрения»⁵, — писал впоследствии журналист Ю.Елец, близко знавший Леонтьева.

Еще один взгляд как с итальянской, так и с абиссинской стороны на военные события 1895—1896 гг. представляют и необычайно популярные в Европе воспоминания итальянского майора Джованни Гаммерра «9 месяцев в плену у Менелика»⁶.

По воспоминаниям подпоручика Леонтьева и итальянского майора Джованни Гаммерра с большой достоверностью можно судить и о характере упорных боев абиссинцев с итальянскими войсками, и о походном быте, и о полевых условиях; узнать о судьбах участников конфликта и их человеческих качествах, проследить, как воспринимали друг друга «смертельные враги», оказавшиеся по разные стороны фронта.

Большинство иностранцев — непосредственных очевидцев итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. — неизменно отмечали храбрость и воинственность абиссинцев, присущие им высокий боевой дух и мужество перед лицом опасности, стремление к взаимовыручке и в то же время патриархальность их нравов, религиозность и благожелательность в отношениях друг с другом.

Не раз бывавший в Абиссинии русский офицер и путешественник А.К.Булатович, сравнивая эфиопскую армию с европейскими, подчеркивал: «Абиссинский солдат идет убивать, в душе же большинства европейских есть скорее чувство готовности самопожертвования, чем желанья лично убить противника... Они [абиссинцы — С.А.] обожают бой и идут на него с радостью. Они храбры и хотя горячи, но сообразительны в бою и умеют пользоваться местностью и обстоятельствами»⁷.

Но, вместе с тем, многие путешественники отмечали в своих воспоминаниях и некоторые негативные черты, присущие абиссинцам, такие как: пренебрежение к воинской дисциплине, соперничество, преобладание в характере личного начала; причиной же нескончаемых войн в Абиссинии мемуаристы справедливо считали племенную рознь.

Так, известный исследователь итало-эфиопской войны и современник описываемых событий русский офицер полковник Н.А.Орлов впоследствии писал: «Абиссинцам надо пренебречь вековой племенной рознью, оставить раздоры из-за ничтожных частных своих интересов, дружно соединить усилия всего населения и окончательно сбросить итальянцев в море»⁸.

Русский путешественник Н.С.Леонтьев обращал внимание на излишнюю самоуверенность эфиопских войск, порой доходящую до бравады и полного пренебрежения к противнику, особенно в период одержанных ими наиболее громких побед, как это было в сражениях при Амба Аладжи, Макале и Адуа.

Но, так или иначе, во всех воспоминаниях русских офицеров, путешественников и даже гражданских лиц, отправившихся в Эфиопию в составе Красного Креста на помощь единоверному африканскому народу, неизменно присутствует восхищение храбростью эфиопских воинов, осознание их правоты, а нередко и желание помочь в неравном противостоянии с Италией.

Восхищенный мужеством и самоотверженностью абиссинцев, русский офицер Н.С.Леонтьев подчеркивал их презрение к смерти и поразительное хладнокровие в минуту опасности.

Интересны и воспоминания Леонтьева, касающиеся военной тактики абиссинцев и присущего им самобытного военного искусства.

«...Когда назрел момент общей атаки, к ней подается ... сигнал негуса или расов жестоким боем в литавры, и войска в том порядке, в котором шли, устремляются на неприятеля, стараясь охватить его с обеих флангов. Кавалерия при этом несется лавою, стремясь заскакать в тыл и меча свои губительные копья»⁹, — отмечает Н.С.Леонтьев в своих воспоминаниях. И далее, описывая действия абиссинской пехоты в ближнем бою, продолжает: «Как только абиссинцы сойдутся [с врагом — С.А.] грудь грудью, начинается настоящая вакханалия войны. Это уже не люди, а рассвирепевшие, голодные тигры, жаждущие крови... Все гибнет под ударами их сабель и мечей»¹⁰.

Другой русский офицер, полковник Генерального штаба Н.Орлов, также отмечал в своем исследовании, посвященном итало-эфиопской войне: «Как пехота, так и кавалерия стреляют на ходу и мечут дротики, чрезвычайно искусно... С криками они атакуют неприятеля, начальники наряду с простыми воинами. Атака повторяется несколько раз, так что они не настолько впечатлительны, как другие номады»¹¹, которые после одной, двух неудачных атак охлаждаевают»¹².

В рукопашном бою они «также чрезвычайно искусны», а поэтому «тактика против них должна заключаться в том, чтобы ... не прибегать к рассыпному строю, а драться в сомкнутом строе, в колоннах и каре...»¹³.

Для того, чтобы понять, как вели себя абиссинские войска в боевой ситуации, вновь обратимся к воспоминаниям поручика Н.Леонтьева, который как честный хроникер и очевидец многих сражений итало-эфиопской войны рассказывает о предшествовавшем битве при Амба Аладжи событии, в полной мере характеризующем боевой дух эфиопской армии во время конфликта.

«4 декабря 1895 г. от рас»¹⁴ Маконена явился с письмом посланец итальянскому майору Тозелли, которым рас Маконен, подобно Свято-

славу, предупреждал Тозелли, уведомляя, что атакует его в скором времени, т.к. не может сдержать рвущихся в бой остальных, находящихся с ним расов, и советовать уходить¹⁵, — отмечал Н.Леонтьев.

На следующий день 6 декабря абиссинцы, разбившие лагерь напротив итальянских позиций на высотах Амба Аладжи, решили «остаться ради праздника [религиозного — С.А.] в пассивном положении и не атаковать», т.к. это было «противно их религиозным обычаям»¹⁶. Только небольшой авангард, состоящий приблизительно из 7-8 тысяч человек, немного продвинулся вперед. Но итальянский майор Тозелли, слишком уверенный в собственных силах и неприступности занимаемой им позиции, решил начать усиленную бомбардировку эфиопского лагеря, спровоцировав начало массовой атаки абиссинских войск, не желающих находиться под ураганным огнем противника¹⁷.

Описывая начавшуюся атаку абиссинцев, обрушившихся на левый укрепленный фланг итальянской позиции, Леонтьев отмечает: «волны абиссинцев наступали все ближе и ближе. Храбрецы были окружены, и началась рукопашная. Итальянские офицеры дрались, как львы, их черные солдаты следовали их примеру, зная, какая ужасная участь ждет их как изменников своему отечеству в случае плена»¹⁸. Но, несмотря на отчаянное сопротивление итальянских войск, «эта храбрость не принесла никаких результатов, и страшные абиссинские сабли делали свое кровавое дело», — продолжает Н.С.Леонтьев.

Положение итальянского отряда еще более усугубилось, «когда левый фланг позиции был наводнен абиссинцами, одновременно был атакован правый ее фланг и центр». Рота капитана Вотичелли, первая принявшая удар, была быстро смята, началась резня, и скоро от нее не осталось ни одного человека. Итальянский отряд майора Тозелли был почти полностью уничтожен. Из 2450 человек, участвовавших в сражении, спаслось не более 200.

Битва при Амба Аладжи — первое крупное поражение итальянских войск в Абиссинии — получила широкое освещение в европейской и российской печати. Так, комментируя возможные ближайшие последствия этого сражения, российская газета «Биржевые ведомости», выражавшая интересы российских промышленных кругов, отмечала, что «...крупное поражение, понесенное итальянскими войсками в Африке, может быть признано началом серьезной войны, которая может оказаться роковой для всей колониальной политики Италии»¹⁹.

Однако решающее сражение по-прежнему было впереди. Главнокомандующий итальянскими войсками генерал Баратьери располагал 4 бригадами, общая численность которых вместе с вспомогательными частями составляла 17000 человек при 62 орудиях. Эфиопская армия состояла из 80 тысяч пехоты, 8 тысяч кавалерии и 42 орудий²⁰.

Выжидательное положение, в котором оставались обе стороны накануне генерального сражения, по свидетельству Леонтьева, «в высшей степени утомляло и раздражало итальянские войска», горевшие желанием «встретиться с ... Менеликом и отомстить за Амбаладжу и Макале»²¹.

Но, не имея точных данных «не только о расположении противника, но даже о местности», и значительно переоценивая свои силы, генерал Баратьери вскоре совершил фатальную ошибку, слишком сильно выдвинув правый фланг, внезапно попавший под удар основных сил абиссинской армии.

О том, что столкновение с многочисленным неприятелем явилось для итальянского командования полной неожиданностью, свидетельствуют и воспоминания Д.Гамерра. Вот что он пишет о событиях в ночь на 29 фев-

раля 1896 г.: «...несмотря на недостаток жизненных припасов, от которого мы и без того страдали, было решено удалиться из того места, где мы имели запасы провианта, с вероятностью наткнуться на шоанский лагерь, позиции которого были нам неизвестны, врагу же, без сомнения, знакомы до тонкости»²². И далее продолжает: «Я не мог объяснить себе этого приказа ничем иным, как тем, что начальство в ту минуту было убеждено, что большая часть шоанцев уже оставила местность Адуа, и что нам придется, самое большое, иметь дело с абиссинским арьергардом...»²³

Тем большей неожиданностью стало столкновение с главными силами противника 24 февраля 1896 г.: «...впереди нас стали слышны ружейные выстрелы. Сначала мы на них обращали мало внимания, пока нас не испугал оглушительный залп, ... шоанцы, которых мы предполагали лишь ничтожный отряд, внезапно оказались перед нами в громадном количестве»²⁴.

По свидетельству Гамерра, первый батальон берсальеров, оказавшись без поддержки, откатился назад с тяжелыми потерями. Сражение распространилось по всему фронту, втягивая все новые и новые части.

«Батареи белых, состоящие из сицилийских солдат, ... продолжали геройское дело, вступив в благородное состязание с батареями черных». Абиссинцы также «храбро бились и маневрировали с большим искусством», но, понеся тяжелые потери от огня противника, «были вынуждены, наконец, отступить».

Казалось, что победа клонится на сторону итальянцев. «Еще одно последнее усилие, и нам улыбнется победа...»²⁵, — характеризовал кульминацию сражения итальянский майор.

Но абиссинские войска, совершив обманный маневр, внезапно охватили превосходящими силами правый, а затем и левый фланг итальянской позиции, «врезавшись клином в незанятый войсками центр растянутого итальянского экспедиционного корпуса»²⁶.

Отдававший должное храбрости итальянских солдат, подпоручик Леонтьев впоследствии писал об этом наполненном драматизмом моменте сражения: «Но вот толпы неприятеля начали охватывать фланги. В 10 ч. утра стало ясно, что дело Альбертоне проиграно. ... Новые войска абиссинцев надвигались все ближе и ближе, последовал ожесточенный рукопашный бой, кончившийся тем, что итальянские батальоны дрогнули». Вскоре начавшееся отступление итальянских войск переросло в паническое бегство. «...Бежавшие в гору солдаты задыхались и падали, и их тут же приканчивали страшные эфиопские мечи. Пошады не было никому. Рассвирепевшие абиссинцы упивались победою и смертью врагов»²⁷, — отмечал Леонтьев.

Разгром был полным. Лишь немногим счастливицам удалось попасть в плен. Среди них оказался и Джованни Гамерр, оставивший подробные воспоминания о своей жизни в плену.

Интерес к его мемуарам вызван и тем фактом, что в плену Гамерр, как и всякий другой человек, оказавшийся в сложной ситуации, испытывает простые человеческие чувства — страх, горечь поражения, боязнь неизвестности и, наконец, — надежду.

«Перспектива моей дальнейшей участи казалась мне просто ужасной. Я не чувствовал в себе сил покориться ей, и мысль избавиться от нее доброй пулей казалась мне верхом счастья... Но негус решительно воспротивился этому... и приказал не только сохранить нам жизнь, но и не причинять никакого вреда»²⁸, — писал Гамерр о первых трагических днях своего пребывания в плену.

На смену бахвальству и уверенности в собственной легкой победе, недооценке и умалению личных качеств противника приходит усталость и разочарование от войны, осознание бессмысленности братоубийственной бойни.

На примере мемуаров Гамерра мы видим и то, как менялось отношение пленного итальянского майора к противнику: от его недооценки и презрения к «варварам» до подчеркивания подчас свойственной им личной храбрости и благородства, вассальной преданности императору и рыцарской чести. В его воспоминаниях выражено уважение к простым абиссинским солдатам, отмечено мужество офицеров и самого императора Менелика, которого он признает «искусным полководцем, знакомым с тонкостями полководческого искусства». Постепенно итальянский майор приходит к важному выводу о том, что Италии пришлось столкнуться с мужественным христианским народом, а не с разрозненными дикими племенами.

Так, отзвываясь о начальнике королевской гвардии (которого Гамерр почтительно именует пашой), он признает: «В груди этого амхаринца под грубой внешней оболочкой билось честное солдатское сердце; это сердце все более и более раскрывалось по мере того, как ослабевало возбуждение, вызванное битвой»²⁹.

Чувство симпатии к «благородному» противнику еще более увеличивается от гуманного отношения абиссинцев к итальянским пленным, почтения к памяти павших в сражении солдат и офицеров противника. О подобном отношении к итальянским пленным свидетельствуют и воспоминания другого очевидца событий — русского подпоручика Н.С.Леонтьева, отмечавшего, что «...в сражении при Амбаладжи [*Амба Аладжи — С.А.*] в то время, как итальянцы выкидывали на сдение хищным зверям трупы неприятеля, абиссинцы хоронили итальянцев по христианским обычаям»³⁰.

Однако подобное благородство, базировавшееся на христианских ценностях, по свидетельству большинства современников, не всегда было свойственно абиссинцам, крайне жестоко поступавшими с пленными из местных африканских племен, воевавших на стороне итальянцев.

Об этом свидетельствуют и воспоминания итальянского майора Гамерра: «меня заставили пройти между нескончаемыми рядами аскарисов: у каждого из этих несчастных, по приказанию, или, по крайней мере, с ведома негуса, были отрублены кисти правой руки и левой ноги. Некоторые из этих бедняков были солдаты 8 батальона: увидав меня, они кричали: «Майор! Майор!» и поднимали изувеченные руки вверх».

Приведенное выше описание вполне отвечало традиции абиссинских воинов, «согласно которой каждый абиссинский воин поступал сообразно своим взглядам по отношению к побежденному врагу»³¹. «Одни ухаживали за пленниками, сажали их на мулов, другие же наоборот, раздевали их догола»³², — свидетельствовал Леонтьев.

Однако даже несмотря на подобную, веками устоявшуюся традицию, к концу XIX в. отношение к пленным постепенно смягчается. Столкнувшись с западным миром, полухристианская абиссинская элита постепенно цивилизовалась, что сказалось не только в одежде, вооружении и манерах, но и оказало заметное влияние на более гуманное отношение к «цивилизованным» европейским пленным, поклоняющимся тому же Богу, что и абиссинцы. Соблюдение же подобного рыцарского кодекса по отношению к нецивилизованным и не христианским народам отнюдь не считалось обязательным.

Мемуары итальянского майора Джованни Гамерра также содержат интересные сведения о том, как воспринимались европейцы в Абиссинии.

Об этом свидетельствует приводимый Гамерром в своих воспоминаниях отрывок, в котором говорится о том, что всех белых, вне зависимости от профессии и национальности, абиссинцы неизменно наделяли якобы присущим им от рождения даром врачевания. Оказавшись в плену, после боя при Адуа Гамерр писал: «Он [наша — С.А.] повел меня в палатку, в которой лежал раненый амхаринский воин, и приказал мне лечить его. Я пытался протестовать против этого странного требования, но оставил свою попытку, сообразив, что упорство здесь не приведет ни к чему. Я обмыл поданной мне грязной водой рану, которая зияла у солдата на плече, наложил на нее кусочек сулемовой ваты и обвязал, как умел, плечо окровавленной повязкой, одно прикосновение к которой возбуждало во мне ужас и отвращение. Я думал, что уже отделался, и просил позволения вымыть руки. Но у паши был другой умысел. Он повел меня в следующую палатку, где я должен был осмотреть и перевязать другому раненому раздробленную руку... И так пошло все дальше: ... я вырезал пули, перевязывал раскроенные черепа, пока, наконец, не кончилось это ужасное мучение»³³.

Но, несмотря на подобные, подчас курьезные для европейца ситуации, связанные с незнанием чужих обычаев и культуры, Гамерр с честью пережил испытание пленом, проникнувшись искренней симпатией к своим «победителям».

Так, на страницах своих мемуаров итальянский майор то и дело награждает эфиопских вельмож такими эпитетами, как «красивый», «умный», «симпатичный», «доброжелательный». А к некоторым, как, например, к Лидж-Ильме он, по собственному признанию, питает даже чувство «благожелательности и симпатии».

Но, несмотря на подобную привязанность и хорошее отношение со стороны эфиопских вельмож, Гамерр остается истинным патриотом Италии, испытывая острое чувство ностальгии, желание снова оказаться на родине. Вновь обратимся к тексту его воспоминаний: «... страшно умереть в этом далеком, заброшенном уголке земли и бесславно исчезнуть, ... сознавая, что дорогие мне существа никогда не узнают, где я умер, куда брошены мои непогребенные кости...»³⁴.

Однако худшим опасениям Гамерра не суждено было сбыться. Он счастливо пережил все коллизии судьбы и превратности плена и возвратился на родину — в Италию, сохранив смешанные чувства о своем знакомстве с Абиссинией и ее народом.

По возвращении Гамерра в Италию написанные по горячим следам воспоминания стали необычайно популярными и быстро разошлись по Европе, принеся ему прижизненную литературную известность³⁵. И хотя сам автор признавал литературную слабость своего произведения (нехватку образности описания и высокого, привычного в дворянской среде стиля), его книга остается и по сей день поистине бесценной для исследователей итало-эфиопской войны 1895—1896 гг.

Мемуары Д.Гамерра наряду с воспоминаниями Н.С.Леонтьева и других, в том числе и русских путешественников, несмотря на ряд неточностей, создают в целом достоверную и, вместе с тем, драматическую картину развернувшихся в Восточной Африке событий.

На примере этих мемуаров видно, как меняются традиционные представления европейцев об африканском обществе, изживаются или подвергаются сомнению многие устоявшиеся стереотипы об отсталости и нецивилизованности африканских народов, происходит знакомство с чужой, крайне непохожей на собственную, культурой.

Особенно заметно это на примере мемуаров Д.Гамерра, до битвы при Адуа крайне пренебрежительно относившегося к противнику. Однако вско-

ре взгляды итальянского майора, прошедшего испытание пленом, претерпевают заметную эволюцию в сторону выделения таких положительных черт эфиопского общества, как честность, отвага, благородство, а в целом — и благожелательное в большинстве случаев отношение к итальянским пленным. Все это во многом способствует формированию образа врага-человека, не лишённого сострадания и других положительных качеств.

Взгляды русского офицера Н.С.Леонтьева, напротив, не претерпевшие такой эволюции, во многом отражают традиционный взгляд российского общества³⁶, сочувствующего борьбе африканских народов за свою независимость.

Итало-эфиопская война 1895—1896 гг., приковавшая к себе внимание всего цивилизованного мира, получила широкий отклик в России. Прогрессивные круги российского общества с восторгом приветствовали разгром итальянцев под Адуа и рождение сильной эфиопской империи. Эфиопские события, спровоцировавшие огромный интерес к этой стране, ее культуре и обычаям, истории и народу, способствовали преодолению традиционной изоляции эфиопского общества, его вовлечению в диалог с целым рядом европейских культур.

Этому в немалой степени способствовала и самоотверженная деятельность Российского Общества Красного Креста (РОКК) и других общественных организаций, что стало первым шагом к установлению русско-эфиопских дипломатических отношений³⁷.

Может быть, именно поэтому в своих хроникально достоверных воспоминаниях, написанных на основе эфиопских дневников, Леонтьев, подчас восхищенный мужеством итальянских офицеров, тем не менее, всецело оставался на стороне эфиопского народа, сочувствуя его справедливой борьбе за независимость.

Так, отзываясь об эфиопских событиях 1895—1896 гг., он неизменно подчеркивает антиколониальный характер борьбы эфиопского народа, отмечает рост его национального самосознания, признавая тем самым ценность для мира данной цивилизации.

В мемуарах Леонтьева уже присутствует осознание того, что итало-эфиопская война 1895—1896 гг., с самого своего начала вышедшая за рамки простого колониального конфликта, стала столкновением двух непохожих по своей сути, мировоззрению и культуре цивилизаций — средневековой архаической Абиссинии со стремительно развивающейся Италией. Результатом этого столкновения стало формирование обширной эфиопской империи, отстоявшей свою независимость и оставшейся на долгие годы серьезным «игроком» африканской и мировой истории.

Победа при Адуа сыграла огромную роль в становлении национального самосознания абиссинцев. Она не только сплотила коренное население, но во многом способствовала усилению и единению эфиопского феодального государства, значительно укрепила его международный авторитет.

Находясь, под впечатлением военных событий, Леонтьев впоследствии писал: «...что касается Абиссинии, она с мечом в руках отстояла свои человеческие и нравственные права, упрочила свою независимость и этим же мечом прорубила себе двери в цивилизованный мир, с удивлением и восторгом приветствовавший императора Менелика и его достойный народ»³⁸.

Надежды на процветание Эфиопии тогда питали многие представители прогрессивных кругов российского общества. Так, другой русский офицер, ротмистр А.К.Булатович, искренне полюбивший эту африканскую страну, писал: «...немало борьбы перенес за последние века абиссинский народ. Теперь, может быть, наступят для него лучшие времена. Он сплотился и выходит на большую дорогу к мирному преуспеванию. Бог в помощь!»³⁹.

Однако мирное существование Эфиопии длилось недолго — всего 40 лет. В 1935 г. над страной нависла новая угроза — со стороны фашистской Италии, — и снова русский народ протянул ей братскую руку помощи. Но это уже совсем другая история.

- ¹ Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 177.
- ² Васин И.И. Политика капиталистических держав в Эфиопии. (80–90 гг. XIX в.). М., 1974.; Трофимов В.А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во II пол. XIX в. М., 1962; Попов В. Разгром итальянцев под Адуа. М., 1938; Цыпкин Г.В. Эфиопия от раздробленности к политической централизации. М., 1980.
- ³ Mantagazza V. La Guerra in Africa. Firenze, 1896; Punkhurst R. Economic History of Ethiopia. 1800–1935. Addis Ababa, 1968; Wylde A.H. Modern Abyssinia. London, 1901.
- ⁴ См. подробнее: Макаров О.Л. Европейцы в восприятии эфиопов // Восток. М., 1992. № 4.
- ⁵ Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией (по документам и походным дневникам Н.С.Леонтьева). СПб., 1898. С. 2.
- ⁶ Гамерр Джигванни. 9 месяцев в плену у Менелика. Воспоминания военнопленного в Шоа с марта 1896 — январь 1897 г. М., 1899.
- ⁷ Булатович А.К. Указ. соч. С. 117.
- ⁸ Орлов Н.А. Итальянцы в Абиссинии 1870–1896 гг. СПб., 1897. С. 67.
- ⁹ Елец Ю. Указ. соч. С. 118.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Речь идет об эфиопской кавалерии, формировавшейся за счет кочевых племен «галасов» на северо-западе страны.
- ¹² Орлов Н.А. Указ. соч. С. 10.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Рас — полководец, князь.
- ¹⁵ Елец Ю. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁶ Там же. С. 147.
- ¹⁷ Цыпкин Г.В. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁸ Елец Ю. Указ. соч. С. 150.
- ¹⁹ Биржевые ведомости. 14.12.1895.
- ²⁰ Елец Ю. Указ. соч. С. 201.
- ²¹ Там же.
- ²² Гамерр Д. Указ. соч. С. 15.
- ²³ Там же. С. 16.
- ²⁴ Там же. С. 17.
- ²⁵ Там же. С. 19.
- ²⁶ Орлов Н.А. Указ. соч. С. 59.
- ²⁷ Елец Ю. Указ. соч. С. 221.
- ²⁸ Гамерр Д. Указ. соч. С. 27.
- ²⁹ Там же. С. 22.
- ³⁰ Елец Ю. Указ. соч. С. 179.
- ³¹ Там же. С. 230.
- ³² Гамерр Д. Указ. соч. С. 26.
- ³³ Там же. С. 26.
- ³⁴ Там же. С. 58.
- ³⁵ Мемуары Гамерра свидетельствуют о том, что автор принадлежал к дворянскому сословию и был хорошо знаком со многими современными трудами по Абиссинии, в том числе Вандерерима, а также читал романы Пьера Лоти.
- ³⁶ См. к примеру: Санкт-Петербургские Ведомости. 1896–1897.
- ³⁷ См. подробнее: Глинский Д.Л. Жизнь русского санитарного отряда в Харраре. Гродно, 1897; Шведов Н.К. Русский Красный Крест в Абиссинии в 1896 г. СПб., 1897.
- ³⁸ Елец Ю. Указ. соч. С. 286.
- ³⁹ Булатович А.К. Указ. соч. С. 340.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1914 – НАЧАЛЕ 1917 гг.

Вызревание в конце XIX – начале XX вв. предпосылок европейской войны сопровождалось формированием во многих странах идейных течений и организаций откровенно империалистического, милитаристского толка, видевших свою задачу в подготовке к войне за великодержавные цели, за колонии и сферы влияния¹. Деятельность консервативных политиков, реакционно настроенного генералитета, части журналистов и писателей европейских государств, направленная на утверждение в массовом сознании привлекательного образа войны как средства решения назревших национальных задач и как формы, в которой проходит международная борьба за выживание, способствовала созданию идейно-психологических предпосылок общественной поддержки правительств в случае войны и даже самой идеи войны. Во всех участвовавших странах действовали факторы, способствовавшие созданию настроения в пользу войны. Однако, несмотря на серию международных кризисов, которые потрясли Европу с 1905 г., и разговоры о войне, кризис июля 1914 г. стал неожиданностью для многих простых людей².

В России острые социальные противоречия, чреватые новой революцией, и недостаточная готовность к войне в силу запаздывания в реализации программы военно-технических преобразований, незавершенности реформ порождали у трезвомыслящих политиков тревоги и опасения по поводу возможных трагических последствий неудачной войны. Некоторые видные государственные деятели правого толка (Н.А.Маклаков, П.Н.Дурново и др.) прямо указывали на неспособность народных масс России позитивно воспринять и разделить с просвещенными классами понимание целей и задач предстоящей войны. Боязнь революции делала пацифистами представителей либеральной оппозиции, вынашивавших амбициозные внешнеполитические планы. Теоретики социализма предрекали революционный кризис как неизбежное следствие европейской войны. В силу указанных обстоятельств, а также германофильских настроений части правящей российской элиты, назревавшая война внушала больше тревог, чем оптимизма тем, кто понимал ее неизбежность. Россия принадлежала к числу держав, больше заинтересованных в сохранении уже произведенного раздела мира, чем в его переделе, и не входила в число инициаторов войны, до последнего пытаясь предотвратить ее.

Эти обстоятельства обусловили тот факт, что в России, в отличие от других стран, никакой идейно-психологической подготовки к войне, способной сколько-нибудь существенно повлиять на массовое сознание, не велось. В результате накануне войны не сложилось единых представлений о ее вероятных целях и характере, в массах не было представления ни о месте России в грядущей борьбе, ни о потенциальном внешнем противнике. А.А.Брусилов в своих воспоминаниях отмечал: «Нравственную подготовку народа к неизбежной европейской войне правительство не только упустило, но и не допустило. Если бы в войсках какой-нибудь начальник вздумал объяснять своим подчиненным, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы всеми силами должны готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если бы не был предан суду. Еще в мень-

шей степени школьный учитель мог это проповедовать: он был бы сочтен опасным панславистом, ярким революционером³. Подобные признания звучат в воспоминаниях и других военачальников⁴.

Разработка идейного обоснования участия России в мировой войне началась лишь после ее вступления в конфликт 19 июля 1914 г. и велась, как и в других странах, с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в Высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян»⁵. Тот факт, что Германия первой объявила войну России, способствовал формированию в массовом сознании установок ее восприятия как войны справедливой, оборонительной, направленной на отражение германской агрессии. Преобладавшее в народных низах настроение рельефно выражали две фразы, получившие широкое хождение: «Ежели немец прет, то как же не защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим»⁶. Этим настроением, а также тревогой за судьбу страны, ее будущее был обусловлен патриотический подъем, захвативший в первые дни войны практически все слои населения, включая рабочих и крестьян. В городах, рабочих поселках, селах проходили патриотические манифестации, шествия, молебны о даровании победы над врагом⁷. Представления о справедливой защите Россией своей территории, жизни, чести, достоинства, материальных и культурных ценностей народа от посягательств внешнего врага стали определяющим компонентом образа войны.

Патриотический, религиозный подъем начала войны был неразрывно связан с подъемом монархических чувств и настроений. Фигура Николая II была консолидирующим символом в деле защиты родины, а традиционная формула «За Веру, Царя и Отечество» была востребована ситуацией, работала автоматически на уровне массового сознания как выражение базовых ценностей, определяя поведение массовых социальных слоев. Наиболее убедительным проявлением этого в первый год войны были: стабилизация социальной ситуации и религиозный подъем в деревне, корректировка системы приоритетов и ценностей в сознании рабочих, стойкое и самоотверженное выполнение воинского долга солдатами русской армии на фронте.

В общей тональности общественных настроений выделялись оттенки, определяемые особенностями мироощущения различных социальных групп. Крестьянство стало основным резервом пополнения армии: из 15,8 млн. мобилизованных в русскую армию к осени 1917 г. свыше 12,8 млн. были призваны из деревни⁸. Уже поэтому крестьянство не могло относиться к войне равнодушно. И все же в разноголосом восторженном хоре патриотических речей, в звуках патриотического энтузиазма первого месяца войны голоса крестьянства слышно почти не было. Его восприятие войны отличалось от чувств и представлений других слоев общества. Архетипической основой отношения крестьянства к войне было перманентное ощущение им своей непреодолимой зависимости от природных и социальных сил. Это порождало фаталистическое мироощущение, в пределах которого Бог воспринимался как судьба, рок и, наоборот, ход и исход событий как природного, так и социального характера ощущались как развертывание providенциаль-

ной божественной воли. Несмотря на присущий крестьянам известный хозяйственный и социально-бытовой рационализм и прагматизм, восприятие событий, причины которых оставались за пределами их умственного горизонта, на протяжении веков у них определялось действием традиционных психоментальных установок.

Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне восприняли как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание. В жандармских отчетах в Губернские жандармские управления (ГЖУ) и отчетах Департамента полиции МВД отмечалась эта специфика восприятия крестьянством войны⁹. В фольклоре стереотип восприятия войны как испытания, ниспосланного Богом, получил зримое воплощение¹⁰.

В фольклоре крестьянско-солдатского происхождения лейтмотивом звучит тоска по земле, желание вернуться к крестьянской работе, причитания о войне, которая «повыела» хлеба, «покосила» работников. Земля и работа на ней — сакральные ценности крестьянина, обеспечивающие ему само право на жизнь. Отношение к войне проистекало из ее противоположности этим основополагающим ценностям («Земля — мать, отец; война — зол конец»), а потому не могло не быть отрицательным¹¹.

Война, не связанная с непосредственной защитой своего дома, в глазах крестьян приобретала позитивный смысл лишь в том случае, если ее результатом должно было стать приращение пригодной для обработки земли. В густонаселенной Европе перспектив для русской крестьянской колонизации не было, и это хорошо чувствовали крестьяне. Ф. Степун в своих воспоминаниях писал: «Сколько раз слышал я в Карпатах общесолдатское мнение: «Да зачем нам, ваше благородие, эту Галицию завоевывать, когда ее пахать неудобно»¹².

Многие современники событий отмечали незрелый, стихийный, «инстинктивный» характер крестьянского патриотизма¹³. Русские крестьяне в массе еще сохраняли средневековое по сути восприятие войны как крестового похода за землю и веру, в котором присоединение новой земли означает одновременно и расширение ареала истинной веры. Рациональные по своей природе имперские экономические, геополитические интересы России, обозначившиеся в новых исторических условиях, не укладывались в матрицу крестьянского сознания. А.А. Брусилов вспоминал: «Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы, не знал почти никто, кто такие славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹⁴. Зачастую солдаты-крестьяне не знали, какого вероисповедания противник, а узнав, что немцы — христиане, приходили в полное недоумение, так как это расходилось с их представлением о враге-«басурмане», «нехристе»¹⁵. Либеральная интеллигенция призвала нести в народ понимание истинных причин войны, ее значения путем организации популярных лекций в городе и деревне, рассылки брошюр о германском милитаризме и т.д.¹⁶, однако эти меры были неспособны существенно изменить ситуацию. Сохранявшиеся самодостаточность, изолированность сельского мира, сословное неполноправие крестьян, отсутствие у них навыков гражданской жизни, а не только необразованность затрудняли их восприятие внешнеполитиче-

ских реалий существования России на рубеже XIX—XX вв.

Ограниченность кругозора крестьянина рамками сельского мира, уезда, максимум — губернии определяла и своеобразие его представлений о внешнем враге — «нападчике», который должен обязательно угрожать разорением родного очага, вторгнуться в пределы исконной территории и тогда получить достойный отпор. «Искать» врага далеко от родного дома, ехать ему навстречу сотни километров было по представлениям крестьян бессмысленно. Отсюда столь распространенное, фиксируемое в многочисленных источниках, крестьянское убеждение периода войны: «мы — тульские (вятские, пермские и т.д.), до нас немец не дойдет».

В то же время крестьяне, несомненно, были стихийными патриотами, любили свою матушку-Русь и желали ей победы. Патриотизм крестьян проявлялся в самых разнообразных формах, подчас весьма действенных¹⁷. Высоким был интерес к военным событиям, крестьяне зачитывали «до дыр» попадавшие к ним газеты. «Темный деревенский народ, — писала газета «Московская копейка», — как никто интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки. И все же многое остается непонятым»¹⁸. Корреспондент газеты «Уфимская жизнь» после поездки по селам губернии передавал высказывания крестьян: «Свои, кровные дети там, как же не думать о войне»¹⁹. Подобные констатации были нередкими на страницах прессы²⁰.

Лубочные картинки и плакаты распространялись в миллионах экземпляров в период войны, особенно в 1914—1915 гг., что является косвенным подтверждением действенности патриотической пропаганды и широкого распространения официальной концепции войны в народной среде в этот период. Написанные народным языком, как отмечает А.Ф.Некрылова, они строились по типу фольклорных произведений, где герои всегда побеждают, зло наказывается, добро торжествует, «русский дух» одолевает темные силы²¹. Аналогичные мотивы можно встретить в народной военной поэзии и военных песнях Первой мировой войны²². Сатирические кинолубки «Пасынок Марса», «Наполеон наизнанку», «Сказка про немецкого горе-вояку» и др. в первый период войны пользовались популярностью у широких кругов зрителей²³. Огромный успех у народного зрителя в годы войны имела картина «Умер бедняга в больнице военной», созданная по одноименной солдатской песне в стихотворной обработке Константина Романова.

Отступление русской армии весной-летом 1915 г. наглядно продемонстрировало крупные просчеты в подготовке страны к войне, организации снабжения армии оружием, боеприпасами и обмундированием, последствия несогласованности и некомпетентности действий военных и гражданских властей. К осени 1915 г. кадровая армия была почти полностью выведена из строя, потеряны большая часть Галиции, Польша, часть Прибалтики и Белоруссии. Трагедия отступления, сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, дав импульс развитию революционного кризиса. Либеральная оппозиция возобновила свое противостояние с правительством, координируя его с помощью созданного в августе 1915 г. в Государственной думе Прогрессивного блока. Предписание Ставки военной цензуре ограничиться наблюдением за сохранением военной тайны открыло широкий простор для критики правительства в газетах²⁴. Со страниц печати, трибун органов местного самоуправления и общественных организаций зазвучали призывы к привлечению «всех живых общественных сил» к делу обороны страны, мобилизации тыла для нужд фронта, завуалированные и

прямые требования создания «министерства общественного доверия» или «ответственного перед Думой правительства».

Непосредственным виновником катастрофы в общественном мнении предстал военный министр В.А.Сухомлинов, отстраненный в июне 1915 г. от должности, преданный суду и осужденный, в частности, за «государственную измену». По делу жандармского полковника С.Н.Мясоедова были уличены в шпионаже в пользу Германии и привлечены к суду почти два десятка должностных лиц и предпринимателей, носивших немецкие фамилии, о чем можно было прочесть в газетах. Это порождало впечатление, что предательство и измена свили гнездо повсюду и, прежде всего, во властных верхах, вызывало самые невероятные и страшные слухи, подрывавшие доверие к правящей монархии.

Указанные обстоятельства не могли не дестабилизировать обстановку в стране, затронув настроения не только образованных «верхов», но и массовые настроения народных «низов». Под влиянием реального опыта войны происходила корректировка и детализация ее первоначального образа. Крестьянство, как было уже отмечено выше, в силу своей органической связи с фронтом чутко прислушивалось к известиям с театра военных действий, живо интересовалось информацией, содержащейся в газетах и других источниках. Доступными для крестьянства каналами информации были не столько печатные органы (газеты, а тем более журналы, в деревне представляли редкость, многие из них были непонятны крестьянам), сколько письма родных с фронта, а также рассказы солдат-отпускников, раненых, инвалидов, вернувшихся с позиций. Именно этим источникам информации, и прежде всего рассказам очевидцев, крестьяне верили больше всего. В письмах с фронта солдаты жаловались на плохую одежду и пищу, холод, нехватку оружия, боеприпасов, грубое обращение офицеров²⁵. Эта информация диссонировала с представлениями о патриотическом единении, заботе правительства о защитниках Отечества как необходимых условиях ведения справедливой войны, вызывала эмоции разочарования и обиды. И хотя в 1914—1916 гг. преобладали письма «нейтральные» (или «уравновешенные», «без упоминаний о войне») а также «бодрые» (по терминологии военных цензоров), составлявшие подавляющее большинство корреспонденции, письма с жалобами удручающе действовали на деревню. Еще тяжелее отзывались на настроения крестьян рассказы раненых и изувеченных солдат, переживших психологический шок, физические страдания. В их рассказах реальные обстоятельства и факты зачастую преувеличивались и получали искаженное изображение. Особенно будоражили крестьян слухи о предательстве, измене в правительстве и высшем военном командовании, циркулировавшие как на фронте, так и в тылу. В сводке отчетов военных цензоров Западного фронта за вторую половину октября — первую половину ноября 1915 г. говорилось: «Слухи о предательстве очень упорны и, что всего хуже, комментируются среди нижних чинов в фантастической форме и колоссальных размерах»²⁶.

Таким образом, эмоциональная составляющая в массовом сознании крестьян в силу особенностей их менталитета превалировала в синхронном образе войны. Развитие диссонанса между представлениями российских крестьян о справедливой войне и их видением Первой мировой войны (как ненужной, непонятной: отсутствовали убедительные и ясные оправдания приносимых жертв) зависело от хода самой войны, ее успешности и длительности. Затягивание войны, поражения русской армии, психологическая и физическая усталость в условиях экстремального режима военного време-

ни и усиления государственной эксплуатации деревни, потери близких (в том числе «кормильцев»), подрыв нравственного авторитета правящей монархии способствовали снижению действенности официальной патриотической пропаганды с ее формулой «За Веру, Царя и Отечество». Выявились неумение власти эффективно справляться с внутренними экономическими и политическими трудностями, стало очевидным нарушение социальной справедливости, когда бремя войны распределялось крайне неравномерно между «верхами» и «низами» общества, что не могло не сказаться на восприятии войны подавляющим большинством населения страны – крестьянством. В то же время до падения монархии в массовом сознании крестьян сохранялась неразрывная связь между представлениями о защите веры, престола и Отечества. Традиционная формула продолжала выполнять свою функцию во многом и из-за отсутствия другого, доступного крестьянству, рационального (и в то же время символического, затрагивающего сферу сакрального) объяснения смысла войны.

Отношение к войне, защите Отечества от внешнего врага было важным индикатором массового сознания рабочих. Это отношение, в свою очередь, определялось тем образом войны, который складывался и преобладал в общественном сознании разных слоев рабочих в тот или иной период под влиянием комплекса историко-психологических факторов системно-структурного, ситуационного или феноменологического характера. Вопреки сложившемуся в советской историографии стереотипу, рабочие откликнулись на вступление России в Первую мировую войну не антивоенными стачками, а участием в патриотических манифестациях, крестных ходах, молебнах совместно с другими слоями населения в городах и промышленных поселках²⁷. Антивоенных стачек рабочих, по данным Ю.И.Кирьянова, ни в столице, ни в провинции в связи с началом войны не было, лишь в Петербурге были отмечены три кратковременные уличные демонстрации антивоенного характера²⁸. Не имели особого успеха попытки леворадикальных политических групп в рядах социалистических партий распространять в начале войны прокламации с призывами к акциям протеста против войны²⁹. Они не выходили, как правило, за пределы тесного круга членов подпольных организаций и связанных с ними рабочих. Аресты, мобилизация на фронт и, главным образом, изменившееся настроение в обществе привели к падению численности большевистских организаций. Проведенные ими в начале войны единичные антивоенные акции незабастовочного характера не оказали сколь-нибудь заметного влияния на рабочую среду, тем более, что в социалистических партиях значительное распространение получило оборончество.

Рабочие, имевшие в подавляющей своей части крестьянские корни и сохранявшие живые связи с деревней, являясь носителями трансформированной крестьянской ментальности, во многом разделяли с крестьянством отношение к войне как стихийному бедствию, с которым невозможно бороться. Вместе с тем, у них не вызвала сомнения необходимость защищать Родину от внешнего врага и в силу естественности стихийного патриотизма как инстинкта самосохранения народа, и в силу распространения (под влиянием официальной пропаганды и того неоспоримого факта, что Германия первой объявила войну) представлений о войне как справедливой, оборонительной со стороны России. Поэтому наряду с подавленностью и тревогой, являвшимися естественной человеческой реакцией, порождаемой ожиданием бедствий (и эмоцией страха), широкое распространение в рабочей среде после объявления войны получили многообразные проявления

патриотических чувств и настроений: пение национального гимна, манифестации с национальными флагами, антинемецкими и антиавстрийскими лозунгами, сборы пожертвований на нужды армии и семей призванных и т.д. Как отмечал А.Г.Шляпников, даже передовых рабочих — принципиальных противников войны — сложность международной ситуации «застала врасплох», оказалась «выше сознательности многих, а потому высказывалось очень много «частных мнений»³⁰. Логику большинства «сознательных» рабочих их лидер излагает следующим образом: «Из сложившейся международной ситуации, как она нам подавалась учету, было ясно, что германское правительство явилось инициатором, было первым, которое спускало курок. Из этого мы делали заключение, что на немецкий пролетариат падает ответственная задача проявить инициативу решительной борьбы против кровавого замысла империалистов»³¹. Когда же ожидаемого не произошло, в представлениях рабочих состоялись «похороны немецких вождей», «у широких, идущих за социал-демократами рабочих кругов, появились идеи «не быть для России хуже, чем немцы для Германии»³².

В рабочей среде были широко распространены антинемецкие настроения, которые смыкались с патриотическими и вырастали на их почве. Причинами их роста были представления о немецком экономическом засилье, вредительстве немцев внутри страны, о Германии как виновнице развязывания войны, ее агрессивных замыслах в отношении России, данные о бесчеловечных методах ведения ею войны, поступавшие с фронта с осени 1914 г., поражения русских войск, дороговизна, складывание в массовом сознании «образа врага», лишённого человеческих черт: врага-веря, врага-варвара. Указанные настроения принимали самые разнообразные формы. Помимо патриотических забастовок, они проявлялись в незабастовочных формах выступлений: в «патриотических» погромах, выражении рабочими недовольства администрацией немецкого происхождения на предприятиях, распространении слухов о немецком засилье и немецких шпионах, подкупах должностных лиц немцами и т.д. Яркой характеристикой настроений рабочих могут служить мотивы патриотических забастовок. 21 августа 1914 г. в Москве бастовали 450 рабочих машиностроительного завода товарищества «Дангауэр и Кайзер». Забастовка была вызвана тем, что сборщики пожертвований в пользу русских раненых воинов, продававшие с разрешения московского градоначальника флаги, не были пропущены управляющим на завод, о чем стало известно рабочим. Последние не только приостановили в знак протеста работу, но и потребовали увольнения заведующего³³. В Москве 14 ноября 1914 г. возникла забастовка на механическом заводе общества бр. Бромлей, где бастовало 73 рабочих, выдвинувших требование об удалении литейного мастера — австрийского подданного. Забастовка, продолжавшаяся полдня, прекратилась после того, как выяснилось, что мастер — чех³⁴.

Аналогичные настроения существовали и в провинции. В Харькове 12 августа 1914 г. забастовали 1500 рабочих завода «Русского паровозостроительного и механического общества», выдвинув требование об увольнении мастеров — германских и австрийских подданных. После того, как требование было удовлетворено, забастовка прекратилась³⁵. 22 мая 1915 г. рабочие снарядного цеха Златоустовского завода Уфимской губ. выступили против служащих немецкого происхождения Э.Э.Линда и К.Х.Тринкмана, которые, якобы, «умышленно не хотят увеличить плату»³⁶. Неприязненное отношение к лицам, носившим немецкие фамилии, в мае 1915 г., по данным полиции, было широко распространено среди рабочих заводов и фабрик

Вятской губернии³⁷. В Новгородской, Саратовской, Вятской губерниях среди всех классов городского населения очень сильным было настроение против оставления на государственной службе лиц немецкого происхождения³⁸. Часто рабочие трактовали перебои в снабжении предприятий сырьем и топливом, простои, пожары, аварии и другие сбои производства как результат вредительства немцев, представителей администрации немецкого и австрийского происхождения³⁹.

Мотивы участников различных патриотических акций по-разному взаимодействовали с другими элементами структуры их сознания, играя в нем в связи с этим разную роль (структурообразующую; подчиненную; случайную). Их надо рассматривать в корреляции с анализом массового сознания различных слоев рабочих, то есть с учетом того места в системе воззрений, которое эти мотивы (преломляющиеся сквозь призму не только менталитета, но и личного сознания) занимали. Не вызывает сомнений, что «сознательные» рабочие, связанные с партийными организациями, не принимали участия в погромах и других формах антинемецких выступлений, осуждали их. В то же время можно утверждать, что патриотические настроения в разных формах были присущи всем слоям рабочих. Среди «сознательных» рабочих было распространено осуждение германского милитаризма, империализма, немецкого экономического засилья, «внутреннего немца» (под которым понимались реакционные верхи правящих классов и государственной бюрократии), признание необходимости обороны страны. Политически активные рабочие разделяли все оттенки настроений своих социалистических лидеров: от идеи заключения гражданского мира с правительством и буржуазией на период войны до интернационалистского лозунга «война войне»⁴⁰. Средние слои рабочих были носителями разнообразных форм патриотических настроений и образцов поведения, обусловленных патриотическими чувствами. Синкретизм, многослойность сознания этой промежуточной группы были выражены наиболее сильно. В погромных акциях участвовали в основном малоквалифицированные, малограмотные (низшие) и отчасти средние слои рабочих, недавние выходцы из деревни.

Пропагандировать антивоенные идеи, а тем более пораженчество, в рабочей массе в 1914 — первой половине 1915 гг., по признанию социал-демократов, было почти невозможно, так как это вызывало неприятие и грозило обвинениями в пособничестве врагу⁴¹. Оборончество и идея классового мира во имя оказания отпора внешнему врагу получили широкое распространение в рассматриваемый период также в связи с тем, что война вначале представлялась всем слоям общества кратковременной.

Как справедливо заметил Ф. Ян Хубертус, один из способов уточнения отношения рабочих к войне — изучение народных увеселений. Он показал, что рабочие в период войны были активными участниками и потребителями массовой городской культуры. Они влияли на городской рынок, способствуя обращению такой продукции, как копеечные издания, недорогие газеты и журналы, в особенности — лубки и почтовые открытки⁴². Патриотические лубки и открытки, издававшиеся огромными тиражами, в количестве нескольких миллионов экземпляров, в беспрецедентных масштабах расходились в городах. На них в карикатурном виде изображались немцы, австрийцы и турки. Этот факт свидетельствует о том, что рабочие в массе разделяли господствовавшие в общественном сознании низов стереотипы восприятия внешнего врага. Это обеспечивалось в значительной степени тем, что официальная пропаганда

успешно эксплуатировала в условиях войны существовавшие веками в народной культуре негативные этностереотипы в отношении представителей враждебных государств. Практически вся легальная пресса в годы войны (856 наименований с разовым тиражом 2,7 млн. экземпляров), включая и издания левого (умеренно-социалистического и либерального) направления, пропагандировала патриотизм разных идейных оттенков⁴³.

Данные о посещаемости увеселительных заведений для «низших классов», в том числе цирка, народных домов, кинотеатров и парков с аттракционами показывают, что они пользовались в годы войны огромной популярностью. Их репертуар демонстрирует различные варианты художественного воплощения патриотической тематики⁴⁴. Использование во время цирковых представлений образной символики, отображающей специфическую форму социального протеста рабочих (когда «Вильгельма» выкачивали на ринг в особой тележке, вызывавшей ассоциации с навозом), свидетельствовало о расчете на успех этого эпизода у рабочей публики⁴⁵. Состязание борцов в цирке также было призвано символизировать столкновение России и Германии. Накал патриотических страстей наглядно демонстрирует эпизод, произошедший 26 июля 1914 г. в цирке г. Невьянска Екатеринбургского уезда Пермской губ. Во время представления толпа зрителей накинута на борца, изображавшего немца, что едва не привело к трагедии⁴⁶. В театре в сезон 1914 — 1915 гг., помимо ура-патриотических пьес, часто шли старые пьесы патриотического характера: «Ветеран и новобранец» А.Ф.Писемского, «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» А.Н.Островского и др. В репертуаре народных театров постоянно держались зрелищные исторические пьесы патриотического характера. В то время как на казенной сцене «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» казался скучным, в театрах для народа он шел с успехом десятки раз⁴⁷.

Чрезвычайно популярными, дававшими большие сборы в начале войны, были военные кинофильмы. Военные и монархические сюжеты кинохроники шли нарасхват, причем военная кинохроника была любимым зрелищем тех, кто имел живые связи с фронтом, прежде всего крестьян и рабочих⁴⁸. В начале 1915 г. кинематографический журнал «Сине-Фоно» отмечал, что патриотические фильмы продолжают пользоваться огромным успехом в пролетарских районах Петрограда (у Нарвской заставы и Московских ворот), в то время как патриотический репертуар в целом неуклонно снижается в столичных кинотеатрах. Такую же популярность патриотических фильмов журнал отметил и в отношении российской провинции⁴⁹. За 5 первых месяцев войны, с 19 июля по 19 декабря 1914 г. из 103 русских художественных картин, выпущенных на экран, 50 были игровыми, агитационными фильмами, посвященными войне (не считая «кинодекламаций», создававшихся в одном экземпляре специально для эстрадного кинопредставления определенного актера; таких фильмов на военные темы вышло не менее 8), в первом полугодии 1915 г. вышло 12 игровых картин на военные темы (без «кинодекламаций») ⁵⁰.

Вторая по размаху после июля 1914 г. волна патриотического подъема прорвалась по стране в марте 1915 г. в связи со взятием русскими войсками крепости Перемышль, когда в городах и промышленных поселках прошли патриотические манифестации. Вместе с другими слоями населения в них принимали участие и рабочие⁵¹. В марте 1915 г. в стране прошли 6 патриотических забастовок с 4959 участниками в Петрограде и Ревеле в честь взятия крепости Перемышль, причем политических забастовок в этом месяце не было⁵². В то же время часть рабочих под

влиянием разочарования в позиции верхов уже не хотела принимать участие в совместных патриотических акциях. На Карабашском заводе Пермской губ., по воспоминаниям рабочего А.В.Бархатова, устроители патриотической демонстрации в честь взятия Перемышля ходили по цехам и уговаривали рабочих принять в ней участие, однако те в своем большинстве ее проигнорировали. «Под церковными хоругвями собралась лишь небольшая кучка служащих завода и поселковых обывателей», — свидетельствовал А.В.Бархатов⁵³. В приведенном случае не обошлось без антивоенной пропаганды действовавшей на заводе подпольной большевистской группы, однако ее результативность показывает, что почва для восприятия антивоенных идей в рабочей среде постепенно созрела.

Ослабление власти, ее дискредитация в глазах широких общественных слоев в связи с выявившимися обстоятельствами и причинами поражения русской армии, резкое ухудшение экономического положения рабочих на фоне обогащения буржуазных верхов, а также жестокая расправа с рабочими, требовавшими хлеба, во время волнений летом 1915 г. в Костроме (июнь) и Иваново-Вознесенске (август) вызвали актуализацию в сознании рабочих утративших в первые месяцы войны доминирующую роль представлений о несправедливости их социального и политического положения, рождавших чувства озлобления и протеста против существующего строя и имущих классов. С осени 1915 г. социальные мотивы в поведении рабочих опять стали приобретать определяющее значение, вытесняя на второстепенные позиции мотивы национально-патриотического свойства. По сравнению с начальным периодом войны в представлениях и отношении рабочих к действительности происходили перемены. Сохранение гражданского мира и отказ от борьбы с предпринимателями и властями за улучшение экономического положения означал для основной массы рабочих в новых условиях угрозу голода. Необходимость физического выживания была тем фактором, который менял соотношение приоритетов сознания, занимая в нем центральное место и перераспределяя значимость остальных. Этому способствовало и отсутствие такой сверхценностной установки, которая могла бы ослабить значимость угрозы голода. Подобной установкой, обусловленной особенностями русского национального менталитета, могла бы быть только вера в справедливость (святость) высшей власти, дающая народу терпение и надежду в перенесении тягот своего положения в самых критических ситуациях. Такой веры в справедливость монархической власти у русского рабочего в рассматриваемый период уже не было. Не только полицейско-бюрократическая система самодержавия, но и монархия как форма государственного устройства в глазах значительной части рабочих оказалась дискредитирована еще до начала Первой мировой войны. Обреченная на провал в условиях нарастания общенационального кризиса тактика откладывания необходимых реформ, проводимая Николаем II, полицейская практика центральных и местных властей, диссонирующая с принципами «единения», открытая критика «власти темных сил» (под которыми подразумевались прежде всего семья императора и его ближайшее окружение) со стороны оппозиции, в печати, пропаганда леворадикальных партий, слухи вокруг фигуры Г.Е.Распутина серьезно компрометировали монархию, наносили сокрушительный удар по ее авторитету в глазах широких слоев рабочих.

Психологическая усталость от затянувшейся войны, наложившаяся на крайнее обострение материальной нужды, отсутствие надежд на скорое

изменение ситуации, политическое неправо и озлобление против буржуазии подрывали в глазах рабочих значимость идеи национального единения ради защиты Отечества, вызывали раздражение против официальной патриотической пропаганды. Достаточно точно характеризует состояние взглядов рабочих по отношению к войне, направление и характер их эволюции в этот период «Бюллетень Рабочей Группы» ЦВПК (№ 5, октябрь 1916 г.): «Как бы те или иные течения в рабочей среде ни относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде — все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправо дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу. Для сознательного отношения ко всему происходящему рабочему классу, как и всей стране, необходимо пользоваться хотя бы элементарными правами общения, но это недоступно ему даже в той мере, в какой это доступно остальным классам населения»⁵⁴.

Рабочие в подавляющем большинстве признавали необходимость защиты Отечества от внешнего врага, однако противопоставляли свою позицию в этом отношении позиции правящих классов, преследовавших, по их мнению, в войне прежде всего интересы наживы. Распространенным в рабочей среде было представление о том, что рабочий класс ничего не получит в этой войне, поэтому идеи территориальных и иных «приращений» не находили в ней отклика, а лозунг «война до победного конца» (как синоним материальных компенсаций, полного разгрома противника и соблюдения интересов союзников в войне) рабочими отторгался. С весны 1916 г. наблюдалось нарастание настроений скептицизма и апатии в отношении лозунга «война до победного конца» среди тех слоев населения (прежде всего рабочих и малоимущего населения городов), патриотизм которых носил «инстинктивный», стихийный характер, не был обоснован идейно (как у интеллигенции) или материально, наряду с идейными соображениями (как у торгово-промышленных слоев). В документе ЦВПК о рабочем движении от 28 июля 1916 г. говорилось: «Настроения рабочих весьма далеки от разрушительных тенденций, что убедительно показала война, однако у них отмечается снижение патриотического духа, озлобление»⁵⁵.

Солдаты русской армии в абсолютном своем большинстве были мобилизованными крестьянами и их сознание и поведение определялись главным образом менталитетом российского крестьянства, попавшего в новую для себя ситуацию. Отношение российских солдат к Первой мировой войне было обусловлено фундаментальными, специфически крестьянскими представлениями, установками сознания и моделями интерпретации действительности, официальной пропагандой, «пропущенной» сквозь призму этого восприятия, непосредственным опытом, накопленным в ходе войны.

Образ войны, сложившийся в массовом сознании солдат, был основан на стереотипе ее восприятия как неотвратимого бедствия. Традиционная формула объяснения смысла войны: «За Веру, Царя и Отечество» воспринималась в силу особенностей крестьянского менталитета как религиозно-политический символ, выражающий сакральные ценности. Широкое распространение среди солдат получили представления о справедливом, оборонительном характере войны со стороны России. Немаловажную роль играло то обстоятельство, что русская армия вела военные действия в основном на своей территории, что придавало им характер защиты своей зем-

ли. Поведение солдат в первые годы войны определялось покорным, терпеливым и самоотверженным выполнением воинского долга. Солдатские письма первых месяцев войны квалифицировались цензурой как «высоко патриотические» и пропускались по адресу⁵⁶. Процент всех патриотических писем с фронта (офицерских и солдатских), по данным различных цензурских пунктов Казанского военного округа, составлял в первые три месяца войны от 11 до 63, свыше 50% писем не содержали упоминаний о войне, а были наполнены заботами о семье, доме, хозяйстве⁵⁷. В патриотических письмах солдат типичными в этот период были следующие рассуждения: «Мы защищаем Царя и Отечество и стремимся во что бы то ни стало закончить с нашим злоумышленным врагом, который думал завладеть нами»⁵⁸, «Я надеюсь вернуться, но если и погибну, то со славой, сражаясь за Русь, за дорожку отчизну. Это лучше, чем дома на печи»⁵⁹, «Сколько бы эта война ни продлилась и сколько бы ни стоила нам жертв, а все равно, без победы над врагом не будет заключен мир»⁶⁰.

Командиры и священники в своих речах, проповедях, обращенных к солдатам, говорили о вековой борьбе славянства и германизма, о тевтонском засилье, приведшем к войне. Некоторые из них апеллировали к знакомым, близким вчерашним крестьянам ассоциациям. Так, командир 11-го Тульского полка Музеус в обращении к солдатам, в частности, говорил: «Немецкое засилье до сих пор было настолько сильно, что у нас не было почти ни одной помещичьей экономии, в которой не сидел бы управителем немец, причинявший большие неприятности населению»⁶¹. Постепенно среди солдат, большинство которых и в мирное время не привыкло доверять правительству и чиновникам, уже в первый год войны широко распространилось убеждение, что главными виновниками войны являются немцы, которые «пришли в Россию, позанимали лучшие места на фабриках, заводах и даже в армии, благодаря тому, что царица была немкой. Однако этого немцам оказалось мало и они затеяли войну, чтобы победить Россию и окончательно завладеть ею»⁶². Это представление, с одной стороны, способствовало формированию образа внешнего врага, росту антинемецких настроений, ожесточения к противнику, которыми характеризовались первые полтора — два года войны; с другой, оно было потенциально опасно для существующей власти, так как грозило перерасти в синдром недоверия ей, допустившей немецкое засилье, а значит — и войну. Такие представления становились особенно опасными в ситуации затягивания войны и нарастания связанных с ней бедствий и лишений, грозили экстраполяцией образа внутреннего немца на все правящие верхи.

Проекция различных негативных стереотипов на противника — психологическая закономерность формирования образа врага в условиях войны. Установки восприятия, являющиеся психологической основой стереотипов, представляют собой готовность воспринимать явление или предмет определенным образом, вписывая его в контекст предшествующего опыта⁶³. В массовом сознании россиян существовал определенный традиционный набор антигерманских, антиавстрийских и антитурецких стереотипов. Он был востребован и приспособлен к новым условиям. В официальной пропаганде получило широкое распространение сатирическое изображение представителей народов враждебной коалиции, эксплуатировавшее негативные этнические стереотипы и связанные с ними ассоциации⁶⁴. В ситуации военного противоборства отчасти стихийно, но в значительной степени целенаправленно происходила психологическая мо-

билизации населения и армии для борьбы с внешним врагом. Это достигалось не только переносом различных негативных стереотипов на противника, но и максимальной дегуманизацией его образа.

Военные песни, авторами которых были сами нижние чины, в фольклорном, лубочно-патриотическом духе рассказывали о событиях войны и ее действующих силах. В народной песне «Из-за леса...» говорилось: «Как дойдем мы до Берлина городка, Не останется от немцев и следка. А вернемся мы в родимые леса, Приведем домой Вильгельма за уса!»⁶⁵. В народных песнях рисовался сатирический образ Вильгельма и его солдат. Последним вменялись хитрость, алчность, гордыня, воровство, грабеж, насилия над мирным населением и другие грехи⁶⁶.

Главным врагом русской армии была германская; немцы в течение столетий прожигали в России и лучше других народов были известны русским; сложилась определенная традиция восприятия немца в народной культуре; германцы применяли против русской армии запрещенные международными конвенциями методы ведения войны. Все это обусловило концентрацию негативных стереотипов на образе немца-врага, олицетворением которого стала фигура Вильгельма II. Он был избран основной мишенью для насмешек; Франц-Иосиф и турецкий султан занимали соответственно второе и третье места⁶⁷. Официальная пропаганда, имея целью обеспечить высокий морально-психологический дух армии и тыла, воспитывала ненависть и презрение к врагу. Вильгельм II изображался как антихрист в фольклоре, на картинках, в кинематографе (в фильме «Позор XX века или Антихрист» он предстал в виде страшилища, творящего немыслимые злодеяния⁶⁸). В то же время на лубочных картинках, открытках, в журналах немец изображался карикатурно (в жалком, комическом виде, чрезмерно экономным, педантичным, мелочным и т.д.)

Бытовавший в народном сознании и исторической памяти стереотип восприятия немца-врага, которого русские всегда побивали, был развеян на полях сражений Первой мировой войны, где российской армии пришлось испытать всю тяжесть немецкого «бронированного кулака». Почувствовав на себе смертоносное воздействие немецкой военной техники, русские солдаты (при нехватке в 1914–1915 гг. в армии самого необходимого вооружения: тяжелой артиллерии, боеприпасов, винтовок и патронов) испытали настоящий психологический шок. У них сформировался своеобразный комплекс неполноценности перед лицом немецкой военно-технической мощи, а противник-немец стал приобретать в их глазах черты сверхчеловека, наделенного могучим разумом, волей и даже магическими, сверхъестественными способностями, недоступными русскому человеку. Приведем наиболее характерные рассуждения солдат на эту тему, показывающие силу и глубину названных психологических явлений: «У немца башка, ровно завод хороший. Смажь маслом, да и работай на славу, без помехи. А мы что? ... Перво-наперво, биты много. Вон мне и по сей день, кроме побоев, ничего не снится»; «А у нас теперь все немца хвалят. По-нашему, теперь, что немец, что ученый мудрец, — все едино... А все с того началось, что сами больно глупы оказались... Вот уж верно, что — молодец посередь овец, а противу молодца — сам овца»; «Знают немцы такое свое слово особенное. Ладится у них все не по-нашему. Ни в одеже в ихней, ни в питье да пище, ни в оружьи каком не видать пороку... И что за слово у них такое? Может, и мы бы то слово нашли, да приказу нету»⁶⁹. Это признание особой силы врага, основанной на образованности и техни-

ческом прогрессе, звучало в частушках:

*Облак ходит, облак темный,
А у нас враг неумейный,
Не уймешь его итыком,
А уймешь его умком⁷⁰.*

В песне солдаты пели:

*...Враг силен, коварен,
Это не хунхуз,
Оплошаешь, парень —
Попадешь в конфуз⁷¹.*

От изумления и страха перед военной мощью противника, удивления и преклонения перед его умом и технической оснащенностью до веры во всемогущество технического прогресса был один шаг. И он проделывался солдатами в ходе войны. Вот почему военные священники замечали, что у солдат «вера в технику и прогресс стала заслонять веру в Бога»⁷². Представления о немецкой военной мощи были оборотной стороной неуверенности в надежности своего оружия. Между тем, вера либо неверие в него является одним из факторов, определяющих морально-психологическое состояние армии. «Мы не верили в самих себя, в свое оружие, находясь под гипнозом преклонения перед силою немцев»⁷³, — констатировал военный психолог П.И.Измествьев. Вследствие подавляющего технического превосходства противника боевому наступательному духу русских войск был нанесен тяжелый удар, особенно в ходе весенне-летнего 1915 г. наступления германской армии, обрушившей всю мощь своей тяжелой артиллерии и других видов оружия на русские окопы.

Наряду с отмеченной тенденцией дегуманизации образа немца-врага по мере затягивания войны наметилась противоположная ей гуманистическая линия «очеловечивания», отказа от стереотипов, навязываемых официальной пропагандой и культурной традицией. Это происходило вследствие выявления общего в положении рядовых обеих сражающихся коалиций под влиянием человеческих контактов: столкновения в бою, общения с пленными, ранеными солдатами враждебных армий, позднее — в период взаимных посещений окопов во время христианских праздников, в процессе братания и т.д. Сказывалось и расширение кругозора солдат, чтение некоторыми из них до войны социалистической литературы. В газетах леволиберального направления, издававшихся во время войны, можно было прочитать, что простой народ Германии не виноват в возникновении военного конфликта⁷⁴. Происходила постепенная трансформация образа внешнего врага-«зверя» в образ врага-человека⁷⁵. Крестьянин, призванный в армию, рассуждал так: «Вот послало его ихнее начальство, вроде как нас. Ото всего оторвали: где жена, где изба, где и матушка родна; что мы, что они — оба без вины. А ему и еще тяжче: говорят, хорошо у них в домах. Как кинешь?»⁷⁶.

Контент-анализ 189 писем критического содержания, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа в 1915 — начале 1917 гг.⁷⁷, позволил реконструировать базовые установки, определявшие солдатское отношение к войне и его эволюцию, выявить доминирующие мотивы солдатского недовольства, проследить их динамику в этот период. Определение относительной величины смысловых единиц (высказываний солдат) к общему их количеству, содержащемуся в письмах критического содержания, позволило выстроить систему приоритетов в сознании солдат, определявшую нарастание критических настроений по отношению к войне⁷⁸.

Содержание и иерархия системы доминирующих представлений в критических письмах свидетельствуют о начале девальвации в 1915 г. в глазах солдат концепции справедливой Отечественной войны, ослаблении идеино-психологического воздействия формулы «За Веру, Царя и Отечество», снижении их патриотического духа по сравнению с первыми месяцами войны, нарастании ощущения бесполезности приносимых жертв, обмана. Не случайно на фронте широкое хождение с 1915 г. получила карикатура, изображавшая Николая II, сующего солдат в мясорубку, которую вертит Вильгельм II⁷⁹. «Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть черт бы ее взял с ее защитой»⁸⁰, — писал один из солдат, наглядно демонстрируя своим высказыванием обозначенное изменение в восприятии войны.

Кризис доверия к правительству, интенсивно развивавшийся с осени 1915 г., и сам ход войны меняли отношение русских солдат к союзникам России. В то время как ценой дополнительных жертв Россия неоднократно выручала своими действиями союзников, они не помешали австро-германскому блоку многократно увеличить совокупную численность своих сил, сосредоточенных против России летом 1915 г. По свидетельству Н.Н.Головина, с этого времени «прежняя жертвенная готовность по отношению к союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования... В толще армии и глубинах народа широко входила мысль, что будто война была нам ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию»⁸¹. Автору часто приходилось слышать, начиная с зимы 1915—1916 гг., циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». «Мысль о том, что русский народ втравлен в войну вопреки его интересам, — писал Н.Н.Головин, — особенно легко прививалась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано»⁸².

Начиная со второго года войны происходило развитие синдрома недоверия солдат к власти, которое было обусловлено рядом факторов: затягиванием войны, неудачным ходом военных действий, разочарованием в союзниках, обострением внутренних экономических трудностей, нарастанием внутривластной нестабильности и лавины слухов об измене во всех эшелонах власти, в том числе в «верхах» (что смертельно компрометировало монархию). В этих условиях происходил перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти и ожесточения, связанных с образом внешнего врага, на образ врага внутреннего — «внутреннего немца» — первопричину и источник и самой войны, и тех бед, которые она породила. Это сопровождалось разочарованием в официально декларируемых целях войны, нарастанием ощущения ее ненужности и навязанности России во имя чуждых народу интересов, психологической «демобилизацией» по отношению к внешнему противнику. Постепенно уходило сознание необходимости жертв и потерь, самопожертвования (характерное для первого периода войны), распространялись такие явления как дезертирство, саморанения, братание с противником, отказы от выполнения приказов о наступлении, бунтарские вспышки (с осени 1916 г.) в войсках.

Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества, происходившая под влиянием накопления реального опыта участия в войне, воспринимаемого сквозь призму ментальных установок и ценностей подавляющего большинства населения, во многом определила изменение социально-политической и морально-психологической ситуации в стране, сделавшее возможным революционный взрыв в феврале 1917 г.

- 1 Яхимович З.П. 1914–1918 годы: у истоков тоталитаризма и «массовой демократии» // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 223.
- 2 Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 338.
- 3 Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М.-Л., 1929. С. 70.
- 4 См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х тт. Париж, 1939. Т. 2. С. 120-121.
- 5 Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. С. 1.
- 6 Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 240.
- 7 См.: ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1, 3, 4, 25, 49, 64, 68, 221, 224.
- 8 Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4, 49.
- 9 См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Ч. 15. Л. 11; ЦГИАРБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 76; ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 28-33, 84.
- 10 См.: Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917. С. 30, 72.
- 11 См.: Федорченко С. Народ на войне. М.-Л., 1925. С. 114.
- 12 Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 270-271.
- 13 Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 72; Головин Н.Н. Указ. соч. С. 125; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. С. 89; Степун Ф. Указ. соч. С. 270; Уральская жизнь, 1914, 19 декабря.
- 14 Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 71.
- 15 Степун Ф. Указ. соч. С. 270.
- 16 Уральская жизнь. 1914. 19 декабря.
- 17 Маузолато К. Сельская хлебозапасная система в России. 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 195; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108 т. 2. Л. 4.
- 18 Московская копейка. 1915. 19 января.
- 19 Уфимская жизнь. 1916. 6 апреля.
- 20 См.: Вятская речь. 1915. 9 января; Зауральский край. 1915. 6 февраля.
- 21 Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – нач. XX в. Л., 1988. С. 116.
- 22 Солдатские песни. Сб. военных песен. Ярославль, 1915. С. 7-16; Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. Харбин, 1915. С. 6-66.
- 23 Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 200.
- 24 Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Федральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 17.
- 25 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 12; Ф. 1720. Оп. 11. Д. 2. Л. 146, 230, 262, 280, 296, 334; Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. М., 1934. Т. 4-5. С. 126-127, 137-138.
- 26 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 9.
- 27 См.: ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1, 3, 25, 49, 68, 224; Сидоров К. Рабочее движение в России в годы империалистической войны (1914–1917) // Очерки по истории Октябрьской революции. М.-Л., 1927. Т. 1. С. 200-201; Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 240; Поршнева О.С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914–1918 // Там же. С. 463.
- 28 См.: Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 437.
- 29 См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 123. 1914. Д. 138. Ч. 47. Л. 3; Оп. 124. 1915. Д. 108 Т. 2. Л. 1, 4, 5, 8, 14, 19; ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 128. Л. 8; Ильин А.С. Златоустовцы. Ростов-на-Дону, 1967. С. 101; Коковшин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 146; Панов А.Ф. Искры революции. Челябинск, 1967. С. 113-114.
- 30 См.: Шляпников А. Канун семнадцатого года. 2-е изд., М.-Пг., 1923. Ч. 1. С. 21.
- 31 Там же. С. 23.
- 32 Там же. С. 24.
- 33 Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1925. С. 20.
- 34 Там же. С. 28.
- 35 Там же. С. 20.
- 36 ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 81. Ч. 2. Л. 6.
- 37 ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Ч. 15. Л. 7.
- 38 ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Л. 10; Д. 108. Т. 2. Л. 21-22; Д. 108. Ч. 15. Л. 7.

- 39 См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 50. Ч. 2. Л. 31; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 329. Л. 34; ГАРКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 19.
- 40 См.: *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России в 1914–1917 гг. М., 1972.
- 41 См.: Пролетарская революция в городе Оренбурге 1917 г. Воспоминания. Оренбург. 1927. Вып. 1. С. 8; ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. Л. 8, 9; ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 128. Л. 8.
- 42 *Хубертус Ф. Ян.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 381.
- 43 См.: *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917. Краткий очерк. М., 1971. С. 74; *Поршнева О.С.* Концепция войны в общественном сознании уральской интеллигенции (по материалам прессы 1914–1917 гг.) // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Екатеринбург, 1998. С. 126.
- 44 См.: *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 382–383; *Петровская И.Ф.* Театр и зритель российских столиц. 1895–1917. Л., 1990. С. 183–197; *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 178–183.
- 45 *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 385.
- 46 Зауральский край. 1914, 29 июля.
- 47 *Петровская И.Ф.* Указ. соч. С. 183, 197.
- 48 См.: *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 178–183; *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 390.
- 49 *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 391.
- 50 *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 191–192.
- 51 Петербургский листок. 1915. 12 марта; Уральская жизнь. 1915. 11, 14 марта; Оренбургская жизнь. 1915. 11 марта.
- 52 Рабочее движение в годы войны. С. 46.
- 53 *Бархатов А.В.* Повесть минувших дней. Воспоминания подпольщика. Свердловск, 1966. С. 47.
- 54 *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С. 47.
- 55 РГВИА. Ф. 369 Оп. 9 Д. 6 Л. 120, 121.
- 56 Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 16.
- 57 Там же.
- 58 Там же. С. 17.
- 59 Там же. С. 19.
- 60 Там же. С. 20.
- 61 *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929. С. 75.
- 62 *Пирейко А.* На фронте империалистической войны. Воспоминания большевика. М., 1935. С. 35.
- 63 См.: *Гасанов И.* Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. М., 1998. С. 190.
- 64 См.: Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915. С. 4–6; *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 383–385.
- 65 Солдатские военные песни. Великой Отечественной Войны. 1914–1915 гг. С. 25.
- 66 См.: Там же. С. 32–35.
- 67 См.: *Хубертус Ф. Ян.* Указ. соч. С. 383–385.
- 68 Там же. С. 385.
- 69 *Федорченко С.З.* Народ на войне. С. 84, 88–90.
- 70 Там же. С. 90.
- 71 Солдатские военные песни. Великой Отечественной Войны. 1914–1915 гг. С. 41.
- 72 *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 29.
- 73 *Изместьев П.И.* Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923. С. 9.
- 74 См.: Зауральский край, 1914, 6 декабря.
- 75 См.: *Сенявская Е.С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–145.
- 76 *Федорченко С.З.* Народ на войне. С. 81.
- 77 «Опасные» письма, прилагавшиеся в подлинниках и копиях к отчетам цензоров, были опубликованы в сборнике: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.
- 78 См.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 239–242, 256–259.
- 79 Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 22.
- 80 Там же. С. 24.
- 81 *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 159–160.
- 82 Там же. С. 160.

ХУДОЖНИК НА ФРОНТЕ (ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Художник и война — понятия плохо совместимые. Художник создает красоту, творит жизнь, война ее разрушает. Тем не менее, история нередко сводила их вместе. Опыт Первой мировой войны — тому свидетельство. Война стала для большинства деятелей литературы и искусства полной неожиданностью. Она поставила всех перед необходимостью смены ценностей, изменения привычных условий существования и профессиональной деятельности. Многие представители художественной интеллигенции оказались на театрах военных действий, в самой гуще событий, став непосредственными участниками Великой войны. Целью данной статьи является изучение специфики восприятия войны деятелями литературы и искусства, побывавшими на фронте.

Прежде чем говорить непосредственно о проблеме художника на фронте, необходимо сделать ряд вводных замечаний. Переживание пограничной ситуации между жизнью и смертью — процесс индивидуальный, зависящий, в первую очередь, от личностных особенностей. Вместе с тем, на процесс переживания оказывает большое влияние и социальная психология. Крестьянин, рабочий и представитель интеллигенции совершенно по-разному воспринимают войну. Более того, военная интеллигенция и художественная интеллигенция также по-разному оценивают одни и те же события. Для того, чтобы лучше понять специфику сознания и поведения художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны чрезвычайно важным представляется выявление наиболее значимых особенностей социальной психологии этой профессиональной группы в начале XX века. Для нее была характерна ярко выраженная эмоциональная и психологическая лабильность, индивидуализм, способность оказывать социально-психологическое воздействие на сознание людей различных социальных групп значительно больше, чем воспринимать сознание и психологию последних. Первая мировая война стала началом конца Серебряного века. Художественную интеллигенцию Серебряного века отличало ярко выраженное игровое поведение. Игра есть «некая свободная деятельность, которая осознается как «ненастоящая», не связанная с обыденной жизнью, и, тем не менее, могущая полностью захватить играющего, которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой, которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами»¹. Эти психологические особенности оказали большое влияние на осознание Первой мировой войны деятелями литературы и искусства.

Художник мог попасть на фронт в качестве добровольца, призывника, военного корреспондента и командировочного. Путь на фронт, статус и положение также оказывали влияние на особенности восприятия войны.

Практически с первых дней войны на подъеме патриотических настроений многие представители художественной интеллигенции выразили желание отправиться на театр военных действий. Некоторые из них ушли на фронт добровольцами: поэты — С.Черный, Н.Гумилев, художники — К.Редько, В.Чекрыгин, актеры — К.Агрунин, П.Берендеев-Нильский, Д.Буховецкий, Е.Баталин, Н.Бобров, В.Внуков, И.Вельский, К.Герасимов, Е.Дольский, М.Загорянский и др.². Композитор А.Архангельский послал прошение о зачислении его в мотоциклетную роту, артист Н.Земский поступил санитаром-добровольцем, драматург П.Оленин-Волгарь организовал партизанский кавалерийский отряд и во главе его отправился на театр военных действий. Сестрами милосердия записались: певица Н.Плевицкая, балерины Федорова, Коралли, актрисы В.Люце, Христофорова, Л.Ардалова, К.Андриевич, А.Болдырева, А.Венявская, О.Виндинг, Ю.Виажская, М.Жемчужина, К.Краснова, Е.Ленская, Л.Льдова, А.Лукина, Н.Мрозовская, Н.Невзорова, Н.Новская, Е.Павлова-Макагон, М.Палей, Е.Стрелова, М.Шадурская, А.Демидова-Чижинская, А.Фабианская и др.³

Некоторые даже стыдились своей профессии в первые дни войны. А.Куприн писал: «Мне до сих пор неловко за то, что я писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их наверстать»⁴. Н.Гумилев, отправляясь на фронт, отмечал: «Есть люди, рожденные только для войны, и в России таких людей не меньше, чем где бы то ни было, — и если им нечего делать в гражданстве северной державы, то они незаменимы в ее воинственной судьбе»⁵.

Показательно взволнованное и бодрое настроение отправляющихся на фронт. А.Куприн восклицал: «Я совсем не ожидал, что меня так взволнует и оживит простое, казалось бы, но непривычное дело — надеть мундир. Однако я пережил такое же волнение, как когда-то давно, перед производством в офицеры. Я вновь переживаю давным-давно прошедшее и чувствую себя молодым и бодрым»⁶. Искусствовед барон Н.Врангель писал: «Странное дело, но, гуляя вот уже два дня в высоких «черного товара» сапогах и солдатской шинели, подвязав к поясу шашку (тупую) и кобуру от револьвера, — так полагается по форме, — я начинаю чувствовать, что и моя душа будет скоро «в высоких сапогах!»⁷.

Смеем предположить, что многими отправляющимися на фронт добровольцами, кроме чувства долга перед Родиной, двигало простое любопытство, граничащее иногда с авантюризмом. Л.Андреев в письме к брату на фронт писал: «Ужасно это любопытно [курсив наш — И.К.] посидеть вот так в окопах. Скажу по правде, что если бы не мама, я попробовал бы, полечившись, повоевать, говорю серьезно и с сознанием. Если боюсь чего, так единственно своей чувствительности, слишком остро все воспринимаю»⁸.

Показательным источником настроений этой категории художественной интеллигенции («добровольцы»), являются «Записки кавалериста» Н.Гумилева, написанные в 1915 г. Отдельные главы периодически отсылались автором с театра военных действий в петербургскую газету «Биржевые ведомости». Первая публикация увидела свет 3 февраля 1915 г., последняя — в январе 1916 г. Н.Гумилев был зачислен в эскадрон

лейб-гвардии уланского полка 24 августа 1914 г. Поэт стал вольноопределяющимся, добровольцем разведчиком конного взвода. Его проза обладает достоинством документа, написанного непосредственным участником событий. Для автора характерен взгляд на военную действительность через призму художественного восприятия, в «Записках» налицо романтизация войны. Темные ее стороны отступают в описании Гумилева на второй план, на первый же выходят приключения самого автора. Художественность восприятия способствует тому, что любой знак войны вызывает у автора ассоциации: враг — матерый волк, засада — охота, разведка — игра в палочку-воровочку, германцы — карлики и колокольни. «Дивное зрелище — наступление нашей пехоты... Не верилось, что это отдельные люди, скорее это был цельный организм, существо бесконечно сильнее и страшнее динотериумов и плезиозавров. И для этого существа возрождался величественный ужас космических переворотов и катастроф... Действительно, по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ»⁹.

Во многом восприятие войны у Гумилева сродни восприятию игры. Так, во время разведки он вспоминает детскую игру в палочку-воровочку: «Там то же затаенное дыхание, то же веселое сознание опасности, то же инстинктивное умение подкрадываться и прятаться. И почти забываешь, что здесь, вместо смеющихся глаз хорошенькой девушки, товарища по игре, можешь встретить лишь острый и холодный, направленный на тебя штык»¹⁰. Германцы представлялись ему то «карликами, выглядывающими из-за кустов злыми крысиными глазками, то огромными, как колокольни и страшными, как полинезийские боги, которые неслышно раздвигают верхи деревьев и следят за нами с недоброй усмешкой. А в последний миг крикнут «а, а, а!», как взрослые, пугающие детей. Я с надеждой взглядывал на свой штык, как на талисман против колдовства, и думал, что сперва всажу его в карлика ли, в великана ли, а потом пусть будет, что будет»¹¹.

Свои ощущения Гумилев неоднократно сравнивает с охотой: «Мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал что-то для меня интересное. Это враг, столкновение неизбежно. Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня. Только на охоте за крупными зверьми, леопардами, буйволами, я испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу. Лежа, я подтянул свою винтовку, отвел предохранитель. Прицелился в самую середину туловища того, кто был в каске, и нажал спуск»¹².

Даже материальные трудности и неудобства военного быта воспринимались восторженно, как декорации игры: «О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! Который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! Расстеленная для спанья по всему полу, — никогда ни о каком комфорте не мечтается с такой жадностью, как о вас!»¹³. «Всегда приятно переезжать на новый фронт. На больших станциях пополняешь свои запасы шоколада, папирос, книг, гадаешь, куда приедешь, мечтаешь об особых преимуществах новой ме-

стности, о фруктах, о паненках, о просторных домах, отдыхаешь. Валяясь на соломе просторных теплушек... Это целый спорт, скорее других научиться болтать по-польски, малороссийски или литовски»¹⁴. Такое игровое, поверхностное восприятие войны, несколько оторванное от действительности, как правило, не могло долго продолжаться. Как только пропадала новизна ощущений, притуплялась и острота их восприятия. Кроме того, игровое поведение ценно именно своей непродолжительностью. Уже в 1915 г. Н.Гумилев попросился перебросить его на другой фронт – Салоникский, на который ему так и не удалось добратся. И так, особенностью восприятия войны «добровольцами» были: романтизация и эстетизация войны, героизация своего личного участия, доминирование игрового поведения.

Вторую группу оказавшихся на фронте представителей художественной интеллигенции обозначим как «призывники». Были мобилизованы: В.Хлебников, П.Митурич, Н.Купреянов, Н.Истомин, И.Ефимов, С.Есенин, А.Гольденвейзер, А.Крейн, А.Скрябин, М.Ларионов, Н.Мясковский, В.Шершеневич, Г.Якулов и др. Они оказались на фронте не добровольно, а выполняя свой гражданский долг. С этим, видимо, связана внутренняя борьба между чувством долга и осознанием необходимости идти на фронт и ясным пониманием, что служба неминуемо приведет к вынужденному отказу от привычного уклада жизни, окружения. Так, поговорив с неким вольноопределяющимся и узнав все условия службы, А.Блок в одном из писем к матери записал: «Из подобных его рассказов я увидел, что я туда не пойду... Что предпринять, я не знаю; знаю одно, что переменить штатское состояние на военное едва ли в моих силах»¹⁵. От варианта полного уклонения от службы Блок отказался: «Об этой подлости и я подумывал, да решил, что не нужно... Почему же и мне не поехать что-нибудь делать на фронте. А, по-моему, писатель должен идти прямо в рядовые, не ради патриотизма, а ради самого себя»¹⁶. После долгих сомнений с помощью друзей А.Блок был зачислен в организацию Земских и Городских Союзов в звании табельщика 13-й строительной дружины, которая устраивала укрепления; «обязанности – приблизительно – учет работ чернорабочих; форма – почти офицерская с кортиком, на днях надена ее. От призыва я тем самым освобожден; буду на офицерском положении и вблизи фронта, то и другое мне пока приятно»¹⁷.

Бытовые условия пребывания на фронте зависели от занимаемой должности, звания, места дислокации. Финансовое положение также зависело и от прежнего места работы. Например, артисты императорских театров, призванные из запаса на военную службу, получали жалование в размере пенсии¹⁸. Н.Мясковский (профессор консерватории) продолжал получать жалованье, к тому же он получал за службу 100 рублей (30 из которых тратил на дом и стол)¹⁹. А.Блок получал жалованье – 50 руб. в месяц, неся службу в дружине Земгора²⁰. Доходы и даже общественное положение некоторых знаменитых артистов не изменились. Так, призванный поручик ополчения Л.Собинов, получал постоянно разрешения на совершение гастрольных поездок по стране и выступления в благотворительных концертах даже в штатском платье²¹.

Конечно, восприятие войны — процесс индивидуальный, и, тем не менее, можно выявить некоторые общие черты для этой группы художественной интеллигенции — «призывников». В отличие от романтизации войны, характерной для «добровольцев», в рассматриваемой группе мы сталкиваемся с более сдержанным отношением к ней. Ими движет, в первую очередь, чувство долга. Служба и пребывание на фронте воспринимались как обязанность. Во впечатлениях большое место занимают негативные отклики. Чаще всего встречаются жалобы на плохие материальные условия, на монотонность и скуку в выполнении работы. Н.Мясковский жаловался на «жизнь в грязной чухонской избе без всяких удобств»²². А.Блок — на шумные компании: «Все окружающие ссорятся, а по вечерам слишком часто происходят ужины «старших чинов штаба» и бессмысленное сидение их в гостиной»²³. «Сюда уже успели переташить всю гнусность довоенных квартир: измены, картеж, пьянство, ссоры, сплетни»²⁴. Н.Мясковский в письмах с фронта отмечал: «Я чувствую, что стар стал, ибо хоть усердно предаюсь своим обязанностям, но чувствую каждый миг, что это мне совершенно чуждо и вовсе не задевает моего нутра»²⁵. «Мозги мои вполне опустошены — чем — не знаю. Знаю одно, что мне чертовски все решительно надоело и хочется домой»²⁶. А.Блок в письме к матери сетовал: «Мне скверно потому, главным образом, что страшно надоело все, хотелось бы, наконец, жить, а не существовать, и заняться делом»²⁷.

Многие представители художественной интеллигенции отмечали свою чуждость и отчужденность. В.Хлебников в письме к Н.Кульбину жаловался: «Опять ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на животе, упираясь в него коленом, что спирает дыханье..., где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я (другой), не толпа и не стадо»²⁸. Н.Мясковский еще в августе 1914 г. замечал: «Я испытываю лишь чувство какой-то необъяснимой отчужденности ко всему происходящему, точно вся эта глупая животная, зверская возня происходит в совершенно другой плоскости»²⁹.

Несмотря на такое меланхоличное восприятие современных событий, важно отметить сохраняющуюся способность эстетического восприятия мира. Большинство воспоминаний и писем с фронта перемежаются высокохудожественными описаниями природы. Кроме того, хотя и реже, чем у группы «добровольцев», тем не менее, встречаются примеры игры, для которой характерна театральность поведения. «В одной из стычек на опушке леса, когда солдаты пошли цепью, Якулов, которого все солдаты безумно любили, медленно встает во весь рост, надевает свои неизменные перчатки (белые), берет стек, и без оружия двигается на немецкие окопы. Он никого не звал за собой. Он уже не верил в победный конец... он просто не понимал чувства страха. Через миг он лежал с пробитым легким»³⁰.

Итак, восприятие войны «призывниками» характеризовалось более реалистичным и даже прагматичным подходом. Войну нужно воспринимать как данность, смириться с ней, ответственно выполнять свои обязанности и ждать окончания войны и возвращения к привычному образу жизни.

Показательно, что представители художественной интеллигенции, призванные на фронт, даже в таких трудных условиях пытались по мере возможности заниматься своим профессиональным делом. Достаточно распространенной была ситуация, когда служившие в одном воинском подразделении артисты, собирались и устраивали концерты. В печати часто появлялись публикации такого рода: «В полку есть тенор Качульский, баритон, хорист Московского Большого театра Латугин и виртуоз-гармонист Паневский, могущий дать аккомпанемент. Можно целую оперу ставить. А что, если нам устроить кабаре? И вот, в период затишья, за «красной горкой» состоялся концерт»³¹. «В одной версте от окопов стояла «летучка» первого отряда. Тут были артисты, художники, поэты, музыканты, студенты, плотники, врачи. Эти талантливые «летучники» не теряли даром свободных часов и проявляли свои таланты в самых разнообразных формах. Во время затишья устраивали литературно-музыкальные вечера... Первым выступил артист В. Он разложил на столе дюжины две дров и начал из них выбивать всевозможные вариации. Я никогда не мог представить, чтобы изобретательность людей, находящихся ежедневно под огнем, могла доходить до таких интересных инструментов... Затем появился борец-атлет. Следующим номером было пенне; сестра милосердия, бывшая оперная певица, спела несколько арий из опер. Затем та же сестра с артистом В. исполняла дуэты. Хор «летучки» спел русские песни. Потом господин И. очень смешил публику своими комическими рассказами. Большой фурор произвел оркестр «летучки»»³². В другом концерте программа состояла из разнообразных номеров: один штабс-капитан играл на скрипке под аккомпанемент рояля, артист имитировал Плевацкую. Прапорщики декламировали. Затем было несколько номеров пения»³³. Были даже случаи, когда на фронте создавались кружки. «В местечке Л. недалеко от фронта организовался кружок артистов, призванных на войну и работающих в общественных организациях, под названием «Мозаика». В числе организаторов — московские артисты П.Иванов-Вольский, М.Мазуркевич. Кружком было поставлено несколько пьес»³⁴. Членов кружка часто приглашали для выступлений на передовых позициях. На фронте учили полезность разумных развлечений и стали устраивать на позициях спектакли и концерты. «Нужно было видеть, с каким удовольствием, с какой любовью относились участники и устроители и организации этих праздников. Польза от этих спектаклей очень велика. Эти спектакли заставляют людей смеяться, снова переживать, радоваться и верить в хорошее»³⁵.

В 1917 г. произошел переворот в организации таких мероприятий. На фронте началось создание трупп. Первая фронтовая труппа появилась в феврале 1917 г.³⁶ Летом 1917 г. военный министр приказал откомандировать служащих артистов Московского Художественного театра в одну из войсковых частей московского гарнизона с выделением их в специальную команду. Эта команда должна была организовать народный и солдатский театр³⁷. В Петрограде все призванные артисты причисляются к составу 171 пехотного полка, квартировавшегося в одном из пригородов Петрограда. Находясь в полку, все деятели искусства, относились к распоряжению особой театральной комиссии, организованной при

Совете. Было создано 15 трупп, обслуживающих действующую армию³⁸. Особое положение артистов-воинов и важность возложенной на них задачи способствовала их консолидации и созданию союза «Артисты — воины». Этот союз функционировал в рамках Театрального общества. Основная цель союза — формирование трупп всех родов искусства для поездки на фронт для устройства представлений³⁹, поддержание связи между призванными в армию артистами. Союз также брал на себя задачу разъяснять солдатам современное положение⁴⁰.

Отдельные представители художественной интеллигенции принимали участие в военных действиях в качестве корреспондентов: В. Брюсов, С. Городецкий, В. Немирович-Данченко, М. Пришвин, Б. Савинков, А. Толстой и др. Эта миссия воспринималась как почетная, более того, для находящихся за границей русских литераторов это был чуть ли не единственный источник существования. Б. Савинков в письме к З. Гиппиус в 1914 г. просил: «Я Вам уже писал с просьбой помочь мне устроиться военным корреспондентом при французской армии... Я согласен быть военным корреспондентом любой (кроме «Нового времени», конечно) газеты и за любое вознаграждение, лишь бы быть»⁴¹.

С целью организации соответствующей информации писатели допускались к этой работе в результате самого строгого отбора, после большой предварительной проверки. Еще за два года до войны было выработано «Положение о военных корреспондентах в военное время», по которому на театре военных действий допускалось присутствие только двадцати корреспондентов — десяти русских и десяти иностранных и троих фотографов. Эти лица должны были быть утверждены в своем звании начальником Генерального штаба, но предварительно, наряду с представлением всевозможных справок о «благонадежности», от них требовалось еще внесение денежного залога — для русских корреспондентов в сумме 25 тыс. рублей, для иностранных — 75 тыс. рублей, для фотографов — 10 тыс. рублей. В случае, если предложенный кандидат не удовлетворял требованиям, или не выполнял указаний Генерального штаба, он лишался звания корреспондента, а редакция теряла свой залог. Каждый кандидат должен был иметь безукоризненную верноподданническую репутацию и полную политическую благонадежность. Военные корреспонденты должны были быть русскими подданными, без политики в прошлом и настоящем, скромны, корректны и осторожны. Положение о военных корреспондентах предусматривало целый кодекс карательных мер за непредъявление в цензуру хотя бы и не предназначенной для печати статьи или иллюстрации. Кроме предания суду, для виновных предусматривалось наложение штрафа до 10 тыс. рублей и ряд административных взысканий, которые не подлежали обжалованию. Лишенные звания военного корреспондента высылались с театра военных действий в одну из внутренних губерний и отдавались под гласный надзор полиции до прекращения действия военной цензуры.

Желающих получить звание военного корреспондента было много, отобрано было очень мало, отказывали даже крупным публицистам. Военных корреспондентов провожали и встречали, как героев. Так, отправка и прибытие с фронта В. Брюсова, корреспондента «Русских ведо-

мостей», сопровождалось банкетом в Литературно-художественном кружке. Там, в ответ на приветствие В. Брюсов сказал: «Если бы обстоятельства момента сложились так, что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, потому что наступит грядущее торжество родины и тогда явится поэт, достойный великого момента»⁴².

Двойственность положения корреспондентов заключалась в том, что они, с одной стороны, участвовали в военных действиях, а с другой, продолжали заниматься своим профессиональным делом. Кроме того, корреспонденты, прежде всего выполняли государственный заказ на обеспечение строго фильтрованной информацией гражданского населения, поэтому свои субъективные оценки, как правило, они оставляли при себе, между строчками заметок. У них был свой взгляд на военные события. В первую очередь, это связано с позицией свидетеля, а не участника. Б. Савинков в своих воспоминаниях «Во Франции во время войны (сентябрь 1914 – июнь 1915 г.)» отмечал: «Я посторонний и праздный зритель»⁴³. М. Пришвин в дневнике в феврале 1915 г. записал: «Один мой знакомый сравнил войну с родами: так же совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости. По-моему, прекрасное сравнение, я уже видел войну, я именно такое и получил там представление, как о деле жизни и смерти, поглощающем целиком человека»⁴⁴. Показательно употребление словосочетаний «видел войну», «получил представление».

Важно отметить роль корреспондента как посредника, передающего информацию очевидцев военных действий. Особый взгляд выражался также в повышенном внимании к знакам войны: что она внесла в быт людей, как изменился уклад жизни, что оставил после себя неприятель и т.д. Как и для добровольцев, для корреспондентов было характерно восприятие войны, как игры. Б. Савинков оставил показательное описание одного эпизода: «Большой военный аэроплан. Я жду. Неужели не будут стрелять? Мне стыдно: во мне проснулся охотник. Так, в рязанских болотах я со злобой смотрел на улетающих дупелей, на разряженное ружье, на взволнованную собаку, на свои бессильные руки. Помню: мне хотелось плакать от гнева и теперь: нет врага, нет аэроплана, нет человека. Есть болотная дичь, не коршун, не орел, улетающий уже почти недосыгаемый дупель. Вам знакомо это ревнивое чувство? Наступает минута, когда вы не помните, не хотите помнить про кровь. Все равно необходимо убить. И разве на охоте есть место жалости и любви»⁴⁵. А. Толстой, военный корреспондент «Русских ведомостей», так описывал свое восприятие боя: «Начинался ночной бой. Надо было уходить из этой опасной зоны, ... но звуки разрывов словно заворожили. Близкая опасность только возбуждала»⁴⁶.

Интересные наблюдения и впечатления о войне вынес Д. Фурманов, бывший одновременно корреспондентом и братом милосердия в 1914–1916 гг. Как и его коллег, его, в первую очередь волновала проблема причастности к войне. Отсюда глубокое неудовлетворение своей работой на Кавказском фронте: «Мы ехали сюда, словно окрыленные, мы ждали простора истомившейся душе, ждали полного утоления. И что мы

нашли? Пустую, скучную, разлагающуюся жизнь... Мы бог знает что делаем целые дни: играем на гитаре, мандолине, поем, шутим – и все это взамен лучших наших ожиданий, взамен мечты о героических подвигах»⁴⁷. В августе 1915 г. Д.Фурманов попросил перевести его на Западный фронт для работы в «летучке» (обыкновенный поезд, имевший более спешное, экстренное значение). Свой перевод он аргументировал желанием быть в отряде, «поближе к страху»⁴⁸. Ожидания оправдались: «Это новое чувство, новое ощущение близости боя захватило меня всецело. Сердце колотится, словно ждет чего-то... Работа кипела непрестанно, целый день я ходил руки в крови. Усталости не было и следа, наоборот, была та напряженная бодрость, которая, продолжаясь несколько дней кряду, приводит к горячке... Кругом все время гремит пальба... Эта обстановка подымает энергию, создает торжественную многозначительную атмосферу»⁴⁹. Показательно признание Д.Фурманова: «Мы – поэты – искатели приключений, скитальцы. Где больше восторга и, пожалуй, опасности, – туда. Если говорят – для идеи – не верьте: сознания мало. Для помощи страдальцам – не верьте: на холерную эпидемию не помчится, потому что там страдание будничное, некрасивое, без эффекта. Для возрождения – не верьте: вид страданий холерных не возродит. Патриотизм – не верьте: много народу попряталось за ширмы, когда пришла нужда... Зачем скрывать. Мы – поэты и шли для восторга. Притом – в ореоле... Тыловые работники сознательнее, крепче на корню... Мы были настроены романтично, а жизнь, конечно, посмеялась над романтизмом и послала ему в лицо заслуженный плевок – заслуженный и необходимый в такое серьезное, не улыбающееся время»⁵⁰.

Наконец, еще один путь на театр военных действий – командировки. Эта категория была немногочисленной. М.Добужинский отправился на фронт для натуральных зарисовок по поручению общины св. Георгия. «Он много рисовал с натуры, – вспоминал С.Маковский, – я видел еще в 1914 г. его альбом путевых набросков с фронта, куда он ездил в качестве художника Красного Креста вместе с бароном Н.Врангелем»⁵¹. В феврале-марте 1915 г. М.Добужинский побывал в Галиции. В апреле того же года он, совместно с Е.Лансере, устроил выставку военных рисунков, на которой было представлено около 70 его работ. Е.Лансере 16 декабря 1914 г. получил от начальника штаба Карской крепости удостоверение № 3326, согласно которому ему разрешалось «рисовать типы местных жителей, казаков и старую крепость, ... производить рисунки с наших войск и занимаемых ими мест»⁵². В марте 1915 г. он был зачислен в резерв чинов Кавказской армии, что позволило художнику находиться при Приморском отряде⁵³. Среди впечатлений, зафиксированных в «Путевых записках о поездке на Кавказский фронт 1914–1915 гг.», Е.Лансере отмечал страх и даже ужас: «Я боюсь будущего, особенно как-то живо и с тоской представляю ужас – невозможность уйти при наступлении врага. Зато это чувство и есть реальное ощущение войны, а за этим ведь я и ехал. Теперь нужно еще повидать, если не испытать собственно картины боя»⁵⁴. В записках чувствуется раздражение повседневными военными буднями: «Я злюсь на неудачность своего путешествия, что нет никаких приключений, опасностей... Главное впечатление у ме-

ня пока — обыденность. А я стремился на войну, думая, именно попасть в атмосферу напряженности... Меня беспокоит, что я собственно мало «переживаю». Признаться, мне ужасно хочется каких-нибудь приключений. Хочется попросту попасть «на минутку» под огонь»⁵⁵. «Сейчас я ближе к врагу, и так все спокойно вокруг, что я в глубине души начинаю «бояться» [курсив наш — И.К.], не конец ли войне, не опоздал ли я»⁵⁶. «Мысль об опасности, делающая все окружающее как бы более звенящим»⁵⁷. При этом, художник не был в большой опасности, поэтому «не знаю, что сказал бы после того, как испытал бы чувство травленного зверя, животного ужаса смерти»⁵⁸.

К категории командировочных можно отнести также художников — баталистов, посещавших фронт с целью поиска сюжетов для своих полотен. Так, в 1915 г. был сформирован специальный военно-художественный отряд под начальством полковника Шенна, художественный руководитель — Н.С.Самокиш, участники отряда — студенты батальной мастерской Г.Котов, П.Митурич, П.Покаржевский, К.Трофименко, Р.Френц. Согласно воспоминаниям П.Покаржевского, инициатива создания такого отряда шла от Академии Художеств или от военного начальства⁵⁹. Целью поездки объявлялось изучение военного дела, зарисовки поля сражений, трофеев, военнопленных, солдат. Маршрут был сначала короткий: германский фронт, конкретно Белосток, Ломжа, Кисельница, Остроленка, Осовец и Барановичи. Студентов одели в военную форму, отряд снабдили всем необходимым. «Мы получили вагон, у каждого было отдельное купе, получили краски, вьючные чемоданы и пр. Был свой повар и денщики. Мы получили даже оружие, шашку, португезию с кобурой и револьвер, но это для того, чтобы не выделяться своим штатским видом. Был прикомандирован фотограф Штрюмер... Мы ходили и ездили всюду повсюду беспрепятственно. В самих боях не участвовали, но бывали под обстрелом», — вспоминал П.Покаржевский⁶⁰.

Особенности Первой мировой войны ограничивали сферу наблюдения художников (если они не в рядах воинов), помешали им непосредственно представлять самые бои. Никакие традиционные приемы баталистов не могли передать сущность войны позиционной, войны машин, войны, ведущейся на огромном расстоянии (в смысле протяженности фронта и удаленности противника друг от друга). Наброски делались непосредственно на передовой. Чем ближе к фронту, тем становилось интереснее и опаснее. Опасность не пугала, а напротив, привлекала. Показателен эпизод, произошедший с П.Покаржевским: «Я уселся писать этюд... Моя работа подходила к концу: оставались кое-какие детали на дальнем плане, вдруг свист около уха и выстрел оттуда. Я все же не ушел, и [играя со смертью — зачеркнуто — прим. И.К.], несколько раз высунулся и все-таки дописал этюд»⁶¹. За время командировки было сделано большое количество зарисовок, организована выставка в Барановичах непосредственно в салоне вагона. Затем отряд направили по маршруту Киев — Севастополь — Кавказ. «В Киеве мы рисовали трофеи, в Севастополе на боевых судах матросов около орудий, боевую тревогу... В Сарыкамыше — пленных турок»⁶². Собранный материал позволил П.Покаржевскому подготовить дипломную работу.

В сентябре 1916 г. на юго-западный фронт был командирован художник А. Рылов для сбора материала для батальной картины Брусиловского прорыва под Луцком, заказанной Военным музеем. Сам художник главной целью поездки считал «возможность увидеть своими глазами мировую войну... Картины военной жизни в тылу и на линии огня промелькнули мимо меня как на экране в кино, но впечатление от войны я все-таки получил»⁶³. Картина Луцкого прорыва не была закончена по причине недостаточности материала.

В качестве командировочных на фронте были артисты. В Театральном обществе в 1916 г. обсуждался вопрос об устройстве на фронте спектаклей. Неоднократно посылал на передовые позиции с концертами союз «Артисты Москвы – русской армии». Восприятие войны этой группой художественной интеллигенции во многом было созвучно восприятию военных корреспондентов.

Таковы особенности восприятия Первой мировой войны представителями художественной интеллигенции, оказавшимися на театрах военных действий. Общей численности деятелей литературы и искусства, побывавшей на фронте (независимо, в каком качестве) установить пока не удалось. Можно предположить, что эта цифра будет приближаться к тысяче. Например, по сообщению газеты «Биржевые ведомости» в декабре 1914 г. (это полгода войны!) на фронте находилось 300 сценических деятелей⁶⁴.

Рассмотрев характерные черты основных групп присутствовавших на театре военных действий представителей художественной интеллигенции, можно сделать следующие выводы. Несмотря на различный статус, материальное положение и путь на фронт, все же можно выделить некоторые общие особенности восприятия войны: общее понимание необходимости смены ценностей, попытка адаптироваться к новым условиям, чтобы выжить, эстетизация действительности, даже самой страшной, проявление игрового сознания и поведения, как своеобразного защитного механизма. Оценивать вклад художественной интеллигенции в военное дело представляется ненужным и неважным. Как граждане своей страны они посильно выполняли свой долг.

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 32.

² Списки призванных регулярно печатались в журналах «Рампа и жизнь», «Театр и искусство».

³ Театр и искусство. 1915. № 13. С. 7-8.

⁴ Цит. по: Цеховицер О. Литература и мировая война 1914–1918. М., 1938. С. 102.

⁵ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1916. 11 янв. № 15316.

⁶ Цит. по: Цеховицер О. Указ. соч. С. 102.

⁷ Барон Н. Врангель. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001. С. 71.

⁸ Цит. по: Цеховицер О. Указ. соч. С. 104.

⁹ Гумилев Н. Записки кавалериста // Москва. 1989. № 2. С. 76.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Там же. С. 64-65.

¹⁴ Там же. С. 78.

- ¹⁵ Цит. по: *Немировская О., Волье Ц.* Судьба Блока. Воспоминания, письма, дневники. М., 1999. С.206.
- ¹⁶ Там же. С. 207.
- ¹⁷ Письма Александра Блока к родным. М., 1932. Т. 2. С.300-301.
- ¹⁸ Рампа и жизнь. 1914. № 31. С. 4.
- ¹⁹ *Мяковский Н.Я.* Статьи, письма, воспоминания. М., 1960. Т. 2. С.345.
- ²⁰ Письма Александра Блока к родным. М., 1932. Т. 2. С. 301.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Ед. хр. 931. Л. 7.
- ²² *Мяковский Н.Я.* Указ. соч. С. 346.
- ²³ *Немировская О., Волье Ц.* Указ. соч. С. 208.
- ²⁴ Там же. С. 209.
- ²⁵ *Мяковский Н.Я.* Указ. соч. С. 345.
- ²⁶ Там же. С. 355.
- ²⁷ Письма Александра Блока к родным. М., 1932. Т. 2. С. 334.
- ²⁸ РГАЛИ, Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 7.
- ²⁹ *Мяковский Н.Я.* Указ. соч. С. 345.
- ³⁰ *Шершеневич В.* Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 479-480.
- ³¹ Рампа и жизнь. 1915. № 1. С. 3.
- ³² Рампа и жизнь. 1915. № 18. С. 4.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Рампа и жизнь. 1917. № 36. С. 8.
- ³⁵ Рампа и жизнь. 1917. № 4. С. 11.
- ³⁶ Рампа и жизнь. 1917. № 6. С. 11.
- ³⁷ Рампа и жизнь. 1917. № 32. С. 7.
- ³⁸ Театральная газета. 1917. № 26-27. С. 9.
- ³⁹ Театральная газета. 1917. № 13-14. С. 8.
- ⁴⁰ Театральная газета. 1917. № 12. С. 5.
- ⁴¹ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1., Ед. хр. 81. Л. 1-1об.
- ⁴² Известия Литературно-художественного кружка. 1915. № 10. С.39-40.
- ⁴³ *Савинков Б.* Во Франции во время войны (сентябрь 1914 – июнь 1915 гг.). М., 1918. С. 63.
- ⁴⁴ *Пришвин М.* Дневники. М., 1990. С. 70.
- ⁴⁵ *Савинков Б.* Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁶ Цит. по: *Петелин В.* Алексей Толстой. М., 1978.С. 125.
- ⁴⁷ *Фурманов Д.* Дневник (1914–1915–1916). М., 1929. С. 41.
- ⁴⁸ Там же. С. 70.
- ⁴⁹ Там же. С. 107, 113.
- ⁵⁰ Там же. С. 147, 162.
- ⁵¹ *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». М., С. 289.
- ⁵² РГАЛИ. Ф. 1982. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2, 3.
- ⁵³ Там же. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7-8.
- ⁵⁵ Там же. Л. 19-22.
- ⁵⁶ Там же. Л. 23.
- ⁵⁷ Там же. Л. 32.
- ⁵⁸ Там же. Л. 34.
- ⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 3003. Оп. 1. Ед. хр 24. Л. 81.
- ⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 3003. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 81-83.
- ⁶¹ Там же. С. 83.
- ⁶² Там же. С. 85-87.
- ⁶³ *Рылов А.* Воспоминания. М., 1954. С. 186.
- ⁶⁴ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 17 дек. № 14560.

«ЕСЛИ ВЕСЬ МИР ОБРУШИТСЯ НА НАШУ РЕСПУБЛИКУ»: ПРИЗРАКИ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920–30-Х ГОДОВ*

В мифологизированном по преимуществу массовом сознании, по образному выражению французского историка М.Блока, всегда правил «Старик Наслышка»¹. Изустная передача была гарантом подлинности и достоверности. Традиционная культура отсекала рациональные, лежащие за пределами понимания, моменты и привносила свои, фантастические трактовки. В огромной степени это относится и к восприятию внешнего мира, в том числе и в межвоенный период, о котором пойдет речь².

Довольно долго мир приходил в себя после Первой мировой войны, и не успели еще излечиться все раны, как на горизонте замаячила Вторая мировая. Некоторые западные историки даже предлагают рассматривать Первую и Вторую мировые войны как одну войну в двух действиях — слишком очевидны были минусы Версальской системы, слишком много нерешенных вопросов оставила Великая война 1914–1918 гг.

Воздействие Первой мировой войны было столь значительным, что позволило ввести новое понятие — «тотальная война», т.е. война, которая не только затрагивает, но и коренным образом меняет ситуацию во всех сферах жизни общества.

Потери на фронтах (10 млн убитых, 20 млн искалеченных, 5 млн вдов и 9 млн сирот), потери, понесенные гражданскими лицами в результате военных действий или бомбардировок (в относительно далекой от театра боевых действий Англии от авиационных бомб погибло свыше 1400 человек); от болезней (только пандемия «испанки» унесла примерно 27 млн человек); от внутренних конфликтов (например, избиение армян в Турции); крах финансовой системы многих стран и одновременно — кратковременное процветание в колониях, сопровождавшееся переходом части функций управления в руки туземной элиты; невиданный рост государственного контроля; формирование военно-промышленного комплекса; массовое вовлечение женщин в производство; даже изменения в организации и проведении досуга — вот что такое «тотальная война»³.

Воспоминания о предыдущей войне и страх перед будущей способствовали попыткам европейской дипломатии изменить традиционные правила игры. Была создана Лига наций, подписан пакт Бриана-Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созывались конференции по разоружению. Державы-победительницы войны действительно не хотели, мелкие хищники Восточной Европы, оглядываясь на «старших братьев», также воздерживались от силового метода решения своих проблем; появление же гитлеровской Германии, этого, в прямом смысле слова «уродливого детища Версальского договора», в 20-е годы предугадать было нелегко.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 02-01-00255а.

Все вышесказанное относится к Европе, в меньшей степени — к Северной Америке. Но была еще и Советская Россия, в которой последствия мировой войны померкли перед последствиями революции и войны гражданской.

Пока Европа приходила в себя, надеясь, что мировая война не повторится, в советском обществе ожидания новой войны, напротив, с каждым годом усиливались, и так продолжалось по крайней мере до конца 1920-х годов.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире. Революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. Первая мировая война, в ходе которой последовательно были зафиксированы невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но тем не менее достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения⁴.

Еще большей степени политизация сознания достигла в период революции и гражданской войны (которая, кстати, для многих регионов сопровождалась иностранной оккупацией) и в последующие годы. Утвердившийся в стране советский режим отнюдь не стремился держать массы «подальше от политики»; напротив, прилагались значительные усилия для их политизации в соответствующем духе.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения. Мир выступал либо в качестве *источника* вполне реальной угрозы (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), или, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В этой ипостаси внешний мир представлял не только для противников Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, для ее сторонников, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

Говоря о настроениях советского общества межвоенного периода, необходимо сделать важную оговорку. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании — в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу инсти-

туты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР ничего подобного не было. Сводки «о настроениях», составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Как отмечает по поводу подобных сводок современный исследователь, «относительность достоверности видится в тройной степени погрешности, присущей любым агентурным документам: во-первых, многое зависит от политических позиций, симпатий источника информации, во-вторых — от личности готовящего сводку или донесение, в-третьих, как известно, люди не всегда говорят вслух то, что думают на самом деле (как, впрочем, не всегда думают и о том, что и кому говорят). Вместе с тем, отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для обобщений, выявления основных тенденций общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере сглаживаются, нивелируются»⁵.

Однако некоторые возможности статистически оценить настроения тех лет применительно к внешнему миру у нас все же есть. В конце 20-х гг. педагоги-педологи проводили массовые опросы детей по вопросам войны и мира, отношений СССР с границей. Вопросы были поставлены так: «Как живут между собой» и «Как должны жить СССР и буржуазные страны». В результате 4,4% опрошенных говорили об исключительно мирных отношениях СССР с буржуазными странами, 77,5% определили их как враждебные. 50,5% были настроены миролюбиво, лишь 4,6% были настроены более или менее воинственно, но и они высказывались примерно так: «СССР и буржуазные страны должны воевать, но торговать нужно и им, и нам, поэтому надо договоры заключать». Были и такие высказывания, что с «буржуазными министрами» нужно враждовать, а с «угнетенными народами» жить мирно... И постоянно звучали вопросы: «Почему мы не хотим войны?» «Как СССР готовится к войне?»⁶

Возможность войны с «капиталистическим окружением» в 20-е годы (вопреки расхожим представлениям) ощущалась гораздо более остро, чем в 30-е. Причин для этого много: живая память о мировой и гражданской войнах с участием иностранных держав; советская пропаганда, в которой эта тема муссировалась постоянно; особенности восприятия, когда доходившая, например, до деревни, внешнеполитическая информация многократно искажалась и «перекраивалась» по законам мифологического сознания. Характерный пример содержится в одной из сводок отдела ОГПУ области Коми за декабрь 1926 г.: «Гражданин деревни Рим Жашартской волости Римских Илья Никитич получает газеты и читает среди крестьян только статьи о подготовке к войне со стороны иностранных держав. Темное население, видя это, говорит, что опять скоро будет война»⁷. И таких грамотных, интересующихся политикой и оказывавших влияние на представления односельчан о мире крестьян, как этот житель северной деревни с итальянским названием, было немало по всей России. В сводках ОГПУ постоянно встречались утверждения, что «грамотные крестьяне, читая в газетах о военных приготовлениях в Польше, Румынии и Англии, находят, что война неизбежна»⁸.

Как уже отмечалось, свою лепту вносила и пропаганда, которая не устала напоминать о «капиталистическом окружении». Угроза новой войны всегда была одной из ведущих тем, особенно для политических карикатуристов. То Чемберлен, то Пуанкаре, то «дядя Сэм» спускали с поводка огромное бронированное чудовище — войну — огромную, страшную, как правило, в противогазе, ошетилившуюся пушками, на танковых гусеницах...

Любопытно, что на рубеже 20-30-х годов, в ведущем советском сатирическом журнале «Крокодил» неоднократно появлялись карикатуры на обывателя, который, сидя в своем уютном домике, не видит и не желает видеть ничего вокруг — а там оскаленные рожи империалистов, рабочие со скованными руками, расстрелянные индусы и китайцы, до зубов вооруженные поляки или французы, пушки, танки, отравляющие газы. А вот карикатур, высмеивающих панические слухи о войне, в советской прессе не появлялось.

В массовом сознании постоянно фигурировали своеобразные «призраки войны», чаще всего не имеющие серьезных оснований, иногда совершенно фантастические, но для многих казавшиеся вполне реальными. Подчеркну, в данной статье речь пойдет именно о «призраках», то есть о тех случаях, когда военная угроза в действительности не существовала. Ситуации, когда страна действительно оказывалась на грани масштабного военного конфликта (а иногда, как в 1929 г. во время событий на КВЖД, и втягивалась в него), и это также находило отражение в массовом сознании, в данном случае рассматриваться не будут.

В исторической литературе давно уже изучаются так называемые «военные тревоги» 1927—1929 гг., толчком к которым послужил целый ряд событий, в первую очередь — разрыв советско-английских отношений и убийство советского полпреда П.Л.Войкова в Варшаве. Однако в 20-е годы любое событие, происходившее на международной арене и как-то затрагивающее СССР, воспринималось массовым сознанием прежде всего как признак надвигающейся (а нередко — и начавшейся) войны.

Даже в относительно спокойные годы, не отмеченные особыми кризисами за пределами СССР, «всякое международное положение Советской власти истолковывается как близкая война и скорая гибель Советской власти» — констатировал информационный отдел ОГПУ в декабре 1924 г.⁹

С этих же позиций рассматривались и многие внутренние мероприятия Советской власти, вплоть до самых обыденных.

Так, снятие колоколов с церквей в ходе антирелигиозной кампании неожиданно напомнило крестьянам о временах Петра: прошел слух, что колокола снимают на пушки. А приезд секретаря ЦК ВКП(б) В.М.Молотова в Курскую губернию в 1925 г. крестьяне объяснили «неладными взаимоотношениями с западными государствами, в частности, с Америкой, говоря, что что-то уж больно изъездила наша власть, волнует их там, что дела СССР плохи, вот теперь и ездят по местам, чтобы задобрить мужичков, в случае трахнет Америка по голове — то вы, мол, мужички, не подкачайте...»¹⁰

С особенным нетерпением ожидали войны противники Советской власти. Все они, от университетской профессуры и технической элиты, склонных рассматривать любой международный кризис как пролог к интервенции¹¹, до жителей отдаленных уголков национальных окраин,

например, Бурят-Монголии, где ожидали прихода «царя трех народов, который избавит от налогов»¹², связывали с войной неизбежное падение Советской власти.

По мнению ОГПУ, в советской деревне отношение к будущей войне определялось исключительно социальным положением: «Бедняцкие и середняцкие слои к возможности войны относятся отрицательно, боясь новой разрухи, кулачество же злорадствует»¹³. На самом деле ситуация была сложнее, тем не менее, отношение к войне основной массы населения страны можно проиллюстрировать следующими высказываниями (осень 1925 г.): «Вот только было начали перестраиваться, пообзаводиться, а тут все опять отберут, а кто выиграет неизвестно, если весь мир обрушится на нашу Республику, то ее хватит не больше, как на три дня... Мужики боятся войны. Опустили руки, не знают, что делать, лучше три года голодать, чем воевать»¹⁴.

Если уверенность в неизбежности (в лучшем случае – высокой вероятности) войны, независимо от отношения к ней, разделялась подавляющим большинством населения, то что касается причин, хода, особенностей новой войны, тут версий было множество, иногда весьма оригинальных.

В качестве наиболее вероятного противника СССР рассматривались разные (иногда весьма неожиданные) страны. Например, весной 1925 г. в Армавирском округе появилось воззвание, гласившее: «Долой ненужный красный произвол, да здравствует великая священная итальянско-русская война против красных варваров», а в Гомельской губернии листовка, в которой содержался следующий призыв: «Да здравствует Антанта Бельгия, Сербия, Польша, Румыния, Германия, Турция, Норвегия, Китай, Эстония»¹⁵.

Среди потенциальных противников выделялись две группы – великие державы (Англия, Франция, США, Япония, реже Италия) и непосредственные соседи СССР (Финляндия, Польша, Эстония, Румыния, Болгария, Турция, Китай).

Подготовка великих держав к совместному нападению на СССР была постоянной темой разговоров. «Чужие державы хотят уничтожить коммунистов и из-за границы к нам никаких материалов не высылают... На западной границе штабные генералы разных государств присутствуют на больших военных маневрах [*в Польше – А.Г.*] с целью в случае войны с Россией всем организованным фронтом напасть на СССР... Капиталистические страны сговариваются на съезде в Париже – каким путем вести нападение на Республику... Прибывающие делегации из иностранных держав приезжают для того, чтобы снять план о местности для того, чтобы легче вести войну...»¹⁶ Эти и подобные им высказывания постоянно воспроизводятся в материалах ОГПУ и партийных органов на протяжении всех 20-х годов.

Одна из наиболее очевидных возможных причин войны против СССР – недовольство Запада советским строем как таковым. При этом порой западные страны изображались как благодетели, готовые начать войну исключительно из симпатий к русскому народу. В этой связи упоминалось, например, что «для завоевания симпатии русских масс в России Англия взяла под свое покровительство православное духовенст-

во»¹⁷. Иногда выражалась надежда, что нажим Англии заставит предоставить льготы частному капиталу.

Любое поражение революционного движения за рубежом, особенно если оно было связано, как в Китае, с вмешательством иностранных держав, трактовалось как единая кампания по наведению порядка: «европейские государства сначала восстановили порядок в Германии, потом в Болгарии, сейчас восстанавливают в Китае и скоро примутся за Россию»¹⁸.

Постоянно сообщалось о том, что в цари намечают то Кирилла, то Михаила, то Николая Николаевича (последний даже объявил будто бы об отмене всех налогов на 5 лет)¹⁹. Но самым экзотическим оказался слух, зафиксированный летом 1925 г. в Новониколаевской (позднее Новосибирской) губернии о том, что настоящая фамилия председателя Совета народных комиссаров А.И. Рыкова — Романов, Михаил Александрович, что он скрывался в Англии, «теперь попал к власти и скоро станет на престол»...²⁰

Избрание в 1925 г. нового немецкого президента (им стал П. фон Гинденбург) неожиданно породило целую войну слухов о близкой войне с Германией и о том, что теперь и в России, которая, как и Германия, пережила революцию, будет избран президент. Новое слово неожиданно стало очень популярным (при этом часто делались оговорки, что президент, в сущности, тот же царь, только выборный, а значит справедливый). «У нас должно быть новое правительство, ибо Германия, Англия и Польша предложили Советской власти до 1 мая снять всех коммунистов, взамен же их избрать президента, в противном случае, если не будет избран президент, а коммунисты не сняты с должностей, то эти государства на Россию пойдут войной, а разбив ее, установят выборного президента», — говорил крестьянин-середняк Балашов из Акмолинской губернии²¹.

Следующая причина — отказ большевиков от уплаты царских долгов и национализация иностранной собственности. «Франция требует с нас долги, а нам платить нечем, а раз мы не заплатим — будет война, а если уже будет война, то Франция победит. Вот тогда и вы заживете лучше, и мануфактура будет дешевле, и хлеб появится в достаточном количестве», — уверял односельчан бывший помещик Каверзнев из Калужской губернии²².

Иногда причина войны выглядела совсем уж незначительной, например: «Советская власть отправила за границу много различных продуктов, но вместо оплаты западноевропейские державы высадили на Черном море десант, который окружил Одессу»²³.

Люди более образованные, как, например, некий инженер, руководитель изыскательской партии, прибегали к чисто марксистской аргументации, говоря, что «Англия путем нажима добьется вмешательства в наши дела Польши и Германии и завоюет наши рынки»²⁴.

Обобщая настроения населения, информационный отдел ОГПУ утверждал: «Советскую власть в предстоящей войне оправдывают, приписывая обвинение всецело империалистам». Как бы отвечая аналитикам ОГПУ, некий гражданин Цепин заявлял: «Наши много кричат в газетах, что войны мы не хотим, между прочим, сами же эту войну вызывают. Кто возбудил волнения в Китае, по чьей инициативе взорван Софийский собор, конечно, русские коммунисты»²⁵.

Однако время шло, война все не начиналась, и появились новые слухи, объяснявшие, в чем причина задержки. Большинство из них сводились к тому, что власти, боясь войны, тайно пошли на уступки Западу: «Советская власть держится только потому, что за все недоразумения иностранцам она платит или золотом или хлебом в натуре». Иногда упоминались и более серьезные формы платежа; так, время от времени утверждалось, что Англии отдали Архангельск, каменноугольную промышленность Донского бассейна и Урала, а золотопромышленность Сибири и Сахалина передали Японии — «чтоб не нападали»²⁶.

Один из вариантов такого слуха возник в результате очередного учета лошадей: «Сейчас каждый год у крестьян будут забирать лошадей, потому что Советская Россия должна их отдавать англичанам, иначе будет война»²⁷. Для российского крестьянина, главной ценностью которого продолжала оставаться лошадь, такое утверждение было, может быть, и естественным; интересно, однако, что ответили бы англичане, если бы им в счет уплаты старых долгов предложили табун крестьянских «сивок» и «гнедков»?..

По мнению некоего кустаря Назаренко, «война была бы объявлена еще в мае сего года, но иностранцы, предчувствуя хороший урожай в России, не торопятся с объявлением войны, стараясь закупить у нас хлеб... Войну они объявят тогда, когда будет в руках нужное количество хлеба, а теперь под разными предлогами подделываются к СССР»²⁸.

Иногда причиной того, что война все не начинается, объявлялась позиция белоэмигрантов, в частности тех же Николая Николаевича и Кирилла, которые «все время ходатайствуют перед этими державами [Англией и Америкой — А.Г.], чтобы они пожалели русский народ и не делали войны»²⁹.

Известны случаи, когда отсутствие войны связывалось с приездом той или иной иностранной делегации.

И наконец, наиболее интересная версия была высказана уже в 1931 г. в Вологде, в очереди за мясом, где обсуждали вопрос о войне. Одни говорили, что война этим летом неизбежна, а другие — «что войны не будет, т.к. капиталисты ждут, пока в СССР народ сам с голоду умрет, доказывая свою правоту тем, что при условии мирной обстановки в следующем 1932-м году будет жить еще трудней, т.к. у крестьян ничего не осталось, а колхозы в снабжении города сельхозпродуктами не справятся»³⁰.

Интересно, что популярный в поздней литературе тезис о вере в революционный пролетариат Запада, который не допустит войны против СССР, встречается в массовом сознании середины 20-х годов крайне редко (и только в городах); он стал гораздо более популярным уже в 30-е, когда подросли новые поколения, воспитанные исключительно в духе советской пропаганды и идеологии, а ожидания войны потеряли прежнюю остроту.

Что касается соседних стран, то, помимо возможности их участия во всеобщей войне, развязанной Западом против СССР, слухе о войне с ними возникали постоянно из-за различных пограничных или иных инцидентов в двусторонних отношениях.

С большинством непосредственных соседей отношения СССР в 20-е годы были по меньшей мере напряженными. Существовали взаимные территориальные претензии (в отношениях с Польшей, Румынией, Эс-

тонией). На польской, финляндской, румынской границах время от времени возникали инциденты.

Советская официальная пропаганда зачастую относилась к малым странам Европы без элементарного уважения. Достаточно полистать подшивки журналов тех лет, чтобы найти многочисленные карикатуры, где Польша изображалась в виде то собаки, то свиньи; Румыния — в виде кокотки, и т.п. Например, в одном из январских номеров «Крокодила» за 1931 год была опубликована целая серия откровенно оскорбительных шаржей на лидеров соседних стран — Польши, Чехословакии, Финляндии, Румынии. Финский президент, например, был изображен небритым, с ножом в зубах; польский сейм сравнивался с публичным домом, а маршал Пилсудский — с его хозяйкой, и т.д. В заключение делался вывод:

*Вот вам соседи СССР,
чудеснейшие, добрые соседи.
За ними же мосье, милорды и миледи
им помогают на любой манер.
Там тяжесть денежных надбавок,
здесь наводных орудий блеск и шик,
и ясно, что от маленьких державок
ждать надо гадостей больших³¹.*

В апреле 1925 г. в Болгарии во время панихиды в Софийском кафедральном соборе взорвались две адские машины. Погибло свыше 150 чел., несколько сотен было ранено, в том числе пострадали члены правительства. Было введено осадное положение, начались массовые аресты коммунистов. Болгарский премьер-министр А.Цанков объявил, что найдены документы Коминтерна о назначенном якобы на 15 апреля восстании, сигналом к которому должны были послужить поджоги и взрывы. Народный комиссар иностранных дел СССР Г.В.Чичерин резко отрицал подобные обвинения и охарактеризовал взрыв как «яркое проявление отчаяния народа»³².

Постепенно шум вокруг взрывов, по крайней мере, за пределами Болгарии, утих, тем не менее, несколько месяцев по стране ходили упорные слухи, что война с Болгарией либо на пороге, либо уже идет. «Все иностранные державы по поводу взрыва Софийского собора пришли к соглашению во что бы то ни стало перебить всех большевиков», — считали многие. Причем перспективы Советской России в этой войне оценивались обычно пессимистически. «Болгары не то что наши русские, они сразу возьмут в работу СССР. Ведь Антанта им разрешила иметь до 10000 войска», — говорили в июне 1925 г. на Северном Кавказе³³.

Еще более распространенные и правдоподобные слухи о войне были вызваны малозначительными пограничными инцидентами. В январе, июне и июле 1925 г. на Ямпольском участке (город в Винницкой обл. на р.Днестр) советско-польской границы часто вспыхивали перестрелки. Наиболее серьезный инцидент произошел 29 июня, когда около 150 польских солдат вторглись на советскую территорию, советская застава была сожжена. 3 и 20 июля произошли новые столкновения, погибли начальник советской заставы и польский капрал. 25 августа был подпи-

сан советско-польский протокол о ликвидации инцидента. Поляки вернули имущество, захваченное на заставе, и выплатили около 5900 долларов (эквивалент ушерба в 11,5 тыс.руб)³⁴.

Инцидент был исчерпан, однако уже в мае слухи о войне были зафиксированы в 18 губерниях, а в сентябре — в 35. «Чаще всего говорят о войне с Польшей, реже — об интервенции со стороны Англии, Франции, Америки», — отмечалось в материалах ОГПУ³⁵. Изменения цен на хлеб, очередной призыв в армию, любое появление в небе самолетов ближайшей авиачасти — все списывалось на войну с Польшей.

Итак, спектр причин войны и потенциальных противников был достаточно широк. Какой же ход и исход войны представлялся наиболее вероятным?

Прежде всего, почти никто не сомневался в поражении Советской России. Это кажется удивительным, учитывая исход недавней гражданской войны и интервенции, но, тем не менее, в 20-е годы это было именно так. Эйфория 30-х годов — «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» — в 20-е была совершенно не свойственна большинству населения. Лишь в единичных случаях можно встретить высказывания о том, что «теперь мы отдохнули [после гражданской войны — А.Г.] и не только Польше, а и всей Антанте набьем». Обычным же был вывод (по-своему соответствовавший духу советской пропаганды): «Война кончится крахом Советской власти, коммунисты будут все перевешаны, и Россия будет представлять из себя западно-европейские колонии»³⁶.

Единственным спасением представлялись переговоры и фактическая капитуляция СССР: «Советская власть наполовину упала, из Польши идет Николай Николаевич со своей армией и забрал несколько городов. За границей в скором времени будут переговоры, где решится судьба Советской власти, т.к. царь за границей признан, и если на переговорах будет признан царь, то Советской власти не будет, и будут служить в церквах по-старому, будут поминать царя и бывшего патриарха Тихона»³⁷.

Чаще война представлялась как всемирная, «ибо все капиталистические страны вооружились против большевиков»³⁸, но иногда в качестве ее инициаторов и основных участников выступали русские белогвардейцы, вооруженные и поддержанные Западом, а порой даже перенесенные на территорию СССР с помощью воздушного флота, например, Америки.

Что касается начала войны, то оно представлялось либо в виде наступления поляков на западной границе (или, соответственно, японцев на восточной), либо в виде англо-французского десанта на Черном или Балтийском море. Все эти сценарии были хороши известны, опробованы в ходе гражданской войны, да и вообще представляются самыми логичными. Но, наряду с ними, существовали и весьма оригинальные представления, связанные прежде всего с развитием военной техники (о чем, кстати, охотно и подробно писала советская пресса). Так, начало войны описывалось «в виде налета аэропланов на Москву, Ленинград и другие крупные города, которые [аэропланы — А.Г.] разгонят правительство, так что никакой мобилизации Советская власть сделать не успеет»³⁹.

Иногда грядущая война виделась во всех подробностях, как, например, в Сталинградской губернии в сентябре 1925 г.: «поляки повели наступление на нашу границу с танками, из которых выбрасывали усып-

ляющий белый газ, от которого красноармейцы засыпали, поляки у спящих красноармейцев проверяли, есть ли у них кресты, и у кого есть, того оставляли живыми, а у кого нет — убивали»⁴⁰.

Вообще газы (как по воспоминаниям о германском фронте, так и по сообщениям пропаганды) в этих сценариях занимали особое место. Причем (тут уже элемент чисто фантастический, ни в какой реальности или пропаганде не встречавшийся) они рассматривались как особое, гуманное по сути оружие: «Скоро Англия и Франция пойдут войной на Россию, но народ убивать не будут, а лишь будут усыплять и за это время обезоруживать и убивать коммунистов... Пускают вперед аэропланы, которые выпускают усыпляющие зелья, после чего наши войска обезоруживаются и отпускаются домой... С польской границы Николай Николаевич ведет наступление на пограничные отряды с помощью газа, который на людей не действует, а только оружие приводит в негодность... Уже осаждают Москву, пускают усыпительные газы и Москва трое суток, якобы, из-за этих газов уже спала, и у всех коммунистов во время сна отобрали оружие»⁴¹.

Своего апогея «военные тревоги» достигли в 1927–1929 гг., когда буквально вся страна запасалась товарами первой необходимости, а крестьяне придерживали хлеб (что, кстати, повлекло за собой кризис хлебозаготовок, и как результат — знаменитые «чрезвычайные меры», проложившие дорогу массовой коллективизации).

Однако ни разрыв англо-советских отношений, ни убийства и аресты советских дипломатов, ни высылка из Франции полпреда СССР Х.Раковского не привели к войне. И после этого в массовом сознании наступает постепенный перелом. Опасность войны отодвигается на второй план (хотя окончательно, конечно, не исчезает) и вытесняется повседневными заботами.

Своеобразная ирония истории заключается в том, что с начала 30-х годов опасность войны становится гораздо более реальной: в мире появляются силы, заинтересованные в переделе мира любым, в том числе военным способом. Япония начинает широкомасштабную агрессию в Китае, при этом первым шагом явился захват Манчжурии — в результате подлинный, а не мнимый очаг войны возникает на границах с СССР. Фашистская Италия самоутверждается в Абиссинии, и Лига наций (как, впрочем, и в случае с Китаем) оказывается бессильна. Наконец, к власти в Германии приходит Гитлер, главным внешнеполитическим тезисом которого был пересмотр итогов Первой мировой войны.

Конечно, все это было известно в Советском Союзе; советская пропаганда постоянно напоминала о нарастании международного кризиса; предпринимались, как в 1935 г., попытки заключить союз с потенциальными противниками Германии. Но все же импульс предыдущей войны заметно ослабел, мирная жизнь (если можно так сказать о жизни советского общества рубежа 20–30-х годов; по крайней мере, жизнь в отсутствии войны) вступила в свои права. Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Подрастали и вступали в сознательную жизнь новые поколения, с иным взглядом на мир. Эпоха «призраков войны» уходила в прошлое. Наступила эпоха военной реальности, когда действительно приближавшаяся война порой казалась призрачной. Уже в начале 30-х

годов стали раздаваться уверенные голоса: «прозевали [агрессоры — А.Г.], теперь нам воевать не страшно»⁴². Постепенно, вслед за успехами советской промышленности и хотя и не очень заметным, но все же реальным повышением уровня жизни по сравнению с началом 30-х годов, подобные уверенные голоса звучали все чаще. Но, конечно, об опасности войны не забывали — в том числе благодаря все той же пропаганде, которая не упускала случая поговорить о вероятной интервенции.

В этот период самой очевидной опасностью представлялась Япония. «Пахнет порохом, дымит Дальний Восток, неблагополучно и на польско-румынской границе, а поэтому наша задача быть бдительными и на страже, но капиталисты Запада хорошо преуспели по технике», — говорили в Туле в 1932 г.⁴³ Как и в случае с Польшей в 20-е годы, время от времени возникали слухи о том, что война с Японией то ли вот-вот начнется, то ли уже началась. Эти представления были свойственны не только для массового сознания; так, один из иностранных дипломатов писал тогда из Москвы, что все советские руководители, с которыми он встречался, ждали со дня на день нападения Японии⁴⁴. Причем исход войны опять-таки представлялся в пессимистических тонах: «Весной текущего года обязательно у нас с Японией будет война, а японцы выплют СССР как следует и в Сибири заберут местность по Байкал, а с Запада в свою очередь пойдет на нас Польша... От вас скрывают — война продолжается, вся Сибирь принадлежит Японии... На СССР с востока наступают японцы, ими уже занят Байкал; с Запада Польша и Германия — занят Ленинград; в Москву прибыло много раненых»⁴⁵.

Любопытны различные мнения о причинах японской агрессии на Дальнем Востоке. Рабочие одного из вологодских заводов рассуждали так: «Япония не иначе как зачинщик войны от всего мирового капитала, которая ищет рынка сбыта не только для себя, но и для всего капитала. Этим конфликтом Япония хочет вызвать на войну и Советский Союз. Сама система капитализма этого требует...» Как бы отвечая им, некий счетовод Тяпин утверждал: «Нашим газетам нельзя верить, т.к. они все говорят ложь и однобоко, т.е. только то, что в их пользу, а остальное умалчивают. Взять хотя бы о событиях в Японии, которая якобы ни за что ни про что вторглась в Китай и захватывает ее части. Между строк все же можно догадаться, что как только в Китае появилась Советская власть, Япония стала враждебно относиться к империалистам [так в документе — А.Г.] и начала их притеснять. По-моему, все делается по указке наших там агентов, которые работают на наши деньги». С этим соглашался и десятник Благовещенский: «возьмите Китай, там китайские коммунисты обострили так отношения, что потребовалось вмешательство целой Японии, которая вынуждена для защиты интересов своих граждан послать целую армию... Часто население подстрекается китайскими коммунистами и, не в обиду будет сказано, при благосклонном участии наших коммунистов, которые лезут в бутылку и может загореться, разразится пожар, а в эту кашу, безусловно, будет втянут наш союз и тогда лишь будет конец»⁴⁶.

В том же, 1932 г., произошло очередное повышение цен на хлеб, и сразу же этому было найдено объяснение: «Струсил японцев, а он ведь не шутит. Весной на нас пойдет, вот для обороны страны все от

нас и отнимают»⁴⁷. Эти слухи, кстати, не были беспочвенными: именно ускоренное создание запасов хлеба на Дальнем Востоке на случай войны с Японией явилось одной из причин страшного голода начала 30-х.

Однако Япония избрала иной, менее опасный для себя вариант, развернув ширококомасштабную агрессию в южном направлении, и на первый план вновь выдвинулась опасность с Запада.

«По-видимому, фашизм растет, Гитлер подвигается к Франции и всех посылает куда следует. Он авторитетно действует на массы... Придет время, что Германия покажет и русским коммунистам, Украину определенно возьмет», — такие высказывания были характерны после 1933 г.⁴⁸

Подписание в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи произвело в общем позитивное впечатление. Но с самого начала даже в положительных откликах сквозило явственное недоверие к возможным союзникам. «Капиталистам Франции сейчас воевать невыгодно и, зная, какую силу представляет Советский Союз, они заключают договор о взаимной помощи... Договор-то хорош, но как бы нас не обманули. Мы-то за них будем заступаться, а они-то за нас, пожалуй, нет», — так откликнулись москвичи на сообщение о заключении договора.

Впрочем, высказывалось не только недоверие к союзнику, но и неверие в подобные союзы вообще. «Факт заключения франко-советского соглашения интересен не как фактор мира. Ведь не задержали войны в 14 г. тройственные соглашения. Не задержит войну и это соглашение. Соглашение интересно как признак того, что военные союзы вновь зарождаются и наступит тот день, когда Советский Союз отбросит мишуру красивых слов о кровавой бойне и призовет нас к последней справедливой войне...» — заявил инженер Московского лампового завода Лошук⁴⁹.

Постепенно отношение к советско-французскому пакту становилось все более скептическим. В марте 1938 г. академик В.И.Вернадский записал в своем дневнике: «Агитаторы в домовых собраниях указывают, что, конечно, договоры есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе»⁵⁰.

По-прежнему одной из главных опасностей будущей войны представлялись экзотические виды оружия, в частности отравляющие газы и биологическое оружие. В декабре 1937 г. некий инструктор-ревизор предостерегал руководство Осоавиахима: «Мы в 1942 г. будем иметь 12000 дегазаторов, а сегодня имеем 6000, это на страну с 200 миллионов жителей, по мысли Правительства — тот костяк тыловой обороны, о который должны разбиться газовые волны фашизма?..» Характерен, однако, предложенный им рецепт — создание «Дегазационного Управления во главе с начальником большевиком», что даст в результате «полное уничтожение в соцбыту капиталистических крыс и мух, пусть фашизм тогда попробует травить нашу пищу бактериями или заражать наш воздух микробами»⁵¹.

Впрочем, предлагались не только средства защиты, но и новые виды вполне наступательного вооружения. Так, некий изобретатель-орденоносец А.Майзель разрабатывал сразу несколько новых видов оружия, большей частью авиационного, например, «воздушную завесу» (истребитель высыпает множество специальных мелких бомб перпендикуляр-

но строю вражеских бомбардировщиков), многопушечный истребитель, «двойную бомбу» (перед основной бомбой на телескопической штанге помещалась малая, которая должна была как бы «разрыхлить» броню, бетон и пр., повышая т.о. эффективность взрыва основной бомбы), «бомбу с рикошетом» (она должна была рикошетировать от поверхности воды, попадая в неприятельские корабли) и, наконец, воздушные противосамолетные торпеды и мины⁵².

Иногда начало войны, хотя бы интуитивно, советские люди представляли себе довольно реалистично – по сравнению, скажем, с некоторыми романами и фильмами тех лет. Так, вспоминая свои предвоенные ощущения, ленинградка И.Д.Зеленская записала летом 1941 г. в блокадном дневнике: «все считали Ленинград обреченным городом, городом на юру, слишком открытым и доступным в силу своего географического положения... Казалось всегда, что первые и самые страшные удары обрушатся именно на Ленинград...»⁵³

Важно подчеркнуть, что в массовом сознании Советский Союз и в эти годы, как правило, выступал обороняющейся стороной. Изменение настроений на самом верш привело к тому, что летом 1941 г. заговорили о необходимости изменения пропаганды, придания ей «наступательного характера». Готовилась очередная кампания, однако развернуть ее попросту не успели.

Война, которую ждали, которая порой описывалась в пропаганде и представлялась во всех подробностях в массовом сознании, оказалась совсем не такой.

Многие предвоенные иллюзии – о наступательном характере войны «малой кровью и на чужой территории», о революционном взрыве на Западе, свойственные прежде всего молодому поколению, оказались ложными. Более скептическое отношение к этим вопросам поколения старшего оказалось и более реалистичным. 22 июня 1941 г. все рассуждения о предстоящей войне потеряли смысл, предвоенная эпоха кончилась, началась Великая Отечественная война.

-
- ¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 77.
 - ² Подробнее о восприятии внешнего мира массовым сознанием см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.
 - ³ Ходнев А.С. «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16-20.
 - ⁴ Подробнее см.: Россия и Запад... С. 53-67.
 - ⁵ Рожков А.Ю. Первая смерть вождя. Болезнь и кончина В.И.Ленина в общественном восприятии // Россия XXI. 1995. № 5-6. С. 131.
 - ⁶ Козлов В.А., Семенова Е.А. Социология детства (обзор социолого-педагогических исследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 48-49.
 - ⁷ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 130.
 - ⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 71.
 - ⁹ Там же. Д. 181. Л. 4 об.
 - ¹⁰ Там же. Д. 187. Л. 20; Д. 188. Л. 1.

- ¹¹ См., в частности: Биографии специалистов, работающих в горнодобывающей промышленности (по материалам архивно-следственного дела) // Архивы Урала. 1995. № 2; 1996. № 1.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 42.
- ¹³ Там же. Л. 114.
- ¹⁴ Там же. Д. 180. Л. 57; Д. 188. Л. 121.
- ¹⁵ Там же. Д. 182. Л. 16 об.; Д. 188. Л. 59.
- ¹⁶ Там же. Д. 180. Л. 75, 57.
- ¹⁷ Там же. Д. 181. Л. 88.
- ¹⁸ Там же. Д. 187. Л. 9.
- ¹⁹ Имеются в виду великие князья Кирилл Владимирович (1876–1938), двоюродный брат Николая II и один из основных претендентов на русский престол после 1917 г., Михаил Александрович (1878–1918), брат Николая II, в пользу которого отрекся Николай в феврале 1917 г., казненный в 1918 г., и двоюродный дядя царя Николай Николаевич (1856–1929), который в годы Первой мировой войны был верховным главнокомандующим.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 122.
- ²¹ Там же. Л. 71.
- ²² Там же. Л. 58.
- ²³ Там же. Д. 180. Л. 108.
- ²⁴ Там же. Д. 189. Л. 85.
- ²⁵ Там же. Л. 71, 106.
- ²⁶ Там же. Д. 180. Л. 103; Д. 188. Л. 40.
- ²⁷ Там же. Д. 188. Л. 72.
- ²⁸ Там же. Д. 189. Л. 106.
- ²⁹ Там же. Д. 180. Л. 108.
- ³⁰ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 154.
- ³¹ Крокодил. 1931. № 3. С. 6.
- ³² Правда. 1925. 22 апреля; Документы внешней политики СССР. Т.8. М., 1963. С. 242–243.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 149, 121.
- ³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 502.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 55.
- ³⁶ Там же. Д. 189. Л. 34, 71.
- ³⁷ Там же. Д. 183. Л. 20 об.
- ³⁸ Там же. Д. 188. Л. 39.
- ³⁹ Там же. Д. 180. Л. 96.
- ⁴⁰ Там же. Д. 189. Л. 114.
- ⁴¹ Там же. Д. 195. Л. 59 об.; Д. 188. Л. 70; Д. 189. Л. 88.
- ⁴² Центральный архив общественных движений г.Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 26.
- ⁴³ Там же. Д. 23. Л. 58 об.
- ⁴⁴ См.: *Haslam J. The Soviet Union & the Threat from the East, 1933-1941. Moscow, Tokyo & the Prelude to the Pacific War. Lnd., 1992. P.145.*
- ⁴⁵ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 162. Л. 41; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. М., 2001. С. 425, 780.
- ⁴⁶ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 174, 175, 191.
- ⁴⁷ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 23. Л. 19.
- ⁴⁸ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 126. Л. 202; ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 308. Л. 359.
- ⁴⁹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 127–129.
- ⁵⁰ *Вернадский В.И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 244.*
- ⁵¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 10. Л. 66 об.
- ⁵² Там же. Д. 19. Л. 134–138.
- ⁵³ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.-5.

ОБРАЗ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ (СОВЕТСКАЯ АНТИЦИПАЦИЯ 1939 ГОДА)

Под *антиципацией* (от латинского *anticipatio* — предвосхищение событий или заранее составленное представление о чем-либо) автор предлагает понимать предвосхищение контуров Будущего посредством идеологии и искусства, отражение «грядущего» в массовом сознании и повседневности. Советская предвоенная антиципация являлась инструментом *прогнозирования* и одновременно его результатом, содержала в себе элементы коммунистической *утопии* как образа идеального мироустройства. В таком виде она обрела статус политически-значимой цели, и стала мотивом массового поведения и содержанием общественных настроений. Настоящая статья — попытка реконструировать советский *пропагандистский* образ *будущей войны*¹ в тех общих чертах, в которых он сложился не без влияния политической элиты и профессиональных военных к 1939 г.

Традиционно противоборству Генеральных штабов предшествовало и сопутствовало соперничество литераторов, которые сводили счеты с вероятными противниками посредством чернил и бумаги. Советская антиципация, приняв вызов зарубежных публицистов и писателей, которые рисовали воображаемую победу над СССР, эксплуатировала жанр военных утопий. Военные утопии, по словам Л.Геллера, имели очень мало общего с научной фантастикой и с художественной литературой². Социалистический реализм в утопии, вызванный опасением «исказить объективную действительность», вытеснил художественный вымысел *моделированием* ближайших событий с эпизодическим вкраплением деталей технического прогресса. Разумеется, существенным фактором был талант того, кто распоряжался творческим методом. Кому-то удавалось обогатить жанр произведениями искусства, кому-то посильной оказалась планка оперативного плаката. Совокупными усилиями советских литераторов, театральных режиссеров и кинематографистов были очерчены контуры *пропагандистского* образа будущей войны, который поэт А.Сурков позже окрестит «конфетной «идеологией»»³.

Советская военная утопия была по преимуществу реалистичной. Будущая война возвещалась как *завтрашний* день, их участники — *подлинными* лицами, противник имел *конкретную* географическую прописку. В своем развитии военная утопия преодолела условность и, в конце концов, поступившись дипломатической корректностью, вывела в качестве врагов Японию и нацистскую Германию. Реализм не препятствовал тому, чтобы антиципация фабриковала привлекательную, лишенную всякой полифоничности модель близкой войны, все составные части которой укладывались в официальную триаду «*малой кровью, могучим ударом, на территории противника*». Последнюю можно назвать базовым методологическим принципом советской антиципации применительно к будущей войне. Тезис о «*могучем ударе*» предполагал, что каждое сражение будущего ведет к сокрушительному поражению врага. Причем, во второй половине 30-х гг.

разработчики мифа о победоносной войне отказались от тезиса о зависимости советской обороны от поддержки зарубежного пролетариата. Отпор Красной Армии признавался самодостаточным. Наступательный тезис «на территории противника» оберегал советскую страну от разрушений и обременительной эвакуации. Тактический и, самое главное, кратковременный успех противника в первые часы войны иногда подчеркивал последующий триумф Красной Армии. Идея *малокровной войны* была весьма основательно развита антиципацией. Во второй половине 30-х годов военная утопия дистанцировалась от живописания летального масштаба будущей фронтовой борьбы. Произведения, появившиеся после романа П.Павленко «На Востоке», завершили расставание с драматическим канонами пьесы В.Вишневского «Последний решительный», в финале которой погибали все персонажи. В Советском Союзе продолжали предупреждать, что будущая война потребует много жертв, однако в знаменателе смутного «много жертв» продолжало числиться привычное «малой кровью». Темы смерти касались эпизодически, ритуально напоминая о реализме военной утопии. Будущая война считалась областью героического. Подвиг утверждал цену человеческой жизни, и антиципация даровала современнику право не думать о смерти или же по мессиански уверовать в то, что смерть одного человека должна сохранить жизнь тысячам другим. Антиципация внедряла в массовое сознание рекомендуемые типы героического поведения на войне, например, авиационный таран или стоическую смерть в исключительных обстоятельствах — в плену. Этика предвоенного поколения, готового страдать в настоящем ради Будущего, предрасполагала к самопожертвованию.

Антиципация подчеркивала *человеческий контраст* между советскими людьми и представителями капиталистического мира. Противник изображался убогим и недальновидным, физически немощным или трусоватым. Человеческая контрастность, помноженная на идейное и нравственное превосходство советского человека, была озвучена в качестве ведущего фактора будущей войны. По отношению к нему современная техника занимала подчиненное значение. Сталинское «золотое перо» Д.Заславский уверял: «При равных арифметических данных самолет с пилотом-коммунистом в несколько раз сильнее, чем самолет с пилотом-фашистом или пилотом-наемником. Политика сидит внутри танков, и она действует даже тогда, когда отказывают бензиновые баки»⁴.

Будущую войну антиципация предусматривала как часть *поступательного движения* советских пятилеток. Пафос *созидания* тридцатых годов дорисовывал лик грядущей войны. Созидательное начало будущей войны популяризировалось наиболее проникновенным автором Э.Генри: «Социалистическая и пацифистская армии ничего не разрушает и не подавляет, но везде появляется как избавитель»⁵. Антиципация опротестовала тотальную войну во имя разрушения и ради истребления. Военная доктрина, как часть советской антиципации, также предписывала Красной Армии руководствоваться пролетарским альтруизмом и щадить своих братьев по классу и гражданское население в целом.

Была также вмонтирована в антиципацию *коминтерновская мифоло-*

гия. Считалось, что будущая война автоматически вызовет противодействие зарубежного пролетариата, ожидающего своего освобождения от капиталистического рабства и готового выступить на защиту своего социалистического отечества. Согласно антиципации, советские политические ценности и пролетарская солидарность были эффективным средством разложения вражеской армии и мобилизации классовых союзников. Коминтерновская мифология определяла будущую войну со стороны СССР как войну революционную. Самый сокровенный смысл грядущей войны состоял в окончательном уничтожении капиталистического окружения, которое привносило в жизнь советских людей столько зла. Война, как и революция, позволяла стереть с политических карт ненужные границы и суммировать народы в единое социалистическое целое.

Жанр военной утопии в Советском Союзе культивировался с благословения Сталина. Идеология позволяла Сталину сконструировать грядущее, пятилетние планы — конкретизировать его контуры, искусство в духе антиципации — сделать будущее заманчивым. Как однажды выразился Сталин, произведения о будущей войне должны быть «полезны для нас и поучительны [*курсив мой — В.Т.*] для противника»⁶. Лично Сталин интуитивно угадывал фальшь книг и фильмов о грядущей войне и, возможно, к большинству из них относился снисходительно. Однако огрехи жанра не отменяли его сверхзадачу. За военными утопиями Сталин закрепил особые функции — педагогическую и мобилизационную. Как однажды выразился Сталин, танки ничего не будут стоить, если души у них будут гнилыми, поэтому производство душ важнее производства танков⁷. Военные утопии должны были морально подготовить современников к будущим испытаниям, воспитать в них все необходимые для войны бойцовские качества. Одновременно жанр утопии напоминал современникам о близости войны и необходимости «держать порох сухим». Жанр военной утопии отчасти отражал степень компетентности Сталина в военных вопросах и некие сталинские константы 30-х годов, о которых можно судить на примере повести Н.Шпанова «Первый удар».

В империалистическую войну Николай Шпанов окончил офицерскую воздухоплавательную школу и продолжил службу в частях действующей армии. С 1918 по 1922 гг. находился в рядах Красной Армии. В 1922-1938 гг. занимал должности заместителя ответственного редактора журналов «Вестник воздушного флота», «Самолет» и «Техника воздушного флота». Несколько раз Шпанов пробовал писать сценарии, но, будучи всякий раз приняты, они не доходили до постановки. Наконец, в феврале 1938 г. на экраны страны вышел художественный фильм «Глубокий рейд», поставленный режиссером П.Малаховым по сценарию Шпанова. Это был своеобразный кинематографический «черновик» повести «Первый удар». Фильм рассказывал о том, как в ответ на вражеское нападение три советских эскадрильи подвергали разрушительной бомбардировке столицу и военно-промышленные центры противника, включая город Форт. Советские самолеты преодолевают линии заградительных аэростатов и бомбардируют засекреченные подземные ангары противника. Командир одного из самолетов, израсходовав боеприпасы,

приказывает экипажу выбраться на парашютах, а сам направляет машину в пролет последнего уцелевшего ангара. Советские сухопутные силы, используя успех авиации, прорывают фронт и наносят поражение вражеской армии. Рецензенты «Правды» и «Кино» отмечали жизненную правдивость «Глубокого рейда» и рекомендовали как можно скорее размножить картину массовым тиражом и выпустить на широкий экран. Радужный прием «Глубокого рейда» подвиг Шпанова переписать киносценарий в повесть «Двенадцать часов войны». Сюжетно она повторяла все основные перипетии фильма. Некий условный, однако узнаваемый как нацистская Германия противник нападает на Советский Союз. Разумеется, сталинские соколы и средства противовоздушной обороны отбивают вражеский налет. Военные действия навсегда переносятся в воздушное пространство противника. Советский воздушный флот наносит сокрушающий ответный удар по вражеским аэродромам и промышленным центрам. Первые двенадцать часов войны делают неизбежным поражение государства-агрессора. Из фильма в повесть переносятся название вражеского города Форт, бомбардируемого советской авиацией, сцены уничтожения неприятельского дирижабля и наземный таран, которым Шпанов закрывал тему смерти советских людей. В таком виде рукопись повести была предложена нескольким издательствам и каждый раз неудачно. Издательство «Советский писатель» готовило «Двенадцать часов войны» к публикации, однако повесть была отклонена Главлитом как «беспомощная в художественном отношении»⁸. Тогда же в «Советском писателе» типографский набор повести был рассыпан. Рукопись была категорически отвергнута Воениздатом, и ее передали Шпанову уже после того, как повесть была опубликована в журнале «Знамя». Всего повесть подвергалась, по подсчетам Шпанова, четырнадцатикратному запрещению⁹.

В ноябре 1938 г. известный писатель В.Вишневский ознакомился с рукописью Шпанова о будущей войне, которой предстояло стать апогеем военной антиципации, воплощением ее канонических принципов. Как ни парадоксально, именно Вишневский, понимавший лживость концепции Шпанова, приложил максимум старания, чтобы опубликовать эту повесть¹⁰, а потом яростно защитить ее, как выразился Е.Долматовский, от «нападок всяких злыдней»¹¹. В случае со Шпановым он руководствовался ощущением ответственности переживаемого международного момента и необходимости постоянного разговора с современниками о предстоящих испытаниях. Актуальность темы, тем не менее, не объясняет в полной мере позицию Вишневского. Следует признать, что ему также не удалось предохраниться от «конфетной» идеологии.

Прочитав «Двенадцать часов войны», Вишневский выговорит автору за явное следование по стопам «фантастико-прогностических романов» зарубежных литераторов (Гельдеса, Фоулер Райта и прочих). Во-вторых, Вишневскому претили условность рукописи и бутафорские географические названия Франкония (Франция), Словения (Чехословакия), Альбиония (Англия), Кировоград вместо Ленинграда. Излишними показались прозрачные намеки о противнике («имперцы»). Дипломатическая корректность по отношению к Германии (и Польше) пока-

залась Вишневному не обязательной после того, как газета «Красная звезда» *впервые* с 1933 г. поместила на своих страницах очерк-фантазию лейтенанта В.Агуреева о налете советской авиации на Варшаву и Берлин¹². После такого официального демарша, считал Вишневецкий, можно было без всяких опасений дешифровать противника в художественном тексте (в результате Шпанов развернул воздушные батальоны над Польшей и Германией). Соответственно Вишневецкий потребовал придать сюжету большую международную и военно-стратегическую достоверность, реализм и конкретность. В третьих, Вишневецкого возмутил рукописный образ врага: «...Немцы даны плакатно, плохо. Вспоминаешь плохую пьесу «Большой день» и т.п.». Авиацией противника, по Шпанову, командовал старичок-кавалерист, имели место обмороки, все вражеские мероприятия имели катастрофические для «обалделого и смятенного» врага последствия. Не обошлось без «конфетных» рекомендаций и комплиментов. Похвалу заслужила картина восстания немецкого пролетариата. Более того, Вишневецкий потребовал, чтобы Шпанов уточнил, каким образом антифашисты могут подействовать советским самолетам в прицельном бомбометании (явно сказывалось влияние очерка-фантазии из «Красной звезды»). В духе пролетарского альтруизма Вишневецкий требовал, чтобы Шпанов был аккуратнее с описанием гибели людей, ради чего предлагал оговорить в тексте поразительную точность советской бомбардировки немецких городов. В конце концов, воображаемая война, видимо, раздражила и самого Вишневецкого, который был увлекающимся человеком: «Наши армии при первом провок[ационном] ударе врага рушат укр[епленные] р[айо]ны Польш[и]. Смелее, шире!». Общее мнение Вишневецкого было благоприятным для Шпанова: рукопись необходимо «срочно чистить, править», профильтровать ее через писателей-оборонщиков, и с учетом замечаний «т. Болтина» направить в печать¹³.

Отзыв «т. Болтина» интересен именно тем, что принадлежал военному специалисту, будущему генерал-майору, который возглавит после войны отдел военной истории в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Евгений Арсеньевич Болтин, тогда еще майор, был незаметным консультантом в литературных и издательских кругах. Образованный, начитанный, он также неравнодушно относился к попыткам заглянуть в ближайшее будущее (уже в чине полковника он вместе с О.Шмидтом, В.Образцовым участвовал в подготовке необычного номера журнала «Техника-молодежи» (1939), посвященного тому, как СССР будет выглядеть в 1942 году). Вновь рецензентом будут отмечены зависимость Шпанова от концепций Дуэ и Гельдерса, недооценка автором сил врага («сплошь герои на нашей стороне и полуидiotы — на стороне противника»), схематичность и неубедительность изображения наземных боев. «Двенадцать часов войны» будут скептически оценены Болтиным: «В целом я считаю, что в настоящем виде роман действительно не может быть напечатан и цензура была права, не пропустив его. Но путем дальнейшей работы, быть может, удастся сделать книгу приемлемой»¹⁴.

Рукопись подверглась переработке и усилиями Вишневецкого была срочно подписана к печати в январский номер журнала «Знамя» (1939)

под названием «Первый удар». Повесть вызвала первоначально сдержанную реакцию прессы. Казалось бы, оправдывались скептические предсказания руководителей Союза советских писателей и редколлегии «Литературной газеты» о незавидной судьбе повести. «Красная звезда» поместила отзыв А.Кривинова (возможно, псевдоним журналиста А.Кривицкого), отражавший позицию центральной военной газеты. Объектом критики были избраны художественные недостатки повести, а не концепция войны. Ни словом Кривинов не возразил против картины двенадцатичасового триумфа советской авиации и разгрома Германии¹⁵. Но вдруг ситуация изменилась. Из Главного политического управления Красной Армии затребовали номера «Знамени». Еще через день из Воениздата позвонили Шпанову и сообщили, что собираются выпустить «Первый удар». Начальник Воениздата отклонил предложение Шпанова переделать в повести недопустимые ошибки: «Мы пускаем ее в набор в том виде, в каком ее опубликовало «Знамя»¹⁶. Как отмечает И.Кремлев-Свен, сдача повести в производство и подписание ее к печати произошло в один день: «С такой сногшибательной быстротой у нас издавались только книги самого Сталина»¹⁷. Всего выйдет пять изданий «Первого удара» (одно из них, наиболее престижное — с предисловием Героя Советского Союза М.Водопьянова). Без учета январской книжки «Знамени» повесть Шпанова напечатают Гослитиздат, Детиздат, «Советский писатель». Двумя изданиями отметится Воениздат. В течение нескольких месяцев 1939 г. повесть «Первый удар», если довериться данным К.Симонова, будет напечатана небывалым для того времени пятисоттысячным тиражом¹⁸. Началась скоординированная хвалебная кампания. Одним майским днем газеты «Правда» и «Красная звезда» откликнулись рецензиями полкового комиссара М.Миронова и батальонного комиссара А.Амелина. Для редакции армейской газеты это была своеобразная «явка с повинной». Спустя месяц ей приходилось дезавуировать статью А.Кривинова. Батальонный комиссар Амелин, входивший в ближайшее окружение заместителя наркома обороны Л.Мехлиса, писал, что Кривинов не сумел по достоинству оценить эту книгу и совершенно необоснованно дал о ней отрицательный отзыв: «Повесть «Первый удар» — глубоко патриотическое и продуманное произведение, которое будет пользоваться у читателей большим и заслуженным успехом». Механически пересказывая сюжет повести, Амелин оптимистично добавил: «Действительность превзойдет фантазию этой повести»¹⁹. Не поскупился на добрые слова полковой комиссар Миронов — будущий генерал-майор, послевоенный начальник управления пропаганды и агитации Главного политического управления Советской армии. «Повесть тов. Шпанова — фантастика, — отмечал М.Миронов, — но она очень реалистична, правдоподобна. В повести нет надуманности. Фантастика богата обобщениями современной действительности. Идет ли речь о людях, о технике или о политике — всюду чувствуешь, что они взяты из живых наблюдений нашего времени, основаны на серьезных знаниях и анализе предмета»²⁰. Директивная рецензия «Книга о будущей войне» за подписью В.Вишневого появилась в главном теоретическом журнале «Большевик». Сверхзадача ее заключалась в

том, чтобы окончательно развеять скептическое отношение к «Первому удару». «Первый удар» противопоставлялся Вишневским сочинениям зарубежных военных теоретиков и беллетристов, под пером которых будущая война приобрела «искаженные очертания» и мрачный колорит: «Советская литература — молодая, здоровая, рожденная в борьбе за умное и светлое, рационально организованное, коммунистическое общество — противопоставляет всем этим мрачным, убойным, пессимистическим произведениям свои идеи, свои образы, своих новых героев»²¹. Николай Шпанов удостоился лестной характеристики писателя, компетентного в сложных перипетиях современной войны. Сентенции о серьезном и опытным противнике в лице фашистской Германии уживались у Вишневского с восторженными оценками «конфеточных» сцен шадящей советской бомбардировки вражеских городов и «будущих актов пролетарских демократических братаний». Можно сказать, что последующие рецензии, появившиеся в центральной и провинциальной прессе, армейской периодике и многотиражках, не во многом разошлись с оценками «Правды», «Большевика» и майского номера «Красной звезды».

Дирижирование критикой и многочисленные переиздания свидетельствовали о высокопоставленной опеке Шпанова. Повесть Шпанова была, как заметил К.Симонов, твердой рукой поддержана сверху²². Первым из исследователей историк Л.М.Спирин установил, что Сталин читал «Первый удар»²³. Можно предположить, что прежде Сталин ознакомился с повестью в ее журнальном издании («Знамя»), после чего назначил для нее режим благоприятствования. В отдельном издании «Первого удара», которое сейчас хранится в фондах РГАСПИ, Сталин оставил заметки карандашом. Его внимание привлекли авторские рассуждения о том, что советские авиаторы добились превосходства над противником в скорости благодаря тому, что смогли уменьшить вес самолетов за счет применения сверхлегких сплавов и установки паротурбинных двигателей (быть может, технические проекты Шпанова заставили диктатора задуматься, ибо не вполне совпадали с ожиданиями Сталина в области авиастроения: «...во время войны все страны будут пользоваться деревянными самолетами — металла ни у кого не хватит», — говорил Сталин в одной из дипломатических бесед в 1938 г.²⁴). Встретив упоминание о предполагаемых скоростных данных советских самолетов в будущем в 1000-1200 км в час, Сталин не поленился перепроверить цифры. На форзаце книги он произвел несложные вычисления, связанные со скоростью звука (333 метра в секунду, согласно Шпанову):

$$\begin{array}{r} \underline{333} \\ 60 \\ \hline 19.980 \end{array} \quad \begin{array}{r} 19 \text{ килом.} \\ \\ \\ \end{array} \quad \begin{array}{r} 20 \text{ килом в мин} \\ \\ \\ \hline 6 \\ \hline 1200 \text{ килом в час} \end{array} \quad ^{25}$$

Краткосрочный триумф «Первого удара» в принципе высвечивает сталинское отношение к повести. Дополнительное свидетельство сохранилось в неопубликованном фрагменте мемуаров И.Кремлева-Свен «В литературном строю»:

«Не берусь настаивать на том, что «Первый удар» был прочитан Сталиным, хотя автору его не раз доверительно сообщали об этом. Нико-

лай Николаевич как-то рассказывал мне, как перед войной, приехав по какому-то литературному делу к одному занимавшему высокий пост генералу, был приятно поражен его рассказом.

По словам генерала, Сталин, у которого он был на приеме, достал из шкафа «Первый удар» и, спросив, читал ли повесть его собеседник, сказал: «Надо, чтобы эту книгу прочитал каждый наш военачальник!»²⁶.

После такой авторитетной рекомендации не кажется маловероятным, что «Первый удар» Шпанова, как указывает Ю.Горьков, изучался в военных учебных заведениях страны как чуть ли не пособие по стратегическому планированию военных действий²⁷. Иными словами, советский диктатор лично способствовал насаждению «конфетной» идеологии среди командного состава.

Успех «Первого удара» был поучительным. Военный историк комбриг Н.Левицкий считал, что опыт Шпанова «должен быть в значительной степени расширен и углублен»²⁸. Над новым произведением о будущей войне задумывается В.Вишневский. В феврале 1939 г. он набрасывает черновик «Заметки о войне (Эскиз будущих событий)». Это была стилизация под блокнотные записи советского летчика — участника войны с нацистской Германией. Для врага как всегда нашелся дежурный уважительный эпитет: «У немцев есть крепкая военная традиция, есть хватка, есть свои методы». Анализ боеспособности врага сводился снова к роли социально-политического фактора: «У немцев повторится старая история: сдаст тыл». Персонаж радовался тому, что Европа не досчиталась уже «кое-каких нелояльных буржуазных правительств». Удар по Берлину с воздуха описывался в восторженных выражениях: «Мы бомбили их среди бела дня с высоты, которая вполне благоприятствовала операции. Использовали и двухтонные и трехтонные бомбы и некоторые новые образцы. О них пока не могу даже писать. Барселонские бомбардировки не годятся и в подметки...». Не обошлось без апологетических рассуждений о прозорливости и военном опыте Сталина: «Он всегда остается на реальной почве, и думается, что он разгадал загадки этой войны раньше, чем наши противники, если они вообще способны их разгадать»²⁹.

Повесть Шпанова приобрела качества эталона и отразилась на творчестве других писателей. В 1939 г. попытался возобновить работу над романом «81 день. То, чего не будет» прозаик И.Кремлев-Свен, многолетний сотрудник журнала «Крокодил», автор запрещенной к тому времени коммунистической утопии «Город энтузиастов». В 1935 г. им были сделаны наброски авантюрного романа о будущей войне Советского Союза против Германии и Польши. Разумеется, Советский Союз не был механически обречен на июньскую трагедию 1941 года и, конечно, в относительно благополучном 35-м году сложно было предвидеть контуры будущей катастрофы. Тем поразительнее совпадения чернового наброска «81 дня. То, чего не будет» с обстоятельствами начального этапа Великой Отечественной. Кремлев-Свен был беспощаден к собственной стране. Первая сводка Генштаба, по воле писателя, сообщала о том, что теснимые «моторизованными войсками противника части К[расной] А[рмии] вынуждены были оставить ранее занимаемые пограничные

районы». Западный фронт, к счастью советской стороны, не был дополнен восточным: «Против ожиданий всего мира Япония не выступила. Правда, на границе Монгольской Народ[ной] Рес[публики] шли непрерыв[ные] вооруж[енные] провокации, но войны не было. Видимо, Япония выжидала». Президент США Рузвельт заявляет о своих симпатиях к жертве фашистской агрессии: «Великий советский народ, — гов[орилось] в обращ[ении] — американская демократия выражает тебе, подверг[нувшись] нап[адению] озвер[евшего] фашизма, самое подлин[ное] сочувствие». Американские добровольческие полки воюют на советском фронте. Рядом с красноармейцами находятся чехи — враги двадцатилетней давности, которые теперь стали союзниками. Германо-польские войска, по замыслу Кремлева-Свен, захватывают Украину и Белоруссию. После упорных боев Красная Армия оставляет Смоленск. Еще в первый день войны Москва подвергается воздушной бомбардировке с применением отравляющих веществ. Возникает паника. Столицу охватывают слухи: «А правители-то сбежали...»; «Каганович-то на Урал вылетел... Всю свиту забрал...»; «А золото из Торгсина загодя вывезли...». Москвичи перестают верить сообщениям газет и радио. Возникает недоверие западными партнерами: «А французы-то сволочи, — сказал кто-то: — крутили, вертели, к нам ездили, а с немцами мы одни...». Вмешательство в 1939 г. Кремлева-Свен в некогда отложенную рукопись, как следует из немногочисленных карандашных вставок, было концептуальным. Писатель решился ослабить драматические коллизии на западном фронте, одновременно превратив конфликт с Германией и Польшей в Азиатско-Европейскую войну («Япония участвовала в войне с первого же дня»). Восьмой месяц войны, упомянутый мимоходом, предполагал, что оккупация Белоруссии противником не удалась, а вражеский налет на Москву почти не вызвал паники³⁰. Однако, фрагментарно-оптимистическое переосмысление будущей войны оказалось недостаточным на фоне повести Шпанова. После триумфа «Первого удара» Кремлев-Свен прекратил работу над «81 днем...»³¹.

Реконструируя советскую антиципацию в части военной утопии, необходимо остановиться на роли профессиональных военных, которые выступали цензорами и консультантами. Работая над романом «На Востоке», П.Павленко признавался, что ему «не ясен ход войны, не ясны технологические процессы будущего сражения»³². Деловые советы можно было получить у представителей Красной Армии. Несовпадение авторских фантазий с представлениями о будущей войне, принятыми в военных кругах, было чревато цензурными ограничениями. Начальник Военно-воздушных сил Я.Алкснис выступил против постановки пьесы М.Булгакова «Адам и Ева», так как по ходу действия пьесы погибало все население Ленинграда. «Большой день» В.Киршона, напротив, соответствовал ожиданиям военных. После премьеры спектакля в Большом драматическом театре имени Горького крупные военные специалисты прошли за кулисы, чтобы выразить свое удовлетворение постановкой. Среди наиболее известных консультантов литературных и кинематографических утопий можно назвать начальника Политуправления Красной

Армии Я. Гамарника, которому П. Павленко хотел было посвятить целую главу в романе «На Востоке», будущего наркома военно-морского флота П. Смирнова («Дорога на Океан» Л. Леонова), маршала А. Егорова («Если завтра война»), участника войны в Испании контр-адмирала Г. Жукова (фильм «Морской ястреб» по сценарию Н. Шпанова «Непобедимый флот» о борьбе с военным пиратством на море). Среди военных появились своего рода «штатные» консультанты: полковник И. Ф. Иванов («Если завтра война», «Эскадрилья №5»), его однофамилец капитан 3-го ранга П. И. Иванов («Четвертый перископ», «Моряки»). Не исключено, что их причастность к военным утопиям привела к полной стерилизации жанра. Так, драматург И. Прут, в прошлом солдат русского экспедиционного корпуса во Франции, бывший буденовец, «почти барон Мюнхгаузен», как его называли друзья, в 1938 г. поставил перед собой задачу показать «основные черты первых часов будущей войны». С одной стороны, Прут искренне верил, что советский народ выиграет войну малой кровью и, конечно же, не потеряет десять миллионов человек. С другой стороны, ему претило измельчение военного потенциала и способностей противника (о спектакле «Большой день» Прут скажет: «Враг в пьесе Киршона не стоит тех двадцати миллиардов, которые мы вкладываем в наш военный бюджет. Этот враг едва стоит купленного в театр билета»³³). Сочетание этих двух, может быть, неравноправных начал, должно было предохранить драматурга от шапкозакидательского сюжета. Отнюдь. Вопреки жизненному опыту и недавним творческим удачам (фильм «Тринадцать»), Прут напишет сценарий «Война начинается» (фильм «Эскадрилья №5»), мало чем отличавшийся от пьесы Киршона «Большой день». Позже Прут вспоминал: «Совершенно естественно, темы фильмов и пьес не придумывались. Они базировались на документах, которые нам предоставляло военное ведомство»³⁴. От военного ведомства, упомянутого Прутом, на помощь к создателям фильма был откомандирован Герой Советского Союза Иван Иванович Евсевьев, незадолго до того вернувшийся из Испании³⁵. Недавний лейтенант, мужественный летчик, он волею событий 1937-1938 гг. будет произведен в комбриги, не имея на тот момент должных знаний и опыта. Разумеется, тогдашний кругозор Евсевьева отразится на творчестве Прута и режиссера А. Роома. По словам И. Гращенковой, «Эскадрилья №5», как и предшествующие картины, легковесно, ложно показывала будущую войну с фашизмом как цепь ничего не стоящих побед, набор вражеских глупостей и череду интересных военных приключений³⁶.

Другой «испанец» Герой Советского Союза комкор Д. Павлов, возглавлявший Автобронетанковое управление Красной Армии, будет консультантом фильма «Танкисты» (1939). Это была очень динамичная, с незамысловатым сюжетом картина о разгроме войск генерала Бюллера, стремившегося раздавить советские войска, как некогда армию Самсонова под Танненбергом. Планы Бюллера путает рейд нескольких отважных советских танкистов, которые делают возможным удар Красной Армии во фланг противника. Теперь уже Бюллер вынужден задуматься над последним поступком генерала Самсонова — самоубийством. Таким

образом, мышление советских кинематографических полководцев было недостижимым, а советские боевые машины — неуязвимыми для противника. Один из рецензентов отметит, что неумный противник в «Танкистах» вызывает раздражение: «...Бои идут без единой жертвы со стороны красных; бензин в наших танках не взрывается даже тогда, когда его поджигают, а танкисты не получают ожогов от огня. Подобная лакировка действительности, преуменьшение силы, знаний и сметливости врага снижает достоинства картины»³⁷. Журнал «Искусство кино» пропишет в адрес фильма: «Враг в картине показан слабым, жалким и беспомощным. Победа отважных танкистов, в действительности обеспеченная их личными боевыми качествами и технической мощью вооружения, в этой картине буквально валится с неба»³⁸. Оценивая настоящий победоносный настрой, Герой Советского Союза летчик-рекордсмен П.Осипенко заметит: «Это прекрасная картина, но там мы все время бьем. Это замечательно, так и надо, чтобы мы били, но и с нашей стороны могут быть потери. Надо, чтобы картины не расхолаживали»³⁹. В свою очередь подконтрольное Павлову издание «Автобронетанковый журнал» увидит недочеты фильма отнюдь не в образе врага, не в прозрачных рецептах победы, а в «примитивном изображении некоторых тактических эпизодов»⁴⁰. Сам Павлов на одном из партийных собраний вскоре после выхода фильма на экран уверял слушателей: «Если вы, товарищи, видели кинофильм «Танкисты», то вы, верно, с большим трудом верили в то, что это засняты обычные будни танкистов, что танки это проделывают в обычной обстановке. Танкисты, выученные, воспитанные в коммунистическом духе, вооруженные великим учением Ленина-Сталина в будущей войне смогут спокойно и по-деловому бить любое фашистское государство»⁴¹. Случай с Павловым в какой-то мере объясняет ошибки многих писателей и кинематографистов, творивших в духе антиципации. Как сказал С.Черток о фильмах о будущей войне, художественное мышление не могло опережать стратегическое⁴².

Для профессиональных военных антиципация была привычной областью приложения знаний, особенно на уровне военных доктрин, теории или штабных игр. Размышление над будущим было свыше очерченной задачей для представителей армии и флота. «Начальнику Генерального штаба нужно работать четыре часа. Остальное время вы должны лежать на диване и думать о будущем» — наставлял Сталин одного из высокопоставленных военных⁴³. В предвоенное десятилетие рамки антиципации оказались расширены за счет жанра военных утопий, который профессиональные военные освоили не только в качестве консультантов и рецензентов. Иногда военные предлагали собственные версии будущих войн. Жанр военных утопий позволял им продемонстрировать, как это не странно звучит, поэзию и гармонию войны, а также выразить в лицах и поступках то, о чем абстрактные положения устава или доктрины умалчивали. Авторам в мундирах казалось важным высказаться по вопросам жизни, смерти, дружбы, подвига и т.д. Например, 29 октября 1938 г. в Московском театре им. Ленинского комсомола состоялась премьера спектакля «Миноносец «Гневный»». Автором пьесы, на-

писанной по заданию ЦК ВЛКСМ, был выпускник Военно-морской академии им. Ворошилова, будущий контр-адмирал Владимир Алексеевич Петровский (известен в литературных кругах под псевдонимом Владимир Кнехт). На сцене разворачивалась история неравного боя советского миноносца «Гневный», который нанес противнику существенный урон и положил почин победоносной и малокровной войне. Уже упоминавшийся фантастический очерк лейтенанта-орденоносца В.Агуреева «Если завтра война», опубликованный в ноябре 1938 г., послужит подспорьем В.Вишневскому и Н.Шланову при доработке «Первого удара». Очерк был посвящен вымышленной воздушной операции по уничтожению подземных авиабаз Берлинского узла обороны. Действия советских бомбардировщиков разворачиваются на фоне масштабного наступления Красной Армии. «В то время, как эскадрильи готовились в этот рейд, — писал Агуреев, — победоносная армия Советского Союза, подавляя сопротивление Польши (начавшей вместе с «третьей империей» восточную авантюру), переправилась через Вислу, стремительно шла на запад, тесня германские дивизии» и т.д., и т.п.

Вскоре после окончания боев на озере Хасан газета «Правда» поместила рассказ летчика Героя Советского Союза Г.Байдукова «Разгром фашистской эскадры» о том, как «Красная Армия ведет напряженную и беспощадную войну со старинным хищником Востока»⁴⁴. Через несколько месяцев Байдуков порадовал читателей очерком-фантазией о будущей войне «Последний прорыв»⁴⁵. В обеих вещах действовал один и тот же герой — Снегов, которого Байдуков из майоров производит в полковники. В рассказе «Разгром фашистской эскадры» авиаотряд Снегова, получившего задание перерезать вражеские коммуникации на море, в штормовую погоду атакует и уничтожает вражескую эскадру: «...На морских просторах океана заблестели зарева взрывов, пожаров, и, наверное, океан содрогнулся от стонов и воплей тонущих десантов вражеской армии». Вопреки приказу Снегова, экипаж поврежденного самолета, который, кстати, не утратил шансы на спасение, пикирует на вражеский крейсер и топит его. Гибель нескольких советских пилотов венчает советский реванш за Цусиму. В очерке «Последний прорыв» советская армия «на второй месяц войны с фашистскими хищниками, углубилась на 950 километров к западу, прижав противника к его последним укреплениям». Чтобы разрушить главный узел обороны противника, советское командование решило использовать трофейный бомбардировщик, загруженный взрывчатыми веществами и оснащенный аппаратурой дистанционного управления. Доставить бомбардировщик к цели вызывается Снегов. Советским летчикам удастся ввести в заблуждение противника и прорваться сквозь линию противовоздушной обороны. Не долетая до крепости, Снегов и его механик выбрасываются на парашютах. С помощью аппаратуры дистанционного управления, установленной на одном из советских истребителей, бомбардировщик направляют на вражеский узел обороны. Гремит чудовищный взрыв, возвестивший о начале наземного штурма. Мимо Снегова «двигаются бесконечные резервы тяжелых танков, механизированных орудий, пехоты. Вверху проносятся

эскадрильи боевых самолетов. Земля и воздух содрогаются от могучей силы, устремляющейся в прорыв последней полосы укреплений фашистов».

Насколько Байдуков был искренен в своих рассказах? На пленуме Московского горкома ВКП(б) 25 апреля 1939 г. Г.Байдуков говорил: «Та война, которая развернется между Советским Союзом и капиталистическим миром, — это будет грандиозная война. У нас все уяснили, что война будет страшная, война будет не на жизнь, а на смерть, война обязательно будет, но в чем она проявится, это не проглядывает ни в печати, ни в кино, ни по радио. Если посмотреть оборонные картины, оборонные произведения, они все-таки не воспитывают наше население»⁴⁶. И, разумеется, сам Байдуков пытался придерживаться критерия «страшной войны не на жизнь, а на смерть», т.е. он писал о будущей войне именно так, как представлял ее. В июне 1939 г. он завершит в соавторстве с литератором Д.Тарасовым работу над сценарием «Разгром фашистской эскадры» (после подписания советско-германского договора о ненападении сценарий будет переименован в «Разгром вражеской эскадры»). В основу киносценария были положены сюжеты обоих очерков 1938 г. Любопытны некоторые детали первой редакции сценария. Советские летчики сбивали в нем вражеские самолеты кавакаси и мессершмиты; в советском плену находились японцы, корейцы и «европейцы». Красноармейцы закрашивали фашистские знаки на трофейных машинах, рисовали красные звезды и «ставили порядковые номера: 2233, 2234 и т.д.». Командующий армией комкор Иванов говорил в телефонном разговоре с Ворошиловым: «Здравствуйте, Климентий Ефремович! Нет... В сводках никакой фантазии... Продвинулись еще километров на 14... Пленных? Много, очень много... Трофеи? Я боюсь, вы не поверите, Климентий Ефремович... Да, мы сами себе не верим... Потери незначительные, но есть, конечно, есть... Отдельно вам об этом доложу». Комкор Иванов ставит задачу летчикам «разгромить эскадру на полпути ценою малых жертв», и последующая операция по уничтожению вражеского флота немногим изменяет отчетную фразу «потери незначительные, но есть, конечно, есть»⁴⁷.

Антиципация, освященная авторитетом военных специалистов, соблазнила сфальсифицированной будущностью не всех, но многих современников. Советский человек, опекаемый пропагандой и карательными инстанциями, в значительной мере утратил к концу 30-х годов возможность критически оценивать действительность и стал более восприимчив к благим обещаниям. В обществе с пониженным порогом инакомыслия и к тому же предрасположенном к *зйдетизму*, реальность была замещена оптимистическим ощущением грядущего. «Конфетный» образ войны, соответствовавший правилу говорить о Будущем в превосходных тонах, отвечал массовым ожиданиям и сложившимся представлениям. «Где-то под кустом, под замшелым пнем расположены подземные чудеса, управляемые кнопками с пульта чудовища, всевидящие, искусно спрятанные перископы, — реконструировал впоследствии собственные заблуждения корреспондент «Вечерней Москвы» В.Рудный. — В те времена об этом легко и бездумно писали авторы полуфантастиче-

ских журнальных рассказов о грядущей войне. Быть может, не я один слепо и увлеченно верил подобному усыпляющему сочинительству о сокрушительных «первых ударах» и сверхукреплениях, разумеется, превосходящих все, что можно было ожидать от известных каждому читателю газет линий Зигфрида и Мажино. Верил потому, что приятнее победу над ненавистным врагом представлять себе легкой и быстрой, чем кровавой и жестокой»⁴⁸. Отсюда та степень доверия к военным утопиям и популярность самого жанра среди советских людей. Например, книга Н.Шпанова «Первый удар», по воспоминаниям поэта Е.Долматовского, была в магазинах и библиотеках нарасхват⁴⁹. Повесть читалась «здорово», «в один присест», «залпом». Герой Советского Союза И.Мошляк, участник боев на озере Хасан, назовет «Первый удар» хорошей книгой⁵⁰. Разумеется, среди читателей «Первого удара» раздавались и противоположные голоса, однако, основываясь на известных читательских откликах, можно предположить, что с 1936—1937 гг. по 1939 г. был катастрофически ослаблен критический подход читателей к жанру военных утопий. Реакция на роман «На Востоке» (1936), в отличие от «Первого удара», была более сдержанной и иногда суровой. Повесть Шпанова в 1939 г. не встретила подобного сопротивления читательской аудитории.

В 1939 г. советская антиципация подверглась проверке локальным конфликтом в Монголии (Халхин-Гол) и польским походом Красной Армии. Четырехмесячное вооруженное противостояние советских и японских войск в Монголии было насыщено изматывающей степной повседневностью и драматическими боями на земле и в воздухе. Именно там начался болезненный процесс отторжения иллюзий участниками событий: «Наши танки хорошо дерутся только в кинокартинах, и другое получается на деле» (военфельдшер саперной роты К.); «Я теперь никогда не поверю, что наши танки давят японские танки. Это абсурд. Вот иногда в кинокартине смотришь, так наши громят японцев, то это все неправда, только так показывают, а на самом деле обманывают народ» (красноармеец Р.); «Когда смотришь кинокартины, то всегда получается, что в наши танки и самолеты противник бьет и не попадает, а вот в действительности японцы сильные и лупят наших на фронте» (старший писарь А.)⁵¹. Японский солдат оказался упорным, умелым и дисциплинированным противником, равнодушным к советской пропаганде и коминтерновским ценностям. Элементом политической наивности будут названы представления о том, что воюющие против Красной Армии солдаты будут обнимать и целовать советских бойцов. Как известно, в первые месяцы конфликта японская сторона завоевала господство в воздухе. Стереотипы «конфетной» войны догорали вместе со сбитыми краснозвездными самолетами, заставляя одних учиться воевать, других, — опустошая и обезволивая. Прежде чем японские войска в районе Халхин-Гола были разгромлены, практически все положения советской антиципации будут опровергнуты фронтовыми буднями. Отчасти в этом сможет убедиться и писатель Н.Шпанов. В район Халхин-Гола он попал в момент, когда советские авиаторы уже на равных сражались против японских асов и постепенно овладели инициативой. Для ветеранов Хал-

хин-Гола Шпанов был, прежде всего, автором шапкозакидательского «Первого удара». В присутствии писателя Герой Советского Союза комкор Я.Смушкевич упрекнул литераторов за постоянные «клюквы», попадающиеся в их «авиационном творчестве», и недвусмысленно улыбнулся в сторону Шпанова⁵². Монгольская командировка видоизменит представления Шпанова о современной войне. В опубликованном очерке «Летчики в бою» (1940) он вынужден будет поднять проблему «вредных иллюзий», а новую большую повесть «Истребители» о боях, шедших в «далеких степях», напишет в довольно реалистичной манере (к сожалению, повесть дошла до читателя лишь в отрывках, а ее верстка будет рассыпана в издательстве «Советский писатель» с началом Великой Отечественной войны, — чтобы «не дразнить» Японию).

В отличие от замолчанной монгольской эпопеи краткосрочная польская кампания была широко разрекламирована в Советском Союзе. Фильмы «Танкисты» и «Если завтра война», сопровождавшие Красную Армию в ее «освободительном» походе, а также принятые в советском обществе ожидания о будущей войне совпали с реальными событиями. Спротивление, оказанное поляками Красной Армией, было пропорционально степени их деморализации германским блицкригом и объяснимой неосведомленности о целях, которые преследовал Советский Союз. Остатки польской армии предпочитали избегать столкновения с советскими войсками и сдавались под явным давлением превосходящих советских войск. Очень скоро тылы советской армии были запружены пленными. Другой особенностью польской кампании был теплый прием Красной Армией местным населением, как правило, национальными меньшинствами. Журналист Е.Кригер подытожил: «...шли вперед в обстановке митингов, летучек, в обстановке чуть ли, лирически скажу, карнавала, потому что были цветы, приветствия и т.д.»⁵³. «Освободительный» поход в Польшу трансформировался из сугубо военного мероприятия в своего рода гуманитарную миссию с коммунальным уклоном. Правда, эта легкая победа была преподнесена обществу в отретушированном виде. Десятки нелепых смертей сопровождали Красную Армию в ее движении на запад: неосторожное обращение с оружием, раздавленные автотранспортом красноармейцы, авто- и авиакатастрофы, паника и вызванная ею беспорядочная перестрелка между красноармейцами и целыми подразделениями и т.д., и т.п. От общественности, по распоряжению руководства, скрыли гибель дважды Героя Советского Союза майора С.Грицевца, который был срочно переправлен накануне «освободительного» похода из Монголии в Белорусский военный округ. Все это осталось «за кадром» советской пропаганды. Кампания была преподнесена как триумфальное шествие Красной Армии, один вид которой обращал врагов в бегство. Фотоаппарат батальонного комиссара А.Амелина, одного из добродушных рецензентов «Первого удара», зафиксировал «лирические» эпизоды кампании: многочисленные трофеи Красной Армии, танковые колонны на польских дорогах, помощь местного населения советским войскам. Сентябрьский опыт засвидетельствовал правомерность принятых ожиданий и усугубил оптимистические

представления о войне.

Таким образом, проверка антиципации реалиями Халхин-Гола и польским походом Красной Армии дала противоположные ответы о степени ее достоверности, что способствовало дальнейшей популяризации искаженных представлений о будущей войне. Даже близкая к апокалипсису по физическим и моральным перегрузкам финская война не заставит политическую элиту кардинально реформировать «конфетные» постулаты антиципации. Советская антиципация имела компенсаторный характер применительно к обществу. Обещаемый властью военный триумф примирял современника с недавним прошлым и текущей действительностью. Будущая победа над внешним врагом оправдывала методы «социалистического» строительства и предметно убеждала в ненаправности жертв и усилий, которыми оно сопровождалось. Ощущение защищенности и уверенности в завтрашнем дне делало культ непогрешимого и прозорливого вождя почти сакральным. Этими популистскими мотивами отчасти объясняется медлительность и малоэффективность психологической и мировоззренческой перестройки советского общества накануне нацистской агрессии. Оттяжка имела катастрофические моральные последствия. Психологический эффект советских военных утопий был отличен от зарубежных аналогов. Зарубежные романисты, максимально обнажая ужасы и бедствия войны, деморализовали читателя. Советская литература и искусство предлагали безопасную и благородную имитацию современной войны. Самообольщение кинематографическими и литературными победами способствовало тому, что рядовые современники, по словам Ольги Берголыц, жили убеждением, что «на земле нет сильнее нашей Красной Армии, что страна наша, огромная и могучая, смахнет любого, кто сунется к нам, как лошадь смахивает хвостом овода»⁵⁴. И как следствие — официальная антиципация, вопреки сталинской установке, оказала колоссальное демобилизующее влияние на советское общество.

¹ Не однажды темы касались в своих мемуарах современники, и мимоходом проблема затрагивалась в капитальных трудах по истории Великой Отечественной войны, советского кинематографа и т.п. По мнению автора, наиболее значительными и плодотворными среди научных работ являются исследование московского историка Н.Ю.Кулешовой (*Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // *Отечественная история.* 2002. № 1; *Она же.* «Не нынче завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // *История России XIX-XX веков: Новые источники понимания.* М., 2001.).

² *Геллер Л.* Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике. London, 1985. С. 77.

³ *Сурков А.А.* Голоса времени. М., 1965. С. 159.

⁴ Красная звезда. 1938. 7 ноября.

⁵ *Генри Э.* Гитлер против СССР. М., 1937. С. 336.

⁶ «Я оказался политическим слепцом». Письма В.М.Киршона И.В.Сталину // *Источник.* 2000. № 1. С. 80.

⁷ *Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932 года) // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 10. Paris, 1990. С. 102.

⁸ *Наджафов Д.Г.* Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М., 1999. С. 141.

- ⁹ ОР РГБ. Ф. 198, 15.31. Л. 2.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 105, 114.
- ¹¹ Долматовский Е.А. Было. Записки поэта. М., 1982. С. 67.
- ¹² Агуреев В. Если завтра война // Красная звезда. 1939. 17 ноября.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 6, 7-8.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-3.
- ¹⁵ Красная звезда. 1939. 21 апреля.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 106.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 111.
- ¹⁸ Симонов К.М. Письма о войне 1943-1979. М., 1990. С. 527.
- ¹⁹ Красная звезда. 1939. 21 мая.
- ²⁰ Правда. 1939. 21 мая.
- ²¹ Большевик. 1939. № 11-12. С. 119.
- ²² Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 291.
- ²³ Спирин Л.М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 99.
- ²⁴ Советско-китайские отношения. Материалы и документы. Т. 4. Кн. 1. М., 2000. С. 249.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 372. (Шпанов Н. Первый удар. М., 1939.).
- ²⁶ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 106-107.
- ²⁷ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 28.
- ²⁸ Литературная газета. 1939. 1 августа.
- ²⁹ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1267. Л. 7, 8-9, 10, 12.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 2. Л. 22-об, 33, 33об, 46, 48-49, 97.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 169. Л. 109.
- ³² Левин Л. П.А.Павленко. М., 1953. С. 127.
- ³³ Афиногенов А. Дневник 1937 года // Современная драматургия. 1993. № 1. С. 242.
- ³⁴ Прут И. Неподдающийся. М., 2000. С. 267.
- ³⁵ Евсеев И.И. На севере Испании // Вместе с патриотами Испании. Киев, 1976.
- ³⁶ Гращенкова И.Н. Абрам Роом. М., 1977. С. 175.
- ³⁷ Правда. 1939. 14 февраля.
- ³⁸ Искусство кино. 1939. № 5. С. 5.
- ³⁹ ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2Б. Л. 155.
- ⁴⁰ Автобронетанковый журнал. 1939. № 4. С. 87.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3003. Л. 67.
- ⁴² Черток С. Стоп-кадры. Очерки о советском кино. London, 1988. С. 161.
- ⁴³ Захаров М. Ученый и воин. М., 1978. С. 87.
- ⁴⁴ Правда. 1938. 19 августа.
- ⁴⁵ Правда. 1938. 6 ноября.
- ⁴⁶ ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2Б. Л. 69-70.
- ⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 1. Д. 11. Л. 34, 39, 41.
- ⁴⁸ Рудный В.А. Действующий флот. М., 1965. С. 17.
- ⁴⁹ Долматовский Е.А. Было. Записки поэта. М., 1982. С. 67.
- ⁵⁰ Литературная газета. 1939. 1 августа.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 250, 273, 275.
- ⁵² Шпанов Н. Летчики в бою // Знамя. 1940. № 1. С. 23.
- ⁵³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 249. Л. 1.
- ⁵⁴ Хренков Д.Т. Встречи с друзьями. Л., 1986. С. 251.

9 ДНЕЙ БОЕВОГО ПУТИ КРАСНОАРМЕЙЦА БУНИНА И ЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОРЯДКАХ В АРМИИ (1941 ГОД)

Изучение событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжает оставаться актуальной задачей российской исторической науки. Рассекречивание недоступных ранее фондов военных архивов позволяет ввести в научный оборот новые материалы о событиях 1941 г. В последние годы в российской историографии сложилось новое историко-антропологическое направление изучения войны, в рамках которого основное внимание уделяется исследованию поведения человека в ходе военных действий во всех его проявлениях¹. Большое значение для этих исследований, наряду с другими источниками, имеют документы политорганов и Особых отделов, отражающие положение в Действующей армии.

Конечно, материалы Особых отделов как исторический источник имеют ряд особенностей. Прежде всего, следует отметить их критичность к описываемым событиям. Нацеленные на выявление и сбор негативных фактов и явлений, Особые отделы выполняли в Действующей армии функцию контрольно-надзирательного аппарата. Поэтому документы Особых отделов в наибольшей степени привлекают внимание именно к негативным явлениям. Вместе с тем, эти документы дают возможность ощутить основные тенденции в восприятии происходивших событий их современниками. Приводимые ниже материалы Особых отделов позволяют показать некоторые проблемы, с которыми столкнулись советские войска в начале войны с Германией.

В начале августа 1941 г. германские войска, прорвав фронт советского Юго-Западного фронта и окружив основные силы 6-й и 12-й советских армий, устремились к Кривому Рогу, Днепропетровску и Запорожью. Стремясь задержать продвижение противника, советское командование выдвигало на фронт ускорено формируемые дивизии. В частности, на подступах к Днепропетровску создавалась Резервная армия (командующий генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов) Южного фронта в составе 9 стрелковых и 3 кавалерийских дивизий. 10 августа на эти слабо вооруженные и плохо обученные войска обрушился удар 1-й танковой группы вермахта. Несмотря на заметное техническое превосходство противника, советские части упорно оборонялись на подступах к Днепропетровску, лишь 25 августа оставив город².

Публикуемый ниже документ дает представление о ходе формирования этих новых советских дивизий и начале боев за Днепропетровск. Это заявление в НКВД красноармейца Бунина Константина Петровича (1910 года рождения), призванного из Днепропетровска, свидетельствует о «вопиющих безобразиях», с которыми ему пришлось столкнуться в армии и которые не позволили эффективно использовать эти вновь сформированные части против наступающего противника. К таким безобразиям автор заявления совершенно справедливо относит необеспеченность солдат вооружением, боеприпасами и питанием, их необученность, измотанность форсирован-

ными маршами, практически полное отсутствие управления со стороны командного состава. Представляется, что заявление красноармейца Бунина дает представление о тех проблемах, которые были в это время характерны для большинства вновь формируемых войск Красной Армии и, видимо, именно этими проблемами в немалой степени объясняются поражения советских войск в августе-сентябре 1941 г.

В своем заявлении, копия которого была 2 октября 1941 г. направлена в Главпур, Бунин сообщал о следующем:

«Я хочу сообщить Вам свои наблюдения за формированием 255-й дивизии, в частности 972-го стрелкового полка, входящего в состав 255-й дивизии.

Мое знакомство с этим полком произошло в следующих условиях. 8-10 августа, когда Днепропетровск находился уже в состоянии паники, я, наряду с другими мужчинами, имеющими возраст от 16 до 50 лет, был мобилизован Октябрьским райвоенкоматом гор. Днепропетровска.

10-11 августа все мобилизованные были распределены по трем командам 255, 273 и 230. Номера этих команд, очевидно, соответствовали номерам дивизий, к которым эти команды были, в конце концов, прикреплены.

10 или 11 августа наша команда (№ 255) была отправлена пешком в Павлоград. В Павлоград команда прибыла 13 или 14 августа. В момент прибытия было произведено распределение пришедших людей между полками 255-й дивизии. Я, наряду с 25-30 днепрпетровцами, был определен в 972-й полк.

Поскольку большинство из нас никакой военной специальности не имели и принадлежали к категории рядовых-необученных, мы были зачислены в стрелковые роты.

Я, профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой литейного производства Днепропетровского металлургического института, был определен в 4-ю стрелковую роту 2-го батальона 972-го полка бойцом.

972-й полк, в частности, моя рота была составлена в основном из колхозников Винницкой области. К этим колхозникам были добавлены горожане, по 3-4 человека на роту.

подавляющее большинство бойцов не имели современной боевой подготовки, не знали винтовки. В частности, я также никогда не стрелял, оружия не знаю и надеялся, что нам дадут возможность хотя бы ускоренно несколько подготовиться.

В днепрпетровских военкоматах на наши вопросы о нашей судьбе, на наши просьбы хотя бы немного подучить нас, нам отвечали, что возможность боевой подготовки нам будет предоставлена и необученных нас в бой не поведут.

После нашего прибытия в Павлоград выяснилось, что 972-й полк в этот же день должен отправиться в Днепропетровск и занять оборону города Днепропетровска.

14 или 15 августа наш полк пешком направился в Днепропетровск, таким образом, надежды на подготовку, на учебу в Павлограде не оправдались.

Путем бесед с бойцами 972-го полка я установил следующее. Многие бойцы, выделенные минометчиками, минометов не знают, ни одного выстрела из минометов не произвели (в частности, такое положение было во 2-м взводе, к которому принадлежал я). Большинство бойцов, имеющих гранаты, обращаться с ними не могло, и ни одного броска гранаты во время формирования полка не произведено. Многие бойцы не знали устройства винтовки и только отдельным из них удалось в Павлограде, еще до приезда днепрпетровцев, произвести 2-3 выстрела.

Средний комсостав, составленный в основном из окончивших месяц назад, в июне-июле 1941 г., Краснодарское стрелковое училище 20-22-летних юношей, не смог организовать учебы даже в те немногие дни, которые были в распоряжении части бойцов, прибывших в полк в начале формирования. На многочисленные требования бойцов в отношении подготовки командование часто отвечало так: «...стрелять научитесь в бою. Когда немцы будут стрелять в Вас, Вы не захотите, чтобы Вас застрелили и будете отстреливаться. Вот тогда и научитесь...»

Весть об отправке на фронт была встречена бойцами мрачно.

Основным содержанием бесед между бойцами, бесед, возникающих при каждом удобном случае, было то, что они идут в качестве пушечного мяса, идут как скот на убой, идут против сильного врага совершенно необученными, неспособными оказать сопротивление.

Я не допускал мысли, что нас могут отправить на фронт необученными, и успокаивал их тем, что учеба будет организована, вероятно, по дороге и тогда, когда мы будем занимать оборону.

Одновременно с этим между бойцами велись и такие разговоры, что нужно при первом случае сдаваться в плен, что сообщения печати о зверствах немцев над пленными преувеличены, что пленные винницкие жители будут отпущены по селам и будут работать на полях по уборке урожая и по подготовке к севу. Эти разговоры велись сначала осторожно, причем колхозники при таких беседах остерегались меня, поскольку я был городским человеком.

Одновременно с этим, среди бойцов велись и разговоры против командиров. Командиры, по существу, еще мальчишки, только что сошедшие со школьной скамьи, не сумели установить хороший контакт с бойцами, в основной своей массе 40-45-50-летними колхозниками. Командиры сами испугались перспективы посылки на фронт необученных людей, растерялись и стали на путь угроз расстрелом, грубых окриков. Отсутствие контакта, спайки, любви между командирами и бойцами так же мешало организации учебы.

14 или 15 августа полк выступил в поход.

Выступая в поход, полк не был до конца снабжен всем необходимым. У многих бойцов не было патронов. Почти у половины бойцов не было лопат. У меня было 2 запала к гранатам, но гранат не было. Почти у всех не было поясов. Командиры имели кобуры для наганов, но наганов не имели. По дороге происходило дообмундирование, но оно не было доведено до конца. В частности, я остался без гранат со своими

двумя бесполезными запалами, а командиры взводов не получили ни одного патрона для выданных им наганов.

Полк всю дорогу не имел кухни, не имел он ее и на фронте.

Как проходил поход в Днепрпетровск.

Переход происходил в нечеловеческих, по моим представлениям, условиях. Подавляющее большинство бойцов шло в непригнутой обуви, а часть вообще шла без обуви, так как в Павлограде не было достаточного количества обуви больших номеров.

Переход совершался в напряженном темпе, без длительных привалов, без сна. Даже из колхозников, людей более закаленных, чем горожане, только часть дошла собственными ногами. Почти у всех бойцов, а особенно у горожан, были поражены ноги.

Трудности перехода были усилены вредительской системой питания бойцов. Все дни перехода бойцам выдавали, несмотря на жаркую погоду, селедку и рыбные соленые консервы и сухари. Я плохо разбираюсь в медицине, но, по моему, такое питание может только вывести бойцов из строя, заставляя их пить воду из любого источника, пить воду даже гнилую, болотную, что и было в действительности.

Командиры взводов также, по-моему, неправильно относились к отдельным бойцам, старикам, отставшим в пути. Я был свидетелем того, как командир 2-го взвода 4-й роты 3-4 раза угрожал отставшим старикам пристрелить их, если они не подтянутся.

В конце концов наш полк перешел мост через Днепр, прошел через Днепрпетровск и Запорожским шоссе удалился от города на 10-11 километров, приблизившись к реке Суре и селению, расположенному на этой реке вдоль Запорожского шоссе. Название этого села я забыл. К концу этого перехода наш полк был в конец измотан и, кроме того, он расположился на возвышенности, на которой отсутствовала вода.

Нам было приказано окопаться и было указано, что за нами наблюдает противник, так как мы заняли первую линию обороны. Окапываться никто не умел, так как этому искусству бойцов никто не учил.

Настроение бойцов было исключительно подавленным, так как все до последней минуты рассчитывали, что полк не введут в бой вследствие его неподготовленности. При получении приказа о самоокапывании некоторые бойцы потеряли сознание и забились в припадке. Один припадочный был и в нашем взводе. Он был вынесен нашими бойцами к обозу, а затем был оставлен обозом при его отходе на шоссе. Какова дальнейшая судьба его, не знаю.

Позиция, которую занял наш 2-й батальон, была невыгодной. Мы занимали полосу вдоль Запорожского шоссе по склону возвышенности, причем этот склон был совершенно голым. Все наши взводы были как на ладони у немцев, расположившихся в селах и в лесу. В первый раз мы окопались на участке, засеянном люцерной (кажется, люцерит). Слегка углубившись в землю, почти все бойцы уснули, так как трудный переход давал о себе знать. Во второй половине дня 18 августа начался обстрел наших позиций, причем основной удар немцев производился не

по нашему батальону (Запорожское шоссе), а значительно правее, в районе Мерефо-Херсонской железной дороги и Криворожского шоссе.

Мы получили приказ отступить метров на 300 и окопаться на более выгодном участке, на поле со скошенной и уложенной в скирды пшеницей. Здесь мы находились до вечера, находясь под сравнительно слабым обстрелом, и имели возможность наблюдать за событиями, разворачивающимися правее нас. Вечером произошла какая-то путанная история, совсем дезориентировавшая и запутавшаяся бойцов.

Когда совсем стемнело и мы вылезли из ям, нашего командира взвода не оказалось. Он большую часть дня, оказывается, был вдали от взвода. К нашему взводу справа подбежало 7 бойцов из соседнего нам, расположенного справа 1-го батальона. Эти 7 бойцов рассказали, что 1-й батальон в результате наступления немцев был полностью разгромлен. Он был окружен несколькими танками, из которых были высажены немецкие мотоциклисты. Из всего батальона удалось спастись 15-20 человекам, а остальные были убиты огнем из автоматов мотоциклистов и взяты в плен. Основная масса бойцов оказалась в плену, так как люди, не подготовленные к бою, засыпавшие на ходу, не сумели оказать даже малейшего сопротивления танкам и мотоциклистам-автоматчикам.

Мы не знали, что нам делать, так как командир взвода отсутствовал. Через некоторое время появился наш командир, совершенно расстроенный. По его заявлению, он не сумел найти свое командование и поэтому не знает, что предпринять. Было решено отходить назад. Когда мы стали подходить к Запорожскому шоссе в том месте, где оно пересекается дорогой на село Красный Ямбург, по нашей толпе (мы шли толпой, так как уже было темно) из посадки вдоль шоссе кто-то застрочил из пулемета, на расстоянии всего лишь 20-40 метров, наш взвод побежал в панике в рассыпную. Оказалось, что пулеметным огнем нас встретил наш же 2-й батальон. Известие о том, что 1-й батальон был разгромлен, командование нашего батальона и другие роты получили раньше, чем мы.

Они, забыв о нашем взводе, решили уйти, перешли через Запорожское шоссе и заняли дорогу в Красный Ямбург. В месте пересечения этих дорог стояла охрана, которая, приняв нас за немцев, открыла по нас пулеметный огонь.

В конце концов, опознав своих, нас пропустили на дорогу в Красный Ямбург и бойцы получили возможность поспать в кукурузе. Командир батальона решил поступить таким путем. Всю ночь вести наблюдение за шоссе и при появлении немецких танков прорываться батальоном к городу со стороны Днепра вдоль шоссе.

Я, командир 2-го взвода и помощник командира взвода были выделены в заставы и всю ночь с 18 на 19 августа мы пролежали у шоссе, наблюдая за движением по нему.

Утром 19 августа наш взвод вновь занял оборону. На этот раз наш батальон с самого утра подвергся интенсивному обстрелу, длившемуся до позднего вечера. Особенно интенсивным был минометный обстрел. Несмотря на артиллерийский, пулеметный и минометный огонь,

почти все бойцы моего взвода первую часть дня спали непробудным сном. До 11 часов дня я и командир взвода находились в одной яме и так же, как бойцы, спали, несмотря на то, что наш участок засыпался минометным огнем. Вторую часть дня, после сна, я провел в окопе минометчиков нашего взвода. Командир взвода всю вторую часть дня отсутствовал, и весь взвод, лишенный всякого управления, просто беспомощно отлеживался без пищи и воды в окопах под огнем немцев.

Неподготовленность бойцов к бою привела к тому, что минометчики нашего взводного миномета, с которыми я находился в одном окопе, имея 14 мин, не произвели ни одного выстрела, тогда как сами засыпались немецкими минами.

Я ничем не мог помочь им, так как в первый раз столкнулся с минометом на близкой дистанции только здесь, в окопах.

По заявлению минометчиков, командир взвода обещал им показать миномет несколько раз, но так и не успел это сделать. По-моему, командир и сам как следует не знал миномета. К этому выводу я прихожу потому, что командир взвода, несколько раз обещавший мне показать снайперскую десятизарядную винтовку, бывшую у меня, также не сумел этого сделать. Когда-то была возможность разобрать винтовку (кажется, вечером в Нижнеднепровске, где мы ожидали наступления ночи для перехода через мост), командир взвода начал ее разбирать, но так и не разобрал. Не сумел. Таким образом, снайперская десятизарядная винтовка, которая была у меня в руках, осталась мне неизвестной. Я не успел узнать ее устройство как следует, не знаю и сейчас, как из нее стрелять.

К концу дня (19 августа) я был ранен и полковой санитарной частью был вывезен в Нижнеднепровск, откуда санитарным поездом был доставлен в Сочи, где и нахожусь сейчас в госпитале № 1 санатория УСМК.

Какая дальнейшая судьба моего полка, моей роты, я не знаю. Для меня несомненно одно, что неподготовленные, не знающие оружия люди были истреблены и оказать сопротивление врагу не сумели. Утомленные дорогой, голодные, жаждущие воды, необученные люди, прямо с марша посланные в оборону, или просто засыпали под огнем, или или в плен, как беспомощные дети. У многих бойцов, между прочим, не было даже патронов.

Из моих наблюдений можно сделать следующие выводы:

Тот метод организации новых соединений из мобилизованных прифронтовых областей, который был принят в Днепропетровске, граничит с вредительством. Драгоценные человеческие резервы, которые могли быть после необходимой, пусть короткой подготовки с пользой выставлены против немцев, совершенно без пользы посылаются на истребление.

Организация нашего полка была проведена в таких условиях, что бойцы и командиры, выходя на фронт, не были снабжены всем необходимым для борьбы и были доведены до такого состояния, что в момент соприкосновения с врагом представляли собою толпу беспомощных людей, лишенных всякого руководства. Людей, лежащих около своего оружия и не умеющих им пользоваться. Эта беспомощность характерна не только для стрелковой роты, в которой я находился, она была

характерна и нашей полковой артиллерии, несколько батарей которой расположилось в нескольких десятках метров от моей роты. Эти батареи на моих глазах были разгромлены артиллерийским огнем и огнем с воздуха уже после первых выстрелов.

Мне, рядовому пехотинцу, находившемуся в одном небольшом подразделении, трудно оценить ошибки обороны Днепрпетровска в целом. По тем сведениям, которые я получил от днепрпетровцев, также находившихся в 972-м полку, можно заключить, что в других подразделениях наблюдалась аналогичная картина.

Беседа с днепрпетровскими коммунистами помогла бы НКВД получить общее представление об организации обороны Днепрпетровска силами новых сформировавшихся в августе соединений.

Аналогичные многочисленные жалобы на вредительское использование резервов я услышал уже здесь в санатории.

В частности, интересные данные могут быть сообщены танкистом Козлюковым и коммунистами Рязанцевым и Шевченко Рихтером.

Беседы с ранеными бойцами помогли бы выяснению и ликвидации вопиющих безобразий на отдельных участках в организации обороны от фашизма»³.

Таковы впечатления Бунина о его небольшом военном опыте. Написанный образованным невоенным человеком документ показывает не только характерные для тогдашних новых воинских формирований недостатки, но и любопытные нюансы взаимоотношений представителей разных социальных слоев советского общества, оказавшихся в армии. Прежде всего, это настороженное отношение колхозников к горожанам, что, безусловно, являлось результатом бурных изменений жизни на селе на рубеже 1920—1930-х годов, когда горожанин оказывался более близким к властям, зачастую выступая в той или иной мере в качестве агента власти.

Верно подметил автор заявления и наличие известных и по другим источникам настроений относительно готовности к сдаче в плен. Вообще, как показывают материалы Особых отделов, эти настроения летом-осенью 1941 г. были распространены довольно широко. Видимо, они порождались как стремлением избежать участия в войне в силу присутствующего каждому человеку страха смерти, так и тем, что вместо боевой, в том числе и психологической подготовки, резервистов сразу же бросали бой с результатами, описанными в заявлении Бунина. Конечно, это не означает, что в массе своей советские солдаты мечтали сдаться в плен, но в ситуации лета-осени 1941 г., когда шок от перехода от мирной жизни к военному быту и от поражений на фронтах стал питательной средой таких настроений, неустойчивый солдат видел выход из ситуации в сдаче в плен или в дезертирстве. Не случайно, что до 20 декабря 1941 г. заградительными отрядами Красной Армии было задержано 638112 чел., по той или иной причине «потерявших» свои части (из них 82865 чел. были арестованы, а 555247 отправлены в войска)⁴. За тот же период германские войска взяли в плен 3890398 чел.⁵. Совершенно очевидно, что это результат неустойчивости советских войск, порождавшейся в том числе

и вышеуказанными настроениями, что, конечно же, затрудняло организацию обороны и боевые действия Красной Армии.

Так, например, по сообщению Особого отдела Южного фронта от 27 августа, в ходе завершающих боев за Днепропетровск произошло следующее:

«При оставлении нашими частями города Днепропетровска осталась невзорванной одна плавучая переправа (из деревянных плотов), по которой противник стал переходить вслед за нашими частями на левый берег.

В течение 26 и 27 августа противник продолжал накапливать и переправлять свои силы, используя для этого, кроме плавучей переправы, моторные лодки.

Командир 275-й стрелковой дивизии донес, что его части видели на левом берегу танки противника.

Неоднократные атаки, предпринятые нашими частями в течение ночи 26 и дня 27 августа, результатов не дали.

Командование крайне медленно сосредоточивает силы для контр-удара, а действующие на этом участке артиллерийские училища и 275-я стрелковая дивизия имеют плохое взаимодействие между собой. В частях, находящихся в районе Днепропетровска, царит распушенность, командиры почти не руководят своими подразделениями⁶. Попытки советских войск отбросить противника за Днепр, несмотря на неоднократные атаки в течение почти трех недель, не удались⁷.

Схожая ситуация буквально в то же время имела место и севернее Киева, где войска 5-й армии Юго-Западного фронта отводились за Днепр:

«28 августа 1941 г. Особым отделом НКВД Юго-Западного фронта арестованы заместитель командира 16-го стрелкового полка майор Володарский и командир саперной роты 239-го отдельного саперного батальона 27-го стрелкового корпуса лейтенант Тацюк.

Володарский, будучи назначен приказом командира 27-го стрелкового корпуса начальником переправы через Днепр у села Окуниново и получив задание организовать оборону и своевременно уничтожить переправу, к исполнению данного указания отнесся преступно халатно.

Имея в своем распоряжении достаточно средств, не организовал оборону переправы и не объединил единым руководством подразделения, находившиеся на правом берегу р. Днепра.

23 августа Володарский, несмотря на полученное им сообщение о возможности появления противника, никаких мер для отражения его не принял, продолжая оставаться на левом берегу Днепра на расстоянии 5 км от передней линии обороны.

При появлении немцев, находившиеся на правом берегу разрозненные подразделения, не произведя ни одного выстрела, в панике бежали, дав возможность противнику беспрепятственно подойти к мосту.

Володарский и Тацюк, отвечавшие за своевременное уничтожение переправы, проявили предательскую трусость.

Имея в своем распоряжении в достаточном количестве взрывчатых веществ, не использовали их для уничтожения моста даже тогда, когда части противника начали продвижение по мосту.

В результате этого немцы, захватив переправу, свободно проникли на восточный берег Днепра и зашли в тыл частей Красной Армии.

Поставив своей преступной бездеятельностью под удар целый участок фронта, Володарский и Тацюк в течение 14 часов укрывались в кустах и никому не донесли о создавшемся положении, хотя имели для этого все возможности.

Володарский и Тацюк преданы суду Военного трибунала⁸.

Столь неудачная ситуация у переправы Окуниново сложилась в результате плохо организованного отвода на новые рубежи войск, подчиненных разным штабам. Из-за одновременного отвода войск 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса между ними образовалась брешь, в которую 22 августа двинулась обнаружившая их отвод 11-я танковая дивизия вермахта. Сбивая слабые заслоны советских войск, немецкие танки по дороге вдоль р. Тетерев во второй половине дня 23 августа вышли к мосту у Окуниново (длина 2500 м, грузоподъемность 16 тонн). Переправу обороняла рота 56-го полка НКВД, один отдельный зенитный артдивизион (9 орудий без бронебойных снарядов), подразделения 16-го стрелкового полка, 4-й понтонный и 239-й отдельный саперный батальоны. Хотя сам мост и подходы к нему были заминированы, взорвать его можно было по особому приказу.

Как свидетельствовал несколько позднее начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта полковник И.Х.Баграмян, «по досадно сложившимся обстоятельствам мост не удалось взорвать, хотя к взрыву все было заблаговременно подготовлено. Командир саперного подразделения имел прямую телефонную и телеграфную связь со штабом фронта. Когда показались фашистские танки, он вызвал меня по телефону и только начал докладывать, линия прервалась. Тут же удалось связаться с ним по аппарату Морзе. Но и на этот раз телеграфист не успел отстучать распоряжение на взрыв — линия внезапно вышла из строя. Мост так и не был взорван...»⁹. В 18 часов 23 августа противник захватил мост и, переправив по нему части 11-й танковой и 111-й пехотной дивизий, стал развивать наступление на Остер.

Для разрушения моста у Окуниново советское командование бросило корабли Пинской военной флотилии и бомбардировщики, которые в итоге смогли разбомбить его. Мост у Остера через Десну также был 24 августа взорван, но между Днепром и Десной противник захватил плацдарм глубиной до 60 км, на который перебрасывал подкрепления на лодках. В результате левый фланг 5-й советской армии был отрезан от правого фланга 37-й армии, оборонявшей Киев. В ходе контрударов 25-28 августа советские войска смогли отбросить противника к Окунинову, но полностью ликвидировать плацдарм не удалось. Уже 28 сентября германские части начали продвигаться вдоль Днепра на север, что наряду с наступлением 2-й германской армии с севера ставило советскую 5-ю армию под угрозу окружения¹⁰.

Совершенно очевидно, что основные причины подобных трагических неудач крылись, как принято теперь говорить, в человеческом факторе: невыполнение приказа непосредственными исполнителями срыва-

ло любые планы. В результате оказалось, что река Днепр, которая могла бы послужить важным оборонительным рубежом, была преодолена германскими войсками буквально на плечах отступавших советских войск.

Вместо с тем, следует помнить, что в целом советское население полностью поддерживало власти в организации обороны, и готовность к защите Родины у подавляющей массы населения Советского Союза не вызывает никаких сомнений. Как только удалось стабилизировать обстановку на фронте, а тем более перейти в наступление, подрывающие «пленостойчивость» войск настроения значительно сократились, хотя, конечно, не исчезли совсем¹¹. Именно поэтому советское руководство предпринимало столь жесткие меры по пресечению подобных настроений.

Таким образом, наряду с материалами политорганов, документы Особых отделов позволяют показать с одной стороны, человека на войне, а с другой стороны, — те проблемы, с которыми столкнулась Красная Армия в начале войны с Германией.

¹ См. например: Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

² Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 225; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 103; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Киев, 1975. Т. 1. С. 204; Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. Киев, 1991. С. 328–332.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 103. Л. 140–146.

⁴ Там же. Л. 391–392.

⁵ Schustereit H. Vabanque: Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Bonn, 1988. S. 73.

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 101. Л. 49.

⁷ Лето 1941. Украина. С. 334–338.

⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 101. Л. 156–157.

⁹ Цит. по: Владимирский А.В. На киевском направлении: По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне–сентябре 1941 г. М., 1989. С. 229.

¹⁰ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. С. 105; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 189–190; Киевский Краснознаменный. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа (1919–1979). Киев, 1979. С. 203–204; Владимирский А.В. Указ. соч. М., 1989. С. 228–232, 245–248; Лето 1941. Украина. С. 260–266.

¹¹ Артамонов В.А. Боевой дух русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М., 2002. С. 143–145.

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ОЩУЩЕНИЯХ, ОБРАЗАХ И ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ

Е. С. Сенявская

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Любая война происходит во времени и пространстве, имеющих свои природные и социальные характеристики.

Пространство характеризуется протяженностью, физико-географическими средами (земная, водная, воздушная среда), природно-климатическими зонами (от тропиков до полярного круга), ландшафтом (равнины, горы, леса, пустыни, степи, моря и реки и т.д.). Каждая среда также имеет свои характеристики. Например, воздушная — высоты, водная — глубины, и т.д. Но есть и социальные характеристики пространства. Например, государственные границы — политическое пространство, сферы интересов и влияния — геополитическое, размещение населенных пунктов — экзистенциальное, и т.д.

Природные характеристики времени — длительность, годовая и суточная цикличность. Накладываясь на природно-географические зоны, время приобретает дополнительные характеристики (смена времен года, местных климатических параметров: температура, влажность, продолжительность светового дня, осадки и т.д.).

Структурирование пространства и времени, система их измерений — это уже социальные характеристики. Например, измерение в километрах или милях, христианское, мусульманское или буддистское летоисчисление, солнечные или лунные календари и др.

Абсолютное большинство этих природных и социальных характеристик времени и пространства так или иначе, как правило, весьма существенно влияет на ведение войн.

Война — это явление социальное, но разворачивающееся в природной среде. В определенном смысле ее можно рассматривать как противостояние социальной энергии политических субъектов: в пространстве и времени перемещаются войсковые массы, техника, сокрушаются линии обороны, разрушаются военные объекты и населенные пункты воюющих сторон, отдаются и занимаются территории. Однако нас интересуют иные, психологические характеристики времени и пространства.

Существует время объективное и время субъективное. Субъективное время измеряется не часами, минутами и секундами, а количеством событий, заполнивших его. Война — это особый период в существовании не только любого государства и общества, но и в жизни отдельных людей. **Время на войне** течет по особым законам. Это экстремальное время, на грани жизни и смерти. А любое пограничное состояние вызывает обостренное субъективное восприятие окружающего мира. Вместе с тем, нет непроходимой грани между социальным и личностно-психологическим временем: социальное складывается из индивидуального. Например, социальная оценка, особенность, ценность военного времени фиксируется и сознанием конкретных людей, и обществом. Не случайно «спрессованность» времени в Великой Отечественной войне как особо значимого, социально ценного в биографиях ее участников позднее фиксировалась государством в различных нормативных актах, включая исчисление стажа военной службы (на переднем крае — «год за три»).

Еще один аспект: Великая Отечественная война оказывалась новой точкой отсчета, иной системой координат, фиксирующей «раскол времени», особый отрезок жизни и страны в целом, и отдельных людей. При этом в качестве «разделительной черты» выступала конкретная дата — 22 июня 1941 г. Вот как написал об этом К.Симонов:

*«Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы...»¹*

И действительно, значимость военного времени для конкретного человека отражалась не только в его субъективном восприятии, но и в реальной биографии — как время ускоренного взросления (для молодежи), приобретения важного, хотя и специфического опыта, радикального изменения судьбы. «Война быстро сделала нас взрослыми. Многие из нас и юности не узнали: сразу взрослость»² — писал в 1944 г. с фронта старший лейтенант Борис Кровицкий. Такое же наблюдение мы находим в военных записках К.Симонова: «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Понятие «повзрослеть» мы обращаем обычно к детству и юности; предполагается, что именно там человек может за год, за два настолько перемениться, что о нем говорят «повзрослел», имея в виду духовную сторону этого понятия. На войне, однако, с ее бесчеловечно, жестоко спрессованным временем вполне уже зрелые по возрасту люди взрослеют не только за год, но и за месяц, и даже за один бой»³. И еще: «Время на войне течет по особым законам. У меня ощущение, что оно было как-то чудовищно спрессовано... За две недели войны я почувствовал, что повзрослел, постарел сразу на несколько лет. По мо-

им наблюдениям, так было со всеми...»⁴. Молодые люди, которым пришлось пройти через войну, всегда чувствовали себя старше и взрослее своих невоевавших ровесников. Вспомним в этой связи название известного фильма «В бой идут одни «старики»».

Психологическое время всегда субъективно. Восприятие времени зависит от личностных характеристик: возраста (юные и зрелые), пола (мужчины и женщины), семейного положения (холостяки, женатые, отцы семейств), образования и культуры, биографии (личностной истории), жизненного опыта (вступающие в жизнь и уже пожившие). Экстремальная ситуация войны резко усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на «экзистенциальный рубеж» между жизнью и смертью. Проблема личностного бытия, существования человека, от которой в обычных условиях отмахиваются, редко задумываются, на войне встает во всей практической значимости, поскольку возможность насильственной смерти, вероятность «исчезнуть без следа» оказывается крайне высокой. Поэтому восприятие личностного времени как «вместительности жизни» становится обостренным, о времени задумываются — «Сколько еще осталось?», «Как его использовать?» — при крайне ограниченных возможностях распорядиться собой. Возникает потребность успеть что-то сделать, прочувствовать, сказать, написать письмо, и т.д. Время на войне приобретает принципиально иную ценность.

«Мне уже двадцать. Вспоминаю школьные годы. Университет. Почему-то утверждается чувство, что не смог я взять всего, что следовало, от этих быстро, очень быстро промчавшихся двадцати лет. Уже два года воюем. Втянулись. Никто не жалуется... Твердо убежден, что после войны мы снова заживем кипучей, счастливой жизнью. Хорошо бы и мне до этой жизни дожить. Встретиться с матерью, отцом, братом...»⁵ — записал 14 апреля 1943 г. в своем фронтовом дневнике сержант Адольф Павленко. Он погиб через полгода, 14 октября 1943 г. на Калининском фронте.

В ходе самой войны «личностное время» чрезвычайно сильно зависит от ситуации, места и условий, в которых оказывается человек, прежде всего от степени близости к самой войне (на фронте и в тылу; на передовой и во втором эшелоне; до боевого крещения и после; перед боем, в бою и после боя; в наступлении, обороне и отступлении; в госпитале, на переформировании; и т.д.). Экзистенциальность восприятия времени на порядок усиливается непосредственно на передовой. Здесь важное значение имеет наличие или отсутствие боевого опыта. Во-первых, обстрелянные фронтовики имеют больше шансов выжить (самым высоким процент гибели, как правило, в первом бою); во-вторых, у них вырабатывается особое отношение к действительности, продиктованное спецификой существования в боевой обстановке. Вместе с тем, привычка к боевой стрессовой ситуации со временем снижает остроту переживаний экзистенциальных проблем, включая такой защитный механизм психики как «притупление чувств», иногда ослабляя при этом даже чувство самосохранения.

Разумеется, существуют и общие характеристики восприятия времени фронтовиками и отношения к нему. Так, в период Великой Отечест-

венной обычное структурирование времени на прошлое, настоящее и будущее принципиально делилось на «до, во время и после войны». При этом большинству была присуща определенная романтизация довоенного прошлого и необоснованно оптимистичные надежды на послевоенное будущее, до которого еще нужно было дожить. «...Мне тогда казалось, что после войны многое будет совсем, совсем по-другому – лучше, добрее, чем было до войны»⁶, – вспоминал, например, К.Симонов. Однако понимание того, что до окончания войны «доживут не все», диктовало особое отношение ко времени: мечты о светлом послевоенном будущем сочетались с прагматическим принципом «спешить жить», «не строить планов, «жить сегодняшним днем», так как в любую минуту могут убить.

Военная обстановка сказывалась и на субъективном восприятии протяженности времени: в определенных ситуациях оно характеризовалось сжатостью и растянутостью, одни и те же отрезки объективного времени могли восприниматься как вечность и как мгновение (томительные минуты перед боем, бесконечные мгновения под огнем, напряженное ожидание снайпера в засаде, «летающие дни» перед выпиской из госпиталя и т.д., – то есть разное эмоционально-событийное время).

«Я не могу сказать точно, сколько времени мы так провели. Секунды казались часами»⁷, – часто звучит в рассказах фронтовиков об очень напряженном боевом эпизоде. Но особенно тягостным было время накануне сражения, когда человек психологически готовился к возможной скорой гибели. Вот, например, как описывает движение полка на позиции участник Первой мировой войны полковник Г.Н.Чемоданов: «В туманной лунной мути он казался какой-то общей массой, каким-то одним диковинным чудовищем, лениво ползущим в неведомую и невидимую даль... Ни привычного смеха, ни даже одиночных возгласов не было слышно... Все больше и больше охватывало чувство одиночества, несмотря на тысячи людей, среди которых я шел. Да и все они были одиноки в эти минуты. Их не было в том месте, по которому стучали их ноги. Для них не было настоящего, а только милое прошлое и неизбежное роковое смертельное близкое будущее... Я хорошо знал эти минуты, самые жуткие, нудные и тяжелые минуты перед боем, когда при автоматической ходьбе у тебя нет возможности отвлечься, обмануть себя какой-нибудь, хотя бы ненужной работой, когда нервы еще не перегорели от ужасов непосредственно в лицо смотрящей смерти. Быстро циркулирующая кровь еще не затуманила мозги. А кажущаяся неизбежной смерть стоит все так же близко. Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть даже искры надежды пережить грядущий бой. Все существо, весь зловредный организм протестует против насилия, против своего уничтожения»⁸. Еще более образно и точно это состояние отражено в стихотворении Семена Гудзенко «Перед атакой»:

*«Когда на смерть идут – поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки...»⁹*

Война вообще характеризуется особым «состоянием ожидания» (известий о судьбе близких, сообщений о положении на фронтах, ходе боев и т.д.). Например, в глубоком тылу «время войны» — это прежде всего тревожное ожидание писем от родных, которые воюют, и постоянный страх получить «похоронку». Эмоциональная связь между теми, кто ждет и кого ждут, в символической форме нашла отражение в знаковом для своего времени стихотворении К.Симонова «Жди меня»:

*«Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой»¹⁰.*

Наконец, практическое отношение ко времени на войне также имело много особенностей в зависимости от обстановки и этносоциокультурных параметров воюющих сторон. Например, было известно, что немцы «воюют по часам» и «не любят воевать ночью», а мусульмане (например, во время Афганской войны) могли внезапно прервать военные действия для того, чтобы совершить намаз. Эти особенности противника обязательно учитывались и использовались.

Прагматическое отношение ко времени на войне большей частью зависит не от физических параметров, а от обстановки. Например, во время боевых действий спят не тогда, когда «время спать» по биологическим часам, то есть ночью, а когда для этого есть возможность. «Вообще, время суток на фронте — понятие весьма относительное. Не часовая стрелка определяла время сна и бодрствования. Не существовало и дней недели. Регламент жизни диктовала военная обстановка. Порой сутки казались неделей, а иногда исчезали напрочь в нескончаемом сне после многодневного боя. Помню лишь, что в период больших наступательных операций мы не раздевались по много дней кряду»¹¹, — вспоминал офицер разведки И.И.Левин.

Восприятие социального времени во многом зависит от хода войны, положения и перспектив воюющей стороны, от стадии военных действий. Для начального периода нередко характерен избыточный оптимизм, связанный с предвоенным пропагандистским воздействием: «Через пару недель будем уже дома!». Так, в 1940 г., во время финской кампании, Евгений Долматовский писал:

*«Войну мы не все понимаем вначале.
И перед отъездом, немного грустны,
Друг другу мы встретиться обещали
В шесть часов вечера после войны...»¹²*

Но если ожидание быстрой победы не оправдывается, появляются другие настроения: «Войне не видно конца!» и «Когда же она, наконец, закончится?!». При этом на восприятие военного времени всегда влияет соотношение личной перспективы с ходом боевых действий. Если в разгар тяжелой затяжной войны боец на фронте живет сегодняшним днем, то на заключительном ее этапе у него появляется надежда уцелеть, а вместе с ней нетерпение и острое желание дожить до мирного времени.

Поэтому между войной и миром существует психологический рубеж, для преодоления которого требуются особые усилия. Это состояние очень точно передает в своем четверостишии, написанном 22 февраля 1944 г., поэт Дмитрий Кедрин:

*«Когда сражение стихнет понемногу, —
Сквозь мирное журчанье тишины
Услышим мы, как жалуется богу
Погибшие в последний день войны...»¹³*

Те же чувства отражены в песне Михаила Ножкина «Последний бой»:

*«Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!»¹⁴*

Наконец, ретроспективное восприятие военного времени в личной памяти фронтовиков нередко характеризуется яркостью, отчетливостью, подробностью («Кажется, это было вчера...»), а порой романтизацией и ностальгией. В образно-символической форме отношение к месту войны в биографии своего поколения выразили поэты-фронтовики Борис Слуцкий («Война — она запомнилась по дням, / А прочее — оно по пятилеткам...»¹⁵) и Семен Гудзенко («Мы не от старости умрем — / От старых ран умрем...»¹⁶). Не менее символичным стал и точный временной подсчет, согласно которому Великая Отечественная шла три года десять месяцев и восемнадцать дней. Но при этом сохраняется цельность образа этой войны как единого отрезка времени, сохранившегося в народной памяти:

*«...Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые.»¹⁷* — писал Давид Самойлов.

Пространство на войне также имеет объективные и субъективные характеристики. Протяженность, расстояние, рельеф местности — все это функционально используется в отступлении, обороне и наступлении. Социальное структурирование пространства имеет такие характеристики как «свое» и «чужое» (тыл врага, территория противника), «ничья земля», «нейтральная полоса», соединение и разделение («линия фронта», «передний край», Ладога — «дорога жизни»), как защита в обороне и препятствие в наступлении (водная преграда, которую надо форсировать; открытая местность, которую надо пройти под огнем; неприступная высота, которую надо взять; и др.). Важно и такое социальное измерение как ценность пространства («Велика Россия, а отступить некуда — позади Москва», «Ни шагу назад!», «За Волгой для нас земли нет!» и т.п.), восприятие его как рубежа обороны.

Подобно «расколотому времени», пространство войны также представляется разбитым, разделенным, разорванным на части. «Мы идем по изуродованному, взорванному и сожженному миру, по земле, изуродованной взрывами мин, по полям, словно оспой, обезображенным во-

ронками, по дорогам, которые немцы, отступая, разрубили, как человеческое тело, на куски, взорвав все мосты»¹⁸, — писал 17 марта 1943 г. в очерке «На старой Смоленской дороге» К.Симонов.

В личностно-психологическом смысле пространство так же, как и время, воспринималось в зависимости от индивидуальных особенностей и конкретной социальной ситуации, в которой оказывался человек. Однако было и много общих параметров восприятия. Например, противопоставление фронта и тыла, очень хлестко выраженное К.Симоновым:

*«Хоть шоры на память наденьте!
А все же поделишь порой
Друзей — на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой»*¹⁹.

А Семен Гудзенко в 1946 г. напишет о вернувшемся с фронта солдате, который «...хочет знать, что было здесь, /когда мы были там...»²⁰.

Пространство могло восприниматься как друг и враг, как защита и опасность, как символ разлуки с близкими и встречи со смертью. Вспомним знаменитые строки из «Землянки» Алексея Суркова:

*«До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...»*²¹.

Оценка протяженности пространства на войне, как правило, была субъективной, связанной не с фактическим расстоянием, а с той опасностью, которая подстерегала на пути. Тогда несколько метров под огнем неприятеля до укрытия, цели и т.п. превращались в бесконечность, в «пространство смерти», которое невозможно преодолеть. «Пядь земли... В дни войны было в ходу это выражение. Каждому было понятно, почему на пяди шел счет земли. Уж очень трудно она доставалась солдату в бою...»²², — вспоминал один из фронтовиков.

Например, в Сталинграде, чтобы проползти несколько десятков шагов, требовались иногда целые сутки, а 100 метров до Волги, которые так и не сумели пройти немцы, стали символом стойкости наших бойцов. «Только здесь, в Сталинграде, люди знают, что такое километр. Это тысяча метров, это — сто тысяч сантиметров», — писал 26 ноября 1942 г. в «Правде» Василий Гроссман, описывая «невиданный по ожесточенности бой», который «длился, не затихая, несколько суток», и «шел не за отдельные дома и цеха», а «за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода... И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев...»²³.

Особое значение имело соотношение социального и личного пространства, при котором окоп рядового бойца мог восприниматься им как место, где решается судьба войны, судьба страны. Нередко так оно и было, особенно на направлении главного удара противника или своей стороны. Но и там, где шли «бои местного значения» («У незнакомого поселка на безымянной высоте...») осознание своей роли и своего места в войне, значимости «своего» боя, было важной составляющей боевой мо-

тивации. Не случайно в 1943 г. Сергей Орлов напишет о танкисте, который смотрит на мир сквозь смотровую щель своей машины:

*«А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина»²⁴.*

Год спустя, в 1944 г., он создаст еще более неожиданный поэтический образ: *«Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат...»²⁵*. И на этом фоне слова одного из ветеранов *«Окоп — вот мой масштаб!»²⁶* воспринимаются в совершенно новом ракурсе.

Война, безусловно, изменяла пространственный опыт большинства ее участников, которые в мирное время никогда бы не оказались в тех местах, в которых они побывали во время войны (*«Я шел к тебе четыре года, / Я три державы покорил...»²⁷*), не перемещались бы теми способами, которые характерны для военных действий (*«Мы пол-Европы попластунски пропахали...»²⁸*). До войны человек, как правило, живет в достаточно узком «внутреннем» пространстве (село, город, район и т.п.) и редко оказывается за его пределами. Война вырывает его из привычного окружения и выбрасывает в широкий «внешний мир», в «другие края», хотя при этом он часто оказывается заключен в ограниченном, а порой и замкнутом пространстве окопа, танка, самолета, блиндажа, теплушки, госпитальной палаты и т.п. Война дает много новых ракурсов в восприятии пространства, в том числе ландшафта как фактора защиты или опасности, трудностей передвижения и тягот быта, как препятствия на пути к миру и возвращению домой. «Потом, после войны, я никогда уже больше не испытывал того ощущения расстояний, которое было у нас во время войны, — вспоминал К.Симонов. — Расстояния были тогда совсем иными. Почти каждый километр их был туго, до отказа набит войной. И именно это и делало их тогда такими огромными и заставляло людей оглядываться в свое недавнее прошлое, порой даже удивляясь самим себе»²⁹.

Наконец, следует сказать и о ретроспективном восприятии войны (особенно пехотинцами) как бесконечной, трудной, полной опасностей дороги. Не случайно, одной из самых любимых фронтовиками песен, написанных в годы войны, стала «Эх, дороги» на стихи Льва Ошанина:

Образ «фронтовых дорог» оказался одним из ключевых в творчестве Константина Симонова, начиная от знаменитого стихотворения «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»³⁰ и кончая документальным фильмом «Шел солдат», главная идея которого заключалась в том, чтобы показать, как долог и труден был путь к Победе. В его военных дневниках встречается описание весеннего (конец марта) наступления 1944 г. на Украине, в котором мы находим ключ к пониманию «пространства войны»: «...Самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершал ... переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому,

что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было бы ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по несколько суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть – кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колено. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку, потому что табак тоже где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадут за всю его жизнь... И, конечно, ... кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности... Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении»³¹. И далее: «В памяти остались не столько бои, сколько адский труд войны: труд, пот, изнеможение; не столько грохот орудий, сколько утопающие в грязи солдаты, в обнимку километрами несущие из тылов к артиллерийским позициям тяжелые снаряды, потому что все, абсолютно все застряло!»³². «Долгие версты войны» – еще один символический образ того времени.

После войны возвращение фронтовиков в привычное мирное пространство не было возвращением к прежнему, довоенному его восприятию, поскольку человек оказывался обогащен и изменен военным опытом, с которым изменялись и его взгляды на мир. И даже «малая Родина» («Клочок земли, припавший к трем березам»³³) – личностно значимое жизненное пространство человека, как правило, вписывалось теперь в более широкий контекст «большой Родины» – страны и части мира, которые с боями прошел солдат.

Таким образом, война в сознании человека всегда воспринимается как некий рубеж, особый отрезок жизни, отличающийся от всех остальных ее этапов, в том числе во временном и в пространственном измерениях, что позволяет говорить о «времени и пространстве войны» как о важных составляющих экзистенциального опыта участников боевых действий.

¹ *Симонов К.* Из трех тетрадей. Стихи, поэмы. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 287.

² *Вольф А.* Звезда над переловой. М., 1987. С. 60.

³ *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 365-366.

⁴ *Война: день за днем...* Беседа с писателем К.Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 147.

⁵ *Письма с войны* // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 79.

⁶ *Симонов К.М.* Письма о войне (1943-1979). М., 1990. С. 450.

⁷ *Бессонов В.* Война всегда со мной. М., 1988. С. 118.

⁸ *Чемоданов Г.Н.* Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 48-49.

⁹ *Лирика военных лет.* Стихи советских поэтов (1941-1945). М., 1985. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 236.

¹¹ *Левин И.И.* Кажется, это было вчера... Записки офицера разведки. М., 1990. С. 206.

¹² *Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939-1940 гг.* Ч. II. СПб., 2000. С.78.

¹³ *Кедрин Д.* Избранные произведения. М., 1978. С. 107.

- ¹⁴ Ножкин М. Последний бой // Об огнях пожарищах... Песни войны и победы. М., 1994. С. 251.
- ¹⁵ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 311.
- ¹⁶ Этот День Победы. Сборник. М., 1985. С. 95.
- ¹⁷ Высота. Стихи о Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 185-186.
- ¹⁸ Цит. по: Симонов К. Разные дни войны. С. 232.
- ¹⁹ Симонов К. Разные дни войны. С. 189.
- ²⁰ Этот День Победы. С. 95.
- ²¹ Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941–1945). М., 1985. С. 253.
- ²² Овчинникова Л. Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 129.
- ²³ Цит. по: Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003. С. 87.
- ²⁴ Лирика военных лет. С. 184.
- ²⁵ Там же. С. 185.
- ²⁶ Овчинникова Л. Указ. соч. С. 69.
- ²⁷ Исаковский М. Враги сожгли родную хату // Лирика военных лет. С. 110-111.
- ²⁸ Ножкин М. Указ. соч.
- ²⁹ Симонов К. Разные дни войны. С. 365.
- ³⁰ *«Слезам измеренный чаще, чем верстами»
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась...»*
См.: Симонов К. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» // Лирика военных лет. С. 232.
- ³¹ Симонов К. Разные дни войны. С. 346.
- ³² Там же. С. 342.
- ³³ Симонов К. Родина // Лирика военных лет. С. 237.

ПУТЬ НА ВОЙНУ (ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА УЧАСТНИКАМИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.)

Жизнь не просто имеет место, она происходит в пространстве. Этот факт предопределен природой самого пространства, каким он представлен в «Тимее» Платона: «Есть еще один род, а именно пространство, оноечно, не приемлет разрушения, дающий место всему, что имеет рождение, ... но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно». Помимо свойства проявлять себя посредством материальных объектов, пространство обнаруживает свою принадлежность к смысловой стихии. Соответственно подобному пониманию пространство простирается онтологическим мостом между жизнью внешней и жизнью внутренней, тем самым соединяя обе части мироздания.

Данная констатация имеет прямое отношение к содержательной стороне предлагаемой статьи и служит своего рода преамбулой к дальнейшим рассуждениям.

Поэтому, говоря о категории пространства, мы разделим ее на две составляющие – «визуальное» пространство и «психическое» пространство.

«Совершенно невозможно представить себе пространство пустым»¹. Под «визуальным пространством» мы будем иметь в виду и реальные материальные объекты, и впечатление от них у различных людей. Под «психическим пространством» придется понимать гораздо более сложную составляющую. Это внутреннее, психическое ощущение пространства, описываемое эмоционально либо логически окрашенными категориями – определение цвета, размера, наполненности и т.д.

Вторая категория, которой придется оперировать, – время. Философские свойства времени – длительность, необратимость, непрерывность. В ситуации, о которой пойдет речь, описываются совершенно другие свойства времени. И вновь, разделив эту категорию на «внешнюю» и «внутреннюю», мы сможем соотнести «реальное», т.е. просто календарное время, и внутреннее ощущение быстроты смены событий, течения и наполненности времени.

Разделение категорий пространства и времени на «внешние» и «внутренние» необходимо для установления их связи с внутренним психическим состоянием и степенью осознанности мотивации поступков.

1. Пространство

«Мы не были бы способны построить пространство, если бы мы не имели инструмента для его измерения. А инструмент, к которому мы все относим, которым мы инстинктивно пользуемся, – это наше собственное тело. По отношению к нашему телу мы располагаем внешние предметы, и единственные пространственные отношения этих предметов, какие мы можем себе представить, суть их отношения с нашим телом. Наше тело слу-

жит, так сказать, системой осей координат... Созданное таким образом пространство имеет малые размеры: оно не простирается дальше того места, которое достигается моей рукой... Нет абсолютного пространства, а есть только пространство, отнесенное к известному начальному положению тела»², — так определял пространство Пуанкаре. Именно он попытался разделить пространство на «подвиды», отделяя «геометрическое» пространство от «визуального» и «психического».

1.1. «Визуальное пространство»

Что касается «визуального пространства», проще говоря — видимого, то для участников русско-японской войны оно постоянно менялось, то сужаясь, то расширяясь. Первоначально они попадали на мобилизационный пункт. И хотя пребывание на этих пунктах было не долгим, мобилизованные успевали оценить резкое сужение визуального пространства. После сбора на мобилизационных пунктах, распределения в полки, начиналось «прощание».

«Прощание», как правило, состояло из двух частей. Первая часть «прощания» — напутствие. «Когда началась война, то его величество весь 1904 г. все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так, в начале мая государь с этой целью ездил в Белград, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне — в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города; в сентябре — в Одессу, Ромны и другие места на западе; в сентябре — ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов; затем в октябре — в Сувалки, Витебск и другие города; наконец в декабре — в Бирзулу, Жмеринку и другие южные города»³.

Первоначально Николай II относится к своей акции очень серьезно — вдвоем с императрицей он тщательно выбирает иконы и образа для войск, идущих на Дальний Восток, отмечает в своем дневнике подробности смотров войск, торжественно провожает сестер милосердия, едущих на фронт. Появляются фотографии августейшей четы (не только в газетах, но и отдельных листах), провожающей солдат на фронт. По воспоминанию А.А. Мосолова, «...Речи царя к частям были весьма удачны и особенно — говорившиеся экспромтом, производили сильное впечатление»⁴. Смысл речей сводился к тому, что «Государь Император напутствовал... милостивыми словами, выразив при этом убеждение, что они послужат со славой Отечеству, и пожелав им вернуться здоровыми после победоносной войны»⁵. После смотра Николай II «объявляет монаршее благоволение начальствующим лицам, нижним чинам, находившимся в строю, объявляет Свое Царское спасибо и жалует, как строевым, так и нестроевым: имеющим знаки отличия Военного ордена — по 5 руб., имеющим шевроны — по 3 руб., а всем прочим — по 50 коп. на каждого»⁶.

Наконец, несмотря на всю свою серьезность и старательность, Николай устает «принимать», «провождать», «благословлять» и «прощаться». Тоскливо однообразное, рутинное занятие превращается в механический акт: «Простился и благословил все части в полтора часа»⁷, — записывает он в своем дневнике.

Кроме самого Николая II в проводах и напутствиях принимают участие заслуженные генералы и только что назначаемые командующие. Вот как «Новое Время» изображает генерала Рененкампа в тот момент, ко-

гда этот герой китайской кампании обращается к мобилизованным: «Широким галопом, на прекрасном гнедом коне подскочил он к своим сотням... Громким голосом, проникавшим прямо в сердце, генерал произнес несколько слов, обращенных к чутко насторожившимся солдатам: «Помни, ребята, придется рубить, руби крепко, придется стрелять, стреляй метко, береги патрон. Придется идти в атаку, иди лихо, левой пойдете, так, чтобы это была настоящая лава». Крайне характерна также речь, которую произнес М.И. Драгомиров, прощаясь с войсками, отправляющимися на войну. Сцена этого прощания была обставлена необычайной торжественностью, чтобы произвести «благоприятное впечатление на настроение солдатиков, с тяжелым сердцем уходивших на смерть... Генерала Драгомирова несли на носилках, знамена развевались, генерал плакал, обнимал, говорил солдатам: «...Щадите патроны, щадите патроны, щадите патроны, стреляйте метко, колите крепко»⁸.

Вторая часть проводов солдат на войну — «угощение» от города. Первоначально оно обставлялось довольно помпезно — мобилизованным раздавали конфеты, сигареты, вино⁹.

«Прощание», при всей его театральности и краткосрочности, тоже было визуальным изменением пространства. Мобилизованные, большинство из которых были крестьянами, впервые оказываются в городе. Пространство резко расширяется, чтобы через несколько часов снова сузиться до невероятных размеров — до места в вагоне поезда.

«Ехали в вагонах, обитых войлоком — человек по 20-30, не более, все в валенках и полушубках»¹⁰. В.И. Немирович-Данченко отмечал, что солдаты в вагонах «не выглядели утомленными». Однако к концу пути от монотонности дороги люди все же устали. Устали от безделья, от принудительного общения, да и от самого движения. Все заметнее становится, что это «и физическая мука: каждую минуту движется тело, прыгает, да еще этот ужасный угольный дым...»¹¹. Количество больных заметно увеличилось — оно было даже сверх ожидаемого.

Такое резкое и неестественное сужение пространства продолжалось почти месяц, лишь иногда прерываясь остановками и выходами на станциях.

Вместе с тем, уже через две недели пути мобилизованные постепенно впадают в визуальную фрустрацию — слишком узкое и замкнутое пространство вагона пересекается со слишком необъятным и уже чуждым видом из окна.

Знакомый пейзаж сменяется непривычным, все больше встречается «унылая и пустынная» «азиатская» природа, поначалу еще возбуждающая любопытство, но в конце концов утрачивающая прелесть новизны и угнетающая своим однообразием¹². Среди местных жителей все больше становится «инородцев». Более или менее знакомыми остаются лишь городские постройки, но населенные пункты встречаются все реже. Оторванность от дома, от Родины в бытовом понимании этого слова, становится все очевиднее.

Однако приобщенности к мировому пространству не наступает.

Наконец, железнодорожное путешествие закончилось. Начиналась пешая часть пути. Сначала дорога шла по тракту. На стоянках через каждые двадцать верст были построены станции с комнатами для проезжающих и с за-

пасными лошадьми. Вскоре дорога сужается, и местом стоянки становятся бараки, для солдат — свои, для офицеров — свои. Наконец, и бараки исчезают — их сменяют фанзы, которые приходится «захватывать», выгоняя китайцев, а затем — и палатки. Долгие переходы утомляют солдат.

Собственно, эта дорога — бесконечные переходы с небольшими останками — и есть война.

Между прочим, сама дорога — важный фактор визуального восприятия пространства. Постепенно сужающаяся, она как бы подчеркивает визуальное изменение пространства. Оно становится совершенно особенным — безбрежным, пустым и чужим одновременно. И только эта узкая дорога — как напоминание о Родине. Ну не может мобилизованный на войну крестьянин почувствовать себя «гражданином мира». Слишком сильна привычка иного визуального восприятия пространства.

1.2. «Психическое пространство»

«Мы не можем выбрать среди наших чувств такие, которые дадут нам все пространство и ничего больше. Нет такого чувства, которое могло бы дать нам пространство без содействия других чувств. Нет также ни одного чувства, которое не давало нам множество вещей, не имеющих никакого отношения к пространству»¹³.

«Пространство представлений» еще в большей степени зависит от «инструментов» измерения. «...Если бы наше тело и все окружающие нас предметы, равно как и наши измерительные инструменты, были перенесены в другую часть пространства, причем их взаимные положения не изменились бы, то мы бы этого вовсе не заметили...»¹⁴.

Таким образом, «представления о пространстве на уровне опыта не совпадают с рациональными представлениями»¹⁵, — утверждает Пуанкаре.

Между тем, визуальные изменения пространства неизбежно влекли за собой изменение «психического пространства». Резкое «сужение» пространства на этапе мобилизации не просто создавало у человека ощущение «загнанности» — оно практически сразу активизировало стремление к девиантному поведению. Ограниченность, а затем резкая разомкнутость пространства вызывали «буйство» мобилизованных.

«Уже с осени 1904 г. на время приезда призывных в город стали закрывать винные лавки и кабаки, а самих призывников «угощать» от города и обывателей без водки¹⁶. Однако призывники где-то добывали водку, а их приезд в город на призывные пункты часто приводил к беспорядкам. Так, 27 октября 1900 человек призывных в Москве творили такие беспорядки, «что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения, и несколько человек убито... Подобное явление уже было»¹⁷.

Новая замкнутость — в вагоне — если не вызывала прямых душевных расстройств, вроде клаустрофобии, то способствовала активизации межличностных связей.

Самыми тяжелыми были первые дни пути, однако по мере удаления от дома мобилизованные постепенно привыкали и друг к другу, и к новой обстановке. Ехали медленно, подолгу стояли на станциях. Во время более продолжительных стоянок совершали богослужения. В Европейской России первоначально к проезжающим относились с интересом. «...На станциях

масса народу, кричат нам «ура», просят сыграть «Коль славен», дают солдатам молоко, яйца, солому, папиросы»¹⁸.

Однако «отрыв от Отечества», т.е. относительно большого пространства ощущается все сильнее. Большинство мобилизованных были крестьяне, для которых «Отечество» воспринималось как дом, село, максимум — уезд. Взятые из Западных губерний, они вообще не представляли, где находится Манчжурия, и какую опасность для них представляет идущая там война.

В Азии дорога стала значительно хуже, поезда подолгу простаивали на станциях, дожидаясь своей очереди. В поездах начинаются заболевания. Особенно плохо приходилось мобилизованным старших возрастов. «...Совсем не воинственный вид у этих только что вновь оторванных у деревни защитников Отечества»¹⁹, — писал военный корреспондент В.И.Немирович-Данченко. Начался падеж скота. Местное население еще выходило на станции, но уже не с таким энтузиазмом. Сначала угощения от городских обывателей и начальства сменяются «подарками» отдельных лиц, затем к поездам подходят уже продавать провизию, а в конце концов и вовсе перестают подходить. Солдаты устают сидеть в вагонах и используют любую возможность выйти, т.е. «разомкнуть» хотя бы и чуждое пространство.

Еще интереснее складывается ситуация в самой Маньчжурии. Там солдаты предпринимают огромные усилия, чтобы «приблизить» к себе пространство — начиная от устройства церкви и заканчивая «приручением» китайских детей. Таким образом, во время вынужденных остановок солдаты пытаются «приручить» пространство, довести его размеры до привычного минимума.

Еще большая минимализация пространства происходит в ходе боевых действий, когда солдаты изо всех сил стремятся отсидеться в окопах — в «норках», где размер пространства сводится к почти детскому ощущению — на расстоянии вытянутой руки.

Иное дело — паника под Мукденом. Это особый случай. Это именно паническое стремление вырваться из перенасыщенного предметами, но разомкнутого пространства.

Итак, на протяжении вхождения в войну, солдатам пришлось несколько раз переживать изменения визуального и психического пространства.

К чему это должно было привести? Во-первых, к фрустрации сознания, являющейся катализатором агрессии, в том числе и к агрессии в малых группах. Во-вторых, к другому виду фрустрации — повышенной замедленности, интровертированности и пассивности реакций, связанной с тем, что человек как личность утрачивает контроль над своим рациональным и чувственным ощущением пространства (войти в дом — выйти, засесть в окопе — идти в атаку, любить дом-Россию и т.д.), не приобретая ничего взамен, кроме абстрактной категории (в нашем случае — «Манчжурия»).

2. Время

Время, как понятие, сформированное человеком, имеет субъективный характер. Времени в природе как однонаправленной стрелы не су-

шествует. То, что мы воспринимаем как время, состоит из следующих категорий: движения материи в пространстве, причин и предпосылок этого движения, соотношения процессов движения материи и, наконец, направление движения, которое воспринимается до сих пор как линейное и необратимое. Вместе с тем, можно выделить объективное течение времени (ибо имеются единицы измерения его) и субъективное, или психическое ощущение времени.

2.1. Время путешествия

Время путешествия было достаточно стандартно. От мобилизационных пунктов — через «прощания» — в поезда, и потом — почти месяц по железной дороге. В Европейской России время путешествия было так или иначе заполнено событиями — местное население организовывало некие действия, занимавшие путешественников.

В Азии путешествие замедлялось. Событий, отвлекающих от «повседневности» пребывания в замкнутом пространстве, не слишком богатыми событиями и способствующем рефлексии, становится все меньше. Наступает и следствие — не только «дух солдат» падает, но, очевидно, многих из них поражает депрессивный психоз, способствующий либо повышенной рефлексии, либо падению иммунитета. «Одиночество в толпе» — катализатор изменения сознания. Надо ли удивляться, что на фронт придут либо чрезвычайно политизированные, вплоть до экзальтации, либо пассивно-интровертированные солдаты, максимально склонные к рефлексии и уклонению от боевых действий. Оторванные от привычных занятий уже довольно длительное время, путешественники с удовольствием возвращаются к ним — при первом удобном случае косят траву, ухаживают за лошадьми. Однако для этой работы дорога не оставляет больших возможностей — лишь несколько часов в неделю. То, что раньше было образом жизни, становится чуть ли не единственным *развлечением*. Остальное время — *досуг*, не заполненный ничем, досуг, который приходится проводить в кампании чужих, довольно мало знакомых людей, в замкнутом пространстве, в принудительном бездействии, из которого солдаты пытаются вырваться при малейшей возможности.

Однако путешествовать по железной дороге осталось уже недолго — последние переходы будут пешими.

Время «в пути» было максимально удобным для выработки мотивации активного участия в боевых действиях, для разъяснения причин и целей войны, ознакомления с особенностями предстоящих боев и т.д.

Это могли сделать офицеры. Но они этого не делали.

Одна из причин заключалась в том, что новые полки были недоукомплектованы офицерами. Штаты двухбатальонных Восточно-Сибирских стрелковых полков должны были включать 39 офицеров²⁰. Но к концу февраля 1904 г. в трехбатальонных полках насчитывалось от 21 до 31 офицера. «...Особенно значительный некомплект офицеров был в пехоте, что объясняется: 1) отсутствием в 1903 г. выпуска из юнкерских училищ, вследствие перехода в них от двухлетнего курса к трехлетнему; ... 3) переходом офицеров из строя в корпус жандармов и в пограничную стражу»²¹. К апрелю 1904 г. ситуация начинает

меняться в обратную сторону — количество офицеров при каждом полку увеличивается от 44 до 58, а к 1 мая в отдельных полках оказывается до 80 офицеров при 3,5 тысячах нижних чинов и нестроевых. Однако такая «перегрузка» полков офицерами особой пользы не принесла.

«Ехали без всякой охоты, не вникая в то, что Россия переживает важный момент, что теперь каждый офицер должен дать отчет в том, что он сделал, чему обучил своих солдат. Вот тут-то, по моему мнению, и сказалось то ужасное явление, которое лишило нас победы над врагом. Это — безыдейность, — вспоминал К. Кузьминский. — Из бесед со спутниками я вынес впечатление, что многие из офицеров — это не рыцари без страха и упрека, а обыкновенные серенькие люди. Где тут могла зародиться мысль о героическом поступке, когда никто в мирное время не развивал в себе величия духа, никто не воспитывал в себе силу воли... Увлечь за собой могут только люди убежденные, сильные духом»²².

Вообще-то, во время самой дороги у офицеров и не было возможности общаться с солдатами — они путешествовали в разных вагонах²³. Можно было бы использовать для работы с солдатами время стоянок. Однако офицеры предпочитали, отстояв вместе с солдатами молебен, гулять по городу, кокетничать с сестрами милосердия и т.д. Отдельные попытки работы с солдатами все же были, но результат оказался несколько неожиданным. «Сглупил! — писал один из офицеров с Дальнего Востока. — По настоянию своего начальника выступил недавно перед солдатами с речью. Едва начал я говорить о необходимости постоять за царя и отечество, как посыпались свист, ругань, угрозы... Я принужден был уйти куда-нибудь подальше от разъяренной толпы»²⁴.

В чем же причины полной беспомощности офицеров перед солдатами (даже до начала военных действий)? Первая уже указана — отсутствие «идеи» у самих офицеров. Они, также как и остальные мобилизованные, мало понимали цели и смысл войны. Вторая причина сложнее. Обращаясь к мобилизованным, офицеры, в силу своего предшествующего опыта, практически не знали солдат. При этом им и в голову не приходило, что они «не знают» солдат. Их представление о солдате как об обладателе определенного набора нравственных качеств²⁵ было образцом стереотипа, привитого во время обучения самих офицеров и сформировавшегося еще в конце XIX века.

В конце концов, начиналась пешая часть пути.

Долгие переходы утомляли солдат, время казалось бесконечным.

Интересно, что именно в это время заметна гораздо большая сплоченность солдат, их стремление к коллективным действиям, в том числе не только во время самого перехода, но и на остановках. Наконец, и офицеры «идут тут же, наравне с солдатами»²⁶. На этом этапе пути никакой «пропаганды» не ведется, да она и бесполезна.

Остановились, отдохнули, иногда даже не распрягая лошадей, и снова — в путь. «Война» рассыпается на переходы от одной деревни до другой, от одного пункта назначения до другого, к которому почему-то нужно прибыть не позже такого-то срока. Богослужения проводятся редко, о беседах офицеров с солдатами и речи нет, да и досуга для этого не остается. Все

устают. «...Апатия полная, ходим как сонные, да и действительно спим только четыре часа в сутки, не больше»²⁷.

Чем больше время насыщено событиями, даже такими монотонными, как пешие переходы, тем легче и проще воспринимается ситуация.

2.2 Внутреннее время

Психика человека фиксирует время иначе. И здесь мы снова имеем дело с фрустрацией. Сначала — слишком быстро (мобилизации, прощания, погрузка в вагоны). При этом мобилизованный резко утрачивает контроль над временем — у него не остается ни возможности осознать ход событий, ни возможности его как-либо затормозить.

Затем — слишком медленно — дорога, дорога, дорога... Месяц — дорога. Скука. Досуг. Как стремление «скоротать» время — попытки налаживания межличностных связей, с одной стороны, и стремление «разобраться», т.е. установить причинно-следственные связи, — с другой стороны.

Интересно, что война не внесла существенных изменений в психическое восприятие времени — все та же неспешность — стоянки, передислокации, ожидание каких-то военных действий, потом — ожидание демобилизации.

Надо ли говорить, что избыток «досуга» так или иначе должен был привести к девиантности поведения солдат (в нашем случае — революционизация армии), склонности их к разнообразным проявлениям асоциального поведения.

Глобальным выводом из анализа соотношения психологического восприятия времени и пространства во время вхождения в русско-японскую войну должно было бы стать утверждение, что, столкнувшись с инокультурной цивилизацией, мы были обречены на поражение. Однако думается, вывод должен быть гораздо практичнее и проще: причина известного всем развития событий состояла в конфликте между реальностью, или «внешним миром», и воображением «внутренним, или психическим восприятием». Мостиком между этими плоскостями могла бы стать сознательная работа по созданию мотивации поведения и уменьшению последствий личной фрустрации индивида. Однако именно эта работа и не была проделана.

¹ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 338.

² Там же. С. 342-346.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1994. С. 283.

⁴ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993. С. 31.

⁵ Новое время. 1904. 21 мая. С. 1.

⁶ Новое время. 1904. 15 сентября. С. 1. Этот текст появляется в «Новом времени» два раза в месяц. Изменяются только названия полков, в которых проводились смотры.

⁷ Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 243. (19 декабря 1904 г.)

⁸ Цит. по: Павлович М. (М. Вельтман). Русско-японская война. М., 1923. С. 93.

⁹ Немирович-Данченко В.И. На войну. М., 1904.

¹⁰ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 24.

- ¹¹ *Сребрянский М.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 33.
- ¹² Ср., например, дневник М.Сребрянского. С. 15-35.
- ¹³ *Пуанкаре А.* Указ. соч. С. 437.
- ¹⁴ Там же. С. 421-423.
- ¹⁵ Там же. С. 421-423.
- ¹⁶ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 306.
- ¹⁷ Там же. С. 301.
- ¹⁸ *Немирович-Данченко В.И.* Указ. соч. С. 14 .
- ¹⁹ Там же. С. 25.
- ²⁰ История русско-японской войны. СПб., 1907–1909. В 5-ти тт. Т.1. С. 357.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 652. Д. 181. Л. 7.
- ²² *Кузьминский К.* Под впечатлением пережитого (из маньчжурских наблюдений) // *Александровец.* № 3. М., 1906. С. 81.
- ²³ «Поезд их весьма удобный: своя кухня, ванна, доктора, сестры милосердия...». См.: *Сребрянский М.* Указ. соч. С. 33.
- ²⁴ *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.-Л., 1947. С. 329.
- ²⁵ Например, генерал-лейтенант Генерального Штаба И.Маслов выделял верность клятве и слову, честолюбие, жажду славы, честь, великодушие как качества, присущие русскому солдату. См.: *Маслов И.* Научные исследования по тактике. Вып. II. СПб., 1896. С. 384.
- ²⁶ *Сребрянский М.* Указ. соч. С. 65.
- ²⁷ Там же. С. 49.

ЗВУКИ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФРОНТОВЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ 1914–1918 ГГ.).

Среди множества проблем, связанных с изучением психологии комбатанта, особое место занимает комплекс вопросов, затрагивающих человеческое восприятие сложной и противоречивой палитры Войны через индивидуальные сенсорные процессы (зрение, слух, осязание и обоняние). Именно область ощущений, с одной стороны, давала непосредственному участнику либо свидетелю военных действий первичную картину событий, а с другой, — в значительной степени формировала эмоциональные и рациональные оценки переживаемого.

Необходимость комплексного исследования данной темы — применительно к периоду Первой мировой войны — обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, изучение вопросов, связанных с восприятием Звука в условиях военного времени, дает возможность более глубокого осмысления ряда проблем, касающихся психологии комбатанта: эволюции представлений о месте Техники, Социума и Природы в жизни и судьбе отдельного человека; опыта Передовой во всем его многообразии; и других.

Во-вторых, «шумовые эффекты» Первой мировой войны — в сочетании со зрительными образами фронтовой и прифронтовой обстановки — оказали сильнейшее влияние не только на физио-психическую сущность людей, принимавших прямое либо косвенное участие в трагических событиях тех лет (проявления посттравматического синдрома, пограничных состояний, фобий, и т.п.), но и на реальные модели их повседневного поведения, социальные и духовно-нравственные ориентиры, мировоззренческую позицию (причем как непосредственно во время войны, так и после ее окончания).

В-третьих, в ряде случаев эмоционально-психологические впечатления и импульсы, связанные со Звуками Войны, нашли своеобразное отражение в литературном и научном творчестве¹, выступая при этом в качестве одного из элементов формирования как литературного процесса XX в., так и общественного мнения. В области литературы указанная тенденция проявилась, прежде всего, в художественном и нравственно-психологическом переосмыслении самого феномена Войны²; в сфере общественного сознания — оказала серьезное влияние на развитие и антивоенных настроений, и менталитета европейцев в целом.

Проблема звуковых эффектов в условиях военного времени еще не становилась предметом специального научного анализа. Вместе с тем,

• Поскольку ряд вопросов в рамках рассматриваемой темы не только несет за собой рациональную смысловую нагрузку, но и обладает глубинным смыслом, связанным с философско-метафизической сущностью Войны, в тексте используются такие понятия, как «Звук», «Война», «Природа», и т.п. — *Прим. авт.*

отдельные ее аспекты неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, в работах начала XX в., посвященных вопросам военной психологии, основное внимание обращалось на физио-психические характеристики участников боевых действий; при этом отмечалось важное значение «военной музыки и боевых песен» на увеличение «духовных сил войск»³. Однако в последующие десятилетия разработке как этих, так и других вопросов, связанных с феноменом Звуков Войны, не уделяется должного внимания. Ситуация изменилась лишь на рубеже XX–XXI вв. Появляются работы, позволившие по-новому осветить важнейшие аспекты проблемы. Прежде всего, необходимо отметить значимость исследований в области российской военно-исторической антропологии. С одной стороны, именно в рамках этой научной дисциплины, активно развивающейся в последние годы, наметились благоприятные перспективы для комплексного изучения не только данной проблемы, но и ряда других вопросов, связанных с физио-психической сущностью человека на Войне; с другой, — внимание современных отечественных специалистов в области военной психологии все чаще привлекают сюжеты, связанные со звуковыми эффектами в условиях Передовой⁴. Среди трудов, вышедших из-под пера представителей других научных дисциплин, можно выделить работу Г.Е.Крейдлина⁵, в которой исследуются особенности невербального поведения человека в коммуникативном акте, показано значение Голоса для манипулирования индивидуальным и массовым сознанием и регулирования социальной коммуникации в целом. Указанные аспекты имеют важное значение и для осмысления феномена Звука в условиях Первой мировой войны.

Рассмотрим подробнее, каким образом воспринимались звуковые эффекты на Войне. Источниками исследования являются личные свидетельства фронтовиков России, Германии и Франции 1914–1918 гг.: дневники, письма, воспоминания, и др.

Все звуковые эффекты, присущие Первой мировой войне (а также другим крупнейшим военным конфликтам XX в.), можно условно (исходя из основного источника их возникновения) разделить на звуки техногенного, антропогенного и природного характера.

Наиболее значимыми для человека оказались *техногенные* звуки, которые принесла с собой Первая мировая война. В чем причины этого явления? Во-первых, к началу XX в. необычайно возросла роль техники в жизни европейских народов. Появляются новые механизмы (включая и разнообразные средства уничтожения), а вместе с ними — кардинально меняются взаимоотношения между Природой, Техникой и Человеком: все ошутимее становится диктат технического могущества, сопровождаемый отчуждением человеческой личности и Социума в целом как от мира Природы, так и от прежних гуманистических ценностей⁶. Военная мощь, опирающаяся на новейшие технико-технологические достижения, превращается в одно из ключевых средств геополитического соперничества между европейскими нациями. Во-вторых, именно звуки, связанные с техническими средствами уничтожения, в условиях фронтовой обстановки несли с собой смерть, ранения, контузии, разрушения,

— и, в силу этого, сопровождались наиболее глубокими эмоционально-психологическими переживаниями. Наконец, в третьих, изменяются этические и религиозные мотивы поведения комбатанта на Передовой: «Трагизм Первой мировой войны состоял в том, что смерть перестала быть сакральным явлением, — справедливо отмечал В.В.Налимов. — Убивать оказалось возможным просто так, из-за ничего, безнаказанно, с одобрения и благословения церкви. Убийство стало технизированным. Убивающий больше не видит своей жертвы, не переживает сакральность свершаемого и перестает соответственно ощущать и сакральность жизни»⁷.

Из всех разнообразных звуковых эффектов техногенного происхождения, порождаемых Войной, ключевое место, бесспорно, принадлежало звукам *средств уничтожения*: артиллерии, авиации и легкого стрелкового вооружения. Прежде всего, они воспринимались как враждебное начало, неся за собой глубокое чувство страха: «Над холмом, в двухстах метрах от нас, раздается удар... Я не понимаю, в чем дело. Но я чувствую, что я внезапно стал меньше ростом и что голова моя ушла в плечи... Это длится секунду. Даже меньше — четверть секунды. Но только позже, когда окончится все, понимаешь, что разорвалась шрапнель»⁸. Именно в эти мгновения солдату либо офицеру становилась очевидной собственная незащищенность — чувство, неразрывно связанное с трагическим осознанием брэнности всего человеческого существования: «Вы слышали свист осколков?.. Вы испытывали чувство боязни? Вас пронзало сознание, что вы — ничтожество, прах, и что ваша бессмертная жизнь — игрушка?.. Вот это называется «подготовкой». Вот это делали наши орудия»⁹. «Только что был свист, и звон, и лягз, и грохот, и вопль... Только что я ощутил свою малость, и ничтожество моей жизни. Только что ... я увидел и почувствовал смерть»¹⁰. Особенно тяжелое чувство испытывали войны, ощущая бессилие перед роковым осколком снаряда или пулей. «Жутко ждать смерти. Жутко чувствовать бессилие и поруганье... Бессилие — ибо что ж я могу, когда в воздухе зазвонит граната? Поруганье — ибо где же мое «я», когда свистнет со звоном осколок?»¹¹ «Грохот артиллерийской батареи ... производит на свежего человека подавляющее впечатление... Я пробыл на правом фланге нашего расположения около трех часов, — писал В.В.Муйжель, — и вот уже прошло два дня, а этот грохот назойливо преследует меня...»¹² Однако и в этих тяжелейших условиях переднего края суровые звуки Войны нередко приводили к пониманию необходимости для Родины подобной искупительной жертвы¹³.

Вместе с тем, ожесточенные звуки артиллерии (причем не только вражеской, но и своей) часто наводили на солдат и офицеров такой ужас, что целые войсковые соединения в панике бежали с боевых позиций. История Первой мировой войны донесла до нас ряд подобных случаев. Вот как описывает один из исследователей бегство 244-го Красноставского полка во время варшавско-ивангородской операции 10 октября 1914 г.: «Оглушенные громом своих орудийных выстрелов, непривыкшие к лесным боям, неумело руководимые неопытными прапорщиками запаса, рядовые в *паническом страхе* [здесь и далее — выделено в используемых текстах. — С.К.] начали бежать... Впереди удиравших ле-

сом бежали прапорщики...»¹⁴ Во время боев в Добрудже 1916 г. вся 115-я пехотная дивизия в панике покинула свой боевой участок; поводом же стал «самый обыкновенный артиллерийский обстрел»¹⁵. Разрывы неприятельской шрапнели послужили причиной бегства 29-й дивизии при отступлении 1-й русской армии из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. Иногда причиной паники становились ружейные выстрелы (бегство Нежинского пехотного полка 28 августа 1914 г.)¹⁶.

В литературе неоднократно описаны случаи, когда солдаты и офицеры сходили с ума в результате долгих артиллерийских бомбардировок: человеческое сознание оказывалось неспособно выносить многочасовую какофонию звуков обстрела¹⁷.

В качестве одной из причин панического бегства можно отметить также страх вражеского окружения. Подобный случай ярко описывается в воспоминаниях рядового В.Дмитриева: «В местечке Ржешев попали под сплошной грохот орудий... Не знали, кто справа, кто слева. Всюду огонь и несмолкающий рев. Страх цепко схватил за сердце.

Никто не скажет, кто первый крикнул:

— Немцы обходят!..

Сразу смешались люди, лошади, зарядные ящики... Не стало ни солдат, ни командиров, — только сброд усталых, голодных, перепуганных людей. Круговое зарево пожаров и гром пушек удесятярили животный ужас»¹⁸.

Характерно, что даже в гвардии Семеновском полку паника, возникшая в сентябре 1914 г. во время боев на берегу р. Сан, началась в результате крика «Неприятельская кавалерия!»¹⁹.

Таким образом, наряду с техногенными звуками Войны, к числу ведущих причин возникновения паники следует отнести и воздействие «шумовых эффектов» антропогенного происхождения, связанных с эмоционально-психологическим воздействием Голоса²⁰.

Явления панического бегства в результате звуковых эффектов наблюдались в русских войсках, в основном, в самом начале Первой мировой войны и во многом были обусловлены эмоционально-психологической неустойчивостью новобранцев (особенно по отношению к новым техническим средствам войны — артиллерии и автобронемашинам)²¹. Случаи подобной паники имели место также среди германских, французских и итальянских войск²².

Какие же ассоциации вызывали у очевидцев и участников боевых действий техногенные звуки Войны? Сравним наиболее интересные и содержательные, на наш взгляд, описания.

Б.В.Савинков: «Трудовые, взбороненные и распаханые поля оглашаются ревом. В этом реве есть все оттенки, все неверные и чуждые звуки. Когда грохочет осадная артиллерия, то кажется, что падает дом... Полевые орудия проще. Кто-то очень большой ударяет с размаху в деревянную дверь. Он бьет настойчиво, непрерывно, жестко, твердо... Пулеметы тявкают, как собаки. Гнусно, злобно, без остановки, визгливым голосом... Им вторят залпы пехоты. Их голос глуше, точно лает породистый пес...»²³

Ф.А.Стелун: «Ты не можешь себе представить, какая громадная разница в переживании шрапнели и пули. Шрапнель – вещь вполне рыцарская. Устремляясь на тебя, она уже издали оповещает свистом о своем приближении, давая тем самым в твоё распоряжение по крайней мере секунду, чтобы подготовиться и достойно встретить ее... В ней столько же фейерверочной праздности, сколько смертоносной действительности. Совсем не то ружейная пуля, вся энергия которой направлена на зло поранений и убийства. Она не слышна издали, когда она слышна, она уже не опасна: ее свист, ее разрыв – всегда жалоба на зря, без зла загубленную силу»²⁴.

В.В.Муйжель: «Ружейная трескотня щелкала короткими, не перестающими ударами. И вскоре к ним присоединился пулемет, сухой, отчетливый, издали напоминающий стук швейной машины. Это машинное производство смерти имеет в себе что-то бездушное, механическое. Как бы ни была тороплива стрельба из винтовок, всегда чувствуется нервничающая рука, направляющая ее. Это – живая стрельба, индивидуальность стреляющего невольно чувствуется в ней. Пулемет лишен души... Это – машина, и по самому быстрому ... темпу чувствуется бездушное равнодушие машины»²⁵.

Эти описания приобретают особый интерес при рассмотрении их в контексте эволюции взаимодействия Человека и Техники в начале XX в. Как мы видим, налицо попытка, с одной стороны, *дистанцироваться* от смертоносных звуков средств уничтожения на передовой, а с другой стороны, – напротив, *смягчить* степень их тревожно-гнетущего восприятия. Для решения указанных задач (как правило, неосознанно-интуитивного) фронтовиками активно использовался такой прием, как разнообразные эпитеты (в т.ч. «зооморфные»), применяемые к техногенным Звукам Войны: «озлобленный лай пулеметов» (Б.В.Савинков); «рев орудий», «разговор пушек» и «рочот пулеметов» (у многих авторов); «порявкивание орудий» и «сирена бомбы» (А.Жиглинский); «мяуканье пуль» (А.Барбюс, И.Эренбург); «пение полевых телефонов» и «трамвайное гудение» снарядов (В.В.Шульгин); «молот» разрывов артиллерии (А.Ксюнин, А.Барбюс); «стрекотание аэроплана» (Л.Войтоловский); «швейная машина пулеметов» (Б.В.Савинков, В.В.Муйжель, В.П.Катаев); и другие. Встречались и весьма необычные образные сравнения. «Осколки и пули сыпались вниз, производя звук вроде того, который производит молоко во время дойки коровы...»²⁶ «...Они [русские – С.К.] с завидным усердием стреляли по нашему самолету. Вокруг стоял треск, как от орехов, жарившихся на огне»²⁷. «Какой грохот сейчас вокруг! Орудие смолкло, но идет ружейная пальба, да такая пальба, что единственную улицу, ... где я нахожусь, как будто запрудили ломовые телеги, возницы яростно щелкают бичами, а грузчики свирепо сбрасывают кладь на землю, опрокидывая большущие возы с рельсами»²⁸. «Теперь уже отдельных выстрелов не было: они сливались в непрерывную цепь, и похоже было, что огромное железное ядро катается по каменной мостовой, давя и круша человеческие жизни»²⁹.

Итак, можно условно выделить две большие группы образов, связанных с техногенными Звуками Войны. Первая группа – это образы,

связанные с попытками «очеловечить», «одухотворить» жестокие и неумолимые звуки, которые издавали средства уничтожения, и тем самым в какой-то мере «примирить» их и с оставшимся в прошлом мирным человеческим бытием и с собственной личностью. Поэтому в качестве основного источника ассоциаций, как правило, использовались мотивы довоенной повседневности. Лицо попытка неосознанного преодоления — при помощи гипермнезии — мучительной фрустрации Передовой.

Вторая группа образов была обусловлена стремлением фронтовиков передать «темный лик Войны», ее бездушие и жестокость. Ассоциации военных звуков, издаваемых средствами уничтожения, здесь, как правило, довольно мрачны и несут на себе негативный психологический подтекст. «Все ближе и ближе злобное харканье, прерывистый грохот пулеметных раскатов и частые нервные вздохи винтовок... Огненный град свинца и железа с гулким рокотанием стелется по самой земле, испепеляя все движущееся и живое»³⁰. «Было слышно, как высоко в небе прокладывал себе путь тяжелый снаряд... Наконец, вымотав душу, где-то вблизи рвалось чудовище, созданное человеческим гением разрушения. Лишь отдаленное представление о разрыве тяжелых снарядов может дать ураган на берегу моря в осеннюю ночь, когда с грохотом и стоном разбиваются о береговые скалы громадные черные валы разгневанного моря»³¹. А вот как описывает один из русских офицеров бой у Орлау-Франкенау в Восточной Пруссии: «Откуда-то спереди, подобно исполтинским шмелям, с зловещим гудением летели снаряды, рвались с грозным грохотом... Временами ... отчетливо слышалось какое-то страшное та-та-та... Что-то дьявольское, ужасное было в этом однообразном, монотонном татаканье: то были пулеметы!»³²

Однако и к этим зловещим звукам военного времени человек, как правило, довольно быстро привыкал. «...Над нашими головами завизжали немецкие пули, зазвенела шрапнель. Немцы стреляют так часто, что на их пальбу не обращаешь внимания, — описывал один из офицеров сражение под Бялой, — получается сплошной шум, к которому привыкаешь, как к завыванию ветра...»³³ «...Мы были верстах в 14 от наших осадных орудий, — писал Ф.А.Степун из Галиции 28 октября 1914 г. — Громыхали они денно и ночью, но громыхание это не производило никакого впечатления. Оно было уже вполне привычным...»³⁴.

Восприятие Звука на Войне зависело от многих факторов: конкретной оперативной обстановки, физического и психологического состояния человека в тот или иной момент, накопленного им житейского и боевого опыта. Немаловажное значение имело и довоенное прошлое фронтовика, социопсихические компоненты его личности в целом.

Определенную роль играли также особенности национального менталитета. Так, в описаниях российских и французских солдат и офицеров гораздо чаще встречаются ярко выраженные эмоциональные характеристики «шумовых эффектов» Войны, что было связано с характерными чертами национальной психологии того и другого народа (включая интуитивно-образный тип мышления)³⁵. Весьма типично описание одной из бомбардировок, сделанное А.Барбюсом: «Оглушитель-

ный грохот, ослепительный свет, — настоящий апофеоз какой-то грозной феерии... Ложимся на землю ничком, так как пули поют и посвистывают, будто птицы в вольере. Под рукой чувствуешь мокрую траву, и кажется, что лежишь в огромной миске с салатом»³⁶. Напротив, в источниках, вышедших из-под пера немецких участников Первой мировой войны, даже при описании разнообразных «звуков Марса» акцент, как правило, делается на *волевым* характере боевых действий, связанном с необходимостью соблюдения строжайшей дисциплины и воинского долга³⁷.

Наряду с национальными, большое значение имели также общечивилизационные составляющие личности комбатанта. Если звуковые эффекты Войны, связанные с артиллерийской стрельбой, воспринимались представителями европейских народов примерно на одном психоэмоциональном уровне, то воины-сенегальцы, принимавшие участие в сражениях на стороне колониальной Франции, испытывали во время артиллерийских обстрелов панический ужас. «Когда черные впервые слышат артиллерийскую канонаду, — отмечал И. Эренбург, — их охватывает неудержимый, невыразимый страх. Многие падают наземь ниц, точно перед божеством. Но и потом этот страх не проходит. Пушки они зовут, как дети: «бум-бум», и при одном этом слове пугливо озираются»³⁸. Сенегальских солдат силой заставляли выходить из окопов в атаку под огнем артиллерии. После этого африканцы превращались в неудержимых и безжалостных воинов: скинув обувь и бросив винтовки, они «с звериным ревом» неслись вперед, а достигнув немецких окопов, резали большими ножами головы врагов³⁹. Таким образом, именно различие общечивилизационных ментальных установок между европейскими и африканскими воинами (включая слабое знакомство последних с новейшими результатами военно-технического прогресса⁴⁰) не только предопределяло резко противоположные реакции на Звуки, порождаемые Войной, но и во многом обуславливало поведение тех и других в бою⁴¹.

Итак, ассоциативный ряд техногенных звуков Первой мировой войны отличался исключительным разнообразием. Не случайно известный специалист Н.А. Ухач-Огорович в работе, вышедшей незадолго до войны и посвященной проблемам военной психологии, писал, рассматривая физиологический механизм восприятия Звука человеком на примере разрыва артиллерийского снаряда: «...Какая изумительная работа невидимо совершается в голове человека... Головной мозг вмещает в себе два огромнейших мира — физический и духовный, со всеми колоссальными переломными, какие в них совершаются»⁴².

Вторая большая группа Звуков Войны — это звуки *антропогенного* происхождения. Сюда относится разнообразная гамма звуковых эффектов, издаваемых самими солдатами и офицерами, техническим и медицинским персоналом, представителями другой воюющей стороны и, наконец, мирным населением прифронтовой полосы.

Особенно мощное воздействие антропогенные звуки Войны оказывали на солдат-новобранцев и только что попавших на фронт офицеров. Оказавшись в условиях постоянных стрессовых ситуаций, люди невольно попадали в сильную зависимость от своего ближайшего окружения⁴³,

что нередко негативно влияло как на их психику, так и на поведение: постепенно утрачивалось собственное «я», на смену которому приходило чувство коллективистской идентификации⁴⁴. Практически во всех воюющих европейских армиях рассматриваемого периода в той или иной форме наблюдались такие явления, как жестокое обращение с рядовыми со стороны офицеров, брань и издевательства⁴⁵. В русской армии подобные позорные примеры «неуставных отношений» также постепенно становятся обыденными⁴⁶. Особенно угнетающее воздействие оказывал как на солдат, так и на офицеров-интеллигентов невыносимый мат, плотная пелена которого густо окутывала все повседневное общение на фронте⁴⁷. «Ночлеги хуже застенков, — писал Л. Войтоловский. — ...Густая смесь матерщины, брюзжания и похабного анекдота»⁴⁸. «Темнота развязала языки, и в воздухе вместе с едкой матерщиной плясали злобные, свирепые крики...»⁴⁹ Отрицательно влияло на психику воинов и длительное пребывание множества людей в ограниченном пространстве, сопряженное с вынужденным межличностным общением, становившимся тягостным и изнурительным⁵⁰.

Какое место занимали звуки, находившиеся на противоположном полюсе чувственно-эмоционального спектра, — звуки радости и смеха в условиях военного времени? Источники содержат сравнительно небольшой материал по этому вопросу. В то же время, бесспорно, что смех играл на фронте существенную роль: пробуждая, казалось бы, забытые человеческие эмоции, он возвращал — пусть и ненадолго — к ценностям мирной жизни; придавал силы и уверенность воинам⁵¹. По этому шутки, улыбки, смех (зачастую связанные с умилением перед забытыми образами Природы⁵² либо с высмеиванием противника⁵³) были неотъемлемым атрибутом военного быта, вполне естественно уживаясь с грозным ропотом Войны. Так, А.А. Брусилов, описывая зимний праздник-маскарад 1915/16 гг. в русской армии, отмечал его важнейшее значение для поднятия боевого духа⁵⁴. Необходимо учитывать и индивидуальные особенности личности комбатанта: среди солдат и офицеров было немало тех, кто даже в тяжелейших условиях войны сохранял светлое, *жизнеутверждающее* мироощущение, черпая силы и в собственном Прошлом, и в тех зрительных и звуковых образах, которые по-прежнему несла с собой Природа⁵⁵. Отмеченная особенность связана с традиционной ментальностью русского крестьянина, свойственными для нее чертами народного космологизма⁵⁶. В то же время, подобный настрой сопровождался чувствами подавленности, уныния и тоски, характерными для большинства русских семейных солдат-домохозяев, вырванных Войной из привычного семейно-бытового и хозяйственного уклада⁵⁷. Отметим также несовпадение ключевых ментальных установок солдат и офицеров русской армии⁵⁸, что приводило и к ослаблению чувства воинского братства первых месяцев войны, и к различным формам проявления психологической реакции на вызовы Передовой (включая ее звуковые атрибуты).

Выделим также содержательные описания трагичных звуковых эффектов, проявлявшихся во время рукопашных атак⁵⁹, а также при массовом Исходе беженцев⁶⁰.

Источники содержат немало свидетельств мужества и выдержки, которые проявляли воины Первой мировой войны в условиях, когда Звук, как правило, нес за собой боль, смерть, разрушение, погружая тела и души в Хаос и Небытие. Подобный героизм, с одной стороны, являлся проявлением силы духа отдельной человеческой личности, с другой, — опирался на христианские нравственно-религиозные ценности⁶¹. «Кто был на войне, тот знает эту короткую, бессвязную, немую молитву — *«Господи помилуй»*, что гвоздит в мозг, когда уши оглохли от грохота лопающихся тяжелых снарядов, от рвущихся шрапнелей, когда все бесформенно, дико и так непохоже на жизнь и на землю. Кто не шептал эти два таких простых и таких великих слова, что лучше их ничего никогда не придумаешь...?»⁶² Именно звуки молитвы помогали не только солдатам и офицерам, но и всем верующим людям достойно переносить тяготы и испытания Войны. А.А.Брусиллов описывает случай, когда в день празднования Крещения 1915/1916 гг. группа медицинских сестер и военных подверглась во время молебна бомбардировке немецких самолетов. Несмотря на огромную опасность, все собравшиеся «достойно и спокойно» продолжали молиться, а «торжественное пение хора неслось ввысь навстречу врагу»⁶³. Полководец с гордостью отметил, что ни одна из сестер милосердия не дрогнула перед лицом смерти⁶⁴. Почему же именно православная молитва оказалась своеобразным «ключом» к раскрытию богатейших морально-волевых возможностей российского воина? С одной стороны, этому способствовали многовековые традиции христианской веры; с другой, — именно Звуки молитвы, воздействуя на людские души, содействовали обретению новых смыслов существования человека на Войне, выступая одновременно в качестве эффективных стимуляторов воинского поведения, образа мысли и чувствования в условиях Передовой⁶⁵. Характерно, что, встречая великие православные праздники на фронте, солдаты и офицеры, как правило, вспоминали, — наряду с дорогими сердцу зрительными приметами мирной жизни, — прежде всего, *звуки*, связанные с церковным богослужением (в первую очередь, знаменитый русский колокольный звон)⁶⁶.

Именно христианские духовные заповеди — через мощную энергетику Слова — помогали воинам не только понять, но и *принять* для себя необходимость как строгого соблюдения воинского долга и дисциплины, так и личного жертвенного участия в войне во имя защиты национальных интересов. Между тем, зловещие Звуки военного времени нередко вступали в противоречие с жизнеутверждающим настроением на преодоление смерти: «Но ведь наступление — шрапнель, — отмечал Б.В.Савинков. — ...Разве не поругание, когда лязгает в весеннем небе железо, и разрывается, визжа и жалуясь, сталь?.. Кто может сказать: «идите»? Ведь только тот, кто сам готов умереть»⁶⁷. Итог же этого духовного опыта был таков: «В армии нельзя говорить безответственных слов. В армии слово есть дело... «Мы как свечи перед Богом горим...» Так сказал мне один солдат. Я услышал его и не понял. Теперь я понимаю эти слова»⁶⁸.

«От войны осталась в душе молитва, чтобы в страшный час последнего боя со смертью Бог даровал бы мне силу и самую непобедимую смерть

ощутить залогом бессмертия»⁶⁹, — писал позже в своих воспоминаниях Ф.А.Степун. Отметим, что проблема сохранения христианских духовных ценностей в условиях Первой мировой войны не только нашла яркое отражение в области литературного художественного творчества⁷⁰, но и привлекает все более пристальное внимание современных исследователей⁷¹.

Итак, роль Слова на фронте была велика, а диапазон его воздействия охватывал широкие области как воинского поведения, так и сферы духовной жизни, психологии комбатанта. Не случайно внимание исследователей все чаще привлекает универсальный языковой механизм, позволяющий глубже понять различные социопсихические феномены Войны⁷².

Третья группа Звуков Войны — звуки *Природы*. В свою очередь, также условно выделим здесь три категории различных психических реакций. К первой категории относятся звуковые ощущения Природы, воспринимаемые фронтовиками в качестве привычного естественного фона и не несущие в себе ярко выраженного эмоционального посыла. Во вторую категорию реакций можно включить ощущения как негативного, так и позитивного характера, связанные, однако, не с природными процессами как таковыми, а с конкретным контекстом фронтовой действительности («оперативной обстановкой»). В условиях войны даже обычные явления природных стихий — ветер, дождь, гроза, и др. — воспринимались в основном сквозь призму стресса и фрустрации, как бы воплощая (а порою и усиливая) страх, тревогу, зыбкую атмосферу неопределенности человеческого бытия. При этом в сознании фронтовика звуковые эффекты Природы и Войны нередко сливались воедино, и на этом фоне вполне естественным становился вывод о пагубности и противоестественности взаимного «смертоубийства»: «Пишу на батарее под несмолкаемый гром отбиваемых нами атак немецкой гвардии... В небе тоже гроза. Кажется, мы ее сами накликали нашей стрельбой»⁷³. Однако, встречались и случаи иного рода, связанные с воодушевлением и возбуждением Боя: человек ощущал свою мнимую «сопричастность» с жестокой стихией уничтожения⁷⁴. Третья категория ощущений, связанных со звуками природного происхождения в условиях Первой мировой войны, — это ностальгические переживания, связанные с возвращением к утраченной мирной гармонии Природы. «Сейчас у нас весна, я живу только весною, я упиваюсь ею, — писал с фронта Ф.А.Степун. — Утром и вечером в заливных лугах свирисят жабы, а в приречном кустарнике ... рокочут соловьи... Господи, сколько мира и любви в природе!»⁷⁵. «Я долго стоял и слушал, как шумит лес, как дышат и жуют лошади. И понемногу становилось спокойнее и легче. Странно, что только одному человеку среди всех существ ... дана возможность осквернять Божий мир»⁷⁶.

Последнее замечание, также сделанное Ф.А.Степуном, отнюдь не случайно. Находясь на войне, люди ощущали горечь и стыд перед миром Природы, подвергшимся насилию и разрушению. Пожалуй, наиболее остро эти чувства проявлялись перед «землей-матушкой», на долю которой выпала самая тягостная участь. «Покрытая ледяной коркой ... земля стонала, как будто по ней били гигантским молотом великаны-кузнецы»⁷⁷. «Бедная Божья земля. Всю ночь она содрогалась от гула

орудий. Всю ночь над ней стоял стон выгружаемых раненых. Всю ночь она смотрела в глаза мерцающим звездам ... впадинами впрок заготовленных могил»⁷⁸. Похожие ощущения архетипической связи с Землей выражены и в источниках зарубежного происхождения. «От обстрела так вздыбилась земля, что долина словно содрогалась в приступах гнева, — писал Анри Барбюс. — Волны атакующей пехоты — так и кажется, что долина ... бушует, как море»⁷⁹. Чувство вины перед Природой тесно смыкалось с общим настроением большинства фронтовиков-европейцев, воспитанных в христианских традициях и испытывавших острую неприязнь к бесчеловечности и жестокости Войны⁸⁰.

Совершенно особое место занимала на фронте Тишина. С одной стороны, — она являлась для воина благодатной наградой после иступленной и хаотичной какофонии боя, вселяла чувство покоя и умиротворения, позволяя хотя бы на короткое время «прийти в себя», вновь ощутить родство с великим миром Природы. «Часам к 8 канонада затихла. В воздухе разлита мягкая вечерняя тишина, и это сразу переносит нас из мира с железными решетками и грохочущими цепями в мир, окутанный тихим человеческим счастьем»⁸¹. С другой стороны, — это состояние нередко вызывало тревогу, ибо вырывало человека из ставшего уже привычным мира жестокого противостояния: «На позициях, когда внезапно замолкают орудия, жуткой кажется тишина, — писал И.Эренбург. — Страшны и непонятны услышанные в окопах песня жаворонка или детский смех. Можно заставить человека жить иной жизнью, привыкнуть к невозможному, забыть все незабываемое. Но нельзя его бросать из окопов в детский сад, из горницы возлюбленной в окопы, ибо сердце не может больше, молчат уста и больно, смертельно больно»⁸². Сходные чувства выражены в походных записках Л.Войтоловского: «Тихо, ни единого выстрела. Даже аэропланы не летают. После вчерашнего боя это молчание кажется зловещим. У боя есть свои захватывающие моменты, свои пропитанные солью и сладостью тревоги. Грохот пушек и оглушает, и по своему взбадривает. Орудийные звуки можно истолковать и так, и этак... Железное молчание окопов хуже смерти. В тишине, ... в дремоте без грохота — уныние могилы. Солдаты тоже подавлены. Молчание — это смерть или... подготовка к убийству»⁸³. Похожие чувства, связанные с неожиданной сменой боевой обстановки на мирную, испытывали фронтовики и при виде прифронтовых населенных пунктов: тишина, окутывавшая их, рождала образы загадочных городов, переходящих из рук в руки, «колоссов войны, присевших отдохнуть»⁸⁴. Поэтому и звуки, издаваемые этими городками, казались «пришлыми», «чужими», не связанными с обычной Жизнью, — которая, в свою очередь, теперь ассоциировалась у многих воинов лишь с грохотом и канонадой Войны⁸⁵.

Иногда Тишина неожиданно настигала воинов во время боя. В.В.Муйжель: «Я видел открывающийся в усиленном крике рот, ... видел шевелящиеся губы, но решительно ничего не слышал. Буханье орудий поглощало собой все, и вместе с тем я через минуту видел, как ... офицер, обратившись к пробегавшему солдату, сказал что-то, и тот *понял и ответил, и офицер тоже понял*... Мне показалось, — делает вывод

автор, — что нервное напряжение всех участников настолько велико, что создало странную и чуткую детонацию, когда понимаю не нужно даже слов, движений, жестов, а достаточно одного взгляда, мелькнувшего выражения глаз...»⁸⁶ И, наконец, именно Тишина, — но уже Тишина умиротворения и Вечного Покоя⁸⁷, — была тем особым состоянием духа и тела, которое испытывали воины либо перед контузией и ранением, либо в последние мгновения жизни: «Невидимая рука сжала все тело... и, как детский мячик, подбросило вверх, — вспоминает В.Арамилев. — ...Надвинулся усыпляющий мрак. Тишина окутала застывшее сознание и наступил мягкий, желанный покой»⁸⁸.

Порою Тишина навевала у офицеров и солдат грустные размышления о далеком доме, об оставленных ими близких. Особенно сильным это чувство становилось в редкие часы и минуты передышки. «Совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе... И эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас»⁸⁹, — читаем мы в одном из фронтовых писем (типичном по своему психологическому настрою). Именно в подобные мгновения сердца участников и очевидцев сражений посещали воспоминания о прошлых ратных эпопеях России, — воспоминания, связанные как с рациональной составляющей их личности, так и с отголосками генетической памяти многих поколений: «Тишина в поле... Изредка в Карпатах вспыхивали молнии выстрелов, но так далеко, что звука не слышно. Вспомнил я сказание о том, как Дмитрий Донской перед Куликовским боем выехал в поле и слушал звуки на стороне русской и татарской, старался по звукам угадать исход сражения... Я остановился, долго слушал, и в душу пахнуло древностью»⁹⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что понятие «Тишина» являлось на фронте своеобразной квинтэссенцией всего человеческого Бытия. Не случайно Антуан де Сент-Экзюпери писал впоследствии не только о своем, но и о некоем обобщенном военном опыте постижения Безмолвия: «Какая бездна!.. Враг, мы сами, жизнь, смерть, война — несколько секунд тишины выражают все это»⁹¹.

Какое место занимали Звуки Войны среди других человеческих ощущений в условиях военного времени? Источники не дают однозначного ответа на этот вопрос. Для одних авторов записок звуковые ощущения Войны не являлись сколько-нибудь значимыми. Впрочем, таких людей (в основном, штабных работников) было немного. Для большинства же фронтовиков этот неотъемлемый, будничным элементом военного лихолетья занимал важное место в образной картине «своей Войны», связанной с неповторимым индивидуальным опытом⁹². В то же время, выделяются свидетельства (Б.В.Савинкова, Ф.А.Степуна, Л.Войтоловского, В.В.Муйжеля), в которых именно звуковые ощущения Войны занимают *ключевое* место в том собирательном образе военной обстановки, который складывался у фронтовика, во многом определяя как физио-психологический и интеллектуальный настрой конкретных эпизодов жизни человека на передовой, так и его мироощущение в целом⁹³.

В звуковых эффектах, описываемых фронтовиками начала XX в., явственно прослеживается еще одна важная тема — философско-мета-

физическая сущность Войны, которая предстает в качестве таинственного, сакрального явления. Оценка Звуков Войны сквозь призму экзистенциальных воззрений, апеллирующих к опыту непосредственного личного переживания, — один из путей решения этой сложнейшей проблемы, имеющей как научный, так и мировоззренческий, нравственно-религиозный характер. Прежде всего, отметим практическую значимость разработанной в рамках экзистенциализма (а в дальнейшем — и психоанализа) методики реконструкции человеческого опыта переживания Пустоты, Одиночества, Страха и Боли, — фундаментальных основ реального фронтового бытия⁹⁴.

Каким же образом отмеченные тенденции проявились в источниках Первой мировой войны? Наиболее интересный материал по этой теме содержится в трудах Ф.А.Степуна, В.В.Муйжеля, Б.В.Савинкова и А.Барбюса (что неудивительно: все они обладали как глубоким философским мышлением, так и незаурядным литературным даром). Война предстает в их сочинениях как широкомасштабная трагическая мистерия, понять смысл которой человек едва ли способен в полной мере. Однако именно звуковые ощущения Войны позволяют ее участнику пройти через Катарсис испытания и очищения собственной души: энерго-акустическая сторона «речей Марса» давала возможность выплеснуть скопившийся накал ненависти, страха, агрессии, — и, в то же время, пробудить «чувства добрые»: гуманизм, доброту и сострадание⁹⁵. Как подчеркивал Ф.А.Степун, все фронтовики «глубоко объединены чем-то более важным, чем вражда. Сущность этого объединения заключается ... в общности судьбы каждого из нас, какою-то таинственной волей поставленного перед лицом смерти... Вот этот тождественный в твоей судьбе и судьбе твоего врага момент, — заключает автор, — и есть то самое в войне, в чем мировая любовь и единение возносятся ... над враждою и рознью»⁹⁶.

С другой стороны, в сочинениях писателей-фронтовиков звуковые эффекты Передовой предстают в качестве своеобразного источника неэнтропийных процессов: давая энергию вдохновения (как правило, отрицательную), они побуждали воинов и к более активным действиям, и к углубленной рефлексии, приобщая тем самым к таинственной области Бессознательного⁹⁷. Пользуясь терминологией современной синергетики, именно уровень внутренней самоорганизации личности отдельного фронтовика позволял Хаосу войны превращаться в Порядок. Это давало человеку ощущение *сопричастности* и с другими людьми, и с Природой, и с великим таинством Мироздания в целом⁹⁸. Характерно, что уже исследователи начала XX в. обращали внимание на глубокое метафизическое значение, которое приобретала Первая мировая война⁹⁹, однако впоследствии, в годы Советской власти, указанная проблема перестает разрабатываться по идеологическим соображениям.

В описаниях Звуков Войны, вышедших из-под пера самих фронтовиков (включая писателей и военных корреспондентов, побывавших на Передовой) мы можем встретить оттенки почти всех человеческих чувств и эмоций: страха, тревоги, надежды, любви, радости, отчаяния, печали... Пожалуй, нет в них лишь одного чувства — иронии: призрач-

но-фантазмагоричный, — и, в то же время, сурово-материальный, непредсказуемый мир Войны не оставлял возможностей для демонстрации превосходства человека над Судьбой. Звук не только подавлял волю, — но и помогал фронтовикам справляться с давящим гнетом обстоятельств. Это был вестник Небытия — и напоминание о мирном, довоенном Прошлом; способ самозащиты — и, в то же время, попытка найти ответ на фундаментальные вопросы Жизни и Смерти, смысла человеческого существования. Звук олицетворял собою как вполне материальную, так и метафизическую силу, — многомерное и таинственное духовно-физическое пространство. Это был исток экзистенциального озарения, «духовный ожог», — и мучительное соприкосновение с инобытийными сферами Бессознательного¹⁰⁰. Уже одним своим существованием он учил воспринимать жизнь как данность, как драгоценный и единственный сакральный дар, — и осознавать ее непрочность, иллюзорность, трагизм. Он нес радость мгновенного, внерассудочного взаимопонимания фронтовых соратников — и глубину человеческого одиночества на Войне¹⁰¹. Звук давал опору в хрупком мире военного лихолетья — и отбирал эту надежду в любой миг¹⁰². Требуя от фронтовика обостренной мужественности, постоянной готовности к физическому и психологическому отпору, — он исподволь (путем очистительного Катарсиса и рефлексии) прививал сознанию, ослепленному стихией взаимного уничтожения, способность к компромиссам, эмпатии и покаянию, без которых невозможно гармоничное развитие личности и социума. Вместе с тем, имела место и противоположная тенденция: звуковые эффекты военного времени (особенно техногенные) выступали в этот период в качестве специфического средства адаптации человека традиционного общества к новым, антигуманистическим реалиям как европейской технократической цивилизации XX века, так и зарождавшихся в ее недрах тоталитарных государственных режимов.

Голоса Войны предстают в источниках в качестве загадочного информационного поля, «*Terra incognita*» Хаоса, из полифонии которого высвобождались звучания удивительной силы и значимости, не только вызывающие многообразные депрессивные состояния, но и обладающие позитивным духовным и «психотерапевтическим» эффектом¹⁰³. Звуковые ощущения выступали, прежде всего, в роли своеобразных жизнеформирующих катализаторов *личностного становления* фронтовика, индивидуальной динамики его телесной модальности и сложной социопсихической эволюции. Подобный уникальный опыт Войны имеет огромное значение: пристальное наблюдение человеком собственного «микрокосма» духа и тела — через звуковую симфонию Фронта — постепенно превращается в осознанную антропологию¹⁰⁴.

Анализ многообразных звуковых эффектов переднего края и прифронтовой полосы, а также ответных реакций на них со стороны участников и очевидцев сражений на полях Европы 1914–1918 гг. позволяет глубже изучить как индивидуально-неповторимые, так и групповые особенности процессов восприятия, мышления и образа действий «Ното

belli» начала XX столетия, вскрыть резервы его пассионарно-активного и жертвенно-пассивного противостояния миру разрушения и насилия¹⁰⁵.

Таким образом, Звуки Войны сыграли важнейшую историческую, психологическую и социокультурную роль в годы первого крупнейшего мирового конфликта прошлого века. Длительное время влияя — «весомо, грубо, зримо» — на психику и физиологию воинов и представителей гражданского населения, способствуя осознанию обитателями огромного евразийского пространства сильных и слабых сторон человеческой природы в экстремальных ситуациях Передовой, рельефнее выявив взаимодействие Личности и Техники в условиях стремительно модернизирующегося общества, они оказали мощное воздействие на современников, — воздействие, формы и масштабы которого нуждаются в дополнительном изучении.

¹ Пожалуй, наиболее ярко указанная тенденция отразилась в творчестве А. Барбюса, Э.М. Ремарка, П. Тиллиха, Э. Юнгера, К. Клемена, Ф.А. Степуна и Б.В. Савинкова (В. Ропшина). Можно отметить, в частности, неоднократно издававшиеся в нашей стране произведения: «Огонь» А. Барбюса, «Три товарища», «Возвращение» и «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка, «Конь вороной» Б.В. Савинкова, и др.

² См.: *Amberger W. Männer, Krieger, Abenteurer. Der Entwurf des «soldatischen Mannes» in Kriegerromanen über den 1. und 2. Weltkrieg.* Frankfurt a. M., 1987; *Höglund J.A. Mobilising the novel: The literature of Imperialism a. the First World War: Diss. for the degree of. Dr. Philosophy in English.* Uppsala, 1997; *Фоминых Т.Н. Первая мировая война в русской прозе 1920–1930-х гг.: историософия и поэтика.* Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998; *Сенявская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история.* 2002. № 1. С. 104, и др.

³ См., напр.: *Ухач-Осорович Н.А. Военная психология.* Киев, 1911. С. 36, 114–115; и др.

⁴ *Астахов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология.* Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 270; *Мионов В.В. Социокультурный облик фронтовика-австронемца в годы первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Тамбов, 2001. С. 18; и др.

Отметим также интерес исследователей к многообразной роли Звука в процессе формирования новых идей, образов и представлений. — См., напр.: *Осьмаков М.Н. «Образы заграницы» в контексте мира вещей (По материалам провинциальной прессы конца XIX — начала XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 2. М., 2002. С. 247–248; *Евразийское пространство: Звук. Слово. Образ.* М., 2003; *Румянцев С.Ю. Книга тишины. Звуковой образ города.* СПб., 2003.

⁵ *Крейдли Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык.* М., 2002. С. 212–276.

⁶ См.: *Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919.* Н.-Й.–М., 1990. С. 24–25; *Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 134; Голицер А. Жизнь современника.* Пер. с нем. М.; Л., 1929. С. 414–415, 439. См. также: *Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991. С. 401–403, 417–418.*

⁷ *Нашилов В.В. В поисках иных смыслов.* М., 1993. С. 190. — Ср.: *Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия.* М., 1990. С. 510–511; *Юнгер Ф.Г. Совершенство техники.* Прил. *Мировые войны // Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и ответственность.* Пер. с нем. СПб., 2000. С. 248–265. См. также: *Иванович М.*

- «Умереть за Родину»: Первая мировая война, или Столкновение «обычного человека» с тотальной войной // *Последняя война императорской России*. Сб. ст. М., 2002. С. 136-157.
- ⁸ *Ропшин В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 1916. С. 253. – Ср.: «Я знаю, что там стоит неприятель... Но я не чувствую враждебности того берега, потому что он молчалив и безлюден... Вдруг с противоположного берега ... гулко прокатился над рекой звук пушечного выстрела. Был этот звук огромен, не уместился в широкой долине Вислы, рассыпался по лесам дробными голосами... Сразу враждебен стал далекий берег... Скорее бы укрыться за какой-нибудь стеной». – *Кондурушкин С.С.* Вслед за войной. Очерки великой европейской войны. (Август 1914 г. – Март 1915 г.). Пг., 1915. С. 63-64.
- ⁹ *Ропшин В.* Из действующей армии (Лето 1917 г.) // *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. *Ропшин В.* Из действующей армии (Лето 1917 г.). М., 1918. С. 219, 220.
- ¹⁰ Там же. С. 236. – Ср.: *Солженицын А.* Красное колесо // *Звезда*. 1990. № 4. С. 17.
- ¹¹ Там же. «Снова свист, а за ним томительное ожидание. Слышишь, как около тебя осыпается с деревьев снег, как бьется замирающее сердце, и ждешь. Странное чувство. Там, у черной черты, такие же люди, как и мы, но сейчас они наши заклятые враги. Они ворвались в нашу жизнь, и радостное чувство охватывает при виде русских снарядов, разбрасывающих немецкие окопы». – *Ксюнин А.* Народ на войне (Из записок военного корреспондента). Пг., 1916. С. 235. Как отмечалось исследователями, характерной особенностью восприятия Звуков Войны российскими воинами, проявлявшейся во время обстрелов, являлось также чувство фатализма.
- ¹² *Муйжель В.В.* С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-Прусском фронте). Пг., 1915. С. 260.
- ¹³ «Взвизгнет шрапнель – идите, застучит пулемет – идите, затрещат нестройно винтовки – идите, разорвется трехдюймовый снаряд – идите, ... и заревет, и завоет, и зарохочет неприятельский «чемодан» – не отступите, идите... Сколько мужества, сколько стойкости, сколько душевной силы должен найти в себе человек, чтобы ... перебороть инстинкт сохранения жизни. Где источник этой отваги? Я отвечаю: в любви к родине и свободе». – *Ропшин В.* Из действующей армии. С. 221. См. также: Там же. С. 202, 236; *Духовные качества русского воинства*. Словарь // *Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В.Суворова и М.И.Драгомирова*. М., 2000. С. 133-177.
- ¹⁴ *Симанский П.* Паника в войсках. Пер. с польск. М.; Л., 1929. С. 29.
- ¹⁵ Там же. С. 129.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 119.
- ¹⁷ См., напр.: Вторая отечественная война по рассказам ее героев. Вып. 3. Пг., б.г. С. 137-138; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 41, 42-43. См. также о поведении людей при акустическом стрессе: *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983. С. 114-138.
- ¹⁸ *Дмитриев В.* Доброволец. Воспоминания о войне и плене. М.; Л., 1929. С. 11.
- ¹⁹ *Симанский П.* Указ. соч. С. 129-130.
- ²⁰ «Тело человека вибрирует, что позволяет ему регулировать ритм кровообращения, сердцебиения и дыхания с помощью вибраций языка...» – *Крейдлин Г.Е.* Указ. соч. С. 275. Именно резкие нарушения этой естественной вибрации в результате стресса оперативной боевой обстановки приводили к физиологическим и нервным срывам солдат и офицеров, – и, как следствие, к панике и бегству с передовых позиций. См. также: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 60-66.
- ²¹ См.: *Симанский П.* Указ. соч. С. 131. См. также: *Гаскуэн.* Эволюция артиллерии во время мировой войны. Пер. с фр. М., 1921; *Розье.* Развитие военной техники с начала войны 1914 г. Пер. с фр. М., 1922; *Эр Ф.-Ж.* Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. Пер. с фр. М., 1932; *Асташов А.Б.* Указ. соч. С. 270-271.

- ²² *Симанский П.* Указ. соч. С. 40-41, 162-163, и др.
- ²³ *Ропши В.* Во Франции во время войны. С. 31.
- ²⁴ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 39.
- ²⁵ *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 130.
- ²⁶ Из письма А. Жиглинского к матери от 22 марта 1916 г. — Цит. по: «Я горд тем, что могу быть полезен России». (Письма русского офицера) // *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 122.
- ²⁷ *Рихтгофен М. фон.* Красный истребитель. Воспоминания немецкого аса Первой мировой войны. Пер. с нем. М., 2004. С. 45.
- ²⁸ *Барбюс А.* Письма с фронта. // *Барбюс А.* Огонь. Ясность. Письма с фронта. Пер. с фр. М., 1940. С. 574.
- ²⁹ *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 63.
- ³⁰ *Арамишев В.* В думу войны. Записки вольноопределяющегося (1914—1917 гг.). Л., 1930. С. 226. — Ср.: «Раздавался оглушающий грохот, точно рушился до основания семизэтажный каменный дом...» — *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 41; «Шрапнель, как стальная метла, вымела все живое...» — Там же. С. 72; «Загремели четкие, как удар бича, выстрелы трехдоймовок». — Там же. «Сама война похожа на барабан, из которой звук извлекается механическим способом», — отмечал Ф.Г. Юнгер, описывая Первую мировую войну как гигантскую битву механических орудий уничтожения. — *Юнгер Ф.Г.* Указ. соч. С. 256.
- ³¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 68. — Ср.: «А где-то в отдалении снова выли и грохотали неприятельские батареи...» — Вторая отечественная война по рассказам ее героев. Вып. 3. Пг., б.г. С. 107; «Точно туча набежала; как частый крупный град посыпалась шрапнель и мягко зашлепала по рыхлой земле». — Там же. Вып. 5. Пг., б.г. С. 221; «Пули пели и свистали. Иногда казалось, что они сшибаются друг с другом, так часто и густо сыпались они. Деревья от них тряслись, словно от ветра...» — Там же. Вып. 4. Пг., б.г. С. 168.
- ³² Вторая отечественная война по рассказам ее героев. Вып. 4. Пг., б.г. С. 176. Налицо близость как содержательных, так и ассоциативных описаний Звуков Войны, — результат сходного экзистенциального опыта Передовой. Разрывая социальные связи и традиционные культурные нормы фронтовика, турбулентное пространство техногенных Голосов Войны воспринималось как преддверие Смерти, отлучающее его от Общества и Природы. Эта трагическая дилемма существования нередко обуславливала многообразные психопатологические состояния.
- ³³ Там же. С. 11. — Ср.: «Доносятся выстрелы, а кругом так обычно и невозмутимо, ... что кажется, будто не воинственный гул ложится по земле, а отдаются эхом дальние раскаты грома». — *Ксюнин А.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁴ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 12. «Гремят орудия... А люди с будничным спокойствием работают, едят, ругаются, шутят... Теперь я отлично знаю, что человек не может вечно думать о смерти, и те часы, которые остаются ему для жизни, он хочет прожить как можно легче, удобнее и беззаботней». — *Войтовский Л.* По следам войны. 2-е изд. Л., 1934. Т. 1. С. 27. Поэтому сознание фронтовика невольно «отстранялось» от негативного шума Войны. — См., напр.: «Я горд тем, что могу быть полезен России». С. 114.
- ³⁵ См.: *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994; *Российский менталитет*. М., 1996; *Смирнов В.П.* Франция: страна, люди, традиции. М., 1988. С. 99-103, 134-137; «Как вечный вызов тяжелому гусиному шагу своего врага-пруссак, французская пехота проходила нарочито ускоренным, легким коротким шагом, — отмечал А.А. Игнатъев. — Традиционные густые пехотные карре казались благодаря этому полными жизни и свойственного нации живого темперамента». — *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Кн. 3. М., 1942. С. 180; *Федоров В.Г.* В поисках оружия. М., 1964. С. 207-208. См. также о национальном менталитете комбатанта: *Britten Th.* American indians in World war I: At home and at war. Albuquerque, 1997.

- ³⁶ Барбюс А. Письма с фронта. С. 567 (Ср. с воспоминаниями Алена Боске о бое на побережье Нормандии 9 июня 1944 г.: *Боске А. Прошание // Боске А. Прошание. Роман. С блеском прожить незамеченным... Из записных книжек. Пер. с фр. М., 2001. С. 47-48.*
- ³⁷ Юнгер Э. В стальных грозах. Пер. с нем. СПб., 2000. С. 271-272, и др.; *Usedom O. Im Kampf mit dem russischen Koloss. Leipzig, 1916. S. 29-36, 92-98; Wilhelm, kronprinz. Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heidenkampf. Berlin, 1923. S. 146-148, 290-291; Witte F. Kriegsbriebe eines deutschen Studenten. Mit einer Einführung von O.Kern. Halle (Saale), 1917. S. 7-9, 57-58, 145-156. См. также: Николаи Г.Ф. Биология войны (Мысли естествоведа). Пер. с нем. Л., 1926. С. 171-182; Семянская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник. С. 108.*
- ³⁸ Эренбург И. «Цветные» // Эренбург И. Лик войны. (Во Франции). София, 1920. С. 64. Как отмечал автор, «бум-бум» для африканских воинов – это нечто непостижимое, таинственное и ужасное». – Там же.
- ³⁹ Там же. С. 65. В плен при этом никого не брали, т.к. само понятие «плена» у сенегальцев отсутствовало.
- ⁴⁰ Между тем, даже среди малограмотных солдат-европейцев технические средства войны и издаваемые ими звуки воспринимались в качестве хотя и страшных, но естественных явлений, вызывая вполне адекватные внутренние и внешние ассоциации: «Откуда-то птицами порхали ракеты». – Арамилев В. Указ. соч. С. 253; и др.
- ⁴¹ Говоря об общецивилизационных элементах личности комбатанта, мы, разумеется, отнюдь не разделяем европоцентристских либо расовых концепций: в данном случае имеются в виду противоположные психоэмоциональные реакции представителей отдельных этнических культур, во многом обусловленные различными национальными традициями и средой обитания.
- ⁴² Ухач-Озорович Н.А. Указ. соч. С. 114. Подробнее см.: Там же. С. 114-115. См. также: Резанов А.С. Армия и толпа. Опыт военной психологии в связи с психологией толпы. Варшава, 1910. С. 30, и др.
- ⁴³ «У новобранцев, молодых людей, душа очень восприимчива и впечатлительна, – писал один из военных психологов. – На такую душу сильно действуют примеры, образ жизни окружающих лиц, разговоры, внушения». – Ухач-Озорович Н.А. Указ. соч. С. 222. В условиях войны отмеченная тенденция заметно усиливается. – См., напр.: Поршинева О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. С. 257-258.
- ⁴⁴ «...Вся обстановка казармы ... подавляет индивидуальный ум и волю, ... вызывает привычку к подражанию и автоматизму... Сознание солдата концентрируется на личности своего начальника, ум совершенно опустошается под давлением однообразных впечатлений: ... одни и те же ружейные приемы и маршировка в ногу, под монотонный усыпляющий бой барабана». – Резанов А.С. Указ. соч. С. 31. Пользуясь терминологией американского психоаналитика Д.Ранкур-Лаферьера, можно сказать, что имеет место «воровство индивидуальной идентичности». «...Во время этих бесконечных маршей, которые мы миллионными колоннами совершали по дорогам, направляясь на ... поля сражений, – вспомнил впоследствии французский писатель П.Дрие Ла Рошель, – ко мне впервые в жизни пришло подавляющее, бесповоротное сознание, что единичный человек растворен в человечестве. Все ухищрения по части индивидуальности, неповторимости, самодостаточности, исключительности, которые можно было множить ... в иллюзорной жизни мирного времени, ... рассеялись, и осталось лишь одно: я - муравей и всецело привязан к муравейнику... Необоримая ... реальность армии, частичкой которой ... я был, затмила в моих глазах все: землю, небо, звезды». – Дрие Ла Рошель П. Дневник, 1939–1945. Пер. с фр. СПб., 2000. Прил. II. Сокровенная исповедь. С. 575. Подробнее о процессе деперсонализации фронтовиков в рассматриваемый период см.: Войтоловский Л. Указ. соч. Т. 2. С. 190, 488; Голицер А. Указ. соч. С. 37, 38, 439;

- Оськин Д. Записки солдата. М., 1929. С. 118-119; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. 8-е изд. М., 1987. С. 47-51. См. также: Розенфельд С. Окопы // Война. К 25-летию мировой войны 1914-1918. Л., 1939. С. 438, 464, 465.
- ⁴⁵ См., напр., о подобных явлениях во французской и австро-немецкой армиях: Барбюс А. Письма с фронта. С. 554; Миронов В.В. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁶ Арамилев В. Указ. соч. С. 37-38, 43-44; Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 47, 69, 71, и др.; Свечин А. Дневник Штукатура. М., 1919. С. 150, 154, 161.
- ⁴⁷ См., напр.: Прапорщик Шукин (Письма Б.В.Шукина к родным и друзьям) // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1986. С. 140; Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 50, 67, 69. Описывая в 1917 г. быт русских войск во Франции, И.Эренбург отметил ставшую привычкой грубую матерную брань французов при общении с нашими солдатами, с горечью заключая при этом: «...Все народы и все племена думают, ... что с нами иначе, не крича, не браня, не унижая, нельзя говорить. Кажется, это в глубине души мы думаем о самих себе то же самое». — Эренбург И. На чужбине // Эренбург И. На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917-1919 гг. СПб., 2000. С. 16.
- ⁴⁸ Войтоловский Л. Указ. соч. Т. 1. С. 41.
- ⁴⁹ Там же. С. 50. К.Симонов отмечал впоследствии в своих фронтовых дневниках: «Язык войны — жесткий язык».
- ⁵⁰ «...Ничто так не ценится в армейских подразделениях, ... как возможность хотя бы временной пространственной автономии». — Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002. С. 121.
- ⁵¹ «И на могиле попочался, / мы снова верили в себя, / и пели песни, и смеялись; / остроу, шуточку любя, / солдат российский вечно весел; / здоровый, бодрый, без прикрас, / не любит, кто ружье повесил... / Иди бодрее! Раз и раз!» — Солдатское горе (Ужас отступления из Галиции) или Сухомлиновщина. М., 1917. С. 5. «Всадники-друзи, в поход собирайтесь, / Радостный звук вас ко славе зовет...» — гласил сигнал трубы «Генерал-марш» тех лет. — Цит. по: Шамбаров В. За веру, царя и Отечество! М., 2003. С. 155. См. также: Там же. С. 158 (о полковых песнях). Роль музыки и песен в качестве важнейшего фактора стимулирования воинского духа фронтовиков понимало и военное командование. См., напр., приказ генерала А.Е.Эверта по гренадерскому корпусу от 15 окт. 1915 г. — Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 531. См. также размышления о музыке немецкого комбатанта: Witte F. Ebenda. S. 127, и. а. Как само мелодическое начало, так и воспоминания о нем превращались на Передовой в инструмент духовно-физического выживания, помогая преодолеть стресс, страх Смерти и испытываемое фронтовиком тревожно-щемящее чувство Богооставленности.
- ⁵² Войтоловский Л. Указ. соч. Т. 1. С. 54-55; и др.
- ⁵³ См., напр.: Война в воздухе и наши герои-авиаторы. Одесса, 1914. С. 7; Симаков В.И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополю, рекрутчину, любовные и т.д. Пг., 1915; Великая война в образах и картинах. 1914. №№ 1-3.
- ⁵⁴ «...Солдаты, наряженные всевозможными народностями, зверями, ... задали нам целый ряд спектаклей, танцев, состязаний, фокусов, хорового пения, игры на балалайках. Смеху и веселью было очень много. И вся эта музыка, шум и гам прерывались раскатами вражеской артиллерийской стрельбы... А среди солдат и офицеров ... царило беззаботное веселье...» — Брусилов А.А. Мои воспоминания. Изд. 4-е. М., 1946. С. 170-171. «...Праздник останавливает время и высвобождает человека из подчинения ему», что позволяет на время снять острый стресс. — Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 147. В условиях Передовой решение этой задачи приобретало особую значимость. «Звон глухих бубенцов сливался со звоном бокалов, а над всем этим

- миром лилась странная, сладостная тревожная песнь... Ошеломляло и удивляло то, что удивительна вовсе не война, а эта вечная мелодия Нового года, и в душе восходила радость, что мир крови и лжи отступил перед миром великой и безбрежной лирической стихии». — *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 38. См. также: *Митрополит Сурожский Антоний*. О церковных праздниках // *Сурожский А., митроп.* Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С. 130-148.
- ⁵⁵ См., напр.: *Вендров З.* Счастливым человек // *Война и евреи*. 1914. № 9. С. 1; *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 89-90.
- ⁵⁶ *Тулъцева Л.А.* Божий мир православного крестьянина // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)*. Материалы межд. конференции. Москва. 14-15 июня 1994 г. М., 1996. С. 294-305; *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия // Там же. С. 57-74. См. также: *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 60-103; *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 73-74.
- ⁵⁷ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 75, 78, 156-157. См. также: *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 257-258; *Фрумкина Р.* Фрустрация и аномия // *Фрумкина Р.* Внутри истории: Эссе, статьи, мемуарные очерки. М., 2002. С. 22-25.
- ⁵⁸ См.: *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 78; *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 53; и др. См. также: *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Искусство и картина мира. СПб., 2003. С. 381-405, 420-425.
- ⁵⁹ См., напр.: *Арашлев В.* Указ. соч. С. 225-226; *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 59-50, и др.; *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 141, и др.
- ⁶⁰ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 20; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. II. С. 207, и др.; *Тимофеев Б.* Чаша скорбная. М., 1918. С. 148-149.
- ⁶¹ Провести четкое размежевание указанных тенденций не представляется возможным: реальное психологическое состояние комбатанта зачастую не дает оснований для подобных выводов. — См., напр.: *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 82.
- ⁶² *Краснов П.* Душа армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927. С. 66-67. — Ср.: «На все Божья воля — таково единственное утешение для души во время войны». — *Рихтгофен М. фон.* Указ. соч. С. 76.
- ⁶³ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 169. — Ср.: «И услышал Иисус голос народа шумящего, и сказал Моисею: военный крик в стане. Но Моисей сказал: это не крик побеждающих и не вопль поражаемых; я слышу голос поющих» («Вторая книга Моисеева. Исход». Гл. 32).
- ⁶⁴ Культивированию волевого начала уделялось в русской армии в те годы особое внимание. Как отмечалось в одной из работ по военной психологии начала XX в., «...Воля — это активная боевая часть; ум — пассивный руководитель; чувства и совесть — резервы духовных сил. Отсюда совершенно ясно, что в военном деле наибольшее значение имеет воля, как непосредственно приводящая к победе». — *Ухач-Огороднич Н.А.* Указ. соч. С. 51. — Ср.: *Михайлов Л.А., Михеев Г.Д.* Военная психология: Учеб. пос. Вып. I. Психология личности военнослужащего. СПб., 1993. С. 135-146.
- ⁶⁵ См.: *Крейдлин Г.Е.* Указ. соч. С. 276; *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 53-56, 59, и др.; *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 293, 294; *Свечин А.А.* Указ. соч. С. 150, 157, 162, 163, 179; *Лемке М.* Указ. соч. С. 520-521, 531. Видимо, не случайно значительная часть фронтовых свидетельств носит ярко выраженный экзистенциально-исповедальный характер.

Огромное духовно-психотерапевтическое значение православной молитвы в условиях Передовой подтверждается современными научными исследованиями. – См. также: *Вьюницкий В.И.* Слово врачующее // *Сытин Г.Н.* Животворящая сила. Помогите себе сам. СПб., 1993. С. 4-9. Метод СОЭВУС Г.Н.Сытина по преодолению стрессовых ситуаций при помощи текстов-настроев используется при подготовке спасателей МЧС.

⁶⁶ См., напр., письмо унтер-офицера И.И.Чернецова к сестре Е.И.Огневой от 29 дек. 1914 г. – «Рождество нам придется встречать на передних позициях» (Письма с Первой мировой войны) // *Сеняская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 142. См. также: *Свечин А.* Указ. соч. С. 172. Истоки отмеченного явления коренятся, прежде всего, в национальных духовно-патриотических традициях и социопсихическом механизме религиозного культа. – См.: *Меньшиков М.О.* Родина и герои // *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. СПб., 1908. С. 298; *Флоренский П.* Из богословского наследия // *Богословские тр.* Т. XVII. М., 1977. С. 136-137. См. также: *Румянцев С.Ю.* Книга тишины. Звуковой образ города. СПб., 2003.

⁶⁷ *Ропшин В.* Из действующей армии. С. 202.

⁶⁸ Там же. С. 202, 236. (См. также: *Халмогоров Е.* Армии Апокалипсиса // *Спецназ России.* 2002. № 9 (72). С. 4). В то же время, Первая мировая война воспринималась основной массой солдат «как страшное стихийное бедствие, с которым невозможно бороться». – *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 257. Отметим, что представления о «демоническом» характере войны в значительной степени базировались на звуковых эффектах переднего края и были характерны для армий всех воюющих европейских держав. – См., напр.: *Барбюс А.* Дневник военных лет // *Барбюс А.* Огонь. М., 1985. С. 131; *Юнгер Э.* Указ. соч. С. 113-114, 268, 269, и др.

⁶⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 286. По существу, речь идет о синтезе катафатического пути Богопознания, – через экзистенциальный физио-психический опыт Передовой, с Богопознанием апофатическим – через звуки молитвы и фронтовой медитативный опыт постижения Тишины. Этот вывод подтверждается как материалами первоисточников, так и разработками православной антропологии и трансперсональной психологии. См. также православно-антропологическую трактовку двойственной – духовно-телесной – природы Человека (тесно смыкающуюся с основным теоретико-методологическим постулатом военно-исторической антропологии): *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества (Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире). М., 1998. С. XI, XII.

⁷⁰ См., напр.: *Чучвага Л.М.* Концепции войны в эпопеях «Тихий Дон» и «Красное колесо» // *Войны России XX века в изображении М.А.Шолохова.* Шолоховские чтения. Ростов н/Д., 1996. С. 86-92.

⁷¹ *Захарова В.Т.* Христианские истины в восприятии героев Первой мировой войны (По произведениям И.Шмелева 1914–1916 гг.) // *Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Рос. научн. конф., 19–20 апр. 2000 г.* Н.Новгород, 2000. С. 127-129; *Кирюхина Е.М.* Первая мировая война – правда жизни и правда искусства // Там же. С. 211-215; *Миронов В.В.* Указ. соч. С. 17; и др. Вместе с тем, трудно согласиться с утверждением В.В.Миронова о том, что «нестабильное психологическое состояние подталкивало военнотрудовых к тому, чтобы находить в религиозных культах и их суррогатах защиту от разного рода опасностей». Представляется, что позитивное значение нравственно-религиозного фактора, сдерживавшего распад традиционных аксиологических ценностей фронтовиков и предотвращавшего их асоциальное поведение, было гораздо весомее любых «негативных издержек». Об этом косвенно свидетельствует и анализ психоментальности революций 1917 г. – *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119-139, и др.

- ⁷² «Язык так тесно прилегает к конкретному событию и его чувственному образу, — отмечает Г.Амелин, — что исчерпывает ... его звуком, запечатлевая тончайшие нюансы его внутреннего облика». — Амелин Г. Война и мир языковых игр // НГ Эк libris. 2003. 17 июля. С. 7. См. также: Дорощев Д.Ю. Язык в структуре допредикативного опыта // Метафизические исследования. Вып. 4. Культура. СПб., 1997. С. 314-329; Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Пер. с фр. СПб., 1994. С. 229-258; Волкова Н.А., Григорович Л.А. Проблемы описания военного жаргона (лексико-семантический аспект) // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: человек и его дискурс. Сб. науч. тр. М., 2003. С. 340-367.
- ⁷³ Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 80.
- ⁷⁴ «Он душу мне залил метелью / Победы, молитвы, любви... / В ковыль с пулеметною трелью / Стальные легли соловьи...» — писал позже один из популярных поэтов-фронтовиков Белого движения Н.Мазуркевич о своем первом бое. См. также: «Я горд тем, что могу быть полезен России». С. 126; Юнгер Э. Указ. соч. С. 271-272; Белов В. Евреи и поляки на войне. Впечатления офицера-участника. Пг., 1915. С. 83-84, 90-92; Николаи Г.Ф. Указ. соч. С. 83-92, 99-103; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. С. 362.
- ⁷⁵ Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 79.
- ⁷⁶ Там же. С. 104. После релаксации, которую ненадолго дарило живительное молчание Природы, фронтовиками особенно остро ощущался диссонанс Войны, сопровождавшийся переходом в реактивное состояние: «Над всею картиной нависала глухая, глубокая тишина. И вдруг она ... разорвалась сверху до низу: где-то ... привычным гулом прокатились два пушечных выстрела... Эти два выстрела произвели на меня громадное впечатление. В них, словно в глубине морской, утонула моя тыловая душа, и в них же ... всплыла моя фронтовая». — Там же. С. 140.
- ⁷⁷ Арамилев В. Указ. соч. С. 253. — Ср. с фронтовыми письмами художника А.И.Кравченко 1914 г.: «Земля буквально дрожит... Всякий ужас бледнеет в сравнении с ужасом боя...»; «Земля израненная, кричала в боли и ужасе далекому, ... великому, чудесному небу». — Цит. по: Кравченко Н. Отец // Наше наследие. 1997. № 41. С. 125.
- ⁷⁸ Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 9. — Ср.: Яковлев А. Мужик // Живая вода: Советский рассказ двадцатых годов. М., 1986. С. 135-136.
- ⁷⁹ Барбюс А. Дневник военных лет. С. 231. Отмеченные тенденции находят подтверждение и в источниках, относящихся к периоду второй мировой войны. Так, снайпер А.И.Чехов отмечал во время Сталинградской битвы: «Вечером иногда выхожу из подвала, смотрю - сердце пост, хочется хоть на полчасика в живой огород. Выйдешь, подумаешь: Волга тихо стоит, неужели Волга наша для этого страшного дела?» — Цит. по: Гроссман В. Сталинградская записная книжка // Гроссман В.С. Годы войны. М., 1989. С. 387. «Осень уже вовсю хозяйничает в этом краю. Красиво и повсюду тихо!» — Сайер. Г. Последний солдат Третьего рейха. Пер. с англ. М., 2003. С. 10. «Вдали плескалось море, а позади слышался шум войны» — Там же. С. 469.
- ⁸⁰ Степун Ф. (Лугин Н.). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 45-46, 53-55, 68-70, и др.; Из дневника М.М.Пришвина от 18 октября 1914 г. // Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С. 67; Ксюнин А. Указ. соч. С. 4, 92, и др. См. также: Поршинева О.С. Указ. соч. С. 257; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997. С. 264-271.
- ⁸¹ Войталовский Л. Указ. соч. Т. II. С. 187. См. также: Usedom O. Ebenda. S. 98-100. Ср.:
 «Слушай, сын, тишину -
 эту мертвую зыбь тишины,
 где идут отголоски ко дну.
 Тишину, где немеют сердца,
 где не смеют поднять лица». (Федерико Гарсиа Лорка. «Тишина».)

⁸² Эренбург И. «Цветные» // Эренбург И. Лик войны. С. 24.
⁸³ Войтоловский Л. Указ. соч. Т. II. С. 204 (Ср.: Белов В. Указ. соч. С. 9-10, 93).
Описывая необычайный эмоциональный подъем во время боя (связанный в значительной степени с «острой радостью канонады» и «грохочущей силой орудий»), автор далее отмечает: «Но как только затихнут пушки, сонная апатия овладевает умом и сердцем. Чувствуешь себя разбитым, одиноким и выброшенным из жизни». — Там же. С. 220.

⁸⁴ Муйжель В. В. Указ. соч. С. 81.

⁸⁵ Там же. — Ср.: Ксюнин А. Указ. соч. С. 4; *Usedom O. Ebenda. S. 98-100.*

⁸⁶ Там же. С. 261.

⁸⁷ Отметим, что собирательный образ Вечного Покоя и Тишины, даруемых павшим воинам, широко использовался в российской культуре начала XX в. — См., напр., о популярной кинокартине «Спите, орлы боевые» 1916 г. *Неллигер А. Н. Ушедшие годы // Дворянское собрание. 1998. № 9. С. 242.*

Ср.: "...Самолет с глухим звуком рухнул на землю... Наступила тишина — могильная тишина, нарушаемая только шумом топлива, вытекающего из пробитых баков". — *Кноке Х. Я летал для фюрера. Дневник офицера люфтваффе. 1939-1945. Пер. с англ. М., 2003. С. 37, 38.*

⁸⁸ Арамилев В. Указ. соч. С. 254. В литературе также встречаются описания такого интересного физио-психического феномена, как внезапная «остановка» Времени и Звука в период обстрела. — *Шульгин В. В. Дни // Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 227-228. Ср.: Зенин Д. Может быть, потому что было // Техника — молодежи. 1980. № 3. С. 50; и др. См. также: Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. М., 2003. С. 16-21.*

⁸⁹ Из письма унтер-офицера И. И. Чернецова к сестре Е. И. Огневой от 29 декабря 1914 г. — Цит. по: «Рождество нам придется встречать на передних позициях». С. 142. — Ср. с поэтическим письмом В. Катаева 1916 г. из действующей армии: *Катаев В. У орудия // Катаев В. П. Собр. соч. в 10 тт. Т. 10. М., 1986. С. 622.*

*«Взлетит зеленой звездочкой ракета
И ярким, лунным светом обольет
Блиндаж, землянку, контуры лафета,
Колеса, щит и, тая, — упадет.
Безлюдье. Тишь. Лишь сонные патрули
Разбудят ночь внезапною стрельбой,
Да им в ответ две-три шальные пули
Со свистом пролетят над головой.
Стою и думаю о ласковом, о милом,
Покинутом на теплых берегах.
Такая тишь, что кровь, струясь по жилам,
Звенит, поет, как музыка в ушах.
Звенит, поет. И чудится так живо:
Звенят сверчки. Ночь. Звезды. Я один.
Росою налита, благоухает нива.
Прозрачный пар встает со дна лощин.
Я счастлив оттого, что путь идет полями,
И я любим, и в небе Млечный Путь,
И нежно пахнут вашими духами
Моя рука, и волосы, и грудь».*

В. Катаев.

Подобная психологическая установка ярко отразилась в тексте к вальсу «На сопках Манчжурии», написанном после русско-японской войны, но завоевавшего особую популярность в годы Первой мировой войны.

⁹⁰ *Кондурушкин С. С. Указ. соч. С. 277.* Звуки Войны, таким образом, обостренно актуализировали воспоминания фронтовиков.

⁹¹ *Сент-Экзюпери А. де.* Среди ночи голоса врагов перекликаются из окопов // *Сент-Экзюпери А. де.* Военные записки. 1939–1944: Худож. публицистика. Пер. с фр. М., 1986. С. 42. — Ср.: *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 251. См. также об экзистенциальном опыте молчания, пережитом П.Тиллихом на Западном фронте: *Лезов С.В.* Теология культуры Пауля Тиллиха // *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. Пер. с англ. М., 1995. С. 462–463. Трактовка фронтовой Тишины в поэзии и прозе, а также в музыкально-песенном творчестве и кинематографе XX в. заслуживает специального научного анализа.

⁹² Необходимо учитывать, что человек оставался *заложником* Войны, его творческая энергия была скована, поэтому авторы описаний фронтовой действительности, несмотря на богатую палитру переживаний, зачастую не могли найти иных форм самовыражения, помимо традиционных образов и неожиданных ассоциаций. См. также: *Тугендхальд Я.А.* Проблема войны в мировом искусстве. М., 1916. «Мы всегда в плену у языка и рождаемых им образов... — подчеркивал Антуан де Сент-Экзюпери. — Человек высвобождается только тогда, когда придумывает новые понятия». — *Сент-Экзюпери А. де.* Кто ты, солдат? // *Сент-Экзюпери А. де.* Военные записки. С. 36. См. также описание типично-стереотипного представления населения тыла о Звуках Войны: *Волконский С.М.* Годы войны // *Волконский С.М.* Мои воспоминания. В 2-х т. Т. 2. М., 1992. С. 222, 223.

Ср.: «Я до сих пор ощущаю, как бегут по моим рукам пулметные ленты, вижу, как из дула пулемета при каждом выстреле вылетает со вспышкой смертоносный свинец, сила отдачи ранит мне лицо и руки, а в грохоте пальбы раздаются отчаянные крики: «Помогите! Помогите!» Что-то страшное и отвратительное вселилось в наши души, не желает выходить и преследует нас». — *Сайер Г.* Указ. соч. С. 226.

«Затем нас снова охватил ураган, сея боль и ужас... Мы потеряли дар речи, не находили слов, чтобы выразить то, что чувствовали. В душе тех, кому пришлось пройти через то, через что прошли мы, навечно остался подспудный страх, с которым человек не в силах совладать. С годами этот страх лишь усиливается, и с ним ничего нельзя поделать: даже я, пытаюсь выразить пережитое, не могу об этом говорить». — Там же. С. 232.

⁹³ Что же касается прямых свидетельств фронтовиков, относящихся к «сравнительному анализу» чувств на Войне, то их дошло до нас очень мало. Заслуживает внимания точка зрения И.Эренбурга, который писал: «Глаз может забыть зрелище войны, трупы и скелеты, куски мяса, пустыню, кладбища. Ухо может забыть ее звуки, грохот тяжелых снарядов, мяуканье и визг мелких, треск гранат, дробный стук пулеметов, рев солдат, идущих в штыки, стон оставленных ... раненых. Но если исчезнут видения, если замолкнут на век страшные голоса, останется в памяти неистребимый, преследующий до последнего часа, запах войны». — *Эренбург И.* «Цветные». С. 10. — Ср.: *Войтоловский Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 38–41; *Савинков Б.В.* Во Франции во время войны. Очерки // *Савинков Б.В.* (В.Ропшин). То, чего не было. М., 1992. С. 520–521.

⁹⁴ Как отмечает П.Тиллих (лично переживший подобный опыт Передовой), именно экзистенциализм «выводит переживания человеком этих состояний ... из осознания конечности, которое проявляется в тревоге; из отчуждения от самого себя и своего мира. Экзистенциализм указывает ... на угрозу небытия во всех ее аспектах — от смерти до вины... Он — выражение мужества встретить бессмысленность лицом к лицу как ответ на вопрос о смысле». — *Тиллих П.* Теология культуры // *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. Пер. с англ. М., 1995. С. 321, 364. В этой связи, на передний план выходит проблема изучения Катарсиса Войны. Об исследовании катарсического феномена в России начала XX в. см.: *Максимов Д.Е.* О романе-поэме Андрея Белого «Петербург». К вопросу о катарсисе // *Максимов Д.Е.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 240–348.

К вопросу о Катарсисе: «Нас учит страдание, — писал великий прозаик XX в. Генри Миллер. — Война не является неизбежностью, она — выражение нашего грубого и глупого способа обретения опыта. Она приходит, как рок, потому что мы отказываемся следовать своей судьбе. Вспыхнувшая ненависть сводит в смертельной схватке тех, кто противостоит друг другу, восхищение, сострадание, любовь идут по пятам смерти. Момент понимания, момент истины наступает, когда принесена последняя жертва. Однако мудрость не требует обогреть кровью героизма...» См.: *Миллер Г.* Вспоминать, чтобы помнить: Эссе. Пер. с англ. М., 2001. С. 158.

⁹⁵ «...Испанец Мельдез, человек тупой и жестокий, зарезавший своего друга — шулера, как и он, — признается: — Черт побери, я бы много дал, чтоб услышать сейчас, как ребята смеются! Хорошо больно они смеются: «и-и-и», будто ручеек плещет... Это чудо перерождения. Кляните смерть — она закрывает книгу, но не она ли роковым гулом приближающихся шагов заставляет нас понять прекрасные таинственные письма жизни?» — *Эренбург И.* Лик войны. С. 105-106. Именно Звуки Войны были способом познания неисчерпаемости жизненного начала, важным шагом к пониманию созидательного, «мирного» предназначения Человека.

⁹⁶ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллера. Томск, 2000. С. 42. См. также: *Оськин Д.* Указ. соч. С. 281-282; *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 77-78, и др.; *Эренбург И.* На чужбине. С. 12-14. Отдельные аспекты темы нашли отражение в работах российских и зарубежных историков: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 257-263, 276-279; *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 322-325; *Миронов В.В.* Указ. соч. С. 16-17, 25; *Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkrieges.* Essen, 1997; и др.

⁹⁷ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллера. Томск, 2000. С. 66, 82, и др.; *Юнгер Э.* Указ. соч. С. 113-114, 268, 269, и др. См. также: *Архимандрит Киприан.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 379.

⁹⁸ Именно путем Катарсиса, — нередко с помощью дисгармоничных звуковых средств, — человек начинал глубже осознавать и трагическую противостоительность Войны, и свое собственное место в окружающем мире, и значимость элементарных основ мирного людского бытия. — *Эренбург И.* Лик Войны. С. 4; *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 11, 105, 89-90, 251; и др. См. также: *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры // *Логос.* М., 1912. С. 1-2.

⁹⁹ «Безусловно, наиболее существенное, что создает нынешняя война, будет признание роли иррационального в судьбах человечества. Проблема жизни будет поставлена заново... И сердцем этой проблемы будет не разум, ... ненавидевший иррациональное и свергнутый войною, а нечто другое, у Бергсона называющееся инстинктом, в обычном языке — душою». — *Евдокимов Л.В.* Грядущее народов в современных предсказаниях // *Военный сборник.* 1915. № 9. С. 121, 126. См. также: *Бергсон А.* Творческая эволюция. Пер. с фр. М., 2001; *Риккерт Г.* Философия жизни. Пер. с нем. Пг., 1922. С. 27-28. Между тем, современные исследователи, даже признавая иррациональные стороны Первой мировой войны, как правило, пытаются дать им утилитарно-позитивистское логическое объяснение. — *Фоминых Т.Н.* Первая мировая война в русской прозе 1920-1930-х гг. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. С. 23-24; *Степанов А.И.* Россия в первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. С. 115-116; и др.

¹⁰⁰ *Степун Ф. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллера. Томск, 2000. С. 82, 115-117; *Муйжель В.В.* Указ. соч. С. 43-44, 66, 150, 202, и др.; *Шульгин В.В.* Указ. соч. См. также: *Губин В.Д.* Жизнь как метафора бытия. М., 2003.

¹⁰¹ «Я не испытываю презрения к тому, чем я был в тот момент. Мне нравится этот славный простофиля, который предпочитает свою маленькую лужу ог-

ромной коллективной трясине, — вспоминал П.Дрие Ла Рошель, — и среди сотен миллионов пуль, что вот-вот засвистят, завизжат вокруг него, надеется выбрать, точно перстенок в футляре, одну-единственную. Вот так агонизировал индивидуализм за три года до Октябрьской революции». — *Дрие Ла Рошель П.* Указ. соч. С. 576.

¹⁰² См. одно из наиболее ярких описаний подобного рода: *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 69-70.

¹⁰³ Как мы убедились, звуковые эффекты (включая Тишину) являлись одним из действенных способов обеспечения относительной психологической стабильности (гомеостаза) фронтовиков.

¹⁰⁴ Историко-антропологическая значимость Голосов Войны осознавалась и самими современниками. Так, М.Лемке подчеркивал: «Я ни на минуту не забывал, что моя роль — преимущественно роль фотографа и фонографа...» — *Лемке М.* О дневнике // *Лемке М.* Указ. соч. С. XVI.

Как отмечал К.Ясперс, целью антропологии является «не общечеловеческая психология, а типическое бытие человека как специфическое бытие индивидуального характера». — *Ясперс К.* Указ. соч. С. 383. Изучение многообразных звуковых эффектов Войны, безусловно, способствует решению этой задачи, — притом, что подавляющее большинство из использованных нами в качестве источников фронтовых свидетельств отличает примат интуитивно-образного творческого начала над рационально-аналитическим.

Акмеология — одна из новых областей человекознания. Человек исследуется в ней и как индивид (здоровье, возможности-ограничения, индивидуальные особенности), и как личность, и как субъект деятельности и жизненного пути.

¹⁰⁵ Представляется, что одним из перспективных научных подходов при дальнейшем исследовании указанной темы является использование как новейших достижений акмеологии и психоанализа, так и творческого наследия Э.Фромма и П.Тиллиха, включая разработку вопросов об экзистенциальной дихотомии человека. — См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с англ. М., 1994; *Тиллих П.* Мужество быть // *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. С. 27-48; *Овчаренко В.И.* Классический и современный психоанализ. М., 2000; *Деркач А.А.* Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М., 2000.

СНОВИДЕНИЯ, РОЖДЕННЫЕ ВОЙНОЙ

С 1914 по 1922 гг. Россия перманентно пребывала в состоянии войны. Социальная память упорно хранит следы восприятия событий, оставленные очевидцами и современниками сравнительно отдаленной от нас эпохи. Мысли и переживания людей, вовлеченных в водоворот Первой мировой и гражданской войн, запечатлены необозримым множеством исторических источников, и сегодня как будто нет оснований жаловаться на недостаток соответствующих свидетельств. Однако, в колоссальном массиве документальных напластований, с которым приходится иметь дело историку, все же существуют горизонты, где плотность информации о «жизни сознания» крайне низка. Речь идет о тех немногочисленных источниках, где заключены записи сновидений.

Разглядеть причины дефицита подобных документов нетрудно. Даже современный образованный человек, чей культурный багаж хотя бы в латентном виде содержит представление о роли сновидений, заложенное теорией психоанализа, не особенно стремится запоминать картины своих снов, анализировать их, и еще менее он склонен фиксировать все это письменно. Многое здесь зависит от того, насколько серьезно мы относимся к сновидениям. Что же говорить об авторской позиции тех, кто жил в первые десятилетия XX века: большинство мемуаристов, отображавших бурную эпоху войн и революций в России, осознанно или нет, но воспринимали сны в качестве маргинального, малозначащего продукта своих переживаний, которому не место на страницах воспоминаний и дневников. Тем ценнее для нас сохранившиеся описания снов — эти дополнительные свидетельства о переживаниях, представлениях и культурных смыслах, бытовавших в индивидуальном и массовом сознании очевидцев великих социальных потрясений.

Оговоримся сразу: наша работа не претендует на широкие обобщения. Поставленная здесь задача гораздо скромнее — с точки зрения историка постараться хотя бы частично уловить своеобразную «логику» отображения феномена войны в зеркале сновидений человека начала XX столетия. По возможности, мы также попытаемся прокомментировать скрытые смыслы снов, используя некоторые подходы психологии и культурологии. Материалом для описания и анализа послужили сновидения «людей войны». Иными словами тех, кто сам участвовал в боевых действиях, кто непосредственно наблюдал страшные лики смерти и картины массовых человеческих бедствий, кому в полной мере довелось окунуться в море эмоций и чувств, порожденных обстановкой кровавой борьбы, будь то вооруженное противостояние с внешним врагом, либо война гражданская.

Когда в тексте личного происхождения, содержащем описание военных реалий, встречается слово «сон», это не всегда означает, что перед нами рассказ о фабуле ночных грез того или иного мемуариста. Иногда мы наталкиваемся лишь на свидетельство об особом видении действительности, восприятие которой уподобляется автором воспри-

ятию сна, чаще всего кошмарного. Так, Виктор Шкловский, находившийся в русских войсках на территории Персии в качестве комиссара Временного правительства, вспоминал, как при попытке остановить погром на базаре города Урмия он вынужден был убежать от преследовавших его разъяренных солдат, и ему представлялось, что все это сон, причем сон, который он когда-то уже видел: «Дело было на перекрестке туннелей. Я побегал. Это не доказывает большой храбрости... И все казалось сном. У меня еще раньше был такой кошмар, будто я бегу по узкому, низкому коридору с выбеленными стенами, переходящими в потолок. Похоже немножко на коридоры Александрийского театра, только раз в пять уже и ниже. Кругом двери и двери. Ровный белый свет, а сзади погоня. Бежишь и прячешься за двери... Я вспомнил и вновь пережил уже наяву этот кошмар в серых туннелях урмийского базара»¹.

Поэт-эмигрант и георгиевский кавалер Борис Волков написал такие строки, рисующие эпизод отражения атаки красных:

*«Как сон, помню: шли без счета,
И в небе — горящий шар...
И труп мой от пулемета
Отбросил в снег комиссар...»²*

Конечно, автор ввел в стихотворение метафору сна ради усиления художественного эффекта, но, возможно, он сделал это не только по причинам, обусловленным чисто поэтическими задачами. Возможно здесь сработал своеобразный автоматизм мышления, заставляющий нас даже в воспоминаниях о далеком прошлом относить наиболее критические моменты бытия к области сновидений. И тогда отождествление подобных ситуаций и снов, где с человеком происходят фантастические, но не влекущее страшных последствий для его реальной жизни события, оборачивается спасительной соломинкой шокированного сознания. Вообще же приравнивание яви к состоянию сна, а реальных событий к фантазмагориям сознания спящего само по себе не редкость, и этот феномен в истории культуры можно было бы отнести к разряду архетипических. В нашем случае действие архетипа обладало лишь той спецификой, которую задавали конкретно-исторические границы места и времени.

Сознание современников, помимо стирания грани между сном и реальностью, порождало и несколько иной вариант их соотношения. Выразился он представлением о том, что ужасы войны неизбежно должны отозваться не менее жуткими картинками ночных видений. Жизнь, бывало, перечеркивала все ожидания, вызывая у человека, как случилось, к примеру, с Федором Степуном, искреннее недоумение. В одном из писем к жене (осень 1914 г.) выдающийся русский мыслитель, а в период Первой мировой войны — офицер-артиллерист, так изображал свои переживания от зрелища, открывшегося на местности, где еще недавно шел бой: «И вот странно, вот чего я до сих пор не пойму: впечатление было, конечно, большое, но все же совершенно не столь большое, как я того ожидал. А картины были крайне тяжелые. Трупы лежали и слева и справа, лежали и наши и вражи, лежали свежие и многодневные, цельные и изуродованные. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Ну скажи мне, ради Бога, разве это можно видеть и

не сойти с ума? Оказывается, что можно, и можно не только не сойти с ума, можно гораздо больше, можно в тот же день есть, пить, спать и даже ничего не видеть во сне» [выделено мною — В.К.]³.

Спустя несколько месяцев в другом письме Степун сообщал жене о случае, который можно было бы расценить как курьез, если бы речь не шла о жизни и смерти: «Третьего дня я писал тебе, что еду на позицию сменять Ивана Дмитриевича, и что, возможно, австриец запустит по мне шрапнелью. Сон оказался в руку. Когда я возвращался домой, вокруг меня низко разорвались четыре снаряда»⁴.

Используя народную поговорку, не в точном, а в переносном смысле, Степун, однако, точен в другом. Общий контекст военного быта трансформировал обычные опасения осторожного человека в нечто большее — в предвидение, характерное для пророческого сновидения. Между тем, это был не сон...

Здесь мы вновь сталкиваемся с действием архетипа, архетипа, который устанавливает связь между содержанием сновидения и будущим. Довольно отчетливо подобная связь прослеживается в приметах — этих неотъемлемых атрибутах военной повседневности. Воспоминания о Первой мировой фронтовика В.Дмитриева рисуют, в частности, один из эпизодов войны, где примета фигурирует в виде образов солдатского сновидения:

«Всю ночь шли разговоры об утреннем наступлении. Злобились на командование. Вспоминали дом.

Мой сосед, доброволец Вальдин, молодой парнишка, совсем истомился.

— Снилось мне вчера, будто я раненый поехал в отпуск. И встретил мать. Она меня целовала, — говорил он, жалко поглядывая на меня.

— К чему бы, это, Вась, а? Говорят, мать перед боем видеть — плохо...

Я прячу глаза и хлопаю его по плечу:

— Выживем, не хандри раньше времени...

Ранним утром вылезли из окопов.

— В атаку... Ура!

Бежал, ничего не сознавая, — лишь бы вперед...

В этой атаке Вальдин был убит»⁵.

Рассказы о сновидениях иногда содержат описания, в которых сны не искаженно, а напротив, достаточно натуралистично воспроизводили ситуации военной действительности, причем нарочитое неразграничение сознанием двух полярных состояний бытия — сна и бодрствования — в какие-то периоды жизни сновидца оказывалось не исключительным, а обычным психическим актом.

Приведем пример. Хорошо известно, что военная действительность нередко оборачивается своего рода игрой. И здесь «Записки кавалериста» Николая Гумилева могли бы послужить неплохой иллюстрацией к культурологическим конструкциям «Homo ludens» Хейзинги. Однако для нас важно другое: втянувшись во фронтовую жизнь, словно в азартную игру, Гумилев продолжает воспроизводить тип игрового поведения даже во сне. С юмором он сообщает, как однажды ночью, «не выходя из халупы, совершил, по крайней мере, двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена»⁶, то есть — он совершил именно те действия, где при-

существует ощущение состязательности, создается эффект игры с противником. По признанию автора, накануне его состояние напоминало состояние сна, вызванное, правда, болезнью — сильнейшей простудой: «Мы наступали, выбивали немцев из деревень, я тоже проделывал все это, но как во сне, то дрожа в ознобе, то сгорая в жару»⁷.

При анализе этого и других сновидений эпохи войн и революций создается впечатление, что чем больше действительность в сознании людей уподоблялась сну, тем больше сны современников, освобождаясь от сложной символики, почти напрямую отображали действительность. Опять же у Шкловского находим соответствующий вариант описания сна и реакции на него, которая просвечивает в абсолютно лишенной эмоций, сухой и лапидарной констатации: «Мне ночью часто снится, что у меня на руках взрывается бомба. Со мной раз был такой случай»⁸.

Нужно, однако, отдавать себе отчет в том, что аналогичные состояния во время войны не являлись нормой. Чаще сновидения снимали психическое напряжение человека, обращая его к мирным темам, к воспоминаниям о родной стороне, о близких, с которыми разлучила солдата война. Одна из песен, сложенных в годы Первой мировой, хорошо передает контраст между суровой фронтовой действительностью и содержанием сновидений воинов:

*«Покрты костями Карпатские горы,
Озера Мазурские кровью красны,
И моря людского мятежные взоры
Дыханьем горячим полны.*

*...Тут синие дали печалью повиты,
О родине милой тревожные сны, [выделено мною — В.К.]
Изранено тело и души разбиты,
И горем, и бредом тут думы полны...»⁹*

В свое время, иллюстрируя компенсаторную функцию сна на материале сновидений участников Первой мировой войны, К.Г.Юнг отмечал: «Солдатам на передовой война снилась несравненно реже, чем мирная жизнь дома. Согласно принятому среди военных психиатров фундаментальному принципу, как только человеку начинают слишком часто сниться военные сцены, его необходимо удалить с линии фронта, ибо его психическая защита от внешних впечатлений исчерпана»¹⁰.

Многообразие рожденных войной сновидений не исчерпывается, однако, приведенными выше вариантами. В нашем распоряжении имеется текст, содержащий подробное описание сюжета сна, где обнаруживается довольно неожиданное сочетание культурных смыслов и специфический угол зрения при восприятии войны. Это воспоминания Георгия Соломоновича Габаева (1877—1956) «Сандомирское видение», которые занимают особое место в его обширном рукописном наследии.

Но прежде несколько слов о самом Габаеве. Несомненно, это был человек удивительных способностей и удивительной судьбы. Потомок старинного грузинского рода, офицер, военный историк, талантливый рисовальщик, пробовавший свои силы и в литературном труде, с начала Первой мировой войны он служил в действующей армии. В июле 1917 —

марте 1918 г. полковник Габаев командовал гвардии Саперным полком. При советской власти в период гражданской войны привлекался к работе как военный инженер, являлся одним из первых организаторов военных архивов и музеев Петрограда. Габаев неоднократно арестовывался: в 1921 г. в связи с Кронштадтским восстанием, в 1926 г. по обвинению в масонской деятельности, в 1930 г. в рамках громкого Академического дела. За двумя последними арестами следовали соответственно ссылка и семь с половиной лет лагерей. Но и после освобождения в 1937 г. долгое время действовал запрет на проживание Габаева в крупных городах. Перенося выпавшие на его долю тяжелые испытания, он продолжал свои исторические и литературные занятия.

В 1954 г. Габаев решил изложить на бумаге содержание одного сна, который привиделся ему ровно сорок лет назад — в ночь с 15 на 16 сентября 1914 года. Свой рассказ он дополнил описанием хода событий, предшествовавших той памятной ночи, а также акварельными зарисовками. Вероятно осуществить это оказалось не так уж трудно, поскольку пережитое во сне потом долгое время волновало его воображение. Габаев на склоне лет признавался: «И до сих пор вся эта картина поразительно отчетлива и не стирается из памяти, как многие другие, даже яркие сны»¹¹.

В начале своего повествования автор сообщает о боевых действиях Гвардейского корпуса в конце лета — начале осени 1914 г. Сражение, в которое гвардия вступила под Люблином, было очень жестоким и сопровождалось множеством потерь. Сам Габаев, хотя и был прикомандирован к штабу корпуса, часто посещал передовую, где ему случалось попадать под огонь противника. Об этих днях офицер вспоминал: «19 августа корпус был срочно переброшен к Люблину, т.к. австро-германские войска оттеснили стоявший там армейский корпус и брошенный ему на помощь гренадерский от границы на Сана почти к самому Люблину... Прибытие гвардии изменило ход боев. Наши войска перешли в контрнаступление и, преодолев немалые трудности из-за наличия упорных прусских батальонов и громадной артиллерии, отбросили противника. Телами павловцев было устлано большое поле пшеницы. Их командир Некрасов повел их в атаку в рост. Московцы потеряли до 15-ти офицеров, но взяли в лоб немецкие батареи, сколько помнится, до 70-ти орудий. 30-го августа преобразенцы взяли Янов, 3-го сентября московцы прогнали противника за Сан у Кшешова, и 9-го корпус перешел Сан; 12-го дошли до Колбушева в Галиции, но 14-го наступление остановилось, и из-за отхода соседних корпусов и гвардейскому пришлось отойти. 15-го сентября перешли Вислу по понтонному мосту в Сандомир»¹².

Далее автор рисует совершенно противоположную, вполне мирную и даже романтическую картину своего пребывания в старинном польском городе. Штаб гвардейского корпуса разместили в здании XIV века — католической семинарии, где некогда находился женский монастырь. Габаеву и его сослуживцу отвели для жилья одну из бывших келий, которая выходила в длинный коридор, заканчивавшийся большим круглым залом с широким балконом и видом на слиянье рек Вислы и Сана. Несмотря на утомление и удрученность фактом отхода русских войск, впечатления от городского ландшафта вызвали у офицеров живейший

интерес, и Габаев с приятелем отправились осматривать достопримечательности Сандомира. В самой семинарии был музей древностей. Любопытно, что из всего многообразия экспонатов Габаев включил в свой рассказ описание лишь одной коллекции, воспоминание о которой почему-то прочно запечатлелось в его сознании. Это были коробки, заключающие собрание местной флоры. Своей формой они походили на книги: «Корешок — подлинная кора дерева какой-либо породы, покрытая лаком. Из того же дерева и вся книгообразная коробка. Открывая переднюю крышку такой книги, мы находим прекрасно консервированные образцы листьев, цветов и плодов этого дерева и даже насекомых, питавшихся им»¹³.

Офицеры продолжили свою экскурсию и вскоре оказались в большом костеле, когда-то являвшемся частью мужского монастыря. Получив разрешение настоятеля, они вместе с проводником спустились в подземные лабиринты храма. Картины, открывшиеся нашим путешественникам, превзошли все их ожидания. Габаев вспоминал:

«Оказалось, что почва на редкость обладает способностью мумифицировать тела, и мы смогли осмотреть несколько интереснейших открытых гробов.

В одном из них лежал монах огромного роста с большой седой бородой. Сопровождавший нас церковнослужитель пояснил, что это был присланный из Рима в давние времена ревизор. В монастыре ему был предложен роскошный ужин, после которого он немедленно скончался. Тело было в прекрасной сохранности.

В другом гробу лежали, обнявшись, монах и монахиня. Сопровождающий объяснил, что они согрешили и были поражены смертью. Сохранность тел была значительно хуже.

Нам была ясна земная и в пределах монастыря причина внезапной кончины и присланного от папы ревизора, и монашеской пары, предавшей любви.

Мы рассказали кое-кому из наших товарищей о виденном в подземелье, и к настоятелю посыпалось столько просивших посмотреть интересную пару, что он рассердился и приказал разложить тела по разным гробам. Было еще несколько открытых гробов с телами разной сохранности и, как во многих подземельях католических костелов, куча давних человеческих костей.

Однако наилучше сохранившаяся и прямо прекрасная покойница была, как нам сказали, княжна, дочь воеводы Сандомирского, но, конечно, не Марина Мнишек начала XVII века, а XV века. У нее было прекрасное лицо и руки, и одета она была в роскошное платье, очевидно, замененное. Ее нельзя было принять за восковую фигуру, так жизненно и как бы еще вчера живое было лицо. Только на одной щеке было матовое место. Получив хороший на-чай, проводник объяснил, что это настоятель хотел попробовать обмыть ее лицо. *[Далее следует обрывок фразы, зачеркнутой автором — «и добавил, что от своих предшественников он слышал, что и...» — В.К.]*

Вечером, после осмотра других интересных костелов и древних ратуши и башен, очень усталые, с удовольствием приняв душ, заснули мы на чистых простынях»¹⁴.

Переходом от рассказа о впечатлениях дня к впечатлениям ночи у Габаева служит одно единственное замечание, смысл которого — уравновешивание сна и действительности: «О дальнейшем я не берусь утверждать, явь это было или сон»¹⁵.

Иллюзия реальности происшедшего во сне во многом была обусловлена тем обстоятельством, что сновидение без какого-либо перерыва продолжало событийный ряд дневных походов Габаева. Фантастическое действо в этой ситуации абсолютно не воспринималось как нечто ирреальное. Момент отхода ко сну в описании автора можно было бы отнести и к действительности, и к работе сознания спящего: «Моя кровать стояла второй от двери в длинной и узкой келии. В окно ярко светила луна. Дверь была за кроватью моего спутника узкая, железная. Она тихо открылась и появилась стройная женская фигура в одежде католической монахини: белой рясе и капюшоне»¹⁶.

В этой монахини офицер узнал красавицу-княжну, которую видел в монастырском подземелье. «Не сказав ни слова, — продолжает Габаев, — она поманила меня рукой, я сорвался с походной кровати, молниеносно оделся и пошел за ней. Пройдя коридор, мы оказались в описанной выше круглой зале, но я ее едва узнал: на полу и на стенах были пышные ковры и было развешено много старинного оружия и доспехов. Около стен стояли скамьи со спинками и пышными подушками.

Моя проводница обернулась и вновь поманила меня. Мы быстро прошли зал и вышли на балкон. К каменной балюстраде его была причалена громадная ладья, висевшая в воздухе. В ней сидели по два в ряд десятка три старинных польских воинов в крылатых шлемах и панцирях. Их головы были наклонены и большие усы свисали. Они производили впечатление спящих или сильно задумавшихся. Посредине ладьи было возвышение, покрытое богатым ковром. На нем сидел старец в золотой княжеской короне и пышной мантии, отороченной горностаем. У него была большая седая борода и он также сидел, свесив голову, как и его воины.

Моя проводница подала мне руку, сама легко перешагнула через балюстраду и помогла мне. Она уселась около старика, ласково прильнула к нему, а мне молча показала сесть у ее ног.

Лодка бесшумно отчалила от балкона и понеслась по воздуху над Саноном и Вислой, городами, селами, горами, лесами, ярко освещенными луной. Кое-где мелькали огоньки. Впрочем, я не столько любовался изумительно прекрасной панорамой, как моей таинственной проводницей. Все молчали. Я все больше прижимался к ее ногам и все больше пламенел. Экстаз мой все усиливался, дошел до предела и я потерял сознание.

Проснувшись я при ярком солнечном свете в страшной слабости. Все пережитое в эту ночь четко стояло перед глазами...»¹⁷.

Мемуарист отказался изложить собственную интерпретацию своего сна. Только в примечании Габаев упомянул о разговоре с кавалергардом Ч. — офицером, хорошо знакомым с литературой по демонологии. Тот в свою очередь предположил, что польская красавица на деле была суккубом, иными словами, существом из потустороннего мира, являющимся ночью к мужчинам и вступающим с ними в любовные отношения. Помимо этой мистической версии, напрашивается самое простое истолкование видения,

заставляющее трактовать последнее как продукт реализации вытесненного сексуального влечения, «облагороженного» романтическими образами средневековья, а еще точнее — как следствие психического дискомфорта, вызванного отрывом от семьи, ограничением естественных биологических потребностей человека в условиях военного времени.

Именно такой вариант интерпретации, несомненно, соответствует другому тексту, содержание которого в определенном отношении напоминает рассказ Габаева. Если сравнить оба варианта, то, как кажется, можно с большим основанием выносить вердикт по поводу «Сандомирского видения». Речь идет о книжке Вадима Белова «Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника», увидевшей свет в 1915 г. Книга состоит из собрания беллетризованных историй о фронтовой жизни.

В одной из этих историй автор повествует о том, как русские офицеры-кавалеристы расположились на ночлег в усадьбе, незадолго до того покинутой немцами. Приятной неожиданностью стало появление очаровательной дамы — якобы хозяйки дома, пострадавшей от прежних непрошенных гостей и скрывавшейся до прихода русских в подвале. После ужина, проведенного в компании с незнакомкой, офицеры разошлись спать. Герой, от чьего имени ведется повествование, не так скоро погрузился в сон, как его сосед — командир эскадрона. Далее развитие сюжета идет примерно по тому же сценарию, что и в рассказе Габаева:

«Я долго не мог заснуть и перешел в состояние сна как-то незаметно, так что тот сладкий сон, который мне приснился, сделался как бы продолжением яви, и я не мог различить, где кончалась действительность и где уже начиналась область фантазии.

Что же могло мне сниться? Мне, молодому человеку, оторванному от привычной жизни и брошенному в поток, стремительный и клокочущий, исключительных, неожиданных и неизведанных переживаний, человеку с чуткими до болезненности нервами, с немного мягким сердцем и горячему поклоннику красивых женщин.

Конечно, мне снилась она, наша незнакомка, но не такая, какой она явилась к нам, не такая чуждая для меня и далекая, но с теми же темными, как агат, глазами, смотрящими на меня счастливым, сулящим и любящим взглядом... Я был далек, так далек от этой темной ночи, от маячивших фигур часовых, от этого полуразоренного дома, от всей этой жизни, такой необычной и обильной совершенно исключительными впечатлениями.

Я проснулся внезапно, словно от толчка, оторванный от сновидения мне поцелуя моей незнакомки, быстро сел, спустив ноги с дивана, но несколько секунд не мог отогнать от себя образов своей ночной жизни»¹⁸.

Финал рассказа, где выясняется, что женщина, очаровавшая героя, оказалась шпионкой, а равно и вопрос о степени беллетризации содержания текста Белова для нас не столь важны, как сюжетное сходство двух повествований. На фоне этого сходства наиболее существенным представляется одно отличие: для офицера-кавалериста смысл сновидения и сама «логика» его возникновения абсолютно понятны, ибо гармонируют с мироощущением и самооценкой героя; для Габаева же этот смысл не очевиден, его сон остается тайной, требующей разгадки, хотя

версия истолкования «Сандомирского видения» в духе фрейдовской теории либидо как будто лежит на поверхности. Вывод, который напрашивается сам собой, с неизбежностью ликвидировал бы проблему, скрытую за образами сна, и сновидец, по всей вероятности, вскоре потерял бы к нему всякий интерес. Не то произошло с Габаевым. Он хранил воспоминание о своем видении практически всю оставшуюся жизнь. Следовательно, не исключая воздействия уже упомянутой психофизиологической детерминанты, есть резон поискать еще одну, параллельную детерминанту «Сандомирского видения», предположив, что последняя могла быть и доминирующей.

Любопытно, что в воспоминаниях Габаева описание предшествовавших сновидению событий превышает по объему ту часть текста, где изложено содержание ночных грез. Возможно, сам автор таким способом, интуитивно выделяя одни и отбрасывая другие детали пережитого, представил ключ к более сложной и более адекватной интерпретации сновидения. Тогда стоит более внимательно отнестись к совету классика психоанализа Э.Фромма: «Для того, чтобы сон был вполне понятен, его нужно осмыслить с точки зрения реакции на значительное событие, которое произошло накануне появления этого сна»¹⁹.

В рассказе Габаева четко обозначены два важных событийных ряда, а также описаны соответствующие реакции сновидца. Во-первых, это боевые действия Гвардейского корпуса, отозвавшиеся чувством психологической и физической усталости, сожалениями по поводу отхода русских частей, периодическими воспоминаниями о жертвах войны, ощущением близости смерти. Во-вторых, это осмотр достопримечательностей Сандомира и эмоции, обусловленные знакомством с городским ландшафтом, где каждый уголок привлекает человека своей историей, погружает в неповторимую культурную среду.

В последнем случае примечательно, что наиболее сильные впечатления были вызваны созерцанием объектов, утративших дар жизни, но продолжавших свое существование благодаря различным обстоятельствам. Созерцание засушенных экземпляров растений и насекомых, человеческих тел, сохранившихся в климате древних подземелий, впечатления от романтических легенд, связанных с жизнью погребенных, особым образом сочетаясь со следами испытаний психики условиями фронтовой действительности, не столько создавали ощущение неотвратимости смерти, естественности перехода к состоянию небытия, сколько укрепляли веру в конечное торжество жизни, вселяли надежду на возможность в той или иной форме преодолеть смерть. Характер этих переживаний, то обстоятельство, что их причиной во многом послужили впечатления, вынесенные из стен древних храмов, позволяют также говорить о религиозных истоках ночных грез Габаева: сюжет и образы «Сандомирского видения» обнаруживают несомненную связь с извечной проблемой христианского учения — проблемой бессмертия.

Во сне офицера ведут через зал, увешанный доспехами. Он попадает на ладью с воинами, во главе которых князь в горностаевой мантии и короне. Ладья совершает полет к неизвестной цели. Всё это символы, за

которыми стоят представления о войне и тех, кто ее ведет. Более того, о войне — как о путешествии, с непредсказуемой протяженностью, с неизвестным для каждого участника этого предприятия пунктом прибытия. Однако закрытые глаза, неподвижность воинов и их предводителя превращают последних лишь в статистов развернувшегося действия, и, как следствие, снижают значимость того, что стоит за этими символами.

Центральным персонажем сновидения оказывается прекрасная польская княжна. Изображенная Габаевым в двух ипостасях, она служит связующим элементом между действительностью и сном; ее образ в значительной степени обеспечивает высокую динамику повествования. Монашеское облачение женщины (символ чистоты, абсолютной недоступности, принадлежности к бесплотному миру) во сне не препятствуют проявлению чувственности нашего героя. Переживания сновидца достигают высшей точки благодаря близости таинственной монахини, и завершающая часть сна на время заставляет забыть о дыхании смерти. Пробуждение офицера происходит еще до того, как встрепенутся князь и его дружина, а «ладья войны» найдет свой причал.

Основные символы сна говорят о сильнейшей напряженности в глубинных горизонтах сознания спящего. Интенсивный процесс кристаллизации культурных смыслов, где одним из центров притяжения служило жизнеутверждающее начало, другим — смерть в различных ее проявлениях, обрели свою репрезентацию в «Сандомирском видении». Вероятно, этот яркий сон-путешествие в чем-то перекликался с последующими событиями жизненного пути Георгия Габаева. До преклонных лет он берет в памяти удивительное видение и не только изложил его содержание в классической форме воспоминаний, но, как явствует из примечаний автора, воспользовался им в качестве материала для своих литературных занятий. Биография Габаева и правда похожа на богатое впечатлениями и тяжелейшими испытаниями странствие. Возможно, на заключительном этапе этого странствия сон, так взволновавший воображение офицера в 1914 году, наконец, стал восприниматься и как профетический. Ведь он словно заранее предвещал, что Габаеву суждено будет выжить во всех войнах, включая и ту, что вел Сталин против своего народа.

Поразительный сплав эмоций, находивших выход в сновидениях, отличал духовное бытие другого офицера — Петра Николаевича Ламанова (1884—1932). В его личном фонде, хранящемся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, находятся принадлежащие ему письма и дневники, в которых зафиксирована целая серия снов. Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляют записи сновидений, относящиеся к 1918—1922 гг. Некоторые из них довольно «остросюжетны», плотно насыщены символической, отражающей состояние умов определенного слоя российского общества периода гражданской войны.

Ламанов родился в семье офицера. По окончании Морского корпуса в Петербурге проходил службу на Балтийском флоте, в частности, на минном крейсере «Лейтенант Ильин», тральщике «Проводник», линкоре «Александр II». В октябре 1914 г. был награжден орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом «за самоотвержение и мужество, проявленное... во время траления мин под огнем неприятельских крейсеров»²⁰.

В февральско-мартовские дни 1917 г. безоговорочно перешел на сторону восставших матросов Кронштадта, принял самое активное участие в революционных митингах. 15 марта того же года был избран начальником всех морских частей Кронштадта, а также членом исполкома Кронштадтского Совета, председателем которого стал его родной брат — студент-технолог Анатолий Николаевич Ламанов.

После прихода к власти большевиков бывший офицер занимал ряд должностей на Балтийском флоте, в том числе: начальника береговых частей в Кронштадте (1918), чина для поручений при Командующем Балтфлотом (1920), члена Бюро военно-морской пропаганды (1922). Дважды он попадал в ЧК, отсидев под арестом 201 день. С июня 1922 г. работал в Центральном военно-морском музее (Петроград). Последняя должность — хранитель Революционного отдела музея. В 1929 г. Ламанов вышел на пенсию.

Каковы же мотивы, побуждавшие этого человека записывать содержание своих сновидений наряду с другой информацией, которой, судя по всему, он придавал некую значимость? Личные документы Ламанова свидетельствуют о том, что это был глубоко верующий человек, имевший некоторую склонность к мистике. Даже в суматохе «медового месяца» революции (март 1917 г.) он не забывал о молитвах. «Ни одного дела, порученного мне товарищами матросами, — отмечал старший лейтенант Ламанов в письме к своей тете С.И.Петровой, — я не начал, пока не помолился искренно от всей души и сердца Богу»²¹. В другом письме к тому же адресату, датированном августом 1918 г., Ламанов сообщает: «Бываю я иногда в гостях у сторожа, ведем беседы на религиозные темы, весьма интересные беседы. Как-то на это время совершенно забываешь о мирской жизни. Он [сторож — В.К.] состоит в секте «евангелистов»... Эти беседы многое мне открыли, чего я вовсе не знал, а если читал об этом, то не отдавал себе ясного отчета»²².

Очевидно, бессознательная вера в пророческую силу сновидений побудила Ламанова зафиксировать, например, следующий факт: «В ночь с 13 на 14 марта [1918 г. — В.К.] видел какой-то сон; сам не помню, только жenuшка говорит, что я громко во сне сказал: «17 мая будет великое сражение». Отметил это число на календаре на всякий случай»²³. Интерпретировать слова, произнесенные Ламановым во сне, довольно сложно. Да и сам он воздержался от комментария по поводу этих ночных грез. Можно только предположить, что обстановка военного времени, когда мир между Россией и Германией был уже заключен, но борьба на Западе вступала в решающую фазу, породила соответствующую реакцию бывшего офицера, напряженно следившего за ходом событий на фронтах Первой мировой.

Другое сновидение Ламанова в особых пояснениях, пожалуй, не нуждается. В нем отразились романтизм, общие для сторонников большевизма настроения и политические ожидания. «Видел во сне, что самый сильный из французских сверх-дредноутов присоединился к мировой социалистической революции... Пора пролетариату Запада решительно, смело и окончательно выступить на поддержку Советской России и для полной победы Мировой пролетарской Революции»²⁴.

Однако сны Ламанова далеко не всегда были оптимистичными. Иные представляли собой картины, очень точно отображавшие жестокие реалии гражданской войны в России. 29 августа 1919 г. Ламанов записал в дневнике: «Видел сон, как будто у нас здесь в Кронштадте белогвардейский заговор, и белогвардейцы расстреливают наших группами»²⁵. Мятеж фортов «Красная горка» и «Серая лошадь» в июне 1919 г., действия английского флота в Финском заливе, бомбардировки Кронштадта морской авиацией и, наконец, готовившееся наступление на Петроград войск генерала Юденича внушали серьезные опасения за свою судьбу и вызвали размышления о политическом выборе офицерства не только у одного Ламанова.

В подобном ключе можно интерпретировать и другой сон нашего героя, в котором тот попадает в плен к белогвардейцам. Вначале его накормили обедом. «Затем, — пишет Ламанов, я наталкиваюсь на какого-то моложавого сухопутного офицера и помню фразу: «Кто за Советскую власть — повесить». И на этом я проснулся»²⁶. Датировано 18 июня 1920 г.

Тема расстрела или вообще казни со времен революции и гражданской войны, по-видимому, стала одним из наиболее распространенных лейтмотивов переживаний, а следовательно, и сновидений россиян, независимо от их принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Расстрел как сюжет сновидения нашел свое место и в художественной литературе. Вспомним строки Владимира Набокова:

*«Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.»*

*Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат»²⁷.*

Находясь на службе у большевиков, Ламанов постоянно ощущал дискомфорт, объективно обусловленный принадлежностью в прошлом к офицерскому корпусу. С одной стороны, недоверие начальства, с другой, — быстрая карьера некоторых его сослуживцев по Балтфлоту, тех, кого в дневниках он именовал «красными белогвардейцами», «верными слугами буржуазии», вызывали у Ламанова чувства горечи и обиды: «Сколько пришлось мне перенести унижений, оскорблений, преследований за матросов, а в результате я приравниваюсь к типам, которые ничего не делали для матроса, а подчас даже и губили его... Просил, и не поняли меня, приравняв к кап. 1 р. Зеленому. Он и я в политическом отношении — небо и земля. Ему жилось как штабному все время хорошо, и, не дай бог, пади Советская власть, он будет выставлен мучеником, страдальцем, и прекрасно ему будет жить и служить, на мне же лежит крест и гроза расплаты»²⁸.

В 1919 г., когда белые угрожали Петрограду, в городе начался массовый террор против «бывших» и, прежде всего, против офицерства. В августе того же года оказался в ЧК и сам Ламанов. Арест был недолгим

и не повлек за собой серьезных последствий, но все же угроза попасть под репрессии сохранялась. Так 5 октября 1919 г. Ламанов запишет: «Мне стало известно, что Ткаченко собирает какие-то материалы, чтобы меня расстреляли. В присутствии многих у товарища Кох он обозвал меня лодырем, белогвардейцем и т.п.»²⁹.

Чувства подавленности и тревоги за свою судьбу и судьбу близких стали для бывшего офицера атрибутом повседневности. Лишь изредка они сменялись короткими моментами подъема духа.

1920 год не внес особых перемен в жизнь бывшего офицера. Полугодный быт, недомогания жены, собственные болезни и постоянное нервное напряжение характеризуют этот период его существования. И по-прежнему Ламанов записывает свои сновидения, где иногда обнаруживает благоприятные для себя знаки и предвестия. Так, в одном из своих посланий к С.И.Петровой, датированном 22 октября 1920 г., он писал:

«Видел я сон, что я на какой-то квартире, тут же со мной мои товарищи по корпусу [*Морскому корпусу – В.К.*], один из них уже давно покойник. Кто-то якобы обменял мои новые сапоги и жилет на старое и драное.

Затем вижу священника о-ца Василия (бывшего дьякона Кроншт. Мор. Собора) и прошу его отслужить молебен Св. Александру Невскому. После этого вижу, якобы парад морякам, по случаю народного праздника, день Октябрьской Революции и на сем просыпаюсь.

Сон ободрил меня и сегодня я чувствую себя уже много лучше, какая-то сила говорит мне: «духа не угашайте»...

Будешь в церкви, помолись за меня Казанской Божьей Матери и Св. Александру Невскому»³⁰.

Нетрудно заметить, что стержневой основой сновидения были проблемы социальной идентификации и примирения в сознании Ламанова традиционных моральных норм и представлений (включая религиозные) с идеологией новой власти. Первая группа образов – товарищи по корпусу – вероятнее всего символизирует прежний статус Ламанова как офицера и корпоративные ценности, которых он придерживался до революции. Подмена одежды – резкое изменение в положении нашего героя. Встреча со священником и просьба о молебне – подтверждение прочности религиозных устоев Ламанова и упование на помощь свыше. Парад красных моряков в годовщину Октября – символ верности идеям революции и одновременно символическое свидетельство ее окончательной победы, а потому и правильности выбора всей жизненной стратегии Ламанова.

Однако, пока война продолжалась, душевный покой или оптимизм не могли долго сохраняться в сознании бывшего офицера. Новые тяготы и волнения обрушились на семью Ламановых в связи с восстанием моряков Кронштадта в марте 1921 г. Одним из активных участников этих событий оказался родной брат Петра Ламанова – Анатолий, некогда председатель исполкома Кронштадтского Совета, педагог и ученый. О переживаниях по поводу трагической судьбы брата свидетельствуют дневниковые записи П.Ламанова:

17 мая 1921 г. – «Воспоминания о брате вызвали глубокую тоску и слезы, слезы, они душат меня»³¹.

4 июня 1921 г. — «Толя расстрелян 27 апреля»³².

8 июня 1921 г. — «Нездоровилось. Был вечером у тети Симы, с трудом прочел стихотворение «Последнее письмо» [П. Ламанов писал стихи — В. К.]. Оба были в крайнем нервном состоянии. Сгубило Анатолия честолюбие и упрямство. И сколько раз ему говорили и Симаша и я, чтобы он работал как ученый и не совался бы в политику...»³³.

10 июня 1921 г. — «Видел во сне брата, он от меня куда-то скрылся, перебежав большую яму, которую мне перейти не пришлось, меня забросали мальчишки камнями. Затем видел как будто восстание, масса народу и я, как бы куда-то от них скрылся»³⁴.

Мир ночных видений Ламанова — своего рода калейдоскоп, в котором беспрестанно менялись картины, одна не похожая на другую. Поэтому не будет излишним дополнить представление читателя о содержании снов нашего героя цитатой из дневниковой записи от 1 июля 1921 г., которую мы оставим без комментариев: «Ну и ночь, сон полон женщин, это не сон, а черт знает что такое»³⁵.

Летом 1921 г. Россия постепенно втягивалась в мирную жизнь, но состояние гражданской войны еще не закончилось, как не закончились и беды семьи Ламановых. После подавления восстания кронштадтцев чекисты начали массовые проверки благонадежности моряков Балтийского флота. В 20-х числах августа в Петрограде и Кронштадте были проведены масштабные аресты бывших офицеров и военных чиновников, находившихся тогда на службе во флоте. Из 977 человек более половины оказались в местах заключения³⁶. К тому времени Ламанов состоял в резерве для замещения командных должностей флота. Его арестовали в сентябре 1921 г., а следствие продлилось шесть с половиной месяцев. Из заточения Ламанов передавал родным весточки, где упоминал и о своих снах. Так, на небольшой открытке, датированной 31 марта 1922 г., читаем: «Несколько ночей подряд меня душили кошмары, сам не могу понять, отчего. Может быть, тут играет роль мое повышенное нервное состояние»³⁷.

Конечно, нелегко представить иной настрой и иное состояние духа у человека, чья жизнь висит на волоске. К тому же именно в марте 1922 г. исполнилась годовщина Кронштадтского восстания, приведшего к гибели брата. В этой связи заслуживает особого внимания сновидение, сюжет которого Ламанов записал еще 13 апреля 1920 г. Здесь, словно в фокусе, преломляются и смыслы событий, и переживания бывшего офицера, относящиеся к периоду гражданской войны: «Видел сон, Христа и много народу в каком-то каменном помещении. Дикие звери кусали людей. Я обратился к Христу: «За что же они на меня набросятся?», т.к. один из зверей — тигр — быстро ко мне приближался. Христос сказал: «Вон отсюда», и все звери покорно послушались и скрылись. А одна большая собака по слову Христа стала кого-то искать и нашла, осужденного на смерть, но потом он был помилован»³⁸.

В христианской символике этого сновидения присутствуют мотивы суда и наказания, позволяющие развернуть несколько вариантов истолкования. Если делать акцент на индивидуальных особенностях биографии и переживаний офицера, этот сон можно рассматривать, во-первых, как сон-воспоминание (мы уже говорили о кратковременном

аресте Ламанова в 1919 г.). Это событие могло вылиться в образы сна, где каменное помещение символизировало тюрьму, а чудесное спасение по воле Христа — освобождение Ламанова из заключения. С не меньшей вероятностью позволительно рассуждать и об устремленности смыслов видения в будущее. Так, по замечанию А.А.Аدلера, «сновидение может представить свершившейся одну из ожидаемых в будущем ситуаций»³⁹. С этих позиций факты биографии Ламанова, относящиеся к 1921—1922 гг., поразительно соответствовали сюжету ранее увиденного им сна, за исключением гибели брата, — возможно, того самого человека, помилование которого обрисовано в рассказе сновидца.

Наконец, представляется, что этот сон дает материал для размышлений о состоянии массового сознания «смутного времени» в целом. Видения офицера, несомненно, были порождены социальным страхом, носившим коллективный характер. И в таком варианте картина сна расширяется до масштабов Страшного суда и конца света, которые стали ассоциироваться с революцией и гражданской войной. Пример подобного восприятия действительности сквозь призму сновидения мы находим и у Виктора Шкловского. На излете эпохи гражданской войны, работая над своей книгой воспоминаний, он с холодной отстраненностью наблюдателя поведал: «Мне ночью снится иногда, что падает потолок, что мир рушится, я подбегаю к окну и вижу, как в пустом небе плывет последний осколок Луны... Я говорю жене: "Люся, не волнуйся, одевайся, мир кончился"»⁴⁰.

Возвращаясь к дальнейшей судьбе Петра Николаевича Ламанова, отметим, что она сложилась все же достаточно благоприятно. 5 апреля 1922 года он был выпущен из мест заключения и в июне того же года перешел на службу в Центральный военно-морской музей. После освобождения дневниковые записи бывшего офицера постепенно приобретают все более спокойную тональность, сновидения встречаются там все реже и реже, а их содержание становится менее понятным сновидцу, вероятно, оттого, что сон перестает напоминать действительность. Так, в мае 1922 г. Ламанов запишет: «Видел во сне лейт. Шмидта, он почему-то просил, чтобы отпустили вина для матросов»⁴¹...

* * *

Изучение историком сновидений — дело крайне проблематичное с точки зрения доказательности выводов. Но это отнюдь не означает, что такая работа бесполезна. Когда наука преследует цель всеобъемлющего постижения прошлого, включая и «жизнь сознания», пренебрежение областью снов может обернуться упущенной возможностью не только в плане извлечения дополнительной информации, но и в перспективе совершенствования объяснительных моделей. Во всяком случае, автор надеется, что результаты его рекогносцировки на нетрадиционном для историка поле исследований не покажутся натяжкой, а вызовут лишь заинтересованную реакцию читателя.

- ¹ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 107.
- ² Волков Б. Пулеметчик Сибирского правительства // Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология. М., 1995. С. 137.
- ³ Степун Ф. (Лугин Н.) Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. С. 17.
- ⁴ Там же. С. 50.
- ⁵ Дмитриев В. Доброволец. Воспоминания о войне и плене. М.; Л., 1929. С. 6.
- ⁶ Гумилев Н. Записки кавалериста. Омск, 1991. С. 175.
- ⁷ Там же. С. 174-175.
- ⁸ Шкловский В. Указ. соч. С. 187.
- ⁹ Цит. по: Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998. С. 183.
- ¹⁰ Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. М., 1996. С. 279.
- ¹¹ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 2.
- ¹⁴ Там же. Л. 3-4.
- ¹⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 4-5.
- ¹⁸ Белов В. Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника. Пг., 1915. С. 81-82.
- ¹⁹ Fromm E. The Forgotten Language. An Introduction to the Understanding of Dreams, Fairy Tales and Myths. N.Y.: Toronto, 1951. P. 156-157.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. 2218. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- ²¹ Там же. Д. 15. Л. 88.
- ²² Там же. Л. 117-118.
- ²³ Там же. Л. 97.
- ²⁴ Там же. Д. 4. Л. 169.
- ²⁵ Там же. Д. 4. Л. 216.
- ²⁶ Там же. Д. 5. Л. 27.
- ²⁷ Набоков В.В. Расстрел // Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 226.
- ²⁸ РГА ВМФ. Ф. 2218. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 33.
- ²⁹ Там же. Д. 4. Л. 253.
- ³⁰ Там же. Д. 16. Л. 22-23.
- ³¹ Там же. Д. 6. Л. 9.
- ³² Там же. Л. 15.
- ³³ Там же. Л. 16.
- ³⁴ Там же. Л. 17.
- ³⁵ Там же. Л. 23.
- ³⁶ Зонин С.А. Адмирал Л.М.Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 192.
- ³⁷ РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.
- ³⁸ Там же. Д. 5. Л. 15.
- ³⁹ Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995. С. 245-246.
- ⁴⁰ Шкловский В. Указ. соч. С. 187.
- ⁴¹ РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Миронов В. В.

РЕВИЗИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ФРОНТОВИКОВ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ.

В последние годы отечественная историческая наука переживает бум антропологически ориентированных исследований. Одним из аспектов изучения исторической действительности через призму антропологического подхода является активно разрабатываемая в российской историографии проблема «Человек на войне»¹. В настоящей статье делается попытка проследить сдвиги в системе ценностных представлений австро-венгерских военнослужащих, произошедшие под влиянием опыта, приобретенного ими на фронтах Первой мировой войны.

Прежде всего, необходимо отметить, что предвоенным массовым сознанием война как способ разрешения противоречий воспринималась не как аномалия, а как элемент, органично присущий практике межгосударственных отношений. В сознании военнослужащих механизм развязывания войны государствами отождествлялся со сценарием драки в пивной, где алкоголю, затуманивающему разум и разжигающему пламя ненависти, применительно к государствам соответствовали стремление к территориальным приращениям за счет соседей, жажда мести и власти².

Такое представление о войне базировалось на характерном для общественной мысли того времени убеждении, что исход военной кампании решится бы в одном-двух генеральных сражениях, которые принесли бы окончательную победу одной из сторон. Эта мысль, активно пропагандировавшаяся австрийским генеральным штабом, отчеканилась в сознании отправлявшихся на фронт рекрутов: «До рождества мы будем дома!»³. Будущий писатель-антифашист Э.Э.Киш — уроженец Праги, отреагировал на просьбу своей матери захватить лишнюю пару белья тем замечанием, что он отправляется не на тридцатилетнюю войну⁴. То, что предстоявшая кампания будет скоротечной, объясняли, ссылаясь на опыт предыдущих войн, в частности, вспоминая германо-французский конфликт 1870–1871 гг., а также тем, что в результате технического прогресса удалось накопить колоссальный арсенал вооружений⁵.

Кроме того, в обществе еще не пошатнулась вера в торжество здравого смысла над самоуничтожением, наступавшим в случае затягивания войны.

Германский корреспондент А.Голичер, курсировавший по фронтам войны и сделавший очередную остановку в Южной Австрии весной 1915 г., стал свидетелем разговора вернувшихся с русского фронта раненых форарльбергских егерей, в котором были затронуты мобилизационные настроения августа 1914 г. В умах военнослужащих, вставших под знамена Габсбургов, царило убеждение, что война продлится недолго, самое большее четыре недели. Выход войны за эти временные рамки представлялся военнослужащим безумием, чреватый крахом мировой цивилизации⁶.

Столкнувшись с кровавыми реалиями войны, настроения военнослужащих начинают меняться в сторону оценки войны как бессмысленного массового убийства. 23 сентября 1916 г. на горе Монте-Симоне взрывом, подготовленным австрийскими саперами, было погребено заживо большое количество итальянских солдат. Один из австрийцев, слышавший душераздирающие крики замурованных взрывом людей, следующим образом отразил спустя 14 лет свои тогдашние впечатления: «Если так пойдет дальше, то каждый человек, носитель высокой души, глубокой мысли должен сойти с ума, так как только звери могут оставаться здесь равнодушными. Уже тогда я боялся, в случае возвращения домой, уже больше не уметь ориентироваться в жизни. Сегодня, спустя 14 лет, в моих ушах еще стоят наполненные муками крики отчаяния»⁷.

Тотальный характер войны, которая велась враждовавшими блоками с использованием самых современных технологий того времени, свел к минимуму значение традиционных воинских добродетелей. Исход сражений зависел теперь не от героизма отдельного солдата, ставшего маленькой частицей колоссальной военной машины, а от уровня промышленного развития той или иной страны. Все эти новые явления сказались на мироощущении участников тех событий, вызвав к жизни синдром «пушечного мяса». Превратившись в заложников командования, решавшего, в ходе какой операции, разработанной штабными стратегами, военнослужащие должны были отдать свои жизни, солдаты прониклись уверенностью в том, что их посылают на убой⁸.

Значительное изменение характера войны констатировалось людьми, непосредственно не участвовавшими в боевых действиях, но имевшими отношение к военной сфере. Находившаяся в крепости Перемышль во время ее осады русской армией в 1914—1915 гг. сестра милосердия Й.Микаэльсбург отмечала, что на смену ее восприятия войны как сошедшихся в единоборстве армий по примеру старых битв пришла оценка боевых действий как борьбы не видевших друг друга сил⁹. Участвовавший в обороне Перемышля Б.Вольфганг также обратил внимание на то, что вступившая в войну австрийская армия придерживалась тактики сложившейся еще в 1866 г.¹⁰ Офицер запаса Г. фон Мерхарт, получив боевое крещение на русском фронте в 1914 г., следующим образом отзывался о современной ему войне, качественно отличавшейся от сражений прошлого: «У всех у нас за плечами было боевое крещение, теперь мы знали, как происходят большие битвы современности, какой длительный срок они могут иметь, и что важнейшими требованиями, предъявлявшимися к человеку при артиллерийском огне, были упорство, настойчивость и, прежде всего, непоколебимая выдержка, рядом с

которыми собственно храбрость, проявлявшаяся в поединке человека против человека, имела лишь почти эпизодический характер»¹¹.

Ревизия взглядов австро-венгерских фронтовиков на историческую сущность войны негативно отразилась на их патриотических убеждениях. Постепенное угасание милитаристской эйфории первых месяцев войны стало необратимым явлением для армий схлестнувшихся в противоборстве военно-политических блоков, особенно для австро-венгерской¹². Индикатором начавшейся эрозии патриотической формулы «за Веру, Императора и Отечество» служат участвовавшие факты дезертирства и самоувечий австро-венгерских военнослужащих. В нашем распоряжении имеются статистические данные, касающиеся деятельности военных трибуналов г. Граца в период с 1914 по 1918 гг. Если с начала войны в 1914 г. в военные трибуналы столицы Штирии поступило лишь одно дело по обвинению в дезертирстве, закончившееся оправданием подсудимого, то в 1915 г. количество таких дел составило 47, причем в пяти случаях обвинявшиеся в дезертирстве солдаты были оправданы. Скачкообразное увеличение количества дезертиров в 1915 г., скорее всего, объяснялось начавшейся войной с Италией. Пик случаев дезертирства пришелся на 1916 г., когда трибуналы вынесли 66 обвинительных приговора, что, по всей видимости, было связано с эскалацией боевых действий на русском и итальянском фронтах. В 1917 г. наблюдалось заметное снижение по сравнению с предыдущим годом, числа приговоренных трибуналами военнослужащих до 33 человек, что могло быть связано с затишьем, воцарившимся на русском фронте после Февральской революции в России. Статистика за 1918 г. была неполной и ограничивалась десятью месяцами, в течении которых на скамью подсудимых было отправлено 7 человек¹³. Чаще всего военнослужащие дезертировали с фронта, будучи не в силах дальше терпеть царивший там голод. Представшему перед военным трибуналом ландштурмисту Антону Кребсу, дезертировавшего в апреле 1917 г., инкриминировалось намеренное удаление из воинской части, сопровождавшееся критикой продовольственного снабжения¹⁴.

Нанесение себе самоувечий практиковалось австрийскими военнослужащими для того, чтобы покинуть фронт. Измученные в 1916 г. трехдневным отступлением, местами переходившим в беспорядочное бегство, два молодых солдата договорились ранить друг друга и таким образом попасть домой. Но осуществить задуманное им не удалось, поскольку обоих солдат взяли с поличным, приговорив одного из них к расстрелу¹⁵. Согласно австрийскому психиатру О.Заксу, количество австронемецких военнослужащих, нанесших себе самоувечья, уступало лишь чехам. Из обследованных Заком больных, чеки составляли 25 человек, австрийские немцы — 10, чешские немцы — 3, поляки — 7, венгры — 7, румыны — 6, венгерские румыны — 6, русины — 2, хорваты — 3, словаки — 2, итальянские далматинцы — 1, австрийские итальянцы — 1, босняки — 1, русские военнопленные — 2. Таким образом, соотношение между «самоувечными» — австрийскими немцами и военнослужащими других национальностей составляло 10:60¹⁶.

Наконец, нельзя недооценивать влияние обыденного сознания на австрийских военнослужащих, проявлявшегося в восприятии жизни в своей стране как степени наличия у них тех или иных материальных

благ. В письме от 21 мая 1917 г. военнослужащий Франц Кубик, призванный из Брно, просил брата, перебежавшего к итальянцам, не терзать себя сомнениями по поводу совершенного поступка: «Не думай об этом, после войны на чужбине будет лучше, чем здесь, и большинство останется там, или поедут в Америку, или в Швейцарию. У меня здесь коллега, специалист по железобетону из Кремсиера [город в Чехии — В.М.], он 6 лет был в Италии и сказал мне, что он поедет туда, и после войны будет объявлена всеобщая амнистия. Скоро будет мир!»¹⁷

На заключительном этапе войны призывы военного командования сохранять верность воинскому долгу не находили отклика даже у австрийских немцев. Под впечатлением разброда единой некогда армии по национальным квартирам, австрийские военнослужащие-немцы проявляли все меньше готовности жертвовать своими жизнями ради победы в войне. В октябре 1918 г. на итальянском фронте лавинообразно возросли случаи выхода из повиновения воинских частей, рекрутированных из австрийских немцев. Составляя в 111 пехотном полку 20%, солдаты-немцы объявили солидарность со взбунтовавшимися чехами, отказавшись выйти на позиции¹⁸. Офицеры 59-го полка, рекрутированного из Зальцбурга, опасались выводить рядовых на позиции из-за их неблагоприятных настроений¹⁹. Затем вышли из повиновения тирольские императорские егеря, считавшиеся элитой армии²⁰. 30 октября 1918 г. альпийские войска, узнав, что они используются для замещения отправлявшихся на Родину венгерских частей, подняли настоящий бунт²¹.

Интересными и заслуживающими внимания нам представляются результаты референдума, проведенного военным командованием в Боснии осенью 1918 г. среди 3 полка императорских стрелков, сформированного из уроженцев Южного Тироля. Вопреки ожиданиям командования, считавшего южных тирольцев патриотически настроенным элементом, вынесенный на референдум вопрос о необходимости сохранения монархии встретил поддержку лишь у 8% офицеров и 10% солдат. Попытки властей объяснить такой исход голосования ссылкой на то, «что тирольцы чувствовали себя в Боснии несчастливymi», с учетом того, что среди молодых офицеров запаса пробивали себе дорогу социалистические идеи, затронувшие и рядовых, выглядели смехотворными²².

Война тяжело отразилась и на других аспектах мировоззрения военнослужащих. Прежде всего, участие в боевых действиях повлекло за собой корректировку положения, занимавшегося человеком в мире. Человек выступал теперь не только в ипостаси субъекта, но и объекта исторического процесса, бессильного противостоять воздействию внешних сил. Офицер В.Винклер, участвовавший в сербской кампании 1914 г., вспоминал о солдате, произнесшем во время мощного артиллерийского обстрела сербской артиллерией австрийских позиций такие слова: «Если я останусь в живых и вернусь домой, тогда я буду спрашивать каждого знакомого: «Вы когда-нибудь бывали на заячьей охоте?» «Да, конечно». «А зайцем?»»²³. Из данной переоценки человеком своего места в мире проистекало повышенное внимание военнослужащих к разного рода приметам и суевериям. По мнению военнослужащих, постоянно носимый с собой предмет был способен оградить его обладателя от пуль и снарядов. Обыч-

но талисман носился в недоступном для глаз окружающих месте. Решившие испытать прочность стальной каски солдаты, в шутку нанеся удар по голове другого военнослужащего, на которую была одета каска, обнаружили выпавший из нее кусок кальсон, который, по признанию солдата, он носил в качестве талисмана²⁴. Военный врач Б.Брайтнер вспоминал, что у многих раненых и убитых австрийских солдат он наблюдал цепочки с мадоннами, появление которых он связывал с усилившимися в обстановке отступления австрийской армии в 1914 г. религиозными чувствами военнослужащих, стремившихся найти поддержку в религии²⁵.

В спектре мировидения военнослужащих произошло смещение в сторону иррациональных тонов, причём определяющей чертой сознания фронтовиков стал фатализм. Различные случаи чудесного спасения в боевой обстановке сказывались на усилении у австрийских солдат и офицеров веры в судьбу. Офицер-штириец, рассказывая о том, как, немного опоздав, он не попал в блиндаж, разрушенный прямым попаданием снаряда, считал, что его спасло чудо²⁶. Фронтвик Ф.Дексю, ссылаясь на непредсказуемость развития событий на фронте, не соглашался с противниками суеверий: «Кто мы? Стоим ли мы под защитой сверхъестественных сил? Следуем ли мы закономерностям или случайностям? Или случайность — наш закон? Может, не будет таких попаданий как позавчера? Именно теперь, в данный момент? Прямо по нам? Действует ли природный закон дважды обстрелянного пункта?»²⁷. В последнем случае Дексю, вероятно, имел в виду поговорку о том, что снаряд не попадает дважды в одну и ту же воронку. Имели место случаи, когда в минуту смертельной опасности военнослужащие, оставив насмешки над религиозными институтами и священниками, мгновенно преображались, становясь активными сторонниками религии. Прежде всего, причина подобной внутренней трансформации человека на войне состояла в том, что, обращаясь к богу, военнослужащие стремились получить от него защиту от подстерегавших на фронте опасностей²⁸. В то же время сложившиеся на войне религиозные культы не были религией в чистом виде, сочетая как традиционные христианские обряды, так и возникшие на войне. Фронтвиками практиковалось исключение из колоды и выбрасывание определенных игральных карт, якобы приносящих несчастье. Обручальные кольца также снимались с пальцев и выбрасывались²⁹.

Жизнь «одним днем» побуждала военнослужащих не откладывать осуществление своих планов на будущее. Модель поведения солдат и офицеров в этом случае представляла собой предельно сжатую во времени деятельность, нацеленную на получение максимума жизненных благ. Ф.Вебер, австрийский офицер, воевавший на Итальянском фронте, вспоминал, что один подпоручик, удрученный предстоявшим возвращением на фронт, пытался устранить из памяти страшные картины войны повышенным употреблением алкоголя, предприняв в довершение попытку самоубийства³⁰. Нередко утрачивалось чувство меры, обычно удерживающее потребительские аппетиты в разумных пределах. Тот же Вебер сообщал о том, что два австрийских пехотинца, войдя в обнаруженный ими подвал, открыли огонь по хранившимся там бочкам вина

и, вскоре потеряв над собой контроль вследствие алкогольного опьянения, захлебнулись в залившем подвал вине³¹.

Война нанесла сильный удар по нравственным качествам военнослужащих, поскольку обладание оружием вытеснило правовые нормы мирного времени, а ситуация выживания на фронте способствовала пересмотру нравственных стандартов, свойственных довоенному периоду. Прежде всего, у военнослужащих выработалась привычка к насилию, которая по инерции переносилась и на мирную жизнь. На заседании военного трибунала г. Граца в июле 1916 г. слушалось дело по обвинению пехотинца Н. Вальнера в совершении им в течение 1915–1916 г. сразу четырех преступлений. Осенью 1915 г. он украл у другого солдата обмундирование и другие вещи общей стоимостью 45 крон. В апреле 1916 г. Вальнер бежал из под ареста. Еще в марте 1916 г., представившись детективом, расследовавшим кражу казенной обуви на одном из складов, Вальнеру удалось выманить деньги у жившего в окрестностях Леобена населения. Явившись к жившим в Ненненсдорфе под Леобеном Я. Хайму и И. Риттеншек, Вальнер потребовал от обоих 60 крон. Вернувшись на следующий день, он обыскал их квартиру и похитил ценностей на сумму более чем 500 крон. В поисках имевшейся, по его мнению, у хозяев сберегательной книжки, Вальнер, не найдя ее, направил на перепутанных людей револьвер, приказав хозяевам успокоиться: «Спокойно, сейчас военное время. Если не успокоитесь, тогда револьвер. Спокойно женщина, иначе военное время»³². Ю. Дейч сообщал о том, что поведение возвращавшихся с фронта в 1918 г. австрийских военнослужащих определялось верой во всеилые оружия³³.

Под влиянием боевой обстановки у военнослужащих усилился личный индивидуализм, не согласовавшийся с официальными установками о духе фронтового товарищества, якобы царившего на фронте. По воспоминаниям В. Брауна, воевавшего на русском фронте с мая 1915 г. и взятого в плен тогда же, увиденное и пережитое австрийцами на фронте ни в коей мере не способствовало тому, чтобы пробудить в них чувство человечности и любви к ближнему³⁴.

Таким образом, морально-психологический облик австрийских военнослужащих претерпел в ходе войны значительные изменения. В условиях резкой девальвации ценности человеческой жизни у них выработался устойчивый стереотип поведения, в котором нормы мирного времени уступили место специфической военной психологии. В мировидении усилились иррациональные элементы, что объяснялось, прежде всего, нестабильным психологическим состоянием военнослужащих, искавших в религиозных культах и их суррогатах защиту от разнообразных опасностей. Задача выживания на фронте оттеснила на второй план нормы мирного времени, связанные с образцами нравственного поведения. В душах возросла черствость, проявлявшаяся в неспособности к сопереживанию.

¹ См.: *Сенявская Е. С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // *Вопросы истории.* 1997. № 3; *она же.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997; *она же.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999; *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в Первой мировой войне (1914 —

- март 1918). Екатеринбург, 2000.
- ² *Neumaier J.* Im serbischen Feldzuge 1914. Erlebnisse und Stimmungen eines Landsturmoffiziers. Innsbruck, 1917. S. 42.
 - ³ *Цвеіц С.* Статьи. Эссе. Вчерашний мир, воспоминания европейца. М., 1987. С. 307.
 - ⁴ *Kisch E.E.* Schreib das auf Kisch! Das Kriegstagebuch von E. E. Kisch. Berlin, 1930. S. 12.
 - ⁵ *Fleck R.* Wien um 1914. Ikonen des Krieges // Österreich und der Grosse Krieg 1914-1918. Die andere Seite der Geschichte. Wien, 1989. S. 16-17.
 - ⁶ *Hollischer A.* In England. Ostpreussen - Südösterreich. Gesehenes und Gehörtes 1914-1915. Berlin, 1917. S. 118.
 - ⁷ 140.000 Kilogramm Dynamit. // Ein Volk klagt an! Fünfzig Briefe über den Krieg. Wien-Leipzig, 1931. S. 32.
 - ⁸ *Benzer R.* Vorarlbergs Blutopfer im Ersten Weltkrieg. Innsbruck, 1965. S. 21.
 - ⁹ *Michaelsburg J.* Im belagerten Przemysl 1914-1915. Leipzig, 1915. S. 5.
 - ¹⁰ *Wolfgang B.* Przemysl 1914-1915. Wien, 1935. S. 25.
 - ¹¹ *Mehrhart G.* v. Kriegstagebuch. Bregenz, 1986. S. 40.
 - ¹² См.: *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века. В 4 кн. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 519-537; *Миронов В.В.* О духе патриотизма и фронтового братства в австро-венгерской армии периода Первой мировой войны // Армия и общество. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2002.
 - ¹³ *Konakowitsch T.P.* Im Namen seiner Majestät des Kaisers. Die Tätigkeit der Grazer Militärgerichte 1914 bis 1918. Graz, 1999. Phil. Diss. S. 214-215.
 - ¹⁴ *Ibid.* S. 112.
 - ¹⁵ Im Namen des Gottes. // Ein Volk klagt an! Fünfzig Briefe über den Krieg. Wien-Leipzig, 1931. S. 39.
 - ¹⁶ *Malleier E.* Formen männlicher Hysterie. Die Kriegsneurosen im 1 Weltkrieg. Wien, 1993. S. 99-100.
 - ¹⁷ Österreichisches Staatsarchiv – Kriegsarchiv (KA) Wien / Armeeeoberkommando (AOK) (1917) / General Zentrale Nachweisbuero (GZNB) / Karton 3781 / Akt 9684.
 - ¹⁸ *Kerchnawe H.* Der Zusammenbruch der österreichisch - ungarischen Wehrmacht im Herbst 1918. München, 1921. S. 105.
 - ¹⁹ *Ibid.* S. 106.
 - ²⁰ *Ibid.* S. 119.
 - ²¹ *Ibid.* S. 120.; *Rauchensteiner M.* Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz-Wien-Köln, 1994. S. 614.
 - ²² *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistenten, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974. Bd 2. S. 242f.
 - ²³ *Winkler W.* Wir von der Südfront. Ernstes Heiteres aus den Kämpfen in Serbien und am Isonzo. Wien, 1916. S. 35.
 - ²⁴ *Schneeberger H.* Der berstende Berg. Vom Heldenkampf der Kaiserjäger und Alpini. Oldenburg-Berlin. 1941. S. 11-12.
 - ²⁵ *Breitner B.* Unverwundet Gefangen. Aus meinem sibirischen Tagebuch. Wien- Berlin- Leipzig-München, 1922. S. 69.
 - ²⁶ Österreichisch- ungarische Krieg in Feldpostbriefen. München, 1916. Bd 1. S. 118.
 - ²⁷ *Decsey F.* Im Feuerkreis des Karsts. Neue Folge des Krieges im Stein. Graz, 1916. S. 87.
 - ²⁸ *Schoss A.M.* Verklungene Tage. Kriegserinnerungen eines Artilleristen. Wien- Leipzig, 1933. S. 177.
 - ²⁹ *Paiera V.H.* Unter Österreichs Fahnen. Graz-Wien-Köln, 1960. S. 296.
 - ³⁰ *Weber F.* Das Ende der alten Armee. Österreichs-Ungarns Zusammenbruch. Salzburg- Stuttgart, 1959. S. 286.
 - ³¹ *Ibid.* S. 202.
 - ³² *Konakowitsch T.P.* Op. Cit. S. 118.
 - ³³ *Deutsch J.* Aus Österreichs Revolution. Militärpolitische Erinnerungen. Wien, o. J. S. 21.
 - ³⁴ *Braun W.H.* Unter Zarenherrschaft und Sowjetstern. Erlebtes und Erschautes in Russland und Sibirien während des Weltkrieges und Revolution. Graz, 1930. S. 19.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ФИНЛЯНДИИ ВЕСНОЙ—ЛЕТОМ 1917 Г.

Для изучения общественных настроений людей, служивших в годы Первой мировой войны на северо-западной границе Российского государства на территории автономного Великого княжества Финляндского, особенный интерес представляют источники, в которых нашли непосредственное отражение реалии армейской и флотской повседневности. Среди них обращают на себя внимание как опубликованные, так и оставшиеся в архивах письма рядовых и офицеров, моряков и пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов в редакции русских газет и журналов, издававшихся в Финляндии в 1917–1918 гг.

Письма военнослужащих получали и публиковали на своих страницах партийные издания различных направлений, литературно-художественные журналы «Моряк» и «Артиллерист», выходившие в финляндской столице Гельсингфорс (Хельсинки), Выборгские издания 42-го армейского корпуса — «Финляндские известия», «Голос Финляндской армии» и др.¹ Источники личного происхождения открывают перспективы для изучения вопроса о том, какими социально-нравственными нормами руководствовались российские военнослужащие, каковы были их быт и другие аспекты повседневной жизни². Комплексное исследование проблемы остается делом будущего, хотя, пожалуй, трудно назвать работу отечественных и зарубежных авторов о событиях 1917 г. в Финляндии, где бы она не затрагивалась так или иначе³. К тому же вопрос о значении Первой мировой войны для исторического развития России в течение долгих лет оставался вне поля зрения отечественных историков, а процессы, протекавшие как в обществе, так и в экономике страны, привычно было дробить на дофевральские, развивавшиеся в период февраля–октября 1917 г. и послеоктябрьские⁴.

Исследование понятия «повседневная жизнь» предполагает обращение к таким её структурам, из которых складывается существование человека, как: условия жизни, трудовая деятельность, потребности (питание, жилище, одежда, медицина) и возможности их удовлетворения, техника и технологии, к самому человеку как существу биологическому, а также всему спектру соответствующих взаимоотношений, поступков, желаний, идеалов, обычаев и традиций, ценностных ориентаций и правил, регулирующих поведение людей, индивидуальную и коллективную практику, формы коммуникаций⁵.

Новейшие исследования российских историков позволяют увидеть особенности психологии «человека с ружьем», служившего на северо-западной границе бывшей Российской империи во время революционных потрясений 1917–1918 гг.⁶ Е.С.Сенявская, рассмотрев проблему возникновения и утверждения символов и мифов войны, отмечает, что формирование героических символов как феномена массового и во многом мифологизированного сознания стало ключевым идеологиче-

ским инструментом воздействия на психологию личного состава вооруженных сил и общества в целом⁷.

Один из таких символов — образ России, возвышенно и патетически рисовавшийся на страницах периодики в течение всех военных лет, после Февральской революции 1917 г. нередко предстал в русских изданиях в Финляндии совершенно в ином свете, упоминался с иронией и досадой на несоответствие положения в стране прежним представлениям о «единой и неделимой» Родине. Так, автор заметки, опубликованной в абоских «Известиях» писал: «От кого отделяется Финляндия? От России. А что такое Россия: не больше, не меньше, как толстуха, растяпа. Тысячу лет сиднем сидела, с места тронуться боялась. Пока сидела, цела была, а как только поднялась, так сейчас и стали отваливаться куски. И не куски, а кусищи. И надеюсь я, что русский народ не станет держать ту же Финляндию на вожже, иначе все наши слова и призывы народов к самоопределению — один «пшик», но подождать отделения можно же было до конца настоящей войны»⁸.

Среди публикаций 1917 г. в русских газетах, выходивших в Финляндии, можно встретить и излюбленный образ России, соотносившийся с хорошо знакомым каждому обитателем родных лесов — медведем, добродушным, наивным и терпеливым, который становится опасен и грозен, только если его так или иначе спровоцируют. Автор заметки в одном из майских номеров гарнизонной газеты «Выборгский солдатский вестник», подписавшийся псевдонимом «Беспартийный», предостерегал от пропагандировавшегося германскими и российскими социал-демократами братания с противником на фронте:

«С давних пор народы Европы изображают Россию как медведя. Надо сознаться, что это изображение как нельзя более подходит к характеру русского народа. Действительно, мы, как медведь, незлобивы и добродушны, пока нас кто-либо чересчур болезненно не заденет и пока мы голодом не доведены до беспамятства. Придя в ярость, и медведь, и русский человек становится страшным. Он ломает всех и всё на своем пути, или, раскрывши свою могучую и лохматую грудь, падает, сраженный пулею хладнокровного стрелка, спрятавшегося за толстым деревом. Наконец, медведь наивен и прост, и за свою наивность многие представители этой породы поплатились неволею»⁹.

Обращает на себя внимание то, что в представлениях рядовых военнослужащих сложившиеся в 1917 г. образы «новых» врагов — офицеров, «буржуев», чиновников, начальства — ассоциировались с экзотическими африканскими животными: леопардами, пантерами, крокодилами, змеями из «чужого» животного мира или даже с inferнальными силами — вампирами и т.п. Матрос Раменский, автор стихотворения «К современному быту», выразил противопоставление себя врагам в соответствии с законом бинарности («мы» — «они») такими, пусть даже наивно звучащими, строками:

*«Не нужно нам, всему трудовому народу,
Чужих земель, чужих трудов,
Но нас буржуй с пантерскою душою
С лица земли стереть готов.*

*Не надо, братцы, покоряться
Всем этим зверям никогда.
Они нас мучили уж много,
Теперь уж нам пора, пора!
Зачем мы слушаем их речи?
Зачем в страну пускать их яд?
Они, как змеи или крокодилы,
Хотят опять забрать в кулак»¹⁰.*

Разумеется, среди образов-антагонистов встречаются и близкие россиянам зооморфные пары: рядовые («суконные погоны») ассоциировались у «нижних чинов» с беззащитными ягнятами, а офицеры («серебряные или золотые блестящие») — с охотящимися за своей добычей хищниками. «...Который из сукна, эти погоны представляют собой в лесу малого ягненка, а блестящие представляют из себя голодного кровожадного зверя, когда голодный зверь увидит в лесу ягненка, то он все силы ложит, как бы растерзать этого маленького ягненка, — писал в редакцию гельсингфорсских «Известий» комендор с эсминца «Лейтенант Ильин» С.Чуканов, — так и блестящие, увидят суконный и стараются как бы их загнать под суд военный, морской или полевой, чтобы они не увидели своего родного края, это так и было»¹¹.

Важную сторону новой психологии военнотружеников, порожденной обстановкой уже три года длившейся войны и изменениями в сознании людей, происшедшими в период революции, составило представление о необходимости подавления контрреволюционного и антинародного «заговора буржуазии». «А что нас капиталисты, буржуи страшат голодом, что земли перейдут крестьянам и останутся незапаханными, что некому обрабатывать, — разъяснял в своем письме старший унтер-офицер 1-й роты 423-го Лужского пехотного полка Ф.Фомичев, — то ведь поймите, товарищи, то помещики-то не своими руками работали, а такие же крестьяне... Обезлюдела деревня — обезлюдели и помещики, и если надвигается голод, то и эти люди не могут спасти Россию ... оставлением земли у помещиков до созыва Учредительного Собрания»¹².

Антибуржуазная пропаганда социалистов создавала у рядовых образ врага, усиливая подозрительность к офицерству, военным чиновникам, духовенству, к сторонникам иных политических взглядов. Как отмечают исследователи, различные партии и организации предлагали свое понимание термина «буржуазия», но на уровне массового сознания появлялись иные оценки, подчас весьма отличные от партийных. Часто же различное толкование понятия «буржуазия» вызывало социо-культурные конфликты¹³.

«По слухам, и нас, работников пера и рейсфедера, топора и лопаты, причисляют к буржуям», — недоумевал весной 1917 г. один из авторов первой русской газеты в Або, утверждая, что его мнение — это мнение всех служащих и рабочих строительства Або-Оландской укрепленной позиции. «Мы представляем собою весьма разношерстную ... и крайне разнообразную в своих самобытных толкованиях социальных вопросов публику, часто у нас выписываются газеты «буржуйских» направлений, как называют их товарищи — рабочие», — отмечал В.Палажченко. При-

звук к политическому самообразованию, он выразил надежду на то, что «путем беседований и чтения лекций мы обрисujemy настолько, что наши товарищи — рабочие, тесно связанные с нашими профессиями», больше не будут видеть «в нас ненавистный им образ буржуя»¹⁴.

Нередко обвинения в «буржуазности» становились основой полемики различных групп социалистов. В конце июня 1917 г. пулеметчик стрелкового полка Офицерской стрелковой школы на Оланде солдат С.Макаров следующим образом ответил на критику в его адрес, появившуюся в газете гельсингфорских большевиков «Волна»: «Дражайший ругатель, я сын буржуя. Мой отец носил всегда и везде крахмальную сорочку. И получал 200 руб. в месяц, состоя на службе в аптеке. И это когда ... самый скромный рабочий получает 400 руб. в месяц, сберегая, таким образом, народные деньги в народных руках, когда «товарищ» Ленин реквизирует дворец. Моя жена ходит (о ужас!) в шляпке и терпеть не может демократического платочка... Как же из меня при этих условиях может выйти пролетарий. Но я не черная сотня и не приспешник царизма. Я не вопил, чтобы все поминутно хваталось за винтовки и куда-то зачем-то бежали кого-то бить, кого-то ловить...»¹⁵

Антибуржуазные идеи окрашивали и распространившиеся антивоенные настроения: в «буржуях» видели главных виновников войны¹⁶. Вновь и вновь указывая на явные признаки разложения армии, член офицерского комитета 3-го Прибалтийского конного полка В.Любимов в горечью писал: «Могут сказать, что Гучков был буржуй и империалист, но значит, есть пропасть, на краю которой стоит наша Россия, если даже Керенский, тот, на которого смотрела вся Россия, как на упорного борца свободы, даже тот кричит об этой опасности. Страна может защищаться только армией. У нас этой армии нет. Керенский попытался спасти ее, но эти попытки бесполезны»¹⁷.

А вот диаметрально противоположная точка зрения, выраженная в письме солдата 3-й роты П.Савина, который служил в 423-м Лужском полку, находившемся под значительным влиянием большевиков: «Нам-то, беднякам, одели всем серые шинели. А в деревне-то остался кто? Да мелкие буржуи. Например, кто попал на Всероссийский съезд [Советов. — Е.Д.] — старшины, писаря, учителя, торговцы, крестьяне, которые были раньше не обижены. Так то повара да учителя, приспешники старого режима, теперь и выбраны везде...»¹⁸

Между тем, автор одной из заметок, опубликованной гельсингфорскими «Известиями» в начале июля, называет «прислужниками бывшего царизма» представителей духовенства, которые выступали против сельского учительства: «попы натравливают нашего темного крестьянина на учителей, тружеников школы, говоря, что в школе не хотят учить слову Божию», а поверившие им крестьяне «выгоняют учителей из школы и деревни»¹⁹.

«Товарищи, на что нам братоубийство, на что нам завоевания и победы? — спрашивал автор письма в редакцию большевистской газеты. — Миллионы нас собраны и миллионы уже погибли и калек, ... а все за что — да за ихние красноречия или дерись за ихние капиталы, что они, проклятые буржуи, наязыкивают нас друг на друга как собак и заставля-

ют лить дорогую православную кровь...»²⁰.

«Антибуржуйские» настроения распространяли самые различные, подчас конфликтующие силы, и это затрудняло возможность их прочного соглашения. В начале августа рядовой находившегося в составе гарнизона крепости Свеаборг 428-го Лодейнопольского пехотного полка недавний крестьянин Г.Т.Шейн обратился к солдатам с призывом «не слушать смуты», исшедшей от лиц, «натравливающих солдат против матросов». В воззвании, предназначавшемся им для публикации в «Известиях Гельсингфорского совета», автор писал: «нам не для того даны пули и штыки, чтобы бить своих товарищей и братьев, а для тех, с кем мы боремся, — кому дороги роскошные кресла и автомобили»²¹.

Применительно к Финляндии образ «буржуя» стал отождествляться в сознании военнослужащих с этническим образом шведа. Выступая против публикаций сотрудника библиотеки Гельсингфорского университета члена большевистской фракции РСДРП В.М.Смирнова по финляндскому вопросу, редакция абоских «Известий» заявляла: «Некий Смирнов, доказывая в «Известиях Гельсингфорского Совета», что Финляндия должна отделиться от России, пишет: крупные финские капиталисты (читай: шведы), как, например, металлические или писчебумажные фабриканты, находят в торговых видах выгодным соединением Финляндии с Россией. Не с целью оправдания финских буржуев пишем мы эти горькие слова, а с болью в сердце показываем враждебное отношение к нам со стороны финских товарищей»²².

Редакция поместила эту статью в качестве комментария к заметке матроса С.Мальчикова, которая красноречиво свидетельствует о взглядах рядовых военнослужащих на обстановку в Финляндии: «Да и самим нам видно, желают ли трудящиеся массы быть под покровительством России или хотят отделаться от нас как от надоедливой мухи, — разъяснял автор заметки. — Но тогда их еще больше прижмет швед-буржуй, который еще и теперь не перестает жать финнов железными кулаками... Я смотрю на финнов и читаю в их глазах: какое-то все же есть недовольство к русским. Русские к ним всей душой, а они к ним спиной. Почему это? Наши русские считали более культурными людьми финнов и думали, что они так же страдают под игом своих управителей, как наши томились под игом Романовщины, но им еще, должно быть, не надоело быть под гнетом засевших в сейм шведов»²³.

«Антибуржуйские» настроения распространяли самые различные, подчас конфликтующие силы. Это затрудняло возможность их прочного соглашения. Позже, во время вспыхнувшей зимой 1918 г. гражданской войны в Финляндии, уже укоренившаяся в умах российских военнослужащих мысль о необходимости подавления контрреволюционного и антинародного заговора буржуазии стала важным элементом общественного сознания и так называемых «красных финнов».

В марте 1918 г. в местечке Тюсьбю (Туусула) финские красногвардейцы арестовали помощника командира отряда 106-й пехотной дивизии по фамилии Заме, несмотря на то, что дивизия находилась в составе русских войск, которые подчинялись командующему добровольческими

отрядами в Финляндии М.С.Свечникову и взаимодействовали с финляндской Красной гвардией. Командиру, обратившемуся в штаб красногвардейцев за разъяснением, в чем обвиняют его заместителя, был дан ответ, что тот подозревается в принадлежности к Белой гвардии, в выдаче демобилизованному солдату «казенных вещей, подлежащих передаче Финляндии», а также в том, что «Заме вообще буржуй»²⁴.

Помимо офицеров и чиновников старой администрации, к потенциальным «врагам революции» причислялись и представители духовенства. Так, депутат Свеаборгского крепостного артиллерийского полка Смирнов в июле 1917 г. сообщил в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета» об услышанном им на улице высказывании некой русской женщины: «Для чего-то устроили противные солдатские советы, чтобы еще хуже позорить честных людей». На вопрос депутата, где она служит, был получен ответ: «В Гельсингфорсе у священника». Показательно заключение автора письма: «Да, действительно, «хорошие люди» подтвердились... Прежде чем возиться с этими подкупленными прислугами, нам нужно подготовить все жизненное основание, дабы впредь не разводить хаос, как это было при Николае»²⁵. Широкое морализирующее обобщение, немедленно сделанное на основании единственного упоминания о священнике, весьма типично для характеристики умонастроенных представителей «революционной демократии» гельсингфорского гарнизона.

Между тем в статьях, появившихся весной 1917 г., писатель Л.Андреев называл происходившее «воскресением России из лица мертвых народов»²⁶. Переданное им восприятие послефевральских дней широкими слоями населения как «воскрешения» — возрождения страны, играло особую роль в условиях российской революции, не исключая, а скорее, предполагая, участие духовенства в обновленной жизни вчерашних подданных, ставших гражданами.

Настоятель Гельсингфорского Успенского Собора протоиерей А.А.Хотовицкий писал в пасхальном номере редактировавшегося им журнала: «Русь переживает в эти дни небывалое, великое. Все мы живем повышенной жизнью. Чудо обновления России, одухотворенное свободой, охватило нас. Повседневное, обычное отошло на задний план...»²⁷.

«С праздником Свободы и с красным революционным яйцом» поздравлял сограждан накануне праздника Пасхи со страниц гельсингфорских «Известий» депутат Исполнительного комитета Совета солдат А.Крутов. «Послали ли вы Пасхальное яичко к Светлому Празднику в окопы, на передовые позиции?» — напоминал А.А.Хотовицкий прихожанам, и русское население финляндской столицы откликнулось на этот призыв с тем же энтузиазмом, что и в начале войны в Рождественские, а затем и Пасхальные праздники 1915 г.

Уже в апреле 1917 г. новая революционная фразеология стала объектом подтрунивания со стороны сотрудников абоских «Известий», которые предложили читателям ряд штампов, выдержанных в духе времени: «С днем товарища ангела», «С группой сознательных новорожденных», «С гражданином покойным дядюшкой», «Комиссия подрайонной группы

уездных дезертиров» и т.п.²⁸ Быстро и «взрывообразно» политизировавшееся в условиях революции общество использовало привычные и значимые религиозные символы и ритуалы, подчас заменяя ими отсутствующие политические символы и понятия, лозунги и штампы. Символы и институты революции с первых дней становились объектом поклонения²⁹.

7 марта 1917 г. гарнизонный комитет, созданный представителями от частей, дислоцированных в г. Николайстад (Вааза) постановил отслужить панихиду на Казарменной площади города о «павших братьях, боровшихся за свободу, и благодарный молебен Господу Богу, ниспославшему нам свои милости». В течение шести недель до 10 апреля всему гарнизону, согласно распоряжения депутатов, следовало носить траур по погибшим³⁰.

Современники вспоминали о грандиозной манифестации в Гельсингфорсе в проходивший по всей стране День памяти борцов за свободу 17 марта. В финляндской столице она состоялась в Брунспарке на могиле матросов, погибших в начале марта в рядах восставших³¹.

Исполнительный комитет гарнизона в г. Тавастгус (Хямеенлинна) распорядился в этот день после полудня собраться в Старофинских казармах, откуда «с оркестром проследовать на площадь и построиться возле ратуши... Во всех частях иметь только красные знамена». Разработка программы и маршрута следования процессии, включившей и местное население, была поручена депутату Надеждину. Выборгский гарнизонный комитет в день похорон жертв революции в Петрограде 23 марта проводил сбор средств в пользу возвращавшихся в Россию эмигрантов и политссыльных.

20 марта по приказу Начальника 106-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Станкевича в Таммерфорсе собрался съезд духовенства дивизии. Съезд обсудил «создавшееся общественно-политическое положение в России», которое значительно повлияло на пастырскую деятельность духовенства. Признавая необходимым сосредоточить «идейное руководство духовенством дивизии» в лице священника опытного, «стоящего на уровне запросов переживаемого исторического момента», собравшиеся единогласно избрали на должность благочинного 106-ой дивизии священника 424-го Чудского полка о. Льва Теодоровича. До войны его пастырское служение было отмечено набедренником, скуфьей и камиллавкой — наградами, соответственными духовному званию, а в 1916 г. приказом по войскам 6-й армии — орденом св. Анны 3 степени.

Примечательно, что характерное для 1917 г. избрание на должность состоялось уже после того, как Л.М.Теодорович в 1916 г. был назначен на нее Главным священником армий Северного фронта о. Иоанном Покровским, а в январе 1917 г. утвержден в ней приказом по дивизии³².

Среди находившихся в Финляндии военнотружущих было много учителей, с началом войны мобилизованных в армию. Благодаря этому возможной стала, например, активная книгоиздательская деятельность Гельсингфорсского Совета, которая убеждает в квалифицированной подготовке депутатов, входивших в секцию распространения идей народо-властия, к такого рода начинаниям³³.

Примечательно прошение председателя полкового комитета 512-го

пехотного Деснинского полка А. Курочкина, который побывал в числе представителей Совета на Западном фронте и слышал там просьбы солдат отправиться в тыл для агитации и «организации деревни». «Как бывший учитель, вышедший из крестьян, я знаю деревню, ее уклад и нужду... Прошу исполнительный Комитет командировать меня в Петроград для получения уполномочий по делу агитации в какую-либо губернию с инородческим населением, т.к. все детство провел среди инородцев и знаком ... отчасти с водским языком»³⁴.

Присутствие в частях политически подготовленных солдат и офицеров проявлялось, как правило, в том, что особое внимание войсковые комитеты уделяли культурно-воспитательной работе. В частях и на кораблях для рядовых открывались читальни, армия и флот сыграли реальную просветительную роль, тысячи солдат и матросов проходили здесь школу грамоты, санитарной грамотности, многие получали первые элементарные знания, знакомились с техникой.

Большое значение имела лекционная деятельность и особенно работа по обучению неграмотных в условиях, когда до 60% солдат сухопутных финляндских войск оставались неграмотными и малограмотными³⁵. В работе секции принимал участие лектор Гельсингфорского университета большевик В.М. Смирнов, в основном же в состав ее лекторов входили меньшевики и эсеры. Занятия, начавшиеся с 10 апреля, включали лекции по географии, которые читал депутат Исполкома совета эсеров Д. Попов. Лектором по истории Великой французской революции стал член Гельсингфорского Педагогического общества меньшевик Л.Н. Соболев. Дважды в неделю проводились лекции, посвященные изложению марксизма. Вопросы политэкономии освещались в выступлениях большевика И. Кондратьева³⁶. С перечнем тем по самообразованию и литературой по эти вопросам желающие могли познакомиться благодаря специальному изданию секции³⁷.

Лекции стали одной из форм политического просвещения рядовых военнослужащих. По воспоминаниям морского врача Ю.П. Фролова, солдатам и матросам часто «не хватало опыта революционной организации», на собраниях, решавших вопрос «что дальше?», не знали даже, что значит «просить слова», «к порядку дня» и т.п. «Вот здесь-то и помог опыт финских социал-демократов, которые имели длительный опыт организации, располагали своими клубами, а главное, знали, что такое Интернационал, который для многих из нас, русских, в том числе и образованных людей, был лишь символом чего-то великого, но не вполне понятного», — писал автор воспоминаний³⁸.

После состоявшейся в Ганге (Ханко) многолюдной первомайской демонстрации русских матросов и рабочих-финнов участники митинга, на котором Фролов говорил о значении науки в развитии рабочей революции, решили открыть здесь свой клуб, «устраивать лекции и доклады по основным вопросам политики и науки» и приглашать на эти собрания финских рабочих, ремесленников и рыбаков с их семьями³⁹.

В середине мая на заседании Совета матросских депутатов Ганге-Лапвической укрепленной позиции доктор Фролов как представитель Мор-

ского клуба обратился к собравшимся с просьбой поддержать клуб и рассказал о его целях и значении. Совет, в состав которого входили и депутаты от частей, располагавшихся в Экенесе (Таммисаари), сочувственно встретил это предложение и обещал оказать клубу материальную поддержку. На том же заседании депутаты выразили доверие и готовность оказывать всяческое содействие Исполнительному комитету района Ганге-Лапвик⁴⁰.

Весьма энергичные и разнообразные формы деятельности развернули клубы в крупных гарнизонных городах Финляндии и, прежде всего, в финляндской столице. В мае по инициативе Матросской секции Гельсингфорсского Совета и при поддержке созданного в конце апреля Центрального Комитета Балтийского Флота (ЦКБФ) начал действовать Матросский клуб, его активными участниками были депутаты Совета Г.Киреев, Е.Вишневский, Красиков и др.

Вышел в свет первый номер литературно-художественного журнала клуба «Моряк», редактором которого стал эсер А.Богомолов⁴¹. Правда, в адрес клуба поступали не только приветствия, часто публиковавшиеся в «Известиях Гельсингфорсского Совета», но и критические замечания, нередко в виде фельетонов в стихотворной форме⁴².

13 мая в помещении Абоских казарм в Гельсингфорсе состоялось открытие Солдатского клуба⁴³. Артиллерийский клуб, собиравшийся там же, сумел наладить издательскую деятельность только к концу октября. Успели увидеть свет лишь первые два номера журнала «Артиллерист» под редакцией члена Литературного отдела клуба меньшевика М.Горшкова, прежде редактировавшего «Известия Гельсингфорсского Совета»⁴⁴. Более тысячи специалистов объединялось в Гельсингфорсский Инженерный клуб, куда входили, в частности, военнослужащие Свеаборгского и Владивостокского минного батальонов⁴⁵.

В начале июля в Або инициативная группа из 5 матросов и 6 офицеров объявила через газету о своем желании «организовать» в городе клуб «на демократических основаниях», куда «могли бы все приходиться — как местный гарнизон с приходящих судов, так и приезжавшие с батарей, и товарищи-финны, говорящие по-русски, для обмена мнениями и новостями». Говоря о преимуществах объединения в клуб, инициаторы его создания упоминали о возможности «просмотреть все газеты и журналы, книжку прочитать или просто закусить». Но что касалось азартных игр, то их любителям, по мысли организаторов, предстояло разочароваться: «Не будет этого допущено. Бильярда и карт не будет...» Авторы газетного обращения просили «приносить пожертвования и кто чем может помочь» в организации нового дела. Через несколько дней они опубликовали «Платформу Республиканского клуба в Або»⁴⁶.

Анализируя содержание солдатских писем, цензор 42-го армейского корпуса уже в апреле отмечал, что настроение солдат в частях корпуса сильно изменилось: «солдат стал думать, солдат стал жить политически». В отчетах цензоров штаба корпуса и Выборгской крепости указывалось, что нередко в письмах пересылаются листки агитационного характера, «главным образом, в ленинском духе». В то же время в отчетах подчеркивалось, что другие, «более умеренные партии в этом отношении ни-

какой деятельности не проявляют»⁴⁷.

Управляющий военным министерством генерал Якубович просил Временное правительство отпустить из средств военного ведомства на культурно-просветительные расходы более 80 тыс. финских марок для армейского комитета дислоцированного в Финляндии 42-го корпуса. Свою просьбу он мотивировал тем, что комитет находится в совершенно особых условиях. «Ни в каком другом районе, — писал генерал Якубович, — войска не подвержены в такой мере влиянию безответственных агитаторов, как вследствие близости столицы, морских крепостей и следующих через Финляндию из-за границы политических эмигрантов...»⁴⁸.

Как вспоминает очевидец, матросские митинги и демонстрации на улицах приморских городов Финляндии не прекращались в первые весенние месяцы ни на один день. «Они занимали видное место в жизни взбудораженной Финляндии, похожей на разрытый муравейник. Матросы, сняв погоны, казалось, не могли наговориться, компенсируя себя за долгие годы молчания. Одной из любимых, волнующих тем была — «Долой войну, да здравствует братство всех народов!» На митингах нередко выступали и выборные матросы. Но если они, указывая матросам на серые, окаймленные льдинами воды Финского залива, говорили о коварном враге — о немцах, то толпа грозила выкинуть таких ораторов в море»⁴⁹. По наблюдению В.П.Булдакова, влияние агитаторов не могло не быть велико, если принять во внимание, что они призывали не стрелять, а значит, не делать того, что рядовые военнослужащие не хотели сами⁵⁰.

В первоначальном составе солдатских и матросских советов и комитетов, отразившем тогдашнее соотношение партийных сил, преобладание получили эсеры как самая многочисленная партия на флоте и самая популярная политическая партия в России на протяжении всего 1917 года. В Гельсингфорсе весной-летом 1917 г. позиции эсеров были очень сильны как среди моряков, так и в армейском гарнизоне. Примечательно, что в мае 1917 г. один из телеграфистов крепости Свеаборг обратился в Гельсингфорсский совет с просьбой помочь партийной литературой эсеровской ячейке, только что возникшей в Карелии, в уездном городе Олонец. Он просил высылать туда книги бесплатно, поскольку достаточными для их покупки средствами олонецкие эсеры еще не располагали⁵¹.

На общественное сознание сторонников эсеров и меньшевиков не меньшее влияние, чем на большевистски настроенных военнослужащих, оказала «инерция борьбы с рецидивами царизма». Сторонники этих политических партий также искали «врагов революции», «врагов пролетариата», «провокаторов», «контрреволюционеров из стана желтой прессы», «элементов», занимавшихся «клеветой и инсинуациями»⁵². В чем отразилась не борьба отвлеченных и, как правило, малоизвестных основной массе солдат и матросов политических учений, а столкновение конкретных общественных интересов, которые разные группы военнослужащих понимали по-разному.

Разумеется, далеко не каждый из военнослужащих проявлял интерес к политике даже в самые кульминационные моменты развития политических событий. Многие рядовые и офицеры были поглощены испол-

нением своих служебных обязанностей. Для некоторых наступившая свобода означала свободу пренебрегать этими обязанностями.

Благодаря публикациям читательских писем и знакомству с корреспонденцией, не попавшей на страницы периодики, становится понятно, какими складывались образы финна и шведа в представлении российских военнослужащих⁵³. Этнические предрассудки становились одной из главных причин конфликтов матросов и солдат с населением гарнизонных финляндских городов и их окрестностей. Окрашенные в негативные цвета представления об этносах-соседях (финнах и шведах) превращались в устойчивые этнические стереотипы, которых в 1917–1918 гг. не могли победить агитационные призывы со страниц эсеровских, большевистских и советских газет к классовой солидарности с «революционным финским пролетариатом»⁵⁴.

О бесчинствах солдат и матросов по отношению к населению, их вмешательствах в жизнь финнов и русских гражданских лиц, нарушениях общественного порядка возмущенно сообщали не только финляндские газеты. Об этом же с горечью писали гельсингфорссские и абоские «Известия». Немало сведений об обратной стороне демократизации и моральном разложении войск содержится в протоколах и резолюциях солдатских и матросских собраний, комитетов воинских частей. На их заседаниях обсуждались, в частности, вопросы соблюдения военнослужащими установленной формы одежды, выполнения служебных обязанностей и т.п.

Исследование общественных настроений военнослужащих российских войск в Финляндии в период революционных потрясений 1917 г. позволяет заключить, что духовная жизнь людей претерпела значительные перемены вслед за изменениями, вызванными военным временем, как в городской и сельской, так и в армейской и флотской среде, а также переменами в культурной и религиозной жизни. Обстановка в русских гарнизонах Финляндии и на военно-морских базах Балтийского флота не составила исключения в этом отношении.

¹ Kansallisarkisto (КА) – Национальный архив Финляндии. «Русские военные бумаги», 1970: Письма в редакцию газеты «Известия Гельсингфорссского совета депутатов армии, флота и рабочих» в 1917–1918 гг.; РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп.1. Д.21; Волна. Гельсингфорс, 1917; Выборгский солдатский вестник. Выборг, 1917; Голос социал-демократа. Гельсингфорс, 1917. № 1-9; Голос финляндской армии. Выборг, 1917; Известия Гельсингфорссского совета депутатов армии, флота и рабочих. Гельсингфорс, 1917–1918; Известия совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции (АОУП). Або (Турку), 1917–1918; Народная нива. Гельсингфорс, 1917; Общее дело. Гельсингфорс, 1917; Прибой. Гельсингфорс, 1917; Социалист-революционер. Гельсингфорс, 1917–1918; Финляндские известия. Выборг, 1917.

² Исследование революционной символики, влиявшей на умонастроения моряков Балтийского флота в 1917 г., осуществлено в новейших работах Б.И.Колоницкого: *Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года.* СПб., 2001; *Он же. Погоны и борьба за власть в 1917 году.* СПб., 2001; *Figes O.,*

Kolonitskii V. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, London, 1999.

- 3 Об историографии проблемы см.: *Дубровская Е.Ю.* Российские военнослужащие в Финляндии в годы первой мировой войны // Клио. 2001. № 3. С. 128-134; *Она же.* Русские войска и Великое княжество Финляндское в XIX – начале XX вв. // Новый часовой. 2001. № 11-12. С. 23-35; *Она же.* Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев. *Ab Imperio.* 2001. № 4. С. 169-194.
- 4 Подробнее см.: *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 308-323, 434-435.
- 5 *Такала И.Р.* «Веселье Руси»: история алкогольной проблемы в России (1900–1930-е гг.) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 244-245.
- 6 *Бажанов Д.А.* 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в дни Февральской революции // Вестник молодых ученых: исторические науки. 1999. № 5. С. 12-19; *Буддаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 122-132; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России: 1917–1920. СПб., 1995. С. 159-174; и др.
- 7 *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 214-215.
- 8 *Макаров С.* Финляндия и мы // Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции (далее - Известия... АОУП). 1917. 24 июня.
- 9 Русские мечты и немецкая действительность // Выборгский солдатский вестник. 1917. 4 мая.
- 10 РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 88.
- 11 КА. Там же. Д. 11970.
- 12 *Ильин-Женевский А.Ф.* Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября (письма солдат и матросов в редакции большевистских газет в 1917 г.). М., 1933. С. 107-108.
- 13 *Архипов И.Л.* Социолект как характеристика особенностей политической психологии // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. Вып. 1. СПб., 1993. С. 56; *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Анатомия революции... С. 195-196.
- 14 *Палажченко В.* Сфинкс Строительства // Известия... АОУП. 1917. 21 апреля.
- 15 Известия... АОУП. 1917. 25 июня.
- 16 *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда... С. 197.
- 17 *Любимов В.* Россию забыли // Известия... АОУП. 1917. 20 мая. (Как министр юстиции А.Ф.Керенский приезжал в Гельсингфорс в середине марта. Давний сторонник восстановления финляндской конституции, он объявил на митинге 16 марта о полной амнистии финским гражданам, которых царизм преследовал за политические преступления.)
- 18 *Ильин-Женевский А.Ф.* Указ. соч. С. 123-124.
- 19 *Егор.* Не спешат // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 1 июля.
- 20 *Ильин-Женевский А.Ф.* Указ. соч. Там же.
- 21 КА. Там же. 11970.
- 22 От редакции // Известия... АОУП. 1917. 15 июня.
- 23 *Мальчиков С.* По поводу статьи С.Макарова «Финляндия и мы» // Там же.
- 24 КА. Там же. 2073. Бумаги командующего добровольческими армиями в Финляндии.
- 25 РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп.1. Д.21. Л.78.

- 26 См.: Хеллман Б. Леонид Андреев и революция // Русский листок в Финляндии. 1987/1988. № 6-1. С. 4.
- 27 Гельсингфорский приходской листок. 1917. № 4. С. 5-6.
- 28 Известия... АОУП. 1917. 24 апреля
- 29 Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда... С. 200.
- 30 КА. Там же. 465. Приказ по гарнизону г. Николайстада 11 марта 1917 г. № 19; Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 29 марта.
- 31 Шпилевский И. Братва. Л., 1928.
- 32 КА. Там же. 2073. Послужные списки чинов 106-ой пехотной дивизии.
- 33 См. Hellman B., Kjellberg J. Suomen vepdänkirjallisuuden bibliografia: 1813-1972. Helsinki, 1988. S.1-44; КА. 3232. Протоколы секции распространения идей народо-властия. Л. 1-26; Там же. 3219. Протоколы культурно-просветительской секции (1917-1918 гг.).
- 34 КА. Там же. 3229. Переписка гельсингфорского Совета. Л. 38.
- 35 Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 7 апреля. (Подробнее об этом см.: Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март-октябрь 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 100-102, 141-145; Luntinen P. The imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808-1918. Helsinki, 1997. P. 328).
- 36 Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 30 апреля; РГА ВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 16. Л. 31; Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии в 1905, 1917 и 1918 гг. Л., 1933.
- 37 Программа и перечень книг для самообразования и для составления библиотек. Гельсингфорс, 1917.
- 38 Фролов Ю.П. Записки морского врача // Скандинавский сборник. Вып. 5. Таллинн, 1968. С. 168.
- 39 Там же. С. 169.
- 40 КА. Там же. 3214. Протоколы общих собраний Совета матросских депутатов Района Ганге-Лапвик. Л. 19.
- 41 Моряк. 1917. №1. 5 июня.
- 42 РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21 (Письма матросов и солдат в «Известия Гельсингфорского Совета»). Л. 85.
- 43 Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 15 апреля, 16 мая.
- 44 Артиллерист. 1917. №1. 1 ноября.
- 45 КА. 14166. Там же. Областной комитет депутатов армии и флота и рабочих Финляндии. Среди хранящихся в деле удостоверений членов Инженерного клуба есть удостоверение № 1070.
- 46 Известия... АОУП. 1917. 6, 8 июля.
- 47 РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 22. Л. 119, 204, 212-215, 223.
- 48 Цит. по: Куруу М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Петрозаводск, 1965. С. 13.
- 49 Фролов Ю.П. Указ. соч. С. 168.
- 50 Булдаков В.П. Красная смута. С. 124.
- 51 КА Там же. 3229. Переписка Гельсингфорского совета.
- 52 Архипов И.Л. Указ. соч. С. 56.
- 53 См. об этом также: Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (по материалам солдатских писем) // Первая мировая война. История и психология. СПб., 1999. С. 62-64; Она же. Российские войска в Финляндии и население Великого княжества в годы первой мировой войны // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX веках. Самара, 2001. С. 77-85.
- 54 РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 105-108; Manninen O. Sodanjohto ja strategia // Itsenäistymisenvuodet 1917-1920. Osa 2. Taistelu vallasta. Helsinki, 1993. S.44-57.

ДВИЖЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МОТИВАЦИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ ТЫЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ*

Изучение мотивации вступления в Действующую армию во время Великой Отечественной войны на добровольной основе гражданами страны, позволяет расширить рамки представлений таких больших тем, как образ защитника Отечества, и выявить стратегию выживания общества в этот период. Однако следует иметь в виду, что далеко не все добровольцы, написавшие заявления, были мобилизованы на фронт. Тем не менее, оставленные ими письменные свидетельства дают почву не только для изучения социально-психологического портрета советского воина (в случае мобилизации автора заявления на фронт), но также настроений среди тылового населения (то есть получивших отрицательный ответ и оставшихся дома), что, в свою очередь, позволяет исследовать проблему общей стратегии выживания в условиях сурового военного времени, являющейся одной из многочисленных аспектов темы «человек и война». Раскрытию данных проблем во многом способствуют подходы и методы военно-исторической антропологии, использование которых предоставляет возможность раскрыть глубинную сущность массового добровольческого движения — этого феномена, порожденного войнами, вошедшими в историю под названием Отечественных. Следует отметить, что в статье под термином добровольческого движения подразумевается такое массовое явление, как подача заявлений в военкоматы страны с просьбой направить на фронт, и охватывает всех, вне зависимости от того, удалось ли им принять непосредственное участие в боевых действиях.

Проблема добровольческого движения в послевоенной отечественной историографии не была обойдена вниманием. Однако, труды С.М.Дробязко, Н.А.Кирсанова, А.Д.Колесника, А.М.Синицына, В.В.Черепанова и других посвящены, в основном, созданию и формам добровольческих воинских формирований, а также их вкладу в дело разгрома врага¹. За исключением общепризнанного тезиса о всеобщем гражданском патриотизме советского народа в военные годы, попыток раскрыть мотивацию поступка добровольного ухода на фронт, предпринималось не много. В последние годы наметилась тенденция введения в научную литературу новых фактов, вкратце затрагивающих обозначенную проблематику. Определенные шаги в этом направлении были сделаны С.Н.Полтораком. В частности, в его работе «Незнакомые грани историко-психологического портрета советского воина в период начала Великой Отечественной войны. (По материалам неопубликованных воспоминаний)»² впервые были опубликованы выдержки из рукописи ленинградского инженера Б.Н.Соколова, работавшего до войны главным технологом на Балтийском судостроительном заводе. Автор рукописи ушел на фронт 30-летним добровольцем. Он писал о том, что многие его сверстники уклонялись от ухода на фронт, понимая всю опасность

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 03-01-00843а)

участия в боевых действиях. Как отмечает автор статьи, совершенно неожиданно звучит признание Б.Н.Соколова о мотивах, подтолкнувших его к вступлению в ряды Красной Армии: «В этом сказался и законопослушный характер, и незнание жизни вне привычного круга, и просто непривычка думать. Как понял потом, большинство армии и состояло из таких «добровольцев», т.е. людей неинициативных, слабохарактерных, равнодушных и не умеющих думать и управлять своей судьбой. Люди с твердым знанием своих интересов и умением их отстаивать на войну не шли, и государство ничего не могло с ними поделаться»³. С.Н.Полтораки справедливо заметил, что воспоминания одного из участников войны не могут способствовать воссозданию правдивого и точного портрета военнослужащего армии во время войны, но и без них этот портрет был бы безликим, неестественным⁴. Нравственный облик молодого поколения во время Великой Отечественной войны, мотивы его поступков в самый критический и драматический период жизни были так же рассмотрены Б.Н.Гусевым в статье: «Политический портрет добровольцев войны: анализ заявлений 1941–1942 гг.»⁵. Автор пришел к выводам, что анализ содержания 200 писем и заявлений добровольцев, ушедших на фронт с августа 1941 г. по декабрь 1942 г., позволяет судить об их твердой уверенности в скорой победе над вероломным врагом, готовности вынести на своих плечах все тяготы и невзгоды войны. Используя социологические методы, в зависимости от частоты встречающихся аргументов, автором статьи были отмечены следующие личные причины и мотивы ухода добровольцами на фронт: желание быть на фронте, получение военной специальности, тяжелые материальные и бытовые условия жизни, одиночество⁶. На наш взгляд, поднятые С.Н.Полтораком и Б.Н.Гусевым темы требуют более детального изучения.

Истинность массового характера добровольческого движения и присутствовавшего в нем патриотизма в том числе, безусловно, не подвергается сомнению. Вместе с тем, следует сказать, что любовь к Родине была далеко не единственной побудительной причиной, заставлявшей людей идти в военкоматы и проситься на войну. Анализ ряда источников личного происхождения как раз дает ответы, не соответствующие стандартному клише. Описание видения проблемы добровольчества в нетрадиционном ракурсе, основанное на воспоминаниях участника войны, соотносится с анализом содержания других источников, к которым можно также отнести фронтовые письма и заявления добровольцев. Как письма, так и заявления ранее издавались в различных сборниках, посвященных военной проблематике, однако, как справедливо заметил Л.Н.Пушкарев, их публикации носили скорее не научный, а пропагандистский, общественно-воспитательный характер. Вплоть до конца 1990-х гг., солдатские письма [равно как и выдержки из заявлений добровольцев – Е.Б.] при издании проходили строжайший отбор, а публиковались только те из них, которые отвечали строгим требованиям и установкам правительственной цензуры⁷.

В качестве основного источника в настоящей работе использованы неопубликованные письменные заявления добровольцев. Большое их количество хранится в архивных фондах. Специфика выбранного нами источника состоит в том, что заявления добровольцев содержат ценную

ментальную информацию, т.к. в них выражалась мотивация добровольного вступления в армию с целью последующего ухода на фронт. В связи с этим заявления добровольцев позволяют выявить причины массовости добровольческого движения. Кроме того, они предоставляют исследователю дополнительные сведения по проблемам социально-экономического положения, уровня образования и политической грамотности населения, идеологических установках, господствовавших в военный период. Они также могут быть использованы при изучении историко-психологического портрета советского воина, т.к. по численности добровольцы являлись весомой составной частью армии. При использовании нами в качестве приводимых примеров отдельных текстов заявлений, укажем, что мы не ставили перед собой задачи выяснить принадлежность их авторов к тому или иному социальному слою общества (в тех случаях, если они не писали об этом сами), а также не прослеживали их судьбы. Нас больше интересовали трактовки совершенного ими поступка.

Абсолютное большинство заявлений, поданных добровольцами, написаны от руки, карандашом или чернилами. Для заявлений использовались тетрадные листки, оборотные стороны канцелярских бланков, обрывки обоев. Реже тексты заявлений печатали на машинке. Такие заявления, как правило, подавались работниками учреждений и ведомств, коммунистами. Выражая свои мысли на бумаге, население автономных республик, в частности, Коми АССР (ныне — Республика Коми), плохо знавшее правила русского языка, допускало множество грамматических ошибок, не соблюдало согласование слов, не верно ставило знаки препинания. Не владевшим русской речью разрешалось написание заявлений на родном, в данном случае, на коми языке. По просьбам неграмотных и не имевших навыков письма, заявления о добровольном вступлении в армию писали их друзья или работники военкоматов, оставляя под текстом место для подписи-пометки. Заявления от добровольцев были индивидуальные и коллективные. Их писали мужчины и женщины, старики и подростки. Содержание заявлений позволяет проследить работу военных комиссаров в годы войны. Они определяли правила написания текстов заявлений. По их рекомендациям авторы заявлений в своих текстах сообщали год рождения, национальность, образование, партийную принадлежность, место работы, опыт военного прошлого, т.е. участие в гражданской или советско-финской войнах, приобретенные навыки и умения по военному делу на школьных занятиях или в подразделениях всеобщего военного обучения населения. Военнослужащие запаса указывали номер военного билета, учетные сведения, звание. Далее добровольцы давали обязательства честно и добросовестно защищать каждую пядь советской земли и указывали обратный адрес для ответа. Почти все заявления несут печать идеологических установок того времени, воспевают советский строй и проводимую политику Сталина. В военкоматах заявления внимательно изучались, затем на них ставились резолюции, они и служили ответами для авторов. Ответы сообщались по телефону, лично или направлялись почтой. Они были краткими, но емкими, их содержание было следующим: «При наличии наряда ваша просьба будет удовлетворена», «До

особого распоряжения», «Состоит на спецучете», «Наряд на призыв женщин пока не имеем и поэтому призвать не можем», «Молоды еще, пока продолжайте изучать военное дело», «Возможности зачислить не имеем, при наличии наряда сообщим дополнительно», «Продолжайте работать на своем посту и своим упорным трудом помогать Красной Армии громить врага» и т.п. Данные резолюции свидетельствуют о плановой и организованной мобилизации добровольцев, которая проходила в соответствии с необходимостью пополнения войск армии.

Движение добровольцев не утихло до конца войны. Необходимости выделять собственную периодизацию добровольческого движения, на наш взгляд, нет. Хронологически и условно периодизацию добровольческого движения возможно сопоставить с периодизацией Великой Отечественной войны, однако стоило бы определить особенности исследуемого предмета в тот или иной период войны. Критерием, взятым за основу, явилось изменение мироощущения людей тыла, вызванное затянувшейся войной, поскольку в зависимости от перемен, вносимых войной в уклад жизни, менялись и причины, по которым добровольцы стремились встать на борьбу с врагом. В этой связи представляется интересным опыт Коми АССР. Республика на протяжении всей войны находилась в глубоком тылу. Вместе с коренным коми населением здесь жили эвакуированные граждане. В 30-50-е годы на территории республики располагались лагеря и спецпоселки системы ГУЛАГа НКВД-МВД СССР, через которые прошли сотни тысяч наших соотечественников. Вне зависимости от социального и правового положения, у всех людей была общая беда — война коснулась каждого, преобладающее большинство из них так или иначе стремилось внести свою лепту в освобождение своей страны от оккупантов.

По неполным данным А.М.Синицына, за время войны граждане СССР подали в военные, советские и партийные организации более 20 млн. заявлений с просьбой зачислить их в ряды армии⁸. Тысячи жителей Коми АССР также отправлялись на защиту Отечества добровольцами. Надо сказать, что случаи добровольного вступления в РККА были и в довоенное время. Еще в период планового, частичного призыва в армию граждан 1921 года рождения, проходившего в Коми АССР с 27 марта по 5 апреля 1941 г., призывнику Н.М.Леканову призывная комиссия предоставила льготу от службы по семейным обстоятельствам. Но молодой человек не согласился с решением комиссии и принес заявление от родителей, которые просили комиссию зачислить их сына Николая в ряды Красной Армии, после чего призывная комиссия удовлетворила его просьбу. И это не единственный пример стремления попасть на военную службу накануне войны⁹.

С началом Великой Отечественной войны, в июне 1941 г. движение добровольцев приобрело широкий размах. По данным военного комиссариата Коми АССР, за два первых дня войны, на 24 июня 1941 г., добровольцами было подано в Сыктывкаре — 170 заявлений, Сыктывдинском районе — 50, Усть-Вымском — 60¹⁰. Еще через день заявлений было подано в Сыктывкаре уже 352, в Железнодорожном районе — 300, Сыктывдинском — 70¹¹. Всего, только за первую неделю войны, в военкоматы республики от добровольцев поступили около 2000 заявлений¹².

Резко возросшее количество поданных заявлений о добровольном вступлении в армию привело в некоторое замешательство военных комиссаров республики. Тогда же, в первую неделю войны, райвоенкомы Сторожевского и Усть-Цилемского районов республики, не зная, как действовать, и будучи не полномочными принимать самостоятельные решения в данном вопросе, направили телеграммы военному комиссару Коми АССР, в которых просили разъяснить ситуацию по набору добровольцев и порядку их направления на фронт¹³. 29 июня 1941 г. республиканским военкоматом было получено специальное распоряжение о проведении мобилизации военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения. Через военно-учетные столы, руководителей предприятий и учреждений, сельские и поселковые советы были оповещены все военнообязанные граждане о необходимости явки в военные комиссариаты. Тогда же партийные и комсомольские лидеры обратились к членам своих организаций с призывом о добровольной явке в военные комиссариаты для отправки на фронт¹⁴.

Наибольшее количество заявлений от добровольцев в военкоматы республики поступило в первый период войны (с июня 1941 по ноябрь 1942 г.). Выделим основные факторы, явно или косвенно способствовавшие всплеску эмоций, выразившемуся в массовом потоке подачи заявлений с просьбой направить на фронт. В первую очередь отметим идеологические установки довоенного времени и существовавшую до войны и активно пропагандируемую в СМИ военную доктрину, в соответствии с которой Красная Армия в случае войны могла бы только наступать, бить врага «на его территории» и разгромить его «малой кровью», «могучим ударом», выработавшая к началу войны в массовом сознании советских граждан уверенность в собственных силах. Массовому вступлению в армию и в отряды народного ополчения, безусловно, способствовали умело проводимые руководством страны манипуляции общественным сознанием. Большим толчком к вступлению в ряды РККА было обращение И.В.Сталина к народам СССР. Несмотря на то, что его знаменитое выступление по радио, начинавшееся со слов «братья и сестры», прозвучало только 3 июля 1941 г., оно достигло ожидаемого эффекта. «После речи нашего Великого Учителя Товарища Сталина я стал сильно возмущенным и хочу защищать нашу Великую Родину. А поэтому имею желание, убедительно прошу взять меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии», — отмечал А.Е.Тимушев, подавая заявление 8 июля 1941 г.¹⁵ Впрочем, авторитет Сталина был настолько высок, что любое его публичное обращение воспринималось народом не иначе, как приказ к мобилизации всех человеческих и технических ресурсов, и наблюдалось подобное явление на протяжении всей войны. Сотни заявлений поступили в военкоматы республики после речей Сталина о решающих битвах и переломных моментах в Великой Отечественной войне: «Учтя напряженное положение на фронте в борьбе против гитлеровской банды, имею неперменное желание идти на фронт...», — из заявления С.Ф.Бурдина от 19 сентября 1941 г.¹⁶ Одним из методов воздействия на массы являлись информационный голод или намеренная дезинформация. Они особенно наблюдались в первые месяцы войны, что не позволяло сделать объективные выводы и дать оценку действи-

тельности. В связи с этим население не оккупированных территорий не имело возможности представить всех масштабов навалившейся беды. Думается, поэтому многие добровольцы из Коми в своих заявлениях называли фашистов лишь «наглой бандой стервятников», «шайкой», а нападение — «провокацией», и искренне верили, что война скоро закончится и они не успеют принять в ней участие. Так, Ф.П.Ронов и И.Н.Арефьев в совместном заявлении, поданном 29 июня 1941 г., писали: «Почему нас не взяли в армию, или нам не доверяют оружие?.. Очень нам обидно, что мы не попали участвовать в боях на защиту социалистической Родины, и просим весьма серьезно направить нас на фронт». 17 августа 1941 г. на их заявлении появилась запись: «Призваны за счет отдельного наряда в команду 3396»¹⁷. И.И.Коровин, стремясь попасть на фронт, писал 25 июля 1941 г.: «...Очень мне обидно, что все мои товарищи на фронте, а я все еще дома»¹⁸. Подобные заявления встречаются весьма часто.

По текстам заявлений прослеживается, что в первые месяцы войны жители республики еще не понимали значения тыловых районов и их собственной роли в достижении Победы. Не осознав этого, многие считали постыдным оставаться дома, утверждали, что на передовой позиции они принесут гораздо большую пользу, чем на своих рабочих местах. Е.И.Патов, житель с.Иб Сыктывдинского района 18 июля 1941 г. писал: «На призыв великого вождя товарища Сталина не одни десятки патриотов встают в ряды народного ополчения. Я тоже, как и другие, убедительно прошу Вас меня, как освобожденного от военного учета, допустить к призывной комиссии, взять в ряды моих товарищей. Я считал и считаю нецелесообразным мне, вполне здоровому человеку, сидеть в глубоком тылу. Я желаю, чтобы меня взяли и направили на передовые позиции...»¹⁹. С одной стороны, здесь явно прослеживается тенденция в выработке общественного мнения о престижности нахождения на фронте. С другой стороны, приведенные примеры заявлений подтверждают высказывание историка Н.Д.Козлова, справедливо заметившего, что в войну появляется чувство стыда, особенно характерное для детей, если их родители не принимали непосредственного участия в вооруженной борьбе. Также страшнее врага многие считали обвинение товарищей в его боязни²⁰.

Сложно выделить определенные типы заявлений. По содержанию одни и те же тексты можно группировать по различным проблемам. Совершенно определенно одно: в абсолютном большинстве добровольцами выражена любовь к советской стране, к русской земле, осознание долга и чести по отношению защите Родины. «Прошу взять меня добровольно в ряды РККА, т.к. в настоящее время наша любимая Родина находится в опасном положении», — строки из заявления А.А.Маркова, написанного 19 сентября 1941 г.²¹ «Сердце бьется, пришел конец терпению. Надо бить и до конца разбить зарвавшуюся фашистскую свору. Для меня нет такой чести, как быть сегодня на фронте с оружием в руках и, если понадобится, отдать свою жизнь за правое дело великого советского народа...», — В.А.Потапов на свое заявление от 28 августа 1941 г. получил ответ от военкомата: «Призвать за счет наряда ополчения»²². «...Считаю своим долгом выступить на защиту нашей матери-родины», — автор этих строк М.С.Кононихин был призван на фронт за счет отдельного мобилизационного наряда 11 июля 1941 г.²³ Днем раньше был мобилизован В.В.Козлов-

ский, ему принадлежат такие строки: «Прошу зачислить в Действующую армию, ... чтобы исполнить свой священный долг перед страной и защищать социалистическое Отечество. Красная Армия побеждала и будет побеждать, ибо она плоть от плоти трудящихся, руководимая партией Ленина-Сталина. Обязуюсь честно и самоотверженно защищать социалистическое Отечество, отстаивать каждую пядь советской земли до последней капли крови...»²⁴. «Я очень желаю защищать свою Родину, чем могу. Если потребуется, и отдать свою кровь за Советский Союз», – так выразила свое отношение М.В.Фурсова 29 декабря 1942 г.²⁵

Большое количество заявлений именно в первый период войны было подано молодыми людьми допризывного возраста, позже многие пополнили ряды армии. Но, не дожидаясь наступления совершеннолетия, они хотели сделать это как можно скорее. «Мне 19 лет, – писал 5 июля 1941 г. С.А.Юдин, 1922 года рождения, – Приближаются призывные дни, но я глубоко возмущен коварством и наглостью германской фашистской клики, навязавшей нам войну при наличии договора между СССР и Германией о ненападении. Прошу зачислить в ряды Красной Армии. До последней капли крови буду бороться за Родину, за честь, за свободу, за великого вождя и учителя тов. Сталина»²⁶. В последующие годы войны значительная часть молодежи из числа подавших заявления была призвана по мобилизации. Как отмечает Б.Н.Гусев, все молодые патриоты, за редким исключением, родились после Октябрьской революции, воспитывались и формировались при советской власти. Они не составляли элитарное привилегированное сословие, не были фанатиками или обманутыми слепцами. Это были первые ровесники советской власти, первое ее поколение, первый и главный результат политической и воспитательной работы ВКП(б) и ВЛКСМ²⁷.

Возрастные особенности сознания нашли свое отражение в текстах написанных ими заявлений. Молодые люди не хотели отставать от своих братьев или друзей, уже призванных в ряды РККА. Довольно часто в их заявлениях можно встретить такие формулировки – «Прошу тоже зачислить», «Хочу тоже учиться на курсах» или «Я тоже хочу на фронт». Так, произвольно написанные фразы являют собой яркий пример воспитания в общества в духе советского патриотизма, наличия в нем коллективного мышления, а также наметившейся тенденции к самоидентификации. Многие из молодых ребят, руководствуясь примерами своих дедов и отцов, ранее являвшихся участниками Первой мировой, гражданской, советско-финской войн, стремились непременно быть похожими на них. Из поданных заявлений в 1941 г. в Усть-Куломский райвоенкомат 7% составляют те, в которых указывается добровольное участие родственников либо свое личное в событиях гражданской войны на территории Коми края²⁸. Встречаются заявления, в которых добровольцы просили о направлении в военные училища, часто называли, какую военную специальность хотели бы приобрести, и таким способом на фронте хотели реализовать свои мечты. Наиболее популярными были авиационные военные училища и воздушно-десантные войска, что было особенно характерным для ребят, занимавшихся в кружках местной противовоздушной обороны.

Особенности второго периода добровольческого движения (с ноября 1942 по декабрь 1943 г.) прослеживаются в связи с массовым призывом по мобилизации в Действующую армию людей, ограниченных в правовом статусе (спецпереселенцев) и из мест лишения свободы (заключенных). Следует отметить, что призыв заключенных начал осуществляться еще осенью 1941 г. (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г.), когда разрешалось освобождать из мест лишения свободы заключенных, осужденных за незначительные преступления на срок до пяти лет и подавших заявления с просьбой отправить их на фронт. По директиве НКВД и Прокурора СССР № 308 от 31 июля 1942 г. разрешалось досрочное освобождение заключенных с отправкой в райвоенкоматы. Заявления рассматривала комиссия в составе начальника лагеря, начальников ОЧО и ОУРЗ. По результатам рассмотрения принималось соответствующее решение. При этом определяющим было решение опер-чекистских отделов лагерей²⁹. Заявления добровольцев – заключенных лагерей поступали вплоть до окончания войны, что объяснимо собственно осознанием личной свободы на фронте (нахождение вне тюремных стен и колючей проволоки), а в случае награждения боевыми орденами при ходатайстве командования – вероятность обретения амнистии и возвращения домой, а не обратно в лагерь. Уроженец Чкаловской области Д.Я.Ильин, 1923 года рождения, по медицинским показаниям не являлся годным к несению воинской службы, обращался к Сыктывдинскому райвоенкомату в марте 1944 г.: «В 1943 г. 24 ноября осужден по ст.109 [злоупотребление властью или служебным положением – Е.Б.] к полутора годам лишения свободы с направлением в ряды РККА. Приговор должен находиться у Вас, а поэтому прошу удовлетворить мою просьбу и направить меня на передовую линию фронта, ибо я оправдаю себя в битве с немецкими гадами»³⁰. Народная молва распространяется быстро. Слухи о том, что на фронт отправляли заключенных лагерей, быстро распространились среди гражданского населения. Зная о том, что суды и военные трибуналы при вынесении своих решений предлагали «искупить вину на фронте», отдельные граждане, еще находясь под следствием, приходили в военкоматы, подавали заявления о добровольном вступлении в армию в надежде быть мобилизованными до оглашения приговора. Так, обвиняемый в краже посылок во время сопровождения обоза, не согласный с обвинениями И.И.Лютюев 28 декабря 1942 г. писал: «...Чем меня зря судить, поэтому прошу в армию, и я уплачу своей кровью. Я не считаю себя виновным и прошу военкома. Я был пулеметчиком (максима), защищал Родину 7 месяцев, был ранен. Теперь считаю, что здоров, и прошу не отказать моему заявлению»³¹. «Хотя я осуждена по 109 статье, прошу меня добровольно взять на фронт, я хочу защищать свою родину... Не отстаю от своих братьев, буду помогать, как старший брат с 1942 года был на фронте танкистом, младший брат с 1941 года был на фронте лейтенантом. Я тоже хочу помогать. Это виновство я хочу исправить», - на заявлении, написанном Е.Н.Каневой 10 мая 1943 г., стояла виза военкомата: «Будет учтено»³². В 1942 г. на фронт стали призывать граждан из числа политических репрессированных. Ни спецпереселенцы, ни осужденные по «политическим» статьям, ни осужденные за бытовые преступления на

учете в военных комиссариатах не состояли и не могли состоять, так как это не предусматривалось инструкцией по учету военнообязанных граждан. Призыв их в действующую армию осуществлялся на основании отдельных закрытых постановлений ГКО и правительства³³. Первыми под призыв попадали спецпереселенцы, члены кулацких семей (согласно постановлению ГКО № 1575 сс от 11 апреля 1942 г.)³⁴, второй категорией, подлежащей призыву по мобилизации, а следовательно, и получившей право добровольного вступления в армию, являлись польские граждане — «осадники» (призывались после заключения советско-польского договора от 30 июля 1941 г. «О взаимной помощи в войне с фашистской Германией» 12 августа 1941 г.)³⁵. После заключения советско-польского договора последовала амнистия граждан польской национальности. На территории СССР формировались польские армии. Мобилизация спецпереселенцев-поляков из Коми АССР началась в мае 1943 г. Поляки, мужчины и женщины, ждали этого момента. Подавляющее большинство из них подали заявления о добровольном зачислении в польские армии. В военкоматы поляки приходили группами, где для них уже были отпечатаны и заготовлены типовые бланки размером 12x15 сантиметров со стандартным текстом: «Райвоенкому от военнообязанного... заявление. Прошу зачислить меня в Польскую воинскую часть, организуемую в пределах СССР. Число», а затем командами направлялись к пунктам назначения. Такая процедура подачи заявлениям значительно облегчала работу военкомов, сэкономила время и избавляла поляков, плохо владевших русским языком, от объяснений с комендантами. В целом поляки встретили возможность выезда из сурового северного края с большим воодушевлением. Влачившие полуголодное и жалкое существование, в мобилизации на фронт они видели как свое «спасение», так и способ национального единения в защите своей родины — Польши.

Заявления от спецпереселенцев и заключенных поступали с первых дней войны, но тогда их были единицы. Спецпереселенцы — «бывшие кулаки», пытаясь доказать преданность Родине, к своим заявлениям прилагали подробные автобиографии. Они рассказывали властям историю переселения, на судьбу не жаловались, а напротив, восхваляли советский строй. Одним из немногих спецпереселенцев, которых мобилизовали в армию до апреля 1942 г., был М.И.Хатунцев. Высланный вместе с родителями в Коми АССР из Воронежской области, подал в день начала войны сразу два сходных по содержанию заявления с просьбой направить его на фронт: одно — по месту жительства в Усть-Куломский РВК, другое — в Народный комиссариат обороны СССР. Не дождавшись утвердительного ответа, в сентябре 1941 г. М.И.Хатунцев отправил письмо Верховному Главнокомандующему И.В.Сталину. В нем он нарочито дважды указывал дату своего рождения — 7 ноября, совпадающую с днем Великого Октября, а также сообщал о том, что является комсомольцем, имеет три оборонных значка (ГТО, ВС и ПВХО первой степени) и что со стороны администрации, где он работал, не получал взысканий. Настаивая на удовлетворении своей просьбы, Хатунцев упомянул и о том, что его родители были раскулачены, и, словно в оправдание, отмечал, что «после октябрьской революции родители занимались земледелием, и при мне, как я уже начал помнить, так родители наем-

ной рабочей силы не имели, а до октябрьской революции не могу описать, т.к. я родился в 1921 г.»³⁶. М.И.Хатунцев настойчиво добивался отправки на фронт. Лишь после третьего заявления, поданного 9 октября 1941 г., с очередным набором в том же месяце его призвали в армию. О фронтовом пути М.И.Хатунцева ничего не известно. В Книге памяти Республики Коми имя Михаила Ивановича Хатунцева значится в списках призванных в армию, судьба которых не установлена³⁷. Возможно, что фронтовая судьба М.И.Хатунцева отмечена в Книгах памяти других регионов Российской Федерации. Дело в том, что уцелевшие в горниле войны спецпереселенцы, как правило, возвращались в родные края, к родственникам, т.к. не всем из них удалось обжиться и завести хозяйство на местах высылки, а многие из них, кроме места в бараке, и вовсе ничего не имели.

В третий период Великой Отечественной войны (с конца декабря 1943 до 9 мая 1945 г.) мотивация вступления в ряды действующей армии была еще более разнообразной. В своей основе движение добровольцев оставалось патриотическим. В связи с постоянными мобилизациями, в нем преобладали как представительницы слабого пола, так и юноши-подростки. Удивительное по содержанию заявление написал Удорскому райвоенкому 17 мая 1943 г. ученик 8 класса Косланской школы Николай Вурдов: «Прошу зачислить меня в ряды РККА с ребятами 1926 года рождения. Я появился на свет 15 января 1927 г., как видите, от 1926 года меня отделяют какие-то жалкие 15 дней. Тем более, может быть, в сельсовете перепутали даты. Ростом я не уступаю никому из ребят 1926 года рождения. Стыдно мне, по росту мужчине, париться в тылу. Но не думайте, что это заявление пишет какой-то шпыленок, который еще от маминой юбки не отходил. Нет, я уже испытал бомбежки, когда жил в Архангельске, видел морские штормы и фашистские подлодки (я летом 1942 г. участвовал в экспедиции архангельских школьников), и никто не может сказать, что я трус. Повторяю, я не желаю париться в тылу, когда другие умирают на фронте: я хочу бить фашистов, бить за тот океан несчастий, которые они обрушили на нашу страну. Тов. военком! Убедительно прошу дать утвердительный ответ по адресу: с.Кослан, ученику 8 класса Н.Вурдову. 17 мая 1943 г.»³⁸. Удорский райвоенком удовлетворил его просьбу через полгода, когда Н.Вурдову исполнилось 17 лет. Как отмечено в Книге памяти РК, он был призван в декабре 1944 г., рядовой. Демобилизован в 1950 г., умер в 1976 г. в с.Глотова³⁹.

Заявления, поступившие от добровольцев в 1943–1944 гг., содержали множество психологических моментов. Написанные молодыми, одинокими женщинами, в том числе и эвакуированными на территорию Коми, тексты заявлений эмоциональны, передают пережитую боль, одиночество, в них чувствуется беспокойство за судьбы мужей, братьев и друзей, часто отмечаются прямые утверждения о мести за погибших близких людей. Добровольцы спешили отправиться на фронт, чтобы там занять место убитых отцов, товарищей и внести свой вклад в разгром немецких войск. «Одинока, муж погиб, я хочу идти ему на смену», — в заявлении М.А.Горайновой от 25 февраля 1943 г.⁴⁰; «Убит мой брат кровопийцами, но я хочу встать вместо брата с винтовкой, хочу биться до последней капли крови. Хочу мужественно и отважно участвовать так же, как участвуют из нашего семейства три брата и одна сестра» —

в заявлении А.Д.Лыткиной от 2 марта 1943 г.⁴¹; «Недавно получил сообщение, что фашисты зверски замучили и убили жену моего брата и ее мать в Ростове-на-Дону, поэтому я имею одно желание: отомстить этим гадам с оружием в руках и прошу меня направить в Красную Армию», — писал Н.Я.Попов 26 апреля 1943 г.⁴². Возмущенные и испытывавшие ненависть к фашистам, добровольцы показали величайший пример преданности и любви к своей семье, дому, Родине. Вот что известно из письма Анны Григорьевны Кушпелевой, 1920 года рождения, жены военнослужащего Николая Аверьяновича Кушпелева. Адресуя письмо И.В.Сталину, 30 марта 1943 г. она рассказала в нем свою историю. А.Г.Кушпелева была эвакуирована в г.Сыктывкар в самом начале войны. На Украине, где она жила, фашисты ограбили и сожгли ее маму, а сестру угнали в Германию. В надежде попасть на службу в армию и мечтая оказаться с мужем в одной части, быть рядом с ним и заботиться о его здоровье (перенес два тяжелых ранения), девушка обучалась военному делу, приобрела специальность связистки. «Я обязана в настоящий момент, — пишет А.Г.Кушпелева, — в силу гражданского священного долга принимать участие в освобождении моей социалистической родины, Советской Украины. Прошу Вашего приказа Сыктывкарскому городскому военному комиссариату Коми АССР о мобилизации меня и направлении в г.Солнечногорск Московской области в распоряжение начальника курсов «Выстрел», а также прошу приказа начальнику курсов «Выстрел» по окончании мужем курсов командиров полков о направлении меня вместе с мужем в одну часть. Товарищ Сталин, прошу Вас, дайте мне возможность, молодой женщине, комсомолке быть в бою и рядом с мужем громить и гнать с родной земли гитлеровских гадов». Через месяц, в мае 1943 г. из Военкомата Коми АССР А.Г.Кушпелева получила ответ, в котором сообщалось, что «наряда на призыв женщин военкомат не имеет, и поэтому товарищ Кушпелева призвана быть не может»⁴³. И данный ответ был практически традиционным для женщин, обращавшихся с просьбами направить их к близким людям.

Испытать ужасы войны пришлось и многим эвакуированным в республику людям, проживавшим в прифронтовой зоне. Эвакуированное население в Коми АССР, вместе с местными жителями разделяло трудности военного времени и многочисленные лишения. Студентка Сыктывкарского пединститута М.М.Шешукова 26 апреля 1942 г. писала: «Я эвакуирована в г.Сыктывкар в 1941 году из г.Люблино вместе с матерью. В Сыктывкаре я осталась одна. Меня ничто больше здесь не оставляет, ничто не задерживает, наоборот, мне очень трудно здесь оставаться. Я среднюю школу окончила в Москве. Все мои друзья и товарищи давно на фронте... Все мои мечты, все мои желания — попасть на фронт, ... где я, думаю, принесу много больше пользы, пусть не большим трудом. Я буду работать изо всех сил, помогать всем, чем могу, громить проклятых фашистов»⁴⁴. «Здесь нет никого родных. Отец, братья, муж — все находятся на фронтах Отечественной войны», — в качестве одного из аргументов приводила Н.Е.Закурдаева в заявлении от 16 июля 1943 г.⁴⁵ «Эвакуирована из Москвы с маленьким ребенком, который умер. Одинока. Если есть возможность, прошу направить на южный фронт или центральный», — подписавшись как жена командира, в надежде уехать

из республики и встретить находившегося в армии мужа, 16 марта 1943 г. писала А.Т.Ганшина⁴⁶. Неоднократные просьбы о направлении на фронт в Сыктывкарский горвоенкомат были поданы эвакуированной из Ленинграда М.Я.Суркиной: «Я военнообязанная, прибыла сюда в декабре 1942 г., ... была на фронте г.Ленинграда на передовой линии. Потеряла семью — семь человек, мужа, полуторагодовалую дочь. Сама голодала, получала по 250 грамм в день, пережила все, потеряв все возможности молодой женщины, несмотря на то, что мне еще 22 года. Рыла окопы в Ленинграде до последнего дня, пока слабость и истощение не подорвали мое здоровье. Я никогда бы не бросила Ленинград, если бы не приказали секретари райкома «выехать». Здесь в Сыктывкаре я встречалась с вторичным голодом, только хлеба я получала 600 грамм и больше ничего...»⁴⁷. Вероятно, надежда на получение утвердительного ответа на поданные заявления была едва ли не единственной возможностью выехать из северной республики, испытывавшей, как, впрочем, повсеместно по стране, затруднения в обеспечении населения продуктами питания и одеждой, в армию, где, несмотря на риск расстаться с жизнью или остаться инвалидом, все же можно было бы получать гарантированное питание и обмундирование. Но даже если и допустить такое предположение чисто теоретически, никуда не деться от правды жизни. А правда в том, что голод «заставлял» писать заявления даже детей. Так, восьмиклассник Валентин Антипов, 1930 года рождения, написал в 1943 г. в Сыктывкарский горвоенкомат о том, что его семья (мать и семеро детей) была эвакуирована из Ленинградской области в 1941 г. «Пятеро человек — мы на материнском иждивении, и [она] не может нас прокормить так, как надо. Мы живем очень плохо, одеть и обувь у нас нечего и желаю поступить в военную школу»⁴⁸. С подачи ли взрослых была сформулирована просьба к военкому, однако только в поступлении в военное училище и переходе на полное государственное обеспечение мальчик видел улучшение своей жизни.

В армию просились и те, кто уже испытывал ужасы войны, это участники войны, вернувшиеся с фронта по ранению или болезни. В подтверждение приведем текст рапорта, поданного командующему войсками Архангельского военного округа старшим инструктором всевобуча Летского района Коми АССР лейтенантом П.Е.Пацюком: «Прошу Вашего распоряжения об отзыве меня из Летского райвоенкомата и направления меня в Действующую армию, т.к. я уже участвовал в Отечественной войне и был ранен, а после ранения был направлен в Коми АССР для выполнения работ инструктором всевобуча. Сейчас чувствую себя вполне здоровым и прошу меня отозвать и направить на Юго-Западный фронт для освобождения родной Украины. У меня было обращение неоднократное в Военкомат Коми АССР, а мне никакого ответа не поступало, и я действую уставом дисциплинарной службы. Обращаюсь непосредственно к Вам ввиду того, что более существовать не могу на 500 грамм сухого хлеба, и один раз в сутки бывает общая столовая, где никогда ничего нет. Нормы, установленные Народным Комиссаром Обороны Союза ССР тов. Сталиным, не выполняются, и ничего абсолютно не получаем, вплоть до того, что офицер Рабоче-Крестьянской Красной Армии не имеет права получить коробки спичек и должен выхо-

дить к народу, чтобы прикурить, а поэтому прошу Вашего распоряжения об отзыве и отправке меня. В чем и прошу удовлетворить мою просьбу. Подпись. 23.11.43.»⁴⁹. В данном случае совершение поступка было осознанным, а обоснование желания вновь уйти на фронт объяснимо не иначе, как возможностью избежать голода и постыдного, практически нищенского материального положения при несении гордого звания офицера РККА.

Немаловажное значение в стимулировании добровольного вступления в Действующую армию, равно как и в народное ополчение, граждан страны на всех этапах войны имело законодательство, изменение которого диктовалось необходимостью изыскания дополнительных людских ресурсов для фронта. В начале войны государственные органы власти приняли ряд нормативно-правовых актов, согласно которым члены семей мобилизованных в армию наделялись определенными льготами. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», военкоматами и местными властями семьям мобилизованных оказывалась денежная (единовременные пособия) и другая помощь (выделение продуктов питания, оказание помощи при заготовке дров). Постановлением ГКО от 4 июля 1941 г. «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» отмечалось, что во время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащих — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников пособие назначалось, как и всем семьям военнослужащих, в соответствии с Указом ПВС СССР от 26 июня 1941 г. В случае инвалидности и смерти мобилизованного, мобилизованный и его семья наделялись правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии⁵⁰. Позднее, в соответствии с Постановлением Государственного Комитета Обороны от 3 апреля 1942 г., лица, состоявшие в народном ополчении, обеспечивались денежным и материальным довольствием по нормам, действующим в Красной армии⁵¹. В связи с призывом по мобилизации спецпереселенцев — бывших кулаков, последовало в марте 1942 г. постановление СНК СССР, в соответствии с которым иждивенцы — члены семей спецпереселенцев категории «бывшие кулаки», призванных в армию на общих основаниях, освобождались от 5% отчислений с заработной платы на покрытие административно-управленческих расходов по трудссылке, а сами спецпереселенцы, прослужившие в Красной Армии не менее одного года, при наличии положительного отзыва командования освобождались от высылки⁵². Политика социальной защиты населения была продолжена с внесением изменений Указом ПВС СССР от 19 июля 1942 г. в Указ ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», установив ежемесячные пособия семьям мобилизованных в армию, которые оставались без трудоспособных членов⁵³.

Правовое стимулирование способствовало увеличению количества желающих вступить в армию. Трудно согласиться с мыслью, но все же не

исключено, что низкий уровень жизни стал поводом для рассуждений, подобных тому, что своим вступлением в армию добровольцы тем самым не только окажут помощь своим семьям, но и получают гарантированную солдатскую пайку хлеба для себя самого. Что касается спецпереселенцев, то при условии благополучного возвращения с фронта они питали надежду изменить свою жизнь после окончания войны, с окончанием которой им было гарантировано право свободного выбора места жительства.

К выявленным мотивам вступления в ряды армии следует добавить и попытки ухода от решения личных проблем. Война шла четыре года, но жизнь людей продолжалась. И тогда они влюблялись, женились, разводились. В быту оставались не разрешенными или возникали новые разногласия на почве личных взаимоотношений между мужчинами и женщинами. И здесь многие воспользовались правом добровольного вступления в армию при решении подобных проблем. «Прошу направить в какой-нибудь госпиталь ухаживать за ранеными бойцами. Работаю фельдшером. Муж вернулся с войны раненый, очень нервный, мне деваться некуда. Терпеть больше не могу, стал издеваться, обвинять, что гуляла, бьет чем попало. Я ни в чем не виновата. Очень прошу, хоть в какой госпиталь направить ухаживать за ранеными», — в заявлении А.И.Туркиной от 15 мая 1945 г.⁵⁴. Второй раз, в мае 1944 г. уехал на фронт Б.Д.Леонов (ранее, вернувшийся по ранению, а в декабре 1943 г. снятый с воинского учета⁵⁵). В своем первом письме, написанном своей любимой девушке по дороге на фронт, в частности, отмечал: «...Скоро на этой неделе поеду на фронт добивать немецких гадов, которые уже второй раз меня разлучили с тобой, и, если придется, я их немало еще положу. Стася, не хотел писать ... и о расставании с тобой. Стася, мне самому было очень трудно... Я даже не рад своей жизни. Поругался с отцом, не знаю, за что, что послужило мне самому уйти на фронт почти добровольно. Но ладно, Стася, все пройдет. Я вернусь и будем жить по-новому — да?»⁵⁶. Отдельные случаи ухода от решения проблем межличностных отношений, ставшие поводом для добровольного ухода на войну, были отмечены также в художественной литературе.

Описанная выше мотивация вступления в Действующую армию не является исчерпывающей. Однако, уже исходя из изложенного, можно сделать определенные выводы. Так, добровольческое движение было не только массовым, но и многогранным. Оно охватило различные социальные слои общества, чему во многом способствовала законодательная база в военной (мобилизационной) сфере. Психологической основой добровольческого движения были любовь к Родине, желание отомстить за личные утраты, одиночество, а также стремление продемонстрировать свою идентичность с теми, кто уже находился на фронте. Добровольчество имело разные оттенки. С одной стороны, вступление в армию было добровольным; с другой стороны, — часто являлось вынужденной мерой. В основном добровольцы мотивировали свои действия лозунгом защиты своей земли. Наряду с этим, участвуя в добровольческом движении, многие надеялись на решение собственных проблем, а представители отдельных категорий населения — на поиск альтернативного образа жизни и возможность реабилитации социального статуса.

- 1 *Кирсанов Н.А.* По зову Родины. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974; *Кирсанов Н.А., Дробязко С.М.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60-75; *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; *Синицын А.М.* Из истории создания добровольческих частей и соединений Советской Армии. (В годы Великой Отечественной войны) // Военно-исторический журнал. 1973. № 1. С. 11-17; *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1985; *Черепанов В.В.* Шли на фронт добровольно // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 9-15; и др.
- 2 *Полторацк С.Н.* Незнакомые грани историко-психологического портрета советского воина в период начала Великой Отечественной войны. (По материалам неопубликованных воспоминаний) // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. Материалы Пятнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1999. С. 89-92.
- 3 Там же. С. 89.
- 4 Там же.
- 5 *Гусев Б.Н.* Политический портрет добровольцев войны: анализ заявлений 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война: уроки и проблемы. Тезисы докладов научно-практич. конференции, посвященной 50-летию Победы. Пермь, 1995. С. 23-26.
- 6 Там же. С. 24-25.
- 7 *Пушкарев Л.Н.* Источники по изучению менталитета участников войны. (На примере Великой Отечественной). // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 330.
- 8 *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту... С. 26.
- 9 *Боле Е.Н.* Заявления добровольцев как проявление патриотизма населения Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Матер. научно-практич. конференции 21 июня 2001 г. Сыктывкар, 2001. С. 32.
- 10 Коми РГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 2. Л. 55.
- 11 Там же. Л. 52.
- 12 *Александров А.Н.* В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1985. С. 29.
- 13 Коми РГА ОПДФ. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 3. Л. 265, 270.
- 14 *Копытин В.Н.* История Военного комиссариата Республики Коми. Сыктывкар, 2000. С. 54-55.
- 15 Национальный архив РК. Ф.р-509. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.
- 16 Там же. Л. 37.
- 17 Там же. Л. 5.
- 18 Там же. Л. 32.
- 19 Там же. Л. 40.
- 20 *Козлов Н.Д.* Великая Отечественная война. Актуальные вопросы и ответы. СПб., 1995. С. 76.
- 21 НА РК. Ф.р-509. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.
- 22 Там же. Л. 9.
- 23 Там же. Л. 3.
- 24 Там же. Л. 4.
- 25 НА РК. Ф.р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.
- 26 НА РК. Ф.р-509. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.
- 27 *Гусев Б.Н.* Указ. соч. С. 24.
- 28 *Боле Е.Н.* Указ. соч. С. 36.
- 29 *Морозов Н.А.* Призыв контингента «Архипелага» ГУЛАГа в действующую ар-

- мию. (1941–1945 гг.) // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях. Материалы научно-практич. конференции 21 июня 2001 г. Сыктывкар, 2001. С. 148.
- ³⁰ НА РК. Ф.р-507. Оп. 1. Д. 96. Л. 45.
- ³¹ НА РК. Ф.р-510. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.
- ³² НА РК. Ф.р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 73.
- ³³ *Копытин В.Н.* Призыв на воинскую службу в системе ГУЛАГа в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции 7-8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2000. С. 113.
- ³⁴ ГА РФ. Ф.9479с. Оп. 1с. Д. 113. Л. 7.
- ³⁵ НА РК. Ф.р-605. Оп. 4. Д. 92. Л. 11.
- ³⁶ *Моисеева И.Ю., Боле Е.Н.* «Виноватые» защитники Отечества // Мартиролог. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 342.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ НА РК. Ф.р-509. Оп. 1. Д. 7. Л. 201; То же: *Калинин Н.С.* Удора в годы войны // Защита Отечества. История и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сыктывкар, 2001. С. 125.
- ³⁹ *Калинин Н.С.* Указ. соч. С. 125.
- ⁴⁰ НА РК. Ф.р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.
- ⁴¹ Там же. Л. 12.
- ⁴² Там же. Л. 56.
- ⁴³ *Боле Е.Н.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁴ НА РК. Ф.р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 87.
- ⁴⁵ Там же. Л. 191.
- ⁴⁶ Там же. Л. 196.
- ⁴⁷ Там же. Л. 106.
- ⁴⁸ Там же. Л. 285.
- ⁴⁹ Архив Военного комиссариата РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 59.
- ⁵⁰ Источник. Вестник Архива Президента РФ. № 2(15). 1995. С. 102.
- ⁵¹ Коми РГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 925. Л. 87.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 113. Л. 1, 2.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 13. Д. 10. Л. 1, 2.
- ⁵⁴ НА РК. Ф.р-508. Оп. 1. Д. 46. Л. 315.
- ⁵⁵ НА РК. Ф.р-506. Оп. 1. Д. 106. Л. 68.
- ⁵⁶ Архивный отдел МО «Прилузский район» РК.

ПСИХОЛОГИЯ ВНУТРИАРМЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВОЕННОГО БЫТА

А.Н.Лукирский

«РУССКИЕ» ПОЛКИ В ВОСПРИЯТИИ КАВКАЗСКИХ ВОЙСК

Всякий, кто желал бы доказать родство бывшей кавказской армии с прочими русскими войсками, взял бы на себя трудноисполнимое дело.

Н.А.Волконский

В современной российской историографии, посвященной изучению «человека на войне», значительное место занимает изучение проблемы «свой—чужой». Исследование этой темы, как правило, ведется с точки зрения формирования образа врага¹. Также рассматривают вопрос о взаимоотношениях родов войск, как о «взаимодействии и соперничестве»². Изучение мемуарных памятников Кавказской войны дает материал для совмещения этих двух исследовательских проблем, когда в противостоянии «свой—чужой» «чужим» является не противник, а часть своей же армии, принадлежащая к тому же роду войск. В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, как кавказские полки оценивали «русские», и о том, какие факторы влияли на восприятие «русских» полков кавказскими.

«Русскими» или «Российскими» солдаты Кавказского корпуса называли части, прибывшие из внутренних губерний империи, к которым они относили и Крым, а также полки кавказских войск, сформированные из «русских» батальонов³. В XIX веке переброска войск на Кавказ происходила несколько раз. Это было вызвано необходимостью доукомплектования корпуса, увеличения его численности для войны с внешним врагом или в случае заметного роста активности горцев. Так, в 1803—1806 гг. с целью усиления военного присутствия в Закавказье были переведены семь пехотных полков (гренадерский, 4 пехотных, 2 егерских), а по одному пехотному и кавалерийскому полку сформировано на месте. В 1818 г. командующий Отдельным Грузинским корпусом А.П.Ермолов просил доукомплектовать его полки. Для этого в следующем 1819 г. на Кавказ были направлены 9-я и 12-я пехотные дивизии, которые ранее входили в оккупационный корпус во Франции. Вновь прибывшие полки пошли на пополнение кавказских, заодно поменявшись с ними названиями и знаменами. С этого момента в списках кавказских войск появляются пехотные полки: Апшеронский, Навагинский, Тенегинский, Мингрельский, Ширванский и Куринский егерский. С началом русско-персидской войны 1826—1828 гг. для усиления

войск, действовавших в Закавказье, была переведена 20-я пехотная дивизия, а в 1827 г. 2-я уланская и 14-я пехотная дивизии. Правда, по окончании боевых действий уланы и егерская бригада 14-й пехотной дивизии были отозваны обратно в Россию. Во время реорганизации полков Кавказского корпуса в 1834 г. расформируется 20-я пехотная дивизия, ее батальоны включаются в состав «старых» кавказских полков или идут на формирование новых частей. Резкое обострение ситуации на Кавказе вынуждает русское командование в 1841 г. перевести туда 14-ю пехотную дивизию. Затем, в 1844 г. для претворения в жизнь разработанного в Петербурге плана по разгрому Шамиля на Кавказ перебрасывают 5-й пехотный корпус. Уже в 1846 г. его выводят в Россию, но в кадровом составе, т.е. от каждого полка только штаб, знамена и один из батальонов. Остальные включены в состав частей Кавказского корпуса. Последний раз «русские» войска вводились на Кавказ в Крымскую войну: в 1853 г. 13-я и 18-я пехотные дивизии, а на следующий год сводная драгунская бригада. Эти дивизии были выведены в 1859 и 1861 гг., но снова в кадровом составе.

В мемуарной литературе о Кавказской войне четко прослеживается негативная оценка «русских войск». Полковник «называл нас белоручками, Французами», вспоминал офицер об отношении кавказских офицеров к прибывшим из состава оккупационного корпуса во Франции⁴. Во время Даргинской экспедиции генерал И.М.Лабинцев в ответ на приказание М.С.Воронцова взять под команду «русские» батальоны ответил: «Что вы, ваше сиятельство, дали мне эту кучу милиции?»⁵. К.К.Бенкендорф писал, что «оплошности по службе проявляли только войска 5-го корпуса, пришедшего из России»⁶, и вспоминал о чувстве презрения, которое испытывали кавказские полки по отношению к «русским»⁷. Мнение Бенкендорфа подтверждает М.Я.Ольшевский: «Не только кавказские офицеры, но и солдаты смотрели на «российские войска» с высокомерием. Первые считали себя во всех отношениях выше последних»⁸. Наиболее точно отношение к «русским» полкам зафиксировал в своих воспоминаниях А.М.Дондуков-Корсаков: «То обособление, в котором находилась тогда Кавказская армия, заставляло кавказцев, совершенно неосновательно и частью несправедливо, с презрением смотреть на все войска, приходящие из России... На место должного сочувствия, «российские войска», как их тогда называли, принимаемы были, ежели не враждебно, то во всяком случае равнодушно и безучастно»⁹, «российские войска совершенно не основательно считались как бы па-сынками в семье кавказцев»¹⁰.

Какие же факторы влияли на формирование негативного образа «русских» полков в глазах кавказских солдат?

Первым, самым явным и заметным отличием кавказских полков от «русских» было отношение к соблюдению формы одежды. Та вольность, с которой в Кавказском корпусе относились к предписанному уставами и приказами обмундированию, воспринималась большинством офицеров, прибывших из внутренних губерний или Петербурга, негативно. Эти люди, привыкшие судить о войсках по их внешнему виду, находились в состоянии глубокого шока при первой встрече с кавказскими

частями. Но и кавказские офицеры с не меньшим недоумением смотрели на приезжающих. Вот рассказ Э.В.Бриммера о встрече с И.Ф.Паскевичем и сопровождавшими его флигель-адъютантами в 1826 г. Первый вопрос Паскевича был: «Это что за костюм?» Я [Бриммер — А.Л.] был в сюртуке, спереди на поясе кинжал, через плечо шашка, а за поясом сзади заряженный пистолет». Кавказец ответил: «Здесь господа офицеры всегда так ходят, чтобы в случае нужды не быть простыми зрителями, а принять участие в битве»¹¹. Но удивился не только Паскевич. Некоторое время спустя Эдуард Владимирович записал: «Мне пришла мысль, что, вероятно, Кавказ на хребте своем в первый раз видит генерала и флигель-адъютантов при шпагах. Ведь мы на Кавказе шпаг не носили — у нас все сабли турецкия, персидския кривые или шашки горские; от шпаг отвыкли — на что они годны? Разве шашлык на них жарить?»¹².

Внешне «русские» и кавказские солдаты отличались не меньше, чем офицеры. Вот в августе 1826 г. в Тифлис прибыли Сводно-гвардейский полк из Санкт-Петербурга и одновременно с ним Ширванский полк Кавказского корпуса. «Можно представить себе контраст: гвардейский полк при вступлении в город был одет в мундиры, со всевозможной опрятностью, а за ним два батальона Ширванского полка в походной форме, т.е. в шинелях, вместо ранцев — кавказские мешочки через плечо, в фуражках; у офицеров вместо шпаг шашки»¹³.

Таким образом, на поле боя можно было безошибочно определить, какая часть находится рядом — «русская» или кавказская. Для нашей темы это немаловажное обстоятельство, так как по существовавшей в корпусе традиции, если одному из полков угрожала опасность, другие обязаны были, в случае необходимости, оказать ему помощь, не взирая на численность войск противника. Но похоже, что на «русские» части эта традиция не распространялась. Один из таких эпизодов приводит в своих воспоминаниях Дондуков-Корсаков: «Я был свидетелем во время Даргинской экспедиции возмутительного факта. Раненый, я пробирался по чаще леса 16 июля, при следовании из Дарго в Герзель-аул нашего отряда, и видел, как одна рота кабардинской цепи, предполагаемой в этом месте, на которую в то время бросились в шашки чеченцы, и как кабардинский унтер-офицер, вскочивши на заваленное дерево в лесу, закричал безавшим в гору утомленным товарищам: «Легче шаг, ребята, это не наши родные куринцы, а российские». В то время в цепи находилась случайно рота Замостского егерского полка (5-го корпуса), которую, впрочем, тут же с одушевлением выручили кабардинцы. Весьма ясно, насколько это отчасти понятное, но никак не могущее быть оправданным, отношение кавказцев к пришедшему из России 5-му корпусу действовало на дух этих войск и насколько глубоко этим огорчился достойный командир 5-го корпуса генерал-адъютант А.Н.Лидерс»¹⁴.

Итак, разительно отличающиеся внешне полки совместно выступали в поход, где в полной мере проявлялась неготовность «русских» частей действовать в новых, непривычных для них условиях: горах Дагестана, лесах Чечни, на узкой полосе земли вдоль побережья Черного моря. По мнению кавказских офицеров, полки, прибывшие из внутренних губерний России, «готовились только к смотрам»¹⁵, а их начальники

«были до того опутаны формализмом, что искренне сочувствовали знаменитым словам *la guette gate la soldat*»¹⁶. Кавказцы могли наблюдать, как «прибывшие из 5-го корпуса были рады походу, который хотя на одно лето освобождал их от каторжной работы в Севастополе, от неизбежных учений и смотров, давал им более свободы и лучшее продовольствие»¹⁷, как эти «войска, конечно, терпели, особенно при общей неопытности в крае новом и своеобразном; но все были довольны, потому что в Крыму было еще хуже, а впереди предстояли новые действия и отличия!»¹⁸. Несмотря на высокий боевой дух и желание отличиться, полки в целом были не готовы к боевым действиям в новых для них условиях.

Не удивительно, что «в прибывших из России войсках болезни и смертность были в больших размерах и не только от климата, но и от образа жизни, лишений и скуки, так присущих кавказскому войску, а потом в этом старом ермоловском войске если и была убыль, то сравнительно менее: оно было бодрее и на все пригоднее»¹⁹. Любое сравнение было явно не в пользу новичков: «Пока русских пришельцев соберут и укажут, где и как рубить, что брать в ауле и что не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Зато как резко выказывалась находчивость кавказского солдата, когда случалось видеть его рядом с войсками, вновь прибывшими из России и не свыкшимися со здешним бытом»²⁰.

Большое значение имела неопытность командиров подразделений, недавно прибывших на Кавказ и не умевших правильно организовать повседневную службу своих подчиненных: «Надобно признаться, что войска 15 дивизии, независимо от неопытности в новом для них крае, отличались крайней нечистотою в лагере и равнодушием к мерам сбережения нижних чинов. Работы шли плохо, а ученья продолжались в тропические жары, несмотря на запрещение, какая-то апатия была видна на всех лицах...»²¹. В свою очередь, кавказское начальство тоже не стремилось облегчить жизнь новичкам: «Все войска его корпуса (5-го пехотного Лидерса), по полкам, батальонам, ротам, были разобраны по всему Кавказу, в распоряжение местных кордонных начальников, и их ближайшие начальники могли только заботиться об их хозяйственном благоустройстве, да и то по мере возможности и с согласия кордонного начальника, который ни за благосостояние, ни за образование, ни за сбережение войск не отвечает. Трудно вообразить себе что-либо более аномальное. Войска, конечно, терпели, особенно при общей неопытности в крае новом и своеобразном»²².

Полки Кавказского корпуса жили достаточно замкнутой жизнью, поэтому «все чувства сосредотачивались в родной военной семье, — полк, батальон, интересы, боевая репутация части, к которой он принадлежал, составляли гордость солдата; соревнование между полками было огромное, даже между частями одного и того же полка, доходившее иногда до неприязненных отношений. Часто слышны были попреки одной части другой в том, что тогда-то, 10, 15 лет назад, не поддерживали вовремя товарищей. Все эти предания, традиции боевых подвигов как частей, так и отдельных личностей, передавались солдатами от старых служивых»²³. Не удивительно, что для воспитанных подобным обра-

зом войск решающим критерием было то, как вновь прибывшие на Кавказ полки проявят себя в бою.

Увы, из-за полного отсутствия опыта ведения боевых действий в специфических условиях Кавказа новые войска несли серьезный урон. Первая же серьезная неудача «русского» отряда в бою под Аштаракком 16-17 августа 1827 г., когда отряд генерал-лейтенанта А.Ф.Красовского из частей 20-й пехотной дивизии хоть и снял с боем блокаду Эчмиадзинского монастыря, но потерял при этом 24 офицера и 1130 нижних чинов²⁴, вызвала возмущение среди кавказцев: «Господа, с кавказскими войсками этого бы не случилось; 20-ая дивизия не привычна еще. Если бы у Красовского был капитан со своею ротой хоть Ширванского полка или другого из Кавказских полков, он бы прямо пошел на эту большую батарею — и дело было бы кончено; а дали оглядываться персиянам — и пришлось постыдно отступить»²⁵.

Для того, чтобы избежать больших потерь, командование посылало в экспедиции отряды смешанного состава: «русские» полки или батальоны вместе с кавказскими. Здесь разница между ними проявлялась особенно разительно. «Русские» не знали элементарной тактики войны в горах, например, что главные опасности подстерегали не в атаке, а во время отступления: «Все было тихо. Бутырцы *[солдаты «русского» Бутырского полка — А.Л.]*, впервые в горной кавказкой экспедиции, думали, что мы спокойно отойдем»²⁶. В одной из экспедиций передовая цепь Московского полка («русского»), занимавшая холм, была потревожена необъяснимым шумом в лесу и всю ночь находилась в тревожном ожидании, в то время как на соседнем холме цепь занимали карабинеры одного из кавказских полков. Их капитан по обыкновению отправил группу из 10 солдат при одном унтер-офицере осмотреть лежащую перед ними опушку леса, где они обнаружили «засаду» — корову с теленком, и привели их в лагерь, в то время как москвовцы всю ночь были настороже: «Это показывает навык кавказских войск к боевой жизни во время горных экспедиций и непривычных к тому гостей наших 14 дивизии»²⁷. С тех пор москвовцев донимали насмешками.

В итоге В.А.Бельгард, уже имевший опыт участия в Кавказской войне, узнав о своем назначении командиром направляющегося на Кавказ Прагского полка, писал: «Уже если возвращаться на Кавказ, то я всегда мог опять перейти в один из старых кавказских полков, которые знал и где меня еще помнили, — что, конечно, было гораздо приятнее, чем являться с новичками, не имевших понятия о тамошней войне»²⁸. Недоверчивое отношение к боевым качествам «русских» войск продолжало оставаться у кавказских командиров до конца этой войны. Описывая осаду Ведено в 1859 г., Н.А.Волконский отмечал, что в отряде полковника Баженова кавказские части предназначались для возможного ведения боя, а «русские», в данном случае солдаты Белевского полка, — для землекопных работ: «Дружину составляли: третий батальон лейб-эриванского полка, *второй белевского (этот будет, наверно, работать [курсив наш — А.Л.]*, а тот будет драться или прикрывать работы) и две стрелковые роты (эти будут, как Бог свят, в охране у полковника Баженова и в цепи, ... ведь свои не чужие)»²⁹.

Впрочем, как только из батальонов «русских» полков формировались полки для постоянной службы на Кавказе, то «старые» кавказские полки переставали относиться к ним как к инородным формированиям: «Странно, что с этой минуты, как те же люди и те же офицеры надевали кавказский мундир, они немедленно сошлись с кавказской семьей и пользовались, скажу, даже особой заботливостью и сочувствием старых кавказцев, как старших братьев своих»³⁰.

Характерно, что в мемуарах о кавказской войне «русские» полки, как правило, не являются самостоятельными персонажами, за исключением тех случаев, когда автор служит в них, а упоминаются или при перечислении войск, составлявших тот или иной отряд, или в связи с какими-либо неудачами, вроде Аштарского боя и Даргинской экспедиции. Особенно много негативных отзывов о «русских» в связи с последней, в чем можно усмотреть рефлекторное желание «кавказских» мемуаристов объяснить крупное поражение привычной причиной — низкими, с точки зрения «кавказцев», боевыми качествами командированных на Кавказ войск. Любопытно также, что немногочисленные положительные отзывы о «русских» полках непременно «персонифицированы», то есть посвящены какой-либо конкретной части: «Во главе шел 1-й батальон Литовского егерского полка, утративший свое знамя в польской кампании и долженствовавший здесь и теперь себя реабилитировать; за ним следовали две роты 3-го батальона куринцев, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для восстановления своей утраченной чести мужество. Литовцы молодцами смыли свое бесчестие, и едва только четвертая часть их уцелела за эту экспедицию, но позор был смыт, и новое знамя, добытое ценою пролитой ими в Ичкерии крови, было им вручено взамен утраченного при Вовре»³¹. Если же оценка негативна, то ее относят на счет всех «русских»: «Батальоны пятого корпуса, шедшие в той же цепи и в авангарде, не раз останавливались перед завалами до тех пор, пока куринские офицеры, вызывая из них охотников и бросаясь с ними на приступ, не овладевали теми завалами»³². Между тем, оба автора, служившие в одном «кавказском» полку — Куринском егерском, пишут об одном и том же «русском» полку — Литовском егерском, во время одних и тех же событий — Даргинской экспедиции.

Голосов, поданных в защиту «русских» войск, как правило, не много, и принадлежат они чаще всего мемуаристам, которые в них служили. Например, командир Прагского полка В.А.Бельгард утверждал: «Солдаты наши вообще превосходны, и после нескольких дел я уже не замечал большой разницы между старыми кавказскими полками и моим, пришедшим из России»³³. Командовавший в 1855—1858 гг. Нижегородским драгунским полком А.М.Дондуков-Корсаков писал: «Неопытность войск, пришедших из России (в то время командирован был на усиление 5-й корпус), незнание ими условий тогдашней войны и хозяйственного быта полков, а также характера туземцев, ставили войска эти в самые неблагоприятные условия, подвергавшие их несравненно большим лишениям, чем обжившихся в крае кавказцев. В делах военных весьма понятная неопытность этих войск подвергала их также потерям и

неудачам, которые кавказские полки умели осторожно и ловко избегать. Все это обращалось к несправедливому мнению кавказцев о достоинствах пришедших войск»³⁴.

На наш взгляд, наиболее взвешенное суждение о коллизии между «кавказскими» и «русскими» солдатами принадлежит генерал-майору М.Я.Ольшевскому, состоявшему для особых поручений при командире Отдельного Кавказского корпуса: «Нет сомнения, что кавказцы были сметливой, расторопней, ловчее, находчивее в войне с горцами. Нельзя отвергать того, что они были привычны к совершению больших походов, в особенности по горам, и перенесению трудов и лишений. Но нельзя согласиться с тем, чтобы кавказский солдат был мужественнее, неустрашимее, храбрее. Если же случалось, например, попасть впросак люблинцу или белевцу чаще курунцу или ширванца, то это приписать нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеров первых. Следует отчасти винить в этом и кавказское начальство, которое не всегда умело направлять надлежащим образом войска, прибывавшие изнутри империи, а иногда не поощряло их наградами по заслугам. А это возбуждало ропот неудовольствия, доводивший иной раз до вредных последствий в общем деле. Часто вредили общему делу зависть и интриги»³⁵.

Как видно из выше изложенного, «русские» полки на Кавказе в целом воспринимались кавказскими войсками негативно и зачастую рассматривались ими как «чужие». Какие же факторы играли здесь важную роль? Прежде всего, сказывалось внешнее отличие «русских» полков от «кавказцев»; впоследствии к этому добавлялось неумение прибывших полков жить и воевать в новых, специфических условиях; сюда же относятся недостатки подготовки их личного состава и неопытность начальства.

¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 251-318; Поршнев О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 215-266.

² Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 126-142.

³ Геймарн В.А. 1845 г. Воспоминания // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 270; Дельвиц Н. Воспоминания об экспедиции в Дарго // Военный сборник. 1864. Т. 38. № 7. С. 189; Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания участников кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 383; Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Там же. С. 416; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). СПб., 1879. Ч. 2. С. 55; Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция (В Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 266.

⁴ Славский. Воспоминания и рассказы старого Кавказского война // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1849. Т. 77. С. 12.

⁵ Флиппсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 171.

⁶ Бенкендорф К.К. Указ. соч. С. 370.

⁷ Там же. С. 383.

⁸ Ольшевский М.Я. Записки М.Я.Ольшевского // Русская старина. 1894. Т. 82. С. 93.

⁹ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 416.

¹⁰ Там же. С. 460.

¹¹ Бриммер Э.В. Записки генерала от артиллерии Эдуарда Владимировича Бриммера. 1815–1874 г. Тифлис, 1894. Вып. 1. С. 163.

- ¹² Там же. С. 165.
- ¹³ Там же С. 173.
- ¹⁴ *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 416.
- ¹⁵ *Бенкендорф К.К.* Указ. соч. С. 370.
- ¹⁶ *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 146-147.
- ¹⁷ Там же. С. 147.
- ¹⁸ *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 171.
- ¹⁹ *Андреев В.* Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 5.
- ²⁰ *Волконский Н.А.* Лезгинская экспедиция. С. 376.
- ²¹ *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 160.
- ²² Там же. С. 171.
- ²³ *Бенкендорф К.К.* Указ. соч. С. 420.
- ²⁴ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1993. Т. 3. С. 375-393.
- ²⁵ *Бриммер Э.В.* Записки генерала от артиллерии. Вып. 2. С. 27.
- ²⁶ Там же. С. 127.
- ²⁷ Там же. С. 135.
- ²⁸ *Бельгард В.А.* Автобиографические воспоминания Валериана Александровича Бельгарда. СПб., 1899. С. 43.
- ²⁹ *Волконский Н.А.* Окончательное покорение восточного Кавказа (1859-й год) // Кавказский сборник, Тифлис, 1879. Т. 4. С. 182.
- ³⁰ *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 417.
- ³¹ *Бенкендорф К.К.* Указ. соч. С. 385.
- ³² *Горчаков Н.* Экспедиция в Дарго (1845 г.) (Из дневника офицера Куринского полка) // Кавказский сборник, Тифлис, 1877. Т. 2. С. 135.
- ³³ *Бельгард В.А.* Указ. соч. С. 44.
- ³⁴ *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 415.
- ³⁵ *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 94-95.

«КАЗАРМА ХУЖЕ ТЮРЬМЫ». ЖИЗНЕННЫЙ МИР КРАСНОАРМЕЙЦА 1920-Х ГОДОВ*

Предлагаемая статья не является попыткой исследования Красной Армии¹ как вооруженного института государства, предметного изучения ее боевой мощи, порядка организации, анализа военных кампаний. Внимание автора обращено на РККА как на уникальный социокультурный контекст, в обиходных рамках которого повседневно проходила социализация юноши, формовка «нового человека». Прежде всего, следует оговорить, что концепт «Рабоче-крестьянская Красная Армия» в семантическом значении, которое ему придавали в 1920-е гг. большевики, является, пожалуй, не более чем устоявшимся историческим клише. По сути, «рабоче-крестьянским» в РККА был только командный состав, управлявший «крестьянско-рабочим» контингентом. На условность этого понятия указывал в свое время еще С.О.Португейс, утверждая, что «ни революционной, ни социалистической, ни пролетарской и ни «красной» даже в самом расплывчатом смысле этих слов, нынешняя армия СССР не является... Красная Армия все же остается плотью от плоти, костью от кости грандиозного *крестьянского* массива России»². Его современник Н.Пораделов резонно уточнил, что в РККА служили те же, что и до революции, «мобилизованные крестьяне и рабочие, но более развившиеся за время революции, скованные восстановленной дисциплиной, обработанные пропагандой и находящиеся под постоянным наблюдением сложной системы шпионажа и слежки друг за другом»³.

Автор подходит к рассмотрению повседневной жизни армейской казармы как *тотального* института, под которым И.Гоффман (*Goffman, Irving*) понимал такое «место проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сообща следуют закрытому, формально администрируемому циклу жизни»⁴. Основное внимание в статье уделено *детальному* рассмотрению жизненного мира красной казармы «изнутри», анализу повседневных практик и речевых коммуникаций красноармейцев. Разумеется, полная реконструкция жизненного мира совокупного красноармейца 1920-х гг. вряд ли возможна. Вместе с тем, представляется вполне реальным восстановить по доступным источникам некоторые важные черты красноармейской повседневности.

Новобранцы РККА: конструирование советской биографии

Красная Армия в 1920-е гг. выступала необходимым и значимым институтом маскулинной социализации, пройдя который юноша приобретает статус взрослого и полноценного мужчины⁵. Поэтому момент призыва в армию наделялся важным инициационным смыслом. Самым первым и очень ответственным, несмотря на кратковременность (как правило, 1-3 месяца), этапом армейского жизненного цикла молодого человека являлся период с момента призыва в армию до завершения, в основном, адаптивного процесса. С известной долей условности этот лиминальный статус новобранца может быть рассмотрен как социокуль-

* Автор благодарит Московский общественный научный фонд за финансовую поддержку исследовательского проекта № 161-98, содержание которого составило значительную часть данной статьи.

9 Военно-историческая антропология

турный фронтир, как размытая, подвижная зона между приобретенным социальным опытом и усвоенными стереотипами поведения на «гражданке» и еще не освоенными социальными ролями и культурными нормами армейской жизни; между уже найденной и только предстоящей возникнуть идентичностью. Понятие фронта как *социокультурного* пространства, для которого важны такие качественные характеристики, как отчужденность, неопределенность, неосвоенность используется с целью акцентирования зыбкости, неустойчивости характера взаимопроникновения и взаимовлияния между различными культурами – крестьянской, городской, армейской. С одной стороны, новобранец интернализировался в процессе адаптации к армейскому укладу жизни. С другой стороны, он привносил с собой в устоявшуюся казарменную повседневность свежую порцию «гражданских» ценностей и притязаний, от которых основная масса красноармейцев уже успела отвыкнуть, или же вовсе не имела их как возрастная когорта, прошедшая доармейскую социализацию в иное историческое время. Учитывая особую значимость процесса перехода юноши из призывника в красноармейца, из крестьянина в служителя государству, этому пограничному периоду будет уделено достаточно подробное внимание, как *ключевому* для понимания жизненного мира красноармейца.

Если в прежние времена рекрут, хотя бы формально, превращался из крестьянина в охранителя государственных интересов только на время военной службы, то в советской России повестка в военкомат для многих юношей становилась потенциальной «путевкой» в благополучную жизнь, с призывом в армию для них наступал долгожданный момент социального перехода и превращения. После службы в РККА перед крестьянским парнем открывались широкие горизонты для выхода «в люди». Армейская служба в советской России действительно становилась «основным компонентом в определении гражданской и политической карьеры»⁶. Казарма предоставляла ему уникальную возможность подготовиться для занятия более высоких иерархических позиций на советской социальной лестнице. Не случайно многими допризывниками армия воспринималась как эффективное средство социальной мобильности, как реальный шанс *навсегда* вырваться из деревни в ненавидимый ими и, вместе с тем, вождеденный город, либо занять более высокий ранг в иерархии деревенских статусов. По данным российских этнографов 1920-х гг., крестьянская молодежь была настроена «бежать, бежать скорее. Куда-нибудь, только бы бежать: на заводы ли, в армию ли, на курсы ли комсостава – все равно. Прожить бы вольной птицей!»⁷. Поэтому вполне понятны переживания крестьянского юноши накануне призыва:

«Ночь перед припиской я не знал, как скоротать, не спал, боялся проспать, ... да и переживания невероятные, так *хотелось* служить в армии»⁸.

Анализируя характер мотивационных установок призывников, сложно утверждать, что массовый новобранец 1920-х гг. осознанно стремился выполнить «священный долг» перед советской властью. Если и ставить вопрос об осознании долга, то следует четко определиться – по отношению к *кому*? Например, некоторые призывники и в 1925 г. собирались служить «верой и правдой *царю-батюшке*», возможно, подразумевая под этим образом всю совокупную власть. Значительная часть крестьян-середняков воспринимала армейскую службу как некий вариант судьбы, как *государственную повинность*, которую надлежало выполнить добросовестно. Среди них бытовали такие настроения: «Возьмут – хорошо, не возьмут – еще лучше»; «хочешь, не хочешь, а служить *надо*».

Встречались и откровенно радикальные суждения: «Когда будем уходить в солдаты, то сначала всем коммунистам головы открутим, а потом пойдем; все равно лучше в тюрьме сидеть, чем идти на своего отца и драть кожу»; «если бы у вас [командиров — А.Р.] не было наганов, я бы в армию не пошел»⁹.

Следует помнить, что во многих селениях, особенно в казачьих станицах, юноша, не служивший в армии, традиционно считался *неполноценным*. На Кубани таких издавна презрительно называли «дымарями» — коптителами неба, никчемными людьми. Здесь даже в начале 1923 г., когда еще не утихла окончательно «малая» гражданская война, к призыву в РККА казачье население многих станиц относилось совершенно лояльно: «Пришла пора, и надо *свое* отслужить, как все»¹⁰. Правда, нередко искреннее желание молодых казаков служить в РККА совпадало с корыстными интересами их отцов: «Послав сына в Красную Армию, получаешь избирательные права, избавляешься от команд обслуживания и других неприятностей»¹¹. Очевидно также, что крестьянский парень отчетливо представлял себе, от каких проблем он освобождался и какие привилегии он приобретал в случае призыва в армию. Служба в армии была средством избавления от вынужденной безработицы, вариантом ухода от тяжелых условий крестьянского и фабрично-заводского труда. Там кормили, одевали, приобщали к культурным ценностям крестьян, многие из которых никогда не видели швейной или динамо-машины, аэроплана, киноустановки.

Образ армии в картине мира призывника имел явно выраженный образовательный оттенок. В 1920-е гг. наблюдалось огромное стремление молодежи к знаниям, к культурности. Школа и вуз были не в состоянии охватить всех желавших получить образование. Оставалась армия как *школа* в прямом смысле слова, не случайно большевики называли ее «вторым наркомпросом». «Ведь в армии и грамота, и просвещение, не то, что весь век в землеце возиться, да глазами слепыми на белый свет смотреть», — считали крестьянские юноши. Многим из них думалось, что в армии к тому же «учат ремеслу и фабричному делу»¹². Поэтому и было сильным недовольство новобранцев, привлекаемых к хозяйственным работам: «Мы пришли в армию *учиться*, а не работать»¹³. Завораживающее слово «школа» ассоциировалось у многих новобранцев с образованием, что вызывало у них стремление попасть в *полковую школу*. Не планируя сделать военную карьеру, но, вместе с тем, стремясь «выйти в люди», многие новобранцы шли в военные школы только для получения какого бы то ни было образования:

«Главное мое желание — это учиться для того, чтобы изучить всю военную науку и, кроме того, чтобы после военной службы иметь какую-нибудь полезную специальность. Я слышал, что в Красной Армии учат не только уничтожать наших врагов, но учат разным наукам и специальностям, которые нужны и в *мирное время*»¹⁴.

Многих юношей из рабочих привлекала флотская служба. Туда шли в основном искатели приключений, жаждущие путешествий по миру и не исключавшие возможности навсегда остаться за границей. Некоторые шли во флот, рассчитывая, что там легче служить, чем на суше, и что морская служба выгоднее с точки зрения «шкуры»¹⁵. Призывники из рабочих, батраков и бедных крестьян преимущественно стремились попасть в кадровые части. Это давало им возможность на два года избежать безработицы, пожить на полном государственном обеспечении,

получить в армии профессию и затем раствориться в городе. Они избегали территориальных частей: «Лучше отслужить сразу 2-3 года, а потом быть свободным». Крестьяне и казаки из середняцких и зажиточных семей, наоборот, стремились получить назначение в территориальные части, чтобы не отрываться от своего хозяйства. Призывники из еврейских местечек, большинство из которых уже успели обзавестись семьями, пытались получить отсрочку, или попасть в территориальные формирования.

Меньше всех в армию стремились партийные и комсомольские функционеры, квалифицированные рабочие, которые не хотели расставаться со своими должностями и окладами. Между тем, им, как правило, предоставлялись наиболее элитные места службы. В 1925 г. комсомольцы, составлявшие всего 8% новобранцев, были распределены в такой пропорции: 30% из них направлены в морской флот, около 20% — в воздушный флот, остальные — в войска ОГПУ, кавалерию и инженерные части. В морские силы было зачислено также около 50% всех призываемых рабочих¹⁶. Возможно, поэтому они презирали территориальные формирования, не считая их частями РККА: «Служишь в терчасти — ни обыватель, ни красноармеец». Также неохотно в армию шли так называемые «краткосрочники» — лица с высшим и средним образованием. Некоторые из них были готовы дать взятку в 100 руб., чтобы не идти в армию. С первых дней службы их интересовали меркантильные вопросы: «Нельзя ли в армии как-нибудь устроиться, чтобы подзаработать?»; «Как бы поступить сразу в вуз?»¹⁷.

По образному выражению Н.Н.Козловой, крестьянские парни охотно шли служить в армию, чтобы «сменить кожу». Для этого они использовали испытанные крестьянские техники жизни: просачивание и проскальзывание¹⁸. Однако прежде чем попасть в Красную Армию, им следовало пройти тщательную процедуру социально-политической *филтрации* в лице призывной комиссии с участием представителя ОГПУ, поскольку политическая благонадежность призывника имела для большевиков ключевое значение. Молодому человеку надлежало неоднократно доказывать свою классовую и генетическую пригодность к службе в РККА, демонстрировать лояльность советской власти. Одним из документов, которым юноша должен был подтверждать советскую идентичность, являлась Справка призывника:

1. Социальное происхождение и имущественное положение призывника.
2. Имущественное положение хозяйства до и после революции.
3. Если от родителей живет отдельно, с какого времени и какую имеет связь.
4. Кто из семьи или родственников лишен избирательных прав, когда и за что.
5. Кто из семьи был раскулачен и когда.
6. Какую имеет связь призывник с лишенцами, раскулаченными или чуждым элементом, и в чем она выражается.
7. Был ли призывник под судом или осужден. За что и насколько осужден.
8. Отношение призывника к работе на производстве, в колхозе и политкампаниям.
9. Дополнительные компрометирующие сведения на призывника»¹⁹.

Социально-политический контроль над личностью призывника начинался сразу же по достижении им 19-летнего возраста и приписки к

призывному участку. При отсутствии паспортов в те годы было сравнительно несложно фальсифицировать личные данные — от фамилии и года рождения до социального происхождения. Действительными документами признавались только удостоверения органов ЗАГС, которых многие граждане просто не имели. Поэтому допускалось *личное* заявление автобиографических данных самим призывником, тем более, что его возраст на комиссии определялся «по наружности». Однако жить по легенде юношам, пожелавшим изменить свою биографию на более советскую, порой удавалось с трудом. Кроме строгой системы проверки новобранцев политорганами РККА и особыми отделами ОГПУ по прибытии в воинскую часть (назову ее «вторым эшелон»), активная роль в осуществлении социальной фильтрации отводилась «первому эшелону» — сельсоветам и крестьянским комитетам общественной взаимопомощи. Местные власти вывешивали на публичное обозрение и оглашали на сельских сходах списки призывников, в которых были указаны все заявленные призывником автобиографические данные. Это не только позволяло всем жителям знать, кому из юношей подошла очередь в армию, но и пристально следить за достоверностью информации о каждом призывнике. В соответствии с Законом об обязательной военной службе, каждый гражданин СССР имел право *доносить* письменно или устно о любых неточностях в данных призывников, причем информатору гарантировалась полная конфиденциальность²⁰.

Помимо социально-классового, был еще один очень важный фильтр для призывника на его пути в армию — *телесный*. Инструкция о порядке распределения граждан, принятых на действительную военную службу, определяла минимальные показатели роста — для пехоты (153 см), войск ОГПУ и конвойной стражи (155 см), кавалерии и артиллерии (160 см), и максимальные — для броневых частей (166 см) и кавалерии (174 см). Впервые, по сравнению с дореволюционной практикой, в Законе об обязательной военной службе (1925 г.) и в составленном на его основе Расписании болезней и телесных недостатков была введена новая физическая характеристика призывника — «коротконогость», когда совокупная длина туловища и головы превышала длину ноги на 12 см²¹.

Следует отметить, что состояние здоровья и уровень физического развития призывников в 1920-е гг. были *ниже* дореволюционного. Средний рост призывника снизился, по сравнению с новобранцами царской армии, на 2%, объем груди — на 3,5%, вес — на 9% (см. табл. 1). «Узкая грудь, сутулые плечи, тонкие слабые руки, бледная малокровная кожа и нервно вздрагивающее лицо», — так выглядел типичный призывник 1920-х гг. Причинами этого являлись неблагоприятные социально-политические и экономические условия для формирования здорового молодого поколения (мировая и гражданская войны, голод и эпидемии). По данным военврача 3-й Крымской стрелковой дивизии, 17% призванных военнслужащих были низкорослыми, 58% — среднего роста, у 23% рост был выше среднего, и только около 2% красноармейцев были высокими. Средний объем грудной клетки не превышал 90 см, средний вес — около 65 кг. Необходимо учитывать, что при призыве в кадровые части осуществлялся очень строгий медицинский отбор, и на заседаниях призывных комиссий слово врача было решающим, в отличие от дореволюционной практики. В 1924 г. было забраковано по причине физической негодности свыше 34% призывников (местами — до 75%), несмотря на то, что были ослаблены некоторые требования к уровню физического

развития по сравнению с царской армией²². Последующие призывы дали еще большее количество негодных к службе новобранцев. В 1926 г., по данным только двух военных округов, в кадровые части были признаны годными в среднем всего 45% призывников; еще 17% разрешалось служить в территориальных формированиях. В следующем году в ряде округов выбраковывалось по состоянию здоровья до 60-65% призывников. Наиболее распространенными причинами выбраковки новобранцев являлись физическая неразвитость («невозмужалость»), слабость, малокровие, сердечные заболевания, туберкулез, глазные, кожные и венерические болезни²³.

Таблица 1.

Показатели физического развития новобранцев
Императорской и Красной Армии²⁴

Год призыва	Рост, см	Вес, кг	Объем груди, см
1908	169,5	66,5	89,5
1924	166,5	60,5	86,5
1927	167,5	64,0	—
1928	166,5	65,0	—

В отличие от последней четверти XIX — начала XX в., в 1920-е гг. членовредительство и симуляция заболеваний на этапе призыва в РККА были относительно редким явлением; подобное поведение чаще наблюдалось в период службы. Между тем, имеется много свидетельств о том, что призывники 1920-х гг. настолько сильно стремились в РККА, что скрывали от комиссии серьезные хронические заболевания. По этой причине 3-5% признанных годными к службе призывников затем выбраковывались медкомиссиями воинских частей. Врачи удивлялись: «Как сравнишь с царским призывом, поражаешься. Там симуляция, надувательство, отлынивание, стремление избавиться от службы, а здесь... Вот сегодня пришел номер 1300: освидетельствуйте. Разъясняешь ему, что сейчас идут лишь трехсотые номера, мол, выгодно же *подождать*. Не желает, хочет в армию»²⁵. Часть призывников с огорчением воспринимали решение комиссии о своей негодности к службе в армии. В одночасье рушились их мечты и жизненные сценарии. Оставалось только недоумевать или плакать:

«Почему товарища моего, более слабого здоровьем, признали годным, а я, здоровый как бык, ношу пятипудовые мешки, признан негодным в кадровую часть»; «Мне очень *стыдно* перед остальными товарищами, которые признаны годными. Все товарищи идут в армию, а я останусь, вся молодежь будет надо мной *смеяться* в деревне»; «Я не согласен с врачом. Работать я могу, а служить не могу! Буду требовать, чтобы меня переосвидетельствовали»²⁶.

Среди призывников проводилась *жеребьевка*, которая определяла очередность призыва в армию. Многие новобранцы стремились попасть в армию в первую очередь или же обменять неудачный жребий на более ранний по сроку призыва. Это резко диссонирует с рекрутским поведением на рубеже XIX—XX вв., когда родители благословляли сына «подальше жребий взять», а освобожденный от набора рекрут, вне себя от радости, громко кричал: «Не взяли, избыл, слава Богу!»²⁷.

Процедура призыва юношей в РККА в 1920-е гг. внешне во многом напоминала рекрутскую обрядность в прежние времена, хотя смысловое значение этого ритуала, с точки зрения Ж.В.Корминой, заметно изменилось на протяжении десятилетий. Если в XIX в. уход на длительную военную службу осмыслялся как практически *безвозвратный* уход из деревенского социума и поэтому репрезентировался в терминах похоронно-поминальной обрядности, то к середине XX в. [отчасти, уже в 1920-е гг. — А.Р.] относительно непродолжительная служба в армии воспринималась как обязательный этап в жизни каждого мужчины и наделялась инициационным смыслом и символикой. Именно изменение отношения населения к военной службе, по мнению Ж.Корминой, и определило новации в конструировании обряда²⁸. А.В.Черных, также отмечая связь между исчезновением «похоронной» символики в рекрутской обрядности и сокращением сроков службы, уточняет, что при непродолжительной военной службе в рекрутской ритуалистике стали доминировать действия, связанные с мотивом *возвращения*. Если ранее служивший 25 лет солдат превращался для жителей деревни из «своего» в «чужого», то с уменьшением сроков службы до 2-3 лет призванный на военную службу юноша не переходил грань «своего»-«чужого», оставаясь для односельчан «своим»²⁹.

В.П.Булдаков указывает на значимость ритуала проводов «во солдаты», прежде всего, для самой крестьянской общины, где всем ее членам надлежало проявлять свое уважение к переходу вчерашнего крестьянина в новый статус носителя «государевой службы». Поэтому рекрут долго и демонстративно «гулял» на глазах «понимающей» общины³⁰. Ж.Кормина полагает, что во время рекрутских гуляний происходило обособление группы рекрутов посредством ритуальных *бесчинств* — типичного ролевого поведения рекрутов. Нарушение рекрутом поведенческих норм являлось показателем выполнения им особой ритуальной роли. Подтверждением этому она считает отношение к рекрутским бесчинствам со стороны односельчан как к должному³¹. По мнению А.В.Черных, гуляния призывников, соотносимые с обрядовым ненормативным поведением в святочный и масленичный периоды, стали эталоном рекрутского поведения. Примечательно, что в обыденной жизни разгульное поведение осуждалось³².

Традиции «гуляния» рекрутов продолжили в 1920-е гг. и советские новобранцы, успевшие, к тому же, нажить богатый опыт хулиганства. Показательно, что все негативные стороны этого обряда именовались в информационных документах политорганов и ОГПУ как *«рекрутчина»*, под которой понималось буйство с массовой попойкой, драками «стенка на стенку», погромами винных лавок и базарных рядов. Следует отметить, что, в отличие от дореволюционных рекрутских гуляний как способа репрезентации рекрутского статуса перед жителями *своей* деревни и своей половозрастной группы, в 1920-е гг. бесчинства новобранцев вышли *за пределы* своего места жительства. Поэтому сложно квалифицировать подобное поведение призывников как ритуальный разгул перед «понимающей» деревней. К тому же и по времени подобные бесчинства не соответствовали прежнему ритуалу: они осуществлялись и *после* проводов призывников из деревни, во время их следования к месту сбора или прохождения службы. Очевидно, что наиболее заметная часть рекрутской ритуальной традиции («гуляния») стала трансформироваться в 1920-е гг. в примитивный хулиганский разгул, который, кроме своей формы, уже не имел ничего общего с символическими ритуальными бесчинствами рекрутов. Можно предположить, что это поведение ново-

бранцев было направлено, прежде всего, на власть и на армейское командование, перед которыми призывники демонстрировали свою силу и независимость. Секретные сводки ОГПУ полны сведений о трагических последствиях призыва в РККА:

«При передвижении призывников по железной дороге имели место несколько разгромов станционных буфетов, избияния пассажиров, железнодорожников и убийство агента ОДТЧК»; «Призывники в поезде перепились, ... побили все стекла и устроили драку, во время которой один призывник был зарезан насмерть и выброшен из поезда»; «Пьяные призывники в губвоенкомате били в казармах стекла и рамы, кричали: "Да здравствует Николай, наконец, опять дождались!"»; «Призывники ворвались во двор сельисполнителя, чтобы изнасиловать женщин, которые туда спрятались. Сельисполнитель, пытавшийся их успокоить, был убит»; «Пьяные призывники стаскивали с подвод призывников-евреев: "Мы жидам не хотим давать подвод"... Один еврей был убит призывниками»; «Призывники выбили стекла и двери в четырех классных вагонах, угрожали сбросить бригаду с поезда»³³.

По прибытии в часть новобранцев в первое время одолевали «домашние настроения», тоска по родным и близким. Призывник постоянно думал об оставленном хозяйстве, о судьбе своей семьи. «Домашние настроения» проявлялись преимущественно в том, что ежедневно в каждой роте или эскадроне новобранцами отсылалось в среднем по 50-60 писем домой. «Молодняк гонит письма вне всякой нормы и использует все возможности, чтобы оказать какую-либо помощь семье, пользуясь положением красноармейца», — отмечали политработники. Поскольку среди призывников было немало (до 40-50%) женатых, некоторые из них призывали в часть с женами. Другие спрашивали командиров: «Нельзя ли выписать себе жену, чтобы устроить ее где-либо при полку?»³⁴. В значительной мере память о доме навевали красноармейские сундучки, которые привозил с собой в часть каждый новобранец. По прибытии к месту службы бойцы запирали сундучки на прочные навесные замки и прятали их под топчаны. Содержимое сундучков представляло собой своеобразное «приданое» призывника, которым он одаривался во время проводов в армию. Как правило, в сундучках лежали подушки, полотенца, новомодные рубашки и брюки. Впрочем, во время осмотров командирами содержимого сундучков, там нередко обнаруживались нецензурные стишки, протухшие селедочные головы и прогнивший лук³⁵.

По вопросам, которые задавали новобранцы в первые дни пребывания в казарме, можно реконструировать их представления об армии и душевное состояние. В одной из кадровых частей было зафиксировано 127 вопросов, интересовавших 143 новобранцев. Подавляющее большинство вопросов (43%) отражали «домашние настроения» (вопросы о льготах семьям красноармейцев, о льготах по призыву, об отпусках); 26% вопросов отражали интерес к армейской жизни и быту (вопросы о порядке службы, о возможности получения образования); вопросы, отражающие политическую активность, составляли 14% (общеполитические вопросы, о порядке вступления в партию и комсомол); «хозяйственные» вопросы составили 8%; «разные» — 9%. Из этого можно заключить, что новобранца в основном интересовали вопросы, касающиеся его частных интересов, и армия воспринималась им преимущественно как учебный пансионат, а не военный институт государства. Отправляясь в РККА, юноша был настроен на получение от армии максимально

возможного и использование военной службы с максимальной пользой для себя, что видно из наиболее типичных вопросов:

«Можно ли получить скидку по сельхозналогу?»; «Могу ли получить льготу, если семья в 5 человек, а трудоспособных только одна, и та в положении?»; «Можно ли поступить в школу нормального типа для обучения на средний комсостав с низшим образованием и сколько лет нужно учиться для того, чтобы быть взводным, и бывают ли отпуска из школы нормального типа и через сколько времени?»; «Можно ли записаться в драмкружок?»; «Учась в полковой школе, можно ли получить еще общеобразовательные знания вне полковой школы?»; «С какого времени засчитывается срок службы?»; «Как проходят службу неграмотные?»³⁶.

Первоначальные мнения призывников о службе в армии сильно зависели от их ожиданий. У многих новобранцев с *заниженными* ожиданиями первые армейские впечатления даже вызвали восторг: «Когда мы ехали в армию, нам говорили, что нам будет очень плохо, нас будут гонять, комсостав в армии нерусский. Все это нам ввали, на деле мы видим другое»; «Учиться военному делу в казарме Красной Армии можно, тут тебе все чисто, тепло, уютно, относятся хорошо, все покажут и расскажут. Мы дома так не жили. Дома спали не на чистых простынях, а на ряднушке или просто на соломе». Некоторые новобранцы *a priori* настолько плохо думали о питании в армии, что прибывали в часть с большим (в 12-13 пудов) запасом хлеба. Затем они успокаивались: «Мы такой пищи дома не едали и не видали»³⁷. Возможно, после ознакомления с теневыми сторонами армейской жизни у них притуплялся восторг, но первые позитивные впечатления позволяли им *выжить* в новом для них мире.

Намного больше было призывников с *завышенными* ожиданиями, настроившихся на беззаботную жизнь и бесплатную учебу. Они, напротив, испытывали огромное разочарование. Когда в одном полку призывников из Москвы не встретили на станции представители воинской части, они настолько были возмущены этим, что собирались выразить командованию коллективный протест. Увидев армейский быт, они с ужасом восклицали: «Казарма хуже тюрьмы»; «Неужели в такой обстановке придется служить 2 года?». Даже новобранцы-крестьяне писали в своих письмах домой: «Что это за армия в 1925 г. — нет столов, постелей, каши дают одну ложку»; «Вошли в казарму — аж жуть взяла». Питание в армии они называли «пойлом для скота». Многие из них не считали правомерной службу в такой армии, протестовали против хозяйственных работ и нарядов. В гидророте 7-й кавбригады новобранцы коллективно отказались идти на работу по осушке болота, поскольку «вода холодная, а обувь рваная». В 94-м полку 32-й дивизии ПриВО 6 новобранцев отказались заступать в наряд *ночью*. Сославшись на сильную жару и усталость, новобранцы 31-й дивизии отказались петь строевую песню. На угрозы со стороны командира батареи запретить воскресные увольнения в город, часть новобранцев в знак протеста отказалась идти на обед³⁸.

В самые первые недели службы среди части призывников наблюдалось стремление покинуть армию, что выражалось в их просьбах о переосвидетельствовании, в заявлениях об ошибочном призыве, в паломничестве в полковые лазареты, в членовредительстве или симуляции серьезного заболевания, в дезертирстве. Распространенным способом уклонения от дальнейшей службы были *взятки*. Красноармеец 110-го стрелкового полка откупился от направления на командные курсы двумя бутылками вина, переданными командиру. Боец 98-го полка в письме

своим родным в Самару писал: «Прошу вас, если желаете, чтобы я был дома, то пришлите 10 пар чулок, 10 пар перчаток и пуховых платков»³⁹. Часто высказывались такие заявления: «Сижу и думаю, как бы мне вырваться из рядов РККА»; «На кой черт служба, ходил бы дома с сохой, а здесь винтовку чистить». Были жалобы на суровый казарменный режим и жесткую дисциплину, на ограничение свободы передвижения. Общее мнение о РККА у этой категории новобранцев было негативным, и образ новой армии был не лучше старой: «Красная Армия ничем не отличается от старой армии, только та разница, что раньше погоны носили на плечах, а теперь на воротник перенесли»; «В армии стесняют говорить свободно»; «Раньше вставали перед офицером и теперь встают»; «Красная Армия также оторвана от населения, как и царская армия»⁴⁰.

По меморандумам из перлюстрированной частной корреспонденции молодого пополнения Балтийского флота, призванного осенью 1923 г., мы можем представить себе образ той армии, в которую попал молодой рабочий и крестьянин, а также ознакомиться с их восприятием казарменной повседневности:

«Находимся в казармах, или, вернее, в тюрьмах... Встаем в 6 ч. утра, до 8 — чай, до 9 — «закон божий» [политчас. — А.Р.], с 9 ч. строевые занятия, в 12 ч. обед (бурда), до 2 перерыв, с 2 ч. опять занятия до вечера, в 6 ч. ужин и 8 с половиной поверка и пение «молитвы» [*Интернационала*]. — А.Р.]; «Питались помоями вместо супа и какой-то замазкой вместо каши... Мы все раздеты и разуты, а здесь уже выпал снег и залив замерзает»; «Кормят нас тут плохо, хлеба не хватает, в обед дают одно первое... Дисциплина, как при старом режиме... Не смей в строю головой пошевелить, и счастливы те товарищи, которые не пошли и которых отстранила комиссия»; «Дошли до казарм, как вошли туда, сразу очумели: сыро, грязно, темно, да еще на окнах решетки железные (это раньше была тюрьма). Шамовка была очень плохая, обедать дают один только суп, в который входит вода, рыбная чешуя и больше ничего»⁴¹.

Постепенно приходившая в норму мирная жизнь формировала тип молодого человека с высокими культурными запросами, которые он считал необходимым предъявлять и в армейских условиях. Начиная с 1924 г., с каждым призывом заметно возрастал культурный уровень новобранцев и их бытовые притязания. Конечно, еще немало встречалось среди них тех, кто впервые попал в город, в первый раз услышал радио, увидел кино, зубную пасту. Однако все чаще в кругу «цивилизованных» новобранцев стало раздаваться недовольство тем, что в армии приходилось питаться из общей миски и без вилок, спать на соломенных подушках и тюфяках, да еще и втроем на двух топчанах, составленных вместе. Их не устраивало отсутствие вентиляции в казармах, недостаточное количество вешалок и умывальников. Они раздражались при получении шинелей-маломерок и чересчур больших ботинок: «В таком обмундировании нельзя и погулять с барышнями». Они повышали нормативную планку армейского обихода, требуя *индивидуальной* раздачи пищи, выдачи на каждого красноармейца туалетного мыла, посуды, зубного порошка и щетки. По их мнению, и «топчаны должны стоять друг от друга хотя бы на пол-аршина, а не вплотную»⁴².

Складывается впечатление, что такие новобранцы привносили в казарму дух свободы, уверенность в способности отстаивать свои честь и достоинство. Рассматривая это неожиданное, не вписывающееся в рамки типичного, поведение новобранцев с позиций концепции *ролевой*

дистанции (И.Гоффман), есть основание предположить, что совокупный новобранец посредством этой ролевой дистанции активно воздействовал на изменение представлений о себе не только со стороны своих командиров, но и высшей партийно-государственной власти. В этом смысле его правомерно считать генератором («снизу») военной реформы 1920-х гг., наравне с М.В.Фрунзе и его соратниками — «сверху».

«Лучше вместо кино дайте хороший ужин»

В мае 1925 г. М.Фрунзе публично объявил, что с питанием в армии обстоит «не плохо» по сравнению с предшествовавшим периодом, в то же время он сетовал на скудость красноармейского пайка. По его словам, питательная норма ежедневного рациона бойца РККА составляла в среднем 3,01 ккал, что несколько превышало аналогичные показатели румынской и польской армий. В большинстве армий развитых капиталистических государств эти нормы были существенно выше советских⁴³. Вместе с тем, нормы продовольственного снабжения в армии были одними из самых высоких в стране, особенно в конце 1920-х гг., когда была введена карточная система⁴⁴. Однако это внешнее благополучие существовало только на бумаге, что требует осторожности в выводах о фактическом состоянии продовольственного снабжения в РККА. Оперирование данными только нормативно-распорядительной документации не позволяет реконструировать реальное положение дел с питанием в армии. В то же время обращение к корпусу источников отчетно-информационного характера, а также к документам личного происхождения позволяет существенно изменить представление о нормах красноармейского довольствия и о практиках питания бойцов РККА.

В отличие от публичных заявлений, в закрытом докладе в ЦК РКП(б) в июне 1925 г. советские военачальники признали, что в РККА до 1924 г. существовала проблема *голода*. В наихудших условиях находились иррегулярные формирования, караульные и конвойные части. Самым распространенным видом продовольственного снабжения в этих частях был сухой паек. Перебои с горячей пищей стали обыденным состоянием армии. Многие красноармейцы состояли «на довольствии» у местного населения. Стало распространенным явлением воровство продуктов у крестьян близлежащих к местам дислокации воинских частей деревень — так называемое «самоснабжение». На почве недоедания в армии процветало дезертирство⁴⁵. Фрагменты писем красноармейцев красноречивее других документов свидетельствуют о состоянии продовольственного снабжения и о практиках питания в Красной Армии:

«Обед выдается безвкусный, варится в грязной посуде, грязными... поварями, разливается в грязные бачки, выдаются грязные цинковые чашки на двоих одна, и грязные ложки, есть приходится в грязной столовой»; «Нас кормят очень плохо. Суп варят с рыбой, в которой почти одни черви. Хлеба дают мало и совершенно сырой»; «Получают хлеб из пекарни с камнями и тараканами»; «Суп раз в день, да и то с тухлой рыбой. Хлеба — 2 фунта. И больше ничего»; «Дают тарелку борща, а в ужин 3 ложки каши и больше — ничего. А дней пять продовольствия нам совсем не дают. Приходится на свои деньги»; «Заходим в хату и говорим: «Хозяйка, дай шамать». Если не дает, то за шиворот и из хаты долой, и берем, что надо. Так и живем»⁴⁶.

Судя по документам, многих красноармейцев-крестьян, привыкших за время нэпа к вкусной и калорийной домашней пище, не устраивало не столько количество, сколько *качество* армейского рациона, особенно хлеба. К нему красноармейцы относились по-крестьянски с благоговением, и с большим пристрастием оценивали его выпечку. Как следует из многочисленных источников, хлеб в армии был неважный – сырой, горелый, недопеченный, мерзлый. Одной из причин плохой выпечки хлеба являлись его гипертрофированные размеры: в Кутаисском гарнизоне, например, каждая буханка была весом около пуда. Бойцы часто обнаруживали в хлебе червей, тараканов, мышинные хвосты, песок, битое стекло, солому, обмотки. Иногда хлеб вообще не выдавался, как и обед в целом. В пище нередко обнаруживалось тухлое мясо, гнилой картофель и даже керосин⁴⁷. Особенно неудовлетворительной была обстановка с питанием на флоте. В портовых складах заготовленные крупы, картофель, лук, свекла, сливочное масло и другие продукты часто портились. В целях «экономии» гнилые продукты выдавались пополам с доброкачественными. Иногда моряки питались несвежим мясом дельфинов. Недостаток животных жиров негативно сказывался на здоровье матросов, среди которых было много больных малокровием. Изголодавшиеся красноармейцы стремились попасть в наряд по кухне, откуда многие из-за переизбытка отправлялись на больничную койку. Насколько сильной в армии была тоска по нормальной пище, можно судить по ответу матросов-черноморцев командирам на предложение посетить кинематограф: «Лучше вместо кино дайте *хороший ужин*»⁴⁸.

Условия приема пищи еще более усугубляли ее низкое качество. Целый ряд воинских частей вообще не имел красноармейских столовых. Там же, где столовые существовали, в них отсутствовало необходимое количество посуды, обеденных столов, лавок. Теснота столовых помещений не позволяла питаться всем красноармейцам одновременно. Бойцы теряли много времени в ожидании своей очереди. Бывали случаи, когда красноармейцы не успевали поесть в обеденный перерыв и уходили на занятия голодными. Нередко войны принимали пищу в казармах, в ленинских уголках, летом – на голой земле. Ответственный за питание бойцов персонал в нарушение санитарных норм носил воду в одних и тех же ведрах в столовую, в казарму для питья красноармейцам и в конюшню – лошадям. Посуда в столовой не вытиралась насухо; полотенцами нередко служили тряпки из лоскутов верхнего обмундирования красноармейцев. Отсутствие контроля со стороны командиров приводило к беспорядкам в столовой, позволяло недисциплинированным бойцам совершать «невинные шалости». Летом 1926 г. в 16-м полку (МВО) в одном из пищевых бачков с супом была обнаружена мышь. По-видимому, она была подброшена кем-то из красноармейцев в бачок уже во время раздачи пищи, а не сварена в общем котле, поскольку ее волосяной покров не был поврежден. Несмотря на этот веский аргумент, многие красноармейцы в тот день так и не смогли притронуться к пище⁴⁹.

Если проблемы питания красноармейцев в закрытой от общества казарме кое-как можно было скрыть от посторонних глаз, то непотребное *обмундирование* дефилировавших по городским улицам бойцов утаить было сложно. Видимо, поэтому Фрунзе открыто признавал недочеты по вещевому снабжению, выразившиеся в нехватке носовых платков, полотенец («утиральников») и иных «мелочей» красноармейского быта вроде портянок и подворотничков. Весной 1925 г. он отмечал, что в РККА одеялами были

обеспечены всего 60% красноармейцев⁵⁰. Многие воины укрывались одним одеялом на двоих, а чаще всего по-походному — шинелью. Белье не менялось по 2-3 недели. Сдав в стирку единственную простынь, красноармеец был вынужден несколько дней спать на голом матрасе. Из прачечной белье нередко возвращалось грязным и вшивым. «Дашь в прачечную, и ждешь целый месяц, ходишь в грязном белье, боясь разных болезней», — возмущались красноармейцы⁵¹. Большинство бойцов, в лучшем случае, имело только по одной паре портянок и полотенце, что практически исключало возможность соблюдения элементарной гигиены.

В полевых частях комплект обмундирования составлял 30-50%, обуви — 60-80%. Бойцы нередко ходили в *лаптях*. Воины 16-й дивизии (ЛВО) жаловались, что обмундирование им выдавалось только к приезду главнокома, командующего округом и по случаю революционных праздников. Красноармейская униформа была некондиционной, она не выдерживала даже минимальных сроков ношения. Поскольку дефицит обмундирования в РККА не позволял бойцу иметь второй, подменный, комплект, а возможность своевременной починки была минимальной, форменная одежда очень быстро изнашивалась. Армейские сапоги и ботинки не выдерживали 8-месячного нормативного срока ношения. У 20% молодых бойцов ботинки приходили в негодность спустя 4 месяца после их получения. При этом следует учитывать, что задержка с выдачей новой обуви составляла до полугода. Шинели, срок ношения которых истекал осенью, уже в марте превращались в тряпки. Летние шаровары оказались и того хуже: кроме того, что они были слишком малых размеров, носить их после 3 месяцев эксплуатации было невозможно. Красноармейцы стеснялись показаться на улицах в убогой униформе. Известны случаи, когда они выбрасывали изношенные шлемы («буденовки») в уборные. На флоте не хватало теплого белья, из-за чего лоцманы при сильном морозе не могли проводить иностранные суда. Между тем нечистые на руку командиры и каптенармусы сбывали на рынке новенькое обмундирование, незаконно полученное ими на несуществующих красноармейцев — новоявленных «мертвых душ»⁵². Вот лишь несколько полных драматизма строк из писем красноармейцев:

«Бойцы занимали друг у друга обмундирование, чтобы заступить в караул»; «Хожу оборванный и босой, обмундирования не дают, жалованья не получал 4 месяца»; «Стоим в лагерях, но уже холодно. Обмундирования не дают. Есть только одни грязные матрацы, и больше ничего»; «Ходим почти босиком и голые. Спим на голом полу, где блохи и вши»; «Мы находимся в плохом положении. Все распродали. У нас теперь нет ни рубашки, ни брюк. Ходим оборванные, стыдно даже погулять»; «Красноармейцы раздеты поголовно»⁵³.

В мае 1925 г. Фрунзе с гордостью докладывал делегатам III съезда Советов СССР, что у красноармейцев с 1924 г. норма оплаты установлена в 1 руб. 20 коп. по сравнению с жалованием рядового царской армии в 50 коп. Утверждая, что во Франции солдат получает 60 коп., Фрунзе пришел к выводу о том, что «рядовой красноармеец оплачивается немного выше, чем солдат любой буржуазной армии, кроме английской, где солдат является наемным, и поэтому, естественно, получает высокую заработную плату»⁵⁴. Как и в случае с питанием, эта пропаганда не имела ничего общего с реальным денежным довольствием бойцов. Спустя всего месяц после публичного выступления наркома, ПУ РККА секрет-

ным порядком докладывало в ЦК РКП(б), что повышение денежного содержания красноармейцев при одновременной отмене табачного довольствия фактически свело эту надбавку к нулю⁵⁵. Между тем, денежное содержание красных курсантов было значительно выше, чем у рядового состава, и зависело от курса обучения. Если у курсантов подготовительных классов военных школ (училищ) жалование соответствовало красноармейскому — 1 руб. 20 коп., то курсанты старших (третьих) курсов получали 3 руб. 50 коп. В военно-морских учебных заведениях размер денежного довольствия был неизмеримо выше: у первокурсников он составлял 5 руб. 50 коп., у курсантов четвертых и пятых курсов — 35 руб. 20 коп.⁵⁶

Одной из наиболее острых проблем повседневного красноармейского быта был «казарменный вопрос». Многие подразделения размещались в абсолютно непригодных для этих целей помещениях: в домах крестьян, в сырых подвалах, в бараках бывших военнопленных, требовавших ремонта и интенсивного отопления. Тем, кому «повезло» жить в казарме, приходилось ежедневно ощущать на себе тесноту, сырость, холод. Спали бойцы, как правило, на толчанах, составленных вместе, — либо втроем на двух, либо впятером — на трех. В некоторых частях воины спали на нарах, оставшихся от военнопленных. Из-за тесноты во многих казармах практически не было тумбочек, скамеек, столов, вешалок и других атрибутов армейского «уюта». Читать при тусклом электрическом свете было невозможно. К тому же освещение часто включалось только в вечернее время, а после отбоя казармы освещались керосиновыми лампами. Зимой помещения отапливались плохо, либо вообще не отапливались. Температура внутри многих казарм часто была ниже нулевой отметки, поэтому бойцы спали в шинелях. Вследствие замерзания труб красноармейцы нередко не умывались и не мыли руки по 7-10 дней — от бани до бани. В 8-й кавдивизии (ПриВО) зафиксирован вопиющий случай, когда красноармейцы за отсутствием умывальников были вынуждены умываться в писсуарах⁵⁷. Воины СиБВО в своей жалобе на имя помощника окружного прокурора описали нечеловеческие условия существования, обозначив их лаконично, но весьма красноречиво: «Живем, как в ссылке»:

«Во время вьюги в казарму заметает снег, ящики примерзают к полу, в лежухолке снег, столовая холодная, в бане лед и снег, хлеб всегда мерзлый»⁵⁸.

Медобслуживание и санитарное состояние в частях РККА были так же неудовлетворительными вследствие отсутствия медикаментов, медперсонала, бань, дезинфицирующих средств и туалетных принадлежностей. Мыло в Красной Армии являлось самым острым дефицитом. Разумеется, в таких условиях здоровье красноармейцев не могло быть нормальным. В начале 1920-х гг. самым распространенным заболеванием в армии являлась цинга, принявшая характер эпидемии, — в некоторых частях ею болело 50-75% военнослужащих. Среди красноармейцев кавалерийских подразделений распространялся сип. Во многих частях свирепствовали холера, дизентерия, желтуха, малярия, экзема, чесотка, простудные заболевания, встречались случаи возвратного и брюшного тифа⁵⁹. Что представляли собой в таких условиях медицинские учреждения в армии, видно из частного письма сотрудника военного госпиталя:

«Попал в какую-то яму. Кругом грязь, двор завален мусором, продовольственное положение ужасное. Команда разута, раздета, полуголая. Жаль смотреть на больных, белье на них грязное, ухаживать некому.

Госпиталь на 200 коек, а больных гораздо больше. Транспорт разбит, топлива, фуража нет. Лошади зимой должны подохнуть с голода»⁶⁰.

Данные надзиравших за состоянием медицинского обслуживания в РККА правоохранительных органов свидетельствуют о непрофессионализме и невнимании медперсонала к жизни и здоровью красноармейцев. В этой связи примечателен случай, происшедший с красноармейцем Гнездиловым (8-й корпус, УВО). Почувствовав себя плохо, он обратился к помощнику лекаря, который посчитал состояние больного серьезным, и направил его в госпиталь. Заподозрив язвенную болезнь, госпитальный хирург сделал Гнездилову экстренную операцию на желудке. Показательно, что операция была проведена не только без предварительного рентгенологического обследования, но и без общего наркоза (sic!). Во время операции хирург пресекал стоны и крики бойца угрозами: «Молчи, а то глотку перережу, и буду делать операцию целый день». После операции Гнездилову стало хуже, усилились боли в животе, появилась рвота с кровью. На третий день кровь уже пошла горлом. Обеспокоившийся хирург стал готовить его к повторной операции. После того, как Гнездилов отказался вторично лечь под скальпель этого горе-хирурга, ему насильно влили физиологический раствор, после чего у него появились сильные боли в руке. Хирург, испугавшись летального исхода, в конце концов, направил его в окружной госпиталь. Красноармеец пролежал там 8 месяцев, после чего был уволен с военной службы *инвалидом*⁶¹.

В РККА, как и в любой армии мира, где в казарменных условиях сосредоточено большое количество молодых мужчин, существовали сексуальные проблемы. Половое воздержание на протяжении 2-4 лет армейской службы, активно проповедуемое врачами и учеными, вряд ли было реальным для физически здоровых парней, пребывавших в наивысшей фазе сексуальной активности. Из источников известно, что среди курсантов Бакинской школы комсостава и красноаскеров Азербайджанской национальной дивизии была распространена педерастия⁶². Поскольку чаще всего бойцами практиковались случайные половые связи, самой острой проблемой для многих красноармейцев, особенно кавалеристов и моряков, были венерические заболевания. На собрании одной из партийных ячеек было решено считать венерическую опасность даже «превосходящей возможность нападения воздушного флота противника». Эта проблема была для РККА настолько актуальной, что, помимо многочисленных венерических отделений в военных госпиталях, существовали и специальные госпитали, а также около десятка особых команд и специальных рот для «венериков», расположенных преимущественно на Юге России⁶³.

Точные цифры венерических больных в РККА неизвестны, однако только в Черноморском флоте в 1924–1925 гг. на тысячу военнослужащих было зарегистрировано 113,9 заболевших венерическими болезнями. В 1925–1926 гг. эта цифра резко возросла до 154,7 человек, сохранившись такой и в 1926–1927 гг. По данным командования ВМС РККА, в царском флоте в 1913 г. этот показатель не превышал 105 человек, а в английском, германском и французском флотах даже в 1896 г. удельный вес «венериков» был ниже, чем в Черноморском флоте, и впоследствии он сократился на 50%. Даже в американском флоте, наиболее неблагополучном с этой точки зрения, количество страдавших венерическими болезнями не превышало 126 человек на тысячу военнослужащих. По данным П.Аптекаря, детально исследовавшего эту проблему, в 1927 г. от венери-

ческих болезней лечились более тысячи моряков Балтийского флота, из двух тысяч моряков-черноморцев за помощью к венерологу Севастопольского госпиталя обратились около 350 человек, а амбулаторное лечение в нем проходили более четырех с половиной тысяч моряков и более тысячи красноармейцев и командиров⁶⁴.

Количество венерических больных преобладало в крупных гарнизонах, где существовало бесчисленное множество кабаков, ресторанов, клубов с огромным «штатом» обслуживавших их проституток. В одном только Владивостоке в начале 1923 г. (до отмены «сухого закона») насчитывалось около 450 таких заведений⁶⁵. Среди заболевших было много коммунистов и комсомольцев. Анализ повседневного быта курсантов-партийцев Тифлисской пехотной командной школы показывает, что каждый четвертый курсант вступал в случайные половые связи, причем половина из них пользовалась услугами проституток⁶⁶. Многие курсанты других военных школ также не являлись примером, о чем свидетельствуют открытые строки из их писем:

«По прибытии в Петроград... я так низко пал нравственно, что даже позволяю себе пьянствовать и ходить к проституткам, и боюсь, что поймал всего хорошего»; «В общежитиях... каждый отдельно спит с женщиной (проституткой), между прочим, по сообщениям нескольких авторитетных лиц узнали, что почти 70%... больны различными венерическими болезнями, вплоть до сифилиса. Последнее обстоятельство вызывает у нас большое опасение за благополучный исход, поскольку приходится пользоваться той посудой, из которой едят и которую моют больные этими болезнями»⁶⁷.

П.Аптекарь отмечает, что на флоте вензаболевания резко возрастали осенью, после окончания летних походов. Если накануне и во время визита в Турцию в мае-июне 1928 г. крейсера «Червона Украина» и эсминцев «Петровский», «Шаумян» и «Фрунзе» не отмечалось ни одного случая вензаболевания, то по их возвращении число венерических заболеваний увеличилось вдвое. Кроме контактов с зарубежными проститутками, подобные визиты использовались моряками для привоза из-за границы различных предметов женского туалета — шелковых чулок, пудры, духов, бижутерии, являвшихся дефицитом в СССР. Желание получить эти соблазнительные вещицы повлекло за собой резкое увеличение предложения свободной любви, что, соответственно, увеличило и спрос, в том числе и со стороны наиболее сдержанной в половом отношении части краснофлотцев. Между тем, значительное число зараженных венболезнями поступало в армию во время призыва на военную службу. Ссылаясь на данные доктора М.А.Панкратова, заведовавшего венерическим отделением Кронштадтского госпиталя, П.Аптекарь отмечает, что 59% сифилитиков Черноморского и Балтийского флотов, 31% больных гонореей черноморцев и 18% балтийцев заразились до службы. Из более тысячи обследованных моряков-балтийцев 305 человек пользовались услугами проституток, причем 60% из них начали активную сексуальную жизнь в 15-18 лет, а некоторые даже в 10-11⁶⁸.

В Основах санитарно-просветительской работы в борьбе с венеризмом в РККФ заболевшим краснофлотцам предписывалось немедленно обращаться к врачу для выяснения болезни. Более того, всякий краснофлотец, имевший сношение с неизвестной женщиной, должен был «зорко следить за своими половыми органами». Венбольные до излечения на берег и в отпуск, как правило, не увольнялись. Нередко забо-

левшего моряка заставляли назвать адрес заразившей его женщины, которая ставилась на учет соответствующими органами. По предложению Военного Совета МСЧМ в 1928–1929 г. началось выселение из Севастополя проституток и вообще «носительниц половых инфекций». Вскоре подобный опыт был применен в других городах — крупных морских базах. Вводились в практику и показательные суды. В 1923 г. в Петроградском морском госпитале прошел суд над моряком, заразившем гонореей свою жену, которая по этой причине совершила суицид. Сообщалось, что суд прошел «с большим успехом», и намечалось распространение этой формы работы в других частях⁶⁹.

Флотское командование организовало на всех кораблях венпункты, в которых возвращающиеся с берега краснофлотцы имели бы возможность применить предохранительные средства. Вахтенные у трапа и дневальные по кубрикам должны были напоминать возвратившимся с берега матросам о необходимости венпрофилактики. Всякий краснофлотец, нуждавшийся в венпрофилактике, но уклонившийся от нее, должен был подвергаться дисциплинарному взысканию за непринятие предупредительных мер. Опрос заболевших краснофлотцев показал, что почти никто из них не пользовался профилактикой венболезней, поскольку эта идея была непопулярна в их среде. «Венерики» ошущали себя настоящими героями-донжуанами, исповедуя и пропагандируя среди сослуживцев принцип: «плюх моряк, который не болен триппером»⁷⁰. Зачастую, не успев как следует вылечиться, они заражались снова. Правоммерно предположить, что наличие «дурной» болезни намеренно репрезентировалось ими перед своими сослуживцами, особенно перед молодыми «салагами», как своеобразный знак маскулинной взрослости, сексуальной отваги. Принятие же мер профилактики могло лишить их возможности маркирования своего статуса «бывалого моряка».

Будни красной казармы: хронометраж повседневности

Важную информацию о повседневной жизни красноармейца можно извлечь из сведений о его бюджете времени. К сожалению, данных о том, как протекал служебный день красноармейца, сравнительно немного. Общий вывод, который можно сделать из анализа доступных источников, в основном сводится к двум пунктам: у совокупного красноармейца 1920-х гг. служебный день был очень плотным и напряженным; бойцы практически не имели возможности нормально отдохнуть. Это резко диссонирует с утверждениями А. Терне о якобы бесшабашном времяпрепровождении красноармейцев: «Служба красноармейцев не сложная: валяйся себе целый день на собственной койке, постой немного (или, вернее, посиди) в карауле, позаймись слегка гимнастическими упражнениями, да спой несколько раз в день «Интернационал». Вот, в сущности, и все несложные обязанности красноармейца в мирной обстановке»⁷¹. Даже если учесть, что это утверждение Терне относилось к РККА периода перехода от гражданской войны к мирному времени, когда армия не испытывала недостатка в количестве бойцов, оно все-таки представляется явно тенденциозным.

Рабочий день красноармейца начинался, как правило, с необычайно раннего подъема — в 5 ч. утра, иногда еще раньше. При этом официально в распорядке дня части подъем значился не ранее 6 ч. утра. Не всегда это можно объяснить только строгостью командиров. Дело в том, что во

многих казармах часы тогда были редкостью, и в 1925 г. даже в некоторых полковых школах время начала и завершения мероприятий определялось по солнцу и «на глазок»⁷². Обязательные занятия ежедневно составляли у красноармейцев не менее 8-10 ч. Неграмотным бойцам приходилось тратить дополнительно не менее часа на общеобразовательные занятия. Кроме того, почти ежедневно бойцы проводили время на «необязательных» политических занятиях — политчитках, всевозможных собраниях, клубных мероприятиях, работе в кружках и т.д. На это уходило примерно 2-3 ч. В одной из частей подсчитали, что из 30 рабочих дней ленинской палатки около 7-10 дней уходило на проведение различных собраний⁷³. С учетом различных построений, проверок, уборки помещений и территории, передвижений к местам занятий совокупное рабочее время красноармейца составляло в среднем не менее 12-13 ч., т.е. половину суток. Неудивительно поэтому, что красноармейцы некоторых частей требовали введения 8-часового рабочего дня⁷⁴.

Передко перегруженность бойцов вообще не была связана с боевой подготовкой и несением службы. Красноармейцы отрывались от боевой учебы для выполнения не свойственных им функциональных обязанностей по несению гарнизонной службы, на хозяйственные работы по уборке штабных помещений и учреждений военного ведомства, очистке стадионов перед футбольными матчами, заготовке дров, обрабатывали «барщину» на командирских огородах и в семьях комсостава. Нелегальное использование ординарцев в качестве денщиков было распространено среди многих командиров и начальников, в частности, в 5-м полку 2-й Тульской дивизии, 10-м полку 4-й Смоленской дивизии и др. В 29-й Вятской дивизии командир полка содержал даже двух денщиков; один исполнял обязанности конюха, ухаживая за двумя лошадьми командира, второй заменял домашнюю прислугу — стирал белье и готовил обед⁷⁵.

Перегруженность воинов была бы приемлемой при условии соответствующего полноценного отдыха. Однако возможности отдохнуть у красноармейца практически не было. Выходные и праздничные дни в РККА не давали красноармейцам возможности нормально отдохнуть, подготовиться к следующей рабочей неделе. Их занимали всевозможными собраниями, кружковыми занятиями, тактическими учениями. Специфика армейской повседневности состояла в том, что там было сложно обеспечить занятия «по интересам», и всех бойцов поголовно привлекали на мероприятия массового характера, чтобы обеспечить должный контроль над военнослужащими. В будние дни время отдыха даже формально не декларировалось в распорядке дня. Оно было расплывлено на протяжении всего рабочего дня под видом двухчасового обеда и одночасового ужина, более раннего окончания тактических занятий или собраний, чистки оружия, досрочного отбоя и т.д. Считалось, что красноармеец «отдыхал», простаивая в очереди за котелком, обедом и ужином. У красноармейца в течение рабочего дня не было времени не только на отдых, но и на личные дела. В этой связи представляются сомнительными некоторые показатели рабочего дня красноармейца в сравнении с солдатом царской армии, опубликованные в пропагандистских целях к 10-летию РККА. В частности, там наблюдается явное преувеличение реального времени отдыха красноармейцев, в том числе и сна, и занижение времени, отводимого на военные занятия. Пожалуй, единственно точно там представлены затраты времени на политподготовку, чем искренне гордилось командование РККА (табл. 2)⁷⁶.

Рабочий день рядового РККА 1920-х гг. и царской армии, в ч.

Мероприятия	РККА	Царская армия
Сон	8,5	8,0
Военные занятия	5,5	8,5
Самообслуживание	2,0	2,5
Послеобеденный отдых	2,0	1,5
Свободное время	1,5	3,5
Итого	19,5	24,0
Политико-просветительские занятия	4,5	—
Всего	24,0	24,0

Рабочий день красноармейцев заметно «удлинялся» обилием нарядов и караулов вследствие некомплекта личного состава. По этой причине ежедневно практически 25-50% личного состава частей задействовалось для несения караульной и внутренней службы. Нередко в караулах воины несли службу по 2-3 суток. Порой нарушались даже предельные нормативы бессменного нахождения на посту. В 95-м дивизионе войск ОГПУ в Карелии бойцы, охранявшие концлагерь, не сменялись с поста по 12 часов. Неудивительно, что при такой нагрузке красноармейцы от переутомления засыпали на посту, чаще обращались в лазареты, объясняя врачам, что они не больны, но «сильно устали»⁷⁷. Пожалуй, самым напряженным был рабочий день у красноармейцев кавалерийских частей. В среднем он на 3-4 ч. превышал служебную нагрузку в пехоте и других родах войск, что объясняется необходимостью ухода за лошадьми. К концу дня они настолько уставали, что нередко вечерние политические мероприятия отменялись. Впрочем, наиболее изворотливые красноармейцы пытались облегчить свою службу, выбирая себе лошадь темной масти, чтобы реже ее чистить⁷⁸.

У младших командиров рабочий день в среднем составлял до 15 ч., однако, в отличие от рядовых красноармейцев, у многих из них имелась возможность передохнуть в течение дня, заняться личными делами. В то время, когда рядовые бойцы находились в наряде или карауле, младшие командиры занимались политической подготовкой и повышали свой служебный уровень. У политбойцов, секретарей ротных партичек, ротных библиотекарей дополнительно к общей учебной нагрузке добавлялась занятость партийной и организационной работой, кружковая деятельность, что суммарно увеличивало ежедневную нагрузку до 16 ч. Курсанты военно-учебных заведений имели также достаточно напряженный режим дня. В окружной военно-политической школе СКВО курсант первого курса проводил на теоретических занятиях 36 ч. в неделю и 8 ч. — на строевых. На втором курсе эта нагрузка еще заметнее перераспределялась в пользу теории — 38,5 ч. и 5,5 ч., соответственно. Суммарная 44-часовая недельная нагрузка в ОВПШ дополнялась общественно-политической, партийной и комсомольской работой, которая отнимала у каждого курсанта в среднем 3 ч. ежедневного времени, а у активистов — до 5 ч. В командных училищах курсанты занимались теорией 24 ч., а на строевые занятия отводилось 20 ч. в неделю⁷⁹. О курсантской нагрузке можно судить по строкам из писем будущих красных командиров:

«У нас сейчас трудно учиться: география, геометрия, черчение, обществоведение, т.е. «Азбука коммунизма», математика и тактика, 2 часа строевых... Как встаем, так умыться, потом 1 ч. какие-нибудь уроки, потом чай, после чая идем на занятия 4 ч. по общеобразовательному, чтобы каждый красный командир был со средним образованием, а потом — 2 ч. строевых, после — 2 ч. кружковых занятий, а в 6 ч. — ужин, а после ужина 3 ч. лаборатория, это тоже занятия по общеобразовательным, а в 10 ч. вечера чай и потом поверка и спать»; «Занятия усиленные, в общем, в сутки 18 ч. на ногах, а спать 6 ч., кроме всего этого наряды, караул, так что переутомляешься до того, что днем сидишь на уроке и заснешь, а как заснул, так и наказание, пойдешь отбывать наказание, еще больше устанешь, прямо становится невыносимо»⁸⁰.

Армейский коллектив изнутри: структура и интерактивные практики

РККА была идеальной структурой для подготовки необходимых большевистской системе кадров. Наряду с тотальной коммунистической пропагандой и неусыпным политическим контролем, важным фактором такой формовки являлся воинский коллектив, в котором ежедневно пребывал красноармеец. М.Калинин как-то обмолвился о том, что «армия приучает к коллективности, к коллективной дисциплинированности», в чем он увидел значение «не только непосредственно для Красной Армии, ее боеспособности, но и для *частной* жизни отслуживших свой срок красноармейцев»⁸¹. Воинский коллектив являлся своеобразным «полуавтономным сообществом», социальной средой (*milieu*), в которой круглосуточно осуществлялось социальное взаимодействие между военнослужащими, налагавшее заметный отпечаток на мировидение и поведенческие установки красноармейцев. То, что можно было скрыть от командира и политрука, даже от родителей, нелегко было утаить от своих сослуживцев. Прочитанная книга или газета, прослушанная политбеседа могли быть не столь убедительными, как мнение бывалого бойца, казарменного авторитета. Поэтому многое зависело от того, с кем непосредственно общался красноармеец, кто входил в его ближайшее окружение, кому он больше доверял.

По мнению И.Гоффмана, во всех тотальных институтах весьма затруднено выражение своей идентичности, поэтому там сильно развита «подпольная жизнь», «неформальные отношения»⁸². В этой связи сложно реконструировать по доступным источникам повседневные интерактивные практики красноармейцев. К сожалению, сегодня известны только фрагментарные сведения о казарменной повседневности в РККА 1920-х гг. По причине их лапидарности, возможно, мы никогда не узнаем о самых потаенных сторонах жизненного мира красноармейцев, о мире «ночной» казармы, оставшейся вне командирского и партийного контроля. Тем не менее, некоторые тенденции и типичные черты красноармейской повседневности могут быть описаны с высокой степенью достоверности.

Как правило, в армии преобладают межличностные связи на основе землячества и срока призыва. Это особенно характерно для призывников из крестьян, которые по природе своей менее коммуникабельны. В первые месяцы службы им было очень важно для скорейшей адаптации к новым условиям держаться вместе со своими друзьями-земляками. Однако командование делало все для того, чтобы рассредоточить земляков по различным частям и подразделениям, которые специально комплектовались призывниками из разных губерний, по возможности раз-

ных национальностей, расквартировывались вдали от родных мест⁸³. Так было легко ими управлять, осуществлять политический контроль. Типичную для Красной Армии картину описывал в своем письме брату красноармеец-казак: «С одного хутора служит М.Ф. Он недалеко от меня, хоть он не в одной со мной части; с ним мы можем встречаться почти каждый день. Из нашей станицы и хуторов ее здесь служит много молодых казаков, но почти всех разбили по разным частям»⁸⁴. С первых дней службы коммуникативный вакуум вокруг красноармейца быстро заполнялся искусственно навязанными ему каналами общения и информации — младшим комсоставом, партийным и комсомольским активом, осведомителями особого отдела ГПУ. Молодого бойца «просвечивали» пристальные взгляды проинструктированных сослуживцев на предмет его социального происхождения, политических взглядов и убеждений, вероисповедания.

Красноармейцы из служащих, комсомольцы и партийцы, лица с высшим и средним образованием, а также москвичи, как правило, замыкались в свою «белокостную» касту и сторонились остальной массы воинов. Привыкшие к высоким жизненным стандартам, они пытались и в новой, армейской иерархии добиться себе привилегий — увольнений в город, разрешения ходить вне строя и права индивидуального посещения бани. Не желая официально выдвигаться по служебной лестнице, чтобы не быть направленными в школу командиров и не остаться на сверхсрочную службу, они стремились завоевать неформальное лидерство в армейском коллективе, претендовали на руководящую роль в казарме, выступая в роли «защитников» прав остальных новобранцев и подбывая их на проявление недовольства: «Комсостав не обедает вместе с красноармейцами; какое же это равноправие?».

Они также пытались взять верх над младшими командирами, постоянно поддевая их каверзными вопросами и откровенно насмехаясь над ними: «Сами неграмотные, а будут нас учить»; «раз они ничего не могут дать, то нечего им и подчиняться». Некоторые комсомольцы также открыто заявляли, что они прибыли «руководить массой» и что они «политически развиты больше, чем комсостав». Партийцы с первых же дней стремились все служебные вопросы, включая и дисциплинарные процедуры, выносить на партийные собрания, обосновывая это необходимостью расширения внутривартийной демократии в армии. Таким путем они пытались использовать членство в партии для получения себе привилегий по службе и нейтрализации требований командиров к ним. Военным и строевым занятиям они предпочитали политические. Были случаи, когда комсомольцы отказывались от верховой езды, объясняя это тем, что они «устали». Хозяйственные работы их также не привлекали. Вероятно, с подачи этой «знати» в одном полку на первом же собрании новобранцев прозвучало предложение «сброситься для найма помойки»⁸⁵.

В красной казарме процветал конформизм, стремление быть «как все». Чтобы не выделяться из толпы сослуживцев, красноармеец быстро привыкал к паттернам казарменного поведения — армейскому жаргону и матершине, к круговой поруке и грубым шуткам. Действовал вечный стереотип выживания: когда «бузит» рота, то нужно быть в толпе, иначе ты — «чужак», «стукач». Общинная ментальность диктовала коллективные формы поведения, в том числе и протестного. В толпе, в общей массе ответственность распределялась между всеми участниками акции, каждый из которых в отдельности оставался анонимом. Очевидно, именно поэтому в РККА были распространены массовые самовольные

отлучки и отказы от приема пищи, коллективные неповиновения⁸⁶. Не без помощи старших командиров в армии была легализована ненормативная лексика. Привлекательным был образ «настоящего» красноармейца, умевшего крепко выражаться. Даже среди красноармейцев Таманской дивизии стал приживаться мат, что было вообще несвойственно кубанским казакам. Впрочем, иногда сами красноармейцы пытались бороться с матерщиной. В 38-м кавалерийском полку бойцы установили штраф за бранные слова в размере 5 коп. После того, как они купили на собранные деньги бак для кипяченой воды, ругательства прекратились⁸⁷.

Негуманная советская действительность и специфические условия армейской казармы 1920-х гг. формировали *брутальный* тип красноармейца. Инициатива повседневной грубости и хулиганства чаще всего исходила от младших командиров, которые, в свою очередь, копировали образцы поведения со старших начальников. Резкий всплеск грубости и издевательств по отношению к рядовым бойцам наблюдается в 1924–1925 гг., когда М. Фрунзе объявил курс на ужесточение воинской дисциплины. Многие командиры, особенно *среднего* звена, поняли это превратно и требовательность стали подменять бранью и рукоприкладством. В их лексиконе красноармейцы именовались «мордами», «ослами», «свиньями», «баранами», «пастухами», «подметайлами». Дисциплинарные процедуры нередко выходили за уставные рамки. В СибВО красноармеец, обморозивший уши во время строевых занятий, попросил разрешения выйти из строя. Комвзвода ответил отказом, а после занятий несколько командиров взводов в наказание гоняли этого бойца по плацу бегом, одновременно подавая противоречивые команды: «Направо», «налево». Один командир эскадрона в СКВО обучал красноармейца правильному подходу к начальнику с таким «усердием», что в итоге довел его до слез. Другой комэск «наказывал» бойцов за неправильную посадку на лошадь не только тем, что заставлял их чистить патроны, но и принуждал красноармейцев во время отдыха ездить верхом без стремян, с уклоном вперед, до тех пор, пока они не падали на землю⁸⁸. Взводный 76-го полка ударил по лицу учителя, обратившегося к нему по служебному вопросу. Командир роты 125-го полка Федотов избивал нерадивых воинов плетью. Командир 29-го эскадрона нанес красноармейцу удар клинком шашки по голове. Не являлись примером в этом отношении и некоторые командиры полков, а также политработники. Даже некоторые краскомы «из трудового народа», воспитывавшиеся в советской военной школе, были враждебно настроены по отношению к красноармейцам и всячески демонстрировали свое превосходство над ними⁸⁹. Как жаловался в письме один красноармеец,

«Нас круто держат... Гоняют на учения и на посты, и не дают отдохнуть. Выгоняют на занятия так, что из носа и рта кровь идет. Кричат: «Беги! А то придешь, не дадим супу»⁹⁰.

Младший комсостав, вследствие плохого материального обеспечения, невысокого уровня военных и общих знаний, отсутствия навыков администрирования и педагогического такта практически не выделялся из красноармейской массы. Не имея по причине одинакового возраста с подчиненными реального авторитета над ними, младшие командиры выбирали, как правило, один из двух наиболее типичных сценариев поведения: «ассимилятивный» или «фельдфебельский».

Первый состоял в абсолютном отсутствии у отделкомов статусной идентичности, в их полной конвергенции с рядовыми красноармейцами.

Эта часть младшего комсостава негативно отнеслась к идее укрепления воинской дисциплины, увидев в этом возвращение к палочной дисциплине в старой армии, и всячески репрезентировала свою солидарность с рядовыми бойцами. Второй тип младших командиров изошрлялся в формах издевательства, пытаясь доказать свое превосходство при помощи грубого нажима и унижения подчиненных. Арго этой части младшего комсостава состояло из терминов «губа» (гауптвахта), «рябчик» (наряд), «крыть» (ругать), «греть» (наказывать), «гриб» (пост) и т.д. Их повседневный дисциплинарный язык содержал такие фразы: «Что, под гриб захотел?»; «Я буду греть так, что заду жарко станет»; «Возьмите себе рябчика»⁹¹. Они проявляли свою власть в тщательном «изучении» лошадиной уздечки или винтовки подчиненного с целью найти повод для наказания; в принуждении их приносить командирский завтрак в казарму; в лишении красноармейцев положенного чаю, в физическом или словесном оскорблении подчиненных. Как и многие командиры среднего звена, они придерживались стратегии «сжать, пока соки не потекут». За опоздание в строй красноармейцев лишали пищи со словами: «Завтра пообедаете». Младшими командирами часто произносились вербальные угрозы красноармейцам: «Я вас заставлю есть холодный завтрак»; «Если вы петь не будете, я вас в могилу загоню». Из царской армии в РККА перекочевала также фельдфебельская традиция брать у рядовых «взаимы» (разумеется, безвозвратно) деньги⁹². Сводки и обзоры полны ярких примеров фельдфебельского произвола в РККА:

«Помкомвзвода поставил на колени красноармейца за незнание материальной части винтовки»; «Три красноармейца получили по наряду за то, что они заявили, что у них вши»; «Красноармейцев заставили бегать с телами и станками пулеметов»; «Командир отделения ударил красноармейца ногой по большой ноге»; «Командир отделения Чернышев ругал подчиненных матом и получил за это благодарность»; «Командир отделения Калугин всегда дает чистить свою винтовку красноармейцам»; «Помкомвзвода во время занятий ударил хлыстом красноармейца за пререкания с ним»; «Отделком Болдырев толкнул в грудь кр-ца, который не на свое место положил конскую щетку»; «Отделком Найденев... не пустил опраться кр-ца Хонякина, и последний оправился в штаны»⁹³.

Подобные действия не только приводили к протестам, к дезертирству, избитию своих командиров или самоубийствам красноармейцев. Они формировали отталкивающий, во многом совпадавший с образом врага, образ командира в красноармейской картине мира. Вполне резонно поэтому, что самым распространенным высказыванием среди красноармейцев было примерно такое: «Когда пойдем воевать, то в первую очередь перебьем своих командиров», а некоторые добавляли, что только после этого они пойдут «драться с кем угодно за власть Советов». При этом показательно, что младшие командиры сами с трудом терпели издевательское отношение к себе со стороны старших начальников: «При такой аракеевщине нельзя оставаться на сверхсрочной службе»⁹⁴.

Казарменная субкультура в значительной степени формировалась также старослужащими красноармейцами – носителями и хранителями неформальных армейских традиций. К сожалению, доступные нам источники содержат очень лапидарную информацию об этом актуальном для современной Российской Армии вопросе. Тем не менее, в них отчетливо прослеживается тенденция репрезентации старослужащими своих привилегий перед военнослужащими более поздних призывов.

Именно с появлением в казарме новобранцев они переходили в новый статус «стариков» и начинали всячески обозначать свое превосходство над «молодыми» красноармейцами. Они переставали петь песни в строю, демонстративно ходили не в ногу⁹⁵. Желая подтвердить статус бывалых бойцов, прошедших суровые испытания, они запугивали молодых воинов тяжестью службы: «Кто будет там [в полковой школе. — А.Р.], узнает, где раки зимуют»; «Подождите, все это только цветики, а ягодки впереди»; «Подождите весны — дадут пару»⁹⁶.

Со стороны старослужащих нередкими были издевательства и глумления над новобранцами, внешне проявляемые в «шутливой» форме. Одно из них выражалось в приставании к молодому красноармейцу с задавающими самолюбие вопросами типа «слабо»: «Слабо надеть котелок с горячей кашей на голову собаке?», «слабо Ваньку облить супом?», «слабо рубаху порвать?», «слабо Петьку ударить?» и т.п. Гоголющая толпа вынуждала новобранца выполнять все прихоти заскукавших на службе бывалых воинов. Любимым занятием некоторых старослужащих был «медосмотр» новичков, принимавший обычно балаганную форму сексуальных издевательств. Облачившись в медицинские халаты и вооружившись инструментами, «старики» осматривали новобранцев, заставив их раздеться догола. Все внимание при таком «осмотре» обращалось на интимные части тела, и действие сопровождалось грубыми насмешками. Известен случай, когда подобное увеселение закончилось попыткой сделать «больному» операцию с целью лишения его возможности осуществлять дефекацию⁹⁷. Показательно, что зачастую причиной подобных «забав» была обыденная скука как групповое настроение красноармейцев.

* * *

Представленный опыт реконструкции жизненного мира красноармейца 1920-х гг. позволяет по-новому увидеть и понять образ молодого человека в Красной Армии и мир его повседневности, что очень важно для избавления от целого ряда устоявшихся мифов и стереотипов. При детальном рассмотрении казарменной повседневности красноармейца 1920-х гг. предстает перед нами вовсе не «безмолвствующим большинством», но активным участником социального взаимодействия, обладавшим приватными интересами, собственными биографическими стратегиями, индивидуальными представлениями и ценностными установками, нередко идущими вразрез с официальной политикой и ведомственными интересами армейских начальников.

¹ Под общим термином «Рабоче-крестьянская Красная Армия» (РККА) условно подразумевается *вся совокупность* Вооруженных Сил советской России, включая и флот (РККФ). В течение 1921–1924 гг. численность РККА была сокращена с 5,4 млн до 562 тыс. человек. С августа 1923 г. РККА строилась по смешанному принципу: основу ее составляли кадровые и иррегулярные (территориальные) формирования. С сентября 1925 г. всеобщая обязательная военная служба устанавливалась для всех трудящихся мужского пола с 19 до 40 лет включительно. Она складывалась из двухлетней допризывной подготовки по месту жительства или работы юношей, пятилетней действительной военной службы и последующего состояния в запасе до 40-летнего возраста. Сроки службы для рядового состава в 1922–1925 гг. составляли в пехоте и артиллерии — 1,5 года, в кавалерии и технических войсках — 2,5 года, в военно-воздушном флоте — 3,5 года и в военно-морских силах — 4,5 года. С 1925 г. армия перешла на одноразовый (осенний) призыв. С этого же момента для

- пехоты и артиллерии устанавливался срок непрерывной службы 2 года, для специалистов ВВФ и военнослужащих частей береговой обороны — 3 года, и для ВМС — 4 года. Оставшееся время до истечения пятилетнего срока действительной военной службы красноармейцы находились в долгосрочном отпуске. Для рядового состава территориальных частей устанавливался 8-12-месячный срок службы, рассчитанный на 5 лет в зависимости от рода войск.
- 2 *Иванович Ст. (Талин В.И.)* Красная армия. Париж, 1931. С. 231. Подлинное имя автора — Португейс Семен Осипович.
 - 3 *Пораделов Н.* Красная армия // Воля России. 1928. № 1. С. 133.
 - 4 *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. New York, 1961. P. XIII. К тотальным институтам, наряду с армейской казармой, Гоффман относил также тюрьму, психиатрическую лечебницу, лепрозорий, трудовой лагерь, монашеское поселение, школу-интернат, морское судно и т.д.
 - 5 На действительную военную службу в РККА призывались молодые люди, которым к 1 января (с 1925 г. — к 1 июля) года призыва исполнялся 21 год. Как правило, в среднем возраст новобранца составлял около 22,5 лет.
 - 6 Цит. по: *Хаген М.* Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 58, 59. В 1926 г. 54% должностей председателей сельсоветов и 68% председателей волисполкомов были заняты уволенными в запас красноармейцами. По неполным данным, в результате выборов 1927 г. среди председателей ВИКОВ оказалось 66,7% демобилизованных, среди членов этих комитетов — 49,9%, и среди председателей сельсоветов — 49,3% бывших красноармейцев.
 - 7 Цит. по: *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 48.
 - 8 Цит. по: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996. С. 136, 137.
 - 9 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 183. Л. 39, 66об; Оп. 85. Д. 126. Л. 20; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 50. Л. 6.
 - 10 ЦДНИКК. Ф. 12500. Оп. 1. Д. 96. Л. 13об.
 - 11 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Л. 20, 21.
 - 12 *Глан.* За правдой в СССР // Мол. гвардия. 1926. № 6. С. 159; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 953. Л. 5.
 - 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 85об.
 - 14 Красная звезда. 1925. 13 октября.
 - 15 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 181. Л. 13.
 - 16 Комсомольская правда. 1925. 2 августа.
 - 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 20; Д. 127. Л. 12об.
 - 18 *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология: Учебник. М., 1999. С. 157.
 - 19 Цит. по: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности... С.136.
 - 20 Закон об обязательной военной службе // Бюллетень Кубанского окружного исполнительного комитета. 1925. №1. С. 41, 42.
 - 21 Комплектование Красной Армии. Берлин, 1926. С. 17, 56.
 - 22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 953. Л. 17; Комплектование Красной Армии... С. 15; Красная звезда. 1925. 14 октября; *Соловьев З.* Итоги и перспективы призыва в Красную Армию // Военный вестник. 1925. № 31. С. 1, 3.
 - 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 18об; Д. 127. Л. 12об; Красная звезда. 1925. 18 октября.
 - 24 *Соловьев З.* Указ. соч. С. 5; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 953. Л. 2об. Показатели за 1927 и 1928 гг. — только по СКВО.
 - 25 Красная звезда. 1925. 14 октября.
 - 26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 20; Красная звезда. 1925. 13 октября.
 - 27 Цит. по: *Кормина Ж.В.* Рекрутская обрядность: ритуал и социально-исторический контекст // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы научной конференции. СПб., 1999. С. 43. Призывники по признаку физической годности, семейно-имущественного положения и политической благонадежности разделялись на три категории. Первая (примерно 260-270 тыс. новобранцев)

- направлялась в кадровые части, вторая (около 200 тыс. человек) — в территориальные формирования, остальные были обязаны проходить вневоенское обучение продолжительностью 6 месяцев в течение 5 лет.
- 28 *Кормина Ж.В.* Рекрутский обряд: структура и семантика (По материалам севера и северо-запада России XIX-XX вв.). Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2000. С. 2. Изменение отношения к военной службе нашло свое отражение и в армейской лексике. Красноармейцы очень обижались и возмущались, когда их называли в обиходе *солдатами*: «Какие мы солдаты? 8 лет как нет солдат. *Красноармейцы*, и хоть должность такая, а разница большущая» (Комс. правда. 1925. 17 января.). По-видимому, социальный маркер «красноармейцы» соответствовал достигнутой ими новой идентичности, которой красные воины очень дорожили.
- 29 *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (По материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика. Мужской фольклор. М., 2001. С. 149.
- 30 *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55, 56.
- 31 *Кормина Ж.В.* Рекрутский обряд... С. 11.
- 32 *Черных А.В.* Указ. соч. С. 142-144.
- 33 «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934). М., 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 479; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 546. Л. 18; Оп. 87. Д. 183. Л. 39, 66; Д. 197. Л. 61об.
- 34 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 84; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 297; Д. 953. Л. 4об. Красноармейцу по нормам переписки разрешалось только 3 бесплатных письма в месяц. Нередко эта норма урезалась до 2 писем.
- 35 *Новиков А.* Сундучковая культура // Красноармеец и краснофлотец. 1929. № 22. С. 24.
- 36 *Давыдов В.* Лицо новобранца // Военный вестник. 1927. № 2. С. 56-58.
- 37 ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 953. Л. 3, 4; Д. 200. Л. 296об. *Ряднушка* — производное от слова «рядно», обозначавшее толстый холст домашнего производства.
- 38 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200. Л. 40, 40об; Оп. 85. Д. 126. Л. 7.
- 39 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 295, 299.
- 40 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 44, 86; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 953. Л. 3об, 5.
- 41 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 285. Л. 89-93. *Шамовка* — пища.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 84; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 296об.
- 43 *Фрунзе М.В.* Красная Армия и оборона Советского Союза: Доклад на III съезде Советов СССР // *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1977. С. 358. Данные, которые приводит Е.А.Осокина, несколько разнятся с данными М.В.Фрунзе. По приводимым ею сведениям, в 1922 г. пищевая ценность красноармейского пайка составляла 3,20 ккал, в 1923 г. — 3,22 ккал, в 1930 г. — 3,61 ккал. (калорийность рабочего пайка составляла в это время всего 2,87 ккал.). К 1934 г. калорийность красноармейского пайка составила 3,72 ккал. С особой гордостью большевиками подчеркивалось, что к тому времени такой калорийности солдатского пайка не имела ни одна армия в мире (см.: *Осокина Е.А.* Снабжение общества и армии в условиях карточной системы 1928-1935 гг. М., 1993. С. 107.).
- 44 По данным Е.А.Осокиной, в 1930 г. красноармейцу полагалось в сутки 1 кг хлеба, 150 г крупы, 700 г овощей, 250 г мяса, 50 г жиров, 35 г сахара и 50 г чая. В период лагерных сборов и проведения военных маневров красноармейский паек пополнялся 100 г белого хлеба, 200 г сахара, кондитерских изделий и рыбы. Вскоре на питательности армейского пайка негативно отразились последствия массового убоя скота в ходе сплошной коллективизации. В конце 1932 г. суточная норма мясного рациона в красноармейском пайке была понижена с 250 г до 200 г, а в 1933 г. — до 175 г., между тем, красноармейцу в месяц полагалось в совокупности 4-5 кг мяса, что значительно превосходило нормы централизованного снабжения мясом других групп населения страны

- (см.: *Осокина Е.А.* Указ. соч. С. 107, 108, 111.). Для сравнения приведу ежедневный рацион солдата русской армии по нормам 1896 г.: сухарей ржаных – 716,5 г, хлеба ржаного – 1 кг, крупы – 109 г, мяса – 1 ф. (409 г), консервов мясных – 307 г, овощей свежих – 250 г, масла – 21,3 г, сахара – 12,8 г. Питательная ценность этого рациона составляла 4,2 ккал, что немного уступало калорийности рациона английского солдата, но значительно превосходило нормы питания американских и французских воинов (*Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 56.).
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 111. Л. 190; Оп. 28. Д. 30. Л. 10, 30, 53; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л.47.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 227. Л. 59, 67; Д. 655. Л. 136–139.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 182. Л. 8. По данным Отделения военной прокуратуры Верховного Суда СССР, только за август 1927 г. в частях СибВО было зарегистрировано 7 случаев массового оставления красноармейцев без пищи (2 полка оставались без пищи 16 часов); 14 случаев обнаружения в пище червей; 4 случая выдачи на обед тухлого сала; 2 факта обнаружения в пище экскрементов; 5 случаев выдачи хлеба с мышиным пометом, мышиными гнездами, окурками (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 50. Л. 9.).
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 46об–48; Д. 127. Л. 42об; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 181. Л. 3; Д. 285. Л. 39, 40, 70.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 44; Д. 127. Л. 50.
- ⁵⁰ *Фрунзе М.В.* Очередные вопросы военного дела: Речь на гарнизонном собрании в Тифлисе 15 апреля 1925 г. // *Фрунзе М.В.* Избранные произведения... С. 330.
- ⁵¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 104. Л. 10.
- ⁵² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 99; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 546. Л. 101об; Оп. 85. Д. 126. Л. 45об–46об; Оп. 87. Д. 177. Л. 80; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 177. Л. 25; Д. 285. Л. 70; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 24. Не случайно каптенармусов называли «типом нэпмана в Красной Армии», и среди красноармейцев бытовало устойчивое мнение: «Раз каптер, значит, ворует».
- ⁵³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 227. Л. 59, 60, 69; Д. 655. Л. 136, 137.
- ⁵⁴ *Фрунзе М.В.* Красная Армия и оборона... С. 359.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 111. Л. 190.
- ⁵⁶ Красная звезда. 1925. 21 января.
- ⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 43а–44об; Д. 127. Л. 42об; РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 111. Л. 190.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 6об.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 30. Л. 10, 19, 30, 53.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 138.
- ⁶¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 50. Л. 10.
- ⁶² РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 739. Л. 2. *Красноаскеры* – название красноармейцев по-азербайджански.
- ⁶³ *Аптекарь П.* Красная Армия в презервативе и без // www.fas.park.ru/16/16_polosa.htm. Впрочем, нередко именно средний медперсонал госпиталей и лазаретов был одним из очагов распространения венерических заболеваний (см.: ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 55. Л. 13.).
- ⁶⁴ «Чувствуют себя своеобразными героями» // Источник. 1997. № 5. С.66; *Аптекарь П.* Указ. соч.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 115. Л. 12.
- ⁶⁶ *Новокрещенов.* Быт партийца военной школы // Спутник политработника. 1924. № 6. С. 21.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 227. Л. 59, 67.
- ⁶⁸ *Аптекарь П.* «Вот такая вот зараза девушка моей мечты...» // Родина. 1998. № 9. С. 79, 80.
- ⁶⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 177. Л. 10об.
- ⁷⁰ *Аптекарь П.* «Вот такая вот зараза девушка моей мечты...» С. 79, 80.
- ⁷¹ *Терне А.* В царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 92.

- 72 *Военкор*. Неб. часы («Небывалые часы») // Красноармеец. 1925. № 73. С. 30.
- 73 *Шашкин А.* О красноармейском отдыхе // Военный вестник. 1925. № 36. С. 56, 57.
- 74 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200. Л. 40об.
- 75 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 126; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 111; Оп. 26. Д. 106. Л. 8.
- 76 Десять лет Красной Армии: Альбом диаграмм. М., 1928. С. 21. Начиная с 1924 г., совокупный объем политзанятий за двухлетний период службы в РККА составлял у красноармейцев кадровых частей 470 ч. В среднем из 10 ч. ежедневных занятий каждый красноармеец 4,5 ч. проводил на политподготовке. По меткому выражению С.О.Португейса, оторванный от дома и крестьянского хозяйства на 730 дней военной службы, красноармеец 402 дня учился защищать свое Отечество, а 328 дней – партию большевиков (*Иванович Ст.* Указ. соч. С. 88.).
- 77 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 172; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 178. Л. 36.
- 78 Красная звезда. 1925. 29 января; Красноармеец и краснофлотец. 1929. № 9. С. 20.
- 79 РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 106. Л. 20-22; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 294.
- 80 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 227. Л. 59.
- 81 *Калинин М.И.* Оплот рабочих и крестьян // О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1962. С. 209.
- 82 Цит. по: *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999. С. 207.
- 83 «Советская власть обречена»: Аналитический обзор 1921 г. из Архива Службы внешней разведки России // Исторический архив. 1995. № 4. С. 107.
- 84 Цит. по: *Крестная ноша: Трагедия казачества*. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934. Ростов н/Д., 1994. С. 64.
- 85 ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 292об., 297, 298; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200. Л. 40об; Оп. 85. Д. 126. Л. 85об-86об.
- 86 Подробнее о формах коллективного протеста красноармейцев см.: *Рожков А.Ю.* Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1. С. 141, 142.
- 87 РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 352. Л. 97; *Гуцев И.* Польза от воды // Красноармеец и краснофлотец. 1929. № 8. С. 19.
- 88 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 66об; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 50.
- 89 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 110, 111; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 100, 127.
- 90 РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 655. Л. 299.
- 91 Красная звезда. 1928. 27 июля.
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 126. Л. 6об; Д. 127. Л. 25об, 30об; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 42, 43.
- 93 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 66об; РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 352. Л. 87, 89; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 953. Л. 5.
- 94 РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 352. Л. 97; Оп. 28. Д. 256. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 178. Л. 36; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 42. *Аракчеевщина* – общеупотребительное обозначение режима неограниченного деспотизма, произвола и насилия (по имени графа А.А.Аракчеева, военного министра при императоре Александре I).
- 95 *Северинов Ф.* Стариковские привилегии // Красноармеец и краснофлотец. 1929. № 1. С. 32.
- 96 ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 953. Л. 5.
- 97 *Иванович Ст.* Указ. соч. С. 221. Такие «шутки» происходили не только в армейской среде. Достаточно упомянуть о нашумевшем в 1928 г. случае на ленинградском заводе «Электросила», где двое молодых рабочих, желая порезвиться, направили своему товарищу в задний проход шланг со сжатым воздухом под давлением 7 атмосфер, после чего на следующий день он умер в страшных муках. Известна также практика «прописки» в коллектив на многих предприятиях. Например, на табачных фабриках новичков насильно раздевали донага и посыпали тело табачной пылью, что нередко приводило к воспалению кожи (см.: *Н.В. Дик* Обычай // Революция и культура. 1928. № 12. С. 53, 54.).

«ИЗЛОМАННЫЕ БУНТАРИ»: ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ОФИЦЕРА В XX ВЕКЕ*

«Все армии – первые в мире. Вторая армия в мире, если таковая существовала, очутилась бы в слишком невыгодном положении; она была бы уверена, что ее разобьют. Пришлось бы тотчас ее распустить. Поэтому все армии в мире первые».

Анатоль Франс «Остров пингвинов»¹

Этот генерал родился в 1860 г. в г. Лекленде (штат Миссури). Независимый главнокомандующий, будучи на вершине народной любви, авторитета и могущества, отказавшийся баллотироваться в президенты. Человек с типично военной внешностью и очаровательной «солнечной» улыбкой, которая редко появлялась на лице после гибели семьи в пожаре 1915 г. Никудышный отец, отдавший единственного выжившего сына на воспитание брату. Преданный любовник, который, однако, даже сильно любя, не позволял к себе привязаться. Педант, удивлявший тем, что, даже будучи на отдыхе на ранчо, спускался к обеду в смокинге. В то же время была повсеместно известна его дурная привычка всюду опаздывать. Он мало интересовался типично «мужскими» увлечениями – картами, лошадьми, спортом. Его страстью была армия. Среди военных сводок не было второстепенных. Перед каблогаммой от главнокомандующего английской или французской армий он тщательно изучал данные, например, о числе задержанных пьяными американских военнослужащих. Когда он служил, у него не было друзей и учителей. Он был один.

Второй родился в 1890 г. в г. Абелин (Техас). Главнокомандующий вооруженных сил США, генерал армии, ставший президентом страны. Как и первый, доставлял массу трудностей для карикатуристов – практически невозможно было нарисовать на него шарж. Многие не могли устоять перед его улыбкой. Прекрасный муж, всю жизнь поминавший умершего трехлетнего сына и заботившийся об остальных своих детях. Обожал футбол, гольф, верховую езду, ежедневно выкуривал по две пачки сигарет «Кэмел». Типичный штабист, более двадцати лет ждавший шанса объясниться за неучастие в боевых действиях в Великой войне. Не признавал риска в планировании операций, предпочитая упустить шанс на победу, чем надеяться на удачу. Его учителем был генерал Фокс Коннер, а другом – генерал Джордж Паттон.

Третий родился в 1934 г. в Нью-Джерси. Потомственный военный, чей отец стал известен в связи с делом Линдберга и с которым с малых лет побывал в Иране, Швейцарии, Италии, Германии. Дослужился до полного, генерала. Он так и ушел бы на пенсию «широко известным в узких кругах», если бы не поворот политических событий и не его характер. Теоретическая и практическая подготовка помогли реализовать мечту: отвернуть армию от унижения, которое она получила во Вьетнаме. Его ненавидели за то, что он всегда старался добиться большего и был чрезвычайно требовательным, за

* Выполнено при поддержке гранта МО Б / 15-02.

то, что не стеснялся быть «слишком умным». Помня о матери-алкоголичке, он женился только в 34 года, но семья так и осталась для него на втором плане. Он действительно был умным, чтобы не комплексовать по поводу своего огромного роста, избыточного веса и тех прозвищ, которые ему давали всю жизнь. И добился — вместо типичного «медведь» его последним прозвищем было «Штурмовик Норман».

Джон Джозеф Першинг, Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, Герберт Норман Шварцкопф. Разные люди, разные поколения, разные судьбы. Общая профессия — все они офицеры американской армии 20 века. Насколько можно сохранить свою особенность в современных вооруженных силах, которые по определению основаны на унификации, дисциплине и подчинении?

Проблема взаимодействия человека и мира, проявления человеческой индивидуальности в истории — достаточно разработанная, но до сих пор спорная проблема философии, психологии, истории, других гуманитарных наук².

Индивидуальность — это характеристика особого мышления, чувствования и поведения человека. Она объемлет настроение, отношение, мнение человека и в большинстве случаев проявляется в отношениях с другими людьми. Это такие поведенческие характеристики, врожденные и приобретенные, которые отличают каждого индивида в отношениях с окружающим миром и в социальной группе³. Таким образом, индивидуальность определяется как главная характеристика взаимодействия двух систем, в которых существует человек: онтологической и «инобытия»⁴. Если ведущая роль в этих взаимоотношениях отводится онтологическому статусу человека, то индивидуальность подавляется; в противном случае индивидуальность как система покрывает онтологические сущности. В процессе взаимодействия онтология — «инобытие» индивидуальность вступает в противодействие со многими факторами, главными из которых являются следующие: требования общества, требования профессии, жизненные установки внешней самореализации, страх быть не принятым, изгнанным.

Офицерский корпус американской регулярной армии как формализованный и малый по размеру социальный институт служит хорошим объектом для изучения способов и методов создания «модульного»⁵ человека, возможных проявлений противостояния этому и ответных реакций на проявление индивидуальности.

После долгих лет экспериментирования, американцы пришли к тому же результату, что и в других странах, — чтобы создать первую в мире армию, надо воспитать идеального солдата. Но между условиями существования армии и в армии США и амбициями поступавших в нее постоянно возникали серьезные противоречия.

Мотивы выбора военной службы не сильно трансформировались в течение XX века:

— *Традиционно — получение хорошего бесплатного образования.* В воспоминаниях, мемуарах, биографиях военных часто подчеркивается, что выбор Вест-Пойнта был обусловлен отсутствием денег для получения образования в гражданском университете, и большинство из них не помышляли о продолжении военной карьеры, если бы не обстоятельства⁶. Большая часть выпускников Вест-Пойнта заканчивала свою карьеру во

главе различных корпораций, прежде всего, технических или инженерных, потому что те знания, которые давались в военной академии, были великолепны⁷. Во время Второй мировой войны президенты колледжей и университетов США на конференции в Балтиморе приняли решение предоставлять кредиты на обучение отслужившим в армии⁸. В 1980-х в армии началась реализация двух программ — «Фонд армейского колледжа» и «Фонд армейского колледжа плюс», которые предлагали от 17 до 23 тысяч долларов на обучение в обмен на 2-4 года службы в армии⁹. То есть получение офицерского звания рассматривалось как более дешевый и быстрый шаг в гражданской профессиональной карьере.

— *Продолжение семейной традиции, амбиции достижения генеральских высот как доказательство «избранности».* В этом случае, зачастую, большое влияние оказывали члены семьи. Д.Макартур, например, «проталкивался» в военное училище своей матерью, очень амбициозной женщиной. К той же группе можно отнести Дж.Паттона, С.Волкера, Р.Грюнтера, Дж.Эйзенхауэра, Ч.Бонестила, Дж.Стилвела, Дж.Маршалла, Б.Миллера (который представлял шестое поколение окончивших Вест-Пойнт), Першингов (внуков главкома Первой мировой войны) и др. Не в самые лучшие для американской армии 1970-е годы примерно у 25% кадетов военных училищ отцы были военными¹⁰.

— *Авантюризм.* Эти люди не имели регулярного военного образования, а становились офицерами в результате участия в военных действиях. Они поступали добровольцами в армию, начиная, чаще всего, с иностранной (канадской, французской, в том числе с Иностранного легиона), а затем, после вступления в войну США, переходили в американскую. Или, будучи призванными из национальной гвардии, оставались в регулярных войсках как более отвечающих цели реализации их характера. Таковы, например, добровольцы американской военной полевой службы «Друзья Франции» периода Первой и Второй мировых войн, летчики эскадрильи Лафайета, американские добровольцы королевских ВВС¹¹. Известный американский поэт Алан Сигер стал символом американского военного романтизма Первой мировой войны; известный танцор Вернон Касл, восхищавший зрелишными полетами; актер Дуглас Фэрбанкс младший, которому надоели упреки, что он призывает вступить во Вторую мировую войну, а сам ни разу не надел форму, поступает первым лейтенантом американского ВМФ; погибший в 26 лет в Европе в 1916 г. архитектор Виктор Чепмен; список может быть многократно продолжен.

Итак, разнообразие мотивов выбора военной профессии, разный социальный состав изначально определяли сложность создания эффективных вооруженных сил.

Чтобы за короткое время превратить нормального, здорового человека в «идеального солдата», такого, у которого между получением команды и ее исполнением практически нет «внутренней обработки» — она исполняется мгновенно, — надо «сломать» в нем характер, сформированный до армии, лишить его индивидуальности. Существует множество способов для достижения такого результата, они известны давно и успешно применяются во всех закрытых иерархических социальных группах, таких как секта, монастырь, концлагерь, тюрьма или армия:

1) Прививание взрослому «психологии ребенка», что выражается в малейшей регламентации повседневной жизни, регулировании поведения, доведении его до автоматизма, заставляя постоянно ощущать себя ни за что не ответственным и в то же время постоянно виноватым. Особенно большое значение в этом смысле имеют мелкие обязательства — в американской армии огромное количество уставов с мельчайшей регламентацией военной жизни, которые совершенно не адекватны реальной жизни. Например, двадцатилетний лейтенант Оди Мерфи стал знаменитым после того, как, нарушив приказ, в одиночку захватил высоту и взял в плен много немцев. До начала операции его резко критиковали за то, что он ударил рядового. Как признавался О.Мерфи, «чертовски трудно было соблюдать уставы»¹². Бывали и обратные ситуации. В Корее, только что закончивший обучение и наизусть помнивший устав «Военный этикет и дисциплина», второй лейтенант Ральф Хокли несколько минут вспоминал, как его учили реагировать на случаи, когда подчиненные в боевой обстановке не соблюдают субординацию и в грубой форме просят не вмешиваться¹³. В казармах и лагерях поддерживается очень строгий порядок, особенное, преувеличенное внимание уделяется чистоте — все время проверяют чистоту рук, ушей, шеи¹⁴. Это не обсуждается — бессмысленно, но так надо. У Черчилль, сам выпускник британского военного училища в Сандхерсте, будучи в Вест-Пойнте проездом на Кубу в конце XIX в., писал своему брату, что поражен строгостью дисциплины, сходной с тюремной: "Молодые люди, которым отказано в личной свободе до такой степени, не могут стать хорошими гражданами и солдатами", — таково было его заключение. Лютеранин, капеллан военной академии в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Джеймс Форд называл Вест-Пойнт «прекрасным гетто»¹⁵. В результате, как только человек автоматически начинает подчиняться требованиям, его представление о себе становится таким, каким нужно для армейской системы.

2) Коллективная ответственность — этот метод хорош тем, что заставляет самих военных следить, чтобы все было в полном порядке, тем самым делая интересы командования своими. «Дедовщина» эволюционировала от той, к какой привыкли в любой армии, до официально закрепленной системы. Более того, некоторые элементы дедовщины, например, в Вест-Пойнте, возведены в ранг «традиции»: посвящение в пойнтеры, отношения между старшими курсами и племсом. Поддерживается «фон террора»: время от времени на глазах у военных кого-то наказывают, за провинность одного отвечает вся часть, назначают унизительные задания¹⁶.

3) Отсутствие информации. Информация — это не просто удобство, это возможность самостоятельно оценить ситуацию, это какое-то право. Объективное требование секретности в существовании вооруженных сил, в армии США приобретало новый специфический характер, так как противоречило Конституции (ст. 1 Билля о Правах). Полусекретность военной информации, ее дозированность, деятельность служб пропаганды и активность корреспондентов служили причиной различных слухов. Например, как вспоминал первый лейтенант Роберт Бон: «Первое, что я помню, это рассказы наших военных, которые, как потом оказалось, не бывали дальше Пуссена. Эти толстые лейтенанты рассказывали ужасные истории. И хотя они вралы, не ведая, о чем говорят,

напугать они нас напугали. Мы все начали думать, что северокорейцы десяти футов роста»¹⁷. Общим местом было незнание ситуации в тех странах, где воевала армия США¹⁸. Даже простое неумение пользоваться картами и, зачастую, их отсутствие дезориентировало «профессиональных военных», делало их беспомощными¹⁹. Соответственно, внедрялось мнение, что тот, кто знает, тот и командует, кто не знает и не хочет умирать, тот должен подчиняться.

4) Создание экстремальных физических условий. Так, хроническое недоедание заставляет человека все время думать о еде. Как вспоминал один из солдат на Батане, прибыв туда, первоначально говорили о спиртном и женщинах. Но вскоре основной темой стала еда — о ней стали не просто мечтать, но и фантазировать. При этом никаких перебоев в поставках продуктов питания из Америки не было — только они застревали, как обычно, «в обозах»²⁰.

В полном объеме такая форма создания «идеального солдата» нашла свою реализацию в подготовке рейнджеров²¹. В полевом уставе FM-7-85 «Операции малых (от отделения до роты) подразделений рейнджеров» прямо изложено все то, о чем сказано выше, — от регламентации жизни для доведения ее до автоматизма до вопросов информации. Другое дело, что все демагогически объясняется необходимостью надлежащего исполнения гражданского долга, присяги, защиты страны, и ни слова не говорится о целях и последствиях формирования «американского солдата»²². В современной армии обращает на себя внимание в этом смысле два основных момента: во-первых, большое количество военных, стремящихся попасть в спецвойска, — это позволяет обеспечить более легкую карьеру, по определению считаться элитой. То есть происходит сознательное «запирание» своей индивидуальности. Полное нивелирование усиливается практически абсолютной внешней унификацией: стригут наголо, все в камуфляже, никаких знаков различия. При подготовке сознательно вводятся моменты крайних физических трудностей — хроническое недосыпание, недоедание при значительных физических нагрузках. За малейшим несоответствием следует моментальное отчисление. И второй момент: огромная роль в подготовке рейнджеров принадлежит психологам. Ибо настолько кардинально происходит ломка личности, индивидуальных черт, что это чревато рецидивами от неконтролируемого поведения до сумасшествия.

То есть для военного становится реальным только то, что происходит внутри гарнизона. Все воспоминания о семье, близких, о нормальной прошлой жизни подавляются, и военный как бы «застревает» в своих гражданских воспоминаниях. Это находит свое отражение в так называемом посттравматическом синдроме, ощущении себя «потерянным поколением», различных неврозах.

Неврозы, вполне понятные в боевой ситуации, количественно возрастали после окончания боевых действий. Возможным объяснением мог быть отложенный характер реакции, но, как отмечают военные психиатры, психозы проявляются в той или иной мере сразу. И если их не было изначально (не обнаружилось ни в чем), то и в дальнейшем проявиться не могут. Скорее речь идет о реадaptации быстро «изломанных» в первоначальное состояние, в то социально-психологическое положение

ние, к которому они привыкли с детства. В первую мировую войну из-за, главным образом, кратковременности участия войск в войне, не было причин для проявления так называемой «ностальгической реакции». Однако в Третьей Армии США, оставшейся в Германии в качестве войск оккупации, уровень психопатии возрос до 36% от общего количества психических заболеваний²³. Также в несколько раз возрастают случаи заболевания венерическими болезнями и алкоголизм, как следствие попыток уйти от действительности. Например, после подписания перемирия с Кореей (1953 г.) количество венерических заболеваний возросло на 50%²⁴.

«Запирание» индивидуальности и невозможность ее проявления служило основой для более серьезных психических расстройств. Так, полковник медицинской службы, психиатр, который был на действительной службе во Вьетнаме, полковник Франклин Джонс описывал случай с 32-летним штабным сержантом. Последний был задержан военным патрулем — сержант ничего не помнил. После лечения выяснилось, что праведный, регулярно посещающий церковную службу, женатый, непьющий сержант «снял» проститутку, пропил месячное жалованье и вообще вел себя «непотребным образом». Амнезия защищала его сознание от «ужаса» содеянного. Или другой пример: 45-летний полевой офицер доставлен в госпиталь в Северной Африке с диагнозом «истерическая кривошея». Как выяснилось потом, начал дергать головой после суда, на котором был наказан за торговлю на «черном рынке», — этим движением символически стремился освободиться от проблемы²⁵.

Итак, система подготовки профессиональных военных в армии США не отличалась от таковой в других армиях, но имела ряд специфических черт, которые были связаны с особыми характеристиками американских вооруженных сил. К особенностям американской армии относятся: достаточно позднее ее формирование на специфической основе (так называемое всеобщее вооружение народа, невнимание к регулярной армии и акцент на национальную гвардию, вторая поправка к Конституции о хранении и ношении оружия передает обязанность защиты в руки самих граждан без апелляции к профессиональным вооруженным силам); очень слабое чиновничество из-за малочисленности вооруженных сил; большая диспропорция в отношении государства и общества к ВМФ и сухопутной армии; быстрое техническое оснащение американской армии; отрыв профессиональной армии от гражданского населения в силу дислокации, главным образом, в отдаленных гарнизонах или за границей; быстрая эволюция в сторону распада традиционной армии и превращения ее в совокупность отрядов специального назначения.

Достаточно долгое время индивидуальность может скрываться и не проявляется вовне. В качестве факторов, катализирующих проявление особенностей личности, можно выделить следующие:

1. **Объективные:** время и обстоятельства, наиболее благоприятствующие проявлению индивидуальности. Как свидетельствует история армии США, время — военное или мирное — влияет лишь на форму проявления индивидуальности. На театре военных действий США характерно то, что американцы очень bestолково ведут войну. Создается впечатление, будто никто поначалу не знает, зачем здесь войска, куда

идти, кто командует. У военных складывается мнение, что только их часть удерживает фронт, только их часть сражается²⁶. То есть нет никакого внимания и, что особенно важно, контроля сверху, со стороны командования. Поэтому как среди офицеров, так и среди солдат начинают выделяться «индивидуальности», выражающиеся либо в девиантном поведении, либо в героизме. В рутине ежедневной военной службы в мирное время индивидуализм проявляется либо в двойной жизни (тихие алкоголики, например), либо в бунтарстве — пренебрежение своими обязанностями, нарушения дисциплины. Особо стоит отметить время появления новшеств в вооруженных силах: будь то новое вооружение и техника (самолеты, «базуки», танки, биологическое, психотронное оружие), — выступления за или против, использование оружия как повод выразить себя; или новая система комплектования или взаимоотношений в ВС (эксперимент Виллара, изменение отношения к разным нациям и расам, создание спецвойск, женская служба).

2. **Субъективные:** возрастные кризисы (кризис 30-летнего возраста) и склад характера. Американская армия 20 века характеризовалась нестабильностью: трижды ее размеры возрастали в среднем в 7-10 раз и так же сокращались (мировые войны, вьетнамская война). Обращает внимание тот факт, что Первая, Вторая мировые войны и вьетнамская войны приходились каждый раз на новое поколение: основную массу офицеров Первой мировой составляли военные в возрасте 30 лет, Второй мировой — 29, вьетнамской — 26²⁷. Карьера молодых офицеров напрямую зависела от удачи и умения воспользоваться ситуацией: проявить себя или, напротив, явить образец идеального беспрекословного военного. Тем более, что в малочисленной регулярной армии при ее резком увеличении именно профессиональным военным предоставлялась возможность сразу получить звания старшего офицерского состава. Многие в выборе зависело от склада характера. В этом случае немалое значение имели система воспитания будущего офицера в семье, его ситуация в детстве в целом; многое зависело от окружения. Военный корреспондент во Второй мировой войне Л.Хаббард, побывав в войсках, выделил следующие типы мотивов активной агрессивной деятельности: убить как можно больше японцев, потому что соседский парень тоже пошел на войну и нельзя позволить ему опередить себя стать героем; у кого погибли родственники или знакомые в Перл-Харборе, — следовательно, надо было «заткнуть японцам глотку»; кого-то всегда называли ни на что не годным, поэтому теперь он хотел доказать, что на что-то годен²⁸. Как видно, семейно-родственные отношения продолжали оказывать большое влияние на мотивацию поступков, придавая им индивидуалистический характер.

Противодействовать подчинению индивидуальности внешним нивелирующим требованиям в американской армии пробовали двумя способами: открытым и скрытым, что, возможно, зависело от психологического типа личности — экстраверт или интроверт.

— *Внешнее отличие, несмотря на требование унификации.* Американская военная форма предполагает различные мундиры — парадные, полевые, спенсеры, для обедов с гражданскими лицами и другая — с военными, для службы в разных частях мира. В справочнике «Путеводитель

для офицера» показаны около пятнадцати различных вариантов военной формы²⁹. Нашивки, определяющие статус и принадлежность к той или иной части, многообразны, разноцветны и кажется, что все их запомнить невозможно. Они стоили настолько дорого, что порой в 2-3 раза превышали стоимость самого мундира. Особенно это было заметно, если форма шилась где-нибудь на Филиппинах, — очень дешево, а то и задаром. Но шевроны надо было покупать в США, и обходились они дорого в сравнении с небольшим жалованием второго лейтенанта³⁰.

В Первую мировую войну началась работа пропагандистской машины по созданию образов военнослужащего. Никогда военного не изображали карикатурно (эту роль исполнял дядя Сэм), истинным американцем считался одетый в форму мужчины: высокий, спортивный, чистый и аккуратный. Во Вторую мировую к процессу создания имиджа подключился кинематограф³¹. Истинный американец — высокий стройный блондин, классический красавец, которого любит идеальная женщина и у которого есть все. Если речь заходила о военной службе, то, в соответствии с выбранным идеалом, практически все военнослужащие представлялись летчиками. При этом просто по определению считалось, что они все офицеры. Если же по какой-то причине военный попадал в другой род войск, то для своих невест никто не был рядовым или сержантом. Все — офицеры, сверкающие серебряными (95 пробы) нашивками³².

Но так как все это является официально разрешенным, то выделиться можно, лишь отвергнув предложенное и введя свое. Так, в Первую мировую войну серьезным вопросом стал «ремень Сэма Брауна», который носили военные, служившие в Европе. Эта сама по себе новинка дополнялась цепочками, чехольчиками, надписями и т.п.³³ Во время войны во Вьетнаме военные нарушали устав формы как никогда часто. Надписи на касках, панاماх и рукавах, банданы, ботинки с заклепками и каблуки, обитые консервной жестью, и т.п. Командующий американскими вооруженными силами во Вьетнаме в 1968—1972 гг. генерал К.Абрамс вынужден был издать специальный приказ с напоминанием о том, для чего предназначена военная форма и головные уборы в частности³⁴. Д.Макартур в молодые годы поверх формы носил длинный шарф, который связала его мама, а генералом запомнился в темных очках и с кукурузной трубкой в зубах. У.Вестморленд в воспоминаниях в качестве особой своей заслуги и демократичности рассматривает так называемую «причесочную политику»: в те дни длинные волосы были стилем жизни, символом времени, эмоциональным выражением, а короткие — знак дисциплинированности. Так «прогрессивный» начальник штаба Вестморленд разрешил военным носить более длинные, чем обычно, волосы как знак «реформы в армии»³⁵.

— Создать вокруг себя область автономного поведения, с границей, которую ни при каких условиях нельзя переступать, внутри которой можно самостоятельно совершать поступки и нести за них ответственность, делать то, что делать не заставляют, но что позволяет не слиться с общей массой и чувствовать себя особым человеком. Одним из способов сохранения собственного мира становятся хобби. Например, профессор химии и электричества в Вест-Пойнте, вирджинец 182-сантиметрового роста пол-

ковник П. Вирт Робинсон увлекался птичками, написал «Летное путешествие в тропики». Напечатал 29 огромных томов по естественной истории региона Вест-Пойнта, сам их проиллюстрировал³⁶. Генерала Дж. Паттона считали настоящим военным лидером. Сведения о его эксцентричности стали особенно распространенными, когда на его нашивках появились дубовые листья. Он всячески старался подчеркнуть принадлежность к военной элите. Его адъютанты были удивительно хорошо подготовлены для случаев неожиданного повышения в чине еще до официального утверждения в Сенате: Паттон прикреплял новые звезды на форму, на машину и именовался по-новому. По мнению О. Брэдли, «если бы Паттона сделали, например, адмиралом турецкого флота, его адъютанты нырнули бы в свои мешки и вынырнули оттуда с соответствующими знаками различия»³⁷. Речь генерала была смесью непристойностей и солдатского юмора. Он считал неприличную брань самым лучшим средством общения с солдатами, принимал напыщенный вид и сыпал угрозами, что было обидным, некоторые военные отказывались служить вместе с ним. Но в этом сохранялась индивидуальность генерала, который позволял себе не соблюдать внутренние правила армейской игры³⁸. Интересно также то, что, будучи потомственным военным, он изучал не только историю своей семьи, а также считался специалистом по истории гражданской войны, специализировался на историях героев Ветхого завета

Областью, изначально считающейся интимной для протестантского большинства американцев и личным делом для других деноминаций, является вера и религия. Но капелланы никогда не пользовались популярностью в американской армии. Одна из причин заключается в том, что военные стремились уйти от официальной регламентации, и стало модным быть суеверным. Выражением особого отношения с потусторонним миром были амулеты.

Амулеты или талисманы достаточно распространены в армии, трудно помыслить боевого военного без вещицы, «охраняющей» его. У Верховного главнокомандующего союзническими войсками в Европе Д. Эйзенхауэра был «счастливый» набор из 7 монет, которые он натирал перед серьезными операциями³⁹. Амулетом могли быть цепочка от часов, медальон, значок св. Кристофора, пуля, которая ранила, вещи, которые уберегли военного в прошлом. Американские военные обожали в качестве оберега носить шарфы, которые не стирались многими месяцами. Во Вторую мировую как талисман использовали женское белье — бюстгалтеры, шелковые или нейлоновые чулки, трусики. Вера в силу символов переходила от слова (хотя оно сохранялось) к цифре. Американцы верили, что если вернулись живыми и невредимыми из пяти операций, то обязательно удача будет сопутствовать и в последующие 25, 30 или 50. Во время американских налетов пленные, находившиеся у японцев, верили, что если успеешь досчитать до 16, то можно успокоиться, — в этот раз смерть от своего снаряда тебе не грозит⁴⁰. Генерал О. Брэдли более 30 лет не расставался с 11,43-миллиметровым кольцом; зам. командира 1-й пехотной дивизии бригадный генерал Теодор Рузвельт (мл.) — смелый, задорный человек небольшого роста, появлялся в войсках с тросточкой в руках⁴¹.

Таким образом, сохранение и проявление индивидуальных черт характера, которые противоречили предписываемым военной системой нормам и правилам, были попыткой сохранить свою идентичность, «инобытие», ответом на социально-психологическое давление со стороны государства.

Итак, изменение американского общества и государственной политики США в XX веке требовали от военной системы более тонкой и в то же время более жесткой политики в создании боеспособных вооруженных сил. Опыт массовой армии, помимо прочего, чреват был множественными проявлениями индивидуального поведения, противоречащего воинской дисциплине. Подавление индивидуальности в спец. войсках и профессиональной армии имеет результатом глубокие психические изменения военнослужащих, носящие зачастую болезненный характер. Реакция на первую ситуацию имеет социальный характер, тогда как во втором случае в большей степени приобретает медицинское значение.

¹ Франс А. Остров пингвинов. М., 1956. С. 139.

² Кэган М.С., Эткинд А.М. Индивидуальность как объективная и субъективная реальность // Вопросы психологии. 1989. № 4; Купер К. Индивидуальные различия. М., 2000; Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М., 1993; Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб, 1999; Небылицын В.Д. Проблемы психологии индивидуальности. М., 2000; Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий; Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990; Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986; Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996; работы Б.Г.Ананьева, В.С.Мерлина.

³ British Encyclopaedia.

⁴ Под «инобытием» понимается форма существования человека, когда он оставляет какие-то собственные следы, отпечатки в других людях, предметах, вещах, произведениях искусства и т.п. (Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М., 1993).

⁵ Термин введен профессором Э.Геллнером и обозначает человека, способного «встраиваться» в эффективные институты и ассоциации, готового к любым переменам и способного в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи.

⁶ См., например: *Pershing J.J. My Experiences in the World War.* N.Y., 1931. Vol. 1. P. 3; *Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент.* М., 1993. С. 13-14.

⁷ *Biderman A. Where do they go from here? – Retired Military in America* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1973. March. P. 151-152.

⁸ *A War Policy for American Schools.* Wash., 1942. P. 46.

⁹ *The Whirlwind War: The US Army in Operations 'Desert Shield' and 'Desert Storm'.* Ed. F.Schubert. Washington, 1995. P. 207-208, 215.

¹⁰ *Janowitz M. The Social Demography of the All-Volunteer Armed Force* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1973. March. P. 90.

¹¹ *History of the American Field Service «Friends of France».* 1914-1914. Told by its Members. Boston, 1920; *Muir P. War Without Music.* N.Y., 1940.

¹² «American captures hill single-handed» South France, 15 August, 1944 / in: *World War II: Day by Day.* Senior Editor E.Buntig. London, etc., 2001. P. 553.

¹³ Сделав замечание радисту, в ответ услышал: «Go fuck yourself, Lieutenant» / *Кнох D. The Korean War: Pusan to Chosin. The Oral History.* N.Y., 1985. P. 80. Или мнение подполковника Э.Браша о маневрах национальной гвардии в Огайо в 1906 г. – «сыр не соответствует требованиям медицинской свежести, мясо хорошее, но с прожилками, а чистота белья на кухне не соответствует требуемой уставами». (*LtCol Edmund Cone Brush. The Medical Phases of the Maneuvers of the Ohio NG in 1906* // *The Military Surgeon.* 1907. Vol. XX. P. 304).

- ¹⁴ Letters from the Front. 1898–1945. Ed. by M. Stevens. Wisconsin, 1992. P. 78-79.
- ¹⁵ *Just, Ward*. Military men. N.Y., 1970. P. 45.
- ¹⁶ New York Sun. 1899. 20 August; *Hunt F.* The Untold History of Douglas MacArthur. N.Y., 1954. P. 19-21; *Eisenhower D.* At Ease: Stories I Tell to Friends. Garden City, 1967. P. 5-8, 18; *Reeder R.* Op. cit. P. 39; *Westmoreland W.* A Soldier Reports. Garden City, 1976. P. 297-298.
- ¹⁷ *Knox D.* Op. cit. P. 87;
- ¹⁸ *Harbord J.* America in the World War. Boston, 1933. P. 193-195; America: An Illustrated Diary of its Most Exciting Years. Book 2. Liberty Library Corporation, 1973. P. 36; *Luce D., Sommer J.* Viet Nam. The Unheard Voices. Ithaca, 1969. P. 203, 204; *Knox D.* Op. cit. P. 18.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4280. Л. 14; *Williamson P.B.* Patton's Principles: A Handbook for Managers Who Mean It! N.Y., 1979. P. 7; *Knox, D.* Op. cit. P. 18; *Means H.* Colin Powell: Soldier-statesman, Statesman-soldier. N.Y., 1992. P. 115-116.
- ²⁰ *Fussell P.* Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War. N.Y., 1989. P. 199.
- ²¹ *Cohen E.A.* Commandos and Politicians. Elite Military Units in Modern Democracies. Harvard, 1978. P. 17-18, 25; *Богдан Б.* Курсы рейнджеров в СВ США // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 2. С. 16-23.
- ²² Хотя еще в 1961 г. Дж. Кеннеди, выступая с речью и давая оценку созданию спец. войск, считал, что именно они спасли США в годы холодной войны, которую называл «война партизан, подрывников, мятежников, убийц, ... война из засад вместо обычных действий» (*Sorensen T.* Kennedy. N.Y., 1965; *Богдан Б.* Указ. соч.).
- ²³ War psychiatry. By Jones F., et. al. Wash., 1995. P. 68.
- ²⁴ *Ibid.* P. 69.
- ²⁵ *Ibid.* P. 52, 397.
- ²⁶ *Knox.* Op. cit. P. 80; *Glasser R.J.* 365 Days. N.Y., 1971. P. 181-183.
- ²⁷ С поправкой на акселерацию, социально-психологический возраст примерно одинаковый.
- ²⁸ America: An Illustrated Dairy of Its Most Exciting Years. Wash., 1973. P. 39.
- ²⁹ The Officer's Guide. Harrisburg, 1943. P. 137-187.
- ³⁰ Diary of Earl O. Hallgren. January 24, 1941 – April 16, 1941.
- ³¹ *Doherty T.* Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II. N.Y., 1993.
- ³² *Fussell P.* Op. cit. P. 127.
- ³³ *Baker N.D.* America at War. By Frederic Palmer. N.Y., 1931. Vol. 2. P. 410; *Smythe D.* Pershing: General of the Armies. Bloomington, 1986. P. 93.
- ³⁴ Offerings at the Wall: Artifacts from the Vietnam Veterans Memorial Collection. Atlanta, 1995. P. 206-207
- ³⁵ *Westmoreland W.* A Soldier Report. Garden City, N.Y., 1976. P. 371.
- ³⁶ *Reeder R.* Heroes and Leaders of West Point. N.Y., 1970. P. 87.
- ³⁷ *Брэдли О.* История солдата. М., 2002. С. 66.
- ³⁸ *Williamson P.* Patton's Principles: A Handbook for Managers Who Mean It! N.Y., 1979. P. 17, 23; *Holt T.* «Relax – Its Only a Maneuver» // The Quarterly Journal of Military History. 1992. Vol. 4. N 2. P. 33.
- ³⁹ *Fussell P.* Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War. N.Y., 1989. P. 49.
- ⁴⁰ *Knox D.* Death March: The Survivors of Bataan. N.Y., 1981. P. 431.
- ⁴¹ *Брэдли О.* История солдата. М., 2002. С. 137-138.

ПСИХОЛОГИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА, ВОЕННОГО ИСКУССТВА И КОМАНДОВАНИЯ

В. В. Серебрянников

ВЕЛИКИЕ ВОИТЕЛИ РАЗНЫХ ЭПОХ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА

Под великими воителями понимается тип военно-политических и государственных деятелей, являющихся родоначальниками идей и планов, а также предводителями войн за завоевание мирового господства. Выявление генезиса, специфических особенностей, сходных качеств и характеристик деятелей данного типа углубляет знание закономерностей возникновения крупнейших войн, природы человеческой воинственности вообще, ее большего проявления у западных народов по сравнению с народами Востока (Китай, Индия, Россия и т.д.).

1. Скачки воинственности

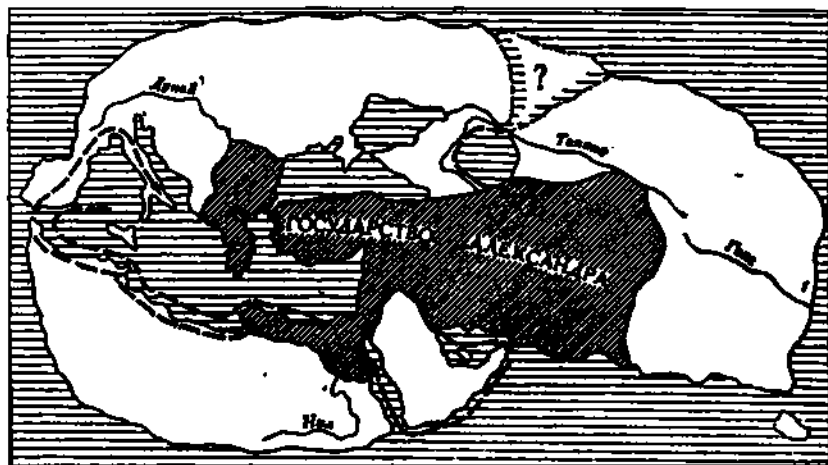
Мерилом воинственности тех или иных деятелей являются их военно-политические цели, решения и действия, результаты и последствия предпринятых войн, военных походов и завоеваний.

Александр Македонский, поставив целью завоевать мир до предела — всю Вселенную, исходил из географических представлений своего времени, полученных из первого в истории географо-этнического трактата Гекатея Милетского (выдающегося географа и историка конца VI века до н.э.), а также непосредственно от своего учителя — великого философа и универсального ученого Аристотеля. Земля тогда представлялась в виде единственного континента (огромного острова), окруженного бесконечным мировым океаном. Краями континента считались: на западе — Гибралтар, а на востоке — Индия. Выделялись три пояса: северный и южный (непригодные для существенного заселения из-за сильных холодов и жары), а посередине — умеренная зона, наиболее благоприятная для жизни, культурная и обитаемая (Ойкумена). Александр Македонский ставил целью покорить умеренную зону, а потом, по возможности, заняться другими — сначала их открыть и изучить¹.

Земля же по своим размерам представлялась соответствующей примерно одной десятой ее реальной территории. В результате почти десятилетнего похода на восток, в котором армия прошла около 20 тыс. км, Маке-

донский завоевал пространства от Дуная до Инда (в северной Индии) и создал на этой территории первую мировую империю, которая занимала немногим более 50% Ойкумены. Смерть, настигшая А.Македонского в 34-летнем возрасте, сорвала самый грандиозный его замысел — завоевать все западное средиземноморье: нынешние Ливию, Иберию, Сицилию, Северную Африку, Пиренейский полуостров, Южную Францию и всю Италию.

Географические представления Александра перед смертью и маршруты его неосуществленных походов

Последующие великие воители — Цезарь (102–44 г. до н.э.), Чингисхан (1155–1227), Батый (1208–55), Тимур (1336–1405) — провозглашали целью осуществить замыслы А.Македонского, создать нерушимую мировую монархию, но исходя из более широких географических представлений.

Цезарь завоевал для Рима (Галльские походы 58–51 гг. до н.э.) большую часть Западной Европы — территории современных северной Италии, Франции, Люксембурга, Бельгии, Германии, Нидерландов, Швейцарии; высаживался в Англии. Эта часть света в V–IV веках эллинам была почти неизвестна. Убийство Цезаря сорвало осуществление его фантастического плана завоевания Востока.

Чингисхан и Батый уже совершали походы в Китай и захватывали на Востоке и Западе более обширные территории. Они знали территории и страны, которые не были известны ни Македонскому, ни Цезарю: Дальний Восток, Китай, Корея и др.

Захватнические войны Чингисхана и Батыя XIII в. в Азии и Европе привели к порабощению десятков стран, 720 различных народов, созданию Монгольской империи, простиравшейся от Китая до Западной Европы.

Завоевательные планы Наполеона, имевшего уже истинные географические представления о нашей планете, простирались практически почти на всю ее территорию. Захватив и подчинив себе всю континентальную Западную Европу, он считал необходимым покорить Россию, а затем Великобританию. Поскольку страны Америки, Африки и Азии в большинстве своем были колониями европейских государств, то завое-

вание последних, согласно его представлениям, и давало ему господство над всем миром. Он не планировал военных операций по завоеванию Америки, Дальнего Востока и т.п.

В полном смысле первым претендентом на завоевание всего мира является лишь Гитлер. Видный немецкий историк Андреас Хилльгрубер, проанализировав всю германскую документацию, воспроизвел на этой основе гитлеровский замысел и планы, которые бесспорно по своему характеру являются действительно всемирными². Очередность задач рейха в завоевании мирового господства была установлена следующим образом: 1) летом 1941 г. разгром СССР в течение 3-4 месяцев; 2) далее «клещевая» операция по трем направлениям — с Кавказа на Иран, из Болгарии через Турцию на Сирию-Иран, из Ливии через Египет к Суэцу с выходом в Индию; 3) в это же время удар японцев на Сингапур, а затем по Индии с востока; 4) осенью 1941 г. захват Гибралтара, строительство базы в Северной Африке для создания угрозы США. Существует обильная документация о немецких планах операций в Африке, о возможных действиях на американском континенте, в Северной Европе и других регионах мира. Не случайно в спроектированном Альбертом Шпеером архитектурном символе земного шара над новой имперской канцелярией Гитлера должен был возвышаться один гигантский немецкий орел. Известно, что 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония заключили между собой пакт («ось Берлин-Рим-Токио»), согласно которому мир делился между этими тремя державами. Германия и Италия должны были владеть Западом, а Япония — Востоком. Но уже в 1941 г. Гитлер стал подчеркивать, что он ни с кем не собирается делить мировую власть и намерен взять ее крепко в одни свои руки.

Великие воители, ставя целью завоевать мир, вырабатывали свое понимание того, что из себя должно представлять мировое господство. Основоположителем здесь был Александр Македонский, которому помогал в этом деле великий философ Аристотель. Выработанная Македонским концепция мирового господства была довольно четкой, отражала способ, порядок и форму его осуществления. Все последующие претенденты на мировое господство брали эту концепцию, особенно ее дух, как своеобразное руководство к действию, убирая из нее неугодное и дополняя собственным содержанием.

Общим для всех подобных концепций было видение завоевания мира как исключительно военного дела, насильственного объединения стран и народов, подчинение всех одному владыке, создание единого мирового государства во главе с монархом. Он выступал высшим законодателем, судьей, хозяином всего сущего, равным божеству. Главной основой его властвования виделась мощная военная сила, которая могла бы привести к послушанию самые далекие и непослушные народы. Она же должна была обеспечить перекачку богатств к властителям. Положение разных народов в империях понималось каждым воителем довольно своеобразно. Александр Македонский мечтал о создании общечеловеческой цивилизации с единым языком и единой культурой посредством ассимиляции народов в условиях их равного и взаимоуважительного отношения к культуре друг друга, но на основе эллинской культуры, признававшейся наиболее развитой. В таком же примерно русле развивались представления о мировом господстве у Цезаря и Наполеона, причем последний более определенно говорил о либерально-демократических элементах в управлении единым миром с исполь-

зованием парламента, назначаемого им правительства и т.д., но непременно с сохранением для себя императорского положения.

Чингисхан в создаваемой мировой империи ставил в привилегированное положение монгольский народ как самый великий — «избранный и отмеченный Небом», который должен царствовать над другими, держать последних в положении рабов и заставлять трудиться на себя, сметая с Земли сопротивляющихся. «Непокорные народы уничтожать как сорные вредные травы», — согласно легендам, не устал повторять он.

Гитлеровская концепция мирового господства исходила из расовой теории о превосходстве немецкой нации над всеми другими, призванности ее вершить судьбы человечества, управлять всеми посредством «нового мирового порядка». Предусматривалось насильственное распространение фашистского режима во всех странах мира как самого наилучшего из всех. «Никакой пощады сопротивляющимся германской армии, уничтожить всех «нелюдей», — истерически вопил Гитлер³.

Вплоть до первой половины XX в. в завоевании и подчинении других стран и строительстве мирового порядка иные средства кроме военных (т.е. экономические, финансовые, информационные и т.п.) не приобрели еще сколько-нибудь заметного значения.

Для достижения указанных целей каждый великий воитель создавал все более многочисленные, подвижные и технически обеспеченные армии, способствовал развитию оружия, качественно обновлял метод ведения войны, приемы и способы боевых действий. Их вклад в военное дело и поныне изучается в военно-учебных заведениях всех стран мира. Как никто другой, они наращивали разрушительные и истребительные способности вооруженных сил, пришпоривали милитаризм.

Скачки в развитии армий великих воителей прошлого и их деяний

№	Армии	Численность	Вооружение	Подвижность (км в сутки)	Масштабы реальных завоеваний
1.	Александра Македонского и Юлия Цезаря	30-40 тыс. пехоты и конницы	Холодное оружие: мечи, копья, стрелы, штурмовая техника	20-30 км	Ближний и Средний Восток на глубину до 5 тыс. км.
2.	Чингисхана и Батые	100-300 тыс. всадников	- " -	~ 50 км	Значительная часть Евразии
3.	Наполеона	~ 500 тыс.	Гладкоствольное огнестрельное оружие (артиллерия, ружья и т.д.) и холодное оружие	~ 50 км	Западная Европа, исключая Англию, российская территория до Москвы
4.	Гитлера	ок. 3 млн.	Автоматическое нарезное огнестрельное оружие, машинная боевая техника	~100 км	Западная и Северная Европа, исключая Англию; Северная Африка

Ломая традиции и обычаи ведения войн, сдерживавшие воинственность, они увеличивали масштабы и степень жесткости в применении насилия, считая это законом военных успехов и побед; расширяли устрашающе-террористические действия. Массовые убийства мирных людей, разрушения городов и других поселений, хозяйственных и культурных объектов нарастали весьма быстро в каждой новой попытке установить мировую гегемонию. Если в войнах Александра Македонского счет жертв военного террора среди населения захваченных стран шел на тысячи и десятки тысяч, у Цезаря на сотни тысяч и до миллиона (по Плутарху), у Чингисхана и Батыя на миллионы, то у Гитлера уже на десятки миллионов человек.

На пути к своим целям великие воители одерживали множество блестящих побед, захватывали огромные территории и неслыханные богатства, подчиняли себе множество стран и народов, строили обширнейшие империи, сеяли повсюду страх, обретали славу непобедимых. Дальше всех к намеченным целям удалось приблизиться Чингисхану, Наполеону, Гитлеру. Канадский военный историк С.Уолкер полагал, что Чингисхан добился больше всех на этом пути, стоит на целую голову выше всех великих полководцев прошлого: «дух захватывает, когда представляешь себе, какие потрясающе огромные пространства и расстояния преодолевали монгольские войска»⁴. Неукротимая энергия, ярчайший военный и государственный гений Великого монгола оставил далеко позади военно-политических деятелей Запада.

Наполеон и Гитлер, захватив и подчинив себе Западную Европу, кроме Великобритании, считали, что ими пройдена главная часть дороги к мировому владычеству и остается немного времени, когда оно будет достигнуто. Но никому не удалось хотя бы на момент осуществить полностью задуманное. Более того, то, что завоевывал каждый из них, было реально значительно меньшей частью намеченного. Некоторые из великих воителей, не зная поражений в сражениях, сами отказывались от достижения конечных целей под давлением объективных обстоятельств (географических, климатических, социально-экономических и т.д.) и из-за сопротивления личного состава их армии, особенно их верхушек: Александр Македонский, Батый, Карл XII и др. Создаваемые империи быстро после смерти главных завоевателей рассыпались: империя Александра Македонского менее чем через 10 лет, Чингисхана — через 30-40 лет, Наполеона сразу после его поражения под Ватерлоо. То есть плоды завоеваний исчезали.

Другие претенденты на мировое господство терпели сокрушительные поражения в моменты, когда они оказывались в апогее военного «везения». «Непобедимый» Наполеон позорно провалился с планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Полный разгром наполеоновской армии, вторгшейся в Россию, окончательно сорвал победное шествие великого императора к Олимпу мировой власти.

В несравненно больших масштабах повторилось подобное во Второй мировой войне. Гитлер и его дело, на осуществление которого были брошены гигантские ресурсы, потерпели сокрушительное поражение в решающей мере от ударов советских Вооруженных Сил. Реальная опасность гитлеровского вторжения на американский континент, планировавшееся Гитлером после разгрома СССР, вынудила руководство США и Англии в

1941 г. вступить в военный союз с СССР для совместной войны против фашистской Германии, но, подчеркнем, только во имя собственного спасения. Их вклад в разгром Гитлера значительный, но не решающий.

Основные причины краха прошлых попыток завоевать мировое господство многообразны: несоответствие цели объективным условиям и возможностям; недостаток сил и средств для их достижения; превосходство суммарного потенциала сопротивления завоевателям и нарастание борьбы против них; несостоятельность прогнозов и расчетов, переоценка благоприятных и недооценка неблагоприятных факторов; преувеличение значимости блестящих, но по большому счету частных и временных побед и т.п.

Решения и действия великих воителей предстают совершенно иррациональными. Действительно, представим в схематическом сопоставлении рациональное и иррациональное применительно к рассматриваемым нами явлениям.

Противоположности рационального и иррационального

Рациональное

Целесообразная деятельность, согласованная с фундаментальными потребностями, логикой общественного развития, опирающаяся на адекватные средства.

Характерные черты

- Планы и действия увязаны с естественным ходом истории, не противоречат направлениям общечеловеческого развития, законам многообразия общественных устройств, типов социумов, их равноправия и свободе.
- Гуманитарно ориентированная деятельность в соответствии с потребностью наращивания человечности, всестороннего развития человека, духовности и культуры.
- Деятельность основана на мотивах и принципах, верность которых подтверждена совокупным опытом истории.
- Служит сохранению и улучшению жизни, безопасности человека, общества, планеты Земля.

Иррациональное

Авантюрная деятельность, идущая вразрез с эволюцией человечества, подчиненная нереальным целям, исходящая из преувеличения имеющихся возможностей и средств.

Характерные черты

- Деятельность противоестественна: произвол и насилие над народами и государствами, навязывание им искусственных схем отношений с одним планетарным хозяином, беспрекословным подчинением ему всех остальных.
- Антигуманная и античеловеческая направленность, лишаящая людей и народы права распоряжаться своей судьбой, сохранять и развивать собственную культуру и образ жизни.
- Деятельность основана на мотивах и принципах, замешанных на необузданных страстях, фантазиях, мифах, злых намерениях, корыстно-эгоистических устремлениях.
- Ставит под вопрос сохранение человечества, его безопасность.

Иррациональность войн за корону вселенского царя (императора), хотя и поздно, — совершив чудовищные злодеяния и разрушения, осознавали сами великие воители: Александр Македонский, Наполеон, Гитлер. Исследователи отмечали, что их мотивы представляли смесь-синтез реального и ирреального, расчета и безрассудства, причем ирреальное господствовало: у Македонского, например, «рациональное» на втором месте.

Конечно, важно учитывать, что понятие рационального изменяется, и то, что всегда было иррациональным (принципиально недостижи-

мым), может становиться возможным (реалистичным). Кроме того, мир, в цивилизационном отношении, как полагают многие ученые, неизбежно идет к одному, по сущности, оптимальному укладу при многообразии конкретных форм в разных странах. Неумолимо действует закон глобализации жизни всех стран и народов. Поэтому далее мы специально рассмотрим этот вопрос применительно к современным условиям.

2. Движущие силы воинственности

Надациональные цели и действия великих воителей зачастую объясняют тем, что ими двигали таинственные, мистические, божественные, небесно-космические силы. Указывают на их веру в свое мессианское предназначение осуществить неосознаваемую другими *потребность* всех людей и народов во всемирном соединении, которую Ф. Достоевский считал главной и вечной мукой человечества. Изображают древние великие монархии — Египет, Вавилон, Ассирию, Мидию, Персию, Македонию как ряд попыток к этому. Русский писатель Д. Мережковский, раздумывая над судьбой Наполеона, писал, что из всех его страстей самой сильной была мысль о всемирности. «Может быть, это уже не страсть, а что-то большее, для чего у нас нет слов»⁵, — заключал он. Сам Наполеон свое стремление к всемирному владычеству считал осуществлением зова человечества к единству.

Сходные высказывания есть у всех великих воителей. Им была присуща мистическая вера во всеилие своего «я», в способность творить бессмертные божественные дела, изменить весь уклад жизни на Земле, превращать невозможное в возможное, выходить за пределы существовавших норм. А. Македонский, Ю. Цезарь, Чингисхан, Батый и др. верили в свою богоподобность, «небесную избранность», стремились в делах и поступках сравняться с богами, добивались признания их таковыми. Их более поздние последователи изображали себя посланниками судьбы, исполнителями исторической воли, «решающим фактором ее осуществления» (Наполеон, Гитлер, и т.д.).

Иногда «сверхзадачи», которые ставили перед собой великие воители, объясняются сосредоточением в них огромного (сверх нормы) количества «биохимической энергии живого вещества биосферы», обуславливающей развитие такого особого свойства характера, как пассионарность (Л. Гумилев). Это — необоримое внутреннее стремление, самоотверженная деятельность, направленная на осуществление цели, которая для пассионарной особы бывает ценнее собственной жизни. Такое качество людей понимается как внутреннее сочетание (комбинация) в них природных и социальных сил. Некоторые ученые (Федоров, А. Чижевский и др.) предполагали, что пики человеческой деятельности, подобной рассматриваемой нами, и связанные с нею социальные потрясения (войны, крестовые походы и т.п.) вызываются космическими явлениями, максимумами солнечной активности.

Немало ссылок и на то, что внутренний голос разума у великих воителей заглушался и подавлялся необычайно сильными страстями, то есть комплексом чувств, переживаний и порывов, безотчетных влечений и желаний. Зачастую страсти взламывают умеренность, становятся безмерными и слепыми. Еще Вл. Даль писал, что «страсти человека ... отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и

никакой меры не знают. Всякая страсть слепа и безумна, она не видит и не рассуждает. Человек в страсти пуше зверя»⁶.

Действительно, великие воители отличались многообразием и чрезвычайной силой страстей: безграничным властолюбием, тщеславием, жадной популярностью, манией величия и превосходства, самой высокой воинственностью и т.п. Для них характерна нарастающая жажда славы (непреренно вселенской, бессмертной — «на тысячи и тысячи лет»), стремление потрясти мир и войти в историю, постоянно удерживать внимание общественного мнения к своей персоне, добиваться почестей, восторженного поклонения. Но из всех страстей сильнейшей, огненнойшей, распалаяшей душу трансцендентным огнем, была страсть идеи (мысли) о *завоевании* Вселенной, утверждении в ней порядка согласно своим представлениям, достижении наибольшего объема власти над людьми, превращении во всемирного властителя. Главным средством реализации этой идеи считалась военная сила.

Нередко иррациональность целей и действий великих воителей объясняют тем, что они представляют собой отклонение от человеческой нормы, своего рода уродливые существа, в которых агрессивнo-зверское начало довлее над человеческим. Ссылаются на присушие им и тщательно скрывающиеся пороки: нарциссизм, некрофильство, «комплексы Герострата и Тамерлана» (страсть к разрушениям, убийствам, превращению живого в мертвое и т.п.). Идеология «тотальной войны», известные приказы о «вджженной земле», стремление «вбомбить» ту или иную страну в каменный век, массовое уничтожение мирного населения, создание фабрик смерти, ковровые бомбардировки и т.п. явления вроде бы подтверждают «ненормальность», человеческое уродство рассматриваемого типа существ.

Известно, что вследствие невидимой игры генов или деформаций яйцеклеток на свет появляются случайно не только физические, но и интеллектуально-психологические уроды, в том числе от нормальных родителей. Если физические уроды отличаются от обычного человека видимыми страшными нелепостями (диспропорциями размеров головы и туловища, большим или меньшим количеством рук или ног, наличием хвоста и т.п.), то умственные и психические монстры внешне не отличаются от других. Предрасположенность к безумию, ущербность души, отсутствие зачатков доброты, порядочности, совестливости, человечности не бросается в глаза, тем более, когда внешне человек без каких-либо изъянов и даже привлекателен. Врожденные умственные и психические пороки могут до поры до времени скрываться и сдерживаться. Но — в благоприятных условиях проявляются взрывоподобно.

В психике, устройстве души, моральном облике великих воителей обнаруживается нечто уродливое: нервно-психологические отклонения, изъяны и болезни (эпилептические припадки А.Македонского, Цезаря, Гитлера), нередкие умопомрачения, мистический бред, вспышки гнева, проявления чудовищной кровожадности, отсутствие нравственных переживаний по поводу злодеяний, и т.п.

Однако интеллектуальной уродливости не обнаруживается. Никто не оспаривает, что они обладали гениальным умом, высочайшей эрудицией (даже не умевшие писать и читать Чингисхан и Тимур), неутомимой жадной познания, всемерно способствовали развитию науки и техники. Их великая одаренность зримо проявилась не только в военных делах, но и во многих других ипостасях: в создании крупнейших государств, разработке новых политических и правовых основ общественной

жизни (законы А.Македонского, знаменитые «Ясы» Чингисхана, бессмертный «Гражданский кодекс» Наполеона и т.д.), строительстве городов, коммуникаций (дорог и почты), в стимулировании экономики и торговли, взаимодействия народов и культур. Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона нередко называют некими эскизами сверхчеловека, настолько поразительна мера их личного гения, многообразия одаренностей. Творческий ум побуждал их к новаторству во всем, выводил на непроторенные пути истории. При общей иррациональности гегемонистских идей и планов великие воители действовали, как правило, весьма рассудительно и трезво во многих экстремальных ситуациях. Каждый из них — клубок острейших противоположных начал: разрушительного и созидательного, человеческого и зверского, рационального и иррационального.

Примат над всем жажды завоевать мир, крайней воинственности, любви к битвам и сражениям, уродливых нравственных качеств делал их в целом «мрачными гениями».

Все вышеприведенные взгляды на иррациональную воинственность великих воителей усматривают ее причины почти исключительно в сверхъестественных, неземных, мистических и случайных факторах, либо в их личностных, чаще врожденных, особенностях. Они подаются чуть ли не «вылепленными» из особого материала.

Однако на них лучше, чем на ком-либо другом, видно определяющее воздействие социальной среды. Дух и нравы эпох, агрессивная природа государств (рабовладельческих, феодальных, капиталистических), главами которых они являлись, следование установкам «родных» привилегированных слоев обществ — все это обуславливало преимущественно воинственно-захватническую направленность их деятельности, примат военных дел во всем, что ими предпринималось. Они действовали в русле основных потребностей (нужд, интересов) эксплуататорских обществ, для которых захватнические грабительские войны были наилучшим средством обогащения и процветания. В эпохи, когда действовали великие воители, прогресс, по меткому высказыванию К.Маркса, уподоблялся тому «отвратительному идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»¹. Ничто не приносило такого обогащения, как захват добра других стран и народов. Государственные деятели ни в чем не могли проявить себя так полно и быстро, заявить о себе так громко, удовлетворить социально ожидаемые и личностные потребности, в том числе стремление к славе и усилению власти, как в войнах и в завоевательных походах.

Не правы те, кто считает, что в войнах А.Македонского, Чингисхана, Батгья и Наполеона напрочь отсутствует какая-либо объективная предзаданность, что они шли вразрез с историческим развитием, не имели побуждений от материальных условий жизни и были связаны исключительно с интеллектуально-психологическими особенностями указанных великих воителей. Они формировались таковыми всем укладом жизни.

В системе социализации представителей правящих групп (классов), тем более будущих глав государств, главным было формирование из них перспективных великих воителей, полководцев, приумножителей военной славы и героизма, хранителей духа воинственности. Это было первостепенной задачей семьи, структур обучения и воспитания, старшего поколения по отношению к молодым. Воинская доблесть и слава ставились превыше всех других, были несравнимы с почетом мудрецов, ученых, писателей, изобретателей. Само понятие «триумф» чисто военного

происхождения. Вся духовная жизнь обществ способствовала выдвиганию в первые ряды воителей, их формированию.

Рассмотрим кратко этот процесс на примере Александра Македонского. Он был первым, кто стал великим воителем, выдвинул идею завоевания мирового господства, совершил беспрецедентный для своего времени поход ради этой цели. Все другие — Цезарь, Чингисхан, Батый, Наполеон и т.п. — поклонялись ему, подражали, учились у него; подробно изучали его жизнь, опыт; вновь и вновь обращались к его идеям, передумывали все движения его ума и чувств. Он был первым, кого историческое предание назвало Великим.

Александр Македонский был сыном царя Македонии — Филиппа II, очень одаренного государственного деятеля и полководца. Вся обстановка в семье, влияние родителей было нацелено на формирование будущего властителя, военного предводителя, жаждущего подвигов, славы и побед. Во всех занятиях, чтении книг отдавалось предпочтение военной тематике, изучению подвигов героев прошлого, богов. С детства и до конца жизни он перечитывал «Илиаду» Гомера как руководство по военному искусству, «высшую науку о воинской доблести». Его социально-философские и политические взгляды, убеждения и ориентиры — результат творческого осмысления того, что было наработано великими древними мыслителями, писателями и поэтами, жрецами к его времени.

Еще в юности он основательно изучил древнегреческую философию, в которой большое место занимало прославление войны как источника возникновения и процветания государства, преодоления анархичности отношений между странами, неизбежного пути к достижению добра во всей Вселенной, как «опоры всего сущего», как правомерного средства улучшения мира и властвования сильного над слабыми, как природного права сильной личности стать всеобщим владыкою (Гераклит, Калликл и др.)⁸.

Известно, что за Александром Македонским стоял великий философ — Аристотель, который был в течение ряда лет (с 13 до 18) его воспитателем. Несомненно, великий воитель глубоко усвоил и проникся его идеями о построении идеального эллинского государства, улучшении жизни его подданных за счет завоевания земель «варваров» (других народов), о превращении эллинов во властелинов Вселенной, покорении ими «низших народов» и т.п. Отвергая «войну ради войны», Аристотель, вместе с тем, утверждал, что «если вдруг найдется человек, превосходящий своей добродетелью всех остальных, вместе взятых, то он по праву должен стать полноправным владыкой без каких-либо ограничений»⁹. Александр Македонский по многим указанным проблемам пошел дальше Аристотеля. Условия социализации, исходная отметка формирования каждой из рассматриваемых исторических фигур весьма различны: одни рождались и воспитывались как царские наследники, другие в средних слоях, а некоторые поднимались с самого низа. Превращение их в великих воителей нельзя объяснить лишь объективной средой. Большую роль играли самообразование и самовоспитание, физическая и интеллектуальная «самоподготовка» к такой роли: исключительная целеустремленность и усердие в освоении военного дела, особенно полководческого искусства, умения управлять духом войск.

Характерно, что все великие воители верили в необходимость военного насилия для утверждения вселенской тишины, мира, спокойствия и блага повсюду, что когда будет сломлен или уничтожен последний враг на пути к этому, отпадет надобность в войнах и военной силе. Держались принципа:

«чтобы водворить мир — нужна война», война нужна ради мира, как универсальный ключ для движения человечества к счастливой жизни.

Таким образом, в содержании воинственных устремлений и деяний великих воителей выделяются две части. Первая — базовая (корневая), своеобразный «социальный заказ», задаваемый историческими условиями, совокупностью интересов (потребностей) соответствующих обществ и государств, господствующих элит, к которым они принадлежали и которым служили, воспринимая эти интересы как свои собственные. Это — объективно обусловленные социально-политические установки, мотивы и ценностные ориентации, определявшие направленность целей, пути, средства и способы их достижения, практическую деятельность. Но их намерения и действия не исчерпывались тем, что «заказывали» объективные условия. Вторую часть составлял собственный «внутренний заказ», обусловленный их личностными интеллектуальными, духовными, психологическими особенностями, собственным социально-энергетическим потенциалом. Этот личный заказ, в конечном счете, тоже имел объективное основание, но непосредственно выступал результатом их субъективного творчества, свободы мышления и воли, выхода мыслей и идей за пределы реального, построения в уме небывалых образов и конструкций социального устройства, мировых порядков. «Личная добавка» содержит не только прирост, усиление, развитие исторически объективного заказа, но и то, что не является объективно необходимым, противоречит ему, являясь продуктом фантазий, иллюзий, увлечений, вырывающимся за рамки объективной логики истории.

Наглядно «личную добавку» к социально-историческому заказу можно показать на примерах отца Александра Македонского, мыслившего и действовавшего в соответствии с реальными потребностями государства, и самого великого воителя, далеко выходящего за их рамки, как полагал крупнейший исследователь истории древней Македонии Ф.Шахермайер.

<i>Сравниваемые показатели деятельности</i>	<i>Филипп II</i>	<i>Александр Македонский</i>
1. Соответствие деятельности объективным условиям и потребностям	Действовал по велению времени (в ногу с жизнью), в рамках имевшихся возможностей: «жнец давно созревшей жатвы». Исполнитель заказов социальной эволюции.	Вырывался за рамки необходимого, создавал новые возможности, задавался «сверхзадачами», опережал время и жизнь. Творец нового социального бытия.
2. Завоевательные цели и устремления	Ограниченны: завоевание у Персии небольшой части западной территории. Цели соответствуют силам и средствам.	Предельно широкие: завоевать весь мир и стать его повелителем.
3. Видение своей роли	Сохранение и защита Македонии, укрепление ее влияния на соседние государства, объединение греческих земель, служение своему народу и стране, сбережение обычаев и традиций.	Разрушение мирового порядка, создание единой мировой империи, в которой Македония будет небольшой и не главной частью, создание нового образа жизни всего человечества.

Хотя Филипп II и Александр действовали практически в одинаковых условиях, их цели существенно различались. Несмотря на то, что замыслы и планы Александра Македонского сверх меры превышали объективно потребное и традиционное, они стали огромным военно-социальным движением, изменившим жизнь на огромных просторах, одерживавшим пусть временные, но потрясающие воображение победы. Не будь его, Македония все равно вела бы войны. Они были неизбежны: их источники, заключенные в экономике и социальном устройстве антагонистических обществ, действовали безостановочно. Но не было бы войны, в которой ставилась бы цель завоевать мировое господство, т.е. «войны Македонского». Такое же можно сказать о всех прочих великих воителях. *«Их войны»* вплоть до XX в. были своего рода случайностями, связанными с такими «случаями», как особенности личностей, придумавших и возглавлявших их. Они придумывали и воплощали в жизнь такую форму войны, как «война за мировое господство», за много веков до того, когда сложились материальные предпосылки для достижения этой цели. Без них не было бы в прошлом именно таких войн, а не войн вообще. Попытки решить военные «сверхзадачи» сопровождалась расширением материальных и духовных возможностей для этого, приведением в действие всех резервов социальных сил и средств, заражением воинственностью целых народов. Но уровень развития обществ ограничивал размер сил и средств, которые могли выделяться на это.

Личность великого воителя, будучи в прошлом своего рода «случайной причиной» в цепи исторических событий и факторов, которой могло и не быть, оказывалась довольно свободной и весьма сильной в осуществлении своих фантастических задумок и планов.

Мерилом социальной силы человека являются масштабы и глубина совершенных социальных деяний, их воздействие на жизнь общества. Великие воители предстают безгранично сильными существами, превосходящими силу множества. На это указывали еще древнейшие мыслители. Гераклит Эфесский (ок. 520 – ок. 460 гг. до н.э.), древнегреческий философ, пытался вывести на этот счет количественные показатели: «Один для меня – десять тысяч, если он наилучший»; немногие «наилучшие», возвышаясь над «толпой», способны при жизни стать богами по уму, чувствам и делам («личность-божество»)¹⁰. Александр Македонский и Юлий Цезарь были официально – государственными постановлениями – обожествлены еще при жизни. Великий французский писатель В.Гюго писал о Наполеоне, что «чрезмерный вес его в судьбе народов нарушал общее равновесие. Его личность сама по себе значила больше, чем все человечество в целом»¹¹.

Социальная сила великих воителей складывается из ряда компонентов: личного потенциала; энергетических возможностей выдвинувших и поддерживающих его субъектов; средств, которые ставятся на службу реализации их идей, целей, дел. Нередко их личный компонент принижается. Подчеркивается бессилие этих личностей, взятых самих по себе, отдельно от других социальных субъектов. А вся их сила сводится к силе выполняющих их волю огромных масс организованных людей, социально-политических институтов, государств. Важно эти силы рассматривать в неразрывном

единстве, без умаления. Дело в том, что великие деятели являются центрами притяжения, наделены, как правило, исключительными способностями увлекать за собой многих и даже целые народы, а обычные люди имеют склонность следовать за великими, отдавать в их распоряжение свою разрозненную энергию. Они мечом и огнем, личными качествами объединяли массу, подчиняли ее себе, обретая силу «непобедимых».

Великие воители относятся к «стратегическим изменителям мира», способным повести народы и государства по избранному ими пути — «незаконному», «неправильному», ошибочному, ненужному и преступному, с точки зрения интересов человечества. Они меняют психологический настрой народов и организуют гигантские дела, которые изменяют течение жизни. Являясь сгустками огромной энергии и воли — интеллектуальной, психологической и физической, они источают социальные ураганы, приносящие великие разрушения и кровопролития. Их личная «атомная энергетика» толкает народы и страны к самым большим войнам. Важно учитывать и их особое социальное положение.

Первое, что бросается в глаза, — все «великие воители» выступают главами государств и высшими военачальниками, определяющими внутреннюю и внешнюю политику, принимающими решения по проблемам войны и мира, применения вооруженных сил. Располагая огромной властью, каждый из них поднимал планку государственной воинственности на порядок выше предшественников.

Не имея они власти, все их замыслы и планы повисли бы в воздухе. Именно посредством власти свои воинственные устремления они переводили в ранг государственной политики, устраняли сопротивляющихся и т.п. Образуется государственно-политический центр воинственности, в котором сосредоточиваются самые властные и влиятельные единомышленники и соратники великих воителей: высшие государственные чиновники, руководители «партий войны», других милитаристских организаций, представители СМИ, силовых структур. Это, например, главные военные преступники (включая некоторые организации) фашистской Германии, Японии и их союзников, объявленные главными виновниками Второй мировой войны. С тех пор прочно утвердилось понятие «главные виновники войны; преступления и преступники против мира». За ними стоят воинственные социальные группы и классы, которым свойственна неутолимая жажда расширения богатства и власти посредством военного насилия.

Война, тем более с самыми далеко идущими целями, на всех своих стадиях (зарождения, подготовки, развязывания и т.д.) является исключительно авторитарным и централизованным делом, ведущим фактором которого служит власть одного. Присвоением войнам за мировое господство имен великих воителей (войны Македонского, Чингисхана, Наполеона, Гитлера и т.д.) подчеркивается особая авторитарность — их главное и решающее авторство в этих войнах.

Каждая из них — выражение и воплощение идей, темперамента, энергии, загадочных импульсов подсознания, склонностей и решений соответствующей личности. Деятельность окружения, аппарата государственного управления, генералов, вооруженных сил в существенной ме-

ре есть своего рода эманация или излучение ее свойств. Понятие «эманация» указывает на истечение, исхождение, происхождение военных дел множества людей от замыслов, планов и решений «гениальных завоевателей». От них исходят начальные, первичные, направляющие и все последующие *решающие субъективные импульсы* к самым крупным завоевательным, агрессивным, грабительским войнам. Их по праву считают самыми великими авантюристами.

Инициированные ими войны в самом общем плане оказывали крайне негативное воздействие на развитие многих государств и народов, сопровождаясь гибелью множества людей, колоссальными разрушениями, вызывая экономический и культурный упадок. Но это воздействие не было исключительно отрицательным, ибо они способствовали развитию общения и обмену культур многих народов, контактов между Западом и Востоком. Эти войны сильно изменяли лицо истории, убыстряли ее ход, расширяли зону исторического взаимодействия. Эти грандиозные события в целом отвечали логике и духу исторического движения антагонистических общественно-экономических формаций, но пришли в непримиримое противоречие с ними в современных условиях.

¹ Шахермайер Ф. Александр Македонский. М., 1984.

² Безыменский Л. Войны, которые никто не выигрывал // Новое время. 2000. № 19. С. 31.

³ История Второй мировой войны. Пер. с нем. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 316.

⁴ Уолкер С. Чингисхан. Ростов-н/Д., 1998. С. 253.

⁵ Мережковский Д. Данте. Наполеон. М., 2000. С. 262.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 336.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 230.

⁸ Дырин А., Кузин В. Проблема войны и мира в социально-философской мысли античности. М., 1992. С. 9, 10, 15, 20 и др.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Большая Советская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1952. Т. 10. С. 594; Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 505.

¹¹ Гюго В. Отверженные. М., 1979. Т. 1. С. 390-391.

ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА

26 августа 2002 г. было широко отмечено 190-летие Бородинского сражения. В отечественной и зарубежной печати детально анализировались количественный состав противоборствующих сторон, обоснованность тактического построения войск, эффективные и неэффективные схемы действий командного и рядового состава, влияние сражения на ход войны и последующего мирового развития и т.д. Эти традиционные объекты анализа, безусловно, весьма важны. Вместе с тем, эвристическим, полезным и актуальным представляется поиск ответа на вопрос о том, почему французские войска оказались на Бородинском поле и в столице России.

Известно, что сражение на поле боя во многом является отражением сражения умов. Выдающиеся полководцы побеждали потому, что при прочих равных условиях превосходили противника в гибкости ума и твердости воли, творчески использовали принципы военного искусства, которые способствовали успеху в данной конкретной обстановке. По мере возможности они заставляли работать на себя даже неблагоприятные факторы, навязывали неприятелю свой план действий, наносили ему внезапные удары с самой неожиданной и наиболее чувствительной для него стороны¹. В связи с этим весьма интересным видится психологический портрет человека, создавшего одну из наиболее боеспособных в истории человечества армий, возглавившего ее многие победоносные походы, считающегося одним из величайших полководцев мира. Человека, разработавшего собственную систему военно-психологического искусства.

Под **военно-психологическим искусством** нами понимается совокупность военных и психологических знаний полководца, интегрированных в его мировоззрении и реализующихся в управлении войсками. Военно-психологическое искусство является результатом целенаправленного «вплетения» более или менее систематизированных психологических знаний в военную тактику, оперативное искусство и стратегию.

Потребность в понимании и учете военачальниками психологических факторов, определяющих эффективность боевой деятельности своих подчиненных и воинов противной стороны, возникла вместе с появлением на исторической арене войн и армий как инструмента их ведения.

На ранних этапах истории искусство управления психическими состояниями, мыслями и поступками людей совершенствовалось и хранилось как тайное оружие жрецами, политическими и военными деятелями Шумера, Вавилона, Египта, Китая, Древней Греции, Рима, Руси и других государств.

Постепенно психологические знания уже не случайно и фрагментарно используются полководцами, а все теснее вплетаются в боевую практику. Иногда они выделяются в качестве самостоятельного средства достижения победы над врагом, а в ряде случаев рассматриваются в качестве основного оружия. Задолго до наступления новой эры отдельные военные и государственные деятели видели в психологическом знании наиболее мощное, безотказное, эффективное средство достижения военных целей.

Психологическое знание все больше и больше «врастает» в военное искусство наиболее талантливых полководцев, в отдельных случаях складыва-

ясь в более или менее систематизированные конструкции. Постепенно формируется своеобразный психологический «репертуар» боевых практиков. Изучение показывает, что уже в эллинскую эпоху в этот репертуар входили следующие элементы: психологическое изучение противника; введение его в заблуждение; запугивание и нарушение психологического единства неприятельских войск; развитие и мобилизация психологических возможностей своих воинов; разработка психологически обоснованных тактических форм; создание средств противоборства, оказывающих преимущественно психологическое воздействие на противника; использование психологических знаний в системе боевой подготовки воинов, и др.

В истории военно-психологического искусства разных народов содержится бесценный материал для сегодняшней военно-психологической практики.

Бесспорно высочайшее место среди полководцев, на практике применявших психологические познания, занимает **Наполеон Бонапарт***.

Вряд ли может вызвать возражение констатация того факта, что Бонапарт был одним из самых кровавых завоевателей и диктаторов в истории человечества. Однако оставим на долю философов, культурологов и моралистов анализ нравственной стороны последствий политической и военной деятельности военачальника и обратимся к рассмотрению его военно-психологического искусства.

Наполеон по праву считается крупнейшим психологом среди полководцев всех времен и народов. Его полководческое искусство отличалось умением понимать и учитывать психологию боя, чему в решающей степени способствовали выдающиеся личностные особенности.

Среди них фантастическая интуиция, железная воля и выдержка, высочайший профессионализм, глубокое знание человеческой природы, феноменальная способность влиять на людей.

Гениальность Наполеона как военачальника состоит в его способности мысленно высоко вознестись над лабиринтом предстоящего поля боя, окинуть его единым взглядом и, вместе с тем, увидеть каждую мелкую деталь, от которой зависит успех сражения, в сочетании почти безалаберной интуитивности с самыми детальными расчетами, в умении перевести сложнейшие проблемы на язык простых задач, в сопряжении удивительной осторожности с почти безрассудным риском.

Военно-психологический репертуар полководца поистине велик. Он включает психологическую оценку и прогнозирование военных событий, боевых и морально-психологических возможностей противника, создание благоприятного общественного мнения для осуществления военных кампа-

* Наполеон (Наполеон Бонапарт) — французский император, уроженец Корсики. Начал службу в войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии. Во время Великой французской революции стал бригадным генералом, а в годы Директории — командующим армией. В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот и стал первым консулом. В 1804 г. провозглашен императором. Благодаря победоносным войнам, значительно расширил границы империи, поставил в зависимость от Франции большинство стран Западной и Центральной Европы. Потерпел поражения в 1812 г. в России, в 1814 г. в сражении за Париж, в 1815 г. при Ватерлоо. Последние годы провел на о.Св.Елены пленником англичан.

ний, формирование и поддержание высокого наступательного порыва у своих подчиненных, выявление и эффективное использование психологических особенностей, личностных качеств и достоинств своих военачальников, учет психологических проблем, конфликтов в стане противника и др.

Важнейшим моментом организации военной кампании, сражения, боя Наполеон считал правильное определение цели действий в их соотносительности с наличными возможностями для ее достижения. «Все великие полководцы древности и те, которые впоследствии достойно шли по их стопам, — отмечал он, — совершили великие дела, только сообразуясь с естественными правилами и принципами искусства, т.е. правильностью комбинаций и продуманностью отношения средств к их следствиям, усилий к препятствиям»². И это были не просто красивые слова. Полководец неуклонно следовал выявленной им закономерности: рождение планов сражений у него обязательно включало соразмерность целей со средствами.

Наполеон обладал развитыми *полководческими способностями*. Уже в молодые годы он умел сочетать изобретение планов военных кампаний с непрерывной и самой активной заботой о бесчисленном количестве текущих организационных мелочей. Описывая подготовку к Египетскому походу, Тарле замечает: «Тут еще больше, чем в начале Итальянской кампании, обнаружилась способность Наполеона, затевая самые грандиозные и труднейшие предприятия, зорко следить за всеми мелочами и при этом нисколько в них не путаться и не теряться — одновременно видеть и деревья, и лес, и чуть ли не каждый сук на каждом дереве»³. Находясь в зените военной карьеры, подготавливая поход 1806 г., он сам «заботился о всех деталях организации войск, занимался башмаками, хлебным рационом, числом допустимых повозок на корпус, числом ординарцев при генералах разных рангов»⁴.

В решении этих задач ему помогали его психические особенности, личностные качества. Так, память обладала великолепной избирательностью: она удерживала только то, что нужно для боя. Выдающийся российский психолог Б.М.Теплов, исследовавший психологические особенности личности Наполеона, писал о нем: «Он помнил иногда мельчайшие индивидуальные особенности отдельных солдат потому, что эти особенности были для него в высшей степени важны и знание их было ему необходимо. Он помнил номера частей, участвовавших в том или ином сражении, не потому, что обладал способностью запоминать всякие вообще числа, а потому, что у него было такое отношение к своим войскам, как у «любовника к своей возлюбленной». Достойным удивления у Наполеона является не столько сила памяти сама по себе, сколько обилие тех сведений, которые являлись для него «необходимыми», выступали перед ним как существенные, глубоко захватывали и интересовали его. Умение видеть важное и существенное в том, что большинству кажется недостойным внимания, — вот что, прежде всего, обуславливало богатство памяти Наполеона»⁵.

Наполеон был поборником простоты в решениях. «Так как война является искусством исполнения, — писал он, — то все сложные комбинации в ней должны быть отброшены. Простота есть первое условие хорошего маневра... Нет ничего труднее и в то же время ценнее, — подчеркивал полководец, — чем умение решаться»⁶. Вместе с тем, особенностью его полководческого искусства было то, что он практически не вырабатывал детальных

планов кампаний, а намечал лишь главные конкретные цели и приближительную хронологию событий. Зато в походе военачальник непрерывно менял свои диспозиции, реагируя на все значимые изменения обстановки.

Управленческий успех Наполеона во многом определялся его высоким *профессионализмом* военного человека, глубоким знанием законов боевой работы. Профессионализм военачальника Бонапарт ставил выше всех других качеств. Еще будучи молодым офицером, показывая своему брату Луи поле сражения под Тулоном, вся картина которого свидетельствовала о непрофессионализме командующего осадой города генерала Карто, он говорил: «...Запомните, что для военного основательное изучение своего ремесла является в такой же мере делом совести, как и благоразумия. Если бы негодяй, приказавший этим храбрецам идти на приступ, знал свое ремесло, многие из них сейчас были бы живы и служили бы республике. Из-за его невежества они и сотни других погибли в цвете лет в тот самый момент, когда они могли завоевать себе славу и счастье»⁷.

Легендарная неуязвимость полководца на самом деле во многом является отражением его профессионализма. Так, в известном инциденте на Аркольском мосту его не поразил ни один снаряд не потому, что он был «заговорен», а потому, что в основе его действий лежал тонкий расчет. Первоклассный артиллерист, он точно знал, как, через какие промежутки стреляют австрийские пушки. И в эти промежутки он и проскакивал опасные участки⁸.

Великолепное чутье полководца проявилось и в *его кадровой политике*. Он лично подбирал себе ближайших помощников, командиров частей и соединений и практически никогда не ошибался в людях.

Дарование настоящего полководца он сравнивал с квадратом, в котором основание — воля, а высота — ум. Квадрат будет квадратом только при условии, если основание равно высоте; большим полководцем может быть только тот человек, у которого воля и ум равны. Если воля значительно превышает ум, полководец будет действовать решительно и мужественно, но мало разумно; в обратном случае у него будут хорошие идеи и планы, но не хватит мужества и решительности осуществить их⁹.

Предпочитая сам думать за своих подчиненных, он подбирал людей, обладающих высочайшей исполнительностью, преданностью и железной волей. Силу и слабость каждого из них он знал до мелочей.

Вслушаемся в характеристики, которые он дает своим ближайшим соратникам, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю военного искусства: «Ней — самый храбрый из людей», но ... «имел умственные озарения только среди ядер, в громе сражения. Там его глазомер, его хладнокровие и энергия были несравненны, но он не умел также хорошо готовить свои операции в тиши кабинета, изучая карту». Массена «плохо продумывал распоряжения. Разговор его был мало содержательным, но с первым пушечным выстрелом, среди пуль и опасностей, его мысль приобретала силу и ясность», ... «талант его возрастал в крайней опасности». «Ум Ланна вырос до уровня его мужества; он стал гигантом». Бертье обладал умением «самые сложные движение армии представлять в докладах ясно и просто»¹⁰. Несмотря на резкость суждений, они, по существу, комплименты. Ведь, по мнению императора, выигрывает сражение не тот, кто придумал план битвы или нашел нужный выход, а тот, кто взял на себя ответст-

венность за его выполнение, тот, у кого ярко проявляется одна из важнейших сторон военного таланта: способность к максимальной продуктивности ума в условиях наивысшей опасности. Каждому своему помощнику он отводит конкретное место и время в каждом из сражений, где их сильная сторона играет гранями таланта.

Наполеон проявил себя великолепным исследователем, объектом непрерывного психологического изучения которого был предстоящий бой, войска и командование противника. Во время боевых походов он имел при себе *досье на всех неприятельских генералов* и на основе оценки их психологических и боевых качеств строил сражение. Он всякий раз продумывал возможное развитие событий, прогнозировал замыслы и действия неприятеля. Так, перед началом похода на Россию, он учитывал проблемы во взаимоотношениях между Барклаем де Толли и Багратионом. В сражении при Ватерлоо он принял решение атаковать первым пруссаков, так как знал, что Блюхер был слишком пылким, чтобы уклониться от боя и присоединиться к более осторожному Веллингтону.

Но, пожалуй, главной особенностью военно-психологического искусства Наполеона является то, что он отчетливее других выдающихся полководцев понимал значение *морального состояния войск*. Русский военачальник Г.Леер приводит такие слова французского полководца: «Если хотите глубже проникнуть в истины политики и войны (вообще, следовательно, в области, где человек является главным деятелем), то обратитесь к духовной стороне дела»¹¹.

Свое понимание роли морально-психологического фактора и средств воздействия на него Наполеон выработал на основании своих многочисленных походов и сражений, а также обобщений опыта полководцев прошлого. Он писал: «Наступательные войны должны вестись, как вели их Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюрен, принц Евгений и Фридрих... В умелом использовании психологического фактора этими полководцами заключаются "тайны военного искусства"». Учитывая это, Наполеон считал, что замысел войны, сражения, боя должен основываться на учете морального фактора: «Устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, силу оружия, страх». Построение боевого порядка, тактика действий войск также должны учитывать психологические условия. Например, чтобы вызвать растерянность, смятение в рядах противника, по мнению полководца, необходимы быстрота, внезапность, неожиданность и необычность действий. Из такого понимания роли психологического фактора в войне вытекает стратегия расходящихся ударов, сосредоточение сил на главном направлении («как только будет сделана брешь, устойчивость противника нарушится»), доведение темпов марша пехоты до 120 шагов в минуту (при темпе марша войск противника 70 шагов в минуту)¹².

Его известное выражение, гласящее, что «моральная сила относится к физической как три к одному», является не только красивым изречением, это — реальная формула для расчета вероятности победы.

Наполеон отличался фантастической способностью чувствовать, улавливать главное в настроении масс и влиять на него. Психологом Н.Ф.Феденко дан сравнительный анализ содержания его обращений к армии в за-

висимости от ее морального состояния. Так, в итальянском походе (1796–1797 гг.), принимая командование голодной, оборванной, потерявшей веру в свои силы армией, он находит такое обращение к солдатам, которое дает желаемый отклик: «Солдаты! Я поведу вас в самые плодородные страны мира...». В битве при пирамидах (1798 г.) он уже обращается к людям, для которых на первом месте стоят идеи революции: «Солдаты! С высоты этих пирамид на вас смотрят 40 веков...». Под Аустерлицем в его приказе звучат другие ноты: он обращается к верноподанным императора и поэтому апеллирует к их роялистским чувствам, верности, честолюбию, и т.д. Это простое сопоставление, по мнению Н.Ф.Феденко, говорит о том, что Наполеон тонко чувствовал интересы, устремления, потребности людей, учитывал изменения «солдатского материала» и стремился влиять на настроения масс так, чтобы добиться поставленных целей¹³.

Наполеон, по общему мнению, обладал непревзойденным талантом влиять на психологическое состояние подчиненных. История зафиксировала несколько фактов, в которых этот его дар раскрывается во всей своей силе.

Еще будучи капитаном, при осаде Тулона он, раненный, заменил тяжело раненого командира и возглавил французскую артиллерию. При этом настолько приблизил свою батарею к противнику, что, казалось, не найдется храбрецов для ее обслуживания. Однако Наполеон высоко над батареей повесил плакат с надписью «Батарея бесстрашных», и желающим воевать здесь не было отбоя.

Хрестоматийным стал такой случай. Однажды Наполеон во время проверки караулов обнаружил, что один часовой заснул в снегу на своем посту. По уставу, он должен был вызвать начальника караула, посадить под арест нарушителя, а затем отдать его под суд и расстрелять. Подобные преступления не прощались, где бы они ни были совершены — в своей ли стране или на территории противника. Не могло быть пошады солдату, заснувшему на посту и подвергавшему угрозе жизнь своих товарищей. Любому было ясно, как должен был поступить проверяющий. Но Наполеон — «гениальный человек, а гений действует так, как не придет в голову поступить обычному человеку». Он поднял ружье спящего часового, вскинул его себе на плечо и занял оставленный утомленным солдатом пост. Прибыв со сменой, сержант увидел, что часовой все еще спит, а император стоит на его посту.

Наполеон хорошо понимал, что история об императоре, взявшем на плечо ружье вместо того, чтобы вызвать подразделение для расстрела, на следующий день молнией облетит всю армию и окажет на нее мощное моральное воздействие¹⁴.

Император — любимец солдатских масс — оставил много интересных мыслей, относящихся к пониманию и учету солдатской психики и поведения. Некоторые из них стали своеобразными формулами. Например: «Путь к сердцу солдата лежит через его желудок»; «В ранце каждого солдата лежит маршалский жезл»; и др.

Наполеон лучше многих полководцев понимал роль подражания, психического заражения и внушения в детерминации поведения солдата на поле боя.

Вера солдат в своего императора и полководца, лежащая в основе многих побед французской армии, в значительной мере основывалась на личном мужестве, нечеловеческой выносливости, непрехотливости,

стрессоустойчивости и неуязвимости своего полководца. Он участвовал в 60 сражениях, всегда был в самом их центре, всегда сохранял мужество и как будто всегда оставался невредимым.

В 1796 г. во время боя под Лоди успех в решающей степени зависел от взятия моста, охраняемого 10-тысячным отрядом австрийцев. Двадцать австрийских орудий вели огонь по мосту. Наполеон встает во главе гренадерского батальона и под градом пуль и разрывами снарядов в штыковой атаке овладевает мостом.

Через полгода ситуация повторилась на Аркольском мосту, охраняемом лучшими частями австрийцев. Трижды французы штурмуют мост и трижды отходят под шквальным огнем противника. И тогда Бонапарт бросается вперед со знаменем в руках. Вокруг него падают солдаты и адъютанты, а он добегаёт невредимым. Бой продолжается три дня, и французы побеждают¹⁵.

Однако неуязвимость Наполеона была всего лишь мифом: после смерти на его теле были обнаружены следы ранений, которые он скрывал¹⁶.

Во время похода в Египет полководец жил на виду у солдат, разделял с ними тяготы военной жизни. Походно-полевой быт офицеров он организовывал таким образом, чтобы не противопоставлять их солдатам, а повышать их авторитет.

Оценивая бесстрашие и непрехотливость Наполеона, Стендаль пишет: «Эта мужественная душа обитала в невзрачном, худом, почти тшедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казалась его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неопишуемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках»¹⁷.

Наполеон показал себя *специалистом в области психологии воздействия на войска и население стран противника*. Он считал, что психологическое воздействие на войска и население противника является самостоятельным и эффективным оружием, и искренне верил, что «четыре газеты смогут причинить больше зла, чем стотысячная армия». Именно поэтому в его армии постоянно находилась походная типография мощностью до 10 тыс. листовок в сутки¹⁸.

В его записках¹⁹ имеется немало очень глубоких и тонких обобщений, касающихся этнопсихологических особенностей французских, русских, прусских, австрийских, арабских воинов и воинов других национальностей.

Осуществляя своеобразную «пиаровскую» акцию, он все свои воззвания в Египте начинал словами: «Нет бога кроме бога, и Магомет его пророк». В результате распространился слух о том, что он принял ислам. Оценивая результаты этой психологической игры, полководец говорил: «Вы не можете себе представить, как многого я добился в Египте тем, что сделал вид, будто перешел в их веру»²⁰.

Учитывая этнопсихологические и конфессиональные особенности противников, он умело применял стратегию «кнута и пряника: проявлял жестокость по отношению к одним народам и лояльность — по отношению к другим. Непокорных противников и бунтовщиков он карал беспощадно и жестоко. В Каире он казнит всех, кто участвовал в бунте, приговаривает к расстрелу 200 духовных лиц; в Яффе расстреливает около 2000 пленных турок, вторично участвовавших в боевых действиях после пленения»²¹.

Устрашение и возвеличивание, искренность и ложь, верность и измена — все, по его мнению, вплетается в поток стратегии и работает на победу.

Таковы некоторые штрихи к военно-психологическому искусству Наполеона. В нем содержится ответ на вопрос о причинах военных успехов возглавляемых им войск. Знакомство с ним вызывает еще большее уважение к русским полководцам и воинам, превзошедшим противника в боевом мастерстве на полях сражений в войне 1812 года.

Таким образом, военно-психологическое искусство Наполеона богато и многопланово. Оно представляет собой стройную систему принципов организации и ведения сражения, сочетающуюся с глубоким знанием и широким использованием психологии человека, войны и боя, а также с выдающимися личностными качествами полководца. В военно-психологических воззрениях, военной и политической деятельности полководца содержатся интуитивные «озарения» и находки, осмысленные и выстраданные принципы, своеобразные «формулы» практического приложения психологии к практике решения военных задач, опыт психологического решения крупных военных проблем. И сегодня военно-психологическое искусство Наполеона является той сокровищницей, из которой современные военачальники могут черпать бесценный опыт.

¹ Лобов В.Н. Военная хитрость: из теории и истории. М., 1992. С. 3.

² Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990. С. 63.

³ Стендаль. Итальянские хроники. Жизнь Наполеона. М., 1998. С. 31.

⁴ Теплов Б.М. Указ. соч. С. 65.

⁵ Там же. С. 80-81.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Стендаль. Указ. соч. С. 325-326.

⁸ Богданова Д.Я. Психология спорта. М., 1999. С. 174-175.

⁹ Теплов Б.М. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 42, 57, 72.

¹¹ Леер Г. Метод военных наук. СПб., 1884. С. 42.

¹² См.: Там же. С. 44.

¹³ Феденко Н.Ф., Сергеев П.И., Стрельников Е.А., Додельцев Р.Ф. Буржуазная военная психология и ее использование в подготовке империалистических армий. М., 1978. С. 45.

¹⁴ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1990. С. 28-29.

¹⁵ Богданова Д.Я. Указ. соч. С. 174-175.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Стендаль. Указ. соч. С. 333.

¹⁸ Плотников Н. Бескровное и бесшумное средство // Независимая газета. 1996. 27 января.

¹⁹ См.: Наполеон. Избранные произведения. М., 1956.

²⁰ Стендаль. Указ. соч. С. 340.

²¹ Там же.

ГЕНЕРАЛ НА ВОЙНЕ: УИНФИЛД СКОТТ О ЦЕНТРАЛЬНО-МЕКСИКАНСКОЙ КАМПАНИИ 1847 Г.

Американо-мексиканская война 1846–1848 гг. занимает особое место в истории США. В результате двух лет войны (при этом собственно боевые действия продолжались полтора года) Соединенные Штаты увеличили свою территорию в полтора раза. По итогам мирного договора Гуаделупе-Идальго, подписанного 2 февраля 1848 г., Мексика уступала своему северному соседу территории современных американских штатов Калифорния, Невада, Юта, Нью-Мексико, Аризона, части Колорадо, Вайоминга и Техаса, а также признавала осуществленную накануне войны аннексию Техаса, который тоже в недавнем прошлом входил в состав Мексики.

Захват обширных земель в столь короткий срок не был чем-то особенным для XIX в. Однако главная особенность континентальной экспансии Соединенных Штатов заключается в том, что завоеванные территории и сегодня являются неотъемлемой частью страны, в то время как большинство территориальных захватов европейских государств, будь то блистательная империя Наполеона, казавшаяся непоколебимой Британская империя или необъятное государство Российское, были потеряны на том или ином этапе исторического развития.

Вместе с тем, в американской историографии война США с Мексикой никогда не была особенно популярной, постоянно оказываясь в тени другой войны, гражданской. Несомненно, гражданская война 1861–1865 гг. является одним из ключевых событий американской истории, поскольку в тот момент под вопросом оказалось само существование Соединенных Штатов, и хронологическая близость (гражданская война началась спустя лишь 13 лет после подписания мирного договора с Мексикой) этих двух событий негативно сказалась на историографии американо-мексиканской войны. До начала 1970-х годов последняя рассматривалась, прежде всего, через призму доктрины «предопределения судьбы», ставшей идеологическим обоснованием территориальной экспансии. За истекшие тридцать лет акценты американской исторической науки сдвинулись из политической и военной истории на историю социальную, что привело к стремлению, по возможности, забыть войну с Мексикой. Постоянный приток выходцев из Латинской Америки, которые, по последним оценкам, к середине XXI в. составят 25% населения страны, и болезненное стремление к политкорректности, характерное для всех сфер американского общества, не способствуют популяризации «забытой войны». Для тех американцев, кто что-то слышал об этой войне, характерны два противоречивых чувства: «вина» за «ограбление» Мексики и гордость за те достижения, которые американцы привнесли на присоединенные земли.

Необходимо отметить, что военная и дипломатическая стороны конфликта изучены достаточно подробно¹. В последние годы в американской историографии наблюдается определенный интерес к психологическим аспектам американо-мексиканской войны². В отечественной исторической науке проблемы военно-исторической психологии также

привлекают пристальное внимание исследователей, однако историко-психологический подход не применялся для изучения войны США с Мексикой³. В данной статье сражения середины прошлого века, развернувшиеся на полях Мексики, рассматриваются в рамках парадигмы «человек на войне». Этим человеком является главнокомандующий американской армией генерал Уинфилд Скотт, лично возглавивший десантную операцию в Центральной Мексике и блистательно осуществивший наступление и взятие мексиканской столицы.

Уинфилд Скотт, безусловно, является одним из наиболее одаренных американских командующих XIX в., однако его имя находится в тени его современников — генералов Джексона, Гранта, Шермана и Ли. Никто из них не превзошел Скотта с точки зрения таланта полководца и никто не достиг столь ошеломляющих успехов на поле боя. Но для Э.Джексона и У.Гранта вершиной военной карьеры стало избрание на пост президента США — мечта, которую Скотту так и не удалось осуществить. С другой стороны, Грант, Шерман и Ли прославились в ходе гражданской войны, которая, наряду с войной за независимость, является важнейшим архетипом американской истории, тогда как звездный час Скотта пришелся на войну с Мексикой. Гражданскую войну он встретил, все еще оставаясь на посту главнокомандующего американской армией, однако напор, решительность и дерзость замыслов, благодаря которым он одержал свои блистательные победы в Центральной Мексике, остались для семидесятипятилетнего генерала в прошлом.

Уинфилд Скотт родился 17 июля 1786 г. в штате Виргиния. Не прошло еще и трех лет со дня подписания Парижского мира, ознаменовавшего официальное окончание войны за независимость североамериканских колоний, а современная конституция США еще не была создана. В пять лет Скотт потерял отца, в недавнем прошлом являвшегося капитаном революционной армии, и остался на попечении своей матери и ее брата. В 1805 г. Скотт поступил в колледж Вильгельма и Марии, один из наиболее уважаемых американских университетов того времени, выбрав в качестве своей будущей профессии юриспруденцию⁴. Два года спустя Скотт готовился открыть собственную юридическую практику в Чарлстоне, Южная Каролина, однако в этот момент он сделал шаг, кардинально изменивший его будущее.

Эпоха Наполеоновских войн для Соединенных Штатов стала временем обострения внешнеполитических отношений с обеими противостоящими коалициями европейских государств. США объявили о своем нейтралитете, но ни Франция, ни Великобритания не воспринимали всерьез молодую республику. Особенно напряженно складывались англо-американские отношения: британский флот, безраздельно господствовавший в Атлантике, препятствовал американской торговле с европейским континентом, захватывая и досматривая принадлежащие Соединенным Штатам торговые корабли. Война с Великобританией могла начаться в любой момент; страна бурлила, требуя от президента активных действий. Скотт, к тому времени уже записавшийся добровольцем в отряд береговой обороны, полностью солидаризировался с позицией «ястребов».

В начале 1808 г. Уинфилд Скотт был представлен президенту Джефферсону и военному министру Генри Дерборну: «Итак, молодой человек, что Вы видели в Вашингтоне? Вы были в Капитолии? Чьи выступления Вы там слышали?» — рассеянно спросил президент⁵. В ходе встречи Скотту был обещан капитанский чин, в случае, если конгресс поддержит силовую политику президента, а 3 мая 1808 г. Скотт официально получил звание капитана мобильной артиллерии и приступил к формированию роты, которой ему предстояло командовать⁶.

Война, которую многие американцы с нетерпением ждали, началась лишь через четыре года. За это время Скотт полностью познал рутину армейской службы и всерьез подумывал вернуться к юридической практике, однако жажда славы, чувство долга и ожидание войны оказались сильнее. В первые же дни войны капитан Скотт был произведен в подполковники и направлен на канадский фронт, в восточной части Великих озер, сражаться против англичан и союзных им индейских племен.

Несмотря на долгое ожидание, американцы оказались совершенно не подготовлены к войне. Армия, которой располагали Соединенные Штаты, абсолютно не отвечала поставленной задаче — захвату Канады и с трудом справлялась с обороной собственной территории. На стороне англичан были численное преимущество, выучка и желание сражаться. На фронте Скотт зарекомендовал себя как мужественный и ответственный офицер, однако согласование командования (точнее его отсутствие) и боевая подготовка американцев оставляли желать много лучшего.

С американской стороны план кампании выглядел незамысловато: наступать на Канаду. Адекватных сил для выполнения приказа Скотт, правда, не получил. Во главе отряда из 600 человек Скотт в октябре 1812 г. переправился через р. Ниагара и начал наступление. На просьбы о подкреплении Скотт получил следующий ответ от своего непосредственного командира генерала Ван Ренсселера: «Я осмотрел свой лагерь. Ни один полк, ни одна рота не готовы прийти вам на помощь. Ваш единственный выход — отступить, если это удастся. За вами будут высланы суда»⁷.

Обещанные суда так и не пришли. Как саркастически замечает Скотт в своих мемуарах, генерал Ван Ренсселер не имел ни авторитета, ни денег, чтобы заставить находящихся под его командованием американских моряков выручить своих собратьев по оружию⁸. Окруженный противником, обладающим численным преимуществом, Скотт принял тяжелое решение о капитуляции.

К началу следующего года в результате обмена военнопленными Скотт вернулся в Вашингтон, где был встречен как победитель и после непродолжительного отдыха вновь направлен на канадский фронт. Несмотря на свое недавнее пленение, молодой и честолюбивый подполковник выгодно выделялся на фоне своих командиров, половина из которых не желала, а другая половина — не была способна сражаться. В марте 1813 г. Скотт получил звание полковника, через год произведен в бригадные генералы, а еще через месяц стал генерал-майором. Тогда же, в июне 1814 г. в битве при Ниагаре Скотт получил тяжелые ранения и до конца войны не принимал активного участия в боевых действиях.

Война с Великобританией закончилась в 1815 г. Мирный договор был подписан в декабре 1814 г. в Генте, однако пока известия об окончании войны дошли до Нового Света, американцы смогли одержать свою самую громкую победу в этой войне — в январе 1815 г. в битве за Новый Орлеан. Американскими войсками в этом сражении командовал генерал Эндрю Джексон, мгновенно ставший национальным героем.

После окончания войны (которую американцы патристично назвали «Второй войной за независимость») каких-либо активных военных действий Соединенные Штаты не вели, не считая практически постоянных столкновений с индейскими племенами. Наибольших успехов в этих конфликтах достиг Джексон, который под предлогом преследования индейцев захватил принадлежащую испанцам Флориду. Вскоре Джексон оставил военную карьеру ради политики и в 1828 г. был избран президентом страны.

Пример Джексона, занимавшего высший пост государства в течение восьми лет и ставшего основателем демократической партии, вдохновил Скотта, который также подался в политику, не оставляя, однако, военную службу. Первый шанс побороться за Белый дом представился Скотту в 1839 г. В преддверии очередных президентских выборов лидеры оппозиции сошлись на том, что наиболее благоприятные шансы в борьбе с преемником Джексона будут не у профессионального политика, а у хорошо известного широким массам героя войны. Однако на конвенте партии вигов выбор был сделан в пользу другого генерала, также прославившегося во время войны 1812 г. — Уильяма Гаррисона. Гаррисон был избран на пост президента в 1840 г., однако через месяц после инаугурации скончался от воспаления легких.

Тем не менее, победа партии, в рядах которой состоял Скотт, способствовала его продвижению в военной иерархии. Летом 1841 г. Скотт был назначен главнокомандующим армией США, и в этой должности он встретил начало войны с Мексикой.

Мемуары Скотта представляют собой ценный источник по истории американо-мексиканской войны. Несомненно, что и для самого генерала эта война была центральным событием его военной биографии: даже если судить по объему, — ей посвящена практически треть мемуаров. Обращаясь к событиям войны с Мексикой, главнокомандующий американской армией воспринимал ее в трех аспектах: военном, политическом и карьерном.

В военном плане война стала триумфом Скотта, который не только осуществлял общее руководство в качестве главнокомандующего, но и лично возглавил операцию в центральной Мексике, принесшую американцам победу.

С точки зрения политического расклада сил, положение Скотта выглядело несколько двусмысленным. С одной стороны, война стала пиком политического размежевания американского общества, в котором партией войны являлись демократы, в то время как виги предпочитали мирное урегулирование конфликта и даже после окончания военных действий некоторое время выступали против аннексии захваченных территорий. Характерно, с этой точки зрения, начало рассказа Скотта, ассоциировавшего себя с партией вигов, о событиях войны: «Военных действий с Мексикой, вполне вероятно, можно было избежать...»⁹. С

другой стороны, война, хотя и нежеланная для его партии, могла чрезвычайно благоприятно отразиться на политической карьере Скотта: победы на полях Мексики автоматически добавляли очки в политическую копилку главнокомандующего. Однако у власти в это время находились демократы, и президент Полк был заинтересован в том, чтобы военные успехи принесли как можно меньше славы победителю — Скотту.

Карьерный аспект восприятия войны для Скотта тесно связан с первыми двумя. По определению, мемуары представляют постфакторное изложение и оценку событий — и в 1860-е годы, когда автор создавал свое произведение, он уже знал то, что другой Скотт, находящийся на полях сражений, мог видеть только в страшных снах: что пик его военной карьеры станет символом краха его политических надежд. На президентских выборах 1848 г. виги вновь предпочли видеть в качестве своего кандидата другого генерала — на этот раз им стал Закари Тейлор. Дорогу в политику Тейлору открыла все та же война с Мексикой, — подчиняясь Скотту как главнокомандующему, Тейлор находился во главе отдельной армии и одержал ряд эффектных побед на северо-востоке Мексики. Слава героя войны позволила Тейлору завоевать Белый дом.

В своих мемуарах Скотт подробно останавливается на ходе военных действий и, в первую очередь, на центрально-мексиканском театре военных действий. Нельзя не согласиться со Скоттом в том, что решающие победы были достигнуты именно в Центральной Мексике, однако очевидно и желание генерала утвердить приоритет своих побед для потомков, раз уж современники, по непонятным ему причинам, предпочли Тейлора. Одновременно следует иметь в виду, что о событиях на других фронтах Скотт имел информацию лишь из вторых рук, в то время как описание центрально-мексиканской кампании основано на личном опыте главнокомандующего.

Красной нитью по мемуарам проходит противостояние Скотта с Полком, — с одной стороны, и с Тейлором, — с другой. Победа над внешним врагом (Мексикой) не являлась единственной целью Скотта, хотя как военный он воспринимал ее в качестве приоритетной. Одновременно Скотт-политик стремился использовать военную победу для накопления собственного политического капитала, ориентируясь на президентские выборы 1848 г. И в этом плане его очевидными противниками являлись президент Полк и генерал Тейлор. Противостояние с президентом по вопросу стратегии и тактики ведения войны не могло быть открытым уже в силу подчинения генерала военной иерархии, — согласно американской конституции, верховным главнокомандующим является президент, однако наличие и сущность конфликта не составляли секрета для современников. Соперничество с Тейлором на протяжении войны оставалось опосредованным: Скотт ревностно следил за военными успехами Тейлора, поскольку опасался любой конкуренции, будь то в политике или на поле боя, однако вплоть до национального конвента вигов, состоявшегося в 1848 г., не воспринимал своего подчиненного в качестве реального конкурента в борьбе за партийное лидерство, — в отличие от Скотта, Тейлор не ассоциировал себя ни с одной из партий и, казалось, вовсе не интересовался политикой.

Таким образом, иерархия целей Скотта на начало войны с Мексикой выглядит следующим образом:

1. Одержать военную победу над внешним врагом;
2. Использовать успех на полях сражений в предстоящей политической борьбе;

Для чего необходимо:

3. Стать главным, а лучше – единственным героем-победителем войны;
На этом пути необходимо преодолеть следующие препятствия:
4. Противодействие президента, опасавшегося усиления представителей оппозиционной партии;
5. Возвышение любых других военкомандующих, которые могут оспорить военно-политическое лидерство Скотта после окончания войны.

Иерархия целей президента Полка выглядит несколько иначе:

1. Добиться военной победы, ведущей к миру на наиболее выгодных для США условиях, при одновременном укреплении позиции правящей партии;

Учитывая, что ведущие генералы принадлежат к оппозиционной партии:

2. Помешать созданию «культы военных героев» – в идеале, или, по крайней мере, создать несколько «маленьких» героев, а не одного «крупного».

Что касается Тейлора, то для него восприятие войны было ограничено одной целью – одерживать военные победы на вверенном ему участке фронта, аккумулируя «военный» капитал, который после войны может быть использован как в военной, так и в политической сферах.

Мемуары Скотта недвусмысленно свидетельствуют о конфликте интересов, – в первую очередь, между главнокомандующим и президентом. Полку не была нужна победа, достигнутая исключительно стараниями Скотта, который станет главным победителем войны. Тейлор же в этом случае оказывается невольным орудием президента, и, как выяснится впоследствии, именно он получит основные политические дивиденды от победы в войне.

Логику рассуждений президента генерал Скотт представлял себе следующим образом: «Скотт является вигом; следовательно, демократы не обязаны вести себя с ним добросовестно. Скотт является вигом; следовательно, его успех может оказаться невыгодным демократам. Тем не менее, его военный опыт необходимо использовать...»¹⁰.

Во время войны основным политическим противником Скотта несомненно являлся Полк, которого в мемуарах он открыто называет «более опасным врагом, чем Санта-Анна»¹¹ (после начала американо-мексиканской войны Антонио Лопес де Санта-Анна в очередной раз стал президентом Мексики и лично возглавил вооруженные силы этой страны). Между тем, в мемуарах главным объектом неприязни генерала является не американский президент, а генерал Тейлор, поскольку

именно его военная слава помешала Скотту получить президентскую номинацию от партии вигов в 1848 г., которая вела в Белый дом.

Если по отношению к Полку Скотт ограничивается оценкой «хитрый и лицемерный»¹², то характеристика бывшего подчиненного является куда как более изощренной: «Обладая хорошей долей здравого смысла, ум генерал Тейлора не был развит и просвещен чтением и не обладал широким кругозором. В результате у него отсутствовала гибкость мышления. Его домом всегда оставались граница и небольшие военные укрепления. Таким образом, он был абсолютно невежественным для своего звания и абсолютно фанатичным в своем невежестве. Его наивность была поистине детской, и наряду с многочисленными предрассудками — занимательными и неисправимыми, — соответствовала его неопытности»¹³.

План военной кампании, разработанный Скоттом, изначально предусматривал нанесение главного удара в сердце Мексики — высадку десанта в районе Веракруса с последующим наступлением на мексиканскую столицу. Президент долго не хотел одобрять предложенный план и сделал это с большой неохотой, но не потому, что сомневался в его успехе, а поскольку других реальных кандидатур на командование операцией, кроме Скотта, не было. В качестве альтернативы плану Скотта Полк высказал предположение, что Тейлор, который в приграничном сражении в нижнем течении Рио-Гранде разбил противостоящую ему мексиканскую армию и вступил собственно на мексиканскую территорию, может наступать на Мехико через пустыню Сан-Луис-Потоси. Однако этот план вызвал возражения как у Скотта, так и у Тейлора, — пятисоткилометровый марш через пустыню мог закончиться только военной катастрофой.

Прошло более полугода после начала военных действий с Мексикой, пока наконец-таки план Скотта не был принят. Только в конце ноября 1846 г., когда уже стало абсолютно ясно, что наступление Тейлора носит локальный характер и все его успехи в северо-восточной Мексике не приблизят окончательную победу, Скотт получил приказ начать подготовку к десантной операции в центральной Мексике.

Соединенные Штаты испытывали острую нехватку в обученных и подготовленных солдатах. Для успешного ведения кампании в центральной Мексике Скотт был вынужден забрать у Тейлора большую часть войск. В действительности Скотт предпочел бы полностью свернуть северо-восточный фронт и взять Тейлора с собой, поставив командовать дивизией, — в этом случае все военные успехи соперника автоматически записывались бы на счет Скотта. Однако Полк еще не полностью отказался от идеи наступления через Сан-Луис-Потоси, и на фоне политических интриг в американской столице Скотт предпочел не обострять отношения как с президентом, так и с Тейлором, и согласился с пожеланием последнего остаться командовать собственной армией, предварительно убедившись, что ее сил хватит исключительно на ведение оборонительных действий¹⁴.

Узнав о готовящейся высадке американцев в районе Веракруса, Санта-Анна решил уничтожить своих противников по одиночке: упреждающим ударом разбить Тейлора, после чего вернуться в центральную Мексику до начала вторжения Скотта. Собрав более чем двадцатиты-

сячную армию, Санта-Анна выступил на север, выбрав маршрут через Сан-Луис-Потоси, от которого отказались американцы. Переход оказался исключительно тяжелым, лишь подтвердив правильность точки зрения Скотта, — продвигаясь по своей, а не по вражеской территории, мексиканцы потеряли на марше 4 тыс. человек. Однако даже с учетом столь значительных потерь, Санта-Анна имел практически четырехкратное численное превосходство над Тейлором. В битве при Буэно-Висте (22–23 февраля 1847 г.) Тейлору удалось остановить продвижение противника и одержать свою самую громкую победу (в первую очередь, благодаря превосходству американской артиллерии), что на следующий год откроет ему дорогу в Белый дом.

Центрально-мексиканская кампания Скотта продолжалась ровно шесть месяцев и пять дней — между высадкой в районе Веракруса 9 марта и взятием Мехико 14 сентября 1847 г. Многие современники считали наступление Скотта безумством. Особенно характерной эта точка зрения являлась для сторонних наблюдателей — англичан. В любой момент англичане, традиционно не испытывавшие особо теплых чувств к жителям мятежных колоний, ожидали поражения американских войск. Действительно, Скотт сильно рисковал. Правительство США оказалось неспособным собрать адекватную поставленным задачам армию, — в каждом сражении оборонявшиеся мексиканцы имели численное превосходство над армией Скотта, варьирувавшемся от полутора- до трехкратного.

Профессиональная армия, которой Соединенные Штаты располагали накануне войны, была явно недостаточной — 17 тыс. человек, разбросанные от Канады и Дикого Запада до Рио-Гранде. В мае 1846 г. американский конгресс объявил о призыве добровольцев на шестимесячный срок, что стало основным принципом формирования армии на весь период войны. Негативным последствием подобного принципа комплектования армии являлось то, что в самый ответственный момент у добровольцев истекал срок призыва и они отказывались продолжать службу. Так, в мае 1847 г., находясь всего лишь в 120 км от мексиканской столицы, Скотт был вынужден отпустить по домам 4 тыс. добровольцев (что составляло треть имеющихся в его распоряжении сил), поскольку срок их службы истек, и ему пришлось почти три месяца ожидать прибытия подкреплений. Кроме того, даже военная необходимость не могла заставить вашингтонских политиков действовать быстро и решительно, — законопроект о наборе 10 новых полков обсуждался в конгрессе более двух месяцев (с начала декабря 1846 г. по 11 февраля 1847 г.)¹⁵.

Линии снабжения также не отличались слишком большой надежностью: если американский флот безраздельно господствовал в Мексиканском заливе и сообщение с Веракрусом носило регулярный характер, то при продвижении вглубь вражеской территории положение Скотта резко осложнялось. Враждебное отношение к захватчикам со стороны мексиканского населения и действия партизанских отрядов играли на руку Санта-Анне, который любой ценой стремился перекрыть путь у столице. Кроме того, необходимо иметь в виду еще одну особенность центрально-мексиканской кампании: несмотря на постоянные поражения, Санта-Анна вновь и вновь восстанавливал численность армии, мобилизуя на военную службу местных

жителей, в то время как все победы Скотта могли быть в любой момент сведены к нулю единственным успехом мексиканцев.

С внешней стороны центрально-мексиканская кампания выглядит как череда блистательных побед. После восемнадцатидневной осады и пятидневного обстрела как с суши, так и с моря был взят Веракрус. 18 апреля Скотт разбивает превосходящие силы Санта-Анны при Серро-Гордо. 15 мая американские войска занимают Пуэблу, от мексиканской столицы их отделяет лишь 120 км, однако здесь Скотт делает вынужденную остановку, ожидая подкрепления, которые должны заменить отпущенных по домам добровольцев. 20 августа, разделив свои войска на две колонны, Скотт штурмует мексиканские позиции при Контрерасе и Чурубуско, одерживая две победы в один день. 8 сентября мексиканцы вновь разбиты, в этот раз в битве при Мелино-дель-Рей. Пути Скотта к мексиканской столице преграждает последнее препятствие — крепость Чапультепек, но у него в строю остается лишь 7,5 тыс. человек. Захватив Чапультепек 12 сентября, Скотт готовится к штурму Мехико, однако в ночь с 13 на 14 сентября, сразу после наступления темноты Санта-Анна вывел свои войска из столицы. Отдельные боевые действия продолжались еще на протяжении месяца, однако война была выиграна, и оставался открытым лишь один вопрос: какую цену мексиканцам придется заплатить за мир?

Между тем, центрально-мексиканская кампания не ограничивается сухим перечнем одержанных побед и незначительных (особенно по сравнению с противником) потерь американцев. «Второе завоевание Мексики»¹⁶ (как его именует сам Скотт по аналогии с завоеванием Мексики Кортесом) было далеко не легкой прогулкой.

На страницах своих мемуаров, посвященных событиям американо-мексиканской войны, Скотт уделяет наиболее пристальное внимание собственно военным аспектам кампании, излагая ход операций и обосновывая принимаемые решения.

Так, автор рассуждает о преимуществах и недостатках двух возможных путей взятия Веракруса — долговременной осады и штурма. Для Скотта штурм являлся менее предпочтительным вариантом, поскольку он неизбежно вел к большим жертвами с обеих сторон, включая мирное население города: «Штурм следует осуществлять в темноте, и нападающие не могут позволить себе терять время на взятие и охрану пленных, не подвергаясь опасности самим попасть в плен, до тех пор, пока не будут заняты все укрепленные районы города». Кроме того, в случае штурма Веракруса потери американцев, по оценке Скотта, могли достигнуть 2—3 тыс. человек, что при общей недостаточности численности личного состава было для главнокомандующего абсолютно неприемлемым¹⁷.

В битве при Серро-Гордо в плен было взято 3 тыс. мексиканских солдат, в том числе пять генералов. Учитывая, что в распоряжении Скотта на этот момент было всего лишь 8,5 тыс. человек, можно представить затруднение, которое возникло в связи со столь значительным числом пленных. О том, чтобы продолжать продвижение на мексиканскую столицу в сопровождении колонны военнопленных, не могло идти и речи. Скотт сообщает, что у него не было достаточного количества

продовольствия, чтобы кормить пленных более, чем один день, не говоря уже о том, что необходимость охраны пленных снижала маневренность и боеспособность армии. Можно было, конечно, отправить пленных солдат под конвоем в Веракрус, однако это значило ослабить и так немногочисленную армию. Кроме того, по мнению генерала, тяготы обратного пути и необходимость снабжения пленных продовольствием, которая ложилась на плечи немногочисленного охранения, неизбежно вели к тому, что «значительному числу пленных удастся сбежать», чтобы затем вновь влиться в мексиканскую армию¹⁸.

В этих условиях Скотт принял решение отпустить пленных, предварительно взяв с них слово не поднимать оружие против американцев. Для некоторых мексиканских офицеров подобные условия оказались несовместимыми с понятием чести, однако они согласились дать слово, оставаясь в плену, самостоятельно направиться в Веракрус, а затем в США¹⁹.

Вынужденную остановку в Пуэбле Скотт использовал для дополнительного обучения и тренировок остающихся в его распоряжении войск. Тактика мексиканцев в это время заключалась в булавочных уколах и отступлениях, однако Скотт отдал приказ не распылять силы на преследование мелких отрядов противника. Генерал прекрасно понимал, что его основная задача — разгромить основные силы врага на пути к мексиканской столице, в то время как распыление сил лишь играло на руку Санта-Анне²⁰.

Примерно в десяти километрах от Пуэблы расположены развалины древнего ритуального центра Мексики Чолула. И сегодня Чолула известна на весь мир своей пирамидой, восходящей к древней культуре майя, которая является самой большой (по внутреннему объему) в мире. Скотт не просто сам посетил Чолулу, но и организовал обязательные экскурсии для своих солдат. От большинства современных ему американских генералов Скотт отличался высоким культурным и образовательным уровнем, кроме того, он всячески стремился повторить подвиги Кортеса, имя которого неоднократно появляется на страницах мемуаров. Кортес, несомненно, являлся образцом воина и командира для Скотта: взятие Чолулы, на тот момент важного политического и военного центра империи ацтеков, было важным этапом в покорении Мексики Кортесом, отсюда и стремление Скотта повторить взятие Чолулы, пускай и в символической форме.

7 августа 1847 г., после прибытия долгожданных подкреплений, Скотт начал решающее наступление на мексиканскую столицу. В его распоряжении находилось 11 тыс. человек, в то время как общая численность мексиканских войск, оборонявших подступы к Мехико, достигала 30 тыс. человек.

Одержав двойную победу 20 августа — при Контрерасе и Чурубуско, — Скотт совершает достаточно неожиданный шаг. 23 августа Скотт и Санта-Анна заключают перемирие, которое продлится до 6 сентября. С одной стороны, это перемирие можно рассматривать как ошибку Скотта, который вместо того, чтобы развивать достигнутый успех, терял темп, в то время как мексиканцы получали столь необходимое им время для перегруппировки сил. С другой, — оценивая это решение Скотта, следует учитывать два момента. Во-первых, несмотря на понесенные потери, на стороне мексиканцев оставалось значительное численное преимущество, в то время как американцам не приходилось рассчитывать на новые подкрепления, следова-

тельно, Скотт был объективно заинтересован в скорейшем прекращении военных действий. Во-вторых, и это, вероятно, является более важной причиной, — цели центрально-мексиканской кампании по своей сути являлись ограниченными. В планы американцев никогда не входила аннексия центральной Мексики, и накануне штурма столицы американцы контролировали больше территорий, чем рассчитывали удержать после окончания войны. По своей сути кампания Скотта являлась демонстрацией силы, направленной на то, чтобы вынудить мексиканское правительство заключить мир на условиях, продиктованных Соединенными Штатами.

На следующий день после заключения перемирия начались переговоры о мире, которые, правда, окончились безрезультатно. Скотт был уверен, что находится в достаточно сильной позиции для того, чтобы диктовать свои условия, оставляя мексиканцам возможность сохранить лицо и ничего более. Потеря Мехико могла, с точки зрения американского генерала, без всякой необходимости деморализовать и оскорбить мексиканцев, осложнив достижение взаимоприемлемого соглашения. Кроме того, Скотт подозревал, что потеря столицы может привести к падению режима Санта-Анны (как это в действительности и произошло), после чего ему вообще не с кем будет вести переговоры.

Между тем, мексиканское правительство не было готово заключить мир на предлагаемых американцами условиях: слишком уж велики были требуемые территориальные уступки. Постоянные военные поражения не прибавили популярности режиму Санта-Анны, и капитуляция (а как-то иначе сложно охарактеризовать предложение Скотта) привела бы к его немедленному отстранению от власти.

Когда Скотт понял, что Санта-Анна лишь пытается затянуть время, военные действия возобновились. Однако несмотря на имеющиеся в его распоряжении войска, Санта-Анна был не в состоянии воспрепятствовать падению Мехико. Кроме того, городские власти, стремясь избежать штурма столицы и сопутствующих ему разрушений и жертв среди мирных жителей, настояли на том, чтобы армия Санта-Анны покинула Мехико без боя.

В 6 часов утра 14 сентября 1847 г. представители городского совета Мехико сообщили Скотту о бегстве правительства и попросили американцев выдвинуть условия капитуляции. Скотт, который в этих условиях фактически являлся хозяином города, заявил, что не видит смысла вести разговор ни о каких условиях — капитуляция может быть только безоговорочной²¹.

Американские войска без боя заняли Мехико, где абсолютно неожиданно были встречены оружейным огнем. Вот как описывает эти события сам Скотт: «Вскоре после того, как мы вошли в город, но еще не успели взять под контроль все стратегические объекты, около двух тысяч заключенных, которые ночью были освобождены бежавшим правительством, открыли по нам огонь с крыш домов, из окон и с перекрестков улиц. К заключенным присоединились и вчерашние мексиканские солдаты, избежавшие от военной формы. Эта незаконная война продолжалась более суток, несмотря на старания муниципальных властей положить конец насилию, и закончилась только тогда, когда ценой серьезных потерь, включая нескольких убитых и раненых офицеров, нам удалось уничтожить негодяев. Их цель заключалась в том, чтобы усилить вражду между аме-

риканцами и мексиканцами и использовать смятение и замешательство для грабежа обеспеченных жителей, — прежде всего тех, кто покинул столицу. Но сейчас большинство бежавших семей возвращаются назад, деловая активность восстанавливается, в городе вновь господствуют умиротворенность и жизнерадостность, а наши солдаты ведут себя самым любезным образом (не считая мелких и незначительных происшествий)»²².

Последним и значительными боевыми действиями в центрально-мексиканской кампании, а также и в американско-мексиканской войне в целом, стала осада мексиканцами небольшого гарнизона, который Скотт оставил в Пуэбле. Из-за непогоды и ставших непроходимыми дорог Скотт не мог направиться на выручку осажденного гарнизона. Осада продолжалась 28 дней и была снята отрядом американских войск, подошедшим из Веракруса.

Санта-Анна под грузом военных поражений сложил с себя полномочия президента, и Мексика оказалась без реального правительства. Несмотря на блистательные военные победы, американцам потребовалось практически пять месяцев дипломатических переговоров, чтобы закрепить достигнутый успех. Пока продолжались затянувшиеся переговоры (ни одна из политических сил Мексики в течение долгого времени не была готова взять на себя ответственность за подписание столь унижительного для страны соглашения), американские войска оставались в мексиканской столице. Реальная власть в Мехико находилась в руках Скотта, однако большая часть территории страны (не считая северо-восточных и северо-западных областей, также оккупированных американскими войсками) оставались под контролем патриотических сил, которые в меру своих возможностей продолжали оказывать сопротивление оккупантам.

Практически сразу после заключения мира между Соединенными Штатами и Мексикой, генерал Скотт получил достаточно необычное предложение — стать во главе мексиканской республики. Согласно этому плану, Скотт должен был объявить себя диктатором на срок от 4 до 6 лет. Поскольку подобный режим не мог получить поддержки внутри страны, подразумевалось, что опорой генерала станут наемные американские войска. Завершение войны означало 70-процентное сокращение армии США и, по мнению Скотта, не составило бы труда организовать новую мексиканскую армию из вчерашних американских добровольцев, предложив им оплату на 20% больше, чем они получали от правительства США. Генерал не сомневался, что если ему удастся набрать подобную армию численностью в 15 тыс. человек, то стабильность нового режима будет обеспечена²³.

В своих мемуарах Скотт не отрицает всей привлекательности подобного предложения, однако в феврале 1848 г. он его отверг без колебаний. И дело тут не в невозможности удержаться у власти на штыках иностранных наемников или морального неприятия диктаторской формы правления. Покорив столицу страны в столь короткий срок, обладая столь незначительными силами, Скотт ни сколько не сомневался в своих способностях сохранить достигнутый успех, а опыт правления в Мексике представителя такой демократической страны, как США, мог, с его точки зрения, лишь благоприятно сказаться на судьбах мексиканской демократии²⁴. Однако согласие стать военным диктатором Мексики фактически подразумевало отказ от полити-

ческих амбиций генерала в Соединенных Штатах, а его заветной целью был и оставался пост президента США. Осенью 1848 г. должны были состояться очередные выборы президента Соединенных Штатов, и на этот раз Скотт полагал, что имеет реальные шансы на победу.

Изучение войны США с Мексикой в целом и центрально-мексиканской кампании в частности, с точки зрения психологии главнокомандующего одной из противостоящих армий, позволяет лучше понять как механизм принятия военных решений на войне, так и систему ценностей отдельных представителей военных кругов.

В ходе войны Скотту приходилось решать две разнонаправленные группы задач: военные и политические. Политические амбиции генерала осложняли достижение военных целей, поскольку вели к открытому противостоянию с президентом (однако следует иметь в виду, что в политических реалиях США середины XIX в. любой успешный военный командующий, вне зависимости от наличия у него интереса к политике, воспринимался как политическая фигура, что лишний раз доказывает пример Тейлора).

Многих сложностей (принятие политических решений о направлении главного удара, установление иерархии командования, своевременной посылки подкреплений) возможно было избежать при четком разделении военных и политических интересов сторон. Скотт достиг блистательной победы, но в любой момент с начала войны и до взятия вражеской столицы он ожидал назначения на свое место нового командующего (в течение двух лет войны в Вашингтоне рассматривалась кандидатура сенатора Т.Бентона)²⁵, который если и не обладал военными талантами и опытом Скотта, зато принадлежал к той же партии, что и президент.

Более того, через полмесяца после заключения мирного договора вместо заслуженной награды за выигранные кампанию и войну, Скотт получил предписание президента Полка предстать перед военным трибуналом за чересчур активное насаждение дисциплины среди старшего офицерского состава во время марша на Мехико (справедливости ради следует отметить, что трибунал признал все обвинения не соответствующими действительности)²⁶.

Уинфилд Скотт был и оставался, прежде всего, военным, а уж во вторую очередь политиком. Достижение военной победы являлось для него приоритетной целью и с ней он блестяще справился. Однако война с Мексикой фактически означала конец его политической карьеры. Генерал проиграл политическое противостояние с президентом — Полку удалось предотвратить номинацию Скотта на президентский пост в 1848 г. Однако победа демократа Полка оказалась пирровой: следующим президентом страны все-таки стал кандидат вигской партии, другой генерал американо-мексиканской войны, возвышению которого невольно способствовал сам Полк.

Однако Тейлору, как и в недавнем прошлом генералу Гаррисону, также избранному президентом по мандату вигов, не суждено было долго наслаждаться сладостью власти. Менее чем через полтора года после переезда в Белый дом Тейлор неожиданно скончался.

Через четыре года, в 1852 г. виги, наконец, выдвинули Скотта в качестве своего кандидата на пост президента. Казалось бы, генерал дождался своего звездного часа в политике. Однако к этому времени партия

вигов уже находилась на грани раскола, а американские избиратели успели забыть о военных победах пятилетней давности, и ореола героя войны уже не было достаточно для победы на выборах.

- ¹ См. например, *Smith J.H. The War with Mexico. Vol. 1–2, New York, 1919; Dufour Ch.L. The Mexican War. A Compact History. 1846–1848. New York, 1968; Bauer K.J. The Mexican War. 1846–1848. New York; London, 1974.* В отечественной историографии этим сюжетам уделялось мало внимания. Из существующих работ можно отметить только: *Потокова Н.В. Агрессия США против Мексики. 1846–1848. М., 1962; Миньяр-Белоручев К.В. Война США с Мексикой 1846–1848 гг. // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002.*
- ² В качестве примера можно привести следующую работу: *McCaffrey J.M. Army of Manifest Destiny. The American Soldier in the Mexican War. 1846–1848. New York; London, 1992.*
- ³ Единственным исключением является статья: *Миньяр-Белоручев К.В. Проблема восприятия противника как фактор развязывания войны (на примере американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 245–258.*
- ⁴ *Scott W. Memoirs of Lieutenant-General Scott. Vol. 1–2. New York, 1864. Vol. 1. P. 1–3, 9.*
- ⁵ *Ibid. P. 25.*
- ⁶ *Ibid. P. 25, 29.*
- ⁷ *Ibid. P. 60.*
- ⁸ *Ibid. P. 61.*
- ⁹ *Ibid. Vol. 2. P. 381.*
- ¹⁰ *Ibid. P. 400.*
- ¹¹ *Ibid. P. 403.*
- ¹² *Ibid. P. 380.*
- ¹³ *Ibid. P. 382–383.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 402–403.*
- ¹⁵ *Ibid. P. 453.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 538.*
- ¹⁷ *Ibid. P. 424.*
- ¹⁸ *Ibid. P. 441.*
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Ibid. P. 452–454.*
- ²¹ *Ibid. P. 527.*
- ²² *Ibid. P. 528–529.*
- ²³ *Ibid. P. 581–582.*
- ²⁴ *Ibidem.*
- ²⁵ *Ibid. P. 398–401, 453.*
- ²⁶ *Ibid. P. 573, 584.*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Практически все специалисты разделяют мнение о том, что процесс разработки, принятия и реализации важнейших государственных решений правящими верхами невозможен без соотнесения целого ряда обстоятельств, ведущее место среди которых занимает пространственное расположение данной страны. «География, — подчеркивал известный американский специалист в области международных отношений Н.Спайкман, — есть самый фундаментальный фактор во внешней политике государств, потому что он наиболее постоянен. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются неколебимыми»¹.

Исторический опыт показывает, что географическое положение и территориальная протяженность, природный ландшафт и климат, рельеф местности и характер береговой линии, наличие и виды природных ресурсов, наконец, состояние границ той или иной страны во многом определяют ее стратегический потенциал и перспективы развития².

Данные источников дают основание для вывода о том, что указанные факторы способны модифицировать образные представления народов разных стран друг о друге, находя отражение в социокультурной среде: политических шаржах и карикатурах печатных изданий, театральных постановках, кинофильмах и телепередачах. Так, сопоставляя особенности взаимовосприятия России и Германии, один из современных отечественных историков высказывает наблюдение, заслуживающее нашего внимания: «Всякий раз, когда речь заходила об образных сравнениях русских и немцев, на Западе старались показать русских в образе «медведя с когтистыми лапами», подразумевая под этим *географические очертания России на карте [курсив мой — Е.С.]*. При этом не исключали и национального характера ее людей. В свою очередь, в русской публицистике немца преподносили в образе этакого «ненасытного волка», живущего по законам лесной морали»³. Иначе говоря, и это следует подчеркнуть особо, реалии географического положения той или иной страны могли отождествляться с социально-психологическими особенностями населявших ее этносов⁴.

Осознание закономерностей и тенденций пространственно-политической эволюции государственных образований различного типа стало возможным по мере накопления и концептуального обобщения эмпирического материала в трудах основоположников геополитики. Её фундамент составили идеи шведа Р.Чэллена, немцев Ф.Ратцеля и К.Хаусхофера, англичан Г.Макиндера и лорда Керзона, американцев А.Мэхена и упоминавшегося Н.Спайкмана. Определенный вклад в процесс конституирования этого направления внесли наши соотечественники Д.И.Менделеев, В.И.Ламанский, В.П.Семенов-Тяньшанский и др.⁵

Вполне понятно, что особый интерес к геополитическим проблемам в рассматриваемый период проявляли военные круги ведущих держав, стремившиеся адекватно оценить состояние потенциальных союзников и вероятных противников. Именно поэтому, на наш взгляд, следует обратить внимание на *геополитическое* измерение образа Запада у представителей русского Генерального штаба, занимавшихся по долгу службы

обеспечением национальной безопасности. Ведь от решения таких вопросов, как поиск оптимального пути развития государственно-территориального организма Российской империи наряду с определением ее места в конфигурации международных отношений зависела судьба русского и других народов, населявших колоссальные пространства Евразии, или «хартленда» — то есть осевой области человеческой цивилизации, по определению Г.Макиндера.

Отсюда попытки имперской военной элиты оценить роль пространственного (*хорологического*) и временного (*хронологического*) факторов для обеспечения обороноспособности страны. Не случайно в предисловии к недавно опубликованной работе по истории расширения романовской империи с 1700 по 1917 гг. крупный американский историк-международник Дж.Ледонн отметил, что его книга — это «рассказ о борьбе поднимавшейся России... за контроль над пограничными территориями хартленда и одновременно повествование о решительном противодействии со стороны западных государств (континентальных и морских) этому стремлению»⁶.

Основными источниками для концептуальной разработки российскими генштабистами геополитической проблематики являлись топографические и статистические описания регионов, стран и территорий, которые систематизировались в Военно-Ученом комитете (ВУК) Главного штаба (с 1905 г. — в ГУГШ). Начало этой работы было положено в 1836 г. указом Николая I о составлении «Военно-статистического обзора губерний и областей Российской империи»⁷. К концу XIX в. главное внимание стало уделяться публикации сведений такого рода на страницах специальных изданий Военного и Морского министерств: в тематических сборниках, посвященных иностранным государствам и их вооруженным силам, обзорах западных губерний России и пограничных областей, отдельных трудах офицеров Генерального штаба⁸. Что же касается собственно географической составляющей стратегических оценок дихотомии «Россия и Запад», то пионером военно-статистического анализа новой индустриальной эпохи можно с полным правом считать генерала от инфантерии Н.Н.Обручева, управлявшего делами ВУК с 1867 по 1881 г., а затем вплоть до 1897 г. — начальника Главного штаба. Именно его работы 1860-х — 1870-х гг. сфокусировали внимание российских стратегов на регионе Центральной Европы (преимущественно польских земель) как, используя терминологию геополитики, *перекрестном меганполе*, то есть пространстве соперничества национальных интересов мировых держав⁹.

Рассмотрение исторического процесса территориального расширения Российского государства как имманентного фактора самого его существования занимало первостепенное место в дискуссиях начала XX в.¹⁰ Дело в том, что к этому времени завершился раздел колониальной периферии и наступила эпоха так называемого «закрытого мира», которая диктовала необходимость поиска иных подходов к государственному строительству в условиях «исчерпания пространства», способного ранее поглотить, как писал Г.Макиндер, энергию и избыточное население европейских стран¹¹. При этом главными вопросами, вызывавшими разногласия мнений, являлось установление *целей* и нахождение *пределов (границ)* хорологической экспансии империи.

В отношении апологии «создания территориального базиса» России, который, с точки зрения большинства публицистов, имел для нее гораздо большее значение, чем для западноевропейских стран¹², среди военной элиты существовали два взгляда.

Одни, например, А.Н.Куропаткин, полагали, что задача собирания русских земель была выполнена уже к началу XIX в. и новые завоевания только ухудшают геополитическое положение империи, поскольку она достигла естественных границ и должна еще в течение продолжительного времени «переваривать накопленные территории». Анализируя перспективы развития ситуации на Дальнем Востоке в ходе посещения Японских островов летом 1902 г., Куропаткин пророчески записал в своем дневнике: «Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне... Это будет в особенности заслуженное наказание за то, что в делах Дальнего Востока мы не разобрались в коренном для России вопросе: мы, принимая решения, не взвешивали относительной важности этих дел с делами внутренней России и в особенности с делами, определяющими безопасность России на западной границе. Силы и средства России уже тяжело напряжены»¹³. В том же духе выдержан и фундаментальный трехтомный труд неудачливого полководца о задачах русской армии после японской войны. Рассмотрев историю территориального роста Российского государства со времен его возникновения, Куропаткин приходит к пессимистическому выводу: «Внешнее положение России в конце XIX в. стало более угрожающим, чем было в конце XVIII в.»¹⁴. Следовательно, необходимо остановиться, сохранить статус-кво, прекратить растрачивать народные силы на борьбу с пространством и за пространство, поскольку достигнуты естественные границы территориального роста. Отныне «помыслы и заботы» военно-политической элиты должны быть направлены не вширь, а вглубь — на культурно-цивилизационное освоение и упорядочение колоссальных пространств империи¹⁵.

Весомым доводом сторонников этой точки зрения являлось указание на снижение эффективности управления так называемыми окраинами, представлявшими собой, по сути дела, конгломерат разнокалиберных полуавтономных административно-территориальных образований. К началу XX в. территория Российской империи составляла 22,4 млн. кв. км, на которой по переписи 1897 г. проживало 128 млн. человек, или более 100 народов и народностей, среди которых 57% были не великороссы. Композиция административных единиц России включала 81 губернию, 20 областей, часть из которых объединялись в 8 генерал-губернаторств, а также Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Хивинское и Бухарское ханства, Урянхайский протекторат и особую Квантунскую область, связанную с метрополией узкой полосой строившейся Китайской Восточной железной дороги (КВЖД)¹⁶. Поэтому внутренняя унификация империи и обустройство ее границ представляли немалую трудность, хотя и насущную необходимость.

Еще одним аргументом противников неограниченной внешнеполитической экспансии среди военной верхушки стало утверждение о значительном отставании сооружения путей сообщения (в частности, стратегических шоссе и особенно железных дорог) от потребностей освое-

ния бескрайних российских пространств¹⁷. Ведь нерешенность этой задачи препятствовала налаживанию экономических связей между регионами империи, а в более конкретном плане, как будет показано далее, снижала уровень мобилизационной готовности страны к серьезному военному конфликту (подтверждением чему стало поражение от Японии). В поисках авторитетного мнения поборники активизации военных приготовлений на западной границе ссылались на взгляды одного из ведущих германских стратегов генерала Г.Мольтке (мл.), который открыто заявил: «Наш Генеральный штаб настолько убежден в пользе инициативы в начале войны, что предпочитает постройку железных дорог в сравнении с возведением крепостей»¹⁸.

И все же осознание принципа хорологической достаточности империи нельзя назвать отличительной чертой мировоззрения российской военной элиты. Гораздо более популярным при дворе Николая II и в коридорах Генерального штаба было мнение о необходимости «естественного» роста империи по мере обеспечения интересов России и создания резервного «демографического» пространства для ее населения, увеличивавшегося быстрыми темпами за счет высокого коэффициента естественного прироста. «У нашего государя грандиозные в голове планы, — сообщал как-то Витте Куропаткину после беседы с царем, — взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»¹⁹. Иллюстрацией геополитических воззрений последнего самодержца и его ближайшего окружения служит фраза, сказанная Николаем II японскому посланнику на традиционном новогоднем приеме 1 января 1904 г.: «Не забывайте, что Россия не только большое государство, она почти что часть света!»²⁰

Как видно, представления о колоссальных ресурсах Российской империи, разделявшиеся не только ее властной элитой, но и правящими верхами других государств (отсюда миф о «русском паровом катке», который способен перемолоть любую европейскую армию), создавали у авторитарного режима иллюзию неограниченных стратегических возможностей. Даже неудача на Дальнем Востоке поколебала ее для большей части военной элиты лишь в малой степени, поскольку объяснялась происками бунтовщиков, подкупленных врагами России в ходе «смуты» 1905 г.

Отсюда свидетельства иностранцев о твердой убежденности элитных кругов во главе с царем в неисчерпаемости потенциала русского народа. Сошлемся только на мемуары британского посла Дж. Бьюкенена, записавшего в дневнике после аудиенции у Николая II 14 апреля 1912 г.: «Он [царь — Е.С.] вполне понимает, чем ускорено предполагавшееся увеличение германской армии, но германское правительство должно было предусмотреть, что его пример обязывает и другие государства последовать ему. Германия, конечно, не затруднится выставить людей, но вопрос, сможет ли она выдержать растущие налоги. Россия, с другой стороны, может выставить неограниченное число людей и денег; и подобно тому, как британское правительство определило отношение сил британского и германского флота как 16 к 10, он решил поддерживать то же численное отношение между русскими и германскими армиями»²¹.

На чем же основывались подобные расчеты? Думается, что непосредственную роль здесь сыграла геополитическая концепция Н.Я.Данилевского:

«Оно [государство — Е.С.] достигнет полного роста, — подчеркивал мыслитель, — только когда соединит воедино весь тот народ, который его сложил, поддерживает и живит его; когда оно сделалось полным хозяином всей земли, населяемой этим народом, т.е. держит в руках своих входы и выходы из нее, устья рек, орошающих ее почти на всем протяжении их течения, и устья своих внутренних морей, — одним словом, когда оно достигло осуществления своей внешней исторической задачи»²².

Очевидно, что в представлениях российской военной верхушки начала XX в. идея пространственного расширения неизбежно приобретала *конфронтационно-алармистскую* тональность, поскольку отмеченная выше «закрытость мира» могла означать только силовой передел установленных границ. Показательно, что эта тональность заметна даже тогда, когда речь шла о дипломатических компромиссах наподобие англо-русского договора 1907 г. Например, в докладе перед членами «Общества ревнителей военных знаний» известный аналитик подполковник Генерального штаба А.Е.Снесарев подчеркнул, что Лондон-де больше выиграл от этой договоренности, поскольку заставил Россию отказаться от «нашей исторической задачи — пробиться когда-либо к берегам Индийского океана (!)»²³.

Отсюда понятно стремление официального Петербурга к перманентной «демонстрации мускулов» перед державами — конкурентами России по перекройке восточноевропейского мегаполя. Характерный образчик рассуждений о геополитических претензиях империи — сетования автора целого ряда военно-политических обзоров положения империи в начале XX в. князя Г.М.Волконского: «Хотя территория России и за последние 30 лет увеличивалась, хотя войско ее сильно, она перестала занимать то первенствующее положение в Европе, какое занимала раньше, при Екатерине Великой и в середине царствования императора Николая I»²⁴.

В то же время прослеживается взаимозависимость процесса расширения сферы контроля над сопредельными территориями с усилиями по консервации режима самодержавной власти внутри страны. Ведь достижение этой задачи было немыслимо без надлежащего обустройства государственных границ.

Однако сами критерии их достаточности вызывали разногласия. Часть авторов в качестве таковых называли естественные рубежи: океаны, моря, крупные реки и горные цепи. «Совпадение очертания территории с естественными границами государства, — писал в 1908 г. известный публицист Ю.Карцев, отражавший взгляды военно-дипломатических кругов, — есть существенный залог неразрывности его частей и вообще его неприкосновенности. Государство, по географическим причинам лишенное естественных границ, силой вещей распадается и становится добычей соседей»²⁵.

Это утверждение трактовалось как обретение империей границ по Северному Ледовитому и Тихому океанам, реке Амур, горным цепям Центральной Азии и Кавказу, Каспийскому и Черному морям, Карпатам и Балтийскому морю. Например, характеризуя положение России на западном направлении, один из авторов сравнивал ее европейскую границу с «избой на срубе», которая «прочно упирается на четыре моря»²⁶, а другой подчеркивал, что самое главное для нее — «доступ к открытым морям»²⁷. Отличительной чертой подобных взглядов выступала

взаимозависимость устойчивости государственного порядка и геостратегической обеспеченности рубежей. Иллюстрацией служит высказывание видного представителя военно-политической элиты А.В.Геруа: «История говорит, что *долговечными* государствами бывали только страны с прочными границами (море или высокие горы), а *влиятельными* — только государства с большой береговой линией»²⁸.

Однако к началу Первой мировой войны среди высших военных кругов распространялась и другая точка зрения, подкрепленная доводами стратегического, экономического и этно-конфессионального характера. Ее суть фактически сводилась к обоснованию необходимости доминирования России в Центральной Европе, что позволяло «закрывать бреши» в цепи естественных рубежей на западной границе. Мы имеем в виду польские и финляндские владения, через которые пролегали наиболее опасные векторы вероятного вторжения противника на территорию Великой России сухопутным путем. Не стоило также упускать из виду и то обстоятельство, что через польские и финские «ворота» Запад открывал себе прямую дорогу к обоим столицам империи. Кроме того, революционное движение под лозунгами национального самоопределения, никогда не затухавшее в Царстве Польском и получившее новое развитие в Великом княжестве Финляндском XIX—XX вв., приобрело для Петербурга особенно опасный характер с связи с попытками лидеров сепаратистов К.Циллиакуса, Ю.Пилсудского, Р.Дмовского установить контакты с японской разведкой в 1904—1905 гг., чтобы получить денежные средства на подготовку вооруженного восстания на западных границах империи²⁹.

Отсюда идея «подвижной границы» наподобие американского «фронттира», возникшая в среде военной элиты еще в 60-е гг. XIX в. и приобретшая, однако, противоположное звучание по сравнению с представлениями «пионеров Дикого Запада». Если в США она являлась одним из компонентов «американской мечты», то есть стремления к новому, демократическому обществу, основанному на благосостоянии и гармонии с природой³⁰, то в самодержавной России трактовалась как предупреждающее замыслы противников продвижение сферы ее интересов на Запад (а также Юг и Восток, о чем свидетельствовали интервенция в Иран 1909 г. и оккупация Маньчжурии в 1900—1903 гг.) с целью создания буферной зоны по периметру границ. Яркий образчик этих представлений — мнение генерал-майора Р.А.Фадеева, изложенное в книге «Вооруженные силы России»: «От Днестра до Баварии и от Немана (можно сказать даже, от Финского залива до Босфора) тянется ряд владений и областей, претендующих более или менее настойчиво против их нынешнего политического деления; очевидно, деление это далеко не представляет прочности рубежей Западной Европы. Русская граница — ничто иное, как условная черта, проведенная дипломатами через эту, покуда еще зыбкую, часть Европы. Все, что происходит на одной стороне черты, может и, вероятно, будет сильно отзываться на другой ее стороне. Окончательная участь Царства Польского, прибалтийского и заднепровского края, свободное пользование Балтийским и Черным морями зависят, даже тесно зависят, от того, что случится с Данией, Богемией, Сербией, Румынией или с Черноморскими проливами. Действительная оборонительная система России, ограждающая не только настоящее, но и будущее, состоит в том именно, чтобы не допускать вдоль

своей границы каких-либо политических сочетаний, явно нам враждебных или неблагоприятных. Но для того, чтобы не допустить их, нужна подвижная, т.е. наступательная сила»³¹.

В реальности это означало перенос сухопутной границы на север от Петербурга (как противодействие угрозе со стороны Германии, Швеции и в определенной мере Англии) и окончательное решение «польского вопроса» через новый передел Привисленских областей между соседними империями Романовых и Гогенцоллернов (как предотвращение «тевтонской» опасности). Не случайно в 1890-х гг. Генеральный штаб приступает к интеграции Финляндии в стратегическое оборонное пространство Российской империи³², вместе с дипломатами активно разрабатывает превентивные меры в отношении угрозы закрытия прохода в Атлантику через датские проливы³³ и начинает рассматривать сохранение контроля над Польшей как залог самого существования *эндемического поля* европейской России, т.е. ее исконного территориального ядра³⁴.

Забегая вперед, отметим, что в этой связи становится понятной и внешнеполитическая переориентация Петербурга на союз с Францией, выступавшей на протяжении всего XIX в. в роли патрона разделенной, но не покоренной Польши, а впоследствии и с Великобританией, традиционно угрожавшей России через Балтику на северо-западе и бассейны Черного — Каспийского морей на юге, хотя в среде высшей военной бюрократии продолжало господствовать скептическое отношение к усилиям дипломатии. Например, в журнале совещания начальников Генерального и Морского Генерального штабов по координации планирования, датированном 15 декабря 1906 г., зафиксирован следующий тезис: «Принимая во внимание географическое и политическое положение наше в Европе, вероятными противниками нашими на водах Финского залива и Балтийского моря могут быть Германия, Швеция и Англия... Положение сухопутной армии было бы более обеспеченным, если указанная граница, по имеющимся морским средствам, могла бы быть отодвинута западнее — к меридиану Ревеля, а еще лучше — линии Аланды—Моонзунд». И далее в отношении юго-западного направления: «Не международными договорами, а борьбой и наличием хорошо подготовленных сил Россия может надеяться осуществить свою историческую задачу на юге. Оборона русских берегов Черного моря, со специальной военной точки зрения, представляет большие трудности, но этот вопрос разрешается легко, когда оба пролива в наших руках»³⁵.

Продолжая «морскую» линию в определении геополитических границ Российской империи, стоит отдельно упомянуть о группе генштабистов сравнительно молодого возраста, которые стремились обосновать не только ее евразийскую, но и глобальную геополитическую миссию. Заметное место среди них, бесспорно, принадлежало А.В.Колчаку, который в серии программных статей, опубликованных на страницах «Морского сборника» в 1908 г., следующим образом раскрыл свое видение стратегических задач России: «Территориальное развитие государства, состоящее в распространении площади обладания до естественных границ, определяемых открытыми морями или океанами, у нас еще не вполне закончилось. Итоги вековой борьбы за моря как великие международные пути сообщения выразились в распространении государственной территории только до внутренних морей: Балтийского, Черного, Японского, выходы из которых на-

ходятся не в наших руках. Только на северной своей части государство определилось естественными океанскими границами, в настоящее время по своим физико-химическим условиям не имеющими серьезного значения для его существования»³⁶. Иначе говоря, концепция «подвижной границы» доводилась у Колчака и некоторых других аналитиков (вспомним А.Е.Снесарева с его обоснованием необходимости «выхода к Индийскому океану») до логического завершения, означавшего формулирование по сути дела российского варианта мировой политики («Weltpolitik») кайзера Вильгельма! Следовательно, и среди военной элиты России, так же как и в других крупнейших государствах (Германии, Франции, Англии³⁷), к началу XX в. сложилась группировка «империалистов-глобалистов», стремившихся к неограниченной внешней экспансии, прикрытой рассуждениями о «защите национальных интересов».

Однако здесь российских генштабистов ожидала своеобразная стратегическая ловушка: чем дальше на Запад отодвигалась государственная граница, тем уязвимее она становилась для внезапного нападения, что, в свою очередь, требовало все новых бюджетных ассигнований, которые, однако, после 1905 г. необходимо было согласовывать с решением насущной задачи восстановления и развития военно-морского флота³⁸. В результате получался «замкнутый круг», когда перенос границ по всем азимутам империи с целью укрепления безопасности только увеличивал риск вовлечения России в конфликт глобального масштаба и повышал вероятность ее распада из-за обострения внутривнутриполитических проблем.

«Первым звонком» в этом плане явилось поражение на Дальнем Востоке, вызванное, на наш взгляд, главным образом, стратегическими просчетами Николая II, А.Н.Куропаткина и офицеров Генерального штаба. Однако даже печальный прецедент с неожиданной атакой русской эскадры на Дальнем Востоке и те колоссальные затраты, которые понесла страна, защищая свои рубежи, бывшие за несколько лет до этого, согласно концепции «подвижной границы», отодвинуты далеко на юго-восток от Амура, не охладили пыла «горячих голов» среди военной верхушки, включая царя, продолжавших, как свидетельствуют «Журналы совещаний начальников Генеральных штабов», разработку планов территориальной экспансии.

Параллельно среди российской научной элиты развернулась дискуссия о хронологическом центре империи, идентификация которого могла быть непосредственно связана с отражением внешних угроз. В качестве такого центра предлагались: весь бассейн Черного моря (П.Б.Струве), область, приблизительно совпадавшая с границами Киевской Руси X–XI вв. (И.Н.Манасеин), обширное пространство между Волгой и Енисеем (В.П.Семенов-Тяньшанский)³⁹. Еще более грандиозный по своим масштабам «срединный мир» начертал в своем труде, вышедшем в 1892 г. и переизданном в годы Первой мировой войны, известный ученый-славист В.И.Ламанский. Согласно его антропогеографической концепции, в сферу национальных интересов России входила не только территория в пределах государственной границы, но и «часть прежних польско-литовских земель Пруссии», часть Силезии, Чехия, Моравия, Южная Истрия, часть Каринтии, Крайна, Венгрия, Румыния, Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина, Болгария, европейская Турция с Константинополем, приморьем Сирии и Малой Азии с Азиатской Турцией, Кавказ»⁴⁰. Нетрудно заметить, что

почти все перечисленные территории после 1945 г. действительно составили сферу геополитических интересов Советского Союза.

В связи с этим можно, хотя и отчасти, согласиться с мнением известного отечественного историка А.В.Игнатьева, который стремится доказать отсутствие у военно-политического руководства тогдашней России планов установления мирового господства. Он пишет: «Речь шла лишь о регионах, ближайших к российским пределам»⁴¹. Да, конечно, большинство аналитиков Генерального штаба, за исключением сторонников А.В.Колчака, в отличие от советских стратегов 1950-х — 1970-х гг. были достаточно трезвомыслящими людьми, чтобы реально оценивать «глобалистские» проекты захвата опорных пунктов и создания колониальных анклавов в Юго-Восточной Азии, Африке и Южной Америке. В пользу такого вывода свидетельствует справка МИД о предложениях, поступивших в Петербург с 1896 по 1904 г., на предмет «устройства угольных станций» для снабжения флота по всему миру⁴². Однако и контроль над ближайшими пределами России в Европе и Азии фактически означал бы ее превращение в супердержаву, по сравнению с которой даже геополитический потенциал Британской империи не выдерживал конкуренции.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к заключению о распространении в среде российской военной элиты следующих хорологических представлений:

1. Россия достигла естественных рубежей в своем территориальном расширении на Запад и должна сосредоточить внимание на освоении имеющихся территорий, поскольку дальнейшая экспансия приведет только к ее ослаблению;

2. Обеспечение национальной безопасности требует активизации России в перекрестном геополитическом поле, к которому относились Центральная Европа (прежде всего, территории, населенные славянами), Балканы (преимущественно Черноморские проливы) и отчасти Скандинавия (главным образом Финляндия и северная Балтика);

3. России не под силу (особенно после японской войны) вести наступательную политику сразу по всем направлениям, поэтому необходимо выбрать важнейшее из них, сконцентрировав на нем силы и средства.

На наш взгляд, в период до дальневосточной авантюры доминировали представления о *способности империи отразить внешние угрозы и перейти в наступление, что называется, «по всем азимутам», включая азиатский вектор*. Затем в период максимального ослабления вооруженных сил страны и дестабилизации внутриполитического положения, казалось, начинает браться *верх концепция сдержанности в связи с повышенной рискованностью дальнейшего территориального роста России в условиях «закрытого мира»*. Однако с 1910—1911 гг. на фоне экономического подъема и определенных успехов в восстановлении военной мощи, а также в контексте перманентных локальных кризисов и усиления гонки вооружений разрабатываются проекты *захвата стратегического пространства и переноса границ империи на ряде стратегических направлений* на Балтике, в Центральной Европе и особенно в районе Черноморских проливов — этой голубой мечте всех российских самодержцев из династии Романовых⁴³. В подтверждение приведем лишь один документ — «Записку МИД по поводу отправления на Дальний Восток судов рус-

ского Черноморского флота», датированную 1904 г. Её анонимный составитель откровенно пишет, что «признаваемый доселе державами принцип недоступности Проливов для иностранных военных флотов дает России, имеющей свою сильную эскадру в Черном море, *совершенно исключительное, преобладающее положение на всем Ближнем Востоке*». И далее он констатирует: «Только благодаря такому условиям Россия имеет постоянно на руках серьезное оружие воздействия на Турцию и могла бы со временем добиться разрешения Восточного вопроса согласно своим историческим задачам и заветным своим идеалам»⁴⁴.

И все же, как свидетельствуют источники⁴⁵, а также судя по противоречивым заявлениям самого царя, верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и членов правительства, вплоть до оружейных залпов Первой мировой войны представители правящей элиты России, как и в случае оборонной доктрины, не сумели выработать стройную концепцию обеспечения национальной безопасности в хронологическом аспекте⁴⁶.

Обратимся теперь к парадигме *хронологических* представлений, тесно связанных, как отмечалось выше, с фактором пространства. К сожалению, в отечественной и зарубежной литературе практически отсутствуют специальные работы по этой проблеме. Пожалуй, только у К.Ф.Шашилло и П.Кеннеди встречаются отдельные упоминания о связи пространства и времени в стратегическом планировании. Так, последнее исследование известного отечественного историка, содержащее характеристику мобилизационных расписаний царской армии, показывает, что ряд высших офицеров Генерального штаба (Ф.Ф.Палицын, М.В.Алексеев, Ю.Н.Данилов) высказывались в пользу необходимости «поставить пространство» между наступающими немецкими и занимающими районы сосредоточения русскими армиями, что позволяло вторым выиграть время для организации обороны⁴⁷. А в одной из работ профессора Йельского университета приводятся статистические выкладки, доказывающие возможность победы германо-австрийского блока над русско-французским при невмешательстве англосаксонских морских держав даже в случае провала «блицкрига» на западном фронте⁴⁸.

Между тем, подготовка государств к войнам индустриальной эпохи требовала тщательного учета временных параметров, которые претерпевали изменение по сравнению с вооруженными конфликтами XIX в. Надо отметить, что в целом их значимость осознавалась представителями российской военной элиты среднего поколения, сменивших на ключевых постах к рассматриваемому хронологическому отрезку деятелей «милютинского призыва»: тренировки частичных мобилизаций в округах приобрели регулярность с 1897 г.⁴⁹, а в отчете мероприятий по обороне государства за пятилетие (1898–1903 гг.) А.Н.Куропаткин посчитал важным отметить: «Самая опасная сторона нашей неготовности заключается в медленности сосредоточения наших армий»⁵⁰.

Другими словами, сокращение *периода мобилизационного развертывания* армии и флота, завершающегося сосредоточением войск в непосредственной близости от государственных границ, становилось одним из главных условий национальной безопасности. В наиболее развернутом виде этот вопрос был раскрыт в «Общем плане» и «Докладе о мероприятиях по обороне государства на ближайшее десятилетие», подготовленных Генеральным штабом под руководством Ф.Ф.Палицына весной-

летом 1908 г.⁵¹ Составители этих документов проанализировали зависимость продолжительности различных фаз будущей войны (начальной, дальнейшей и финальной) от потенциала России, ее союзников и вероятных противников, включавшего, по их мнению, численность населения, материальные ресурсы страны, географическое положение и военную организацию. Характерно, что особое внимание уделялось корректности сопоставлений: «Чтобы сравнение это дало более правильные выводы, — отмечалось в «Общем плане», — нужно его произвести относительно таких государств, с которыми Россия по своему положению и исторической преемственности находится в постоянных соприкосновениях и отношениях. Было бы неправильно, например, сравнивать Россию с Северо-Американскими Соединенными Штатами, невзирая на все могущество влияния этого государства на международную политику»⁵². Последняя фраза служила еще одним подтверждением второстепенности США как военной державы в представлениях российских генштабистов.

Итогом явилось составление благоприятного прогноза начального этапа боевых действий при условии повышения темпов мобилизации и развертывания, успешного отпора первым ударам германо-австрийских войск и затягивания войны на европейском континенте. И наоборот, в случае массированного по силам и молниеносного по времени наступления противника на восточном фронте, да еще и возможных осложнений в Азии (например, на Дальнем Востоке) Россия попадала в крайне опасное положение, которое могло привести к дезинтеграции империи и падению династии. Поэтому донесения военных агентов в Берлине и Вене содержали неоднократные предупреждения о более кратком временном периоде, необходимом для приведения сил Центральных держав в боевую готовность по сравнению с русскими войсками. Например, полковник Генерального штаба М.К.Марченко убеждал руководство, что «в то время, как Австрия успеет мобилизовать всю свою армию, Россия в состоянии будет вывести на поле битвы лишь три-четыре корпуса»⁵³.

Другим важным хронологическим моментом, обусловленным территориальной протяженностью страны, являлось *состояние путей сообщения*, как искусственных — шоссейных и особенно железных дорог, так и естественных — водных путей⁵⁴. В этом аспекте ситуация в России характеризовалась двойственностью: с одной стороны, низкая плотность шоссейных и железных дорог в западных губерниях, не говоря уже о Сибири и окраинах, по сравнению с европейскими государствами существенно замедляла темпы стратегического развертывания и маневрирования русской армии, на что справедливо указывали как союзники, так и противники. Однако, с другой, — сухопутные силы вторжения по мере продвижения вглубь России попадали в еще худшую ситуацию из-за удаления от баз снабжения и растягивания коммуникаций, а сама скорость такого вторжения оказывалась обратно пропорциональной площади оккупированной территории. «Наша сила, — писал, например, генерал-лейтенант А.Ф.Риттих, — как в 1612, 1709 и 1812 гг., внутри России. Будет на границе плохо, не повезет, вывезет Нижний с Мининым и Пожарским, и это будет всегда, потому что ничто в этом смысле не изменилось у нас со времен пресловутого вторжения в Скифию персов. Такого постоянства в обороне и в изгнании врага не отыскать в другой стране»⁵⁵.

И все же, употребляя современную терминологию, недостаточная плотность инфраструктуры рассматривалась большинством российских во-

енных аналитиков (хотя существовала и иная точка зрения) как неблагоприятный фактор, учитывая опыт переброски живой силы и материальных средств с запада на восток в период конфликта с Японией. Отсюда согласие царя и правительства на предложенные Парижем значительные кредитные ассигнования, которые направлялись на финансирование железнодорожного и шоссевого строительства в приграничных областях европейской части империи, включая Финляндию, Польшу и особенно Белоруссию.

Наконец, следует отметить связь *естественных, ландшафтных препятствий и возведенных оборонительных укреплений* с длительностью временного отрезка, необходимого для подготовки и проведения операций уже в ходе самой войны. Их компенсирующая роль при недостаточной глубине тыла и ограниченных мобилизационных резервах также принималась во внимание, как это видно, например, из выступления видного французского политического деятеля, занимавшего в 1911 г. пост премьер-министра, Ж.Кайо, который, по сообщению посла в Париже А.П.Извольского, заявил: «...Франция ввиду малочисленности ее населения и слабой рождаемости не может гнаться за другими народами в содержании столь же как у них многочисленной постоянной армии. Ее задачу составляет наилучшее подготвление западных войск, усиление пограничных укреплений, улучшение путей сообщения [*курсив мой — Е.С.*] и проч.»⁵⁶

Равнинный характер рельефа и ветхость большинства крепостей (либо их отсутствие) на границах со Швецией, Германией и Австро-Венгрией облегчали вероятному противнику продвижение по территории России в направлении ее столиц и Центрального экономического района, хотя обилие рек, озер и болот требовало внесения корректив в расчетные маршруты и скорость наступления. В то же время горные массивы Карпат и Кавказа создавали для атакующих естественные барьеры, которые резко замедляли темп боевых действий и вызывали необходимость проведения тщательной подготовки к операциям, не исключая и специальное обучение войск. Кроме того, опыт русско-японской войны диктовал Генеральному штабу требование приступить к разработке стратегии и тактики позиционных сражений, хотя, как признавали многие русские генералы в своих воспоминаниях постфактум, прогнозировались «лишь отдельные эпизоды» таких действий, но «никто не мог допустить и себе представить сплошного укрепленного фронта от Балтийского до Черного морей...»⁵⁷

В нашем распоряжении оказался чрезвычайно интересный архивный документ — работа морского офицера, лейтенанта Ф.Ю.Довконта под названием «План войны (мысли об обороне государства)», датированная мартом 1913 г.⁵⁸ Как представляется, эта довольно объемистая (82 л.) записка хорошо иллюстрирует геополитическое измерение образа Запада в менталитете российской военной элиты. На ее страницах автор анализирует основные пространственно-временные факторы будущего вооруженного конфликта на европейском ТВД. Констатируя тот факт, что «Россия по величине и протяжению сплошной территории — единственное в мире государство», лейтенант Довконт делает вывод о пригодности ее территории именно для затяжной борьбы, победу в которой приносит «постоянное возрастающее давление». Совсем другое дело — Запад (Германия, Швеция, Австрия, Румыния), где «все решит один удар». Далее, характеризуя европейскую и азиатскую части Российской империи с точки зрения протяженности коммуникаций, автор записки выступает с предложением формирова-

ния компактной, профессиональной колониальной армии для защиты закавказских, среднеазиатских и дальневосточных окраин.

В четвертом разделе записки лейтенант Довконт подчеркивает: «Кроме фактора силы меняется и другой фактор — время. И этот фактор — важнейший. Время — это современная политическая обстановка. Решению одного она препятствует, другому — помогает». «Время — союзник слабейшего», — приводит он высказывание К.Клаузевица. Любопытно, что, по мнению автора записки, самого пристального внимания заслуживают три геополитических региона: Немецкое море («главная проблема»), Балканы (где «сама логика событий выводит державы из осторожности», а России угрожает «австрославизм», поскольку не исключена вероятность отпадения от нее Польши и Украины) и Китай (где державы, кроме Японии, пока занимали выжидательную позицию).

Инерция великодержавного, имперского мышления, столь характерного для элиты царской России, в полной мере присутствует на страницах этого сочинения, автор которого не представляет свою страну иначе, чем мощное военно-политическое государство, контролирующее всю Евразию. Приведем ключевой тезис лейтенанта Довконта: «Именно величина и сила России заставляют ее думать о будущем. Замкнутое государство ныне обречено на упадок (Китай, например), так как жизнь вышла за пределы государства, жизнь стала мировой. Интересы всех слишком переплелись *[вот она — новая реальность «замкнутого мира»!* — Е.С.]. Престиж (фактор моральный) великой державы, с мнением которой должны считаться (иначе начался бы наглый дележ наших владений и владений, за которые мы морально ответственны, и нас вовлекли бы в борьбу) заставляет Россию думать и о внешнем своем положении. Но этого мало, и реальные требования экономического развития (фактор материальный) страны заставляют нас думать о выходе наших товаров, о свободном доступе к нам товаров чужеземных. Наконец, быстро растущее население налагает обязанность на современное поколение охраны пока пустынных окраин»⁵⁹.

Таким образом, представители российской военной верхушки неоднозначно оценивали временные параметры готовности империи к крупномасштабным боевым действиям. В то же время ошибочно полагать, что генштабисты разрабатывали планы только краткосрочной европейской войны, которая из-за комбинации хронологических и хронологических факторов была бы невыгодной для России. Дело в том, что концепция «вооруженной нации», получившая широкое распространение среди европейских политических кругов в начале XX в., давала теоретическое обоснование тотального, а значит, продолжительного по времени вооруженного конфликта между державами. Однако русские военные стратеги попытались придать ей несколько иной смысл, связав достижение конечной победы с задачей отражения первого удара и последующего затягивания боевых действий по образцу 1812 г. в расчете на взрыв социального недовольства среди населения враждебных государств из-за экономических трудностей, а главное, как писал А.Н.Куропаткин, — «способности к страшному, но относительно короткому напряжению *[народного духа — Е.С.]*»⁶⁰. Хотя, разумеется, мало кто даже из хорошо осведомленных аналитиков мог реально оценить масштабы многомесячной войны на истощение с использованием новейших средств массового истребления людей, каким вошел в историю первый глобальный вооруженный конфликт 1914—1918 гг.

- 1 *Spykman N. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power.* New York, 1942. P. 41.
- 2 См.: *Гаджиев К.С. Геополитика.* М., 1997. С. 17-18.
- 3 *Шенетов К.П. Немцы — глазами русских.* М., 1995. С. 7.
- 4 См.: *Harvey D. Between Space and Time: Reflections on the Geographical Imagination.* New York, 1990.
- 5 Об отечественной школе геополитики см. подробнее: *Улуян А.А. Русская геополитика: внутри или вовне? Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX в. // Общественные науки и современность.* 2000. № 2. С. 61-70.
- 6 *Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700-1917. The Geopolitics of Expansion and Containment.* New York, 1997. P. XIII.
- 7 *Rich D. Imperialism Reform and Strategy. Russian Military Statistics, 1840-1880 // Slavonic and East European Review.* 1996, October. V. 74. N 4. P. 624.
- 8 См.: *Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900—1914 гг. М., 1999. С. 38-39.*
- 9 *Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России.* М., 1997. С. 8; *Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики.* М., 1997. С. 53-55.
- 10 См. подр.: *Дьякова Н.А., Чепёлкин М.А. Границы России в XVII—XX вв. М., 1995.*
- 11 Цит. по: *Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 29.*
- 12 *Котляревский С.А. Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия.* М., 1910—1911. Кн. 2. С. 45.
- 13 Японские дневники А.Н.Куропаткина. Публ. *Е.Ю.Сергеева и И.В.Карпеева // Российский архив.* 1995. Т. 6. С. 410.
- 14 *Куропаткин А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 110.*
- 15 *Котляревский С.А. Указ. соч. С. 56-58.*
- 16 *Токарев А.И. Изменение политической системы российского общества. 1861—1925 гг. М., 1993. С. 10.*
- 17 *Парский Д. Что нужно нашей армии? СПб., 1908. С. 286-288.*
- 18 *Есинов Н.Н. Современная и будущая война. СПб., 1905. С. 16.*
- 19 *Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив.* 1922. Т. 2. С. 31-32.
- 20 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218. Карт. 558.1. Л. 10-11. Дневник А.К.Бентковского (директора Второго департамента МИД). Санкт-Петербург, 14 января 1904 г.
- 21 *Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 120.*
- 22 *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 377.*
- 23 *Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. (отгиск из журнала «Общества ревнителей военных знаний»).* СПб., 1908. С. 26-27.
- 24 *Волконский Г. Взгляд на современное положение России. Штутгарт, 1903. С. 7.*
- 25 *Карцев Ю. В чем заключаются внешнеполитические задачи России (теория внешней политики вообще и в применении к России).* СПб., 1908. С. 10.
- 26 *Беренс Э. Центр и государственные границы России в XX столетии (философско-исторический очерк).* СПб., 1911. С. 9.
- 27 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 217. Л. 4. Записка И.П.Балашова «О политике России в последние века и предстоящих ей задачах». Санкт-Петербург, август 1913 г.
- 28 *Геруа А.В. После войны о нашей армии.* СПб., 1906. С. 260.
- 29 *Nish I. Japanese Intelligence and the Approach of the Russo-Japanese War. In: The Missing Dimension. Governments and Intelligence Communities in the XXth Century / ed. by C. Andrew and D. Dilks. London, 1984. P. 17-32.*
- 30 *Шестаков В.П. Америка извне и изнутри. Очерки американской культуры и национального характера. М., 1996. С. 53.*
- 31 *Фадеев Р.А. Россия и армия // Какая армия нужна России? Взгляд из истории.* М., 1995. С. 35.

- ³² *Le Donne J.* Op. cit. P. 82.
- ³³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1905. Д. 40. Л. 43-45. Всеподданнейшая записка В.Н.Ламздорфа. Санкт-Петербург, 12 апреля 1905 г.
- ³⁴ *Rich D.* Op. cit. P. 637.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 250/251. Л. 5-7об. Журнал совещания между начальником Генерального штаба и начальником Морского Генерального штаба по вопросам об установлении взаимных задач военно-сухопутного и морского ведомств. Санкт-Петербург, 15 декабря 1906 г.
- ³⁶ *Колчак А.В.* Какой нужен флот России? // Морской сборник. 1908. № 6. С. 31-47; № 7. С. 1-25.
- ³⁷ Из последних работ по этой проблеме заслуживает внимание содержательная статья Т.Н.Геллы «Либерализм и «новый империализм» в Великобритании // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 52-65.
- ³⁸ См. подр.: *Шаццлло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 344-345.
- ³⁹ *Улунян А.А.* Русская геополитика: внутрь или вовне? С. 65-69.
- ⁴⁰ Там же. С. 65-66.
- ⁴¹ *Игнатьев А.В.* Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32-43.
- ⁴² АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 221. Л. 2-4об. Справка МИД о предложениях за 1896-1904 гг. по приобретению пунктов для устройства угольных станций. Санкт-Петербург, 23 марта 1904 г.
- ⁴³ Там же. Д. 309/312. Л. 4-51. Проект всеподданнейшего доклада по Морскому Генеральному штабу, посвященный программе усиления Черноморского флота и подготовке к десантной операции в Проливах. Санкт-Петербург, 10 июля 1913 г. Примечательно, что составители проекта формулировали в качестве ближайшей задачи ни много ни мало как «выход России в Средиземное море к 1917 г.»
- ⁴⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6610. Л. 11.
- ⁴⁵ См. напр.: *Шильдкнехт Е.Н.* Что офицер армии должен знать о флоте // Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. М., 1999. С. 309-328.
- ⁴⁶ Некоторое представление о дискуссиях по этой проблеме дает стенограмма доклада И.Н.Манасеина на заседании Галицко-Русского благотворительного общества, прочитанного 19 января 1913 г. См.: *Манасеин И.Н.* К вопросу об установлении идеальной границы на западе России. СПб., 1913.
- ⁴⁷ *Шаццлло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. С. 189-190.
- ⁴⁸ *Kennedy P.* The First World War and the International Power System. In: *Military Strategy and the Origins of the First World War / ed. by S. Miller.* Princeton, 1985.
- ⁴⁹ *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала. Берлин, 1922-1923. Т. 1. Ч. 1. С. 13-14.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 50. Л. 91. Заключение к «Отчету о мероприятиях Военного министерства, исполненных за пятилетие с 1898 по 1903 г.». Санкт-Петербург, апрель 1903 г.
- ⁵¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6766. Л. 226-238; Д. 154. Л. 1-68об.
- ⁵² Там же. Д. 6766. Л. 228.
- ⁵³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп.316. 1910 г. Д. 38. Л. 16-16об. Перевод статьи в польской газете «Новая реформа», 1910, № 44.
- ⁵⁴ Там же. Д. 154. Л. 1.
- ⁵⁵ *Риттих А.Ф.* Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893. С. 202.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 116. Л. 30. Извольский – Сазонову. Париж, 8 мая 1913 г.
- ⁵⁷ *Лукомский А.С.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 24.
- ⁵⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-82.
- ⁵⁹ Там же. Л. 38.
- ⁶⁰ *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 230.

Н. Ф. ВАТУТИН И Э. ФОН МАНШТЕЙН: ДВА ГЕНЕРАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. в борьбе не на жизнь, а на смерть сошлись два государства — нацистская Германия и Советский Союз. В беспощадной и бескомпромиссной борьбе проверку огнем на прочность начали проходить родившиеся в результате великих потрясений первых двух десятилетий XX века общественные, политические, социальные, экономические, культурные институты новой России и Германии. Итог этой борьбы хорошо известен — Третий Рейх прекратил свое существование, а СССР вышел из войны не просто победителем, но мировой сверхдержавой.

Причины поражения нацистской Германии и победы СССР в этом эпохальном конфликте весьма и весьма многообразны, и о них можно говорить много и долго. Однако одно можно сказать уже сейчас с высокой степенью уверенности: перемены, произошедшие в России после революционного 1917 г., оказались более глубокими и радикальными, нежели в Германии после ноябрьской революции 1918 г. Анализируя сложившуюся после этих революций ситуацию в этих странах, поневоле приходишь к выводу, что нечто подобное уже имело место немногим более 100 лет назад. Напрашивается прямая аналогия между постреволюционной Россией и постреволюционной Францией. И тут, и там кардинальные перемены во всех сферах жизни общества открыли путь «наверх» талантливым выходцам из низов общества, которым при «Ancien Régime» («старом режиме») дорога в «люди» была заказана. Именно эти выходцы из низов и обеспечили длившееся почти четверть века преобладание революционной Франции над старой Европой. Нечто подобное произошло и в родившемся в пламени революции и гражданской войны СССР. В Германии же изменения не были столь значительны, чтобы можно было говорить о рождении нового общества. Не случайно Э. М. Ремарк в своем «Черном обелиске» писал с горькой иронией: «Действительно, немецкая революция 1918 года была самой бескровной в мире. Социал-демократы сами себя так напугали, что тут же призвали на помощь бонз и генералов прежнего правительства, чтобы те защитили их от вспышки собственного мужества. И генералы великодушно это сделали. Известное число революционеров было отправлено на тот свет, аристократия и офицеры получили огромные пенсии, чтобы у них было время для подготовки путчей, чиновникам дали новые звания, старшие преподаватели стали школьными советниками, кельнеры получили право именоваться обер-кельнерами, а социал-демократические секретари — «ваше превосходительство», министр рейхсвера, социал-демократ, обрел блаженную возможность иметь в своем министерстве в качестве подчиненных настоящих генералов, и немецкая революция захлебнулась среди красного плюша, уюта, постоянных столиков в пивной и мечтаний о блестящих мундирах и звучных командах...»¹.

Особенно ярко проявилось противостояние старого и нового в борьбе двух армий, двух военных школ — советской и немецкой. Советская военная школа родилась на полях гражданской войны, полностью

отвергшей опыт первой мировой войны, и, дополненная новыми положениями, которые возникли в результате тщательного анализа опыта войн первых 20 лет XX века, прошла проверку в ходе Великой Отечественной войны. Свою жизнеспособность она доказала наилучшим образом, одолев немецкую военную школу, по праву считающуюся после разгрома Франции в мае-июне 1940 г. лучшей в Европе. В июне 1941 г. мало кто верил в то, что СССР устоит под напором вермахта, во главе которого стояли признанные военные авторитеты, подмявшие под себя всю Европу, — Браухич, Гальдер, Гудериан, Клейст и другие. За их спиной стояли многовековые традиции и богатейший собственный и коллективный опыт военной службы. Пытаясь понять феномен успехов гитлеровского вермахта, необходимо помнить о совершенно особом месте, которое занимала армия в истории Германии.

В прошлом Германия слишком долго оставалась слабой и раздробленной, слишком долго была полем битвы для своих более сильных соседей, чтобы так просто об этом забыть. Немцы привыкли уважать силу, и когда на востоке Германии, по словам Наполеона, «из пушечного ядра вылупилась» Пруссия, небольшое, но сильное в военном отношении германское государство, невольно взоры многих немцев обратились туда, где, как им казалось, германский дух сумел возродиться и заставить считаться с собой. Победы над Австрией и Францией в 1866 и 1870 гг. еще раз убедили немцев в том, что «великие дела решаются не голосованием в парламенте, но железом и кровью», и родившаяся в итоге этих войн Германская империя, Второй Рейх, была воспринята большинством подданных новорожденной империи как своеобразный дар небес. При этом немцы помнили, что их возрождение было связано с победами германского оружия. Армия заняла совершенно особое место в мировоззрении немцев. «Армия — это школа для немецкого народа. Без армии нет Германии!» — в этой фразе, которую произнес в 1906 г. в присутствии русского военного атташе во Франции А.А.Игнатьева его германский коллега, заключалась квинтэссенция отношения немцев к армии². Культ силы, милитаризма, преклонения перед военщиной пронизывал все немецкое общество, и даже поражение в Первой мировой войне в общем не изменило этого. Напротив, родилось страстное желание отомстить, добиться реванша, доказать, что позорный Версальский мир — не закономерный итог неверно избранного пути, а случайность, результат происков внутреннего врага, «удара в спину», не позволившего победоносной германской армии в очередной раз показать все миру триумф германского оружия и германского духа.

Иначе обстояло дело в СССР. Хотя идея мировой революции и новой жизни, которые красные полки должны были принести на своих штыках угнетенным братьям по классу в соседних странах, еще оставалась, на первый план все больше выходила другая идея, давно и прочно утвердившаяся в сознании русского народа, — защиты своей земли от потенциальных агрессоров. К этой старинной идее добавилась новая — защиты социалистического Отечества, первого в истории государства рабочих и крестьян от происков мировой буржуазии, стремившейся реставрировать пресловутый «Ancien Régime» в СССР. Поэтому военная служба в Советском Союзе в 20–30-х гг. считалась почетной и престижной.

Это сходство и различие в отношении к военной службе, ее месте и роли в обществе хорошо прослеживается на примере судьбы двух из-

вестных военачальников Второй мировой и Великой Отечественной войн — генерала армии Н.Ф.Ватутина и генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. При внимательном изучении их жизни и военной карьеры можно найти немало общего, но много и различий. Волей судьбы им не раз приходилось встречаться на полях сражений Великой Отечественной войны. Поначалу опыт и знания были на стороне старшего по возрасту немецкого полководца. Манштейн стал своеобразным «злым гением» для молодого и горячего советского генерала. Однако Н.Ф.Ватутин умел учиться, и в конечном итоге победа оказалась на его стороне. Противоборство этих двух военачальников можно рассматривать как столкновение, только в миниатюре, на уровне индивидуальности, двух военных школ, двух общественно-политических систем. Итог этой борьбы стал своеобразным, но вполне закономерным примером общего итога столкновения СССР и Германии в этой войне.

Эрих фон Манштейн родился в Берлине 24 ноября 1887 г. в семье генерала артиллерии Эдуарда фон Левински. С разрешения отца и матери Эрих, десятый ребенок в семье, был усыновлен бездетной сестрой его матери, вышедшей замуж за прусского офицера Георга фон Манштейна. По словам биографа Э. фон Манштейна, британского фельдмаршала лорда Карвера, «будущий фельдмаршал ... имел безупречную родословную военного...»³ И по отцовской, и по материнской линии его предки были родовитыми прусскими аристократами, предки которых со времен завоевания тевтонскими рыцарями Пруссии посвящали себя военной службе. Естественно, что с первых лет жизни окруженный «преданьями старины глубокой» и военными, юный Эрих не мог мыслить свою жизнь иначе, как связав ее с военной службой, службой кайзеру и Рейху. Сам он позднее вспоминал: «...Я с ранней юности мечтал стать солдатом. Очевидно, во мне проснулись гены моих далеких предков, не мысливших своей жизни без армии...»⁴

Закончив в 1900 г. Страсбургский лицей, 13-летний Манштейн поступил в кадетский корпус. Уже тогда начали закладываться характерные черты его личности как человека и военачальника традиционного, аристократического прусского типа — холодность, корректность, сдержанность, строгое соблюдение предписанных «высшим» обществом правил поведения, высокомерие и, вместе с тем, умение отстаивать свое мнение, решительность, бесстрашие, железная воля и выдержка.

После выпуска из корпуса в марте 1906 г. фенрих Манштейн поступил на службу в 3-й гвардейский пехотный полк 1-й гвардейской дивизии — элитное соединение кайзеровской армии. В этом полку он прослужил до 1913 г., когда лейтенанта Манштейна отправили на учебу в академию Генерального штаба — кузницу командных кадров германской армии. Завершить курс обучения в академии Манштейну, тем не менее, не удалось — в августе 1914 г. началась Первая мировая война, и он был направлен на фронт, в действующую армию. За четыре с лишним года войны Манштейн, дослужившийся до капитана, сражался на Восточном и Западном фронтах, был тяжело ранен, участвовал в битвах в Польше и Курляндии, в Сербии, в сражениях за Верден, на р. Сомма, в Шампани и под Реймсом. За исключением короткого периода в начале войны, все остальное время Манштейн провел на штабной службе на дивизионном и армейском уровне. «...Я полу-

чил начальные представления о формах и методах руководства наступательными действиями в оперативном звене», — вспоминал Манштейн после войны⁵. С завершением войны и крушением Германской империи первый этап его военной карьеры подошел к концу.

Совсем иначе складывалась сначала судьба его будущего противника и оппонента. Н.Ф.Ватутин родился спустя 14 лет после Манштейна в селе Чепухино Курской губернии в многодетной семье бедного крестьянина Федора Ватутина (у Н.Ф.Ватутина было 8 братьев и сестер). Вряд ли крестьянский сын Николай Ватутин готовился в детстве стать военным. Среди русских крестьян военная служба воспринималась как необходимая, но крайне тяжелая повинность, которую нужно выполнять, но стремиться к ней вряд ли стоило. И если родовитый аристократ Манштейн мог быть уверен в том, что рано или поздно он станет генералом, как и многие его предки, то вряд ли сын крестьянина Николай Ватутин мог дослужиться в довоенной русской императорской армии до чина выше унтер-офицера. В любом случае начало жизненного пути Н.Ф.Ватутина не предвещало его будущего взлета. Окончив сельскую приходскую школу, по рекомендации своего учителя юный Коля Ватутин, отличавшийся от своих сверстников стремлением к знаниям и желанием учиться, поступил на учебу в Уразовское коммерческое училище. Завершить курс обучения в нем он не смог: после 4-х лет учебы казенная стипендия перестала выплачиваться, и Николай Ватутин вернулся домой, к крестьянскому труду.

Подводя итоги первого этапа жизни будущих противников, нетрудно заметить, что для обоих он ознаменовался крушением всех надежд: Манштейн не мог больше рассчитывать на блестящую карьеру военного (в веймарской Германии с ее 100-тысячным рейхсвером шансов продвигнуться вверх по служебной лестнице у 32-летнего капитана было очень мало, даже несмотря на его аристократичное происхождение), а Ватутин так и не смог завершить образование, получить которое он так стремился. Вместе с тем, имелись и серьезные отличия: жизненный и профессиональный опыт Манштейна никак нельзя сравнивать с опытом недочувшегося студента Ватутина. Однако никто из них обоих не предполагал, как может измениться их жизнь в ближайшие годы.

Манштейн с его связями и военным опытом после 1919 г. продолжил службу в армии веймарской республики, медленно продвигаясь по служебной лестнице. К 1933 г. он стал полковником. К этому времени он недолго командовал ротой (два года, с 1921 по 1923 гг.), а остальное время провел на штабной службе и занимаясь подготовкой офицеров генерального штаба. Сам Манштейн высоко оценивал этот период своей жизни: «Я с удовольствием вспоминаю четыре года моей преподавательской деятельности, в течение которых я сам приобрел много необходимых мне знаний...»⁶. Думается, что вряд ли он думал так тогда: еще молодому офицеру хотелось большего, но, как было отмечено выше, шансов на это у него было крайне мало. Манштейну приходилось тянуть служебную лямку, изредка прерывавшуюся яркими событиями — вроде стажировки и переподготовки в секретных учебных центрах рейхсвера в СССР в 1931—1932 гг.

Напротив, жизнь Н.Ф.Ватутина в 1920-х — начале 1930-х гг. оказалась не в пример более насыщена событиями, оказавшими решающее влияние на его последующую судьбу. Октябрьская революция и последовавшая по-

сле нее гражданская война в корне изменили жизнь Ватутина, как и многих его сверстников. Призванный в 1920 г. в Красную армию, он успел поучаствовать в боях с отрядами махновцев на Украине, а потом командование, обратив внимание на грамотного молодого бойца (все-таки церковно-приходская школа и 4 класса коммерческого училища — в тогдашней Красной Армии далеко не каждый командир мог похвастаться таким образованием), направило его в Полтавское пехотное училище.

Выпущенный в 1922 г. из стен училища, Ватутин получил назначение в 23-ю Харьковскую территориальную стрелковую дивизию Украинского военного округа командиром взвода⁷. Правда, как и Манштейн, Ватутин недолго находился на строевой службе. Вскоре, покомандовав некоторое время взводом и ротой, он занялся обучением младших командиров в полковой школе, а затем пошел на повышение. Молодая Красная Армия нуждалась в грамотных и подготовленных командирах, особенно в штабном звене. «Строевиков» тогда было много, а вот подготовленных, образованных штабных офицеров — нет. Пройдя через обучение в Киевской объединенной военной школе, высших курсах усовершенствования в Киеве, Военной Академии им. М.В.Фрунзе (в 1926—1929 гг.), он последовательно занимал посты помощника начальника отдела штаба Северо-Кавказского военного округа и начальника штаба 28-й Горской стрелковой дивизии того же округа⁸. Время, когда Ватутин начинал свою военную карьеру, было периодом интенсивных поисков, работы мысли, кристаллизации советской военной доктрины. Все это не могло пройти мимо Ватутина, человека любящего и умеющего учиться, жадно впитывавшегося в себя все новое.

В начале 1930-х г. завершился второй этап в жизни Ватутина и Манштейна. Несмотря на общее сходство их служебной карьеры в эти годы (оба военачальника недолго находились на строевой службе, после чего сосредоточились на преподавательской деятельности, штабной службе, продолжая при этом много и продуктивно учиться), были и серьезные отличия. Ватутин намного быстрее продвигался вверх по службе, за десять с небольшим лет пройдя путь от командира взвода до начальника штаба дивизии, и это не было пределом. Карьерный рост Манштейна же в эти годы замедлился. Хотя он и служил в штабах округов и в военном министерстве, он пока еще один из многих офицеров в letech, чье будущее вызывает серьезные сомнения.

Изменения в судьбе обоих военачальников начинаются в середине 1930-х гг. Связано это было со стремительным увеличением как германской армии после прихода к власти нацистов, так и Красной Армии в связи с активизацией внешней политики СССР и нарастанием угрозы новой мировой войны. Ватутин, ставший к тому времени полковником, некоторое время служил начальником оперативного отдела штаба Сибирского военного округа, а после обучения в Академии Генерального штаба стал сперва заместителем, а с конца 1938 г. — начальником штаба Киевского Особого военного округа — одного из важнейших советских военных округов. На этой должности Ватутин принял активное участие в планировании операций Украинского фронта по занятию Западной Украины в сентябре 1939 г., организации переброски войск округа на финский фронт в конце 1939 — начале 1940 гг. и присоединения Буко-

вины и Бессарабии летом 1940 г. За эти годы Ватутиным был накоплен большой опыт организации штабной службы на всех уровнях, его знало и ценило начальство. В служебной аттестации на Ватутина отмечалось, что он «всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями... В период освобождения единокровных братьев украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией»⁹.

После смены руководства Наркомата обороны СССР новый нарком обороны, бывший командующий КОВО Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко забрал с собой и толкового, способного и трудолюбивого начштаба округа, который сперва встал во главе Оперативного управления Генштаба, а затем стал первым заместителем начальника Генштаба. Тем самым Ватутин встал в первые ряды военной элиты Красной Армии. В силу своего служебного положения, Ватутин был допущен к важнейшим военным секретам СССР, через его руки проходила вся информация о подготовке Красной Армии к надвигающейся войне. При его активном участии разрабатывались и планы ведения войны как на Западном, так и на Дальневосточном театрах военных действий, и переброски и дислокации войск, и проблемы экономической подготовки, и многое, многое другое.

Быстро пошел вверх и Манштейн. К сентябрю 1939 г. он стал генерал-лейтенантом и последовательно прошел путь от командира батальона (с 1932 по 1934 гг.) до начальника штаба округа (с 1934 по 1935 гг.), начальника 1-го (оперативного) управления Генштаба сухопутных войск (1935–1936 гг.), 1-го обер-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск (фактически заместителя начальника Генштаба, 1936–1938 гг.) и накануне войны стал начальником штаба группы армий «Юг», которой предстояло нанести главный удар по польским войскам в предстоящей кампании против Польши. Правда, карьера Манштейна складывалась не так гладко, как у Ватутина: в 1938 г. во время «чистки» генералитета, устроенной фюрером, Манштейна перевели на должность командира кадровой 18-й пехотной дивизии. Однако он недолго был на этой должности, и, как было отмечено выше, стал начштаба группы армий (впервые такая возможность рассматривалась фюрером еще осенью 1938 г., когда планировалась операция по захвату Чехословакии). Манштейн уже завоевал в германской армии известность как неординарно мыслящий военачальник, способный отстаивать свое мнение, не взирая на лица. Широко известным стал факт написания им в 1934 г. письма с осуждением преследования евреев-ветеранов Первой мировой войны. Манштейн также стал родоначальником и нового рода войск в германской армии — самоходной штурмовой артиллерии, выступив в 1935 г. с предложением создать в каждой дивизии дивизион бронированных самоходных гусеничных орудий, способных сопровождать пехоту в бою.

Однако подлинную славу Манштейн получил с началом войны. При его непосредственном участии группа армий «Юг» успешно провела кампанию на юге Польши, сокрушив в кратчайшие сроки сопротивление поляков. «Польская кампания стала как для немецкой армии, —

справедливо указывал лорд Карвер, — так и для Манштейна кладезем ценнейшего опыта ведения войны. Рундштедт [командующий группой армий «Юг» — П.В.] и начальник его штаба великолепно дополняли друг друга. Манштейн был мастером детальной оперативной разработки, Рундштедт же, напротив, предпочитал иметь дело с глобальными вопросами, и когда это бывало необходимо, защищал начальника своего штаба в стычках с берлинским начальством, поскольку Манштейн был не из тех, кто спускал дуракам»¹⁰. Последняя фраза достаточно примечательна для характеристики личности Манштейна: если он был уверен в своей правоте, то готов был идти на прямой конфликт вплоть до неповиновения со своим непосредственным начальством. Это не могло не привести к тому, что у Манштейна быстро появилось множество врагов, тем более, что он не страдал особым чинопочитанием, если интересы дела требовали быстрых и решительных действий.

Так и случилось вскоре после завершения Польской кампании. Обвинив командующего сухопутными войсками генерал-полковника Браухича и его начальника штаба генерал-лейтенант Гальдера в том, что они представили негодный план войны с англо-французской коалицией, он предложил свой вариант плана войны. Браухич и Гальдер предложили план, основанный на идеях покойного фельдмаршала Шлиффена, — нанесение сильного удара правым крылом через территорию Голландии и Бельгии. Однако Манштейн думал иначе. Он «...считал это план слишком шаблонным, слепо копировавшим план 1914 г. Удар через Бельгию не явился бы для союзников неожиданным, и они были готовы его отразить. Другим недостатком этого плана Манштейн признавал то, — писал известный британский военный теоретик и писатель Б.Лиддел-Гарт, — что удар наносился по английской армии, которая считалась более стойкой, чем французская. Третьим недостатком, с точки зрения Манштейна, было то, что в случае удачи войска союзников были бы просто отброшены назад и немцы ничего не добились бы... Реализация этого плана не дала бы решающих результатов...»¹¹.

Вариант Манштейна выглядел своеобразной вариацией шлиффеновского асимметричного удара — сконцентрировать основные силы и нанести основной удар там, где союзники его меньше всего ждут, в труднопроходимой гористой и лесистой юго-восточной части Бельгии, в Арденнах. Оригинальная идея Манштейна и та напористость, с которой он продвигал ее вперед, одновременно подчеркивая свою значимость и некомпетентность Браухича и Гальдера, вызвала их большое неудовольствие. Чрезмерно «умный» начальник штаба группы армий «А» отправился командовать второочередным 38-м армейским корпусом. Однако дуэт Браухича и Гальдера жестоко просчитался. Гитлеру понравилась идея Манштейна, тем более, что она была похожа на его собственные взгляды. В итоге родился план «Gelb», сохранивший в основных чертах идею Манштейна и принесший вермахту яркую, блестящую победу над бельгийцами, голландцами, французами и англичанами. Для самого Манштейна победа над Францией означала производство в генералы пехоты и перевод на пост командира 56-го моторизованного корпуса, который готовился к участию во вторжении в СССР. Более важным было то, что

Гитлер обратил внимание на способного генерала и теперь внимательно следил за его дальнейшей карьерой.

Подводя итоги очередного периода жизни двух генералов, можно сказать, что теперь в их судьбе, до того шедшей примерно в одном и том же направлении, появились серьезные отличия. Ватутин успешно и уверенно продвинулся по служебной лестнице почти на самый верх, став замначальника Генштаба РККА. Манштейн же был «удален» с германского военного Олимпа за «непослушание и дерзость», будучи сослан в войска на строевую должность одного из десятков корпусных командиров (хотя, с другой стороны, это было и неплохо для Манштейна — он получил шанс реализовать свои способности тактика и «полевого» командира, набравшись опыта командования войсками на поле боя). Опыт Манштейна, в отличие от опыта Ватутина, стал более разносторонним, универсальным, и вскоре это даст знать при столкновении в сражениях Великой Отечественной войны с советскими военачальниками, в том числе и с Ватутиным.

Судьбы Ватутина и Манштейна впервые пересеклись в июле 1941 г. на северо-западе СССР, в Прибалтике и на подступах к Ленинграду. Манштейн, командовавший 56-м моторкорпусом 4-й танковой группы, в первые дни войны сумел добиться больших успехов. Прорвав оборону противостоявших ему войск Северо-Западного фронта, он за несколько дней продвинулся вглубь территории СССР на несколько сот километров, далеко опередив прочие войска группы армий «Север». Стремление Манштейна продолжить движение вперед без оглядки на фланги не получило поддержки его непосредственного начальника, командующего 4-й танковой группой генерал-полковника Гепнера, остановившего 56-й моторкорпус на Двине в районе Даугавпилса. Первые успехи вскоре после этого сменились неудачами. Корпус Манштейна был вынужден действовать в лесистой, заболоченной местности, где он не мог реализовать в полной мере свое преимущество в подвижности и маневренности. К тому же постоянные удары по флангам вызывали опасения у Манштейна и вынуждали тратить драгоценное время на ликвидацию внезапно возникшей угрозы. В итоге стремительного броска к Ленинграду и у командира 56-го моторкорпуса, и у его коллег не получилось. Немалую роль в этом сыграл генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, который в ночь на 30 июня покинул Москву и был направлен руководить работой штаба Северо-Западного фронта. Ему пришлось приложить огромные усилия для налаживания нарушенного в первые дни управления войсками и организации отражения успешно развивавшегося наступления группы армий «Север». В условиях, когда командование Северо-Западным фронтом часто менялось, на Ватутина легла и тяжелая ноша непосредственного руководства войсками фронта (за время пребывания Ватутина на посту начштаба фронта он пережил двух командующих, каждый из которых руководил войсками по месяцу. Пока они входили в курс дела, именно начальник штаба фактически руководил войсками фронта). Довелось ему и непосредственно руководить войсками, командуя оперативной группой войск на правом фланге фронта глубокой осенью 1941 г.

Первый раунд борьбы между Манштейном и Ватутиным, можно сказать, закончился в пользу советского генерала. Ему удалось парировать успех неприятеля, замедлить его продвижение и, в конечном итоге,

создать условия для срыва планов германского командования с ходу взять Ленинград. Кроме того, Ватутин получил первый серьезный опыт непосредственного руководства крупными оперативными группировками войск непосредственно не поле боя самостоятельно, а не в роли начальника штаба. На Манштейне неудача под Ленинградом никак не сказалась, более того, он пошел на «повышение», получив назначение на освободившийся пост командующего 11-й армией, действовавшей на крайнем южном участке советско-германского фронта.

1942 г. стал переломным годом в карьере обоих генералов. Манштейн, командуя 11-й армией, после многомесячной осады сумел взять Севастополь и заслужил чин генерал-фельмаршала. Кроме того, он доказал, что на самом деле является умелым тактиком, разгромив в скоротечной и блистательной, подобно метеору, операции войска Крымского фронта. Затем вплоть до декабря 1942 г. Манштейн не участвовал в активных действиях. Гитлер хотел его использовать в операции по штурму Ленинграда, потом в отражении готовящегося наступления войск Калининского фронта в районе Ржевского выступа. Ватутин тем временем вернулся в Генштаб, но проработал там недолго. Уже в июле 1942 г. он выехал в качестве представителя Ставки на Брянский фронт, а затем добился назначения на пост командующего Воронежским фронтом. К счастью для Ватутина, воронежское направление во 2-й половине июля 1942 г. уже не было главным направлением действий вермахта в 1942 г., и Ватутин получил еще один шанс набраться командного опыта, которого ему так не хватало, особенно если сравнить его с Манштейном.

Участие в Сталинградской битве и последовавшем за ним общим наступлением советских войск на южном фланге советско-германского фронта стали звездным часом для обоих военачальников. Командуя последовательно Юго-Западным и Воронежским фронтами, Ватутин участвовал в окружении 6-й и части 4-й танковой немецких армий под Сталинградом, освобождении Донбасса, боях под Харьковом и Белгородом. Здесь Ватутин второй раз встретился с Манштейном. Верх в итоге оказался за советским полководцем, хотя опытный немецкий фельдмаршал в феврале-начале марта 1943 г. преподал Ватутину хороший урок того, как не следует «зарываться», преследуя отступающего неприятеля.

Снова Ватутин и Манштейн скрестили мечи летом 1943 г. в Курской битве. К этому времени Манштейн уже составил себе хорошее представление о своем оппоненте по ту сторону линии фронта и, вероятно, именно с учетом психологических особенностей характера Ватутина, его молодости и горячности, предложил фюреру оригинальный план летней кампании. «Мы предлагали, — вспоминал Манштейн, — при ожидавшемся нами наступлении противника на Донбасс с боями отойти и пропустить армии противника на запад приблизительно до линии Мелитополь—Днепропетровск. Одновременно мы должны были подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий. Эти силы должны были разбить наступающего там противника, чтобы оттуда нанести удар на юго-восток или на юг в глубокий фланг армий противника, наступающих через Донбасс на нижний Днепр, и уничтожить их на побережье...»¹². Вполне возможно, что эта уловка прошла бы, если бы Сталин поддался на уговоры Ватутина начать наступление в первые

летние недели 1943 г. Так, А.В.Василевский в своих мемуарах указывал, что именно Ватутин наиболее настойчиво выступал за то, чтобы наступление летом 1943 г. начала первой именно Красная Армия и, в частности, войска его фронта. Ватутин, видя, что неприятель медлит с началом наступления, в мае и июне 1943 г. снова и снова требовал от Сталина отдать приказ перейти в наступление. «Александр Михайлович! — говорил он Василевскому, который в это время был представителем Ставки на Воронежском фронте, — Проспим мы, упустим момент... Противник не наступает, скоро осень, и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно...»¹³ Ватутин даже стал принимать меры для перехода своих войск в наступление и нацеливал командиров и штабы на отработку, прежде всего, наступательных задач. Возможно, именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что немецкие войска в полосе Воронежского фронта продвинулись на курском направлении дальше всего. Тем не менее, Верховный не поддался на уговоры горячего командующего Воронежским фронтом и не стал менять первоначальные планы.

В Курской битве сдержанный, расчетливый и умудренный многолетним опытом военной службы германский фельдмаршал оказался «твердым орешком» для Ватутина. Командующему Воронежским фронтом удалось сорвать план Манштейна прорваться к Курску с юга, но это стоило ему больших усилий и потерь, а также непредусмотренного первоначальными планами расходования дополнительных резервов. Перейдя в августе в наступление и добившись первоначально определенных успехов, Ватутин, переоценив размеры своей победы, снова очертя голову бросился преследовать, как ему казалось, наголову разгромленного врага. И опять Манштейн преподал ему хороший урок, организовав два чувствительных и неприятных контрудара по войскам Ватутина под Ахтыркой и Богодуховым. Тяжелые бои западнее Харькова, в которых наши войска понесли серьезные потери, вызвали большое недовольство у Сталина, который до того с очевидной симпатией относился к молодому и энергичному генералу. В направленной Ватутину директиве за подписью Верховного Главнокомандующего содержались крайне резкие и нелестные выражения в адрес комфронта. «События последних дней показали, — писал Верховный, — что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки... Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары с флангов группировкам и бить их по частям... В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери.. Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций...»¹⁴

В конечном итоге, Ватутин сумел справиться с трудностями и вынудить противостоявшие ему немецкие войска отступить за Днепр. Справился он и с серьезной проверкой на полководческую зрелость в ходе сражения за Киев. Весь опыт и талант Манштейна оказались не в силах отразить наступление войск теперь уже 1-го Украинского фронта и удержать Киев в немец-

ких руках. Однако старый фельдмаршал (а ему было к тому времени уже 56 лет) не собирался сдаваться так просто. Его без преувеличения можно назвать «злым гением» Ватутина. В ноябре 1943 г. он в очередной раз «подловил» Ватутина в момент, когда тот решил, что немцы опрокинуты и теперь нужно гнать и гнать их на запад. В течении месяца под Житомиром, Брусиловым, Радомышлем шли ожесточенные бои. Войска Ватутина были вынуждены отступить на несколько десятков километров к востоку, сдать Житомир и ряд других городов.

И.В.Сталин был крайне недоволен исходом боев за Житомир и Брусилов. Неудачи, которые обрушились на Ватутина, были крайне некстати. 28 ноября в Тегеране открылась встреча «Большой Тройки». Хотя в ходе переговоров Сталин использовал неблагоприятное развитие событий под Житомиром для оказания давления на Рузвельта и Черчилля в вопросе о сроках открытия второго фронта во Франции, ему, тем не менее, было крайне неприятно чувствовать, что после непрерывной цепи побед войска Красной Армии начали терпеть одно поражение за другим. На 1-й Украинский фронт был направлен командующий Белорусским фронтом К.К.Рокоссовский. «Сталин сказал, — вспоминал Рокоссовский, — что у Ватутина неблагоприятно, что противник перешел там в наступление, овладел там Житомиром. Положение становится угрожающим. Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта. В голосе Сталина чувствовалось раздражение и тревога. В заключении он приказал мне немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления врага».

Вскоре после этого Сталин, видимо, потерявший после ряда неудач веру в Ватутина, направил Рокоссовскому телеграмму, в которой содержалось указание: «В случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний...»¹⁵ Правда, до этого дело не дошло — Ватутин сумел сам справиться, хотя и не без трудностей, с возникшими проблемами. Больше таких ошибок он не допускал. Более того, осуществленные последовательно войсками его фронта три наступательных операции — Житомирско-Бердичевская, Ровно-Луцкая и Корсунь-Шевченковская вернули доверие Верховного к командующему 1-м Украинским фронтом и показали, насколько вырос Ватутин как тактик и стратег. Войска группы армий «Юг», руководимые Манштейном, ничего не смогли противопоставить армиям 1-го Украинского фронта. Сплошные неудачи, которые преследовали Манштейна на протяжении последних месяцев войны (начиная с неудачи под Курском), привели к тому, что карьера Манштейна завершилась. 30 марта 1944 г. фюрер вызвал его в свою резиденцию в Берхтесгадене, вручил ему «Мечи» к «Рыцарскому кресту» и сообщил растерявшемуся фельдмаршалу, что в его услугах он больше не нуждается. В своем дневнике Манштейн так передал слова фюрера: «...После вручения мечей он заявил мне, что он решил передать командование группой армий другому генералу (Моделю). На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых я особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции... В данное время на востоке для меня нет

задач...»¹⁶ Больше до самого конца войны Манштейн на фронте не появлялся. Правда, и Ватутину не суждено было стать маршалом и прославиться новыми победами. Его военная карьера оборвалась на взлете. 29 февраля 1944 г. в перестрелке с украинскими националистами командующий 1-м Украинским фронтом был тяжело ранен и спустя полтора месяца скончался. Тем не менее, его имя по праву занимает место в первом ряду советских военачальников и полководцев, одолевших на полях сражений лучших германских фельдмаршалов и генералов.

Работа над этой статьей, трудно было отделаться от мысли, что пишешь о двух «братьях», — настолько схожими были судьбы советского и немецкого генерала. Оба они начинали как штабные офицеры, оба занимались преподавательской деятельностью, оба служили в Генеральном штабе, причем на одной и той же должности — заместителя начальника Генштаба, оба сыграли большую роль в планировании важнейших операций 1-го этапа Второй мировой войны, оба впоследствии были переведены в строй, где и заслужили подлинную славу и известность. Даже свою военную карьеру они закончили примерно в одно и то же время — в начале 1944 г. Не раз им приходилось встречаться на поле боя друг с другом, и не раз пожилой и более опытный немецкий генерал выступал в роли учителя для молодого советского генерала. Но, в конечном итоге, образно говоря, ученик полностью превзошел своего учителя. Такой итог выглядит закономерным — достаточно вспомнить наполеоновских маршалов, вышедших из простого народа и успешно сражавшихся с генералами-аристократами армий старой Европы. Новое общество, родившееся в огне революции и войны, оказалось более жизнеспособным, чем старое, и это можно считать непреложным законом истории.

¹ Ремарк Э.М. Черный обелиск. М., 1992. С. 24.

² Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 276.

³ Барнетт К. и др. Военная элита рейха. Смоленск, 1999. С. 296.

⁴ Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов-н/Д., 2000. С. 12.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ См.: Ленский А.Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы. СПб., 2000. С. 71.

⁸ См. Там же. С. 90-91.

⁹ Цит. по: Крайнюков К.В. Генерал армии Николай Ватутин // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1970. С. 45.

¹⁰ Барнетт К. и др. Указ. соч. С. 303.

¹¹ Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.-СПб., 1999. С. 266-267.

¹² Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Ростов-н/Д., 1999. С. 492.

¹³ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 306.

¹⁴ Цит. по: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1975. С. 245-246.

¹⁵ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. С. 251.

¹⁶ Манштейн Э. фон. Утерянные победы. С. 630.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

П. П. Щербинин

ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ АРМИИ В XVIII–XIX ВВ.

Женщины и российская армия в XVIII в.

В результате реформ Петра I, создания большой регулярной армии, милитаризации различных сторон развития государства и общества в России возникли большие сообщества неженатых мужчин (офицеров, солдат, матросов, чиновников). Многие мужчины на долгие годы, если не навсегда, отрывались от родного дома, становились маргиналами в семейной жизни¹.

Солдаты, не имевшие при себе семей, пытались удовлетворять свои сексуальные потребности при помощи случайных связей. Понятно, что среди военнослужащих стали широко распространяться венерические заболевания. И хотя солдат лечили бесплатно, военное начальство стало наказывать их лишением жалования «за невоздержанность». Военный устав 1716 г. предписывал «с урядников и рядовых отнюдь ничего не брать, отчего бы им болезнь не приключилась, но лечить их всех без зарплаты». Как видно, устав изменил отношение к венерическим больным из числа рядовых, так как в предшествующие его появлению годы оно было иным: еще в 1715 г. Яков Брюс приказал лишить фузилера Ю. Бячкова жалования за два года, «потому что он пролежал в лазаретах в нечистой болезни, а та болезнь происходит от своего невоздержания»².

О том, что половой вопрос в армейской среде стоял весьма остро, свидетельствовали перечисления мер, пресекавших скотоложество, мужеложество, изнасилование, вступление в половые связи с несовершеннолетними и т.п. Указывалось также, что «никакие блудницы при полках терпимы не будут». Вероятно, подобные действия имели место, если их требовалось запретить под страхом вечного пребывания на галерах или даже смертной казни³. Запретительные меры не могли остановить общения солдат с «непотребными женщинами», которые всегда сопровождали войска или стремились селиться вблизи мест расположения полков русской армии.

Более радикальным решением проблемы взаимоотношения военных с женщинами могло быть разрешение иметь при себе свои семьи. Однако для этого всегда требовалось согласие командования. Не случайно солдаты при первой возможности старались выписывать себе своих жен. Но из-за финансовых проблем большинство военнослужащих русской армии не имели с собой семьи и продолжали искать случайные связи на стороне.

Однако сам Петр I и его окружение, находясь в походах, не ограничивали себя в общении с женщинами, а напротив, постоянно вызывали их в места дислокации войск. По меткому замечанию Е. Щепкиной, «вчерашние затворницы ... активно вводились в круг веселящихся военных людей»⁴.

Уже при подготовке похода на Азов в 1694—1695 гг. многие бояре получили приказ везти с собой своих жен. Сестра Петра I Наталья Алексеевна постоянно выезжала со своей свитой и навешала брата в армии. В этих поездках ее сопровождали сестры Арсеньевы и Меньшиковы. Дарья Арсеньева лихо гарцевала верхом на европейский лад, вызывая зависть знатных боярынь, не решавшихся на такие вольности в поведении.

Кружок полковых дам постоянно пополнялся, притягивая в войска многих женщин служилого сословия. Некоторые помещицы сами не выдерживали долгой разлуки с мужьями. Из дворянских гнезд к местам расквартирования русской армии тянулись повозки и колымаги с женщинами и детьми под охраной холопов⁵. Нередко матери привозили на полковые стоянки дочерей-невест, надеясь найти им перспективных женихов из сержантов и прапорщиков. Здесь же устраивались свадьбы, и военные писари фиксировали росписи приданого. Повседневная жизнь полковых дам была тесно связана с армейскими порядками и атрибутами. Праздники и вечера устраивались по барабанному бою, открывались пушечной пальбой. Ни болезни, ни беременность не избавляли женщин, оказавшихся в армии, от участия в попойках и маскарадных испытаниях. И часто уже сами офицеры-мужья осознавали необходимость отправки своих жен из армии к домашним очагам в провинцию или в столицы.

Замечу, что русскую армию, в отличие от европейских, не сопровождали маркитантки. В Западной Европе за каждым полком обязательно катила повозка торговки, снабжавшей солдат всем необходимым, — водкой, хлебом, табаком, одеждой, пулями, лекарствами⁶. В России же снабжением войск занимались исключительно мужчины. Лишь иногда среди торговцев, снабжавших военнотружущих товарами личного потребления (чаем, табаком, вином, сахаром и т.п.), встречались женские имена⁷. Однако такие торговки занимались своим промыслом только в местах расквартирования армейских частей, но не следовали с ними во время похода. Иногда жены унтер-офицеров, которые жили с мужьями при полках, также держали лавки и торговали съестными припасами, напитками и разными необходимыми для армейской жизни вещами⁸.

В XVIII в. женщины для службы в российской армии не допускались. Лишь при Екатерине II в России была сформирована амазонская рота, первое женское воинское подразделение⁹. Интересно, что идея привлечения женщин в армию и создания женских отрядов не только специально не обсуждалась и не рассматривалась властью и обществом, но даже сама встреча крымских «амазонок» с императрицей оказалась забытой. Информация о свидании императрицы с амазонской ротой всплыла лишь благодаря расследованию, которое провел в 1848 г. бывший наместник на Кавказе М.С.Воронцов-Дашков, получивший письмо от вдовы титулярного советника Елены Ивановны Шидянской. Вдова просила в письме оказать ей помощь императорского величества единовременным пособием, так как она лишилась зрения и в свои девяносто лет «находилась в крайней бедности». Кроме того, Е.И.Шидянская сообщила, что она командовала в царствование Екатерины II ротой амазонок и представляла ее императрице. Николай I выделил просительнице 300 руб., но приказал прислать ему сведения о том, когда была составлена рота амазонок, где и из какого звания.

Вскоре князь М.С.Воронцов-Дашков собрал необходимые сведения со слов самой Е.И.Шидянской. Выяснилось, что в состав амазонской роты входили «благородные жены и дочери балаклавских греков» и существовала она лишь два месяца — март и апрель 1787 г. Идея создания женского во-

енного подразделения принадлежала светлейшему князю Г.А.Потемкину-Таврическому, и она должна была служить еще одной красочной декорацией для приема императрицы Екатерины II в период ее путешествия в Крым. Командиру Балаклавского полка премьер-майору Чапони было поручено обучение амазонской роты, а ее командиром назначили Е.И.Сарандову, жену капитана Балаклавского полка, позже в замужестве — Шидянской. Одежда амазонок состояла из юбок малинового бархата, отороченных золотым галуном и бахромой, курточек зеленого бархата. Головной убор представлял собой белый тюрбан с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями.

Первая встреча амазонской роты произошла с австрийским императором Иосифом II, который подъехал к командиру роты Е.И.Сарандовой и поцеловал ее в губы. Подобный поступок вызвал волнение в роте, и командир стала успокаивать своих подчиненных словами: «Смирно! Чего испугались? Ведь вы видите, что император не отнял у меня губ и не оставил мне своих»¹⁰. Положение спасла Екатерина II, которая подъехала для осмотра своих «воинственных амазонок». Императрица осталась довольна смотром «женского войска», наградив Е.И.Сарандову бриллиантовым перстнем, а всю роту — 10 тыс. руб. ассигнациями. После награждения рота была распущена.

Очевиден вполне бутафорский характер создания амазонской роты и эпизодичность данного явления. Первый опыт формирования женского подразделения русской армии в XVIII в. завершился почти сразу после своего начала. Вскоре он был забыт и властями, и обществом, и самими россиянками. И женщинам, желавшим найти себе применение в армии, пришлось надевать мужской военный мундир, униформу, чтобы скрыть свою принадлежность к женскому полу. Вспомним, впрочем, что страсть к переодеванию в военную форму грешили в эпоху дворцовых переворотов и русские императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, которые шли во главе гвардейцев к трону в мужских военных мундирах¹¹.

Россиянки в мужском военном мундире: опыт и особенности XVIII — XIX вв.

Один из первых случаев переодевания женщины в военную форму произошел во времена правления Екатерины II. Однако императрица и ее окружение не только не инициировали это проявление патриотизма и женской воинственности, а напротив, были весьма удивлены и поражены открывшимся фактом. Дело в том, что 20-летняя донская казачка Татьяна Маркина из станицы Нагаевской, оставив на берегу реки свою одежду, переделалась в мужское платье и поступила солдатом в пехотный полк в Новочеркасске. Волевая и энергичная, внешне похожая на юношу, она дослужилась до чина капитана. Но ее блестящей военной карьере помешало одно обстоятельство — по жалобе сослуживца ей грозил полковой суд. Капитан Курточкин (так она именовалась) вынужден был обратиться к императрице и рассказать в прошении все о себе. Изумленная Екатерина II потребовала расследования с привлечением медиков. Капитан «женского пола» был освидетельствован и во всем оправдан, но военной службе пришел конец. Получив отставку, но с мундиром и пенсией, Татьяна вернулась в свою станицу¹². К сожалению, она не оставила мемуаров, и побудительные мотивы ее службы в армии остаются не ясными. Можно лишь предположить, что история ее пребы-

вания в армии подтолкнула Г.А.Потемкина к мысли о создании образцово-показательной «амазонской роты».

На рубеже XVIII—XIX вв. в военном мундире с саблей на коне сражалась с врагами еще одна женщина — Александра Тихомирова. Она воспользовалась своим сильным сходством с умершим братом — офицером гвардии и, сменив женские наряды на офицерский мундир, командовала ротой. Около 15 лет прослужила А.Тихомирова в армии, заслужив боевые награды. Она погибла в 1807 г., и только тогда ее боевые товарищи и командиры узнали, что это была женщина¹³.

Впрочем, переодевание женщин в военную форму все же иногда инициировалось и военным командованием русской армии. Об одном из подобных случаев в штабе светлейшего князя М.И.Кутузова в 1812 г. сообщалось в докладе в Петербург в военное министерство: «возит с собою переодетую в казачье платье любовницу». Ответ «клеветникам» представителя военного министерства генерала Кноринга был весьма оригинальным: «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»¹⁴. Судя по данному ответу, военные весьма снисходительно относились к подобному женскому «маскараду», если он касался интимной жизни высшего командного состава русской армии.

Заметим, что в начале XIX в. даже мужья-генералы иногда «прятали» своих жен, переодевая их в военные мундиры. Жена командира Измайловского полка М.Храповицкого сопровождала мужа во время заграничных походов русской армии 1813—1815 гг. под видом комнатного казачка и получила даже медаль «За взятие Парижа»¹⁵. Этот случай лишь подтверждает общее правило, что женщине было бы очень некомфортно и трудно находиться в мужском военном сообществе, даже если она сопровождала своего супруга.

Конечно, переодевания женщин в военные мундиры русской армии носили единичный и исключительный характер, так как россиянки вполне осознавали отношение военных к пребыванию женщин в составе вооруженных сил. Мужские традиционные сексистские взгляды и психологическое восприятие женщин в русской армии базировались на привычной интерпретации женской сущности и природы. Женщина могла находиться при армии лишь как объект для удовлетворения сексуальных потребностей, развлечения и проведения досуга. Понятно, что сами россиянки были с этим не согласны, а наиболее активные и инициативные из них доказывали, что воинская доблесть и подвиги, физические нагрузки и тяготы военной службы вполне под силу женщинам. Правда, стойкое противодействие возможности женщин стать в ряды армии, закрепленное в военных уставах, общественном мнении и гендерной социализации российского общества, позволяли женщине проявить себя на войне или в армии, лишь спрятавшись в военную униформу, выдавая себя за мужчину.

Участие женщин в войнах в мужской одежде не являлось лишь российской традицией. Многие, если не все, нации имеют истории и легенды о героических женщинах, которые во времена войны присоединялись к армии в солдатской униформе и сражались, чтобы защитить свою страну¹⁶. В работе М. ван Гревельд «Женщины и война» специально рассмотрена проблема появления женщин в мужской одежде на военной службе¹⁷. Автор книги отмечает, что этот процесс возник в европейских армиях с середины XVII в. и продолжался до XIX в. Женщины добывали себе военные мундиры и присоединялись к армии как простые солдаты. Мотивы их бегства в вооруженные силы были различны-

ми: некоторые женщины убегали от отца, супруга или жениха, другие следовали за мужьями в силу экономической необходимости себя обеспечить, третьи искали приключений, четвертые испытывали патриотические чувства¹⁸. Вероятно, подобные мотивы были характерны для представительниц разных государств, оказавшихся в рядах армии.

Сроки пребывания женщин в мужских мундирах в армии были различными: от нескольких недель до десяти и более лет. Как правило, начальство было ими довольно, а обман открывался лишь при болезни или ранении, при порке, когда они должны были раздеваться, при встрече со знакомыми, в случае смерти на поле боя и т.п. Обнаружение женщины в военной форме всегда являлось сенсацией. Большинство женщин в мужской военной форме немедленно увольнялись, но некоторые правители старались использовать в качестве пропаганды стремление женщин их защищать и даже назначали им пенсии¹⁹.

Одним из примеров использования женщины-героини как военного символа является история Надежды Дуровой — кавалерист-девицы, писательницы, оставившей воспоминания и литературные труды²⁰. Александр I, узнав, что в Конно-польском уланском полку под именем Александра Соколова служит рядовым женщина, приказал немедленно вытребовать ее в Петербург²¹. Выяснилось, что Надежда Андреевна Дурова в 1806 г., скрыв свой пол, поступила рядовым в армию, участвовала в сражениях, зарекомендовав себя храбрым воином.

Александр I вполне осознавал символичность и неординарность поступка этой россиянки, заявлявшей о своем непреклонном желании служить своему государю в военной форме русской армии. Император лично вручил Н.Дуровой Георгиевский крест за спасение в бою офицера и разрешил ей остаться в войсках. В своих воспоминаниях Н.Дурова воспроизводит свою встречу с Александром I и его слова: «Если вы полагаете, — сказал император, — что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашею наградою, то вы будете иметь ее!.. И будете называться по моему имени — Александровым! Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойною этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть беспорочно и что я не прошу вам никогда и тени пятна нем!»²². Новое имя позволяло Н.Дуровой скрываться от родственников и продолжать службу в армии, а для Александра I поддержка кавалерист-девицы Александрова стала делом монаршего благоволения, символизируя собой единение монарха с патриотическими проявлениями его подданных, свидетельством того, что даже женщины готовы были отдать жизнь за своего императора в рядах его армии.

Кавалерист-девица Александр Андреевич Дуров направляется корнетом в Мариупольский гусарский полк с денежным довольствием от военного министра в случае надобности. Военные власти, выполняя волю императора, снабжали ее деньгами, компенсируя расходы первой в России женщины-офицера. В 1811 г. кавалерист-девица перевелась в Литовский уланский полк, с которым она участвовала в Отечественной войне 1812 г., получила контузию в Бородинском сражении, некоторое время состояла ординарцем у М.И.Кутузова. Затем получила отпуск для излечения от контузии и до мая 1813 г. находилась у отца в Сарапуле. После выздоровления в мае 1813 г. Дурова-Александров снова в действующей армии. В 1817 г. она вышла в отставку в чине штаб-ротмистра с правом получения пенсии.

С 1836 по 1840 гг. Н.Дурова занимается литературной деятельностью, выходят ее автобиографические книги, повести и рассказы. Они

печатались в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», в литературном добавлении к «Русскому инвалиду» под псевдонимом А.А.Александров.

Несомненно, история женщины, одушевленной в военном мундире в рядах русских войск, будоражила аристократическое общество и военное начальство. Какие только споры, догадки и предположения не возникали о причинах переодевания и бегства Н.Дуровой в армию. «Сведущие знатоки» рассказывали, что история с кавалерист-девицей открылась после того, как она была ранена, для осмотра с нее сняли мундир и узнали, что перед ними женщина. Сама Н.Дурова в своих записках не случайно называет себя «девицей» и не упоминает, что она была замужней женщиной и матерью, так как общественное мнение в полку, в столицах и в провинции не могло бы снисходительно отнестись к подобной информации. Некоторые ее биографы утверждали, что причиной бегства Н.Дуровой из родительского дома в армию была любовь к казачьему есаулу²³. А.С.Пушкин, публикуя в «Современнике» отрывок из ее записок, писал в предисловии: «Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное возмущение? Врожденная неукротимая склонность? К чему? Любовь?...»²⁴. Догадки были самые разные. Споры продолжаются до сих пор. Некоторые историки называют Надежду Дурову трансвеститом²⁵, другие — личностью, имевшей «подвижную» персональную половую идентичность²⁶. Сама Н.Дурова после отставки вела себя как мужчина: носила мужской костюм, курила трубку, имела мужские манеры, обижалась, если к ней обращались как к женщине²⁷. Даже в своем завещании Н.Дурова просила называть себя при отпевании Александровым, что, разумеется, не было выполнено священником.

Примечательно, что воинственность и храбрость были идеалом для многих женщин в начале XIX в. Среди россиянок росло стремление подражать мужчинам в одежде, сравняться с ними в храбрости, силе и подвигах²⁸. Однако поступок Н.Дуровой и ее служба в рядах русской армии являлись все же редчайшим исключением из общих правил поведения и повседневной жизни россиянок в XIX в. И хотя некоторые исследователи женского движения и женской эмансипации склонны были усматривать в Н.Дуровой «прародительницу всех новых русских женщин, ищущих занятия, труда, посещающих библиотеки, лекции профессоров, медицинские курсы, жаждущих поступления в университет»²⁹, в действительности никаких проявлений феминизма и теоретических посылок в ее деятельности на войне и в армии не было. Можно говорить, в данном случае, лишь об индивидуальном военном опыте Н.Дуровой и ее уникальной судьбе. Впрочем, было и еще одно исключение, когда в XIX в. женщина воевала. История с переодетой в военный мундир женщиной вскрылась в 1898 г., когда на имя императора Николая II было подано прошение от «вдовы, живущей в Мелитополе в бедственном доме, Евгении Трофимовны Брытовой». Ее покойный муж, унтер-офицер В.Г.Брытов, сражался в Севастополе в гренадерском Грузинском полку. Из прошения следовало, что сама Евгения Трофимовна под именем Александра Воинова девять месяцев воевала в чине унтер-офицера в том же полку и была также отмечена Знаком отличия военного ордена и медалями. При пожаре все награды и документы к ним сгорели, и

теперь 77-летняя Е.Т.Брытова, не имея возможности без документов добиться положенной ей по награде пенсии, «испытывала крайнюю бедность и нужду». Из Капитула орденов потребовали в Главный штаб справку, и оказалось, что действительно в списках Капитула по Знакам отличия военного ордена 4-й степени под № 5702 значится отставной унтер-офицер Грузинского гренадерского полка Александр Воинов. Более того, когда мелитопольский уездный воинский начальник лично допросил Брытову-Воинову, оказалось, что она является дочерью Шамиля, принявшей православие и вышедшей замуж за русского унтер-офицера. Поступить вместе с мужем в Севастопольский гарнизон ей разрешил сам император Николай I, сохранив в тайне от сослуживцев Брытовой ее пол. Она провела девять месяцев в осажденном Севастополе, но когда обман раскрылся, подверглась освидетельствованию и была удалена в отставку. В итоге дело кончилось благополучно и Брытовой-Воиновой назначили пособие³⁰.

Примечательно, что в XIX в. россиянки больше не стремились подражать кавалерист-девице, а женщины в русской армии появились лишь в качестве сестер милосердия в период Крымской войны 1853–1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но они уже и не думали скрывать свой пол и прятаться в военную униформу. Напротив, эти россиянки подчеркивали, что они женщины, которые с лаской и заботой, вниманием и чуткостью готовы исполнить свой милосердный долг помощи больным и раненым воинам.

Русско-японская война 1904–1905 гг. не вызвала ярких проявлений патриотических чувств среди россиянок, но все же несколько случаев, когда женщины надевали военную форму и попадали на фронт, имело место. Так, дочь полковника Максимова-Кондурова Пуссеп изъявила желание в качестве солдата пойти на войну и была зачислена в 1-й стрелковый Его Величества полк³¹. Отмечались и другие отдельные случаи переодевания женщин в солдат, но они не были типичными и определялись личными мотивами и привязанностями россиянок.

¹ Подобнее см.: *Щербинин П.* Непотребных в лагере не терпеть (проституция, францезнерия и русская армия) // *Родина.* 2002. № 7. С. 68–71.

² Цит. по кн.: *Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С.В.Карпушенко.* М., 1999. С. 119.

³ *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998. С. 21.

⁴ *Щепкина Е.Н.* Женская личность в истории России // *Исторический вестник.* 1913. № 7. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Маркитантки (от итал. mercante – торговец) стойко переносили тяготы военной жизни и нередко погибали при обстрелах. Против принятого стереотипа, маркитантка не являлась проституткой, эти женщины заводили любовные связи по желанию, часто выходя замуж за солдат, по внутривойсковым законам ограбление или изнасилование маркитантки каралось трибуналом. Маркитантки так прочно вошли в военный быт европейских армий, что о них слогали легенды, писали романы.

⁷ См.: *Крестовский В.В.* Очерки кавалерийской жизни. М., 1998. С. 230–238.

⁸ См.: *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 76.

⁹ Подробнее об этом см.: *Есинов Г.* Амазонская рота при Екатерине II // *Исторический вестник.* 1886. № 1–2. С. 71–75.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Подробнее см.: *Анисимов Е.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998. С. 209, 321.

- ¹² Итак, она звалась Татьяной // Неделя. 1984. № 7. С. 11; *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах. М., 2002. С.18.
- ¹³ Военно-исторический журнал. 1940. № 11. С. 109-111; *Львов В.* Тайна капитана Тихомирова // Огонек. 1978. № 11. С. 14-15; *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С.18-19.
- ¹⁴ Цит. по ст.: *Безотосный В.М.* Российский титулованный генералитет в войнах против наполеоновской Франции в 1812–1815 годах // Отечественная история. 1998. № 2. С. 187.
- ¹⁵ *Некрасова Е.* Надежда Андреевна Дурова // Исторический вестник. 1890. № 9. С. 595.
- ¹⁶ *Meyer A.G.* The Impact of World War I on Russian Women's Lives // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation / Eds. B.E. Clements, B.A. Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 218.
- ¹⁷ Frauen und Krieg / Martin van Creveld. Aus dem Engl. von A.Schäfer und K.Laue. München, 2001.
- ¹⁸ Там же. P.111.
- ¹⁹ Там же. P. 112.
- ²⁰ Подробнее см.: Записки Н.Дуровой // Современник. 1836. Т.2; Девица-кавалерист. Происшествие в России. СПб., 1836; *Меньшов Е.* Мое знакомство с девицей-кавалеристом Надеждой Андреевной Дуровой – отставным штаб-ротмистром Александровым // Петербургский вестник. 1861. № 3. С.64-65; *Лаушманов Ф.Ф.* Надежда Андреевна Дурова // Русская старина. 1890. № 9; *Некрасова Е.* Надежда Андреевна Дурова // Исторический вестник. 1890. № 9. С. 585-612; *Кутшие Н.* Дуров-Александров (биографическая заметка) // Исторический вестник. 1894. № 3. С. 788-793; *Сакс А.А.* Кавалерист-девица штаб-ротмистр Александр Андреевич Александров (Надежда Андреевна Дурова). СПб., 1912; *Соколовская.* Русская женщина 12-го года // Вестник Императорского общества ревнителей истории. 1916. Т. 3. С. 121-128; *Оськин А.И.* Надежда Дурова – героиня Отечественной войны 1812 г. М., 1962; *Дурова Н.А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А.Дуровой / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Б.Муравьева. М., 1988; *Zrin M. A* Woman in the «Men's World»: the Journals of Nadezhda Durova // *Bell S. G., Yalom M. (eds.)*. Revealing Lives: Autobiography, Biography and Gender. N.Y., 1990. P. 43-53; *Савкина И.Л.* Женственное и мужественное в прозе Надежды Дуровой // *Studia Slavica Finlandensia.* Helsinki, 1995. Т.XII. P. 126-140; *Савкина И.* Sui generis: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой // О мужественности: Сборник статей. Сост. С.Ушакин. М., 2002. С. 199-223; *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. М., 2002; и др.
- ²¹ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 596.
- ²² *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. М., 2002. С. 116.
- ²³ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 602.
- ²⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т. Изд. 4. Т. 7. Л., 1978. С. 271.
- ²⁵ Frauen und Krieg / Martin van Creveld. Aus dem Engl. von A.Schäfer und K.Laue. München, 2001. P. 116.
- ²⁶ *Савкина И.* Sui generis: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой. С. 223.
- ²⁷ В своих записках «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» Н.Дурова так описывала свою встречу с А.С.Пушкиным: «Впрочем, любезный гость мой приходил в заметное замешательство всякий раз, когда я, рассказывая что-нибудь, относящееся ко мне, говорила: «Был, пришел, пошел, увидел». Долговременная привычка употреблять «ь» вместо «а» делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролюю, обратившеюся мне уже в природу. Наконец Пушкин послышал кончить и посещение, и разговор, начинавший делаться для него до крайности трудным. Оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уж вовсе не знаю для чего сказала: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого». – *Дурова Н.* Русская амазонка. Записки. С. 329.
- ²⁸ *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 595.
- ²⁹ Цит. по: *Некрасова Е.* Указ. соч. С. 594.
- ³⁰ См.: *Дуров В.* За защиту Севастополя. Крымская война в боевых наградах // Родина. 2000. № 7. С. 44.
- ³¹ Русско-японская война (Россия и Дальний Восток). Япония и японцы. Дешевая иллюстрированная библиотека. СПб., 1904. 21 февраля. С. 15.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОПЫТ РУССКОГО СОЛДАТА НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВОЙНЫ И МИРА

В военно-исторической антропологии гендерный аспект затрагивается довольно редко. Сексуальное поведение российского комбатанта, являющееся частью гендерных отношений, рассматривается только при характеристике фронтовой морали, прежде всего женщин¹. Вопрос же о влиянии сексуального опыта на поведение солдата на фронте и после войны не ставится, а повествование о сексуальной революции в России, ставшей частью социальной революции 1917 года, начинается сразу с описания «любви пчел трудовых»². Не ставится и вопрос об особенностях такого поведения по сравнению с поведением российского комбатанта в других войнах. Впрочем, в литературе на этот счет существует мнение, что доминирующие психологические характеристики, проявляющиеся во фронтовом быте, универсальны вне зависимости от смены эпох, стран, народов и армий³. В западной историографии проблема сексуального поведения мужчин и женщин во время войны и на войне рассматривается сквозь призму характера современной войны. Война освобождает чувство от статусной иерархии семейной жизни, канализирует или блокирует сексуальную энергию во время наступления или обороны, превращает ее в перверсии, психические болезни и т.д.⁴. Особенности сексуального поведения, да и вообще психологического состояния русского солдата в Первую мировую войну в западной историографии не исследуются.

Целью данной статьи является выяснение влияния сексуального опыта, полученного в Первой мировой войне, на социальное поведение русского солдата во время войны (то есть собственно в качестве комбатанта) и после нее (в качестве гражданина, прошедшего войну). Источниками статьи послужили выдержки из писем солдат, отложившиеся в материалах военно-цензурных отделений (ВЦО) штабов фронтов и армий, переписка военных властей на фронте, материалы фольклора, данные женских, медицинских, общественно-политических журналов того времени, послевоенных обследований и литературы, касающейся быта и гигиены населения.

Автор исходит в своем исследовании из представлений о Первой мировой войне как войне нового, главным образом технического, индустриального типа. Война здесь является аналогом индустриального, современного общества. Для последнего характерны: анонимность контрагентов производства (в данном случае — ратного труда); отчуждение людей от продуктов своего труда; отделение производственных функций от семейных, каковые главенствуют в крестьянском и вообще мелкотоварном производстве; возникновение запроса на интимные, дружеские и т.п. «человеческие» отношения, в рамках которых происходит самореализация человека индустриального, современного общества⁵.

В историко-антропологическом подходе необходимо учитывать временное пребывание на современной, тотальной войне человека, имеющего свой довоенный социальный опыт и находящегося в процессе решения социальных проблем. Военный опыт индустриальной войны в России приобрели, по разным оценкам, от 15 до 20 млн. мужчин (из 26 млн. мужчин призывного возраста) — самая активная, деятельная, перспектив-

ная часть населения России. На 80-90% состав русской армии определялся крестьянскими характеристиками, которые усиливались по мере призыва в армию (с осени 1915 г.) контингента, не проходившего действительную службу. Возраст солдат русской армии менялся от 70% молодых женатых солдат в начале войны до 30% таковых в 1917 г.⁶ Эти характеристики определяли и довоенный социальный и сексуальный опыт русских солдат. Так, в качестве молодого неженатого человека солдат являлся членом большой семьи. Но и в качестве молодого женатого человека он или оставался в составе большой семьи или только что выделился из нее. На рубеже веков количество больших крестьянских семей в Европейской России составляло 49,5% их общего числа. Но в них жило большинство крестьянского населения. Можно констатировать именно накануне войны с начала века вступление процесса формирования малой семьи в свою завершающую стадию (хотя ее отделение от большой семьи далеко не закончилось вплоть до 1917 г.)⁷. Именно это соображение является центральным в характеристике того социального и сексуального опыта, с которым солдат русской армии оказался на фронте мировой войны.

Особенностью большой семьи является ее формирование и функционирование на основе хозяйственных, а не личностных (любовных, сексуальных, родительских), как это имеет место в современном обществе, отношений. То, что «любовь не являлась брачным фактором», подтверждается многочисленными фольклорными данными, описаниями быта крестьян⁸. Господство в крестьянской семье традиционалистских отношений, кроме ограничений, вызывавшихся хозяйственными и религиозными соображениями, сказывалось и в прямом вмешательстве в сексуальную жизнь молодой семьи со стороны родителей. Само сексуальное и репродуктивное поведение были слитны. Сексуальный опыт женатых мужчин можно характеризовать как неудовлетворенность, а их сексуальное поведение не было самодостаточным, не обладало внутренней ценностью⁹. Этот опыт диктовал и определенное отношение к женщинам до войны, характеризующееся в литературе как «компенсаторное насилие»¹⁰, широко распространенное в деревне, в том числе сексуальное¹¹. Подчиненное по отношению к мужчинам положение женщин, а следовательно, косвенно, и сексуальный опыт, закреплялись как в обычном, так и в гражданском праве¹². Отрицательный, негативный сексуальный опыт усугублялся таким же опытом и у женщин, рассматривавших замужество как наложничество¹³.

Сексуальный опыт деревенской неженатой молодежи характеризовался стремлением молодых неженатых людей перевести свои любовные, вполне целомудренные отношения в брачные без каких-либо гарантий на успех¹⁴. Деревенская молодежь в полной мере испытывала на себе груз традиций, особенно остро переживая ограниченность свободы выбора брачного партнера¹⁵.

Поскольку сексуальные отношения инкорпорированы в отношения социальные и производственные, то и сам сексуальный опыт будущих солдат-крестьян, составлявших подавляющую часть русской армии, можно рассматривать как часть опыта социального. Особенностью этого опыта была острая напряженность на семейно-сексуальном фронте. Имело место противоречие между глубоко личностными, т.е. направленными на строительство семьи «по любви» («по мысли»), вне рамок

большой семьи, стремлений, и практикой подавления этих настроений, проистекавших из особенностей крестьянского быта, всего традиционалистского уклада деревни. И до войны поведение женатого мужчины было противоречивым. Он одновременно стремился завести «добавку на стороне» и вести борьбу за права малой семьи в составе большой. Невозможность найти выход из этого противоречия вела к пьянству¹⁶. Еще более остро переживалась указанная проблема неженатой молодежью. Наложение конфликта отцов и детей на социально-экономические и политические противоречия приобретало потенциально взрывной характер и являлось особенностью всего общественного настроения сельской России эпохи войн и революций¹⁷. В целом социальный опыт солдат-крестьян характеризовался участием молодых (на момент Первой мировой войны — женатых) людей в Первой русской революции в крестьянском движении, и участием молодых (на момент войны — холостых) людей в «хулиганском движении», охватившем значительную часть Европейской России¹⁸.

Первая мировая война оказала большое влияние на условия протекания семейно-сексуальных отношений в крестьянской среде. В то же время новый этап этих отношений сыграл важную роль в поведении солдата-крестьянина на фронте. При этом необходимо учитывать, что женатый солдат на войне являлся частью крестьянской семьи, на данный период разорванной, а холостой — членом будущей, потенциальной семьи. Длительность военных действий не просто разорвала семью, но поставила ее члена в ситуацию пересмотра своего семейного положения. Такая возможность всегда присутствовала у крестьянина, находящегося длительное время в разлуке с семьей, например, при отходничестве, своеобразным аналогом которого являлась война.

Театр военных действий, а также внутренние районы, примыкавшие к нему, создавали огромное предложение в сфере интимных услуг. Прежде всего, это — женщины-окопницы, как прибывшие в течение 1914 — начала 1916 гг. по нарядам военного и местного начальства, так и беженки, нанятые на окопные работы¹⁹. Обычно в этот контингент попадали незамужние, вдовы, а также бездетные женщины, и, как правило, молодые²⁰. Но были среди них и те, которые рассматривались местными начальниками, а порою и сельскими сходами, как лица развратного поведения и поставлялись по нарядам в первую очередь²¹.

Следующей категорией были беженки, оставшиеся без мужчин и в большом количестве осевшие в течение 1914—1915 гг. на театре военных действий. Для их психологии была характерна зависимость от солдат, у которых они искали защиту себе и своим детям²². Представлявшие в этническом плане разношерстную группу (польки, украинки, латышки, русские), на окопных работах они разделялись на десятниц и работниц. Первые, образованные (курсистки, гимназистки), а также выделявшиеся внешними данными, считались «офицерскими», остальные — «солдатскими»²³. Особую группу представляли беженки-подростки, являвшиеся легкой добычей отставших команд, дезертиров и т.п. полупреступного армейского контингента.

Значительную группу женщин, предоставлявших сексуальные услуги армии, представляли многочисленные проститутки на театре военных действий, особенно в оккупированных районах Австро-Венгрии²⁴. Впрочем, Галиция и до войны была поставщиком проституток. С началом

войны ситуация усложнилась²⁵. Большое место среди проституток в этом районе занимали австрийско-подданные, скрывавшиеся под видом сестер милосердия или полковых дам в трауре²⁶. Значительность спроса произвела при этом подвижку в данной группе, где на первое место стали выходить бывшие до этого в тени молодые или непрофессиональные проститутки. Особенно быстро росла детская (с 14 лет) проституция²⁷.

Видное место на театре военных действий занимали женщины авантюрного, неуравновешенного характера, приехавшие на фронт в качестве сестер милосердия добровольцев, «волонтерок» всевозможных государственных, общественных и благотворительных организаций²⁸. Эти деятельницы на общественной ниве, не боявшиеся брать на себя решенные важные вопросы в сфере благотворительности, являли своим характером, стилем работы прообраз будущих комиссарш эпохи гражданской войны и представляли, таким образом, дополнительный объект интереса со стороны мужчин.

Как и во время русско-японской войны, на театре военных действий появилось множество как законных, так и «гражданских» жен офицеров и солдат, порою живших всего в 4-5 км от позиций²⁹. Особенно много было их из ближнего тыла³⁰. Много поблажек в этом деле получали офицеры, что вызывало дополнительные трения их с солдатами.

Совершенно новым, а главное массовым явлением для войн стало предложение сексуальных услуг военным отпускникам или командировочным со стороны множества женщин-непроституток в городах во внутренних районах. В литературе того времени это трактовалось как «падение нравов». Современники замечали какую-то необычную тягу к военному мундиру как среди высших, так и низших классов, в частности, среди беженок, вдов, молодых женщин и девиц, отправлявшихся из деревень в города на фабрику и железную дорогу. В театрах, кино и других увеселительных учреждениях было много женщин в умопомрачительных нарядах. Модные женские журналы, почти ничего не сообщая о реальной войне, рекламировали траурные платья, некоторые из которых «могли служить и выходными»³¹. На улицах большого города в вечернее и ночное время видны были массы малолетних проституток, свободно промышляющих своей профессией. Проститутками были полны чайные, трактиры, гостиницы, кинематографы, кондитерские³². В некоторых городах, например, в Одессе, проституция, особенно детская, приняла чрезвычайно большие размеры. И здесь подростки (12-15 лет) из числа христианок потеснили профессионалок из числа евреек. Сказывалось отсутствие надзора со стороны отцов и матерей, соблазны, дороговизна, вообще прибыльность ремесла³³. Новая ситуация с предоставлением сексуальных услуг была зафиксирована и демографами, обратившими внимание на снижение общей рождаемости, но на повышение рождаемости внебрачных детей³⁴. Взрыв сексуальной активности населения особенно тревожил венерологов, отмечавших падение во время войны числа явной проституции и рост проституции скрытой, и как следствие этого — рост венерических заболеваний среди женщин даже достаточных классов, непроституток³⁵. Среди причин указанного сексуального взрыва следует назвать и появление свободы сексуального выбора у женщин, лишенных его на протяжении всей своей жизни.

В целом во время войны отмечен всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Суждения солдат о роли секса на войне были достаточно циничны: «Без бабы и без вина и война не нужна»³⁶. В соответствии с этой моралью выстраивалось и сексуальное поведение. В ближнем тылу это выражалось в массовом «гуляньи с бабами и девками» уже с осени 1914 г. Особенно широко это явление было развито в отдельных командах: автомобильных, мотоциклетных, артиллерийских, телефонных, среди летчиков, денщиков и т.п.³⁷ Цензура отмечала, например, что в Сибирском запасном саперном батальоне 6-й армии «мало работали, много гуляли с женщинами»³⁸. В 14-й автомобильной роте письма отличались «особенно жизнерадостностью и веселым настроением» — «почти сплошь любовного содержания»³⁹. Доходило дело и до разврата, в сущности — оргий. География описаний (достаточно откровенных) таких действий широка: Галиция, Буковина, Прибалтика, Франция (среди войск русского экспедиционного корпуса)⁴⁰. Есть сведения и о насилии по отношению к женщинам. В письмах зимы 1914 г. отмечалось, что в малых городах в Галиции, где стоит русская армия, идет целая «охота на них и не разбираются ни с классом, ни с возрастом»⁴¹. Но и летом 1915 г. имели место насильственные эксцессы по отношению к австрийским женщинам-окопницам. Корреспондент отмечал при этом: «И это все наши солдаты, нисколько не лучше немцев»⁴². Ряд свидетельств такого поведения, включая насилия над малолетними девочками, относятся к казакам⁴³.

Широко участвовали в сексуальном общении и пехотинцы, главным образом с женщинами-окопницами. Размах этого явления обнаружился на совещании губернаторов и губернских предводителей дворянства в прифронтовых губерниях в Ставке в мае 1916 г. Все участники совещания указывали на недопустимость привлечения на окопные работы девушек и женщин. По мнению Черниговского предводителя, наряды их на такие работы «вносили лишь разврат»⁴⁴. На это же указывали новгородский, витебский, волынский и псковский губернаторы⁴⁵. Черниговский губернатор выступал также против привлечения женщин к окопным работам как по моральным соображениям, так и «в интересах охраны хозяйственной жизни населения, которое всецело держится в настоящее время на женщинах»⁴⁶. Полтавский губернатор указывал, что от этих мер происходит «разврат и вообще угнетенное настроение»⁴⁷. В результате совещание, а вместе с ним и военное командование пришли к решению об отказе использования женщин в окопных работах. Отказ этот повел к серьезным последствиям как в деле организации оборонительных работ, так и во всей социально-политической обстановке в стране. Для замены женского контингента на фронте власти сначала попытались использовать военнопленных, главным образом славянского происхождения. Но это было признано неудобным. Тогда было решено использовать рабочую силу из состава населения Средней Азии. Попытка реализации этого решения привела к известному восстанию населения в Средней Азии осенью 1916 г. Так нерешенность семейно-сексуальных проблем ударила по обороноспособности страны...

Сексуальное поведение русской армии во время войны видно и во всеобщем интересе солдат и офицеров к вопросам морали, женитьбы, секса на фронте и в тылу. У офицеров это проявлялось в чтении эротической лите-

ратуры: Вербицкой, Куприна⁴⁸. Среди солдат получили распространение порнографические открытки и фотографии, которые в большом количестве пересылались из Франции⁴⁹. Многие офицеры писали письма своим женам и подругам каждый день, нумеровали их (были за 300 номеров и больше). Цензора отмечали подробности таких писем, до которых «никакой Мопасан не додумывался». «Очевидно, что человек обезумел, выскочил из колеи. Такое состояние тянется, к сожалению, не день и не два, а недели и месяцы. Офицер, у которого раньше только и дум было, что война и боевая обстановка, вдруг обращается в плаксивого нытика, мечтающего только о том, чтобы война скорее кончилась и он мог бы вернуться опять в объятия своей любимой жenuшки», — отмечал в своем отчете цензор-журналист Н. Снесарев, прочитавший тысячи писем с фронта⁵⁰.

Не отставали в любовной переписке и солдаты. Выражения любви к женам занимали немаловажное место в переписке, в некоторых письмах являясь единственной темой⁵¹. Писали солдаты и на сторону. В марте 1916 г. отмечена была активная переписка бойцов, включая и офицеров, 12-й армии с рижанками, а также с проститутками в публичном доме в Вольмаре⁵². В этом же были замечены служащие 423-го Лужского пехотного полка, долго стоявшего в Таммерфорсе. При проверке весной 1916 г. 101 просмотренного письма 58 оказались любовными. Выяснилось также, что части в Финляндии широко этим занимались и вообще считали службу здесь «легкой»⁵³.

Общий ажиотаж на сексуальном фронте проявлялся и в том, что солдаты в своих записных книжках зачеркивали сведения о женитьбе, «чтобы лучше в любовных делах быть»⁵⁴. На фронте распространялось множество самых нелепых слухов о женитьбе. Все это одновременно связано было с ожиданием мира. Один солдат сообщал в свою деревню в Волынской губернии в феврале 1916 г.: «Наш ротный нам объявил вот какие новости, что если война кончится, то после войны кто будет жив, то будет на каждого солдата припущено по три девки, потому что заседание Думы признало, если война не кончится до мая месяца, то чтобы весь женский пол приделить по мужчинам»⁵⁵. Приказы о порядке женитьбы дома⁵⁶ толковались как повод получить отпуск на 3 месяца. Некоторые солдаты бросились писать письма на село, чтобы подтвердили желание жениться, заверили у нотариуса или у священника, даже в редакции газет обращались с объявлениями жениться⁵⁷. Проблема женитьбы подогревалась и широкой практикой посещения женами, включая и гражданских, солдат и офицеров в армии⁵⁸. Многие офицеры и солдаты просто жили с женщинами, объявив себя неженатыми, и впоследствии обручались или женились⁵⁹. Среди таких «жен» были и «непорядочные»⁶⁰. Власти же в этом вопросе проявляли непоследовательность. То они разрешали только офицерам и чиновникам выписывать на позиции своих жен, чем возбуждали недовольство солдат. То, как это было в 12-й армии, издавали приказ о немедленном выселении всех жен и родственников у офицеров⁶¹. То осенью 1916 г. следовало высочайшее разрешение солдатам вступать в брак, что было истолковано именно как право на женитьбу на фронте или на многомесячный отпуск⁶². Влияли на такое поведение и сведения о том, как живут русские военнопленные с австрийками⁶³. С 1917 г. в Галиции солдаты и действующей армии женились на австрийках⁶⁴. Особенно приветствова-

лось разрешение на браки солдатами экспедиционного корпуса во Франции⁶⁵. Многие (в основном, правда, горожане) пользовались разрешением жениться, рассчитывая получить субсидии от французского правительства (около 1000 франков) и 2 месяца отпуска⁶⁶.

Сексуальная активность в русской армии ярко проявилась в резком возрастании количества венерических болезней у солдат и гражданского населения на театре военных действий. О массовых заболеваниях венерическими болезнями в войсках в Прибалтике сообщалось в докладах ВЦО уже в марте 1916 г.⁶⁷. Позднее сведения, что масса солдат и офицеров в войсках Юго-Западного фронта «получили себе на конеш», значительно увеличилось⁶⁸. Зимой 1917 г. в сводках цензуры по 7-й армии сообщалось, что «заболевание сифилисом принимает угрожающий характер»⁶⁹. Распространение венерических болезней в действующей армии сравнивали с тифом⁷⁰.

Одним из истоков заражения венерическими болезнями в армии являлись уличные женщины-проститутки (польки, австрийки). Считалось, что они обязательно больны или заболеют сифилисом и в любом случае все носят заразу. Проблема была также в том, что у женщин болезнь протекает скрытно⁷¹. Другим массовым источником являлись женщины-окопницы, которые и до приезда были многие заражены, а на работах считались зараженными поголовно⁷². Надо также иметь в виду вообще распространенность среди русского сельского населения бытового сифилиса, а не только вызванного половой активностью на театре военных действий⁷³, где условия гигиены были еще хуже, чем в деревне. Очевидно, на фронте имело место наложение этих двух явлений⁷⁴.

Имело место и сознательное желание некоторых солдат заразиться и таким образом получить отпуск домой⁷⁵. Вообще, судя по выдержкам из писем и воспоминаниям, многие из заболевших не только не стыдились своей болезни, но даже гордились ею и продолжали свои сексуальные похождения. «Блядовать не перестаю, стараюсь употреблять, не считаясь с половыми болезнями», — сообщал один из офицеров 33-го армейского корпуса в своем письме⁷⁶. Очевидно, с этого времени начинается поворот в общественном сознании в моральных вопросах, сопровождающий обычно время перемен.

Рост венерических заболеваний вызывал тревогу и у гражданских властей. На вышеупомянутом совещании губернаторов в мае 1916 г. подчеркивалось, что многие деревни Новгородской губернии сплошь заражены сифилисом⁷⁷. Не могла пройти незамеченными волна эпидемии венерических болезней и у специалистов-дерматологов и сифилидологов. В литературе отмечалось «резкое возрастание числа больных сифилисом»⁷⁸. Во время самой войны считалось, что больных будет 250 тыс. на 10-миллионную армию, что уже признавалось очень серьезным⁷⁹. На самом деле по общим показателям заболеваемости венерическими болезнями сверх нормы мирного времени Россия в годы войны превысила подобные расчеты на порядок и «догнала» Германию. По расчетам А.Шевелева, члена венерологической секции при Наркомздраве РСФСР, во время войны заболели венерическими болезнями в России 3,6 млн. мужчин и 2,1 млн. женщин. По отношению к населению в возрасте 15-50 лет это составило 5,7% (по сравнению с 5,6% в Германии, 4,4% в США, 13,6% в Англии и 13,2% во Франции)⁸⁰. Для страны с низкой сексуальной культурой такие цифры следует считать чрезвычайно высокими. Необходимость как-то разрядить ситуацию на фронте

вызвала взрыв активности ученых-химиков, врачей-терапевтов, массу споров среди деятелей «общественной медицины» по вопросу о допустимости применения новых медикаментов (арсола, бензарсана и др.) для лечения венерических больных⁸¹. Основываясь на «совершенно достоверных сведениях» о «массовом заражении» нижних чинов и местного населения, 71 член Государственной думы летом 1916 г. поднял вопрос о борьбе с венерическими болезнями в армии. Этот вопрос стал также предметом переписки Совета Министров и Главного Штаба⁸². Особенно активно поднимала вопрос борьбы с венерическими болезнями «общественная медицина»: деятели Пироговского общества русских врачей и Всероссийских земского и городского союзов⁸³.

В целом сексуальное поведение солдат русской армии укладывается в такие его цели как релаксация, снятие полового напряжения, чувственное наслаждение как самоцель. Вместе с тем, учитывая небогатый сексуальный довоенный опыт как таковой, можно говорить и о сексуальном самоутверждении солдат, причем как взрослых, так и молодых. В то же время всплеск сексуальной активности в армии сопровождался негативными чувствами по отношению к женщинам. Это выразилось в фактическом отсутствии на театре военных действий, то есть среди непосредственно личного состава, каких-либо любовных, представленных массовым порядком (песни, стихи) выражений любви и верности своим женам или подругам, что является в целом продолжением вообще пренебрежительного взгляда на женщину до войны. Так, распространенными среди новобранцев были прощальные песни, в которых выражены пожелания убийства «милки», чтобы она «не сушила бы меня», или чтобы «с другим не задавалась, не порочила меня», или потому что просто «она мне не нужна»⁸⁴, «чтоб десяток не имела, не конфузила меня»⁸⁵, бросить в колодец или в прорубь, потому что «отдадут меня в солдаты»⁸⁶. В лучшем случае товарищей просили: «Не оставьте мою милую, куда я служу»⁸⁷, а также: «сберечь», «полюбить», «не бросить», «не забыть»⁸⁸. Впрочем, и среди женщин не проявлялось особого ожидания верности со стороны мужа на войне. Вполне естественным считалось, что он «оттуда приведет за собой германку»⁸⁹. Отсутствие именно среди солдат примеров любовной лирики на Первой мировой войне можно рассматривать как феномен тотальной войны, особенно на фоне Великой Отечественной войны, где такая лирика неизменно сопровождала досуг солдата⁹⁰. Имевшиеся же образцы любовной стихотворной лирики в годы Первой мировой характерны для городской, но не фронтовой культуры⁹¹. Таким образом, можно констатировать отсутствие представлений у солдат о жене как о верной подруге, помогающей ему воевать. Женофобство, характерное для довоенного времени, не было опрокинуто войной, как это произошло в тылу⁹².

Но отсутствовали и представления в русской армии о женщине как о «боевой подруге», что проявлялось в резком осуждении фактически всех сестер милосердия. Это явление было также характерно только для Первой мировой войны и совершенно не встречалось в годы Великой Отечественной⁹³. Обвинения сестер со стороны солдат сводились к тому, что они не занимались своим прямым назначением, поскольку солдаты — «вшивые», а больше работали с легкоранеными офицерами⁹⁴. Но главное обвинение касалось их, сестер, поведения. Обвинения сестер в занятиях

«проституцией» на фронте являются самыми корректными, хотя и самыми многочисленными⁹⁵. Другие их названия («сестры-шастерки»)⁹⁶, название на фронте сифилиса «сестритом»⁹⁷ также характеризуют отношение к ним. Впрочем, определенные основания для обвинения сестер в «разврате» были. Так, в докладе ВЦО по 6-й армии от апреля 1916 г. говорилось о массе писем с описанием среди сестер разврата, «которые вместо исцеления раненых и больных воинов распространяют венерические болезни»⁹⁸. О «любовных похождениях», несмотря на уговоры старшего врача, сообщалось из 49-го запасного полка⁹⁹, и т.д. Собственно, упрекали солдаты сестер не только за «разврат», но и за то, что это происходит именно с офицерами, в то время как на раненых внимания не обращают¹⁰⁰. В одном полку даже избили сестру за роман с будущим прапорщиком¹⁰¹. Выдержки цензурированных писем содержат и признания самих сестер о собственных любовных похождениях с оправданием, что «косынка не клубок»¹⁰². Особенно много было сообщений о «разврате» среди сестер в санитарных поездах самых различных ведомств¹⁰³, причем указывалось, что каждый врач желал, чтобы в его поезде были уродливые сестры, а в соседнем — молодые и красивые¹⁰⁴. Сообщалось и об оргиях на питательных пунктах¹⁰⁵. В некоторых письмах саму символику красного креста над учреждениями военно-санитарных организаций сравнивали с символом «флирта и проституции», больше подходящим для публичных домов¹⁰⁶. Цензора обратили внимание и на совершенно раньше не замечавшееся явление уговоров девушек и женщин со стороны знакомых и родных не идти в сестры милосердия¹⁰⁷.

Выделялось ли поведение сестер милосердия в Первой мировой войне, какое значение это имело для русского комбатанта? В письмах это поведение сравнивали с поведением в Русско-японскую войну¹⁰⁸. К сожалению, остается непонятным поведение сестер милосердия, как и женщин вообще, в интимных вопросах в Великую Отечественную войну, хотя их служило тогда 800 тыс. человек. Отмечается, что, как правило, женщины становились любовницами офицеров, но «о римском падении нравов» речи быть не могло¹⁰⁹. Но, как бы не вели себя женщины, в литературе справедливо подчеркивается, что в Великую Отечественную не было именно осуждения женщины — боевой подруги на фронте, зато осуждалась жена, изменившая мужу «с тыловой крысой»¹¹⁰. Для Первой мировой войны характерно как раз обратное явление: резкое порицание именно женщины на фронте. При этом смешивались и недоступность женщин по любви, и одновременно их доступность для офицеров, начальства. Следующее стихотворение (и это при отсутствии любовной фронтовой лирики!) достаточно характерно:

*«Раньше сестер не бывало,
А лечили все равно.
Попросит солдат напиться,
Кричит «дело не мое».
Капитан ведет под руку.
Тут и поп себе нашел.
Генерал сидит с сестрою,
Кричит шофферу: «тошел»!
Эх, вы, братцы, где же правда?
Ведь должна же быть она!
Посмотрите, бьет солдата
Милосердная сестра.*

*Беда братцы, что же делать?
Плачут матери, отцы,
Плачут жены, плачут дети,
Что отцы их на войне»¹¹¹.*

В другом варианте этого стихотворения делается даже намек на измену сестер милосердия¹¹². Менее резко, но достаточно пренебрежительно стихи-частушки рисуют сестру как представителя низшего класса, которой только война позволила занять это положение:

*«Раньше была прачка,
Звать ее Лукерья,
А теперь на фронте
Сестра милосердия»¹¹³.*

В этом же ряду фронтовой женофобии смотрится отношение солдат к известиям о посылке на фронт женских батальонов смерти. Характерно при этом, что эти сообщения были встречены резкой критикой именно Советом крестьянских депутатов¹¹⁴. В резолюциях Совета присутствие женских батальонов рассматривалось как попытка «сделать из этого моду, устроить себе развлечение» в то время, как на фронте потоками льется солдатская кровь». Такие же мнения привозили и присылали с фронта делегаты отдельных частей. Батальоны смерти нигде не встретили того отношения, на которое они рассчитывали, формируясь», — горестно заканчивала статью русская феминистка, упрекая Совет в «крестьянской узости»¹¹⁵.

Но и к другим женщинам отношение русской армии было негативным. Это касалось беженок, которых обвиняли в «разврате», хотя солдаты сами же в нем и участвовали. Возможен, правда, мотив конкуренции в отношении пленных австрийцев, имевших много денег и доброжелательно встречавшихся по дороге в Россию женщинами и подростками, снабжавшими их очень дешевыми продуктами¹¹⁶.

Ситуация в прифронтовой полосе (разорение сельского хозяйства, дороговизна, принудительный труд крестьян, положение беженцев) обострили переживание у солдат-крестьян опасения за положение их собственных семей. Прежде всего, их волновала проблема сохранения супружеской верности, хотя сами солдаты охотно вступали в половые связи с женщинами на театре военных действий, часто такими же солдатками, как и их жены. Солдаты высказывали опасение тем, как устроится семейная жизнь после войны, боялись, что она расстроится вдребезги¹¹⁷. Цензор в обзоре писем по 8-й армии сообщал осенью 1915 г.: «В письмах своих, как офицеры, так и солдаты уделяют главное место заботам о семьях и хозяйствах. Выражения любви к женам занимают тоже немаловажное место. В некоторых письмах, являясь единственной темой всего письма, заметно усилилась тоже ревность к женам, опасения измены их ввиду продолжительного отсутствия мужей на войне, это последнее чувство играет большую роль в утомлении войной»¹¹⁸. В отчете по 12-й армии за май-июнь 1916 г. отмечалось, что «за истекший период попадалось довольно значительное количество писем нижних чинов с резко выраженным беспокойством за поведение своих жен», что из деревни периодически поступают «крайне неблагоприятные сведения о распутном поведении солдатских жен». «Глубже всего затрагивает нашего солдата сознание, что нарушителем его семейного счастья являются зачастую даже не русские, а пленные — австриец или немец, которыми правительство пользуется для полевых работ»¹¹⁹.

Подозрения солдат в неверности жен, в их связях с пленными внутри России имели некоторые основания. Так, надо учитывать, что во время войны пленные (славянского происхождения) широко применялись в сельскохозяйственных работах в имениях помещиков, составляя в них 15-30% всех работавших, где с ними могли контактировать солдаты¹²⁰. (Не здесь ли был дополнительный мотив ненависти солдат к помещикам?) Есть сведения, что «все бабы безмужние с пленными австрийцами жили»¹²¹. В представлениях же солдат эти факты обрастали массой подробностей и эмоциональной нагрузкой. В письмах с фронта и на фронт сообщалось, что жены, «как с цепи сорвавшиеся», развратничают с пленными австрийцами всюду, такое творится, что дома противно быть. Сифилис и другие болезни венерические процветают»¹²². Переноса на собственных жен представления если не прямо как о враге, то как о пособниках врага, солдаты-крестьяне требовали от начальства, местного духовенства «выступить со своей проповедью и усуетить баб»¹²³. Вопрос этот даже был поднят военным начальством. Так, 3 августа 1916 г. командующий 5-й армией генерал В.Гурко послал министру внутренних дел А.А.Хвостову предложение «приказать подлежащим гражданским властям безотлагательно взыскать и провести меры для немедленного пресечения создающегося положения при использовании в деревнях военнопленных как рабочей силы»¹²⁴. Даже протесты женщин в тылу за свои права вызывали порою у солдат недовольство «бабами, которые, коли их нет дома, думают вершить дела, от рук отбились, вздумали помогать немцам»¹²⁵.

Обвинения женщин в разврате в деревне коснулись и девушек. В одном письме с фронта писали: «Некоторые дивчата хотят замуж выходить за австрийцев, надо им морду набить и тогда прохладятся»¹²⁶. Впрочем, фольклорные данные подтверждают половую распушенность в деревне в годы войны среди девушек¹²⁷. Резко порицая кризис всех моральных устоев в деревне, обвиняя в этом и незамужних девушек, вообще оставшуюся в деревне молодежь, пользовавшуюся определенной свободой в результате войны и даже требовавшую ее продолжения, солдаты-крестьяне, таким образом, расширяли понятие о внутреннем враге на весь семейно-социальный уклад в деревне¹²⁸. Налицо было вступление в завершающую стадию кризиса большой семьи, обозначившегося до войны. Выразалось это в защите своей малой семьи, жены, за права в семье большой. Как известно, война дала шанс выдвинуться на первые роли именно замужним женщинам: и из-за увеличившегося их веса в семейном труде, и из-за пайков, которые выделялись именно им, а не семье в целом, как это бывало, например, при поступлении доходов от отходничества¹²⁹. Правда, члены семьи пытались выплаты призванным перевести на счет всей семьи. «Из писем нижних и их домашних видно, что право находящихся на службе лишать своих жен пособий служит причиной массовых интриг с тем, чтобы эти пособия попадали в руки других членов семьи», — отмечалось в сводке отчетов ВЦО по 11-й армии осенью 1915 г.¹³⁰. Попытки же обделить жен вызывали возмущение у солдат, вплоть до угроз. «Если не будут выдавать [пособия - А.А.], то сами знаете, мы тебе и Земскому Начальнику покажем, сумеем и вашу кровь пролить, мы возьмем свое и душу Вашу вон», — писал один из крестьян волостному старшине¹³¹. Столь же яростно защищали солдаты

своих жен и в вопросе сбора податей. С фронта шли угрозы: чтобы не заставляли солдаток уплачивать долгов, «а то соберутся солдатки и побьют головы тем, кто придет грабить, и правы будут — никакого суда не будет»¹³². Остро реагировали солдаты и на сообщения о столкновениях женщин с полицией в городах. Слухи о том, что «городовые побили в Москве 1000 баб через дороговизну», что московские улицы завалены трупами женщин, распространились с быстротой молнии по всему фронту¹³³. «Опишите все подробно, если опасаетесь цензуры, пишите стенограммой или азбукой морзе», — просили солдаты в письмах на родину подтвердить эти сообщения¹³⁴. Озабоченность вызывали и слухи о «наборе по деревням девок и баб, не имеющих больше двух детей»¹³⁵.

Защита малой семьи перед лицом большой («Пусть пожрут друг друга как гады за то, что нас на муку послали»¹³⁶) сопровождалась стремлением переменить свой семейный статус, по-другому определить свою половую роль в семье, построить семью на «человеческих» началах. «Все теперь такое будет по иному, — мечтали солдаты. — Не мила стала, другую бери. И так до трех раз. А коли и в третий раз не мила, больше в брак не позволят. Значит, через гнилой глаз смотришь, коли все не в утолу»¹³⁷. Что же касается солдат молодых, холостых, то надо полагать, что речь шла о стремлении построить семью на подобных началах, источником которых являлись настоящие чувства, примеры которым в переписке есть¹³⁸.

Итак, сексуальный опыт, полученный российским комбатантом на Первой мировой, породил новые сексуальные ожидания солдат, повлиял на формирование новых сексуальных представлений. Их сущность — четкое отграничение от сферы экономики индивидуального хозяйства, обретение личностного, интимного содержания. Связанность же сексуальности и как таковой семьи вылилось в стремление перестроить свой семейный статус. Это можно было это сделать только на путях широкого социального реформаторства. Но как же тогда трактовать, с одной стороны, стремление к сексуальному самоутверждению, которому война предоставила такие большие возможности, и негативное отношение на фронте к женщинам, — с другой? Некоторые психоаналитики такие амбивалентные чувства между явным стремлением к обнаружению сексуальных влечений и осуждением, стремлением их подавить предлагают рассматривать как противоречия в целом еще консервативного мышления солдат-крестьян¹³⁹. Это противоречие было ликвидировано с началом революции, сломавшей общественно-политический строй, являвшийся частью системы, блокировавшей сексуальную энергию, и направившей ее на формирование малой семьи в рамках большого индустриального производства. Начавшаяся именно со времени Первой мировой войны сексуальная революция несла в себе, таким образом, мощный заряд реформаторства в сфере семейных отношений. Для бойца это означало необходимость покинуть фронт, заняться мирным строительством. Его возвращение на фронт состоялось в годы Великой Отечественной войны, но уже в качестве члена современного общества с господством малой семьи в деревне и в городе и, следовательно, выходом на первое место как отдельной функции чисто человеческих (в том числе — сексуально-любвных) отношений. Это нашло выражение в культе женщины-подруги, ставшим одним из важных элементов патриотического мышления советского солдата, рабочего войны социалистического образца.

- 1 Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 160-170; она же. 1941-1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 100-102, 184, 186-188, 194-196; она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 93-94.
- 2 *Raix V.* Сексуальная революция. СПб.; М., 1997. С. 210-219; *Waters E.* Family, Marriage and Relations Between the Sexes // Critical companion to the Russian Revolution 1914-1921. L.; Sydney; Auckland, 1997. P. 359-369.
- 3 Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 99-100.
- 4 *Leed Eric.* No Man's Land: Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 45, 114, 156-161.
- 5 *Raix V.* Указ. соч. С. 58, 111-115, 216-217; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.) М., 1997. С. 8, 15-17.
- 6 Рассчитано по: Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 49; РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 146. Л. 1-8; Д. 147. Л. 192-204; Д. 148. Л. 82-90; Д. 149. Л. 370-376, 410-445, 447-466.
- 7 *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 227, 229, 243, 249, 266-269.
- 8 *Щекин М.В.* Как жить по-новому. Кострома, 1925. С. 15-17; *Внуков Р.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 25; РГАЛИ. Ф. 1518 (фонд В.И.Симакова). Оп. 4. Д. 9. Л. 26, 27, 71, 94, 95, 121, 142, 150, 214; *Симаков В.И.* Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. Стб. 285-308.
- 9 *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996. С. 171-173.
- 10 *Трошин А.А.* Социальная деструкция как объект культурологического анализа. Автореферат дисс. к. филос. н. М., 1999. С. 20.
- 11 РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 9. Л. 74, 122, 231.
- 12 *Анчарова М.* Женская доля. М., 1917. С. 13; *Аншелес И.И.* Брак, семья и развод. М., 1925. С. 16.
- 13 РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 31. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 7. Л. 124, 131, 137, 178-187; Д. 9. Л. 126, 189; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 309-372.
- 14 *Голубых М.* Казачья деревня. М., Л., 1930. С. 187.
- 15 *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 245-282; *Голубых М.* Указ. соч. С. 212; Очерки быта деревенской молодежи. М., 1924. С. 47, 86-87.
- 16 *Внуков Р.* Указ. соч. С. 14-16, 19-23.
- 17 *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907-1914 г.г. М., 1992. С. 247.
- 18 *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 243-252; *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia. The Question of Hooliganism. 1905-1914 // Slavic Review. Vol. 37, № 2. June 1978. P. 228-240; *Симаков В.И.* Указ. соч. Стб. 553-570.
- 19 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 298.
- 20 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 268 об.
- 21 Женский вестник. 1916. № 3. С. 61-62; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. 133; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 120.
- 22 *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1927. Т. 2. С. 192-193, 253.
- 23 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 355 об.
- 24 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446 об.
- 25 Русское общество защиты женщин в 1915 году. Пг., 1916. С. 48.
- 26 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353.
- 27 *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 25
- 28 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 508 об.; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 18.
- 29 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 67; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393; Д. 3845. Л. 354-354 об.
- 30 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 393.
- 31 См. например: Женщина. 1916. № 2. С. 12-13
- 32 Борьба с детской проституцией в Петрограде. Пг., 1916. С. 5.

- 33 Российское общество защиты женщин в 1915 г. Пг., 1916. С. 61-62.
- 34 Общественный врач. 1916. № 10. С. 547.
- 35 *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. Пг., 1916. С. 17; Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 69.
- 36 *Войтоловский Л.* Указ. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 171; см. также довольно откровенные признания: *Федорченко С.З.* Народ на войне. М., 1990. С. 39-40; РГАЛИ. Ф. 1611 (фонд С.З.Федорченко). Оп. 1. Д. 50 л. 12 об.
- 37 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 446 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 353; Д. 1184. Л. 117 об., 136 об., 299 об.-300; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 80, 196; Д. 3845. Л. 371-371 об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 402-402 об.; РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 27; *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 220.
- 38 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 434.
- 39 Там же. Л. 518.
- 40 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 76; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 176; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 72 об.; Д. 2935. Л. 33, 365; Д. 3845. Л. 282; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 168, 647 об., 790 об.
- 41 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 612.
- 42 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 33.
- 43 РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 6 об.-7; *Федорченко С.З.* Указ. соч. С. 41.
- 44 РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 136 об.
- 45 Там же. Л. 133, 133 об., 171, 198.
- 46 РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53. Л. 204 об.
- 47 Там же. Л. 233-233 об.
- 48 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 135 об., 331 об.
- 49 РГВИА. Оп. 1. Д. 1181. Л. 77 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 289 об.
- 50 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 9.
- 51 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104 об.
- 52 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 80, 123.
- 53 Там же. Л. 61 об.
- 54 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 8.
- 55 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 135.
- 56 Например: Приказ от 29 марта 1915 г. начальника штаба 3-й армии по отделению дежурного генерала. Секретный. № 46205 // *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 38.
- 57 РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 377.
- 58 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 146 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. 104 об., 354-354 об.
- 59 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 287.
- 60 Там же. Д. 1179. Л. 53.
- 61 Там же. Д. 1184. Л. 207 об.
- 62 Там же. Л. 545 об., 571.
- 63 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 17 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 365.
- 64 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179. Л. 53.
- 65 Там же. Д. 1181. Л. 175 об.
- 66 Там же. Д. 1184. Л. 621, 629.
- 67 Там же. Л. 41 об., 80, 347.
- 68 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 191 об.
- 69 Там же. Л. 185 об.
- 70 Там же. Л. 342.
- 71 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 295; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 372; *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. С. 12, 18, 19.
- 72 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 197 об.
- 73 *Энгельштейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905) // Американская русистика: веки

- историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 217-220, 231-234.
- ⁷⁴ О ситуации на фронте в этом отношении см., например: *Степной Николай*. Записки ополченца // *Степной Н.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. М., 1931. С. 185-186.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 283 об.; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929. С. 315-316, 329.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 90 об. См. там же. Л. 402 об.; *Оськин Д.* Указ. соч. С. 315-316.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51. Л. 133; Д. 53. Л. 166 об., 233-233 об.
- ⁷⁸ *Боэров С.Л.* К применению салъварсана фирмы В.К.Феррейн в Москве (Бензарсана) // *Русский журнал кожных и венерических болезней*. Т. XXXII. 1916. № 9-12. С. 95.
- ⁷⁹ *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // *Врачебная газета*. 1916. № 5. С. 73-74.
- ⁸⁰ *Шевелев А.* Венерические болезни и война 1914-1918 г. г. // *Известия народного Комиссариата здравоохранения*. 1925. № 1. С. 19; см. также очень неполные данные о венерических болезнях за 1913-1923 г.: *Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913-1923 гг.* М., 1926. С. XLVIII-L, 212-213.
- ⁸¹ *Иванов В.И.* Арсол - русский салъварсан, изготовленный лабораторией И.И.Остроумовского в Москве и результаты его применения для лечения сифилиса // *Врачебная газета*. 1916. № 17. С. 264-266; *Боэров С.Л.* Указ. соч. С. 95; *Иванов В.В.* О борьбе с венерическими болезнями в военное время (Доклад Обществу русских врачей в Петрограде 14 января 1916 г.) // *Врачебная газета*. 1916. № 5. С. 77; *Иванов В.В.* Война, народное здоровье и венерические болезни. С. 16-18; *Русский журнал кожных и венерических болезней*. Т. XXXI. 1916. Март-апрель. С. 121-123.
- ⁸² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1217. Л. 110, 148.
- ⁸³ Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14-18 апреля 1916 г). М., 1917. Отдел I. С. 61-62; *Врачебная газета*. 1917. № 21. С. 380; № 31. С. 477.
- ⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1518. О. 4. Д. 7. Л. 126.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 4. Д. 8. Л. 75.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 87.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 127.
- ⁸⁸ Там же. Д. 22. Л. 65, 103.
- ⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 226.
- ⁹⁰ *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 18, 22-23, 25, 29-31, 41-42, 53, 57-58, 66, 68, 73-78, 94, 97-99, 102-106, 129-132, 141, 142, 145-147.
- ⁹¹ *Иванов А.И., Шербинин П.П.* Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. Тамбов, 2001. С. 38-131.
- ⁹² *Ардашев Н.Н.* Великая война и женщины русские. М., 1915. С. 6-7.
- ⁹³ *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 38, 107, 108.
- ⁹⁴ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 221.
- ⁹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 65-65 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21, 98; Д. 2934. Л. 31 об., 32; Д. 2935. Л. 52 об.-53; Д. 3863. Л. 209.
- ⁹⁶ *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 205.
- ⁹⁷ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 303.
- ⁹⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 111 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 518; см. также: Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 51, 52 об.; Д. 3845; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 199.
- ¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 75; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 363 об., 364; Д. 3845. Л. 288; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42 об.
- ¹⁰¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 74 об.

- 102 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 59 об.; см. также: Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 50 об.
- 103 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 21-21 об., 98, 252 об.-253, 334; Д. 2934. Л. 364 об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 140 об.
- 104 *Войтоловский Л.* Указ. соч. Л., 1927. Т. 2. С. 221.
- 105 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 514.
- 106 Там же. Л. 334.
- 107 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 579; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 185. Л. 509; Д. 2932. Л. 458 об.; Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673. Л. 42 об.
- 108 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 185. Л. 509 об.
- 109 *Сеняевская Е.С.* Женщина на войне глазами мужчин. (Психологический экскурс в историю России) // *Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Мировосприятие и самосознание русского общества.* Вып. 3. М., 1999. С. 217-219; она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 166.
- 110 *Сеняевская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 167.
- 111 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 251 об.
- 112 Там же. Л. 250 об.
- 113 РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 21. Л. 79; см. вариант: *Степун Ф.* Указ. соч. СПб., 1995. С. 303.
- 114 *А.Д.* Батальоны смерти и дело жизни // *Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов.* 1917. 2 июля.
- 115 *Анчарова М.* Батальоны смерти // «Женское дело». 1917. № 15. С. 1-2.
- 116 *Степун Ф.* Указ. соч. С. 272.
- 117 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284.
- 118 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104 об.
- 119 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 278.
- 120 *Хрящева А.* Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. С. 18, 25.
- 121 *Федорченко С.* Указ. соч. С. 316; см. также фольклорные данные и половых связях русских женщин с пленными австрийцами и немцами: РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 5. Л. 95; Д. 17. Л. 7; Д. 21. Л. 80; Д. 22. Л. 40, 44.
- 122 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. 274 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 47 об., 62, 939 об.; Д. 1184, 18, 116, 164, 165, 168, 278; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 22 об.-23, 110 об., 253; Д. 905. Л. 14 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 217 об.; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1349. Л. 193 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 104 об.; *Федорченко С.* Указ. соч. С. 316.
- 123 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 284; см. подобное же требование: там же. Л. 334-334 об.
- 124 Там же. Л. 295-295 об.
- 125 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 96 об.
- 126 Там же. Д. 2932. Л. 412.
- 127 РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 226; д. 23. Л. 8, 22.
- 128 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 168, 369; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 128.
- 129 *Смирнов В.* Отношение деревни к войне // *Костромская деревня в первое время войны.* Кострома, 1916. С. 83; *Языков А.* Общественная помощь призванным и их семьям / *Труды Костромского научного общества.* Вып. 5. Кострома, 1916. С. 5.
- 130 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 96.
- 131 РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 143.
- 132 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1934. Л. 71.
- 133 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 5369. Л. 49 об., 50 об., 51 об.-52.
- 134 Там же. Л. 52.
- 135 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 545.
- 136 *Федорченко С.З.* Указ. соч. С. 70.
- 137 РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50. Л. 146 об.; см. подобные же мысли: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 18 об.; Д. 1184. Л. 284, 334.
- 138 См., например: РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672. Л. 802 об.-803.
- 139 *Раих В.* Указ. соч. С. 119-121.

НУЖНЫ ЛИ ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ? (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Первые факты научной постановки проблемы равноправия полов в обществе, в том числе и применительно к воинской деятельности, появились в Древней Греции. Так, Платон решительно утверждал, что «по своей природе, как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах. Значит, для охраны государства и у мужчин, и у женщин одинаковые природные задатки... Для подобных мужчин надо и жен выбирать таких, чтобы они жили вместе и вместе стояли на страже государства, раз они на это способны и сродни по природе стражам»¹.

В многотысячелетней истории человечества хорошо известны случаи формирования больших и малых женских воинских подразделений в различных странах мира в эпоху матриархата. Согласно легендам, более 3 тысяч лет тому назад между Каспием и реками Кума (Фермодонт) и Терекком было образовано могущественное Амазонское царство, женщины которого вступали в браки с чужеземцами ради продолжения рода. Родившихся мальчиков отсылали или убивали, а девочкам выжигали левую грудь, чтобы им удобнее было владеть оружием. Амазонки вскоре расширили границы своего царства вдоль северного и южного побережья Черного моря вплоть до пролива Босфор и могли в течение суток выставить 120 тысяч хорошо обученных и вооруженных всадниц. Они участвовали во многих военных походах, в битве за Трою, в штурме Афин, в походах Александра Македонского².

История сохранила скудные свидетельства о женщинах-воительницах прошлых столетий на территории нашей страны. По древним сказаниям мы знаем, что дочь Ильи Муромца, обладала могучей силой и так же как ее знаменитый отец защищала родную землю.

В годы крестьянской войны под предводительством Степана Разина (1670—1671) одной из ярких личностей была крестьянка из-под Арзамаса, женщина-атаман по имени Алёна, по прозвищу «богатырь-ведьма». После смерти мужа Алёна ушла в монастырь, но, едва занялся пожар крестьянской войны, она сменила монашескую одежду на военную и села на коня. Ей удалось собрать и вооружить отряд из 600 (в других источниках дана цифра — 7 тыс.) крепких мужиков. Устные легенды о безмерной стойкости, удали Алёны, сожженной в срубе, еще долго передавались из рода в род по Руси³.

Привлечение женского труда в интересах военной службы в госпиталях России (хозяйственное и санитарное обслуживание), закрепленное документально, начинается с реформ Петра I и зафиксировано в Уставе воинском (1716 г., гл. 34), Уставе о непременных военных госпиталях (1728 г.), в «Генеральном о госпиталях регламенте» (1735 г.).

В то же время военно-политическим руководством России вопрос привлечения женщин на службу в этот период серьезно не рассматривался. Большинство подобных случаев являлось курьезом или исключением. Так хорошо известен случай, когда в 1787 году вся Российская Империя готовилась к грандиозному путешествию Екатерины II на Юг. Это путешествие задумывалось не только как целью знакомства Императрицы с новыми территориями, присоединенными к России, но и для политической демонстрации перед всей Европой. Россия находилась накануне войны. Турция, подстрекаемая Великобританией, Пруссией и

Францией, готовила ультиматум, требуя от России возвращения Крыма и признания Грузии вассальным владением турецкого султана. Путешествие тщательно готовилось, для участия в нем были приглашены иностранные дипломаты и некоторые монархи. Подготовка путешествия князем Г.А.Потемкиным-Таврическим была выполнена с большим размахом и выдумкой. К визиту императрицы Екатерины II в Таврию командиром Балаклавского полка премьер-майором Чапони была сформирована рота «амазонок» из сотни молодых «благородных» жен и взрослых дочерей офицеров — балаклавских греков под командованием супруги старшего офицера полка капитана Сарандова (в др. источниках — Саранцев, Сарантов, Шидянский) — Елены Ивановны⁴. Амазонок облачили в юбки малинового бархата, отороченные золотыми галунами, и зеленые бархатные курточки. Головы воительницы украшали белые тюрбаны с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями с тремя патронами. Никакого участия в боевых действиях эта рота не принимала. Все расходы были сделаны ради того, чтобы проезжавшая мимо императрица остановилась на пару минут и, не выходя из кареты, подозвала к себе Е.И.Сарандову, подала руку, поцеловала в губы и, потрепав по плечу, изрекла: «Поздравляю вас, амазонский капитан! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна!» Позже, из Симферополя, куда прибыла Императрица, Е.И.Сарандовой был прислан бриллиантовый перстень стоимостью 1800 рублей, а для всей роты 10000 рублей. Вскоре после отъезда императрицы рота была расформирована. Так закончилась история российской Амазонской роты Екатерины II⁵.

В период Отечественной войны с Наполеоном в 1812 г. в рядах партизан было немало женщин, а одним из отрядов руководила легендарная старостиха Василиса Кожина, чье мужество стало символом народных мстителей. Возглавляемый ею крестьянский партизанский отряд, организованный в Сычевском уезде Смоленской губернии, навел страх на французских захватчиков.

Была воительница и в действующей русской армии Кутузова — кавалерист-девица штабс-ротмистр Надежда Дурова. Когда ей исполнилось 17 лет, она, скрываясь под юношеским обликом и именем Александра Соколова (позднее, с благословения императора Александра I именовалась в его честь Александром Александровым), вступила в кавалерийский полк. Участвовала в войне с Францией (1806—1807 гг.), в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. (была ординарцем у М.И.Кутузова). После десятилетней службы в уланских и гусарских полках, по желанию отца, городничего небольшого городка, вышла в отставку. Надежда Андреевна Дурова стала не только первой в России женщиной-офицером, но и женщиной, чьи ратные заслуги перед Отечеством были отмечены Георгиевским крестом. В качестве подобных курьезов можно привести примеры, когда все самостоятельно правившие русские императрицы (Екатерина I, Анна Иоановна, Елизавета Петровна, Екатерина II) носили «по штату» звание полковника лейб-гвардии Преображенского полка.

В то же время ученые-историки утверждают, что до середины XIX века женщины в массовом порядке ни в боевых действиях, ни в мирное время в службе участия не принимали. Героиня Франции Жанна д'Арк, кавалерист-девица Надежда Дурова, партизанка Василиса Кожина и некоторые другие — лишь удивительное исключение. На то имелись причины. Во-первых, строго соблюдалось разделение труда и сфер деятельности на мужские и

женские. Связано это было, прежде всего, с физическими и физиологическими особенностями женщин. Ратный труд (дальние походы, тяжелое вооружение: меч, щит, кольчуга, другие военные доспехи и оружие) требовали большой физической силы, выносливости, ловкости, отваги. Всегда побеждал сильнейший, а это было свойственно больше мужчинам.

Впервые в России женщины стали массово служить в войсках в период Крымской войны (1853–1856 гг.). Тогда в составе русской армии находилось более ста сестер милосердия. Семнадцать из них погибли при исполнении служебных обязанностей. Знаменитый хирург Н.Пирогов отмечал, что сестры милосердия не только помогали врачам, но и оказывали моральную поддержку всему госпитальному корпусу. Используя опыт войны, в Петербурге в 1872 г. были открыты врачебные курсы для женщин.

В русско-японскую войну раненым и больным оказывали медицинскую помощь свыше трех тысяч женщин (из них 50% были врачами). Больше половины участниц были награждены медалями, некоторые из них имели по пять и более наград.

За рубежом в 1896 г. Канада стала первой страной, где в мирное время женщин стали брать на военную службу, причем привлекались только те, кто прошел специальную подготовку.

Массовый характер боевых действий в годы Первой мировой войны предопределил большое число женщин в армиях воюющих государств. Так, в российской армии женщины добровольно служили уже не только медсестрами и врачами, но и в боевых частях (кавалерии, пехоте): ходили в атаки, привлекались к выполнению особо важных заданий, например, в разведке.

9 сентября 1915 г. во время боя сестра милосердия (бывшая народная учительница) Р.Иванова оказывала помощь раненым под сильным огнем противника. Потери личного состава в этом бою были велики. Собрав вокруг себя уцелевших солдат, она повела их в атаку вместо погибшего командира, но была смертельно ранена. За этот подвиг отважная женщина была посмертно награждена офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени.

Столбовая дворянка, назвавшаяся Антоном, Антонина Потемкина, участница Брусиловского прорыва (4.06.–17.08.1916), вместе с пятью солдатами взяла в плен 30 австрийцев и была награждена за храбрость Георгиевским крестом.

Необычна судьба уфимской крестьянки, участницы Первой мировой и Гражданской войн, единственной женщины – полного георгиевского кавалера Марии Леонтьевны Бочкаревой, которая начала свою службу разведчицей в 28-м Полоцком полку. За боевые заслуги она была награждена Георгиевским крестом и тремя медалями, ей было присвоено звание младшего унтер-офицера. Летом 1916 г. Бочкарева обратилась к Временному правительству с предложением создать женские военные ударные части. Ее инициативу поддержали Керенский и жена генерала Брусилова. Бочкарева получила чин прапорщика и, когда к концу Первой мировой войны в Петрограде, Киеве, Саратове, Екатеринбурге, Ташкенте на постоянной основе формировались женские отдельные отряды, она была назначена командиром широко известного 1-го Петроградского женского батальона «смерти» (укомплектованного женщинами-добровольцами), которому Временное правительство поставило главную задачу – «устыдить солдат» и заставить их воевать «до победного конца». Батальон, насчитывавший 1168 женщин-добровольцев, на фронте в боях под Могилевом потерял из-за низкой обу-

ченности более трети личного состава. 130 «воительниц» участвовали в октябре 1917 г. в охране Зимнего дворца⁶.

Во время Гражданской войны Мария Леонтьевна Бочкарева воевала в Добровольческой армии, затем в войсках А.В.Колчака и была расстреляна большевиками.

История гражданской войны не сохранила упоминаний о существовании каких-либо чисто женских частей и подразделений, однако в вихре боевых действий женщины не остались в стороне. В этот период в частях белогвардейцев, махновцев, петлюровцев (они даже становились атаманами бандитских отрядов под всевозможными флагами), Красной Армии на должностях административного (комиссары — Лариса Рейснер, Александра Коллонтай и др.) и медицинского персонала проходили службу порядка 66 тыс. женщин. Высшей наградой тех грозových лет — ордена Красного Знамени удостоились: З.П.Патрикеева, Е.М.Петрова, Л.С.Холодова, К.М.Семенова, М.О.Булле, М.Д.Янсон, М.А.Попова, М.С.Зубкова, Р.М.Азарх.

В начале XX века многие из передовых женщин были увлечены авиацией. Первой русской женщиной-летчицей стала Лидия Виссарионовна Зверева. 10 августа 1911 г. она самостоятельно взлетела на хрупком летательном аппарате. Вслед за ней летное дело освоили поручик авиации княгиня Е.Шаховская, имевшая дипломы двух авиационных школ, участвовавшая в Первой мировой войне, С.Долгорукава, Е.Анатра-Наумова, Л.Галанчикова (установила женский мировой рекорд высоты полета — 2500 м). Эти бесстрашные барышни положили начало будущих достижений в освоении воздушного пространства России.

В годы мирного строительства в 1920-е — 1930-е гг. женщины в России привлекались к военной службе только на добровольных началах. Их допризывная подготовка проводилась в организациях Осоавиахима и Красного Креста. В порядке исключения принимались они в военные училища и академии. Свыше ста женщин закончили военные академии им. М.В.Фрунзе, механизации и моторизации РККА, военно-воздушную, артиллерийскую, военно-инженерную, химической защиты и другие военно-учебные заведения. В этот период стали широко известны имена советских военных летчиц В.С.Гризодубовой, П.Д.Осипенко и М.М.Расковой, которые 24–25 сентября 1938 г. на самолете «Родина» за 26 час. 29 мин. пролетели от Москвы до поселка Кэрби 6450 км, установив мировой рекорд дальности полета для женщин.

Во время второй мировой войны в армиях различных стран находилось значительное число женщин. Например, общее количество военнослужащих-женщин в США достигло 284 тыс. человек, а в Великобритании — 450 тыс. человек (около 10% британских вооруженных сил), Германии — 500 тыс. Но в этих странах воинскую деятельность женщин жестко регламентировали, исключив их из состава «боевых» воинских специалистов. Так, в Германии деятельность женщин в вермахте носила вспомогательный, полувойенный характер. Женщины служили в органах военно-государственного управления, подразделениях связи, разведки, концлагерях и т.д.

В Советском Союзе из-за большого стремления женщин встать в ряды защитников Родины, созданный 30 июня 1941 г., Государственный Комитет Оборона принял ряд постановлений (25 марта, 13 и 23 апреля 1942 г.) о массовой мобилизации женщин для несения службы в войсках ПВО, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах, а также в качестве медицинских работников, военных переводчиков и т.д. Было организовано и проведено несколько комсомольских мобилизаций, в частности, призыв

комсомолок в Военно-Морской Флот, в Военно-Воздушные Силы, в войска связи. Только к маю 1942 г. 25 тыс. женщин стали служить в ВМФ, 300 тыс. — в Войсках ПВО. В молодежных подразделениях Всеобуча для фронта было подготовлено 300 тыс. медсестер, 300 тыс. санитарок, 222 тыс. девушек — снайперов, связисток и других специалистов.

В разные годы Великой Отечественной войны на фронтах сражалось от 600 тыс. до 1 млн. женщин, 80 тыс. из них носили офицерские погоны. Особенно много женщин служило в медицинских частях, войсках ПВО, военной автодорожной службе (регулирующие, водители). В составе каждой войсковой армии воевало от 2 до 3,5 тыс. женщин. Женщины-врачи составляли 41%, фельдшеры — 43%.

Женщины участвовали во всех операциях, воевали на всех фронтах, сражались в партизанских отрядах, свыше 100 тыс. действовали в подполье. Впервые не только в Красной Армии, но и в мировой практике появились специальные женские военные формирования. Это:

- 46-й гвардейский женский ночной бомбардировочный авиационный полк (588 бап);
 - 125-й гвардейский женский бомбардировочный авиаполк (587 бап);
 - 586-й женский истребительный авиационный полк ПВО;
 - 1-я Отдельная женская добровольческая стрелковая бригада;
 - Центральная женская школа снайперской подготовки;
 - 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк;
- и многие другие части и подразделения.

Даже в Военно-Морском Флоте появились небольшие вспомогательные суда, экипажи которых полностью были укомплектованы женщинами.

По отзывам командования фронтов, армий и дивизий, служба женщин-военнослужащих (связисток, медиков, снайперов, переводчиков, регулировщиц) отличалась всегда четкостью, аккуратностью, отличным знанием своего дела. Они за короткий период времени овладевали в совершенстве важнейшими специальностями и могли при необходимости заменить мужчин в частях.

Женщины зарекомендовали себя не только примерными солдатами, но и умелыми командирами, способными руководить боевыми действиями, воспитывать бойцов.

Маршал Советского Союза Г.К.Жуков с большой признательностью отзывался об участницах Великой Отечественной войны: «Незабываемы героизм и стойкость наших женщин — санитарок, медсестер, врачей. Они выносили с поля боя солдат и офицеров, выхаживали их. Бесстрашием и храбростью отличались снайперы, телефонистки, телеграфистки. Многие из них тогда было 18-20 лет. Презируя опасность, они храбро сражались с ненавистным врагом»⁷.

За участие в войне было отмечено орденами и медалями свыше 150 тыс. женщин, из них: Героев Советского Союза — 86 чел. (в настоящее время их уже 90 чел.), кавалеров ордена Слава — 201 чел., полных кавалеров этого ордена — 4 чел. (воздушный стрелок-радист, старшина Н.А.Журкина, снайпер полка, старшина Н.П.Петрова, наводчик пулемета, сержант Д.Ю.Станилине, санинструктор, старший сержант медицинской службы М.С.Нечепорчукова).

После Великой Отечественной войны призыв женщин на военную службу был прекращен, и число женщин-военнослужащих в армии пошло на убыль. Меры, предпринятые по их увольнению, были вполне оправданы. Государство нуждалось в матерях и труженицах. Хотя пол-

ного отлучения женщин от службы в армии не произошло, но дослуживали лишь те женщины — офицеры и сверхсрочнослужащие, кто сами того желали. Женщинам даже с высшим образованием приходилось довольствоваться должностями сверхсрочнослужащих, только среди военных медиков можно было встретить женщин-офицеров.

Закон СССР о всеобщей воинской обязанности 1967 г. стал предусматривать добровольную службу женщин в Вооруженных Силах на должностях офицерского и рядового (сержантского) состава в мирное время. На вакантные офицерские должности вновь стали назначаться женщины-военнослужащие. Они стали служить на добровольной основе на должностях сверхсрочников, прапорщиков и мичманов. Не последнюю роль здесь сыграл научно-технический прогресс, в значительной степени снизивший долю тяжелого физического труда, а также риска и опасности для жизни. Именно поэтому резко сократилось число профессий, традиционно считавшихся «мужскими».

Сегодня во многих странах мира наблюдается тенденция все большего привлечения женщин на военную службу. Можно долго спорить о том, нужны женщины армии или нет. Но они в ней есть, и военные эксперты считают, что основным источником обеспечения мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и восполнения их потерь в личном составе в современной войне будут являться контингенты мужчин и женщин. При этом доля женщин в случае вынужденной максимальной мобилизации, несомненно, увеличивается. Можно по-разному к этому относиться, но данный факт имеет место.

В настоящее время привлечение женщин к воинской службе, как в зарубежных армиях, так и в отечественных вооруженных силах, является вынужденной мерой, и, как ни печально, в прекрасной половине человечества военные эксперты видят дополнительный источник комплектования армий, особенно во время войн.

Так, если в годы Первой мировой войны всего в воевавших странах насчитывалось 182 млн. чел. мужского населения призывного возраста, из которых было мобилизовано 70 млн. чел., то в странах, участвовавших во Второй мировой войне, из 210 млн. мужчин призывного возраста было призвано в армию около 110 млн. Это означало, что если в войне 1914—1918 гг. из каждых пяти взрослых мужчин двое находились под ружьем, то в войне 1939—1945 гг. в вооруженные силы был призван уже каждый второй взрослый мужчина. Во Второй мировой войне в армиях различных государств служило уже значительное число женщин, многим из них пришлось участвовать и в боевых действиях.

Таким образом, когда многие страны сегодня испытывают трудности в комплектовании своих вооруженных сил личным составом, то почти в половине армий мира в настоящее время служит более 700 тыс. женщин. Именно они наравне с мужчинами в современных условиях являются источником для комплектования вооруженных сил квалифицированными людскими ресурсами, способными обладать высокой профессиональной подготовкой и эффективно использовать самую сложную боевую технику.

Повседневная служба и возможное ведение боевых действий связаны с тяготами и лишениями, неблагоприятными природно-климатическими и физиологическими условиями и сопровождаются значительными психологическими и физическими нагрузками, что предъявляет жесткие требования к состоянию здоровья и уровню физического развития воинов обоих полов.

Если говорить о выносливости женщин-военнослужащих, то медики утверждают, что большинство их не могут в полном объеме выполнить задачи, стоящие в ходе общевойскового боя. Физически женщины слабее мужчин в 2 раза и менее выносливы в 1,6 раз, общая работоспособность женского организма на 50-75% ниже, чем мужского. Они не в состоянии перетаскивать ящики с запчастями, метать гранаты на минимально допустимую дальность и делать многое другое, что связано с максимальным использованием физической силы.

Именно трудности физической подготовки являются основной причиной отсева женщин в традиционно мужских военных заведениях США и других стран.

Конечно, длительная физическая тренировка делает свое дело, но исследования военных медиков доказали, что спортивная тренировка увеличивает работоспособность и женщин, и мужчин, но при этом не уменьшает существующего соотношения в физическом развитии между полами.

Между тем, внедрение в армии и на флоте сложных электромеханических и радиоэлектронных систем вооружения, нарастание информационного потока принципиально изменили характер воинского труда. Сегодня это, прежде всего, коллективный труд, как мужчин, так и женщин, когда общий успех достигается суммарными усилиями боевых расчетов, выполняющих строго взаимосвязанные функции. К тому же существует целый ряд военных профессий, с которыми женщины в силу своих психофизиологических особенностей справляются лучше мужчин, в особенности таких, где основные операции требуют внимательного отношения, точности и ловкости. Необходимо только при привлечении женщин на военную службу, определении военных специальностей и должностей, которые могут ими исполняться, правильно учитывать физиологические и физические особенности женского организма.

Научно-техническая революция в военном деле, непрерывный рост технической оснащенности армии и флота, возрастание роли человека в обслуживании современных средств вооружения, возникновение новых форм использования умственного и физического труда в военном деле предъявляют новые, более высокие требования к качественным характеристикам призываемых в вооруженные силы контингентов, то есть мужчин и женщин.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что численность призывного контингента постоянно снижается как за счет исключения из призывных возрастов тех, кто по состоянию здоровья, семейному положению освобожден от воинской обязанности, так и за счет лиц, получающих отсрочки от службы — для лечения, продолжения образования или отбывающих уголовное наказание. В начале 1980-х гг. мы наблюдаем в нашей стране следующую картину: недостаточно высокий уровень здравоохранения, низкая физическая культура молодежи и населения в целом (более 30% молодых людей не могли выполнить элементарные физические упражнения), склонность большинства молодых людей к пьянству, токсикомании, наркомании, неблагоприятная динамика смертности, плохая демографическая ситуация — все это оказало негативное воздействие на накопление призывных контингентов, на количественный и качественный состав всего мобилизационного потенциала страны и внесло коррективы в планы комплектования армии и флота молодым пополнением. И если до 1985 г. численность женщин-военнослужащих в Советской Армии в течение многих лет сохранялась примерно на одном уровне, по об-

шим масштабам их процент был незначителен, то во время так называемой «перестройки» за пять лет (1985–1990 гг.) количество женщин-военнослужащих в ВС увеличилось в десять раз. В мае 1991 г. приказом министра обороны был значительно расширен перечень должностей (военно-учетных специальностей), на которые могли назначаться женщины.

Количество женщин в Вооруженных силах увеличивается тогда, когда общество попадает в экстремальные условия. Нынешняя ситуация в России как раз подходит под это определение. Одной из основных причин массового привлечения женщин на военную службу стала нехватка мужского контингента. Уход из армии офицеров и прапорщиков приобрел невиданный размах. Армейская жизнь сегодня настолько тяжела и низкооплачиваема, что каждый третий военный, отдавший Вооруженным Силам более 20 лет, стремится уйти на пенсию. Многие мужчины, особенно с высшим образованием и высокой квалификацией, перестали считать службу в Армии престижной. При таком положении дел совершенно недопустимо игнорировать желание многих девушек-россиянок и жен военнослужащих служить в Вооруженных Силах. Выгода от этого обоюдная: армия получает нужных специалистов, а женщины, которым сегодня непросто найти работу, окажутся при деле.

Уместно заметить, что еще совсем недавно по числу женщин-военнослужащих мы уступали только ВС США. У них служат около 200 тыс. представительниц прекрасного пола, что составляет 11% от общего числа военнослужащих.

Сегодня в Вооруженных Силах РФ на должностях офицеров, прапорщиков, мичманов, военнослужащих сержантского и рядового состава проходят службу по контракту почти 90 тыс. женщин. Они служат практически во всех видах Вооруженных Сил и родах войск. Многие из них проходят службу на должностях, которые напрямую влияют на состояние боевой готовности.

Наибольшее количество женщин проходит службу в Сухопутных войсках, Военно-Воздушных силах и Ракетных войсках стратегического назначения (более 20 тыс., каждый второй солдат и сержант в Ракетных войсках – женщина). В ВМФ России служит около 10 тыс. женщин, в воздушно-десантных войсках – около 2 тыс.

Более 4,8 тыс. женщин – офицеры (почти 500 из них – полковники и подполковники, более 1,1 тыс. – майоры, остальные – младшие офицеры). Средний возраст офицеров-женщин составляет 35 лет. Как правило, практически все имеют высшее образование. В основном это медики (более 70%), связисты (около 8%), финансисты (около 5%), военные переводчики (почти 2%), психологи и журналисты (15%).

Около 26 тыс. женщин служат по контракту в воинском звании «прапорщик» и «мичман». Их средний возраст составляет 37 лет. Свыше 35% прапорщиков-женщин имеют профессиональное высшее образование, более 60% – среднее военное специальное (гражданское) образование. Службу они проходят преимущественно на должностях по специальностям связи (около 22%), штабным (более 16%), войскового хозяйства (почти 13%) и в медицинском обеспечении (более 10%).

Почти 59 тыс. женщин – солдаты и сержанты, матросы и старшины. Это главным образом радиотелеграфисты, телефонисты, программисты, делопроизводители и медицинской персонал.

Невзирая на существующие трудности, в современных условиях российские женщины проявляют в армии не меньше мужества и отваги,

чем их коллеги-мужчины. За высокие показатели в служебной деятельности, за самоотверженное выполнение воинского долга в боевой обстановке и личное мужество, проявленное при выполнении боевых задач, более 1600 военнослужащих-женщин награждены государственными наградами Российской Федерации и почти 13 тыс. – наградами Минобороны России.

Сержант медицинской службы оперативной бригады Внутренних Войск Ирина Янина (войсковая часть 3642) Указом Президента РФ от 14 октября 1999 г. удостоена высокого звания Героя России (посмертно) за мужество, проявленное при оказании помощи раненым военнослужащим подбитого бронетранспортера. С момента начала проведения контртеррористической операции в Чечне по 1998 год в Вооруженных Силах РФ при выполнении служебных обязанностей погибли 60 военнослужащих-женщин.

Причины выбора женщинами военной карьеры различны: от желания избежать безработицы, обеспечить благополучие семьи за счет социальных льгот до потребности в самореализации, самосовершенствовании.

Процесс феминизации военной службы стремительно набирает обороты. Особенно это заметно нам, кадровым женщинам-офицерам, начинавшим свою службу в Вооруженных Силах Советского Союза, когда женщина в погонах являлась исключением. Но требования к нам предъявлялись наравне с мужчинами. Вождение техники, походы и стрельбы, учения и командировки – все это пришлось пройти и испытать в полном объеме. И сегодня, наблюдая рост числа женщин-военнослужащих в армии, мы не можем это не приветствовать. Мужчины уже привыкли к нашему присутствию в войсках и военных учреждениях и часто не замечают, что рядом с ними несут очень нелегкую по нынешним временам службу женщины.

К сожалению, до сих пор не утихают споры, женское ли дело служба в армии. Но вместо того, чтобы искать изъяны в феминизации современной армии, мужчины должны быть благодарны женщинам за их самоотверженность, верность долгу, сподвижничество, готовность к трудностям и испытаниям, которые Вооруженные Силы предоставляют сполна.

Армия и флот нуждаются в притоке женщин в Вооруженные Силы, как на офицерские должности, так и на должности рядового и сержантского состава, а женщины в Вооруженных Силах России – фактор значимый, достойный самого серьезного к нему отношения.

¹ Платон. Государство // Платон. Соч. В 4-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 230.

² См.: Дунаев О. Женщины нужны и армии, и флоту // Военное знание. 1991. № 3. С. 1-2.

³ Иванов Ю. И на Руси были амазонки // Армия. 1992. № 5. С. 45-49; Российские вести. 1994. 5 марта. С. 4.

⁴ Российские вести. 1994. 5 марта. С. 4; Павленко Н. Екатерина Великая // Родина. 1997. № 12. С. 39; Маликов В., Осипенко Э. Примеряют золушки... сапоги // Ориентир. 1999. № 3. С. 44-45.

⁵ Исторический вестник. 1886. № 1 (январь). С. 72-75; Павленко Н. Указ. соч. С. 39.

⁶ Дунаев О. Указ. соч. С. 1-2.

⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. М., 1990. Т. 2. С. 52.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Половой диформизм относится к числу базовых детерминант человеческой культуры и социализации. Анализ мужского и женского начала в явлениях социальной жизни является одним из фундаментальных принципов социальной стратификации. В последнее время в научном гендерном дискурсе наблюдается всплеск публикаций, предметом исследования в которых являются психологические различия между мужчинами и женщинами. По данным американского социального психолога Ш.Берн, в зарубежной психологической литературе за последние 20 лет опубликовано более 20 тыс. статей по этой проблеме¹. Проблема «женщина на войне» является одной из наименее изученных и противоречивых по методологической постановке в отечественной науке. Исходя из этого, научно-теоретический и методологический анализ профессиональной самореализации военнослужащих-женщин в районе боевых действий мы проводили на основе трех основных теорий: теории малых групп (Р.Л.Кричевский), теории гендерной идентичности (З.Фрейд) и теории гендерно-ролевой сегрегации (Ш.Берн)².

Сам по себе вопрос профессиональной самореализации женщин в период войн и военных конфликтов ставился достаточно давно. В греческой культуре мы находим первые факты научной постановки гендерных проблем воинской деятельности. Так, Платон отмечал важность присутствия на поле брани близких по духу для мужчин женщин как средство психологической поддержки: на глазах у любимых, утверждал Платон, воин будет неспособен отступить, проявить малодушие и тем более покинуть поле сражения³. Он также обосновывал необходимость дифференцированного подхода к учету природных задатков человека в общественно-полезной деятельности, независимо от принадлежности пола: «А разве иная женщина не имеет способностей к ... военному делу, тогда как другая совсем не воинственна?»⁴ Исходя из этого, Платон не только допускает, но и считает необходимым совместную воинскую деятельность мужчин и женщин, чтобы «они вместе стояли на страже государства, раз они на это способны»⁵.

В письменных источниках древних цивилизаций Греции, Индии и Рима упоминается о том, что у кельтов, германцев, сарматов и иных индоевропейских народов женщины не только выполняли функции материально-бытового и сексуального сопровождения, но и непосредственно участвовали в боевых действиях, оказывая целенаправленное морально-психологическое воздействие на воинов-мужчин. Некоторые из них даже возглавляли воинские формирования. В работе «О происхождении германцев и местоположении Германии» отмечается, что «неоднократно дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины»⁶. Римский историк Тацит (ок. 58 — ок. 117 г. н.э.) в «Анналах» описывает кельтское войско, противостоящее римлянам. В его со-

ставе было много женщин. И это настолько сильно потрясло римских солдат, что они, впервые встретившись с женщинами в бою, «словно окаменев, подставляли свои неподвижные тела под сыплющиеся на них удары»⁷. Кроме того, нахождение во время военных походов с мужчинами их жен, по мнению Томаса Мора, являлось «предпосылкой высокой боеспособности армии»⁸. На аналогичную тенденцию указывали и при ведении оборонительных боев: «Во время осады женатые солдаты выглядят более предпочтительно и готовы выполнять обязанности более тщательно, нежели холостяки», — свидетельствовал очевидец военной организации феодальной эпохи⁹.

У сарматов, населявших Центральную Азию с V в. до н.э. по IV—II вв. до н.э., все молодые девушки были обязаны участвовать в боевых действиях, поскольку «они не могли выходить замуж до тех пор, пока не убьют в бою врага»¹⁰.

Целенаправленное изучение опыта морально-психологической подготовки советских войск в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. свидетельствует о том, что в целях формирования боевого духа мужчин в ходе боя в состав «мужских» подразделений вводили наиболее подготовленных в боевом отношении женщин, которые своим личным присутствием не позволяли мужчинам проявлять слабость духа. «Фронтовые источники показывают, — отмечает в своем исследовании В.Я.Слепов, — что там, где среди воинов находилась женщина, мужчины вели себя более мужественно и смело в сложной ситуации боя»¹¹. Ярким примером таких ситуаций может служить факт ввода в состав танкового десанта в тыл врага в 1942 г. комсорга батальона Героя Советского Союза М.С.Демидовой, которая лично выбирала добровольцев для опасного рейда¹². Большой воспитательный эффект на мужчин производили также встречи с женщинами 586-го, 587-го и 588-го авиационных полков. «Наша часть ПВО, — вспоминает в этой связи Н.Журавлев, — была по соседству с женским авиаполком Героя Советского Союза М.Расковой. Мы часто с восхищением слушали отважных летчиц и это сильно влияло на нашу дисциплинированность и повышение боевого мастерства»¹³.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что при целенаправленной воспитательной работе по формированию у мужчин уважительного отношения к боевому опыту военнослужащих-женщин в воинских коллективах поддерживается высокое морально-психологическое состояние, позволяющее положительно влиять на ход и исход боевых действий.

Однако история знает достаточно много противников привлечения женщин к военным действиям. Так, Главком Вооруженных Сил Советской Республики И.Вацетис в книге «О военной доктрине будущего» (1923 г.) отмечает: «Мы знаем, что мужской организм после участия в двух-трехлетней войне является сильно ослабленным и в своей дальнейшей работе, как физической, так и умственной, не является уже столь полезным, как то было раньше. Что же будет на войне с женщиной? Выдержит ли вообще женский организм? Не погибнет ли он раньше от болезней и истощения? И не придет ли в полное расстройство вся женская субстанция как таковая?»¹⁴ Исходя из этого, он делает вывод: «Будущие войны должны вестись исключительно мужчинами»¹⁵.

В современных условиях таких позиций придерживается военное руководство израильской армии. С началом боевых действий большинство из 36 тыс. военнослужащих-женщин вооруженного женского корпуса «Хейл нашим» немедленно выводится из районов соприкосновения с противником. По мнению израильских военных психологов, пленение женщин и их окровавленный вид в случае ранений и травм будет деморализующе влиять на солдат-мужчин¹⁶.

Известный военный психолог Н. Коупленд отмечал: «Оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной»¹⁷. Тем не менее, природа мужчин и женщин достаточно сильно отличается. Исследования американских ученых из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе показали, что женщины в стрессовых ситуациях ведут себя иначе, чем мужчины. В отличие от мужчин, которые впадают в апатию или агрессию, женщины ищут выход из стресса в общении и заботе о близких людях. Разница в моделях стрессового поведения обусловлена, как показывают результаты многолетних исследований, биохимическим составом мужских и женских половых гормонов. Женский гормон *окситоцин* помогает подавлять стрессовое состояние и найти выход не на уровне внутреннего «самоуничтожения», а во внешнем взаимодействии¹⁸. В этом отличие женской модели самореализации на войне.

Беседа с психологом 50-го мотострелкового полка 42-й дивизии, дислоцирующегося на постоянной основе в чеченском п. Шали, майором Валентиной Глуховой показала, что в условиях войны эти различия проявляются более отчетливо. Как подчеркивает С. Алексиевич, «женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания... Если мужчину война захватывала как действие, то женщина сильнее ощущала перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны»¹⁹.

Как показали результаты включенного наблюдения в октябре-ноябре 2001 г. за действиями 42 военнослужащих-женщин 59-го армейского корпуса в Чеченской республике (пос. Шали и Аргун) в экстремальных условиях профессиональной деятельности, состояние «фрустрации-безысходности» наиболее характерны для 37% женщин, находящихся на этапе профессиональной адаптации, а «фрустрации-агрессии» — для 42% женщин, находящихся на этапе профессионального становления и самоутверждения. Более опытные военнослужащие-женщины (стаж военной службы более 10 лет) ориентируются в сложной обстановке более осознанно и спокойно. Особенно те, кто уже был ранее в районах боевых действий (опыт Таджикистана, Абхазии, первой чеченской кампании 1996 г.).

Но есть сторонники и противники нахождения женщины на войне. Сторонники говорят о том, что никто не может запретить женщинам защищать свою землю с оружием в руках и стремиться самореализоваться в военной среде. Противники говорят о том, что «женщина и война — взаимоисключающие, противоестественные сознанию и предназначению женщин понятия». Французский философ XVIII в. Кабанис утверждал, что «едва ли тот, кто действительно любит женщин, будет особенно доволен, видя их марширующими под ружьем»²⁰.

*Нет на свете отца, чтобы милую дочь
Посылал воевать бы в холодную ночь, —*

пишет российская поэтесса Н.Саурина по этому поводу.

Этой же позиции придерживается и Е.С.Сенявская, являющаяся одной из наиболее известных специалистов по этой проблеме. «В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, — отмечает она в своей книге, — было чудовищным противоречием ее женскому естеству»²¹. Надо признать, что каждая сторона в этом сопоставлении мнений по-своему права. Но количество женщин в районе боевых действий зависит не от этих мнений, а от самих женщин, решивших оказаться на войне по разным причинам.

Можем ли мы говорить о том, что воинская среда *гендерно маркирует* профессиональное пространство преимущественно женской деятельности? Ответ на этот вопрос, как показал проведенный научно-теоретический анализ, правомерно искать в рамках теории половой категоризации²², синтезирующей различные подходы к формированию и развитию половой социализации. Основные выводы этой теории сводятся к тому, что гендерное поведение личности в рамках «жизненного сценария» (Э.Берн) зависит от следования как ведущим гендерным типовым образцам и идеалам, так и корпоративным ценностям ближайшего социального и профессионального окружения²³.

Как известно, мужчины и женщины мыслят различными категориями. Это обусловлено особенностями физиологии и асимметрией в работе полушарий головного мозга²⁴. Однако преувеличивать эти различия я бы не стал. Как подчеркивает Ш.Уильямс, «женского ума как такового не существует. Мозг — это не половой орган. С тем же успехом можно говорить о женской печени»²⁵.

В каких профессиональных ролях представлены военнослужащие-женщины в районах боевых действий? Понятно, что это, прежде всего, медицинские, тыловые, финансовые должности. Но меня заинтересовал вопрос: за что получают государственные награды женщины в Чечне? Если отбросить награды «фавориткам», которые часто даже не выезжают из штабов, то получается довольно интересная картина. В августе-сентябре 2001 г. мне удалось провести целенаправленный анализ награжденных документов, представленных в Главное управление кадров МО РФ на военнослужащих-женщин, принимавших участие в 2000 г. в боевых действиях на территории Чеченской Республики. Этот анализ показал, что 86% из них награждены «за личное мужество и отвагу при защите Отечества» медалями Суворова и Жукова. Медалью «За отвагу» награждены 5 женщин, что соответствует статусу этой государственной награды (награждают только тех, кто проявил «личное мужество и отвагу в бою»). Орденом Мужества «за мужество, отвагу и самоотверженность» отмечена только одна женщина — ст.прапорщик 67-го корпуса Л.С.Магомедсаидова. Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» различных степеней — 1,5% всех награжденных женщин. Это свидетельствует о том, что непосредственное участие в боевых действиях с прямым соприкосновением с противником принимают не более 1,2% воен-

нослужащих-женщин из разведывательных и десантно-штурмовых батальонов, женщины-снайперы и медицинские сестры, выезжающие с подразделениями «зачистки» в населенные пункты республики.

Индивидуальные беседы с психологами 625-го Центра психологической поддержки и реабилитации Северо-Кавказского военного округа показали, что женщины снимают боевые психологические стрессы по иному, чем мужчины. Если для мужчин несколько рюмок водки после дня боевой работы – естественное явление, то женщины стараются снять накопившиеся в боевой обстановке стрессы по-своему: общением, слезами, мечтами о любви, доме и близких, письмами. В письмах домой сержанта медицинской службы Ирины Яниной из бригады внутренних войск (г.Калач-на-Дону) – море нерастраченной любви и нежности, желания жить, растить детей. Она погибла 31 августа 1999 г. в Дагестане в районе села Кармахи, когда вытаскивала из горящего БТРа 7 раненых солдат. Кроме И.Яниной в Чечне погибло 8 женщин: начальник аптеки прапорщик Р.Сагитова в г.Грозном 3 июня 1996 г., фельдшер 801-й отдельной роты связи и радиотехнического обеспечения вертолетного полка сержант Ю.Овчинникова (3 октября 1996 г.) и другие.

Если говорить о том, насколько сегодня женщины активны в районах боевых действий, то можно обратиться к женщинам ВВС США. Они активно участвовали в боевых вылетах на Афганистан. Так, в составе летных экипажей на базе Ханабат в Узбекистане, куда в октябре 2001 г. было переброшено 20 американских самолетов-истребителей, находились 2 женщины-пилота. Причем это не обслуживающий персонал, а именно летчики-истребители. Их специально не отбирали для войны в Афганистане, они входили в штат переброшенных авиавзаскадрилий.

Были ли еще в мире женщины, чье мужество и массовый героизм сродни нашим героиням из женских авиационных полков? Надо признать, что единичные случаи были. В гитлеровской Германии такой была только одна женщина. Ее звали *Ханна Райч*, летчик-ас, капитан люфтваффе, фанатично преданная идеям фашизма. Она получила две высших награды третьего рейха – железные кресты 1-й и 2-й степени – лично из рук Гитлера и была его любимицей в немецкой авиации. Именно она первой подняла в небо опытную модель реактивного истребителя Me-329, а также ракетный перехватчик Липпиша. В 1943 г. под руководством ракетного конструктора фон Брауна и главного «террориста» III рейха Отто Скорценни Ханна Райч в качестве пилота проводила воздушные испытания пилотируемых ФАУ-снарядов с далеко идущими планами – бомбардировка небоскребов Нью-Йорка. Инструктировал ее лично Гитлер²⁶. После успешно проведенных испытаний она была единственной женщиной – летчиком-истребителем среди фашистских асов на Восточном фронте. 26 апреля 1945 г. именно она прорвалась в воздушном бою в уже окруженный советскими войсками Берлин и доставила в ставку Гитлера нового Главнокомандующего военно-воздушными силами вермахта генерал-фельдмаршала Р. фон Грайма после предательства Г.Геринга. На обратный рейс к подводной лодке, ожидавшей в одном из портов Балтики, в качестве пассажира должен был

лететь сам Гитлер, но он, как известно, в последний момент предпочел принять смерть в Берлине.

Чрезвычайно этически-тонкой и одновременно важной является проблема *сексуальных взаимоотношений мужчин и женщин в районе боевых действий*. Сделать вид, что ее не существует, значит позволить себе скатиться на ханжеские позиции необъективного гендерного анализа, цена которых достаточно часто — человеческая жизнь или здоровье.

«Против природы не пойдешь», — гласит народная мудрость. И то, что в период войны половые отношения между мужчинами и женщинами продолжают, также естественно, как и сохраняющиеся потребности в еде, сне, воде. Как известно, сексуальная потребность относится к числу базовых потребностей человека. А в условиях войны накапливаемые стрессовые ситуации требуют своего выхода, «снятия» напряжения (в том числе и полового).

Беседы с психологами 50-го и 70-го полков 59-го армейского корпуса, воюющего в Чечне, показали, что женщина, оказавшись в районе боевых действий, стремится избавиться от многочисленных сексуальных домогательств мужчин и потенциальных венерических заболеваний преимущественно одним путем: выбором постоянного полового партнера. В большинстве случаев — это офицеры или прапорщики. Если отношения формируются на долговременной основе, то они, как правило, не осуждаются ни мужчинами, ни женщинами. Могут только завидовать. Более раскрепощенные отношения в этом смысле среди женского медицинского персонала. Думается, это является одним из психологических механизмов снятия барьеров переутомления и стрессовых состояний, которые в большом количестве изобилуют в военно-медицинской сфере на войне. Как говорят сами женщины, воевавшие в Чечне, отсутствие уединенных мест не является препятствием для «утоления сексуального голода». Многие мужчины остаются на ночь в женских палатках, совершенно не испытывая стыда от присутствия других женщин.

Однако существует и проблема прямого насилия. Невысокий уровень культуры определенной части мужского контингента (особенно контрактников), употребление спиртных напитков, ведет к ситуациям, когда ведущими мотивами полового поведения становятся необузданные инстинкты. Так, участница Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. связистка В.С.Ерохина, подтверждая этот тезис, приводит свидетельства доведения женщин сексуальными преследованиями до самоубийства²⁷. Фронтовик Ю.П.Крымский также приводит факты, когда «за изнасилования военнослужащих-женщин офицеров отдавали под суд, отправляли в штрафные роты, а иногда даже расстреливали»²⁸.

Времена проходят, а человеческая природа не меняется. В сентябре 2001 г. одна из военнослужащих-женщин, чья воинская часть находилась на постоянной основе в Чечне, покончила жизнь самоубийством после группового изнасилования солдатами-контрактниками. Причем ни командир части, ни офицеры-воспитатели не предприняли никаких мер для психологической реабилитации потерпевшей, ограничившись лишь тем, что выставили у ее палатки часового с оружием. Это свидетельствует о том, что проблема гендерного общения в условиях войн и

военных конфликтов чрезвычайно сложна и многогранна. Думается, что целевые междисциплинарные исследования по этой проблеме могли бы уменьшить количество «белых пятен» и с объективных научных позиций объяснить многие феномены гендерного взаимодействия в экстремальных ситуациях военно-профессиональной деятельности.

- ¹ См.: *Берн Ш.* Гендерная психология. Пер. с англ. М., 2001. С. 85.
- ² Под гендерно-ролевой сегрегацией понимается распределение социальных ролей по половому признаку.
- ³ См.: *Платон.* Избр. диалоги. М., 1965. С. 130.
- ⁴ *Платон.* Государство // Соч.: В 3 т. М., 1971. Т.3. Ч.1. С. 251.
- ⁵ Там же. С. 252.
- ⁶ *Тацит Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Тацит Корнелий.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Л., 1969. С. 357.
- ⁷ *Тацит Корнелий.* Анналы // Там же. Т. 1. С. 265.
- ⁸ *Мор Т.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. М., 1971. С. 123.
- ⁹ См.: *Понуждаев Э.А.* Социально-философские проблемы адаптации женщины к военно-авиационной деятельности: Метод. пос. Монино, 1994. С. 10.
- ¹⁰ См.: *The New Encyclopedia Britannica.* Vol. 18. Chicago: Univ. Of Chicago, 1988. P. 691.
- ¹¹ См.: *Слепов В.Я.* Воспитание у советских военных коммунистического отношения к женщине: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1966. С. 43.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 39.
- ¹⁴ *Вацетис И.* О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 135.
- ¹⁵ Там же. С. 136.
- ¹⁶ См.: Зарубежное военное обозрение. 2000. № 9. С. 62; *Кондрашов А.* Равнение на четвертый бюст // Аргументы и факты. 2001. № 10.
- ¹⁷ *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1960. С. 37.
- ¹⁸ *Валентинов А.* Стресс по-женски // Вечерний Ростов. 2000. 3 июля. С. 3.
- ¹⁹ *Алексиевич С.* У войны - не женское лицо. Минск, 1985. С. 61-62.
- ²⁰ Цит. по: *Женщина, жизнь и любовь: Афоризмы, мысли и изречения великих людей / Сост. М.Шевляков.* М., 1999. С. 193.
- ²¹ *Сеняевская Е.С.* Женщины на войне: феномен XX века // Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. С. 165.
- ²² См.: *Кон И.С.* Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 50.
- ²³ См.: *Кон И.С.* Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке: Материалы к симпозиуму. М., 1975. С. 763-776.
- ²⁴ См.: *Буанки В.Л., Филиппова Е.Б.* Асимметрия мозга и пол. СПб., 1997; *Кимура Д.* Половые различия и организация мозга // В мире науки. 1992. № 11. С. 23-27; *Ряброва Н.Л.* Психофизиологические особенности мужчин и женщин: Матер. междунаучной конференции «Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы». Иваново, 2000. С. 45-49.
- ²⁵ Развитие гендера и социальные подходы к нему // *Гэри Ф.Келли.* Основы современной сексологии. Пер. с англ. СПб., 2000. С. 192.
- ²⁶ См. более подр.: *Черкашин Н.* Операция «Пасториус» // Совершенно секретно. 2001. № 10 (октябрь). С. 36.
- ²⁷ См.: Не женское это дело – война // Комсомольская правда. 2000. 14 апреля. С. 6.
- ²⁸ *Ключников А.* Любовь на фронте // Аргументы и факты. 2000. № 19.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.Я. 57
 Абельс Х. 284
 Абрамзон С.М. 38
 Абрамзон С.М. 50
 Абрамс К. 292
 Агрунин К. 100
 Агуреев В. 129, 136, 141
 Агуреев С.А. 73, 410, 412
 Адлер А. 211-212
 Азарх Р.М. 386
 Акжунус 47
 Аксыбан 41
 Актайлак 42
 Александр I, имп. 54-55, 363-364, 366, 384
 Александр Македонский 296-308, 314, 383
 Александров А.Н. 247
 Алексеев М.В. 341
 Алексеевич С. 394, 398
 Алёна 383
 Али-Монхля 39
 Алкснис Я. 133
 Алланиязов Т.К. 37, 410, 412
 Алпамыс 37, 41-52
 Алшагыр 42-43
 Альбертоне 77
 Амброс С. 294
 Амелин А. 130, 139
 Амелин Г. 192
 Аммалат-бек 58, 64-65
 Ананьев Б.Г. 278
 Анатра-Наумова Е. 386
 Андреев В. 256
 Андреев Л. 100, 225, 232
 Андриевич К. 100
 Анисимов Е. 365
 Анна Иоановна 384
 Антипов В. 244
 Антонов А.И. 379
 Анчарова М. 379, 382
 Аншелес И.И. 379
 Аптекарь П. 271-272, 283
 Аракчеев А.А. 284
 Арамилев В. 182, 187-190, 192-193
 Ардалова Л. 100
 Ардашев Н.Н. 381
 Арефьев И.Н. 238
 Аристотель 296, 298, 305
 Арсеньева Д. 360
 Арсеньевы 360
 Артамонов В.А. 151
 Архангельский А. 100
 Архимандрит Киприан 195
 Архипов И.Л. 231
 Асмолов К.В. 28, 410, 412
 Асташов А.Б. 185-186, 190, 367, 410, 413
 Афиногенов А. 141
 Баграмян И.Х. 150
 Багратион 66, 314
 Бажанов Д.А. 231
 Байдуков Г. 136-137
 Байрон 64
 Байшубар 43, 47
 Балашов 116
 Балашов И.П. 345
 Банников К.Л. 189
 Баратьери, ген. 76
 Барбюс А. 175-176, 181, 183, 185, 187-189, 191-192
 Барклай де Толли 314
 Барнетт К. 358
 Бартольд В.В. 51
 Бархатов А.В. 91, 98
 Басов А.Р. 27
 Баталин Е. 100
 Батый 297, 299-300, 302, 304-305
 Бегунова А.И. 365
 Безотосный В.М. 366
 Безыменский Л. 309
 Белинский В.Г. 72
 Белов В. 204, 212
 Бельгард В.А. 253-254, 256
 Бенедикт Р. 27
 Бенкендорф К.К. 250, 255-256
 Бентковский А.К. 345
 Бентон Т. 330
 Бергсон А. 195
 Берендеев-Нильский П. 100
 Беренс Э. 345
 Берн Ш. 392, 398
 Берн Э. 398
 Бертье 313
 Бессонов В. 160
 Бестужев (Марлинский) А.А. 57-58, 60-61, 64-66, 70-72
 Бианки В.Л. 398
 Биршимбай 42
 Биток 41
 Блок А. 102-103, 110
 Блок М. 111, 123
 Бобров Н. 100
 Богдан Б. 295
 Богданов А.А. 193
 Богданова Д.Я. 317
 Богданович А.В. 170
 Богданович Т.А. 10, 26
 Богомолов А. 228
 Богров С.Л. 381
 Болдырева А. 100
 Боле Е.Н. 233, 247-248, 410, 413
 Болтин Е.А. 129
 Бонестил Ч. 287
 Борнс Александр 38, 51
 Борнс Александр 51
 Боске А. 188
 Бочкарева М.Л. 385-386
 Брайтнер Б. 217
 Браун В. 218
 Браун К.Р. 21, 23
 Браун С. 292
 Браухич 348, 353
 Браш Э. 294
 Бриан-Келлог 111
 Бриммер Э.В. 251, 255-256
 Бронлей 88
 Броневский С.М. 58, 70
 Брусилов А.А. 82, 84, 97, 178-179, 189-190, 385
 Брытов В.Г. 364
 Брытгова Е.Т. (Воинов. А.) 364-365
 Брэдли О. 293, 295
 Брюс Яков 359
 Брюсов В. 105-106
 Букенбай 39
 Булалай 41
 Булатович А.К. 73-74, 80-81
 Булгаков М. 133
 Булдаков В.П. 98, 191, 229, 231, 263, 282-283
 Булле М.О. 386

- Бум-Ерден 38
 Бунин К.П. 142-143, 148
 Бурдин С.Ф. 237
 Буховецкий Д. 100
 Бьюкенен Дж. 335, 345
 Бюллер 134
 Бячков Ю. 359
 Валентинов А. 398
 Вальдин 199
 Вальнер Н. 218
 Вандерерим 81
 Василевский А.В. 356, 358
 Васин И.И. 81
 Ватутин Н.Ф. 347, 349-352, 354-358
 Вацетис И. 393, 398
 Вашурина З.П. 383, 410, 413
 Вебер Ф. 217
 Вельский И. 100
 Вендров З. 190
 Венявская А. 100
 Вернадский В.И. 122, 124
 Верховский 65
 Верховский А.И. 186-187, 196
 Вестморленд У. 292
 Виажская Ю. 100
 Виллар 291
 Вильгельм II, кайзер 90, 94, 96, 339
 Виндинг О. 100
 Винклер В. 216
 Витте С.Ю. 169, 335
 Вишневский В. 126, 128-132, 136
 Вишневский Е. 228
 Владимирский А.В. 151
 Владимирцов Б.Я. 50
 Внуков В. 100
 Внуков Р. 381
 Водолянов М. 130
 Восйков А.Ф. 71
 Войков П.Л. 114
 Войтоловский Л.Н. 175, 178, 181-182,
 187-190, 192-194, 212, 379-381
 Волкер С. 287
 Волков Б. 198, 212
 Волкова Н.А. 192
 Волконский Г.М. 336, 345
 Волконский Н.А. 249, 253, 255-256
 Волконский С.М. 194
 Володарский 149-150
 Вольпе Ц. 110
 Вольф А. 160
 Вольфганг Б. 214
 Воронцов М.С. 250
 Воронцов М.С. 56, 70-71
 Воронцов-Дашков М.С. 360
 Ворошилов К.Е. 137
 Вотичелли 76
 Врангель Н. 100, 107, 109
 Вурдов Н. 242
 Вьюницкий В.И. 191
 Габаев Г.С. 200-206
 Гаджиев К.С. 345
 Галанчикова Л. 386
 Галлер Л.М. 212
 Гальдер 348, 353
 Гамарник Я. 134
 Гамерр Джованни 73-74, 76-79, 81, 412
 Ганелин Р.Ш. 97
 Ганнибал 314
 Ганшина А.Т. 244
 Гаррисон У. 321, 330
 Гасанов И. 98
 Гаскуэн 186
 Геймарн В.А. 255
 Гекатей Милетский 296
 Гелла Т.Н. 346
 Геллер Л. 125, 140
 Геллер Э. 294
 Гельдерс 128
 Генри Э. 126, 140
 Гераклит 305
 Герасимов К. 100
 Геринг Г. 396
 Геруа А.В. 337, 345
 Гинденбург П. фон 116
 Гинзбург С. 97-98
 Гиппиус З. 105, 185
 Гитлер А. 122, 140, 298-303, 308, 353, 396-397
 Глан 281
 Глинский Д.Л. 81
 Глухова В. 394
 Гнездилов 271
 Гогенцоллерны 338
 Голичер А. 185, 188, 214
 Головин Н.Н. 6, 96-98
 Голод С.И. 366
 Голосенко И.А. 365
 Голубев А.В. 111, 195, 410, 412
 Голубовский П. 51
 Голубых М. 379
 Гольденвейзер А. 102
 Гомер 305
 Гораинова М.А. 242
 Гордон А.В. 190
 Городецкий С. 105
 Горчаков Н. 256
 Горшков М. 228
 Горьков Ю.А. 132, 141
 Гоффман И. (Goffman E.) 257, 267, 276, 281
 Грайм Р. фон 396
 Грант У. 319
 Гращенко И.Н. 134, 141
 Гребнев Л.В. 51
 Гревельд М. ван 362
 Грибоседов А.И. 64
 Григорович Л.А. 192
 Гризодубова В.С. 386
 Грицевец С. 139
 Гроссман В.С. 158, 192
 Грюнтер Р. 287
 Губин В.Д. 195
 Гудериан 348
 Гудзенко С. 155, 157-158
 Гульбаршин 45
 Гумилев Л. 302
 Гумилев Н. 100-102, 109, 199, 212
 Гурко В. 377
 Гусев Б.Н. 234, 239, 247
 Густав Адольф 314
 Гусев И. 284
 Гучков 223
 Гэллал 113
 Эри Ф.Келли. 398
 Гюго В. 307, 309
 Давыдов В. 282
 Даль Вл. 302, 309
 Данилевский Н.Я. 335, 345
 Данилов Ю.Н. 341
 Данте 309
 Дейч Ю. 218
 Дексю Ф. 217
 Дельвиг Н. 255
 Демидова М.С. 393

Демидова-Чижинская А. 100
Деникин А.И. 97
Дерборн Г. 320
Державин Г.Р. 59, 71
Деркач А.А. 196
Джангар 38, 50, 51
Джексон Э. 319, 321
Джембулат 65
Джефферсон 320
Джолл Д. 97
Джонс Ф. 290
Дмитриев В. 174, 186, 199, 212
Дмитрий Донской, кн. 182
Дмовский Р. 337
Добужинский М. 107
Довконт Ф.Ю. 343-344
Додельцев Р.Ф. 317
Долгорукая С. 386
Долматовский Е. 128, 138, 142, 156
Дольский Е. 100
Домбаул 44
Домников С.Д. 190
Дондуков-Корсаков А.М. 250-251, 254-256
Дорофеев Д.Ю. 192
Дорфман Л.Я. 294
Достоевский Ф. 302
Драгомиров М.И. 164, 186
Дрие Ла Рошель П. 188, 196
Дробязко С.М. 233, 247
Дубровская Е.Ю. 220, 231-232, 410, 413
Лунаев О. 392
Дурново П.Н. 82
Дуров В. 367
Дурова Н.А. (А.А.Александров,
А.А.Соколов) 363-364, 366, 384
Дуз 129
Дырин А. 309
Дьякова Н.А. 345
Дьякова Н.А. 70
Дюма 67
Евгений, принц 314
Евдокимов Л.В. 195
Евсеев И.И. 134, 141
Егор 231
Егоров А. 134
Екатерина I 54
Екатерина I, имп. 384
Екатерина II Великая, имп. 336, 360-361,
366, 383-384, 391
Елец Ю. 74, 81
Елизавета Петровна, имп. 361, 384
Ельбет-Берген 44
Ермолов А.П. 249
Ермолов А.П. 55-56, 59, 70
Ерохина В.С. 397
Есенин С. 102
Есин Б.И. 98
Есипов Г. 365
Есипов Н.Н. 346
Естемес 49
Ефимов И. 102
Жанна д'Арк 384
Жемчужина М. 100
Жиглинский А. 175, 187
Жидков В.С. 190
Жирмунский В.М. 51
Жуков Г.К. 32, 134, 189-190, 387, 391
Жукова Л.В. 2, 162, 410, 412
Жуковский В.А. 59, 64, 71
Журавлев Н. 393
Журкина Н.А. 387

Загорянский М. 100
Закс О. 215
Закурдаева Н.Е. 243
Заславский Д. 126
Захаров М. 141
Захарова В.Т. 191
Зверева Л.В. 386
Зеленская И.Д. 123
Зелинский К. 140
Земский Н. 100
Зенин Д. 193
Зидер Р. 377
Зиммель Г. 195
Зиссерман А.Л. 255
Зонин С.А. 212
Зубкова М.С. 386
Зубов В.А. 71
Зырянов П.Н. 379
Зюганов Г.А. 346
Иванов 137
Иванов А.И. 381
Иванов В.В. 380-381
Иванов В.И. 381
Иванов И.Ф. 134
Иванов П.И. 134
Иванов Ю. 27
Иванов Ю. 391
Иванова Р. 385
Иванова Ю.Н. 366
Иванов-Вольский П. 104
Иванович Ст. (Талин В.И.), он же -
Португейс С.О. 257, 281, 284
Игнатъев А.А. 187
Игнатъев А.А. 348, 358
Игнатъев А.В. 340, 346
Извольский А.П. 343, 346
Изместьев П.И. 95, 98
Ильин А.С. 97
Ильин Д.Я. 240
Ильин-Женевский А.Ф. 231
Илья Муромец 383
Имджин Чанчхо 36
Иногути Р. 27
Иноземцев В.Л. 191
Иосиф II, имп. 361
Иракий II 54
Исаковский М. 161
Исмаил-Бей 67
Истомин Н. 102
Иованович М. 185
Кабанис 394
Каверзнев 116
Каган М.С. 294
Каганович Л. 133
Казнев Ш.М. 71
Кайо Ж. 343
Калинин М.И. 284
Калинин Н.С. 248
Калинчук Л.В. 26
Калтикл 305
Канева Е.Н. 240
Кан-Туралли 43
Каппеллер А. 53, 70
Караман 42, 44
Караяни А.Г. 5, 26, 310, 410, 413
Карвер 349, 353
Карл XII 300
Карлыгу 42
Карпеев И.В. 345
Карпеев И.В. 71

- Карпушенко С.В. 365
 Картожак 37, 41-42, 44, 47
 Карто, ген. 313
 Карцев Ю. 336, 345
 Каскабаев С.А. 51
 Касл В. 287
 Касьянова К. 189
 Катаев В.П. 175, 193
 Качульский 104
 Квак Чэу 34
 Кедрин Д. 157, 160
 Кейкуат 47
 Кеннеди Дж. (Kennedy) 295
 Кеннеди П. 341
 Керенский А.Ф. 223, 231, 385
 Керзон, лорд 332
 Ким Юсин 31, 34
 Кимура Д. 398
 Киреев Г. 238
 Кирилл Владимирович, вел. кн 117, 124
 Кирпичников А.Н. 51
 Кирсанов Н.А. 233, 247
 Киришон В.М. 133-134, 140
 Кирьянов Ю.И. 87, 97
 Кирюхина Е.М. 191
 Китаев-Смык Л.А. 186
 Киуру М.Х. 232
 Киш Э.Э. 213
 Клаузевиц К. 344
 Клейст 348
 Клемен К. 185
 Ключников А. 398
 Кноке Х. 193
 Кноринг 362
 Кобикты 40, 41, 44
 Кобланды 37, 39-43, 46-47, 49-52
 Кожевин В.Л. 5, 197, 410, 412
 Кожина Василиса 384
 Козлов В.А. 123
 Козлов Н.Д. 238, 247
 Козлов С.А. 171, 410, 412
 Козлова Н.Н. 260, 281
 Козловский В.В. 238-239
 Козлюков 148
 Коковихин М.Н. 97
 Колесник А.Д. 233, 247
 Коллонтай А. 388
 Колоницкий Б.И. (Kolonitskij B.) 230-232
 Колчак А.В. 339-340, 345, 386
 Кон И.С. 398
 Кондратьев И. 227
 Кондрашов А. 398
 Кондурушкин С.С. 186, 190, 193
 Коннер Ф. 285
 Кононихин М.С. 238
 Кононов А.Н. 51
 Конрад Н.И. 27, 36
 Копытин В.Н. 247-248
 Коралли 100
 Корё, династия 30, 33
 Коркут 51
 Кормина Ж.В. 263, 281-282
 Коровин И.И. 238
 Королев С.А. 345
 Кортка 40, 41
 Котляревский С.А. 345
 Котов Г. 108
 Коупленд Н. 6, 26, 317, 394, 398
 Кравченко А.И. 192
 Кравченко Н. 192
 Крайнюков К.В. 358
 Красиков 228
 Краснов П. 190
 Краснова К. 100
 Красовский А.Ф. 253
 Кребс А. 215
 Крейдлин Г.Е. 172, 185-186, 190
 Крейн А. 102
 Кремлев-Свен И. 130-133
 Крестовский В.В. 365
 Кривинов А. 130
 Кривицкий А. 130
 Кригер Е. 139
 Кричко Е.Ф. 5
 Кричевский Р.Л. 392
 Кровицкий Б. 153
 Кропоткин П.А. 185
 Кругов А. 225
 Крымский Ю.П. 397
 Ксюнин А. 175, 186-187, 192-193
 Кубик Ф. 216
 Кувахара Ясуо 24, 27
 Кузин В. 309
 Кузьминский К. 168, 170
 Кулешова Н.Ю. 140
 Кульбину Н. 103
 Купер К. 294
 Купрянов Н. 102
 Кулприн А. 100
 Кушова И.В. 99, 410, 412
 Курбанбай Бахши 51
 Куропаткин А.Н. 334-335, 339, 341, 344-346
 Курочкин А. 227
 Кутузов М.И. 362-363, 384
 Кутше Н. 366
 Кушпелева А.Г. 243
 Лабинцев И.М. 250
 Ламанов А.Н. 207, 209-210
 Ламанов П.Н. 206-211
 Ламанский В.И. 332, 339
 Ламздорф В.Н. 346
 Ланна 313
 Лансере Е. 107
 Ларионов М. 102
 Латугин 104
 Лашманов Ф.Ф. 366
 Левин И.И. 156, 160
 Левин Л. 141
 Левинский Э. фон 349
 Левитский Н. 132
 Левонтин Р. 294
 Ледонн Дж. 333
 Леер Г. 314
 Леер Г. 317
 Леканов Н.М. 236
 Лемке М. 189-190, 196
 Ленин В.И. 123, 135
 Ленская Е. 100
 Ленский А.Г. 358
 Леонов Б.Д. 246
 Леонов Л. 134
 Леонтьев Н.С. 53-59, 61-62
 Лермонтов М.Ю. 59, 61, 66, 70-72
 Ли Гибэк 31
 Ли Гидон 31
 Ли Джэ 35
 Ли Сонге 33, 34
 Ли Сунсин 32-33, 35-36
 Ли, ген. 319
 Ли, династия 28-30, 33
 Лиддел-Гарт Б. 353, 358
 Лидерс А.Н. 251-252
 Лидж-Ильме 79
 Линд Э.Э. 88

- Линдер И.Б. 52
 Липец Р.С. 50-52
 Лобов В.Н. 317
 Логинов И.П. 26
 Лорка Ф.Г. 192
 Лоти Пьер 81
 Лошук 122
 Луи Бонапарт 313
 Лукина А. 100
 Лукирский А.Н. 249, 410, 413
 Лукомский А.С. 362
 Лыткина А.Д. 243
 Львов В. 366
 Льдова Л. 100
 Любимов В. 223, 231
 Лютов И.И. 240
 Люце В. 100
 Магомедсаидова Л.С. 395
 Мазуркевич М. 104
 Мазуркевич Н. 192
 Майзель А. 122
 Макаров О.Л. 81
 Макаров С. 231
 Макартур Д. 287, 292
 Макиндер Г. 332-333
 Маклаков Н.А. 82
 Маковский С. 107, 110
 Маконен 75
 Максим Максимович 67
 Максимов Д.Е. 194
 Максимова-Кондурова Пуссеп 365
 Малахов П. 127
 Маликов В. 391
 Мальчиков С. 224, 231
 Малявин В.В. 36
 Манас 38, 51
 Манасин И.Н. 339, 346
 Манн Ю.В. 70, 72
 Мансур 70
 Манштейн Г. фон 349
 Манштейн Э. фон 347, 349-358
 Маркина Т. (Курточкин) 361
 Марков А.А. 238
 Маркс К. 304, 309
 Марченко М.К. 342
 Маршалл Дж. 287
 Масафуми Арима 22
 Маслов А.А. 26, 35
 Маслов И. 170
 Маслоу А.Г. 294
 Массена 313
 Мацузато К. 97
 Медков В.М. 379
 Мейдзи 8
 Мельтохов М.И. 142, 411-412
 Менделеев Д.И. 332
 Менелик II, имп. 53-55, 57, 59, 62
 Меньшиков М.О. 191
 Меньшиковы 360
 Меньшов Е. 366
 Мережковский Д. 309
 Мерлин В.С. 294
 Мерло-Понти М. 192
 Мерфи О. 288
 Мерхарт Г. фон 214
 Мехлис Л. 130
 Микадо, имп. 16
 Микаэльсбург И. 214
 Миллер Б. 287
 Миллер Г. 195
 Милютин Д.А. 56-57, 59-60, 62, 70-72
 Минин-Сухорук К. (Минин К.) 90, 342
 Миньяр-Белоручев К.В. 2, 318, 331, 411, 413
 Мионов Б.Н. 379
 Мионов В.В. 185, 189, 191, 195, 213, 219, 411-412
 Мионов М. 130
 Митурнич П. 102, 108
 Михаил Александрович, вел. кн 116, 124
 Михайлов Л.А. 190
 Михеев Г.Д. 190
 Мишик Марина 202
 Моисеева И.Ю. 248
 Молотов В.М. 114
 Мольте Г. (мл.) 335
 Мопассан 372
 Мор Т. 393, 398
 Морозов Н.А. 247
 Мосолов А.А. 163, 169
 Мошляк И. 138
 Мрозовская Н. 100
 Музеус 93
 Муйжель В.В. 173, 175, 181-183, 186-187, 190, 193-195
 Муравьев В.Б. 366
 Мэкен А. 332
 Мяковский Н.Я. 102-103, 110
 Мясоедов С.Н. 86
 Набоков В.В. 208, 212
 Нагано, адм. 20
 Надеждин 226
 Наджафов Д.Г. 140
 Назаренко 117
 Накадзима Т. 27
 Налимов В.В. 173, 185
 Нанджун Ильги 36
 Наполеон Бонапарт 297-302, 304-305, 307-317, 348
 Наталья Алексеевна 360
 Небылицын В.Д. 294
 Неверовский 59
 Невзорова Н. 100
 Невский Александр, кн. 209
 Ней 313
 Некрасова Е. 366
 Некрылова А.Ф. 85, 97
 Неллингер А.Н. 193
 Немирович-Данченко В.И. 105, 164, 166, 169-170
 Немировская О. 110
 Нечепорчукова М.С. 387
 Никифоров Н.Я. 67
 Николай Г.Ф. 188, 192
 Николай I, имп. 333, 336, 365
 Николай II, имп. 83, 91, 96, 124, 163, 169, 225, 335, 339, 364
 Николай Николаевич, вел. кн 117, 119, 124, 341
 Новиков А. 282
 Новокрещенов 283
 Новская Н. 100
 Ножкин М. 157, 161
 Образцов В. 129
 Обручев Н.Н. 333
 Овчаренко В.И. 196
 Овчинникова Л. 161
 Овчинникова Ю. 396
 Огнева Е.И. 191, 193
 Окумия М. 27
 Оленин-Волгарь П. 100
 Оллед Г. 27
 Ольшевский М.Я. 250, 255-256
 Ониси Такидзиро, адм. 23, 26

Орак 41, 42
Орбелиани И. 60
Орлов А.С. 51
Орлов Н.А. 75, 81
Орлов С. 159
Осипенко П. 135
Осипенко П.Д. 386
Осипенко Э. 391
Османов Е.М. 27
Осокина Е.А. 282-283
Островский А.Н. 90
Остромысленский И.И. 381
Оськин А.И. 366
Оськин Д. 98, 189, 195, 381
Осьмаков М.Н. 185
Отбаскан 39
Ошанин Л. 159
Павел I 54
Павленко А. 154
Павленко Н. 391
Павленко П.А. 126, 133-134, 141
Павлов Д. 134
Павлова-Макагон Е. 100
Павлович М. (М. Вельтман) 169
Палажченко В. 222, 231
Палей М. 100
Палицын Ф.Ф. 341
Паневский 104
Панкратов М.А. 272
Панов А.Ф. 97
Парский Д. 345
Паскевич И.Ф. 251
Патов Е.И. 238
Патрикеева З.П. 386
Паттон Дж. 285, 287, 293
Пашук П.Е. 244
Пенской В.В. 347, 411, 413
Перри, коммодор 16
Першинг Д. 286
Петелин В. 114
Петр I 54
Петр I Великий, имп. 359-360, 383
Петрова Е.М. 386
Петрова Н.П. 387
Петрова С.И. 207, 209
Петровская И.Ф. 98
Петровский В.А. (Владимир Кнехт) 136
Пилсудский 118
Пилсудский Ю. 337
Пирейко А. 98
Пирогов Н. 385
Писемский А.Ф. 90
Платон 162, 391-392, 398
Плевицкая Н. 100, 104
Плотников Н. 317
Плутарх 300
Пожарский Д., кн. 342
Покаржевский П. 108
Покровский Иоанн о. 226
Полк 322-324. 330
Полторах С.Н. 233-234, 247
Понуждаев Э.А. 398
Попов В. 81
Попов Д. 227
Попов Н.Я. 243
Попова М.А. 386
Пораделов Н. 257, 281
Португейс С.О. (см. Иванович Ст.)
Поршнева О.С. 82, 97-98, 188, 190-192,
218, 255, 411-412
Потанин Г.Н. 38, 51
Потапов В.А. 238

Потемкина А. 385
Потемкин-Таврический Г.А., кн. 361-362, 384
Потокова Н.В. 331
Потто В.А. 256
Пришвин М.М. 105-106, 110, 192
Прометей 72
Прут И. 134, 141
Пуанкаре А. 114, 169-170
Пушкарев Л.Н. 234, 247, 381
Пушкин А.С. 364, 366
Пушкин А.С. 57, 59, 64, 66, 70-72
Пушкин Л.С. 59
Раевский Н.Н. 59
Разин Степан 383
Райх В. 379, 382
Райч Ханна 396
Раковский Х. 120
Раменский 221
Ранкур-Лаферрьер Д. 188
Раскова М.М. 386, 393
Распутин Г.Е. 91
Ратти О. 26
Ратцель Ф. 332
Реброва Н.Л. 398
Редько К. 100
Резанов А.С. 188
Рейснер Л. 388
Ремарк Э.М. 185, 347, 358
Рененкамф 163
Ренсселер Ван 320
Риккерт Г. 195
Римских И.Н. 113
Риттеншек И. 218
Риттих А.Ф. 342, 346
Рихтгофен М. фон 187, 190
Робертс Д. 161
Робинсон П. Вирт 293
Рогалевич М.И. 51
Рожков А.Ю. 123
Рожков А.Ю. 257, 411, 413
Розенфельд С. 189
Розье 186
Рокоссовский К.К. 357-358
Романов Б.А. 170
Романов Константин, вел.кн. 85
Романовский Д. 58, 70
Романовы 338, 340
Ронов Ф.П. 238
Роом А. 134, 141
Ропшин В. (см. Савинков Б.В.)
Росляков А.А. 52
Рудный В.А. 137, 141
Рузвельт Т. (мл.) 293
Румянцев 362
Румянцев С.Ю. 185
Рундштедт 353
Рыков А.И. 116
Рыков С.Л. 392, 411, 413
Рылов А. 109-110
Рязанцев 148
Саблин Д.В. 53, 411
Савин П. 223
Савинков Б.В. (В. Ропшин) 105-106, 110,
174-175, 179, 182-183, 185-187, 191, 194
Савкина И.Л. 366
Сагитова Р. 396
Сазонов 346
Сайер Г. 192, 194
Сакс А.А. 366
Самойлов Д. 157
Самокиш Н.С. 108
Самсонов, ген. 134

- Сандомирская В.Б. 72
 Санта-Анна А. Л. де 323-329
 Сарандова Е.И. (Шидьянская Е.И.) 360-361, 384
 Саурина Н. 395
 Сахаров В. 72
 Свечин А. 189-191
 Свечников М.С. 225
 Святослав, кн. 75-76
 Севринов Ф. 284
 Семенова Е.А. 123
 Семенова К.М. 386
 Семенов-Тяньшанский В.П. 332, 339
 Сент-Экзюпери А. де. 194
 Сенявская Е.С. 2, 5, 98, 152, 185-187, 191-192, 195, 218-219, 231, 255, 379, 382, 395, 398, 411-412
 Сенявский А.С. 2, 6, 26, 411-312
 Сергеев Е.Ю. 332, 345, 411, 413
 Сергеюк П.И. 317
 Серебрянников В.В. 192, 296, 411, 413
 Сигер А. 287
 Симаков В.И. 189, 379-380
 Симановский Н.В. 62, 68, 71-72
 Симанский П. 186-187
 Симонов К.М. 130-131, 141, 153, 155, 156, 158-161, 189
 Синицын А.М. 233, 236, 247
 Скорценни О. 396
 Скотт У., ген. 318-330
 Скрыбин А. 102
 Славский 255
 Слепов В.Я. 393, 398
 Слуцкий Б. 157, 161
 Смирнов 225
 Смирнов В. 382
 Смирнов В.М. 224, 227, 232
 Смирнов В.П. 187
 Смирнов П. 150
 Смушкевич Я. 139
 Снегов 136
 Снесарев А.Е. 336, 339, 345
 Снесарев Н. 372
 Собинов Л. 102
 Соболев Л.Н. 227
 Соколов Б.Н. 233-234
 Соколов К.Б. 190
 Соколовская 366
 Солженицын А. 186
 Соловьев З. 281
 Соломон II 54
 Спайкман Н. 332
 Слеваковский А.Б. 27
 Спирин Л.М. 131, 141
 Сребрянский М. 170
 Сталин И.В. 122, 127, 130-132, 135, 140, 206, 235, 237-239, 241, 243-244, 355-357
 Станилиене Д.Ю. 387
 Стендаль. 317
 Степанов А.И. 195
 Степной Н. 381
 Степун Ф.А. (Лугин Н.) 66, 80, 175-176, 180, 182-183, 185-187, 189-192, 195, 198-199, 212, 382
 Стиллвел Дж. 287
 Стрелова Е. 100
 Стрельников Е.А. 317
 Струве П.Б. 339
 Суворов А.В. 32, 186
 Суй, династия 28
 Султан-Ахмет, хан 66
 Суркина М.Я. 244
 Сурков А.А. 125, 140, 158
 Сурожский А., митроп. 190
 Сухомлинов В.А. 86
 Сытин Г.Н. 191
 Таймас 42, 43, 47, 48
 Тайшик 43, 44, 45, 48
 Такала И.Р. 231
 Тан, династия 28
 Тарасов Д. 137
 Таргын 37, 41-44, 46-48, 50-52
 Тарле 312
 Тацит Корнелий 392, 398
 Тацюк 149-150
 Тейлор З., ген. 322-325, 330
 Тенгри 46
 Теодорович Л.М. 226
 Теплов Б.М. 294, 312, 317
 Терне А. 283
 Тиллих П. 185, 194, 196
 Тимофеев Б. 190
 Тимошенко С.К. 352
 Тимур 297, 303
 Тимушев А.Е. 237
 Тихомирова А. 362, 366
 Тихон, патриарх 119
 Тозелли 75-76
 Токарев А.И. 345
 Токарев В.А. 125, 411-412
 Токугава 8-12, 15-16
 Токугава Иеясу, сегун 15
 Толстой А. 105-106, 110
 Торнау Ф.Ф. 60-63, 71-72
 Тринкман К.Х. 87
 Трофименко К. 108
 Трофимов В.А. 81
 Трошин А.А. 379
 Тугендхольд Я.А. 194
 Тулзаков С. 27
 Тульцева Л.А. 190
 Туркина А.И. 246
 Тюрен 314
 Тютюкин С.В. 97-98
 Тяпин 121
 Угаки Матомэ, адм. 23, 25
 Удовик В.А. 70
 Уильямс Ш. 395
 Улуныя А.А. 345-346
 Уолкер С. 300, 309
 Утлик Э.П. 5
 Ухач-Огорович Н.А. 177, 185, 188, 190
 У-цзы 34
 Ушакин С. 366
 Уэстбрук А. 26
 Фабианская А. 100
 Фадеев Р.А. 337, 345
 Феденко Н.Ф. 314-315, 317
 Федоров 302
 Федоров В.Г. 187
 Федорова 100
 Федорченко С.З. 97-98, 380, 382
 Феррейн В.К. 381
 Филипп II 305-307
 Филиппова Е.Б. 398
 Филлипсон Г.И. 256
 Фитцпатрик Ш. 281
 Флоренский П. 191
 Флоринский М.Ф. 97
 Фомин В.П. 52
 Фоминных Т.Н. 185, 195
 Фомичев Ф. 222
 Форд Дж. 288
 Фуллер Райт 128

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОУП	— Або-Оландская укрепленная позиция
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
БТР	— бронетранспортер
ВВС	— Военно-воздушные силы
ВВФ	— Военно-воздушный флот
вел. кн.	— великий князь
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	— Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВМС	— Военно-морские силы
ВМФ	— Военно-морской флот
ВС	— Вооруженные Силы
ВС	— «Ворошиловский стрелок»
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ВУК ГШ	— Военно-Ученый комитет Главного штаба
ВЦО	— военно-цензурное отделение
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ген.	— генерал
ГЖУ	— Губернские жандармские управления
ГКО	— Государственный Комитет Оборона
ГПУ	— Главное политическое управление
ГТО	— «Готов к труду и обороне»
ГУГШ	— Главное управление Генерального штаба
ГУЛАГ	— Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
ДП	— Департамент полиции
ЗАГС	— Отдел записи актов гражданского состояния
имп.	— император
КВЖД	— Китайская Восточная железная дорога
КАК	— Кавказская Краснознаменная армия
кн.	— князь
КОВО	— Киевский Особый военный округ
ЛВО	— Ленинградский военный округ
лейт.	— лейтенант
МВД	— Министерство внутренних дел
МВО	— Московский военный округ
МИД	— Министерство иностранных дел
МО РФ	— Министерство обороны Российской Федерации
МСЧМ	— Морские силы Черного моря
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОВПШ	— Окружная военно-политическая школа
ОГПУ	— Объединенное Главное политическое управление
ОДТЧК	— отделение дорожной транспортной ЧК
ОУРЗ	— Отдел учета и распределения заключенных
ОЧО	— оперативно-чеккистский отдел
ПВО	— Противовоздушная оборона
ПВС СССР	— Президиум Верховного Совета СССР
ПВХО	— Противовоздушная и противохимическая оборона
Пг.	— Петроград
ПриВО	— Приволжский военный округ
ПУ РККА	— Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии
РВС	— Революционный военный совет
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия
РККФ	— Рабоче-крестьянский Красный Флот
РОКК	— Российское Общество Красного Креста
РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
САВО	— Средне-Азиатский военный округ
СВ США	— сухопутные войска США

- СибВО – Сибирский военный округ
- СКВО – Северо-Кавказский военный округ
- СМИ – средства массовой информации
- СНК – Совет Народных Комиссаров
- СПб. – Санкт-Петербург
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- США – Соединенные Штаты Америки
- УВО – Украинский военный округ
- УСМК – Управление Сочи-Мацестинского курорта
- ЦВПК – Центральный военно-промышленный комитет
- ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦКБФ – Центральный Комитет Балтийского Флота
- ЧК – Чрезвычайная комиссия

АРХИВЫ И БИБЛИОТЕКИ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
- АВК РК – Архив Военного комиссариата Республики Коми
- Архивный отдел
МО «Прилузский район» РК – Архивный отдел муниципального образования «Прилузский район» Республики Коми
- ВОАНПИ – Вологодский областной архив новейшей политической истории
- ГАКО – Государственный Архив Кировской области
- ГАПО – Государственный архив Пермской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- Коми РГА
ОПДФ – Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований
- НА РК – Национальный архив Республики Коми
- Научный архив
ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской Академии наук
- ОР РГБ – Российская государственная библиотека, отдел рукописей
- ОР РНБ – Российская национальная библиотека, отдел рукописей
- РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА – Российский государственный военный архив
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
- ЦАОДМ – Центральный архив общественных движений г.Москвы
- ЦГАООРБ – Центральный Государственный Архив Общественных Объединений Республики Башкортостан
- ЦГИАРБ – Центральный Государственный Исторический архив Республики Башкортостан
- ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края
- ЦДНИКО – Центр Документации Новейшей Истории Кировской области
- ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области
- ЦХДМО – Центр хранения документов молодежных организаций
- КА – Kansallisarkisto – Национальный архив Финляндии

Агуреев Станислав Александрович – аспирант Исторического факультета Московского городского педагогического университета

Алланиязов Турганбек Каибназарович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Жезказганского университета им. О.А.Байконурова, Республика Казахстан

Асмолов Константин Валерианович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории нового времени Российского государственного гуманитарного университета

Боле Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г.Сыктывкар

Вашуркина Зарина Петровна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Института военной истории Министерства Обороны РФ, полковник

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, зав. Центром по изучению отечественной культуры

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского Научного Центра РАН

Жукова Лекса Вильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории XIX – начала XX в. Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Караяни Александр Григорьевич – доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ, полковник

Кожевин Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета

Козлов Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Купцова Ирина Валентиновна – доктор исторических наук, доцент Института государственного управления социальных исследований Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Лукирский Александр Николаевич – сотрудник Государственного мемориального музея А.В.Суворова, аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Мельтюхов Михаил Иванович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Мишьяр-Белоручев Константин Валерьевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Мионов Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Института истории и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина

Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры христианской истории и антропологии социально-теологического факультета Белгородского государственного университета

Поршнева Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного технического университета, зав. кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин при Уральском государственном университете (г. Екатеринбург)

Рожков Александр Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и маркетинга Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Рыков Сергей Леонидович – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой гендерного образования Современной Гуманитарной Академии

Сяблин Дмитрий Вадимович – кандидат экономических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, первый заместитель председателя Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство»

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, действительный член Академии военных наук, руководитель «круглого стола» «Военно-историческая антропология»

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, руководитель Центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН

Серебрянников Владимир Васильевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зам. руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН, генерал-лейтенант в отставке

Токарев Василий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета

Щеголихина Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург)

Щербинин Павел Петрович – доктор исторических наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина, руководитель Тамбовского центра гендерных исследований

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Психология подготовки к войне: этнокультурные и исторические традиции	
Морально-психологическая подготовка японских воинов-самураев..... <i>А. С. Сенявский</i>	6
Методика формирования морального духа в корейской воинской традиции <i>К. В. Асмолов</i>	28
Боевая подготовка степного воина (По материалам фольклора народов Центральной Азии)	37
<i>Т. К. Алланиязов</i>	
Представления о войне и ее восприятие современниками	
В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в.	53
<i>Д. В. Саблин</i>	
Итало-эфиопская война 1895—1896 гг. глазами русского офицера подпоручика Н. С. Леонтьева и итальянского майора Дживованни Гамерра	73
<i>С. А. Агуреев</i>	
Образ войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914—1918 гг. <i>О. С. Поршинева</i>	82
Художник на фронте (Первая мировая война глазами русской интеллигенции) <i>И. В. Купцова</i>	99
«Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920—30-х годов	111
<i>А. В. Голубев</i>	
Образ будущей войны (Советская антиципация 1939 года)	125
<i>В. А. Токарев</i>	
9 дней боевого пути красноармейца Бунина и его размышления о порядках в армии (1941 год)	142
<i>М. И. Мельтюхов</i>	
Отражение войны в ощущениях, образах и психических состояниях	
Пространство и время в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий	152
<i>Е. С. Сенявская</i>	
Путь на войну. (Проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками русско-японской войны 1904—1905 гг.) <i>Л. В. Жукова</i>	162
Звуки Войны (по материалам фронтовых свидетельств 1914—1918 гг.)	171
<i>С. А. Козлов</i>	
Сновидения, рожденные войной	197
<i>В. Л. Кожевин</i>	
Отношение к войне: социально-психологические и ценностные аспекты	
Ревизия ценностных представлений австро-венгерских фронтовиков периода Первой мировой войны 1914—1918 гг.	213
<i>В. В. Миронов</i>	

Общественные настроения российских военнослужащих в Финляндии весной-летом 1917 г.	220
<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны	233
<i>Е. Н. Боле</i>	
Психология внутриармейских отношений и военного быта	
«Русские» полки в восприятии кавказских войск	249
<i>А. Н. Лукирский</i>	
«Казарма хуже тюрьмы». Жизненный мир красноармейца 1920-х годов	257
<i>А. Ю. Рожков</i>	
«Изломанные бунтари»: проявление индивидуальности американского офицера в XX веке	285
<i>С. Н. Щеголихина</i>	
Психология военно-политического руководства, военного искусства и командования	
Великие воители разных эпох: философское осмысление образа	296
<i>В. В. Серебрянников</i>	
Военно-психологическое искусство Наполеона	310
<i>А. Г. Караяни</i>	
Генерал на войне: Уинфилд Скотт о центрально-мексиканской кампании 1847 г.	318
<i>К. В. Миньяр-Белоручев</i>	
Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны	332
<i>Е. Ю. Сергеев</i>	
Н. Ф. Ватутин и Э. фон Манштейн: два генерала Второй мировой войны	347
<i>В. В. Пенской</i>	
Гендерные проблемы военной антропологии	
Женщины в русской армии в XVIII–XIX вв.	359
<i>П. П. Щербинин</i>	
Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира	367
<i>А. Б. Асташов</i>	
Нужны ли женщины в армии? (Историко-социологический анализ)	383
<i>З. П. Ващурина</i>	
Гендерные аспекты профессиональной самореализации военнослужащих- женщин в условиях войн и военных конфликтов	392
<i>С. Л. Рыков</i>	
Именной указатель	399
Список сокращений	408
Об авторах	410
	413

CONTENTS

Introduction	3
Psychology of Preparation to War: Ethnocultural and Historical Traditions	
Mental, Psychological and Military Training of the Japanese Samurai-Warriors <i>A.S.Senyavsky</i>	6
System of Morale Training in Korean Military Tradition	28
<i>K.V.Asmolov</i>	
Military Training of a Desert Warrior (Based on the Central Asian Folklore)	37
<i>T.K.Allaniyazov</i>	
Images of War and Its Perception by Contemporaries	
In captivity of illusions: Images of the Caucasus and highlanders in the Russian Public opinion in the XIX century	53
<i>D.V.Sablin</i>	
Italo-Abyssinian War of 1895--1896 Viewed by a Russian Second Lieutenant N.S. Leontiev and Italian Major Giovanni Gamerr	73
<i>S.A.Agureev</i>	
Image of War in Mass Conscience of the Russian Society, 1914--1918	82
<i>O.S.Porshneva</i>	
Painter at War (World War One Viewed by the Russian Intelligencia)	99
<i>I.V.Kuptsova</i>	
"If the Whole World Goes to War with Our Republic": War Scare in the Soviet Society in the 1920s and 1930s	111
<i>A.V.Golubev</i>	
Image of a Future War (Soviet Anticipations in 1939)	125
<i>V.A.Tokarev</i>	
Nine days of War of a Red Army Serviceman Bunin and His Ideas on the Military Order (1941)	142
<i>M.I.Meltyukhov</i>	
Reflection of War in Feelings and Mental Conditions	
Space and Time Perceived by a Man at War: Existential Experience of Servicemen ... <i>E.S.Senyavskaya</i>	152
Path to War (Transformation of Perception of Space and Time by the Participants of the Russian-Japanese War of 1904--1905)	162
<i>L.V.Zhukova</i>	
Sounds of War (Based on the War Evidence of 1914--1918)	171
<i>S.A. Kozlov</i>	
Dreams Evoked by the War	197
<i>V.L.Kozhevin</i>	
Approaches to War: Psychological and Value Aspects	
Revision of Values by the Austro-Hungarian Soldiers During the First World War (1914--1918)	213
<i>V.V.Mironov</i>	
Public Mood of the Russian Military in Finland in Spring and Summer 1917	220
<i>E.Yu. Dubrovskaya</i>	
Volunteer Movement During the Great Patriotic War: Motives for Joining the Army by the People in the Rear	233
<i>E.N.Bole</i>	

Military Life and Psychology of Relations in the Military Ranks

"The Russian" Regiments Viewed by the Caucasian Troops	249
<i>A.N.Lukirskiy</i>	
"Barracks Worse Than Prison." The World of the Red Army Servicemen in the 1920s. <i>A.Yu.Rozhkov</i>	257
"Broken Rebels": Identity Demonstrated by the American Officers in the Twentieth Century	285
<i>S.N.Schegolikhina</i>	

Art of War and Psychology of Military and Political Leadership

Great Military Leaders of Various Epochs: Philosophical Reflections	296
<i>V.V.Serebryannikov</i>	
Napoleon's Art of War and Art of Psychology	310
<i>A.G.Karayani</i>	
General at War: Winfield Scott on the Campaign in Central Mexico, 1847	318
<i>C.V.Minyar-Beloruhev</i>	
Geopolitical Concepts of the Russian Military Elite on the Eve of World War One	332
<i>E.Yu.Sergeev</i>	
N.F. Vatutin and E. von Manstein: Two Generals of the Second World War	347
<i>V.V.Penskoi</i>	

Gender Aspects of Military Anthropology

Women in the Russian Army from the XVIII to the XIX centuries	359
<i>P.P.Scherbinin</i>	
Sexual Experience of the Russian Soldier in the First World War and Its Consequences for the War and Peace.....	367
<i>A.B.Astashov</i>	
Are Women Needed in the Army? (Historical and Sociological Analysis)	383
<i>Z.P.Vashurina</i>	
Gender Aspects of Professional Self-Actualization of Servicewomen in Wars and Hostilities	392
<i>S.L.Rykov</i>	
Personal Index	399
List of Abbreviations	408
<i>About the Authors</i>	410

Military and Historical Anthropology. A Yearbook, 2005/2006. Current Issues of Research. – Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. – 416 p.

The book continues a complex problem of research – "a man and the war" within a new field of history – military and historical anthropology. The third issue of the yearbook substantially expands its limits as a subject and involves new aspects.

Historical data from the Ancient World to the present day both in Russia and other countries provide information to cover psychology of preparation to war, image of war and its perception by contemporaries, reflection of war in feelings and mental conditions, approaches to war from psychological and value aspects, military life and psychology of relations in the military ranks, art of war and psychology of military and political leadership, and gender aspects of military anthropology.

The unique historical materials collected in this volume will interest not only specialists, including historians, psychologists, sociologists and military officers, but also a broader audience.

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ЕЖЕГОДНИК, 2005/2006.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Художественное оформление *А.К.Сорокин*

Отпечатано с готового оригинал-макета

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.10.2006
Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 33,54. Тираж 800 экз. Заказ № 1996

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Марийский полиграфическо-издательский комбинат»,
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112